

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. аль-ФАРАБИ

К.М. Байпаков, Ж.К. Таймагамбетов

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

*Учебное пособие для студентов
высших учебных заведений*

Алматы
«Қазақ университеті»
2006

ББК 63. 5 (5каз.)

Б 18

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом исторического факультета
и РИСО КазНУ им. аль-Фараби*

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук **С.Ж. Жолдасбаев**
(зав. кафедрой археологии и этнографии Международного
Казахско-Турецкого университета им. Ходжа Ахмеда Ясави);
доктор исторических наук **А.Н. Марьяшев**
(главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана)

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К.

Б 18 Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов. — Алматы: Қазақ университеті,
2006.— 355 с.
ISBN 9965-30-076-3

Учебное пособие содержит материал по археологии Казахстана от эпохи палеолита до позднего средневековья. Археология Казахстана показана как часть археологии Евразии и характеризует развитие материальной культуры Казахстана в эпоху камня и бронзы, ранних кочевников, кочевников и горожан средневековья.

Б $\frac{0504000000-127}{460(05)-06}$ 150-05

ББК 63.5 (5каз)

ISBN 9965-30-076-3

© Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., 2006
© КазНУ им. аль-Фараби, 2006

От авторов

Независимый Казахстан нуждается в более глубоком и всестороннем анализе своей недавней истории и истории, уходящей в глубь тысячелетий. Важно выявить тот вклад, который внесли в сокровищницу мировой цивилизации народы, населявшие данный регион в древности и средневековье, а также проследить истоки культуры казахской нации, формирование государственности, сложение казахского этноса.

Источниковедческая база данной книги была создана трудом многих исследователей, работой археологических экспедиций и отрядов, проложивших маршруты практически во все районы Республики Казахстан.

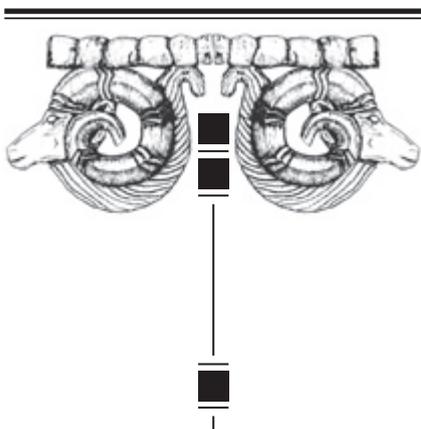
Это учебное пособие не первое в историографии Казахстана: в 1979 г. в издательстве «Мектеп» вышла работа К.А. Акишева и К.М. Байпакова «Вопросы археологии Казахстана», в 1993 г. – учебное пособие К.М. Байпакова, Ж.К. Таймагамбетова, Т. Жумагамбетова «Археология Казахстана».

Новое учебное пособие по археологии как бы продолжает традиции первых. Однако круг использованных материалов, а также рассматриваемых проблем в нем значительно шире. Это и понятно, поскольку за прошедшее десятилетие археологические исследования продолжались и расширялись, проводились стационарные раскопки палеолитических памятников, могильников и поселений эпохи бронзы и раннего железа, средневековых городищ. В это время вышли в свет многочисленные статьи и монографии, посвященные отдельным памятникам археологии.

Следует отметить, что не все важные проблемы казахстанской археологии изучены с должной глубиной и основательностью. Многие вопросы, решения и выводы, основанные на археологических данных, носят дискуссионный характер. Поэтому не все из выдвигаемых в тексте положений являются бесспорными. Об этом следует помнить и потому, что в науке нет истин в последней инстанции.

Книга написана двумя авторами: введение — К.М. Байпаковым и Ж.К. Таймагамбетовым, глава I История археологического изучения Казахстана – К.М. Байпаковым, глава II Памятники Казахстана в эпоху камня – Ж.К. Таймагамбетовым, глава III Памятники Казахстана в эпоху бронзы – К.М. Байпаковым, глава IV Памятники раннего железного века – К.М. Байпаковым, глава V Памятники кочевых племен эпохи средних веков – К.М. Байпаковым, глава VI Средневековые города Казахстана – К.М. Байпаковым, Ж.К. Таймагамбетовым.

Введение

Археология преподается в университетах и педагогических институтах Казахстана. Она давно стала обязательной учебной дисциплиной в системе общего и специального исторического образования. Курс археологии не только дает конкретные знания в области археологии, навыки научного исследования и представления о его процедуре, но и играет значительную роль в формировании у будущего специалиста исторического мышления, гуманистических взглядов. Изучение археологии позволяет понять органическое единство прошлого и настоящего, раскрывает законы исторического процесса, фундаментальные, глубинные проблемы мировой истории и формирует представление о единстве человечества и мировой культуры, изначальных корнях мировой цивилизации.

Создание объективной картины прошлого сейчас становится одним из основных факторов, влияющих на формирование национального единства Республики Казахстан, на становление ее государственности, укрепление ее суверенитета. Поэтому познание истории, в которой заключена судьба народа, развитие его самосознания служат воспитанию в отдельном человеке и обществе в целом качеств гражданственности, патриотизма.

Термин «археология» состоит из двух греческих слов: *архайос* (древний) и *логос* (слово, знание). Впервые ввел в обиход этот термин греческий философ Платон, живший в IV в. до н. э. Под термином «археология» Платон разумел науку о древностях в самом широком смысле слова. Позже, в XVIII в., археологией стали называть историю античного искусства, и только в наше время утвердилось определение археологии как науки, изучающей первобытные, античные и средневековые вещественные источники и восстанавливающей по ним историческое прошлое человеческого общества.

В системе исторических наук, формирующих историческое сознание, важная роль принадлежит археологии —

одной из сравнительно молодых гуманитарных дисциплин: всего 200 лет назад считалось, что история человечества (без ее мифологического периода) охватывает приблизительно 3000 лет. Этот вывод опирался на письменные тексты, которые для большинства людей представляли собой перечни династий и царственных особ, сражений и богословских споров.

Археология произвела переворот в исторической науке. По образному выражению известного английского археолога Г. Чайлда, «она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она же внесла те же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию»¹. Благодаря археологическим открытиям в Африке, возраст человечества удлинился до 4 млн. лет. Весь мир теперь знает о выдающихся цивилизациях, античной Греции и Древнего Рима, культуре Египта эпохи фараонов, городах-государствах междуречья Тигра и Евфрата, искусстве скифов и саков, городах на Великом Шелковом пути.

Особую значимость археология приобретает для стран и народов, письменная история которых (вследствие скудости самих письменных источников или их полного отсутствия для отдельных важнейших периодов) почти или полностью неизвестна. Это в полной мере относится и к истории Казахстана, глубинные сведения которой скрываются в памятниках, оставленных предками. Археологические источники практически неисчерпаемы. Пожалуй, трудно назвать другой регион Евразии, где их так много: Казахстан — это поистине музей под открытым небом, наиболее яркие экспонаты которого покоятся в Приаралье, в древней дельте Сырдарьи, на Мангышлаке, Сары-Арке, Жетысу, Мугоджарах и Прииртыше.

Благодаря стабильным археологическим исследованиям, за последние несколько десятилетий количество археологических источников удваивалось каждые 10—15 лет. Именно вследствие работы археологов стали известны и получили признание яркие открытия в древней и средневековой истории Казахстана, сделанные с тех пор, когда в рамках Академии

наук Казахской ССР был создан вначале отдел, а затем Центр археологии при Институте истории, археологии и этнографии, который в 1991 г. преобразован в самостоятельный Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки РК. За годы существования в Казахстане археологической науки учеными была воспроизведена относительно целостная картина развития древней истории Казахстана, в том числе и истории культуры. Открытия отечественных археологов получили официальное признание, положительную оценку в общесоюзном и мировом масштабе.

Назовем только некоторые, самые важные из них.

В области палеолита были открыты древнейшие стоянки и мастерские и доказано, что территория Казахстана была заселена около 1 млн. лет тому назад. Было выяснено важное значение для развития палеоэкономики племен эпохи бронзы казахстанского металлургического центра и доказано, что территория нынешнего Казахстана была одним из регионов, где протекал процесс трансформации скотоводческо-земледельческих племен в ранних кочевников. Наука значительно продвинулась и в изучении динамики урбанизационных процессов, развития оседлой и городской культуры. Установлено: через территорию Казахстана проходил Великий Шелковый путь, который в наше время считается одним из наиболее значительных достижений мировой цивилизации.

Археологические материалы свидетельствуют о многокомпонентности культуры Казахстана. Взаимодействие и взаимовлияние различных культур были важнейшим фактором в процессах политогенеза, культурогенеза и этногенеза. Во многом благодаря археологическим данным выяснилось, что Западнотюркский, а затем Тюркешский и Карлукский каганаты, а также государства караханидов, огузов, кыпчаков, центры которых находились на территории Казахстана, являются примерами, подтверждающими существование средневековых государственных образований, в культуре которых гармонично слились разноэтнические традиции.

Свидетельством признания казахстанской научной археологической школы является проведение в Алматы ряда всесоюзных и международных конференций, участие казахстанских археологов в разработке международного про-

¹Цит. по: Чайлд Г. В поисках исчезнувших цивилизаций / Пер. А. С. Амальрина, А. М. Монгайта. — М., 1966.

екта ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь: путь диалога культур», совместные научные исследования с археологами Российской Федерации, Франции и США, Италии. Широко известны труды казахстанских ученых. Центром пропаганды достижений археологической науки стал Музей археологии Института археологии, материалы которого с успехом демонстрировались на выставке в США, Японии, Франции, Италии, Германии, Швеции, Финляндии, Кореи, Египте.

Отметим, что важнейшие достижения археологической науки были сделаны, в основном, еще тогда, когда Казахстан являлся одной из республик советского тоталитарного государства, а археология входила в систему общественных исторических наук, призванных служить государственной идеологии. Однако специфика археологического материала, да и отдаленность самих археологических исследований от текущих сиюминутных проблем не повлияли на решение фундаментальных проблем этой науки. К исследовательскому процессу привлекались материалы, и сейчас занимающие важное место в общечеловеческой культуре. Археологии Казахстана удалось остаться верной идеям объективной науки, хотя и не без оглядки на догмы официальной идеологии, в особенности на постулат классовый борьбы как движущей силы исторического развития.

Одной из сторон деятельности ученых-археологов в бытность СССР были крупные полевые археологические экспедиции, организованные в связи с гигантскими государственными проектами по «преобразованию природы», «индустриальному строительству» — гидростанций, каналов, мелиоративных систем. Общеизвестны археологические открытия, связанные, например, со строительством Чардаринской и Шульбинской ГЭС, Капчагайского водохранилища, с освоением целинных и залежных земель, с проведением канала Иртыш — Караганда. Даже раскопки кургана «Иссык», где был обнаружен «Золотой воин», были проведены в ходе строительных работ.

Однако для этого времени приходится констатировать низкий уровень технического обеспечения экспедиций и лабораторий, отставание в уровне извлечения информации из археологических материалов.

Следует отметить и характер большинства научных публикаций, в которых значительное место занимают описания раскопок, публикация источников, а не результаты работы над ними.

Отечественные археологи, по сравнению с их американскими, английскими, немецкими и французскими коллегами, мало работали за рубежом. Интеграция науки стала характерным явлением нашего времени, но она почти не коснулась советской науки, что было прямо связано с закрытостью нашего общества.

Нельзя не отметить и еще одного существенного недостатка археологии. Советские археологи работали по схеме: открыл памятники, провел раскопки, опубликовал полученные материалы. При этом формировалось характерное для тоталитарного идеологизированного общества безразличное отношение к сохранению памятников археологии. В результате в Казахстане пока практически нет музеефицированных памятников.

Сейчас, когда Казахстан стал независимой республикой, археология обрела новый общественный статус внутри нового социума, что открывает возможности для ее дальнейшего развития. Конечно, это происходит не сразу, надо было преодолеть трудности переходного периода, создать соответствующую законодательную базу, обеспечивающую деятельность науки вообще, сформировать кадровый потенциал, решить вопросы финансирования исследований. За годы независимости страна сделала рывок в политическом, экономическом и культурном развитии. Казахстан состоялся как демократическое государство с бурно развивающейся экономикой, социальной сферой, развитием научного и культурного потенциала. Сейчас уже можно говорить о разработке основных направлений, по которым развивается и будет развиваться археологическая наука независимой республики в будущем.

В качестве приоритетных ориентиров в археологических и исторических исследованиях названо положение о принадлежности археологии Казахстана к Евразийской культуре и истории. Подчеркивается непрерывность истории Казахстана, преемственность существовавших на его территории культур. Думается, в связи с этим в качестве концептуальных основ развития археологической науки будут предложены научные направления, приоритеты и практические задачи, сгруппированные в следующие блоки.

1. Изучение археологических культур в эпоху камня, бронзового и железного веков, средневековья; изучение проблем типологии и классификации культуросодержащих отложений, археологического местонахождения

культурных слоев, отдельных комплексов и категорий предметов; выделение локальных культур и их вариантов.

2. Исследование проблем построения хронологических систем, периодизации, относительной и абсолютной хронологии; разработка типологии хронологических банков данных; всеобщая и локальные периодизации: проблемы соотношения переходных этапов.

3. Разработка технического уровня и эволюции древних производств: скотоводства, земледелия и ирригации; изучение ремесел: древней металлургии и горного дела, керамического производства, ткачества; изучение строительного дела на основе анализа остатков организационных форм и адаптивных свойств древних технологий, особенностей их функционирования; изучение строения и классификация функциональных блоков и спецустройств для производства; экспериментально-трассологические исследования.

4. Анализ проблем происхождения человека (антропогенез), этапов развития человеческого общества (социогенез) и (политогенез), формирования племен и народов (этногенез); изучение урбанизации и номадизма, процессов взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций, древнего искусства и архитектуры, мировоззрения и идеологии древних обществ.

5. Изучение проблем палеоэкологии; картографии, топонимики, палеогеографии, палеозоологии и палеоэкологических и археологических реконструкций; вопросов моделирования различных содержательных смысловых характеристик, отраженных в археологических объектах; применения многомерных процедур и методик в моделировании; количественных и аналитических методов реконструкции археологических объектов; экспериментальной реконструкции.

6. Выяснение смысла и роли археологических понятий, построение их систем; семантический анализ; принципы интерпретации результатов; методы анализа: комбинаторные, статистические, нормативные, математического моделирования, формального языка.

7. Учет (паспортизация), реставрация и адаптация, консервация и охрана археологического культурного наследия памятников; теоретические принципы и технология, методологические направления; проблемы сохранения, регенерации археологических памятников; каталогизация фондовых коллекций и информатика; музеификация археологических памятников и археологический туризм.

8. Из приоритетных задач выделены теоретическая разработка на современном уровне науки проблемы влияния Казахстана как социума на процесс исторического развития человечества; определение вклада автохтонных племен и народов региона, который они внесли в эволюцию материальной и духовной цивилизации в Евразии; выявление древнейших корней культуры, искусства и духовности казахского народа, исторические этапы сложения и развития его государственности и консолидации родоплеменных структур в единую общность.

9. Исследуются взаимодействие оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и средневековье на основе археологических данных, письменных и нумизматических источников, в частности, решение вопросов о начальном этапе протогородской цивилизации Казахстана в контактных зонах оседлости и кочевания и об оседании кочевников.

10. Предусматривается исследование городской структуры, строительства и архитектуры, функций города в разрезе ремесла, торговли и денежного обращения, сельского хозяйства, идеологии, демографии, социальных отношений.

11. Археологи примут участие в подготовке написания научной истории тюркских народов, одного из крупных этносов Евразии, игравшего и продолжающего играть важную роль в ее истории. Это обусловлено, в частности, тем, что, хотя достаточно хорошо изучена история казахов, узбеков, туркмен, татар и других народов, общая история тюркских народов до сих пор не написана. Думается, не состоявшаяся попытка в 70-е годы создания в СССР региональной истории народов Средней Азии и Казахстана требует своеобразной компенсации в современной ситуации — научных трудов, учебников. Одним из фундаментальных положений таких изданий должно стать доказательство того, что тюркские этносы — древние, хотя появились на исторической арене относительно поздно — в IV—VI вв. н. э. Существующие археологические материалы позволяют сопоставить их культуру с культурой протюрков Центральной Азии эпохи поздней бронзы, ранних кочевников, в том числе и сакской культурной общности. Не выяснен до конца вопрос об истоках древнетюркской письменности.

12. Проблемой является этническая атрибуция археологических культур, связываемых

с усунями и кангюями конца I в. до н. э. — V в. н. э. Некоторые из племен, входивших в состав государств Усунь и Кангюй, были тюрками. По-новому надо подходить к проблеме «согдийской колонизации Семиречья», видя в ней не только этнический аспект, но и культурный синтез.

Изучение древней истории долгое время было второстепенным по отношению к истории советского периода. Поэтому неудивительно, что именно эта часть истории Казахстана сейчас вызывает исключительно большой интерес у граждан. При определении стратегических и приоритетных задач археологии следует более подробно охарактеризовать имеющиеся в активе науки «заделы», открытия, которые подтверждают правильный выбор направлений исследований и их научную значимость.

В изучении древнейшей истории, прежде всего, предстоит расширить представления об эпохе каменного века. Материалы по палеолиту и неолиту, выявленные казахстанскими археологами, позволяют по-новому рассмотреть ряд вопросов, связанных, в частности, с первоначальным заселением и дальнейшей миграцией первочеловека. Однако здесь все еще остаются спорными вопросы хронологии памятников, их увязка с геологическими отложениями. Комплексные исследования археологов совместно с геологами, палеозоологами позволяют детализировать схему стратиграфии, плейстоценовых и голоценовых отложений, выявить закономерности их формирования и разработать геологическую и археологическую периодизацию культурных горизонтов эпохи камня. Полученный материал позволяет конкретизировать время появления первых людей на территории Казахстана, определить те центры, откуда начиналось заселение и в каких конкретных формах оно протекало, а также выявить закономерности этого процесса. В свою очередь, решение этих задач создает предпосылки для успешного решения глобальных проблем культурной истории каменного века Евразии.

В исторической науке произошел отход от прокрустова ложа пятичленной формационной теории развития общества. Отсюда понятен интерес к периоду переходному — от первобытности к цивилизации, к парадигмам соотношения культуры и цивилизации. Археологи пытаются выяснить, каковы были уровень древнейших цивилизаций Казахстана, начальные этапы формирования этих цивилизаций, динамика их развития. Эти вопросы являются первостепенными при изучении древней и

средневековой археологии Казахстана. И именно в этой области в последние годы достигнуты ощутимые прорывы, которые, конечно, необходимо расширять и развивать.

Установлено, что в IV—III тыс. до н. э. в степной зоне Евразии прогрессировало увлажнение климата. В этих условиях происходили изменения древнего Казахстана: в долинах Ишима, Тобола, Иртыша усиливается оседлость ранее бродячих групп охотников и рыболовов, происходят качественные изменения, проявляющиеся в переходе к производящим формам хозяйства — скотоводству и земледелию. Формируется культура коневодов, известная по раскопкам поселения Ботай на севере Казахстана в лесостепной зоне. Таким образом, было установлено, что Казахстан входил в зону одомашнивания лошади — того важного процесса, который сыграл выдающуюся роль в развитии всей цивилизации Евразии.

Еще в начале 80-х годов были обнаружены памятники протогородской цивилизации в степной зоне. Относятся они к XVIII—XVI вв. до н. э. — это эпоха ранней бронзы. В контексте истории Евразии хронологически открытая протогородская культура выглядит так: это Троя VI в Малой Азии; раннемикенский период материковой Греции; эпоха среднего царства Египта; развитая культура городов-государств междуречья Тигра и Евфрата.

Для открытой археологами цивилизации характерны памятники типа Аркаима и Синташта, Кента. Поселения этого времени прямоугольные, либо круглые в плане, окружены стенами из специального грунта с примесью гипса и глиняных блоков. Стены имеют парапеты, башни, лабиринты входов, рвы и выносные фортификационные сооружения. Внутри расположены жилища знати и рядового населения, ремесленные мастерские. Центральная площадь служила для собраний ритуальных празднеств. Эти поселения, точнее протогорода, имели систему коммуникаций улиц, систему водосборников. Жилища площадью от 150 до 300 кв. м были двухэтажными.

Найдено огромное количество оружия и орудий труда, украшений из бронзы. Кузнецы и металлурги были привилегированным слоем общества, так же как и воины-колесничие, богатые захоронения которых обнаружены в некрополях, находившихся рядом с протогородами. Тут же находились и храмовые комплексы. Обнаружена культовая скульптура мелких форм из камня в виде человеческих фигурок. Видимо,

это изображения божеств, подобные тем, которым молились жители древней Месопотамии в дни ежегодных празднеств. Найдены глиняные «таблеткообразные» таблички с разнообразными знаками. Возможно, это зачатки знаковой системы — письма. Этот факт имеет огромное значение для понимания уровня культуры общества. Зарождение письма связано, как доказано, с началом государственности.

Обитателями в протогородах были земледельческо-скотоводческие общины. Люди занимались земледелием, знали ирригацию, разводили породистый скот. Высокого уровня достигли добыча, плавка и обработка металла — меди и бронзы. Именно металлургия бронзы и лежала в основе экономики этой цивилизации, связанной с истоками государственности.

Следует отметить, что уже в это время начинают складываться основы будущего Шелкового пути, соединившего Запад и Восток.

К эпохе поздней бронзы относится открытая археологами бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана с ее монументальной архитектурой и многочисленными поселениями, где выплавлялась медь. Центральный Казахстан становится одним из крупнейших центров производства меди и бронзы, орудий и оружия из них. Таким образом, дальнейшие исследования в области археологии эпохи бронзы выходят на уровень решения глобальных культурологических и социологических задач.

Уже в эпоху бронзы в Казахстане происходит сложение культуры ранних кочевников, изучение которой остается важной задачей казахстанской археологии. Сейчас выделена и обоснована степная цивилизация с рядом присущих ей признаков: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи в степной и горной зоне, культурно-мировоззренческая общность, которая выражалась в наличии монументальной погребальной архитектуры, идеологии, социальной стратификации общества.

Открытие археологами выдающихся памятников сакской культуры, таких, как курган Иссык, Чиликты, мавзолей Тегискена и Уйгарака, сакских городов Чирик-Рабат и Баланды, позволило совершить прорыв в исторических знаниях. Опираясь на найденные свидетельства письменности, выдающиеся произведения искусства, можно говорить о древних государствах саков, возникших на территории Казахстана в середине I тыс. до н. э.

Таким образом, начало государственности на территории Казахстана отодвигается почти на тысячу лет в глубь истории, и сейчас необходимо судить о нем в контексте с такими древними государствами, как Ахеменидский Иран, Древняя Греция, Ханьский Китай, Бактрия, Хорезм.

Археологическими исследованиями установлено, что в III в. до н. э. — III в. н. э. на территории Казахстана формируются и существуют объединения государственного типа — Усунь в Семиречье и Кангюй — в Южном Казахстане. Население этих государств сочетало скотоводство с земледелием. На территории Кангюя возникают оседлые укрепленные поселения со стационарными жилищами из сырцового кирпича, развивается градостроительство. Открытие сотен поселений и городов на территории, занятой усунями и кангюями, опровергает ранее утвердившееся мнение о кочевом характере этих государств. Оседлость и кочевание, земледелие и скотоводство составляли основу этих государств.

Экономические связи между кочевым и оседлым населением, как установлено, носили самый разносторонний характер — регулярный обмен продуктами животноводства и земледелия, ремесленными изделиями. Так из степи в оазис распространялись достижения в области военного дела, вооружения, конского снаряжения, тогда как из городских центров и оазисов в степь шли предметы роскоши, ткани, благовония, драгоценная утварь. Ряд поселений, расположенных на границах оазисов и степи, специализировался на поставке тех или иных изделий кочевникам.

Убедительно доказано, что взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись зачастую в рамках единой социально-экономической структуры, а скотоводы и оседлые жители составляли базу конкретного политического или этнополитического объединения.

Как показывают археологические памятники, в период раннего средневековья на Сырдарье происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых кангюйских поселений. Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инновации стоящей на более высоком уровне развития городской культуры Согда. Согдийские эталоны, согдийские образцы получают широкое распространение на юге Казахстана и в Семиречье. В известной степени их распространение было связано с

процессом расселения согдийцев на международных торговых путях.

В то же время на развитие культуры городов Средней Азии сильное воздействие оказывала культура тюрков, оседавших в оазисах и городах Средней Азии — в Чаче, Усрушане, Фергане, Тохаристане. Требуется более убедительные доказательства, почему так называемый тюрко-согдийский культурный синтез стал возможным в системе Западнотюркского и Тюркешского каганатов и почему наиболее ярко его процессы прослеживаются в Южном Казахстане и Семиречье.

В период развитого и позднего средневековья процессы взаимодействия скотоводов, оседлого населения и горожан моделируются в тех же закономерных явлениях, которые отмечены и для более ранних периодов истории, — экономические и культурные связи, — в рамках такого политического объединения, как Караханидское государство. Город и степь составляли не два антагонистических мира, а его экономическую базу. Рост городов Центральной Азии в IX — начале XIII вв. во многом был связан с процессом оседания кочевников. Они принесли в городскую культуру много степных элементов, и в целом в это время сформировалась своеобразная городская культура.

Культурные и экономические связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время — при выяснении истории развития Ак-Орды, Могулистана и Казахского ханства.

Позднесредневековые города Отрар, Туркестан, Сайрам, Сауран, Сыгнак и Сузак служили центрами экономических связей кочевников и земледельцев, где осуществлялся культурный обмен и торговля не только горожан Южного Казахстана и кочевников Сарыарки, но и Средней Азии, Поволжья, Восточного Туркестана.

Таким образом, изучение археологических памятников в Казахстане позволяет реконструировать процессы взаимоотношений различных культурных традиций, расширяет базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза и что взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Выявляется роль Шелкового пути — пути диалога культур. Именно он уже с глубокой древности, связывая Запад и Восток, Азию

и Европу, служил основой идеи евразийства. Казахстан, а это хорошо доказывают археологические материалы, был своеобразным мостом и ретранслятором связей культур. Именно в городах Казахстана встречались различные религии, культурные эталоны, этносы, которые создали одну из ярких самобытных городских цивилизаций, традиции которой перешли и в новое время.

Важна роль археологии в изучении культуры городов Казахстана эпохи развитого средневековья — с X до XII вв. как части мусульманской культуры от Каира и Багдада до Семиречья и Восточного Туркестана. Понятие «мусульманский Ренессанс» охватывает и средневековый Казахстан.

Представляются актуальными уточнения исторической терминологии и дефиниции. Думается, что термины «кочевая культура», «кочевая цивилизация», к достижениям которых относят и «мифологию», и «эпос», и «звериный стиль», не совсем удачны. Правильнее говорить о «степной культуре и цивилизации», что подразумевает не только кочевание, но и оседлость, не только скотоводство, но и земледелие, и городскую жизнь.

Номадизм — лишь часть степного хозяйства, жизни и быта. Сейчас известны поселения и города саков, тюрков, казахов, а это заставляет задуматься о конкретике в дефинициях.

Древняя история Казахстана «лежит» в земле. Ее архив — памятники археологии. А это — самый уязвимый «свидетель» и «документ» истории и культуры. Поэтому, характеризуя уровень археологии, необходимо улучшать состояние охраны памятников истории и культуры, в том числе археологии. Одним из первых законов, принятых в 1992 г. парламентом суверенного Казахстана, был закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия». В преамбуле его сказано: «Историко-культурное наследие как важнейшее свидетельство исторической судьбы народа, как основа и неперемненное условие его настоящего и будущего развития, как составная часть всей человеческой цивилизации требует постоянной защиты от всех опасностей. Обеспечение этого в Республике Казахстан является нравственным долгом и определяемой настоящим законом обязанностью для всех юридических и физических лиц».

Но в результате сложения рыночной экономики интенсивного хозяйственного строительства в зонах сооружения электростанций,

магистральных каналов, оросительных систем на осваиваемых землях разрушаются многие десятки памятников прошлого, разбазаривается культурный фонд нации. В условиях современных реалий, безусловно, нужен новый закон и подзаконные акты о сохранении и использовании культурного наследия.

Как известно, многообразие и богатство культурного наследия являются основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы, и стереотип поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада.

Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения. Должным образом раскопанные и музеефицированные, исследованные профессионалами, они зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники еще не изученные представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его нерушимую материальную память.

В XX столетии сложилось такое понятие, как археологическое наследие, и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management) — руководство археологическим наследием.

Исключительное значение приобретает весь блок культурного наследия для современных обществ. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются новые массовые стереотипы, ведущие к своего рода глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности, как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются многие сложившиеся веками культурные традиции, в том числе поведенческие и моральные.

Цивилизованные страны все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствует развитию массового туризма, формированию целой туристской

индустрии, экономически стимулирует внимание к культурному наследию. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации. В мире первым соответствующим законодательным актом считается указ короля Швеции 1666 г., объявляющий все объекты древности собственностью короны. С тех пор базовые юридические разработки по проблемам культурного наследия, в том числе и археологического, превратились чуть ли не в целое направление законотворческой деятельности международной общественности, прежде всего по линии ЮНЕСКО.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступают как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации и нравственного настроя. В этом отношении достаточно показателен пример Дании. Здесь в серии законов об охране археологического наследия особое значение имеет Государственный акт, принятый в 1969 г., четко трактующий вопросы его охраны и финансирования. На этой правовой и финансовой основе в Дании в зоне хозяйственной деятельности ежегодно осуществляется от 400 до 500 охранных раскопок, различных по масштабам, но в равной мере способствующих сохранению и изучению национального достояния страны. Весьма примечательны нравственные установки, утвердившиеся в психологии общества. Древности стали предметом национальной гордости, а необходимость их сбережения вошла интеграционным компонентом в общественный менталитет.

Культурное наследие является предметом пристального внимания в Казахстане.

2003 год стал этапным в развитии культуры: произошло важное событие — в ежегодном послании Президента страны народу в числе неотложных задач, стоящих перед страной, определены задачи изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Следующие 2004—2006 гг. определены временем выполнения Государственной программы «Культурное наследие», которая должна совершить прорыв в изучении, сохранении и использовании историко-культурного наследия.

Понятно, что это только начальный этап постоянной многолетней работы.

Археологические объекты, согласно Программе, предлагаемые для изучения, в том числе и масштабных раскопок, выбирались с учетом их значимости и наличия определенного

задела в предыдущих изысканиях. Это по сути дела эталонные памятники, несущие важную историко-культурную нагрузку и являющиеся знаковыми для генетической памяти народа, и те, которые вошли в список будущих номинантов Всемирного культурного наследия.

Безусловно, исследования по Программе должны вестись и ведутся комплексно, вслед за раскопочными работами и параллельно им должны следовать мероприятия, связанные с подготовкой проекта, затем консервацией и восстановлением раскопанных объектов и их музеефикацией.

Музеефицированные памятники должны быть включены и уже включаются в систему казахстанских государственных и международных туристических маршрутов, стали своеобразными узлами развивающейся туристической инфраструктуры.

Для выполнения Программы были определены следующие концептуальные положения: при выполнении программы необходимо исходить из того, что культурное наследие является важным фактором интегрирующих процессов в стране, компонентом формирования национального и государственного самосознания; воспитывает народ Казахстана в духе любви к своей родной истории, ее культурному наследию. Памятники археологии, архитектуры, древнего искусства должны быть народными святынями, ибо сохраняют духовность нации.

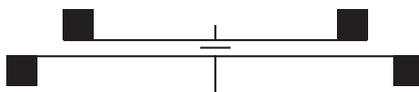
Именно в разрезе этих положений проводятся научные раскопки и исследования; анализируется накопленный материал, вырабатываются рекомендации и программы по их консервации и музеефикации поселения металлургов Аксу, протогорода эпохи бронзы Кента, сакского города Чирик-Рабат, Береля, тюркского святилища Мерке, городов Отрар и Каялык, работы на археологических памятниках Алматы и Шымкента.

Несомненно, одной из главнейших задач Программы является подготовка свода памятников истории и культуры, строгий учет и ревизия историко-культурного наследия. Свод — это фундамент всей работы по изучению и охране памятников. Пока изданы лишь два тома по Шымкентской и Жамбылской областям.

Начаты активные исследования по подготовке томов свода по Алматинской, Кызылординской, Северо-Казахстанской областям.

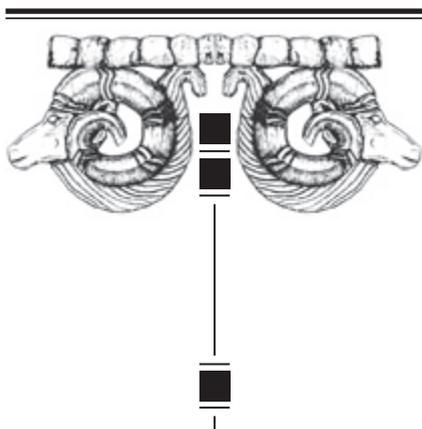
Ведутся работы по уточнению уже подготовленных сводов. Выполнение работ по своду ведется на новом уровне с использованием компьютерных технологий и системы глобального позиционирования.

В целом следует отметить, что археология Казахстана занимала достойное место в мировой науке и есть все основания считать, что в начале XXI столетия она будет развиваться динамично и сохранит свой высокий научный уровень.

глава I

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Первые сведения об археологических памятниках Казахстана принадлежат средневековым китайским, арабским, персидским историкам, географам, путешественникам. В своих трудах они упоминали увиденные ими лично или ставшие известными им по рассказам развалины и постройки, необыкновенные предметы, изображения.

В новое время важную роль в научном изучении археологических памятников Казахстана сыграли указы Петра I, предписывающие бережное отношение к древним раритетам, их описание и сбор, а также предпринятые по его инициативе мероприятия с целью изучения Сибири и прилегающих к России территорий Казахстана. В результате этих действий в 1701 г. появилась «Чертежная книга Сибири», написанная сыном тобольского боярина С. Ремезовым. В ней, наряду с географическими данными, есть сведения об археологических памятниках казахских степей.

Первая академическая экспедиция в Сибирь в 1733 г. была организована под руководством крупного ученого Г.Ф.Миллера. Материалы этой экспедиции содержали интересные данные по археологии Сибири и Казахстана. В составе экспедиции были выдающиеся ученые того времени — профессора Г. Ф. Миллер, И. Гмелин, Л. Делаacroер, геодезисты А. Красильников, А. Иванов, Н. Чекин, М. Ушаков. Позже к ним присоединился И. Фишер — известный историк Сибири. Маршрут экспедиции шел через Тверь, Казань, Екатеринбург. Из Тобольска путешественники отправились через Тару, Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую крепости до Усть-Каменогорска, а оттуда через Барнаул, Кузнецк — в Сибирь. В 1740 г. И. Гмелин посетил Северный Казахстан и дошел до верховьев Яика (Урала). Из трудов И.Гмелина видно, что он собрал значительный материал по археологии Казахстана, дал описание и зарисовки ряда памятников.

Г.Ф. Миллер провел широкую археологическую разведку вдоль Иртыша, организовал раскопки в районах Ямышевской крепости и около Усть-Каменогорска на Ульбе, его сотрудники обмерили и зарисовали древние здания в долине Иртыша: Калбасунскую башню, Семь палат, Аблайкитский замок.

Археологическое изучение Казахстана продолжила вторая академическая экспедиция в 1768—1774 гг., организованная с целью изучения истории, географии и этнографии народов Урала, Поволжья, Казахстана и Сибири. В экспедиции участвовали выдающиеся ученые того времени П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги, П.И. Рычков, Х. Барданес.

П.С. Паллас дал более обстоятельное описание и историко-культурный анализ тех же памятников, о которых писали И. Гмелин и Г. Миллер. И. П. Фальк путешествовал по Северному и Центральному Казахстану. В его архиве хранится значительный материал по исторической топографии, археологии и истории архитектуры Казахстана.

Деятельным участником экспедиции И.П. Фалька был Х. Барданес. Это первый ученый, пересекший Центральный Казахстан от Петропавловска до Аягуза. Он констатировал, что в казахской степи много не так давно разрушенных городов. «При реке Аягуз, — писал он, — видны остатки большого каменного здания, кои киргизцы называют Ксу-Корпеш (Козы-Корпеш)».

Значительный вклад в изучение географии, исторической топографии и археологии Казахстана был сделан П.И. Рычковым. Вопросы археологии нашли отражение в ряде его работ и прежде всего в «Топографии Оренбургской». Он одним из первых дал описание «развалин древних городов и строений», известных под названием «Татагай, Жубан-Ана, Белян-Ана», и научную оценку баянаульских пещер. П.И. Рычкова интересовали древние выработки, добыча и выплавка медной, свинцовой и оловянной руд.

Весьма интересный археологический материал содержится в дневнике капитана Н. П. Рычкова, путешествовавшего в 1771 г. по Тургайским и Ишимским степям. Н.П. Рычков описывает памятники Улутауского и Атбасарского районов, упоминает об огромных валах на р. Ишиме.

Он был поражен видом курганов в долине р. Кара-Тургай. Он писал: «...Огромное кладбище древних народов осыпано просто землей

и поднято в высоту более 15, окружение же оного 135 сажень». Н.П. Рычков недоумевал, каким способом были сооружены эти насыпи, и восхищался: «Какое великое число народа должно быть созидателями сей громады». Он правильно датировал эти курганы, считая, что они воздвигнуты «в честь какого-нибудь скифского царя или героя». В верховьях р. Тургай и в районе гор Арганаты Н.П. Рычков открыл другие типы памятников, в том числе старинное городище и развалины древних строений. По его описанию, городище — это укрепление, окруженное валами и рвом. Оно сооружено «наподобие четырехугольного замка... С восточной стороны видимы поныне земляные ворота», открывающие ход внутрь укрепления. Оплывшие валы и рвы, прежней глубины своей лишенные, свидетельствуют о древности сего места. На поверхности городища всюду валялись черепицы и камни».

С конца XVIII в. путешественники чаще стали посещать Центральный Казахстан. Известны маршруты капитана И.Г. Андреева, горных чиновников М. Поспелова и Т.С. Бурнашева (1800), Ф. Назарова (1813), Н.И. Потанина (1829) и др. В своих записках они в той или иной степени затрагивали вопросы археологии Казахстана. В трудах капитана И.Г. Андреева, помимо сведений по этнографии, географии, истории Казахстана, содержится значительный материал по археологии и исторической топографии Семипалатинского, Чингизского и Каркаралинского районов, включая Семиречье.

В 1800 г. от Ямышевской крепости в Ташкент через Каркаралинские, Сарысуйские степи и низовья Чу прошли горные чиновники М. Поспелов и Н. Бурнашев. «Во многих местах Кайсацкой степи, — сообщали они, — особливо около речки Нуры, находят курганы древних народов... По уверению кайсаков, в некоторых из них находятся и металлические вещи». Другим видом памятников, которые они описали, являются «большие гранитные камни [изваяния], врытые в землю, с грубыми изображениями человеческого лица — мужчины и женщины».

Некоторые данные по археологии Тургайской степи и северного Приаралья содержатся в наблюдениях Гавердовского, записанных им во время его поездки в Бухарское ханство (1803—1804).

Об археологических комплексах Центрального Казахстана сообщает и Ф. Назаров

— переводчик Отдельного сибирского корпуса, сопровождавший кокандских посланников. Он охарактеризовал памятники гор Каратау, описал город Чимкент.

Большой интерес представляют также наблюдения Н. И. Потанина, проехавшего от Семипалатинска до Сузака через Каркаралинские степи и Восточную Бетпақдалу. В районе Кокчетавских, Темирчинских и Кзыл-Арайских гор он осмотрел каменные изваяния, чуждые могилы, или памятники эпохи бронзы, в том числе циклопические каменные ограды типа Бегазы.

В первой половине XIX в., в связи с образованием новых административных округов, возрос интерес к древностям окраин России, в частности Центрального Казахстана. Этими вопросами занялись в основном офицеры и чиновники, такие, как С.Б. Броневский, Л.Н. Герн, В. Старков, М. Красовский и др. Археологическое изучение Казахстана и Алтая было тесно связано с геологическими исследованиями этих районов. В работах горных инженеров и геологов Б. Ф. Германа, И.П. Шангина, Г. Розе, В. Ледебура, А. Гумбольдта можно найти большой материал по археологии Центрального Казахстана. Геологов интересовали древние рудники, отвалы медных и свинцовых выработок, каменоломни, пещеры, наскальные рисунки, древние оросительные системы.

Интерес представляют описания горным инженером И.П. Шангиным памятников Центрального Казахстана, где он видел большое количество разновременных археологических памятников.

Большое количество памятников эпохи бронзы И.П. Шангин обнаружил в нынешней Кокчетавской области, в горах Байкошкар. В горах Имантау он нашел «обширные чуждые копи, произведенные в глинисто-сланцевой невысокой горе... Огромные отвалы, вмещающие множество различных видов медных и серебряных руд, свидетельствуют, что рудник сей составлял богатый источник промышленности трудившихся над разработкою его».

И.П. Шангин описывает крепостные сооружения и поселения, расположенные в бассейне р. Ишима. На р. Аккайрак, впадающей в Ишим, он видел остатки шести древних укреплений.

На р. Нуре он отметил «ряд древних архитектурных сооружений, в частности Ботакай [Ботагай] — развалины древнего города».

Одним из собирателей восточных древностей был Г.И. Спасский.

Им опубликовано много интересных статей по археологии Сибири и Казахстана, в которых высказано мнение о культуре степных племен, типах памятников, дана их классификация.

Итогом многолетней работы Г.И. Спасского является его труд «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей», в котором он изложил свою точку зрения о происхождении культуры степных племен и дал определение типов памятников: каменные изваяния и надписи на камнях. Одна из глав его известного труда, посвященная разбору древних надписей, обнаруженных на территории Казахстана и Сибири. В ней поднимался вопрос и об охране археологических памятников, надписей, наскальных рисунков, каменных изваяний и других древностей.

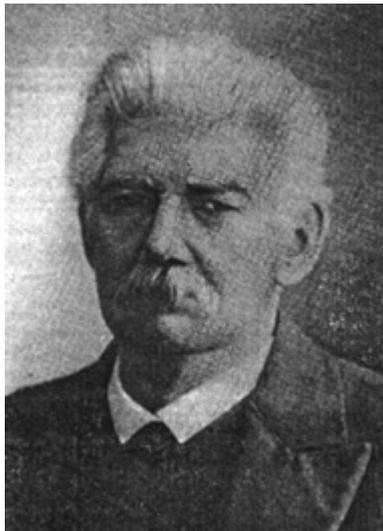
Г.И. Спасский открыл немало орхонских и уйгурских надписей, девять из них в пещере на Иртыше, в 12 км от Бухтарминской крепости и около Зырянского рудника. О некоторых рунических надписях ему сообщали корреспонденты. Часть надписей для расшифровки он отправил к востоковеду Абелью Ремюзе. Об орхонском письме, найденном на Иртыше, Абель Ремюза говорил, что по начертанию оно сходно с северными рунами и, без сомнения, было в употреблении у того народа, который у китайцев известен «под именем усунь и который за 100 лет до Р. Х. обитал на землях, лежащих к западу от Иртыша и оз. Зайсан».

В трудах другого востоковеда-археолога П.С. Савельева можно найти ряд интересных положений. По его замечанию, «Мангышлак когда-то был важным пунктом между Хорезмом и Итилем. На Мангышлаке сохранились развалины каменных укреплений, зданий и могильных памятников». П.С. Савельев занимался расшифровкой надписей и родовых тамг, относящихся к XII—XIII вв.

Ценный материал по историческим памятникам Центрального Казахстана был собран экспедицией академика А.И. Шренка, проводившего географические, ботанические и топографические исследования в 1840—1843 гг.

Много сведений по археологии Казахстана сохранили записки С.Б. Броневского. Особое внимание он обращал на исторические памятники Каркаралинского и Аягузского округов.

С.Б. Броневский осмотрел знаменитый Кзылкенский замок и дал его обстоятельное описание. Это было двухэтажное здание, имеющее в плане крестообразную форму, сложенное

*В.В. РАДЛОВ
(1837–1918)*

*В.В. БАРТОЛЬД
(1869–1930)*

из дикого камня на известковом растворе. Стены его были оштукатурены, на верхнем этаже находились обходная галерея и фронтоны, поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами. С.Б. Броневский нашел следы красной краски, которой была окрашена деревянная часть здания, в том числе колонны.

К середине XIX в., таким образом, был собран значительный материал, в основном по Центральному, Северному и Восточному Казахстану.

Для этого времени можно констатировать факт первичного накопления сведений, зачастую случайных, полученных не в результате целенаправленных исследований, а большей частью попутно. Некоторые исследователи раскапывали курганы, но отсутствовавшая тогда методика раскопок сводила основную задачу раскопок к поискам вещей. Однако наличие факты регистрации памятников, их картирования, фиксации. Многие из того, что было сделано тогда, не утратило своей значимости и сегодня. Этот этап в развитии археологии Казахстана можно охарактеризовать как начальный.

Со второй половины XIX в. древности казахской степи привлекают внимание императорской Археологической комиссии, Исторического музея, Московского археологического общества и других центральных научных учреждений России. В связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сырдарьинской (Туркестанской) и Семиреченской областей резко усиливается интерес к новому краю, в том числе к его прошлому.

Большой вклад в изучение археологических древностей Казахстана внес Ч.Ч. Валиханов. Он охарактеризовал средневековое городище Чингильды, городище на реке Чилик, упомянул о Талгарском городище. Ч.Ч. Валиханов был увлечен исследованиями археологических памятников Семиречья и собирался написать специальную работу на эту тему. Его точка зрения на исторические памятники Казахстана изложена в работах «Географический очерк Заилийского края», «Дневник поездки на Иссык-Куль» и «Очерки Джунгарии». В них он стремился определить главнейшие типы памятников. По его мнению, в Центральном Казахстане имеются такие комплексы памятников, как старые рудники, ныне брошенные (около Джезды-Кенгира); покинутые пашни (в урочище Тюндюгюр); ограды, составленные из вертикально врытых плит; каменные изваяния; большие курганы; архитектурные постройки раннего средневековья.

Из памятников Семиречья большое значение Ч.Ч. Валиханов придавал остаткам древних городских поселений, отмечал их историко-культурное значение, фиксировал находки гончарных водопроводных труб, монет.

С 1862 г. археологические работы в Казахстане проводит В.В. Радлов, с именем которого связаны первые проведенные на научной основе раскопки. В. В. Радлов предложил классификацию и периодизацию памятников древностей Северо-Восточного Казахстана и Сибири. Историю культуры этих районов он делил на периоды: медный и бронзовый век, древнейший железный век, новейший железный век и раннее средневековье. Именно В.В. Радлову принадлежат открытия и раскопки курганов с вечной мерзлотой на Алтае, в том числе и курганов могильника Берель, публикации ярких материалов, сохранившихся в мерзлоте, именно его работы стимулировали проведение раскопок «мороженных курганов» Алтая. Труды этого ученого явились большим шагом вперед в развитии археологии Казахстана.

В 1867 г. по поручению Императорской археологической комиссии известный русский востоковед П.И. Лерх исследовал Туркестанский край. Он осмотрел развалины сырдарьинских городов Саурана, Сыгнака, побывал на ряде городищ Таласской долины, произвел раскопки на городище Джанкент. Кроме регистрации и тщательного описания средневековых городищ, П.И. Лерх сделал выборку письменных известий о них, дал анализ и комментарий к этим извлечениям. Сопоставив сведения письменных источников со своими археологическими находками, он же отождествил некоторые развалины с конкретными историческими городами.

Событием, сыгравшим поворотную роль в развитии археологии, стала командировка в этот регион В.В. Бартольда в 1893—1894 гг. Им были осмотрены памятники Чуйской и Таласской долин, Иссык-Кульской котловины и долины реки Или. Его «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью» до сих пор остается образцом историко-археологического исследования. Опираясь на многочисленные письменные источники, исследователь дал локализацию городов, отождествив их с конкретными обследованными им памятниками. Он отметил древние истоки городской культуры в районе города Верного. Последующие работы В.В. Бартольда приоткрыли завесу над прошлым народов Средней Азии и Казахстана. Его

фундаментальные изыскания стали основой многих последующих исследований в области изучения исторической топографии городов, их локализации, роли в исторических событиях древности и средневековья, истории возникновения и развития самих городов в свете тюрко-согдийских взаимодействий. С именем В.В. Бартольда связана организация Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте в 1895 г., объединившего представителей местной интеллигенции, военных, чиновников, интересующихся прошлым края, его историей, памятниками архитектуры и искусства.

Предметами обсуждения на заседаниях кружка были вопросы, связанные с конкретными археологическими памятниками: развалины поселений и городов, могильники, наскальные рисунки, надписи, мазары, эпиграфические и нумизматические материалы, каменные бабы, вопросы древнего орошения. Членами кружка были проведены раскопки памятников. Результаты деятельности кружка публиковались в специальном издании в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА), «Протоколах заседаний и сообщений».

На территории Казахстана членами кружка А. Кларе и А. Черкасовым проведены раскопки на городище Отрар. Ими были заложены траншеи, доведенные до глубины 2-х метров, собраны коллекции керамики, монет XVI—XVIII вв. Основные выводы их отчета сделаны на основе письменных источников и археологических материалов. Среди активных членов кружка, посвятивших себя изучению древностей Казахстана, нужно отметить В.А. Каллаура, Н.Н. Пантусова, Н.П. Остроумова, А.А. Диваева, И.В. Аничкова, А.А. Семенова.

Николай Николаевич Пантусов получил востоковедное образование в Петербурге, окончив факультет восточных языков Петербургского университета. За сочинение о географической литературе арабов «С обозначением, как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения» он был награжден золотой медалью.

Н.Н. Пантусов принадлежал к числу «подававших со студенческой скамьи большие надежды». Но, несмотря на предложение остаться в университете для подготовки к профессорскому званию, он принял приглашение на службу в Туркестанском крае.

В сентябре 1872 г. Н. Н. Пантусов был определен в распоряжение Туркестанского генерал-

губернатора и был назначен чиновником по особым поручениям при военном генерал-губернаторе Семиреченской области. Эту должность он занимал до 1908 г.

Свою служебную деятельность Н.Н. Пантусов совмещал с изучением истории и археологии, нумизматики, этнографии, лингвистики. Н.Н. Пантусов являлся уполномоченным Императорской археологической комиссии и активным членом Туркестанского кружка любителей археологии.

В археологии имя Н.Н. Пантусова особенно широко известно в связи с открытием и изучением в Семиречье христианских несторианских кладбищ с каменными надгробиями и надписями на них.

Будучи чиновником при военном губернаторе Семиреченской области, Н.Н. Пантусов совершал многочисленные поездки.

Так, во время поездки в Алтын-Эмельскую волость исследователь отметил «значительное обилие памятников старины», сохранившихся в виде «курганов, надписей и рисунков на камнях», записал легендарные сведения о рве, тянувшемся от Алтын-Эмельских гор к горам Асан, объяснил происхождение названия гор и волости — Алтын-Эмель («Золотое седло»).

Им было тщательно обследовано ущелье Теректы и берега реки Коксу, выявлены, описаны и сделаны фотоснимки множества наскальных изображений: архаров, лошадей, охотников с собаками. Н.Н. Пантусовым в одной из поездок были осмотрены развалины Таш-Рабата, по его мнению, «задуманной строителем в широких размерах, но недостроенной мечети», сделаны подробное описание и топографический план.

По поручению Археологической комиссии Н.Н. Пантусов в 1889 г. проводит раскопки трех курганов: двух из них на правом берегу р. Весновки, а одного между реками Карасу и Большой Алматинкой. В 1890 г. в целях проверки сведений, полученных от военного инженера П.С. Нечогина, он раскапывает несколько курганов в урочище Кзылагаш (к северо-западу от г. Капала) и осматривает наскальные рисунки на вершинах гор Байкулак и в ущелье Карыпче.

Особой заслугой Н.Н. Пантусова является его усилия, связанные с охраной памятников археологии.

Неутомимым исследователем древностей был крупный чиновник В.А. Каллаур. Уже с первых лет деятельности Туркестанского кружка

любителей археологии В.А. Каллаур становится его постоянным членом, ежегодно публикуя много новых и интересных сведений о Таласской долине и районах Сырдарьи.

В.А. Каллаур собирал материалы по исторической топографии и топонимике, сопоставлял названия и места расположения памятников с их названиями и местоположением в работах древних авторов. Эти сведения он опубликовал в статьях «Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата к границе Чимкентского уезда».

К ней была приложена карта, на которой наряду с тогдашними наименованиями местностей и населенных пунктов, были даны их предполагаемые древние названия. Для этой работы он использовал древние арабские дорожники, изданные Н.Ф. Петровским.

В 1900-1901 гг. В.А. Каллаур собрал и нанес на карту развалины древних городов, крепостей и курганов, находившихся в Сауранской и Приречной волостях Перовского уезда, и впервые, по мнению В. В. Бартольда, правильно определил местоположение городов Ашнаса и Сыгнака.

Много внимания уделял В.А. Каллаур памятникам архитектуры. Совместно с И.В. Аничковым он описал колонну из селения Бесагаш. Им охарактеризованы мазары Аулие-Ата Карахана, Ак-Кесене и Кок-Кесене, Сырлы-там, Манаса. В.А. Каллаур обратил внимание исследователей на мазар Айша-биби, дополнил сведения о памятнике записью народной легенды.

В ноябре 1896 г. он сделал одно из важнейших для науки открытий: обнаружил в верховьях р. Талас камни с орхонскими надписями.

Наряду с осмотром остатков древних городов и поселений, В.А. Каллаур фиксировал остатки древних оросительных сооружений, в частности арыка Калмак в низовьях р. Талас, оросительной системы около развалин «Кутликента, Майрама, Аккурмана» на левом берегу р. Сырдарьи, плотины на р. Коктал.

Членом Туркестанского кружка Н.П. Остроумовым были обследованы место находки клада монет около пос. Мамаевки, надгробный памятник в пос. Балыкчи, проведены раскопки курганов в могильнике около городища Жувантобе, городища Таяк-Салды и Альванкенд.

А.А. Диваев, занимаясь в основном изучением фольклора, уделял внимание и памятникам археологии. Им опубликованы статьи о мазарах Кок-Кесене и Хорхут-ата.

Интересные сведения об археологических памятниках сообщали и другие члены кружка: И. Т. Пославский об орудиях каменного века в горах Каратау и каменных бабах в верховьях р. Ушкарасу, Н.В. Руднев об остатках городов и поселений по левобережью р. Сырдарьи, В.П. Лаврентьев о памятниках в окрестностях Аулие-Ата; В.П. Панков о пещерах и курганах в Таласской долине.

Исследования памятников древности Северо-Восточного, Восточного и отчасти Центрального Казахстана проведено Западно-Сибирским отделом Русского географического общества, любителями-краеведами Семипалатинска, а также сотрудниками организованного в 1883 г. Семипалатинского музея.

При активном участии Е.П. Михаэлиса при музее был открыт археологический отдел, созданный первоначально на основе переданных в дар музею его личных коллекций. Среди тех, кто постоянно пополнял коллекции музея, необходимо отметить Ф.И. Альбрехта, В.Г. Герасимова, В.К. Галимонта, М.С. Сухотерина.

Западно-Сибирским отделом организовывались специальные поездки для сбора сведений о древностях, для проведения раскопок. Большими энтузиастами в этом деле были Н. Коншин, В. Никитин, А.В. Андрианов, Б. Каменский, А. Белослюдов, Ф. Педашенко, В. Словцов.

Так, например, Н. Коншиным был составлен перечень археологических памятников Семипалатинской области в районе между городами Павлодаром и Каркаралинском. В.Никитин сообщал о курганных могильниках, наскальных изображениях, каменных бабах и других древностях Каркаралинского уезда. Им же был написан один из первых очерков по истории Семипалатинской области, в котором использовались и археологические материалы.

Около тридцати лет неутомимым исследователем Восточной, а затем Западной Сибири являлся А. В. Андрианов. Параллельно с регистрацией и подробным описанием памятников он производил раскопки. Все встреченные им памятники описаны и систематизированы по определенным группам: курганы, кольцеобразные выкладки, фигурные выкладки, писаницы, каменные бабы, древние выработки.

В 1903 г. Ф.Н. Педашенко собрал интересную коллекцию вещей в окрестностях г. Семипалатинска, в том числе 72 предмета из камня, 54 из бронзы, 8 из железа, большое количество обломков глиняной посуды.

В 1904 г. по поручению Семипалатинского подотдела Географического общества Н. Коншин и А.Л. Зуев совершили несколько поездок в окрестности г. Семипалатинска в 1909—1910 гг.; Г. И. Бокий осмотрел древности Чиликтинской долины.

В 1910 г. В.Н. Каменским совместно с А. Белослюдовым и В. Пилетичем была проведена на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии экспедиция для раскопок курганов в Семипалатинской области, в ней приняли участие студенты горного института Г.Бокий и Н. Бобков. Раскопки памятников производились в разных пунктах: В.Каменский исследовал курганы в урочище Малый Койтас, на реках Кзылсу и Караозек, близ пос. Караджал; Н. Бобков — в урочище Эйгенбулак, Ашутасбулак и Базарка; а В.Пилетич — около оз. Маркаколь и на р. Курчум.

В 1911 г. В.А. Обручев совместно с Н.Н. Павловым обследовал места древних выработок на золото в Калбинском хребте.

В начале XX в. в изучение археологических памятников активно включается Оренбургская архивная комиссия. Членами ее проводится большая работа по учёту и охране памятников. С этой целью рассылаются специально составленные анкеты по сбору сведений. Это существенно пополнило список учтенных памятников. При Комиссии существовал музей, на базе которого впоследствии был создан Центральный музей Казахстана.

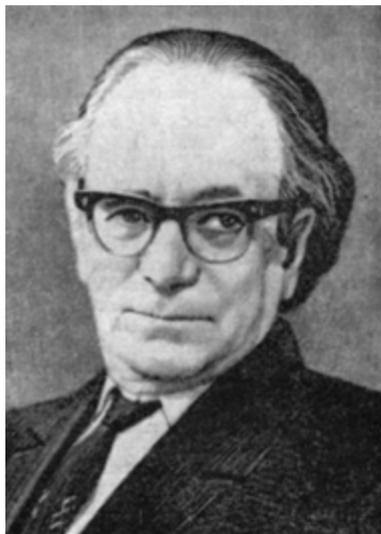
Особо среди членов Архивной комиссии следует отметить И.А. Кастанье. В 1904 г. он раскопал 6 курганов в бассейне р. Жаксы-Каргалы (в 45 км от г. Актюбинска), в 1909 г. — один курган, а в 1911 г. — два в Актюбинском уезде и дал подробное описание хода раскопок и материала, обнаруженного в курганах. И.А.Кастанье осмотрел и изучил большое количество могильников, архитектурных сооружений, остатков поселений.

Одновременно И.А. Кастанье проводил и составлял подробный перечень и классификацию всех известных до 1910 г. археологических памятников Казахстана. В его труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» подводится итог изучению древностей Казахстана, который не потерял своего значения и в наше время.

Из других исследователей Северо-Западного и Западного Казахстана следует назвать А.Л. Аниховского, проводившего раскопки в Тургайском и Актюбинском уездах; И.В. Анич-

М.Е. Массон
(1897–)

М.П. Грязнов
(1902–1984)

С.С. Черников
(1909–1976)

кова, систематически сообщавшего о случайных находках.

Работа обществ проходила в тесном контакте с деятельностью Центрального археологического учреждения России — Археологической комиссии, которая выдавала открытые листы на право проведения археологических раскопок, а затем публиковала итоги работ в своих отчетах. От имени Комиссии раскопки производили в 1894 г. В. Селиванов около г. Кокчетавы и Атбасара; в 1898 г. — Г. Васильев у с. Б. Владимировки в Павлодарской области, в 1905 г. — Н. Козырев в Акмолинской области, в 1911 г. — Ю.П. Аргентовский близ г. Петропавловска, в 1914 г. — Н.Я. Бортвин в 8 км к юго-западу от г. Петропавловска. Систематически публиковались сведения о случайных находках, а в приложениях к известиям Археологической комиссии — сообщения о заседаниях обществ с аннотацией заслушанных докладов и выдержки из местных газет с информацией об археологии Казахстана.

В целом выделяется *первый период развития археологии в Казахстане, который охватывает время с середины XIX в. до 1917 г.*

После революции 1917 г. археологические исследования были продолжены, но уже на государственной основе. В 1919 г. в Санкт-Петербурге была создана Академия истории материальной культуры, а в 1920 г. в Ташкенте — Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы

(Туркомстарис). Ближайшей задачей комитета, по предложению В.В. Бартольда, стало составление археологической карты Туркестана. Таким образом, было положено начало учету, изучению, сохранению памятников древности.

Среди работ первых послереволюционных лет привлекают интерес исследования П.П. Иванова и М.Е. Массона в Сайраме и В.Д. Городецкого в Семиречье и на юге Казахстана, в Таласской долине. Открытие и раскопки в Западном Казахстане могильников Киргильда I и Киргильда II, Урал-Сай, Кунанбайсай, произведенные в 1926 г. М.П. Грязновым, дали богатый материал и изменили утвердившееся мнение, что андроновская культура характерна лишь для Западной Сибири.

В 30-е годы ряд крупных экспедиций охватил своими исследованиями многие регионы республики.

Работы проводились на территории Павлодарской области. Так, П. Дравертом был осмотрен грот с писаницами около оз. Джасыбай, в 7 км к северо-западу от с. Баян-Аул. На восточном берегу озера он собрал коллекцию нуклеусов, ножевидных пластинок, наконечников стрел, скребков, кусков шлака и медных предметов. Аналогичный материал он обнаружил на оз. Сабунды, а в 5 км к юго-востоку от с. Баян-Аул отметил большую курганную группу.

В 1930 г. археологические исследования в северных областях Казахстана проводил Б.Н. Граков. В Актюбинской области им было

выявлено и занесено на карту более 500 памятников, большинство из них относилось к эпохе бронзы.

Собирательскую и регистрационную работу в Акмолинской области возглавил Л.Ф. Семенов.

Научную ценность имеют работы 1930—1936 гг. О.А. Кривцовой-Граковой в Кустанайской области по раскопкам поселения, могильника и жертвенного места эпохи бронзы у пос. Алексеевского. В отличие от своих предшественников О.А. Кривцова-Гракова производила раскопки отдельного комплекса одновременных памятников, изучение которого имело особо важное значение для решения вопросов хозяйства, быта, материальной и духовной культуры племен, живших здесь.

В 1932—1933 гг. работами экспедиции Государственной Академии Материальной культуры (Ленинграда) под руководством П.С. Рыкова были начаты исследования древностей Центрального Казахстана. Участниками экспедиции — М.П. Грязновым, М.И. Артамоновым и другими — были открыты и обследованы поселения и могильники эпохи бронзы, курганы скифского времени, могильные сооружения XVII—XIX вв.

Вклад в изучение памятников Центрального Казахстана внесла естественноисторическая Бетпақдалинская экспедиция, руководимая В.А. Селевиным (1935 г.), которая в безводной степи зафиксировала ряд точек с находками кремневых и металлических орудий, обломков глиняных сосудов и осмотрела встреченные архитектурные сооружения — мазары.

В 1935 году экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством С.С. Черникова в течение 1937—1938 гг. обследовала древние рудные разработки на медь, олово и золото в Восточном Казахстане. Удалось установить типы древних выработок, технику проходки их, формы и типы орудий, применявшихся при добыче и обработке руды. Большая часть обследованных древних выработок была датирована эпохой бронзы. С целью изучения района, прилегающего к г. Степняку, С.С. Черников в 1938 г. совершил рекогносцировочную поездку, в результате которой открыл и обследовал ряд поселений эпохи бронзы, собрал подъемный материал с древних разработок на золото, позволивший датировать последние I тысячелетием до н.э.

В 1938 г. С.В. Киселев проводит археологическое изучение местности Бесоба, Жанааула в Карагандинской области. В результате этих ра-

бот было обнаружено большое количество археологических памятников: колец с земляными насыпями, курганов с каменными насыпями, курганов с «усами» и выкладок из камней. Были произведены раскопки могильника Бесоба, давшие материал эпохи бронзы.

Важную роль в изучении древних памятников Сары-Арки и особенно древнего горного дела и медеплавильного производства сыграл К.И. Сатпаев.

Этот этап развития археологии Казахстана связан с крупномасштабными работами Семиреченской археологической экспедиции, возглавляемой А.Н. Бернштамом. За четыре предвоенных полевых сезона экспедиция провела широкую разведку в сочетании с шурфовкой и стационарными раскопками на ряде наиболее интересных в историко-археологическом отношении городищ. Значительные по объему раскопочные работы велись на городище средневекового Тараза и памятниках его округа. В результате была предложена периодизация археологического материала, намечены основные этапы развития города, определены пути сложения его культуры. Для археологии Казахстана это был первый опыт комплексного историко-археологического изучения средневекового города.

Интенсивно обследовалась Чуйская долина в районах, где проходила трасса строящегося тогда Большого Чуйского канала.

Разработанные на основе археологических материалов классификация и периодизация археологических памятников Семиречья выдержали испытание временем, хотя и подверглись ряду дополнений и уточнений.

В 1939 г. началось изучение средневековых памятников Илийской долины. Наряду с их фиксацией, экспедиция провела шурфовку городищ Талгар и Дунгене. Эти исследования явились отправной точкой дальнейшего изучения средневековой культуры северо-восточного Семиречья. В статье, посвященной итогам работ экспедиции, А.Н. Бернштам высказал ряд положений о путях развития здесь оседло-земледельческой культуры. Целевые установки на изучение древней и средневековой археологии Семиречья дали возможность экспедиции в сжатые сроки проделать большой объем разведывательных и раскопочных работ.

Систематизация новых материалов позволила обоснованно решать вопросы исторической географии средневековых городов, культурных взаимоотношений согдийцев и тюрков,

А.Н. Бернштам
(1910—1956)

А.Х. Маргулан
(1904—1985)

Е.И. Агеева
(годы жизни)

генезиса города. Так, открытие новых памятников, их более точная датировка позволили А.Н. Бернштаму убедительно отождествить ряд городов и городищ.

В эти же годы оживляется деятельность научных учреждений Казахстана. Регистрацию памятников, учет случайных находок и небольшие раскопки осуществляет Центральный музей Казахстана. В печати появляются статьи М. Танышпаева о городище на р. Коксу и о памятниках Семиречья и баканасских городищах, В.Д. Городецкого о поселении Талгар.

В целях охраны памятников Южного Казахстана в 1938 г. в г. Джамбуле организуется во главе с Г.И. Пацевичем Археологический пункт, который более 10 лет регистрировал древности, руководил раскопками и сбором случайных находок на территории древнего города Тараза и его окрестностей. Пунктом были организованы экспедиции в южные районы Джамбулской области и в район среднего течения р. Чу, которые обследовали и нанесли на карту памятники материальной культуры, расположенные вдоль караванного пути от средневекового Тараза (г. Джамбул) до Испиджаба (с. Сайрам), т.е. развалины городов, крепостей, поселений и курганные могильники. Кроме того, ими были разведаны предгорья северного склона гор Уш-Булактау, Койке-Бильтау и горы Джебаглы.

Период начала 20-х начала 40-х гг. можно считать вторым периодом в развитии Казахстанской археологии.

С учреждением в 1946 г. Академии наук в Казахстане большинство археологических работ в республике стал проводить Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Центр археологических исследований с этого времени переносится в Алма-Ату, формируется отдел археологии, первым руководителем которого стал А.Х. Маргулан. В отдел археологии были приняты и включились в активную работу Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, Т.Н. Сенигова, А.Г. Максимова, а позднее К.А. Акишев, Г.В. Кушаев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев. В целом 1946 г. стал началом третьего, качественного нового этапа в развитии археологии Казахстана.

Первой созданной отделом археологической экспедицией была Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ), возглавленная А.Х. Маргуланом. До настоящего времени ЦКАЭ ведет систематическое изучение древностей Сары-Арки, которые всегда отличали не только территориальные масштабы, но и широкий хронологический диапазон исследуемых памятников. Экспедиция обнаружила, обследовала и раскопала стоянки эпохи неолита и энеолита, поселения и могильники андроновской и дандыбай-бегазинской культур, погребальные сооружения VII—I вв. до н. э., курганы тюркского времени, средневековые городища и поселения. А.Х. Маргулану удалось доказать, что в средние века Центральный Казахстан был не только страной кочевников, но и одним из центров оседлой и городской

С.П. Толстов
(1907—1976)

культуры. Здесь, в долинах Нуры и Сарысу, в предгорьях Улутау, были обнаружены остатки средневековых поселений и городищ, которые были центрами ремесла, торговли и земледелия. Многие из городов и селений являлись и пунктами производства металлов — меди, олова, серебра, бронзы, золота.

Второй крупной экспедицией послевоенных лет стала Южно-Казахстанская, возглавляемая А.Н. Бернштамом и Е.И. Агеевой (ЮКАЭ). Итогом ее работ явилось обследование, картографирование и хронология большой группы городищ и поселений в Отрарском оазисе, на северных склонах Каратау, в долине Сырдарьи. Изучение топографии городищ и классификация керамики позволили выделить узловые культурно-исторические этапы городской культуры, выявить направление торговых и этнополитических связей со Средней Азией.

Среди значительных работ ЮКАЭ, проводившихся в 50-е гг., следует назвать комплексные исследования городища Джувантобе и могильника Борижары на Арыси, раскопки городища Баба-Ата, которые явились первыми в Казахстане раскопками средневекового памятника на широких площадях.

Следует отметить выделение кангюйско-каратауской (отрарско-каратауской) культуры на юге Казахстана, сопоставленной с культурой государства Кангюй, а также раскопки поселения Актобе; выявление памятников эпохи бронзы и петроглифов на северных склонах Каратау.

Параллельно с ЦКАЭ и ЮКАЭ, с 1945 г. археологическое изучение Приаралья проводила Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С.П. Толстова. Были начаты раскопки Чирик-Рабата, Баланды, исследования памятников урочища Джетыясар, городов гузов.

С 1947 г. начинает работать Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством ленинградского ученого С.С. Черникова. Основной задачей экспедиции стали выявление и исследование памятников, расположенных в зоне затопления в связи со строительством Усть-Каменогорской и Бухтарминской ГЭС. Здесь были зафиксированы многочисленные памятники от эпохи неолита до средневековья, получен материал, характеризующий историческое прошлое Восточного Казахстана.

Сотрудник отдела археологии ИИАЭ А.Г. Максимова подготовила кандидатскую диссертацию по эпохе бронзы региона.

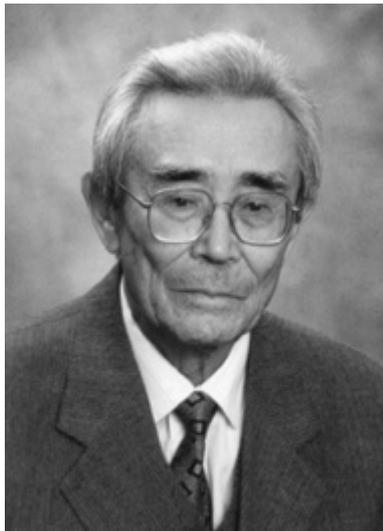
В 1948—1950-х гг. в Западном Казахстане работала археологическая экспедиция Саратовского государственного университета, возглавляемая И.В. Сеницыным. Проведены исследования долин рек Большого и Малого Узеней, Камыш-Самарских разливов и прикаспийских песков в районе Дунгул.

Было выявлено большое количество памятников эпохи сарматов и средневековья, накоплен богатый вещественный материал.

В 1950 г. в Западном Казахстане на городище Сарайчик работала Западно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЗКАЭ) А.Х. Маргулана. В 1953 г. ЗКАЭ, руководимая Т.Н. Сеницовой, обнаружила стоянки эпохи неолита, бронзы и раннего железа.

В 1954 г. Институт истории, археологии и этнографии организовал Илийскую археологическую экспедицию во главе с К.А. Акишевым с целью обследования зоны будущей затопления Капчагайской ГЭС. В первый же сезон экспедиция обнаружила здесь огромное скопление курганных могильников эпохи саков и усуней, среди которых в качестве эталонного для исследований был выбран могильник Бешатыр.

На территории юго-западного Жетысу республики работала экспедиция Жамбылского областного историко-краеведческого музея. Археологические исследования здесь проводили Г.И. Пацевич и Л.И. Ремпель. В конце 40-х — 50-х гг. на территории Казахстана был сделан ряд интересных случайных находок, ин-

*К.А. Акишев
(1924–2003)*

*М.К. Кадырбаев
(1932–1982)*

формация о которых регулярно появлялась на страницах изданий Академии наук КазССР.

В 1954-1956-х гг. в связи с освоением целинных и залежных земель были организованы специальные археологические исследования во многие области Казахстана, сумевшие сохранить информацию о разрушаемых памятниках.

Одним из значительных достижений казахстанской археологии середины 50-х гг. стало открытие древнепалеолитических местонахождения в горах Каратау в Южном Казахстане. Обнаружение их принадлежит геологу Г.Я. Ярмаку и археологу Х.А. Алпысбаеву. Это открытие положило начало новому направлению в казахстанской археологии — изучению палеолита.

В целом конец 40-х — 50-е гг. ознаменовались широким размахом археологических исследований. Они охватили почти все регионы Казахстана и включили в сферу исследований памятники самого разного хронологического диапазона. Среди важных открытий этих лет — стоянки палеолита на юге Казахстана, курганы саков и усуней в долине р. Или, наскальные рисунки в урочище Тамгалы. В это время были начаты раскопки могильника Бесшатыр на р. Или; катакомбных погребений на Сырдарье, в урочище Чардара; раскопки на цитадели Баба-Аты.

Вместе с казахстанскими учеными исследованием памятников занимались известные археологи Москвы и Ленинграда — С.П. Толстов, А.Н. Бернштам, С.С. Черников, И.В. Синицын. *Своеобразный итог третьему этапу в развитии археологии Казахстана, начавшемуся в 1946 г., подвел выпуск в 1960 г. Археологической карты Казахстана, подытожившей многолетние широкомасштабные археологические работы и позволившей наметить наиболее перспективные ее направления.*

Следующий, четвертый, этап развития казахстанской археологии охватывает 60-70-е гг. В это время шел процесс не только расширения исследований, связанный с выявлением новых памятников, их описанием, но и их углубленного изучения путем организации многолетних стационарных раскопок с постановкой крупных научных проблем.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция во главе с А.Х. Маргуланом, затем М.К. Кадырбаевым, С.М. Ахинжановым по-прежнему соотносила главные задачи с изучением памятников эпохи бронзы и раннего железа.

Исследовались могильники тасмолинской и андроновской культур. В это же время было обследовано 30 поселений эпохи бронзы. Среди них — Атасу, Ортау, Бугулы, Аксу-Аюлы, Байбола, Жамантас, Тагибай-Булак.

В северной Бетпақдале изучались андроновские могильники Аксай, Сартабан, в долине Атасу — могильник Караузек, а также рудные разработки. Многочисленные памятники эпохи бронзы были обнаружены и обследованы в районе Каркаралинских и Баянаульских гор. В 1966 г. выходит фундаментальное исследование, посвященное археологии Центрального Казахстана, подготовленное А.Х. Маргуланом, К.А. Акишевым, М.К. Кадырбаевым и А.М. Оразбаевым. Позднее, в 1979 г., А.Х. Маргулан, используя материалы, накопленные в 50-60-е гг., выпускает монографию, посвященную бегазы-дандыбаевской культуре, яркому феномену древней Сары-Арки.

Широкие раскопки в Северном и Центральном Казахстане, тщательный анализ добытых материалов позволили Г.Б. Здановичу предложить их новую периодизацию и хронологию. В.В. Евдокимов изучает проблемы экономики и демографии населения Центрального Казахстана в эпоху бронзы.

Интенсивное изучение памятников каменного века проводилось Х.А. Алпысбаевым на юге Казахстана, в ущельях Каратау, в долине Сырдарьи. Итогом этой работы стала вышедшая в 1979 г. монография, где опубликованы материалы палеолитических стоянок Борыказган, Кемер, Кызылрыбек, Токалы, Дарбаза. Палеолитические стоянки в центральной части Северного Прибалхашья изучал отряд, руководимый А.Г. Медоевым, в Центральном Казахстане памятники эпохи палеолита исследовал М.Н. Клапчук. Стоянки эпохи камня в эти годы были обнаружены и обследованы в Западном Казахстане, на Мангышлаке. Начались планомерные исследования и раскопки неолитических стоянок в Прииртышье, в Павлодарской области, возглавляемые Л.А. Чалой.

В 60-е гг. также продолжались работы по изучению памятников саков и усуней в Семиречье. В монографии, посвященной культуре саков и усуней Илийской долины, К.А. Акишев рассмотрел вопросы происхождения саков и сакской культуры, дал хронологическую классификацию наконечников стрел. Г.А. Кушаев наметил этапы периодизации усуньской культуры Семиречья.

Знаменательным событием казахстанской археологии, имеющим мировое значение, стало

открытие захоронения в кургане «Иссык», находки из которого дали новый импульс изучению культуры саков, их мифологии, искусства, письменности, социального строя. В науке эта находка известна как «Золотой человек». Изучение богатейшего комплекса золотых украшений, одежды, головного убора, вооружения, керамики и письменности на одном из сосудов изменили представление об экономике саков, их культуре и мифологии. Появилась серия публикаций К.А. Акишева и А.К. Акишева, имевшая большой резонанс в отечественной и мировой науке.

Памятники сакской культуры Центрального Казахстана, получившие название «тасмолинской культуры», обследовались М.К. Кадырбаевым. Ученый смог показать особенности этой культуры, разработать вопросы периодизации, дать анализ хозяйства древних племен.

Ценнейшие находки сарматского времени были сделаны в Западном Казахстане, в Лебедевском могильнике, где были открыты богатые сарматские захоронения и погребения средневековых кочевников.

Памятники джетысарской культуры в районе Джусалы, в нижнем течении Сырдарьи исследовались Хорезмской археолого-этнографической экспедицией — С.П. Толстовым, Л.М. Левиной, Б.А. Андриановым. Продолжались работы в урочище Джетысар, где были открыты поселения и могильники. На основе новых данных и материалов прежних лет была подготовлена монография, посвященная керамике Сырдарьи I тыс. н.э. Работы по изучению поселений отрарско-каратаусской культуры на Арыси проводил Н.П. Подушкин, а затем А.Н. Подушкин.

В 70-е гг. четко определилось ещё одно направление казахстанской археологии — изучение петроглифов. Они становятся объектом специальных исследований М.К. Кадырбаева, А.Н. Марьяшева, А.Г. Медоева. С их именами связано появление крупных обобщающих работ, посвящённых наскальным рисункам гор Каратау, Мангышлака и других регионов.

В 1969 г. была организована Отрарская археологическая экспедиция Академии наук КазССР, переименованная в 1971 г. в Южно-Казахстанскую комплексную археологическую экспедицию (ЮККАЭ). Ее возглавил К.А. Акишев. Основными объектами многолетних стационарных раскопок были выбраны городища Отрар, Костобе, Кок-Мардан, Мардан-Куик, Куйруктобе в Отрарском оазисе; Туркестан, Ран и Культобе на северных склонах Каратау. Изу-

чались могильники разных эпох, в том числе известный и ранее исследовавшийся Борижарский могильник, Шага, Кок-Мардан.

Широкие раскопки были организованы на городище Отрар-тобе, по уровню слоев XIII—XVIII вв. Были вскрыты многочисленные жилые кварталы, гончарные и кирпичеобжигательные мастерские, общественные постройки — мечети, мавзолеи, бани. Масштабные раскопки проводились на поселении первой половины I тыс. н. э. Кок-Мардан, где выявлены жилые кварталы, дома и храмы.

На цитадели городища Куйруктобе по уровню VI—IX вв. раскапывалась дворцовая постройка, в парадном зале которой найдены уникальные резные доски с изображением божеств и светских сцен. На шахристане городища открыты комплексы построек VI—VIII вв., IX—XI, XII вв. и соборная мечеть X—XI вв.

Интересные материалы, связанные с погребальными обрядами и отражающие религиозные воззрения древнего и средневекового населения Южного Казахстана, получены при раскопках Борижарского могильника. Отряд экспедиции провел ирригационные исследования в Отрарском оазисе, на южных и северных склонах Каратау, в районе Саурана, где обнаружил систему позднесредневековых кяризов.

Одновременно велись и палеоэтнографические исследования, в частности, раскопки казахских зимовок с целью выяснения процессов оседания казахов (С.Ж. Жолдасбаев).

Работы Южно-Казахстанской комплексной экспедиции подняла республиканскую археологию на новый уровень, в результате чего наметился ряд новых научных направлений. По итогам работы было опубликовано несколько монографий, подготовленных К.А. Акишевым, К.М. Байпаковым, Л.Б. Ерзаковичем, В.А. Грошевым.

Результаты работ в Таразе вылились в монографию об этом городе, написанную Т.М. Сениговой. В зоне строительства Чардарьинской ГЭС, на Сырдарье, работала в 1959-1963 гг. казахстанско-российская археологическая экспедиция. Материалы опубликованы Г.А. Максимовой, М.С. Мерщиевым, Б.И. Вайнберг, Л.М. Левиной.

В середине 60-х гг. начинает развиваться казахстанская нумизматика, связанная с именами Р.З. Бурнашевой и В.Н. Настича. Массовый монетный материал накапливается при раскопках Отрара, Куйруктобе. Это были не

только единичные находки, но и клады. Монеты исследовались как датирующий материал, а также как источник для изучения политической и экономической истории средневекового Казахстана, его торговых и культурных связей. В итоге было установлено, что в Казахстане функционировали монетные дворы в Отраре, Испиджабе, Туркестане, Будухкете, Дженде, Сыгнаке, Таразе, Алматы.

Итоги археологических работ этого этапа были подведены в двух томах пятитомной «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата, 1977, 1979), где были проанализированы археологические источники, показана динамика исторического процесса в Казахстане в древности и средневековье.

Очередной, пятый, этап истории казахстанской археологии начался с 80-х гг. Он характеризуется организационными изменениями. Появляются археологические центры в областях, расширяются археологические работы. Публикуются многочисленные статьи, монографические работы, посвященные актуальным проблемам археологии, складываются новые направления, в археологии используются методы естественных наук. Так, в 1981 г. в Алма-Ате было проведено Всесоюзное совещание по проблемам средневековой городской культуры Казахстана и Средней Азии. На нем было выделено новое направление — позднесредневековая археология.

В 1987 г. в Алматы состоялся Международный симпозиум, посвященный взаимодействию кочевых и оседлых культур. Необходимость рассмотрения и анализа накопленных знаний, под углом взаимодействия кочевых и оседлого населения, была продиктована ходом развития науки, решительно отказывающей от стереотипов в трактовке этой проблемы. Остро ощущалась потребность в выявлении основных закономерностей межкультурного взаимодействия на различных этапах истории и в изучении общих и региональных черт этого процесса.

Важным результатом симпозиума являлась книга, где были собраны новые материалы, проблемы и их решения.

Одной из приоритетных была названа тема взаимодействия земледельческих цивилизаций и кочевых культур.

Важной задачей в это время становится подготовка «Свода памятников истории и культуры Казахстана» — научного реестра памятников на территории республики. Такое энциклопедическое издание должно служить базой для разработки стратегических исследо-

ваний в области археологии, а также улучшить дело сохранения культурного наследия.

Расширяются исследования по палеоэкономике древнего и средневекового Казахстана: изучение горного дела и металлургии, развитие скотоводства во всех формах его существования; исследование ремесла, торговли и денежного обращения, сельского хозяйства и ирригации.

В эти же годы были сделаны яркие открытия в степной зоне Казахстана. Так, археологи во главе с В.Ф. Зайбертом открыли поселение Ботай и выделили ботайскую культуру, относящуюся к эпохе энеолита. Удалось обнаружить комплексы протогородского типа в Казахстане и Зауралье, позволяющие расширить и углубить обоснование скотоводческой и скотоводческо-земледельческой цивилизации для эпохи бронзы.

В 1980—1983 гг. в зоне строительства Шульбинской ГЭС работала Шульбинская археологическая экспедиция, возглавляемая А.Г. Максимовой и С.М. Ахинжановым. Широкие археологические исследования включали раскопки памятников эпох камня, бронзы, раннего железа, средневековых кочевников, изучение петроглифов. В ее составе работали Ж.К. Таймагамбетов, З.С. Самашев, Ю.И. Трифонов, А.С. Ермолаева.

Материалы, связанные с изучением погребальных памятников кимаков и кипчаков, были опубликованы в монографии С.М. Ахинжанова, первой по истории кипчаков Казахстана.

Исследование памятников каменного века установило, что географическое положение и размеры территории Казахстана имеют особое значение при выяснении эволюционных путей палеолитических культур и миграционных процессов древнейшего населения региона. Так, каратауские палеолитические памятники обнаруживают сходство в стоянках как сопредельных территорий, так и весьма отдалённых районов — Средней Азии, Китая, Пакистана, Индии, Монголии. Это сходство дает основание предполагать, что путь развития древнейших культур един.

Для дальнейшего углубленного изучения палеолита Казахстана, получения надёжных хронологических привязок большое значение имеют исследования стратифицированных, непереотложенных стоянок, таких, как стоянка им. Ч. Валиханова (Южный Казахстан), Шульбинская (Восточный Казахстан), предпринятые Х.А. Алпысбаевым и Ж.К. Таймагамбетовым.

Результаты этих исследований, новые материалы позволили по-новому поставить вопрос о времени и путях заселения территории Казахстана первобытным человеком.

Мезолит Центрального Казахстана представлен стоянками Караганда XV и Акимбек. Ранненеолитическая стоянка Тельмана XIV характеризуется как мастерская по изготовлению кремневых орудий труда. (М.Н. Клапчук)

Неолит и энеолит Казахстана долго оставались малоизученными. Материал, полученный в основной массе в результате сборов, рассматривался по аналогиям соседних территорий. Выделение микрорайонов, их сравнительно-типологическая характеристика и анализ неолитической индустрии региона позволили выделить атбасарскую культуру. Предложенная периодизация неолита и энеолита с дробным членением первого на ранний, средний и поздний охватывает период с V по начало II тысячелетия до н. э. (В.Ф. Зайберт).

Остеологический материал стоянки Каинды III характеризует хозяйство ее населения как отгонное, пастушеское скотоводство. Значительную роль в хозяйстве играла охота.

Энеолит Урало-Иртышского междуречья рассматривался через призму хозяйственно-культурных типов и охарактеризован как многоотраслевое хозяйство с доминированием скотоводства (коневодства).

Изменение климата данного региона в сторону аридизации повлекло за собой миграцию населения региона, часть которого в период бронзового века явилась составным компонентом андроновской культуры.

Тургайские памятники III тыс. до н. э. соотносятся с синхронными памятниками Южного Зауралья и Приишимья, оставленными носителями ботайской, суртандинской и терсекской культур, как составная часть культур геометрической керамики.

Ещё одна неолитическая культура — терсекская — выделена на территории Тургайского прогиба (С.С. Калиева, В.И. Логвин).

Андроноведческие исследования в описываемый период развивались и по линии углубленного изучения протогородской культуры и социума, идеологии и палеоэкономики. В немалой степени этому способствовали открытия таких уникальных памятников, как Аркаим, Синташта, Кент, давших новый импульс в изучении культур эпох бронзы Евразии.

Были введены в научный оборот многочисленные новые данные с поселений и могильников северной Бетпақдалы. В монографии

М.К. Кадырбаева и Ж.К. Курманкулова даны систематизация и анализ материалов, выявлены закономерности размещения памятников Атасу I, Мыржиқ, Ак-Мустафа, Акмая.

Особое значение имеют результаты исследования поселения Атасу I — крупного поселения площадью свыше 15 тыс. кв. м, специализировавшегося на выплавке бронзы и изготовлении бронзовых изделий. На территории поселения изучены медеплавильные комплексы и ямы-печи. Опубликованы многочисленные орудия производства металла. В одной из глав работы рассматриваются погребальный обряд и материал могильников. Предложена датировка памятников с делением на два хронологических этапа: ранний — XV—XIII вв. до н.э. и поздний — XII—VIII вв. до н.э., с разбивкой первого на два этапа: XV—XIV вв. до н.э. и XIV—XIII вв. до н.э.

Продолжалось также накопление материалов по эпохе бронзы Семиречья, где были открыты десятки новых поселений и могильников, что превращает этот регион в один из крупных центров андроновской культуры (А.Н. Марьяшев, А.А. Горячев).

Интересные результаты были получены при изучении памятников эпохи бронзы Западного Казахстана. Г.А. Кушаев отметил, что для Западного Казахстана характерным является соседство двух культурных общностей — андроновской и срубной, граница между которыми, по его мнению, проходила в междуречье Орь и Илек.

Изучение памятников ранних кочевников и проблем культурной, социально-экономической жизни саков, сарматов, усуней, кангюев, хунну традиционно составляет одно из важных направлений исследований в Казахстане.

В частности, в работах К.А. Акишева развивался тезис о стратификации сакского общества Семиречья по материалам картографирования царских могильников в регионе от Алакуля до Таласа.

Рассматривались также вопросы происхождения сакского (скифского) искусства. По мнению А. К. Акишева, находки золотых серег с изображением куланов позволяют настаивать на местной основе в сложении «звериного» стиля.

Появились работы, посвященные вопросам происхождения скифов. Так, в частности, интерес представляет работа Р. Б. Исмаилова, где он пишет о том, что «царские» курганы Причерноморья могут быть по некоторым признакам погребального обряда связаны с мигра-

цией группы кочевников — носителей сакской культуры Семиречья.

Наблюдается активизация полевых исследований в Западном Казахстане и на Мангышлаке. Большой резонанс в научной и научно-популярной литературе находят материалы из раскопок святилища Байте, связанные с культовыми постройками и большим числом изваяний кочевых племен, возможно, парнов.

Заметным достижением в области сарматологии следует считать обобщающую работу Г.А. Кушаева «Этюды древней истории степного Приуралья». В ней систематизирован богатейший материал, в том числе и из многолетних раскопок сарматских памятников, сделаны попытки их этнической атрибуции с исседонами и сарматами, а также продолжение сарматской истории до VIII в. н.э.

Многолетние исследования, проведенные в этих местах, позволили накопить материал, на базе которого стало возможным предложить периодизацию раннего железного века, уточнить проблемы происхождения культур скифо-сакского типа, механизмы становления кочевого скотоводства, вопросы стратификации древнего общества и государственности номадов.

Замечен прогресс в изучении палеоэкономики Казахстана. Установлено, что Казахстан был одним из древнейших регионов становления и развития скотоводства Евразии, в том числе в эпоху энеолита и бронзы. Проблемы, связанные с появлением производящего хозяйства, domestikацией животных, ранних этапов коневодства, соотносятся с изучением остеологического материала из раскопок, прежде всего поселений. Такая работа проводилась многие годы для районов Центрального и Северного Казахстана. Был проанализирован и систематически обработан огромный материал из поселений энеолитического времени — Солёное озеро и Ботай, поселений эпохи бронзы — Атасу, Саргары, Ново-Никольское I и Петровка II и других (Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович).

Получен ряд новых выводов, в частности, о том, что на энеолитических поселениях, а также поселениях ранней бронзы преобладают кости лошади, что позволяет говорить о развитии здесь коневодства.

Для эпохи бронзы установлено существование развитой формы скотоводства с разведением крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

Сейчас уверенно можно говорить о коневодстве в Казахстане уже в эпоху энеолита.

*Х.А. Алмысбаев
(годы жизни)*

*А.Б. Ерзакович
(1936–1993)*

*С.М. Ахинжанов
(1939–1991)*

Изучение костей диких животных позволило получить картину в развитии охоты в эпоху энеолита и бронзы, выделить наиболее ценных промысловых животных (Л.А. Макарова, Т.Н. Нурумов).

Впервые в историографии казахстанской археологии были выполнены работы, посвящённые металлургии и гончарству эпохи бронзы и раннего железа крупного региона — Сары-Арки (Центральный Казахстан).

Использование современных методов анализа позволило определить химический состав продукции древних металлургов, выявив технологические особенности процесса получения изделий из меди, бронзы, золота и серебра.

Важные наблюдения сделаны в плане установления потенциала древних металлургов, который не уступал передовым технологиям ведущих металлургических центров Евразии.

Были решены вопросы увязки сырьевой базы с металлургическим производством конкретных объектов.

Были прослежены прогрессивные черты в развитии металлургии в эпоху ранних кочевников (VII—III в. до н. э.). Это выразилось, прежде всего, в качестве металла.

Технико-технологические исследования керамических комплексов позволили сделать выводы об уровне развития гончарства в Центральном Казахстане в эпоху бронзы, о контактах различных групп населения, о миграциях племён (В.Г. Ломан).

Активно развивалось в этот период изучение петроглифов. Группа наскальных рисунков хребта Ешки-Ольмес, являющегося западным отрогом Джунгарского Алатау, по хронологическому признаку разбита на три группы: изображения эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Стилистические особенности изображений первой группы выделяют Ешки-Ольмес из ряда других синхронных памятников. Подчёркивается «культовый характер значительного числа древнейших петроглифов Ешки-Ольмеса.

З.С. Самашевым изучались наскальные изображения Верхнего Прииртышья.

Исследование изображений повозок различных регионов позволило выявить направления распространения колесного транспорта на территории Евразии конца IV—III тысячелетий до н. э. (В. Новоженев).

Предложена концепция двух центров развития колесного транспорта — Двуречье и степная зона. Формирование второго центра, по мнению автора, может быть связано с миграцией скотоводческого населения, носителей майкопской культуры.

Получило развитие направление, связанное с изучением рисунков казахов на надгробных памятниках из ракушечника, распространённых на Мангышлаке. Они дают информацию не только о материальной и духовной культуре казахов, но и позволяют видеть в рисунках продолжение традиций ранних наскальных изображений (З.С. Самашев, Ж. Жетибаев).

Одной из важнейших в этот период стала международная программа «Великий Шелковый путь: диалог культур». Она включила в себя традиционно разрабатываемые в Казахстане вопросы, связанные с урбанизацией древнего и средневекового Казахстана, взаимодействия города и степи. В этом направлении активно работали К.А. Акишев, Л.Б. Ерзакович, К.М. Байпаков, УХ. Шалекенов, Е.А. Смагулов, Т.В. Савельева, С.М. Ахинжанов, В.А. Грошев, М.Е. Елеуов, С.Ж. Жолдасбаев, А.Н. Подушкин.

В рамках изучения оседлой культуры и урбанизации Казахстана велись исследования, имеющие своей целью получить материалы, которые позволили бы установить закономерности в развитии оседлости, земледелия и городской культуры в среде кочевых и полукочевых скотоводов; выявить роль географической среды в сложении хозяйства населения аридных зон, предгорий и речных долин, проследить эволюцию материальной и духовной культуры, выявить этнические факторы, культурные традиции.

В центре внимания оставалась задача изучения динамики развития урбанизации: исследование городской структуры, функций города, строительства, архитектуры, духовной жизни населения Казахстана во взаимодействии с соседними странами и народами. Продолжались раскопки Отрара и городищ Отрарского оазиса; Костобе в Таласской долине, Кулана в Чуйской долине и Талгара (Тальхира) в Илийской долине.

Важное место отводилось исследованию ранних этапов урбанизации, связанных с решением кангюйской проблемы, изучению этнокультурной истории восточного Приаралья на базе ширококомасштабных работ на поселениях и могильниках урочища Джетыасар.

Вопросы топографии средневековых городищ, застройки по-прежнему были в центре внимания археологов Казахстана.

Был опубликован ряд статей об Отраре, об отрарском жилище, его эволюции, новых типах домов, появившихся в тот или иной хронологический период, их социальной и этнокультурной интерпретации.

Заслуживают интереса вопросы, связанные с определением этнической принадлежности населения позднесредневекового юга Казахстана, отраженные в материалах анализа жилища и письменных данных. Несколько статей о сартах, их этногенезе и судьбах свидетельствуют, насколько сложна эта проблема. В науке получило распространение мнение о том, что сарты

Казахстана — это сколок древнего и средневекового городского населения, потомки кангюйцев и кангаров, сыгравших определённую роль в формировании казахского этноса.

Проводились исследования и наблюдения по развитию гончарства, технологии изготовления посуды, в том числе и поливной.

К числу достижений археологии следует отнести издание альбома средневековой художественной керамики средневекового Отрара, где были опубликованы образцы произведений художественного ремесла и искусства.

Исследовались вопросы развития земледелия и ирригации в средневековом Казахстане — на юге республики и в Семиречье.

Расширились исследования по нумизматике. Было выяснено, что города Джент, Барчкент (Барчин) в XIV в. находились в торговой зоне, тяготеющей к золотоордынским городам Поволжья.

Поздние монеты XVI в. из Дженда указывают на тесные торговые связи города с Туркестаном и на то, что город в это время переживал период подъёма.

Новые нумизматические данные получены при раскопках семиреченских городищ. По мнению исследователей, монеты VII—VIII вв. с Костобе свидетельствуют о торговых связях Джамуката с Чачем, причём последний оказывал большое влияние на торговлю в Таласской долине. (Р.З. Бурнашева, С.М. Антова).

Торговля, в том числе и международная, зачастую определяла жизнь города. Здесь сходились торговля местная, региональная и международная. Во многом от торговли зависела жизнь города, его благополучие, процветание. Торговые связи, описание торговых путей и товаров, найденных при раскопках городов, охарактеризованы в ряде исследований.

Новым направлением в казахстанской археологии, получившим развитие в этот период, стало исследование археологической архитектуры. Впервые стали изучаться с точки зрения истории архитектуры остатки монументальных построек и рядового жилища. Среди них — дворцовые комплексы раннего средневековья городов Кедера и Джамуката, культовая мусульманская архитектура юга Казахстана и Семиречья. Выявились планировочные особенности, строительная техника и декор — резное дерево, резьба по глине и по ганчу. Были прослежены культурные связи и распространение архитектурных эталонов по Великому Шелковому пути (З.Ж. Шарденова).

Новые археологические материалы позволили поставить проблемы идеологии древнего и средневекового населения Казахстана, наметить пути распространения здесь буддизма, христианства, зороастризма, шаманизма и различных культов. Выявлены время и центры распространения ислама.

Появились крупные обобщающие исследования по средневековой археологии (К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович). Это монографии об Отраре XIII—XV вв. и XVI—XVIII вв.; городской культуре Южного Казахстана и Семиречья в VI — начале XIII вв.

Получен и проанализирован новый материал по застройке городов, их квартальной структуре, домостроительству, фортификации, городским благоустройствам.

Сделан также вывод о своеобразии городской культуры Южного Казахстана и Семиречья, но в то же время показана связь её с развитием культуры Центральной Азии. (У.Х. Шалекенов, М.Е. Елеуов).

Охарактеризованы история Шелкового пути в Казахстане, направления основных дорог и распространение по ним товаров, культурных образцов и религий (К.М. Байпаков).

Появились статьи о каменных изваяниях Казахстана, святилищах и погребальных памятниках тюрков Казахстана (Э.А. Новгородова).

Археологические материалы по древним тюркам в связи с исследованием письменных источников по кыпчакам и кимакам, приобрели особую актуальность (С.М. Ахинжанов).

Одним из важных, качественно новых сдвигов в историографии казахстанской археологии стали обобщающие работы по древней и средневековой истории и археологии.

Был подготовлен к изданию первый том «Чимкентская область» в серии «Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан».

Казахстанская археология не только смогла обогатить мировую науку выдающимися открытиями, но позволила выявить основные этапы развития общества в Казахстане в древности и средневековье.

Начало шестого этапа в развитии археологической науки следует начать с 1991 г., ставшего годом провозглашения независимого государства Республики Казахстан. В это время в науку пришла группа исследователей. Это К.М. Карабаспакова, В.В. Варфоломеев, И.А. Кукушкин, Ш.Е. Смаилов, А.З. Бисенов, М.С. Касенов, Д.А. Толеев, М. Кожа, А. Досымбаева, З.Ш. Шарденова, Г.А. Терновая, Т. Мамиев, С.В. Баштанник.

Создание объективной картины прошлого является одним из основных факторов, влияющих на формирование национального единства Республики Казахстан, на становление ее государственности, укрепление ее суверенитета. Научное познание истории, в которой заключены судьба народа и развитие его исторического самосознания, служит воспитанию в отдельном человеке и обществе в целом качеств гражданственности, патриотизма.

Однако некоторые страницы истории до сих пор остаются нераскрытыми, другие, если и освещены, то демонстрируют фрагментарность, не дают полной картины исторической действительности. «Белые пятна» древней истории зачастую становятся спекулятивным полем построений, мифотворчества не только для непрофессионалов и дилетантов, но и ангажированных специалистов.

Распад Советского Союза, социально-экономические и политические перемены породили многочисленные дисбалансы в обществе, в том числе и в идеологической сфере. Сумятица и сумбур также проявились и в области методологии исторической науки и в археологии.

Остро встал вопрос о наследии, которое оставила советская эпоха, в методологии исторической науки в условиях имевшего место в СССР идеологического прессинга. Тогда, в обстановке политизации науки, сформировался целый ряд методологических стереотипов, восходящих, терминологически, к базовым положениям общей концепции К. Маркса и Ф. Энгельса о характере исторического развития и путях его реализации. Все это, как правило, принимало упрощенно-догматическую форму, где примитивизм мог дискредитировать любые, даже самые разумные теоретические положения. Социально-экономические формации закреплялись в жесткий перечень первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической, переходящей в утопический коммунизм.

Вместе с тем деление исторического процесса на последовательные периоды вполне отвечало имеющимся реалиям. Негативным было лишь стремление придать этой периодизации жесткий характер обязательной эволюции.

По мере развития науки ученые все более отдавали себе отчет в том, насколько малоперспективным становился подход формационного эволюционизма. Предпринимались попытки выискать в работах, а то и в отдельных заметках и частных письмах «классиков

марксизма-ленинизма», какие-то возможности согласования новых аспектов и теоретических подходов. Таково было, в частности, стремление ряда исследователей выделить особую формацию — азиатский способ производства.

В этом отношении антитезой формационному эволюционизму является концепция ритмов культурогенеза. История изобилует реальными примерами замедления исторического процесса, стагнациями, эволюцией с обратным знаком, отодвигающей то или иное общество на целую историческую эпоху назад.

Причины этих явлений различны: природные факторы, военно-политические составляющие. В ряде случаев конкретная общественная система, вероятно, исчерпав заложенные в ней возможности, не смогла найти пути к продуктивной перестройке.

Таким образом, новый этап характеризовался сложными процессами перестройки прежних идеологических установок, а с другой стороны, появлением и широким распространением исторических мифов, в большинстве своем носящих этноцентрический характер.

В археологии эти процессы тоже имели место, но, безусловно, считать, что «все изменилось» после 1991 г., было бы наивным, ибо основные направления археологического направления культурного наследия оставались прежними, академически выверенными, а бушевавшие в околонучной литературе «страсти переписать всю историю» особо не коснулись археологических исследований.

За годы существования в Казахстане археологической науки учеными была воспроизведена относительно целостная картина развития древней истории Казахстана, в том числе и истории культуры.

Следует отметить для нового этапа развития археологии как крупный положительный факт организацию в Казахстане в 1991 г. Института археологии.

Постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан № 496 от 28 августа 1991 г. и Постановлением Президиума Республики Казахстан № 73 от 6 сентября 1991 г. на базе Археологического центра Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР был создан Институт археологии, которому присвоено имя выдающегося ученого археолога, историка, этнографа, востоковеда, филолога, академика А.Х. Маргулана.

Следует подчеркнуть, что государство не оставляло без внимания вопросы идеологии,

культурной стратегии, науки. В 1995 г. Национальным советом по государственной политике при Президенте РК утверждена Концепция исторического сознания Республики Казахстан 1998. Год 1999 был объявлен Годом национального единства и национальной истории. В феврале 1998 г. Указом Президента утверждена государственная программа РК «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма», включающая комплекс мероприятий по исследованию, музеефикации, консервации, восстановлению памятников историко-культурного наследия. Указом Президента РК 2002 г. был объявлен Годом поддержки культуры, в 2004 г. Указом Президента была принята Государственная программа «Культурное наследие».

В описываемый период новые импульсы получили многие направления археологии. Обобщены имеющиеся данные по типологии и периодизации палеолитических памятников, обработаны мустьерские комплексы Центрального и Южного Казахстана.

Трассологические исследования орудий труда эпохи голоцена Тоболо-Иртышского междуречья позволили реконструировать хозяйственные комплексы атбасарской культуры и определить основные направления хозяйственной деятельности населения мезолита и неолита Северного Казахстана (А.А. Плешаков).

Проведен анализ археологических материалов финального этапа эпохи бронзы Сары-Арки, систематизированы материалы по культуре племен бронзового века Семиречья и Южного Казахстана, проведены исследования уникального археологического комплекса — урочища Тамгалы, включающего памятники широкого хронологического диапазона от эпохи бронзы до средневековья (А.Н. Марьяшев, А.Е. Рогожинский). В 2005 г. Тамгалы включен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. В реконструкции идеологических представлений населения в эпоху бронзы рассмотрен культ огня, реконструирована обрядовая и культовая практика. В научный оборот введены все имеющиеся данные по памятникам раннего железного века, разработана типология погребальных памятников и культово-ритуальных сооружений VII—I вв. до н. э.

В изучении памятников средневековой оседлой и городской культуры разработаны типологии городищ и поселений Таласской до-

лины и междуречья р. Чу и Таласа VI—XIII вв., Центрального Казахстана VIII—XVII вв., Приаралья XII—XVIII вв., Северо-Восточного Семиречья и Келесской степи. Исследовалась архитектура средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья VII—VIII вв.

В изучении культуры средневековых кочевников проведены исследования погребального обряда населения Семиречья VI—VIII вв. и Западного Казахстана VI—XIII вв. Разработаны отдельные проблемы палеоэкономики древнего и средневекового Казахстана. Обобщены данные по наскальным изображениям Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья, рассмотрен образ человека в петроглифах Центральной Азии. На основе анализа произведений искусства, полученных в результате археологических раскопок, проведена реконструкция мировоззрения городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI—XI вв.

Ежегодно в процессе археологического исследования памятников появлялись и появляются новые материалы, несущие дополнительную информацию. Пополнение фондов и расширение информационного поля являются необходимым и обязательным звеном в процессе археологических исследований. Казахстанской археологией накоплена значительная источниковая база, позволяющая разрабатывать и совершенствовать типологию и классификацию памятников, выделять новые археологические культуры, хозяйственно-культурные типы, историко-культурные общности, успешно решать вопросы хронологии и периодизации. Археологические источники являются важнейшей основой для восстановления исторической картины древней и средневековой истории Казахстана в широких хронологических рамках — от палеолита до позднего средневековья.

Важное значение в проведении сплошного обследования территории Казахстана и широкомасштабных систематических раскопок имеет изначально практиковавшаяся организация крупнейших археологических экспедиций. Продолжает работу Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (работает с 1946 г.); Западно-Казахстанская археологическая экспедиция (работает с 1953 г.); Восточно-казахстанская археологическая экспедиция (работает с 1947 г.); Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (работает с 1946 г.); Семиреченская комплексная археологическая экспедиция (работает с 1954 г.); Сарыаркинская археологическая экспедиция

(работает с 1980 г.); Казахско-Российская археологическая экспедиция (работает с 1992 г.); Уральская археологическая экспедиция (работает с 2000 г.).

Крупные многолетние археологические экспедиции проводят Национальный Евразийский университет (Астана), где в 2004 г. создан Институт археологии; Петропавловский государственный университет; Карагандинский государственный университет, где создана кафедра археологии и этнологии; Казахский национальный университет, где кафедра археологии и этнологии функционирует с 1970 г.; Кустанайский государственный университет; Южно-Казахстанский государственный университет; Международный Казахско-Турецкий университет, в которых имеются кафедры археологии, этнологии и музееведения. В работах археологических экспедиций, принимают участие исследователи Франции, США, Италии, Германии, Польши.

Как известно, под воздействием природно-климатических факторов и в результате техногенного и антропогенного воздействия происходит разрушение и уничтожение археологических памятников. В этой связи общегосударственное значение имеют работы по сохранению и использованию историко-культурного наследия. Первый опыт сплошного обследования территории Казахстана для выявления и учета археологических памятников — «Археологическая карта Казахстана», изданная в 1960 г. С 1981 г. в Казахстане ведутся работы по составлению многотомного «Свода памятников истории и культуры». За это время подготовлен и издан «Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области» и «Свод памятников истории и культуры Жамбылской области». Ведется подготовка остальных региональных томов Свода. Свод может служить не только источником развития фундаментальных и теоретических исследований по археологии, истории, культуре, но и основой для перспективного планирования крупных стационарных работ на территории республики, позволяет наметить наиболее важные для науки районы и объекты исследования. Он способствует выполнению важнейших практических задач, связанных с охраной, реставрацией, использованием и эффективным учетом памятников с подразделением их на объекты международного, республиканского и местного значения. Будучи научно-справочным изданием энциклопедического характера,

материалы свода могут широко использоваться при организации различных форм туризма, составлении экскурсионных маршрутов, карт, схем, служить пособием и руководством для работников музеев в краеведческой и исследовательской работе, привлекаться педагогами для обучения и патриотического воспитания подрастающего поколения. Занесение информации «Свода памятников истории и культуры Казахстана» на электронные носители (база данных) обеспечит в перспективе ввод материалов в международную систему электронной коммуникации INTERNET.

Разрабатываемая тематика археологических исследований и на новом этапе представляет собой развитие традиционных приоритетных направлений археологии Казахстана, в изучении которых достигнуты значительные результаты, признанные не только в нашей стране, но и за рубежом, а также направления, получившие развитие в последние годы, дающие возможность выйти на новый уровень осмысления проблем древней и средневековой истории и культуры Казахстана.

Содержание работ охватывает проблематику от каменного века до эпохи средневековья в хронологическом аспекте и от процесса археологических раскопок до теоретического моделирования и реконструкций. Наряду с продолжающимся накоплением и первичной классификацией источников, наблюдается закономерный переход к исследованиям обобщающего характера, воссозданию конкретной исторической реальности в социально-экономическом, политическом, этнокультурном аспектах, практике разработок методологического характера.

На территории Казахстана зарождались и развивались самобытные цивилизации, представляющие собой сложнейшие многоуровневые явления. Здесь распространялись культурные новации евразийского масштаба. Развитие народов Евразийского материка имело свое своеобразное содержание, темп и динамику, обусловленные природной средой и способами адаптации к ней. Археологические материалы свидетельствуют о многокомпонентности культуры Казахстана, его территория являлась контактной зоной, где происходило взаимообогащение культур.

В эпоху палеолита происходит сложный процесс появления как антропологического типа человека разумного и основных базовых элементов культуры человечества. Территория

Казахстана находится на стыке переднеазиатской и сибирско-азиатской зон, имеющих разный путь эволюции культур каменного века, и в археологическом отношении представляет собой уникальный район исследования. Первоначальное освоение данной территории человеческими популяциями началось 1 млн лет назад. В Казахстане открыты и исследованы в последние полтора десятилетия интересные с точки зрения хронологии, стратиграфии и своих особенностей памятники всех периодов каменного века, выделены три региона сосредоточения памятников палеолита: Южный Казахстан (Каратау, Семиречье), Западный Казахстан (Мангистау, Мугоджары) и Центральный Казахстан (Северное Прибалхашье, Сары-Арка). На основе межрегиональных корреляций установлены основные рамки существования палеолитических эпох в Казахстане: доашельские индустрии — древнее 800 тыс. лет; ашельские индустрии — 800-100 тыс. лет; мустьерские индустрии — 100-30 тыс. лет; позднепалеолитические индустрии — 35-10 тыс. лет. В исследовании каменного века Казахстана главное внимание уделено разработке периодизации и типологии каменных индустрий палеолитических комплексов аридной зоны, имеющих специфические особенности, обусловленные природными факторами: местонахождением в травертинах, — Кошкурган, Шоктас и стоянкам открытого типа — Кызылтау, Сорколь.

Исследования проводятся Казахско-Российской археологической экспедицией. В 1996—1998 гг. по гранту «Раннепалеолитические комплексы в травертинах аридной зоны Евразии» в работе принимали участие специалисты из Льежского университета (Бельгия), в 1997—1998 гг. — специалисты Института археологии им. Гулямова АН Республики Узбекистан. Особенностью местонахождений в травертинах на территории Казахстана является чрезвычайно редкое для аридных регионов совместное залегание археологического материала и фаунистических комплексов нижнего плейстоцена, содержащих костные останки ископаемых животных, исследование которых имеет огромное значение не только для археологии, но и других естественнонаучных дисциплин. Техничко-типологическое изучение каменных изделий с точки зрения технических приемов изготовления, способов расщепления горных пород, вторичной отделки орудий, их морфологии, типологии, соотношения разных типов орудий в отдельных памятниках, ло-

кальных особенностей инвентарного состава позволили сопоставить индустрии казахстанских памятников с памятниками Европы (Бильценгелебена, Вертешселеша), определить их стадиальную и культурную принадлежность, провести хронологические корреляции. Работы на Кошкургане и Шоктасе продолжаются. Сравнение материалов травертиновых памятников Южного Казахстана с аналогичными комплексами Евразии свидетельствует об их формировании в едином экологическом и культурно-хронологическом контексте и позволяет выдвинуть гипотезу о существовании на ее территории, начиная примерно с 700-800 и до 150-100 тыс. лет назад, ареала единых по своей сути культур с четко выраженной микроиндустрией.

Среди стоянок открытого типа особенно информативным является комплекс Семизбугу с пятнадцатью местонахождениями, сосредоточенными на ограниченном пространстве в сходных геоморфологических условиях, базирующимися на одном сырье и относящимися к разным стадиям каменного века. Проведена обобщенная ревизия коллекций каменных орудий, собранных А.Г. Медоевым и хранившихся в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева.

Особое значение для палеолита Казахстана имеют материалы многослойной стоянки им. Ч.Ч. Валиханова, по стратиграфическим колонкам которой прослежена хронологическая последовательность культурных отложений.

Полученные с раннеголоценового памятника Шахантай материалы позволили проследить эволюцию каменных индустрий Южного Казахстана от первоначального заселения гоминидами до конца каменного века.

Проведены комплексные исследования неолитической пещерной стоянки Караунгур в Южном Казахстане. В исследованиях по палеолиту и неолиту участвовали Ж. К. Таймагамбетов, Ю.П. Деревянко, О.А. Артюхова.

Впервые в Казахстане в результате археологических раскопок на многослойном памятнике Коскудук получен антропологический материал — череп, позволивший восстановить облик неолитического обитателя полуострова Мангистау.

Получены богатейшие интересные материалы по энеолиту Тургай и Северного Казахстана.

Современное состояние раздела археологии, изучающего эпоху бронзы, можно охарактеризовать как период нового осмысления и

систематизации накопленного материала. Это характерно для работ в Центральном и Северном Казахстане.

Интерес вызывает открытие могильника Шербай, расположенного в равнинной части Туркестанского оазиса, свидетельствующего о расселении племен эпохи бронзы в долине Сырдарьи и более широко, чем казалось раньше, распространении андроновской культуры на юге Казахстана (Е. А. Смагулов).

В результате многолетних систематических исследований памятников эпохи бронзы в степной и предгорной зонах Семиречья выделены три группы археологических комплексов, локализованных в районе хребта Джунгарского Алатау, Илийских горах и на северных склонах Заилийского Алатау.

В горной зоне Семиречья раскопана серия памятников: комплекс Тургень, поселения Бутакты I, Серектас, Асы, могильники Кызыдбулак I, II, Калакай, Куйган II, Кульсай, Узунбулак, на материалах которых выделен особый тип памятников, относящихся к позднему и финальному этапам бронзового века, объединенных рядом отличительных признаков, позволяющих выделить самостоятельную «кульсайскую» археологическую культуру с локальными вариантами как хронологического, так и этнокультурного характера. Определена культурно-хронологическая атрибуция памятников кульсайского типа на территории Семиречья, отмечена близость ряда элементов погребальных конструкций более поздним сакским памятникам, что способствует изучению проблем становления и развития сакской культуры региона. По гранту «Изучение процесса формирования общества кочевников в Семиречье в эпоху бронзы и раннего железного века, исследовались памятники Семиречья и в степной зоне: это могильники в урочище Тамгалы, поселение Сериктас (А.Н. Марьяшев, А.А. Горячев, С.А. Потапова).

В эпоху бронзы происходит адаптация хозяйственных укладов древних народов к климатическим условиям полупустынных и пустынных зон Восточного Прикаспия и Устюрта. Северо-Устюртский регион на протяжении голоцена представлял собой своеобразный природно-исторический заповедник, в котором в результате тесного взаимодействия населения с природной средой сложились своеобразные памятники, имеющие свой облик и свою специфику развития. Расширенные исследования на Устюрте выявили очаг культур, существовавший с неолита до средневековья. Накопленный

значительный по объему археологический материал с поселения Токсанбай, датированный концом III тыс. — XIX (XIII) вв. до н. э., указывает на многокомпонентный характер культуры населения и определяет перспективность памятника в решении ряда ключевых проблем истории эпохи палеометалла как в Восточном Прикаспии, так и в прилегающих земледельческо-скотоводческих центрах степей и пустынь Евразии (З.С. Самашев, А.С. Ермолаева). Активные исследования поселения проводятся по Госпрограмме «Культурное наследие».

Одной из актуальных проблем древней истории Казахстана является разработка вопроса возникновения и дальнейшего развития производящего хозяйства V—III тыс. до н. э. — времени, когда впервые осваивались процессы добычи полиметаллических руд, плавки металла, одомашнивались животные, возникли примитивные способы земледелия.

По итогам археологических исследований поселения эпохи бронзы изучались вопросы древнего медеплавильного производства и разработки медных руд в Центральном Казахстане. На основе полученных материалов сделан вывод о том, что во II тыс. до н. э. Центральный Казахстан становится одним из центров металлургии на Евразийском континенте (С. Берденов).

С 2004 г. объем работ на поселениях Кент, Талдысу расширился благодаря включению в Госпрограмму «Культурное наследие» (В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев, В.В. Варфоламеев).

В области экспериментальной археологии на территории Жездинского музея «Горного дела и медеплавильного производства» выполнены модели двух древних медеплавильных печей и произведена плавка меди по древней технологии (Ж.К. Курманкулов).

На основе материалов могильников Тар-Асу I и Майэмир, датированных первой половиной I тыс. до н. э., рассматриваются проблемы, связанные с трансформацией культуры племен эпохи поздней бронзы и ее этнокультурной преемственностью со скифо-сакскими памятниками Восточного Казахстана.

Принципиально важным является изучение механизма, путей сложения и особенностей перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в начале I тыс. до н. э. (IX—VIII вв. до н. э.).

Достижением в изучении культуры саков и усуней является открытие многочисленных оседлых поселений в предгорной и степной

зоне Заилийского Алатау, археологические раскопки поселений Тузусай, Цыгынка, Талгар III.

Исследования проводились совместно со специалистами из американского колледжа «Sweet Briar» (руководители К.М. Байпаков, К. Чанг). Установлено, что саки знали оседлость и земледелие, в том числе и орошаемое, с использованием искусственной ирригации, строили стационарные поселения.

Ранние формы оседлости и земледелия у кочевников древней Сары-Арки изучены на материалах двух поселений раннесакского времени на реке Селеты — Таскора I, II, датированных VII—VI вв. до н. э.

Проведены археологические раскопки памятников переходного донгальско-кентельского этапа IX—VII вв. до н. э.: Бугулы I, Донгал, Карабулак, Эндрей.

Совместно со специалистами Национального центра научных исследований Франции (З.С. Самашев, А.-П. Франкфор) проведены исследования на могильнике Берель, содержащем культурные остатки в мерзлоте. Уникальная сохранность находок обусловила редчайшую информационную ценность материала, который представляет широкие возможности для реконструкции ряда аспектов материальной и духовной культуры.

На основе междисциплинарных исследований погребальных памятников получены предварительные результаты по палеогенетике, палеоэкологии, материальной и духовной культуре скифо-сакских племен Казахстанского Алтая, создан банк данных по разным аспектам проблемы: выделена и очищена ДНК из собранных образцов крови современного населения и мумифицированных останков; дана первичная антропологическая характеристика погребенных; завершено исследование наземных и внутримогильных сооружений кургана с мерзлотой; определены относительная и абсолютная хронология погребальных сооружений; прослежен механизм формирования мерзлоты в захоронениях; подготовлена остеометрическая характеристика лошадей; составлена почвенная карта на территории распространения археологических памятников; выявлены закономерности географического распространения современных и палеопочв; выделены палинологические комплексы, сделан стилистический анализ изображений, выполненных в зверином стиле. Проведены лабораторно-аналитическая обработка, систематизация, анализ и обобщение полученного материала. Раскопки могильника Берель продолжаются.

Совместно с Институтом археологии Российской Академии наук (В.С. Ольховский, г. Москва) и при поддержке гранта «Изучение древних святилищ Арало-Каспийского региона: реконструкция этнокультурной и социально-политической истории кочевников I тыс. до н. э.» проведены исследования сарматского святилища Байте III в Западном Казахстане и донных захоронений Сарыкамыс и Каратон. С 2004 г. ведутся исследования святилища сарматов Кзыл-Уик.

Комплексное изучение памятников ранних кочевников Казахстана открывает широкие перспективы для исследования особенностей и исторических закономерностей формирования и развития культур раннего железного века.

Значительные результаты достигнуты в изучении наскальных рисунков Казахстана. С 1991 г. в институте совместно с Национальным центром научных исследований Франции (А.-П.Франкфор) разрабатывалась программа «Корпус петроглифов Центральной Азии». Разработана универсальная территориально-хронологическая схема распространения наскальных изображений, освоены современные методы абсолютной датировки и копирования петроглифов. Обобщены материалы крупного центра наскального искусства древнего и средневекового Семиречья, более 30 святилищ с петроглифами разных эпох (эпохи бронзы). Рассмотрены проблемы семантического анализа наскальных рисунков. Дана интерпретация наиболее значимых сюжетов и образов, рассмотрены отдельные семантические блоки, относящиеся к определенной системе обрядовой практики населения Семиречья в древности и средневековье.

Продолжается изучение казахских этнографических рисунков с использованием материала Устюрта, полуострова Тюб-Караган, северного Мангистау и юга Атырауской области, нанесенных на скалы, стены погребально-культурных сооружений: мавзолеев, сагана, тамов, произведений монументального искусства: койтасов, кулпытасов. В решении проблемы преемственности культурных традиций рассмотрены механизм трансформации и элементы инноваций с древнейших времен до этнографического времени, разработаны некоторые семантические и мифологические аспекты в реконструкции отдельных сюжетов.

Исследования поселений и могильников, относящихся к концу I тыс. до н. э. — VII в. н. э., Южного Казахстана открыли новые пер-

спективы для изучения истории Кангюйского государства.

Изучение ранних оседло-земледельческих культур юга Казахстана тесно связано с исследованием начального этапа развития городской цивилизации. Как показывают исследования археологических памятников в период раннего средневековья на Таласе, Арыси и Сырдарье, происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых кангюйских поселений.

Ряд работ проводился совместно с Национальным центром научных исследований Франции (Р.Бушарла).

Происходило активное осмысление материалов джетыясарской культуры, топографии и хронологии памятников, проводились анализ накопленного материала и его систематизация. Рассматривались и вопросы этнического содержания культуры.

Появились обобщающие работы, подводящие итоги многолетних археологических изысканий в Приаралье.

В северо-восточном Приаралье проведены комплексные исследования геологов, гидрогеологов, почвоведов, палеонтологов и археологов по гранту INTAS «Climan» (Х. Оберхайсли). На высохшем дне Аральского моря, в 120 м восточнее Теренозека, обнаружены остатки двух городищ XIV — начала XV в., объясняющих, что «кризисы Арала» имели место не только в конце XX — начале XXI вв. но и раньше (К.М. Байпаков, Д. А. Воякин).

На комплексе Акыртас в Таласской долине проводятся археолого-консервационные работы с последующей музеефикацией (К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, З.Ж. Шарденлова).

Раскопки городища Талгар выявили городскую застройку, дали материал, позволивший понять палеоэкономике города и определить, что Талгар был центром железоделательного производства Илийской долины. Установлено, что здесь могли варить булатную сталь (Т.В. Савельева, Н.М. Зиняков).

Исследована материальная культура и этапы развития городища Кулан IX—X вв., проведены раскопки замка, в одном из помещений которого обнаружен резной штук с растительно-геометрическим орнаментом, зооморфными и антропоморфными композициями, представляющими собой объемные части скульптуры, глубокую и графическую резьбу, фигурную аппликацию. Наряду с домусульманскими мотивами, в композиции присутствуют

арабские надписи религиозного содержания. На городище Жувантобе изучены слои города с постройками VI—VIII вв. Детально исследована застройка города Джамуката VIII—X вв. (городище Костобе).

На городище Антоновка, отождествляемом со средневековым Каялыком (Кайлаком) — столицей карлукских джабгу, — завершены раскопки буддийского храма XII—XIII вв., исследована богатая городская усадьба XII—XIII вв. Получена дополнительная интересная информация по вопросу устройства систем отопления помещений — канов, когда сооружение отапливалось не одной мощной печью, а локальными небольшими печами, расположенными в разных частях постройки. Среди интересных сооружений города следует назвать баню-хаммам XIV в., соборную мечеть XII—XIII вв. и мавзолеи XII в., собраны богатые коллекции керамики, изделий из металла, стекла (К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Б.А. Железняков, М.М. Нурпеисов).

Были продолжены исследования на городищах Туркестан, Культобе, Шойтобе.

Составлена предварительная карта распространения в регионе памятников оседлой городской культуры (городища, поселения). Установлено, что топография городища Туркестан имеет два основных периода развития: рубеж I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., V—XIV и XIV—XX вв. Первый проходил на территории холма Культобе и ближайших окрестностей, второй связан с перемещением городской территории к западу, значительным его территориальным ростом, с охватом территории древнего некрополя с ханаккой Х.А. Ясави. Установлено, что выделение части, именуемой ныне «цитаделью»-«арк», произошло не ранее середины XIX в., когда наружные крепостные стены охватили участки, прилегавшие к территории средневекового города.

Археологической разведкой в Туркестанском оазисе выявлены средневековые городища, среди которых особо выделяется городище Сидак раннесредневековой и позднекангюйской эпохи (I—IX вв.). Полученные материалы позволяют рассматривать окрестности г. Туркестана как один из крупных раннеземледельческих оазисов на юге Казахстана (Е.А. Смагулов, М.К. Туякбаев, М.Е. Елеуов).

По-прежнему основным объектом исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции являлся Отрар. Здесь проводились раскопки соборной мечети конца

XIII—начала XIV в. Эта постройка возводилась одновременно с постройкой в Туркестане по приказу Тимура комплекса Ходжа Ахмеда Ясави.

В 2000—2004 гг. археолого-консервационные работы на Отраре и городищах Отрарского оазиса проводились по международному проекту ЮНЕСКО-Казахстан-Япония «Сохранение и консервация древнего городища Отрар». Целью его было получение новой информации путем раскопок, консервации ранее раскопанных на Отраре: соборной мечети конца XIV — начала XV вв.; мечети XVI—XVII вв.; бани XIII—XIV вв.; гончарной мастерской XIII — XIV вв.; городского квартала XVI—XVII вв.; фортификации с целью превращения Отрара, а также оазиса в археологический парк и центр туризма на Великом Шелковом пути.

С 2004 г. после завершения этой программы начаты работы, продолжающие линию сохранения и музеефикации Отрара по проекту «Возрождение древнего Отрара». Ведутся раскопки соборной мечети, городских бань; консервация дворца и мечети на Куйруктобе и фортификация Мардан-Куика (К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Т.С. Доцанова).

Наиболее крупные средневековые городские центры, на которых развернулись исследования по Государственной программе «Культурное наследие», — Испиджаб, Шымкент и Сауран.

Проведены исследования, связанные с локализацией городов округа Испиджаба, начаты раскопки Шымкента (стратиграфический шурф) и работы на рабаде Испиджаба (Б.А. Байтанаев, Р.Х. Сулейменов).

В связи с празднованием двухтысячелетнего юбилея города Тараза в научной литературе была опубликована серия статей, посвященная археологическим памятникам Таласской долины, локализации городов, урбанизации региона.

Ведутся широкомасштабные исследования памятников древних тюрок — могильников, поминальников, святилищ, каменных изваяний, наскальных рисунков (Л.Н. Ермоленко). Опубликованы монографические исследования о древнетюркских памятниках казахстанских степей и о святилище Мерке. Исследуется святилище Жайсан в Чуйской долине (А.М. Досымбаева). С 2000 г. в Западном Казахстане разворачивается исследование Уральская археологическая экспедиция, организованная Институтом археологии и Центром археологии и истории при акимате Западно—Казахстан-

ской области (М.Н. Сдыков, А.А. Бисембаев, С.Ю. Гуцалов).

Исследовались и продолжают исследоваться Савроматские и Сарматские памятники, в том числе могильник Кырк-оба; открыто и раскапывается золотоордынское городище Жайык, а также остатки средневекового города Сарайчик (З.С. Самашев). В работах на Жайыке и Кырк-обе участвуют К.М. Байпаков, Е.А. Смагулов, Ж.Е. Смаилов, А.А. Бисембаев, Г.А. Ахатов.

Уже отмечались как одно из явлений этого периода развития археологии связи с исследователями ближнего и дальнего зарубежья, участие, в зарубежных грантах, совместные научные конференции, что, безусловно, расширяет возможности археологической науки страны. Один из значительных событий в связи с этим является «прорыв» казахстанских ученых в научные издательства зарубежных стран. За эти годы изданы совместные сборники трудов по археологии, опубликованы десятки научных статей в США, Франции, Италии, Германии, КНР, Южной Корее, Пакистане. С другой стороны, зарубежные исследователи публикуют свои статьи в научных изданиях Казахстана.

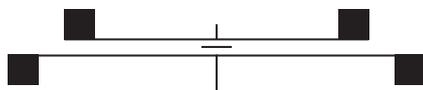
В научном мире получили известность издания, посвященные археологическим исследованиям в Казахстане, вышедшие в России, Франции, Италии и Казахстане.

Много делается в части выпуска альбомов-каталогов, археологических коллекций из раскопок отдельных памятников, тематических альбомов, посвященных художественным произведениям саков Казахстана: керамике, художественным ремеслам. Эти издания содержат тексты на казахском, русском и английском языках, что дает возможность знакомиться с культурным наследием Казахстана зарубежному читателю.

Большое внимание уделяется вопросам пропаганды культурного наследия в стране и за рубежом. Выставки «Золотой человек и древние сокровища Казахстана», «Древние религии Казахстана», подготовленные музеем Института археологии, с большим успехом демонстрировались в Италии и Франции.

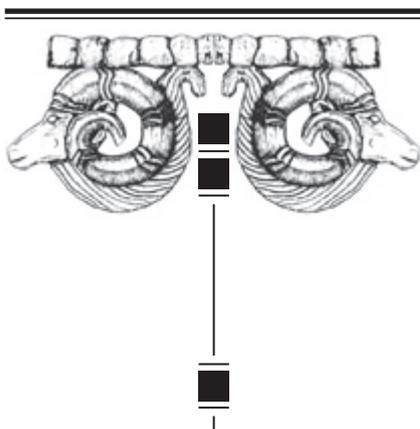
Выпущены материалы научных симпозиумов, проходивших при открытии этих мероприятий.

Масштабы археологических работ расширяются, ведутся комплексные исследования во всех регионах Казахстана.

глава II

КАМЕННЫЙ ВЕК

КЛИМАТ В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА

Четвертичная (антропогеновая) эпоха, связанная с периодом существования первобытного человека, началась более 2-х млн. лет назад. Своего рода естественной границей, отделяющей антропогеновую эпоху от предшествовавшей ей неогеновой, явились крупные палеогеографические изменения. На территории Казахстана в это время резко возросла интенсивность горообразовательных процессов, возникли горы Тянь-Шань, Алтай, Тарбагатай, Саур и Джунгарский Алатау. Вертикальные подвижки земной коры формировали близкий к современному рельеф Казахского мелкосопочника. Отдельные его участки несколько приподнимались, образуя равнины и плато, другие же опускались, превращаясь в низменности и межгорные котловины. Естественно, расположение их в аридной зоне обусловило не только разнообразие, но и сходство условий обитания древних гоминидов. Для аридной зоны характерны различия в продолжительности первоначальных этапов освоения территорий, а также происхождении и эволюции гоминидов. Но всем типам рельефа свойственно абсолютное преобладание стоянок открытого (наземного) типа. Многие из них являются комплексными и несут следы очень длительного пребывания древних гоминидов на одних и тех же геоморфологических позициях (нередко в течение сотен тысяч лет). Среди последних можно назвать стоянки-мастерские Кызылтау (Жамбылская область), Мугоджары (Актюбинская область), Шакпак-ата (Мангистауская область), Семизбугы (Карагандинская область) и др.

По своему положению в аридной зоне, величине территории и разнообразию природно-ландшафтных зон, типов рельефа Казахстан может служить моделью изучения палеолита аридной зоны Евразии. Здесь выделяются следующие крупные регионы: Туранские и Прикаспийские

пустыни; Сары-Арка, равнины и мелкосопочник Восточного Казахстана (в понимании А.Г.Медоева и др. — вся территория от Тургайского прогиба на восток); горный регион (Северный Тянь-Шань и Алтай); низменные равнины Северного и Северо-Восточного Казахстана — казахстанская часть Западно-Сибирской низменности.

История развития палеолита, количество стоянок и их концентрация в этих регионах неодинаковы, как неодинакова геолого-геоморфологическая ситуация, определявшая географию памятников, условия среды обитания, стабильность или изменчивость палеографических условий и возможность передислокации (сезонные и другие типы миграции) при изменении климата или смена ландшафтов.

По мере роста гор, препятствовавших проникновению влажных воздушных океанических масс, и сокращения водных бассейнов климат на территории Казахстана становился все более сухим. Однако в четвертичном периоде он не раз еще сменялся более влажным, иногда в горах происходили оледенения.

В некоторых районах земного шара в основу деления антропогенной эпохи положен палеоклиматический принцип, базирующийся на смене ледниковых периодов межледниковыми стадиями. Особенно подробно разработана и широко применяется так называемая альпийская схема оледенения Европы. Территория Казахстана и Средней Азии принадлежит к числу районов, где не было покровного оледенения, хотя холодное дыхание ледников ощущалось и тут. Четвертичные оледенения охватывали, в основном, горные области. Число и продолжительность оледенения в Казахстане могли быть различными для каждого горного хребта.

Катастрофа в конце плиоцена и четвертичное время изменили ситуацию. Гиндукуш, Гималаи, Каракорум, Тянь-Шань и Алтай не только стали непреодолимым барьером для муссонов, но и полностью преобразовали плиоценовые ландшафты, которые постепенно приобретали современный вид. Растущие горные хребты, покрытые ледниками, и все территории, вовлекаемые в поднятие, предопределили, по-видимому, мозаику в ареалах палеолита. Изменение движения муссонов и циклонов, увеличения континентальности климата в аридной зоне способствовали опустыниванию значительной территории. Регионы Казахстана неодинаково реагировали на изменяющиеся условия. Наиболее устойчивым оказался район Туранс-

ких и Прикаспийских пустынь. На побережье Каспийского моря и плато Устюрт сохранились многочисленные стоянки палеолита и неолита, непрерывно функционировавшие с раннего этапа палеолита до неолита ввиду стабильности палеографических условий (благоприятный климат, обилие объектов охоты и мест обитания), неограниченного количества сырья, наличия пресной воды. Топография сохранившихся стоянок подтверждает данные геологов о неоднократном изменении береговой линии.

Территория Сары-Арки — с характерным сочетанием мелкосопочника и равнин, с широкими плоскодонными долинами — по геоморфологическим условиям была и остается наиболее стабильной областью. Эволюция палеолита здесь начинается с ранних этапов ашеля и не прерывается до позднего палеолита. Длительный hiatus до неолита связан с деградацией гидросети.

Своеобразие топографии стоянок каменного века указывает на возможные проникновения первобытных гоминидов по главному водоразделу Сары-Арки и дальнейшее расселение их в северном Прибалхашье. Стабильность палеогеографических условий, установившиеся и, по-видимому, не меняющиеся пути миграции животных (объектов охоты) и птиц, многочисленные выходы хорошего сырья и постоянные источники воды обусловили возможность длительного обитания первобытных коллективов носителей различных культур на одних и тех же стоянках на шлейфах конусов выноса, на берегах рек у глубоких плесов или у родников с пресной водой. Только в конце верхнего плейстоцена, когда стало очень холодно и сухо, окончательно деградировала гидросеть и на фоне многолетней засухи в районах Сары-Арки были нарушены установившиеся связи животных, гоминиды навсегда покинули эти места. Лишь в переходных зонах, на периферии Сары-Арки в Прииртышье, эволюция не прерывалась до неолита.

Одной из переходных зон является хребт Каратау (Присырдарьинский). Своеобразие его географического положения заключается в том, что, с одной стороны, он является окончательно хребтов Северного Тянь-Шаня и имеет характерную для них высотную поясность, в наиболее холодные эпохи, видимо, здесь располагались ледники. С другой стороны, он расширяет две крупные области — песчаные пустыни Средней Азии и глинистые пустыни Бетпақдалы. В климатическом отношении

хр. Каратау исключительно благоприятен. Такая ситуация сохранялась здесь в течение длительного времени, по крайней мере с верхнего плиоцена. Расположение хребта в зоне пустынь обусловило и формирование мощных песчаных (по периферии) и лессовых толщ (во впадинах). Геологическое строение многих районов хр. Каратау благоприятствовало постоянному обитанию здесь многочисленных стад животных.

Не вызывает удивление обитание здесь с древнейших времен гоминидов, которые находили вокруг и пищу, и источники воды, а также хорошие места для стоянок на берегах рек, в пещерах и лессовых районах.

Особенностью переходных районов является фрагментарность и мозаичность событий и явлений. Так, палеолит хр. Каратау характеризуется, по крайней мере, двумя линиями эволюции. Первая характерна для кустового района гор Малый Каратау и базируется на почти черных массивных кремнях (Борыказган, Танирказган, Кызылтау и т.д.). Самые древние стоянки связаны с вершинами куэстов — останцов некогда обширной исходной поверхности пенеплена. Более поздние — мустьерские и позднепалеолитические — располагаются у подножий куэстов и имеют большой хронологический разрыв с местонахождениями раннего палеолита.

Другая линия развивалась на кремнях светло-серого цвета, обладающих хорошими физическими свойствами и позволяющих получать более качественные сколы с заготовок. Она представлена стоянкой им. Ч. Валиханова в Южно-Казахстанской области. Уникальность ее состоит в том, что ее существование связано с историей лессового плато, которое эродировалось долинами рек, врезааясь в лессы по зоне контактов с кайнозойскими отложениями. Возможно, эволюция этой палеолитической стоянки, названной А.Г. Медоевым арыстандинской культурой, восходит к палеолиту из конгломератов у пос. Арыстанды.

Прослеживается и третья линия развития — на осадочных породах (песчаниках). По данным геолога Б.Ж. Аубекерова, в районе стоянки им. Ч. Валиханова и некоторых других местах собрано несколько образцов позднего палеолита, по своим типологическим особенностям напоминающих саякскую культуру Сары-Арки.

Наименее изученными остаются пока горные области Казахстана. Поиски стоянок палеолита затруднены в связи с особенностями осадконакопления и скоростью преобразова-

ния рельефа. Если скорость осадконакопления в долинах Сары-Арки определяется суммарно за четвертичный период в 10—20 м (данные Н.Н. Костенко, Б.Ж. Аубекерова и др.), то в горах мощность четвертичных отложений измеряется сотнями метров. С такой скоростью идет разрушение положительных форм рельефа (террас, шлейфов, конусов выноса). Однако первые находки ашельских (?) и мустьерских артефактов в каньоне р. Чарын, у южных склонов Джунгарского Алатау позволяют видеть перспективу в изучении палеолита горного региона Казахстана.

В связи с этим исследования экспедиции по изучению памятников каменного века Казахстана в последние годы были начаты в Юго-Восточном Казахстане, где впервые выявлены стратифицированные памятники. Географически эта область носит название Жетысу (Семиречье) по наличию семи наиболее крупных рек края. Северной географической границей этой территории является озеро Балхаш. К югу от озера расположена равнина Сарыесик-Атырау, сливающаяся с предгорными равнинами хребтов Тарбагатай, Джунгарского Алатау, Заилийского Алатау и на западе — Чу-Илийских гор и долины р. Чу. Алакольская впадина с расположенными в ней озерами Алаколь и Сасыкколь, а также восточные отроги хребта Джунгарский Алатау образуют восточную границу области. Хребты Кетмень и Заилийский Алатау окаймляют Семиречье с юга.

По разработанной геологом Н.Н. Костенко стратиграфии четвертичных отложений Казахстана, антропогеновая эпоха делится на четыре крупных отдела: нижний, средний, верхний и современный антропоген. Два первых отдела антропогена, в свою очередь, состоят из нижнего и верхнего ярусов, а верхний и современный антропоген — соответственно из трех. В палеографическом отношении ранний этап нижнего антропогена характеризуется умеренно теплым, но менее влажным, чем неоген, климатом, началом интенсивного поднятия горных систем, формированием ландшафтной зональности, постепенным вытеснением саванной растительности степными и полупустынными видами.

Основными видами животных, вошедших в соответствующий нижнему антропогену так называемый илийский фаунистический комплекс, были мастодонт овернский, южный лесной слон, лошадь Стенона, верблюд пребактриан, трогонтерий и др.

Климатические условия в начале второго этапа нижнего антропогена существенно не отличались от таковых предшествующего времени. Однако в конце его наступило похолодание, вызванное развитием полупокровного оледенения в горных районах востока и юга территории Казахстана. Верхний ярус нижнего антропогена представлен кошкурганским фаунистическим комплексом, синхронным Тираспольской фауне Восточной Европы и близким фауне синантропа из пещеры Чжоукоудянь близ Пекина в Китае.

В состав ископаемой фауны того времени, условно названной кошкурганской по месту основных находок в Южно-Казахстанской области, входил лесной слон, населявший обширные междуречья, покрытые лесами и густыми зарослями кустарника. Тугайные заросли вдоль рек и высокотравные кустарниковые степи были излюбленным местом обитания древнего бизона и неуклюжего степного носорога — эламотерия, широколобого лося и оленя — марала. В степях водились два вида диких лошадей: зюссенборнейская, имевшая зебroidные признаки, и впоследствии одомашненная мосбахская. В пустынных районах еще существовали древние верблюды, известные здесь со времен илийского фаунистического комплекса.

С началом среднего антропогена связана фаза потепления и увлажнения климата, сменявшаяся затем двукратными оледенениями в горных массивах и общим похолоданием. Этому периоду соответствует хазарский фаунистический комплекс.

В среднеантропогеновое время в горах Казахстана повсеместно происходили интенсивные тектонические движения. Шел процесс горообразования. В результате двух последовательных горных оледенений нарушился водный режим рек и озер, изменилась гидрографическая сеть. На территории Казахстана началось формирование современных русел больших и малых рек. Сырдарья прокладывала путь по солончаковым впадениям Кызылкумов, после прорыва р. Нарым Бухтарминского междуречья и частичного спуска вод по долине Иртыша озеро Зайсан стало проточным, а река пра-Или в результате тектонического поднятия Капчагайского плато образовала озеро на месте современного среднего течения Или. В связи с таянием ледников низменную равнину Северного Прикаспия покрыли воды Каспийского моря, а к концу среднеантропогеновой эпохи море сократило свой размер.

Равнинные пространства Казахстана (Прииртышье, Прибалхашье) были, в основном, заняты лесостепью и степями, на юге господствовали польнные пустыни. На Тянь-Шане и в других горных массивах произрастали сосна, ель, береза, липа, граб, ольха.

В среднеантропогеновую эпоху широко распространялись животные так называемого хазарского фаунистического комплекса. В кустарниковых степях и лугах бродили трогонтериевы слоны, крупные и вместе с тем коротконогие животные, малошерстные мамонты. В луговых местах, дающих обильную пищу, и в степях паслись длиннорогие бизоны и большеорогие олени.

В верхнем антропогене похолодание удерживалось, причем климат становился более холодным, чем современный. От того периода до нас дошли остатки мамонтовой, или верхнепалеолитической, фауны. Наконец, в голоцене (современный антропоген) формировались климат и ныне существующий фаунистический комплекс.

С геологической стратиграфией антропогеновой эпохи сопоставляют археологическую классификацию палеолита. Предполагается, что раннему этапу нижнего антропогена соответствуют олдувэй и второму, или верхнему, ярусу нижнего антропогена — поздний олдувэй и ранний ашель. Средний антропоген синхронен ашелю. Верхний антропоген соотносится с поздним (верхним) палеолитом, а современный антропоген охватил все последующие эпохи, начиная с новокаменного века.

Предпосылки появления древнейших гоминидов на территории Казахстана следует искать исходя из геолого-географических условий, существовавших в переходный период, но главным образом во второй половине плиоцена. Следы наиболее ранних гоминидов зафиксированы на огромной территории от африканского материка до современной аридной полосы и территории Сибири. Сейчас ясно, что на рубеже 1,6 — 1 млн. лет в сходных условиях на открытых пространствах Прикаспия, Туранской пустыни, в Монголии и Северном Китае уже существовали стоянки гоминидов. Палеогеографические условия плиоцена позволяют считать, что равнины Азии с относительно невысокими горами и благоприятным климатом могли способствовать быстрой миграции далеко на север. Казахстан, Монголия и Северный Китай на ранних этапах заселения Евразии являлись, видимо, наиболее северными районами ойкумены.

Периодизация и хронология памятников палеолита Казахстана (Предварительная)

Система	Раздел	ЧЕТИВЕРТИЧНАЯ										Индекс	Магнитозоны	Тектонические фазы	Субзона и микрозона	Мезорегиналь-Стратиграфическая схема Казахстана	Эволюционный кластер Казахстана		
		ПЛЕЙСТОЦЕН					Верхнее	Среднее	Нижнее	Голоцен	Современное								
		QIV	QIII ₁	QIII ₂	QIII ₃	QIII ₄													
Неогеновая Землепещер (Алматы)		736							423	130	Южная	Длинная			Мезозой	Средний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
													Южная	Длинная	Мезозой	Поздний палеолит			Средний палеолит
Палеоген-Мезозой	Хороцкий	810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		900										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			
		1100											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		730											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		750											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		620											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		620											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		580											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		580											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
		470											Южная	Длинная		Мезозой			Поздний палеолит
Одүүл	Арыстанды (?) Арыстанды	730										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			
Одүүл	Арыстанды (?) Арыстанды	730										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			
Одүүл	Арыстанды (?) Арыстанды	730										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			
Одүүл	Арыстанды (?) Арыстанды	730										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			
Одүүл	Арыстанды (?) Арыстанды	730										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит	Сары-Арка	Средний палеолит	
		810										Южная	Длинная		Мезозой	Поздний палеолит			

Нижний (ранний) палеолит

Эпоха палеолита (древнего камня) является одним из важнейших этапов в истории человечества. Переход наших далеких предков к прямохождению и освобождение рук для трудовых операций, появление первых примитивно обработанных орудий труда явились началом становления человеческого общества. Последующая многотысячелетняя эпоха была временем медленного формирования человека как биологического вида (*homo sapiens*), временем постоянного совершенствования его орудий и образа жизни, поступательного развития общественной организации. Происхождение и история развития человека, его трудовой деятельности во многих уголках нашей Земли имеют много общего и тесно взаимосвязаны. Исходя из этого, эволюцию человека на территории Казахстана следует рассматривать в контексте всемирной истории.

Современные представления о жизни наших далеких предков обосновывают следы пребывания человека — каменные орудия, отходы их производства, остатки пищи в виде костей животных. Немалое значение имеют и этнографические данные из жизни так называемых отсталых народностей современности. Они позволяют лучше объяснить некоторые стороны материальной и духовной культуры древнейшего человечества. Но главную информацию все же дает наиболее массовый материал первобытного общества — каменные орудия труда.

Древнейший человек в своем развитии прошел несколько последовательных этапов. В основе их лежит совершенствование техники обработки камня и связанный с этим рост производительности труда, материальной и духовной культуры.

По существующей в науке классификации, древний каменный век охватывает три длительных хронологических периода: *ранний (нижний)*, *средний* и *поздний (верхний)* палеолит. Ранний палеолит по классической схеме, построенной на материалах Западной Европы, делится на три эпохи: ранний — на *олдувэй*, *ашель*, средний палеолит — *поздний ашель* и *мустье*, поздний — на *офиньяк*, *солютре* и *мадлен*. В последние годы в эту схему внесены некоторые коррективы. Ряд авторов делят палеолит на два периода — древний и поздний с границей между мустье и поздним палеолитом. На основе новых материалов, добытых главным

образом в Африке, древнейшую эпоху в жизни человечества, охватывающую ранее дошель, ныне принято обозначать *олдувэйской эпохой*.

Самая древняя пора нижнего палеолита, называемая олдувэйской культурой, продолжалась примерно от 2,5 млн. до 800 тыс. лет. Последующая эпоха древнего палеолита — ашель — охватывает период от 800 до 140 тыс. лет, и мустье — многие исследователи относят к 140 — 40 тысячелетиям до н. э. Поздний палеолит соответствует приблизительно 40 — 10 тысячелетиям.

Эпоха древнего каменного века — время становления человека и его хозяйства — характеризуется низким уровнем производительных сил. Примитивная хозяйственная деятельность сводилась к использованию готовых продуктов природы: сбору дикорастущих злаков, плодов и ягод, охоте на диких животных. Взаимоотношения людей строились на экономическом равенстве членов коллектива, на естественном половозрастном разделении труда и были по своему характеру коллективистскими.

Общественная организация людей в эпоху палеолита прошла сложный и длительный путь развития. Начальным ее этапом было первобытное стадо — объединение для совместной защиты и нападения, охоты и собирательства. Это дородовое социальное образование отличалось аморфностью, неразвитостью общественных отношений, отсутствием общинно-домашнего хозяйства, в то же время ему была присуща некоторая упорядоченность брачных связей. Существование первобытного стада относят к наиболее ранней ступени нижнего палеолита — олдувэйскому периоду.

В ашельское время постепенно вызревают предпосылки нового социального организма — первобытной общины. А в эпоху мустье уже существуют оседлость, естественное разделение труда по полу и возрасту, возникают начальные формы общины. Человеческий коллектив позднего палеолита в социальном отношении характеризуется новой гранью — сложением зрелых форм первобытно-родовой общины. Этот качественный скачок, как полагают многие исследователи, совпал с трансформацией неандертальца в человека современного физического типа (*homo sapiens*).

Достоверные древнейшие представители рода *homo* появились примерно 2,5 млн. лет назад. Бытует мнение, что в это время существовали австралопитеки. Самым ранним

на земном шаре существом, обладавшим способностью к трудовой деятельности, сейчас считают так называемого презинджантропа, костные остатки которого вместе с грубыми рубящими орудиями (чопперами) обнаружены в 1959 — 1963 гг. в Олдувэйском ущелье (Восточная Африка). Этому древнейшему гоминиду исследователи дали видовое название «*Homo habilis*» (человек умелый). Его абсолютный возраст, определенный калий-аргоновым методом, составляет 1 млн. 750 тыс. лет.

По объему мозг *Homo habilis* (652 см³) несколько превышает мозг антропоидных обезьян. Ряд других данных, например, ярко выраженная сводчатость стопы, говорящая о прямохождении, указывает на то, что существо уже перешагнуло рубеж, отделявший ископаемых человекообразных обезьян от древнейшего человека.

Дальнейший шаг в эволюции человека связан со стадией *Homo erectus* (человек выпрямленный). Представителями этого вида были питекантроп и синантроп — носители доашельской — ашельской культуры каменного века. Питекантроп, обнаруженный на острове Ява, имел объем мозга 950 см³, а синантроп, впервые найденный в пещере Чжоукоудянь, близ Пекина, — 1075 см³. Примечательно, что вместе с костями синантропа находились грубые каменные орудия разных форм, сильно прокаленные камни и большое количество костей животных нижней антропогеновой фауны.

В настоящее время нет единого мнения о древнейшей прародине современного человека и происхождении расовых типов. Наиболее распространены две гипотезы: *полицентрическая* и *моноцентрическая*. Согласно первой, формирование современного человека происходило в нескольких частях планеты: Европе, Азии, Африке, Австралии; разными темпами относительно изолированно шел процесс становления таких больших рас, как *европеоидная*, *монголоидная*, *негроидная*, *австралоидная*. Сторонники же моноцентрической гипотезы считают, что все расовые типы развивались из одной предковой линии древнейших людей, первоначально населявших обширную территорию Северо-Восточной Африки, Переднюю и Южную Азию. Эти первые люди не имели признаков, какой-либо одной современной расы, и только по мере расселения человеческих групп и оседания их в различных регионах земного шара постепенно складывался тот или иной расовый тип.

В последнее время учеными выдвинута теория о происхождении человека из двух областей: Северо-Восточной Африки и Юго-Западной Азии. Именно здесь, в тропической зоне, расположенной к северу от экватора, найдено большинство ископаемых останков древнего человека.

В позднеашельское и мустьерское время произошли существенные изменения в технологии изготовления каменных орудий и образе жизни древнего человека. Они явились следствием новой, более высокой ступени эволюции человека, так называемой фазы неандертальца.

Люди эпохи ашель-мустье, обобщенно называемые *палеоантропами*, жили в условиях относительного климатического похолодания, сопровождавшегося в ряде мест земного шара максимальным оледенением. В этот завершающий период нижнего палеолита окончательно сформировались особенности внешнего облика древних людей — предшественников человека современного вида.

Отличительными чертами неандертальца являются покатый лоб с мощными надбровными дугами, низкий свод черепной коробки, массивность скуловых костей, крупный размер зубов, отсутствие либо слабое развитие подбородочного выступа. Мало выраженный изгиб позвоночника и слабо выпрямленные в коленном суставе ноги указывают на довольно неуклюжую походку неандертальцев. Они были невысокого роста (150—160 см), но объем мозговой коробки достигал уже 1300—1400 см³.

Период позднего ашеля и мустье стал новым этапом развития палеолитического человека и его культуры. В производственном отношении он ознаменовался переходом к более прогрессивной технике обработки камня. Суть ее в том, что каменная заготовка скальвалась так, чтобы одна или две ее короткие стороны приобрели ровную площадку. Для этого использовались отбойники: цилиндрической формы орудия из кости, дерева, рога. Затем с ровной площадки откалывали удлиненные массивные пластины. Этот новый прием обработки получил название *техники леваллуа*.

Продолжал также развиваться возникший еще в ашельское время прием изготовления орудий из дисковидных нуклеусов. Пластины с таких заготовок получали посредством серии сколов, направленных от краев дисковидного нуклеуса к его центру. Ведущими типами орудий мустье являлись *остроконечник* и *скребло*. Остроконечник, по-видимому, выполнял фун-

кции ножа и наконечника деревянного колья дротика. Скребла употребляли для обработки дерева, выделки шкур убитых животных и т.д.

Однако набор инструментов отнюдь не ограничивался орудиями этих двух типов. Помимо них существовали и развивались старые формы каменных изделий, унаследованные от предшествовавшей эпохи: отщепы клектонского и псевдоклектонского типов, бифасы, унифасы и др.

В памятниках мустьерского времени различных регионов отчетливо прослеживается разнообразие видов орудий и особые технические приемы их изготовления. Последнее приводит к мысли о существовании, возможно, уже в ашельский период и безусловно в мустьерское время локальных (фациальных) особенностей в культуре древнейших человеческих групп. Такие особенности характерны и для территории Казахстана.

Технико-типологические различия в изготовлении каменных орудий определялись разными причинами: природным окружением того или иного коллектива, сложившимися традициями в обработке камня, сырьевыми ресурсами. Крупнейшим достижением мустьерского человека стало открытие разных способов добывания огня: трением дерева о дерево (заостренный конец деревянной палочки вставляли в углубление мягкой древесины и вращали) и высеканием искры посредством удара кремнем о рудные минералы. Овладение огнем дало возможность превращать мясо и жир животных в питательную и легкоусвояемую пищу.

Поздняя пора древнего палеолита характеризуется многообразием памятников. До нас дошли примитивные с постоянным очагом жилища, оборудованные под скальными навесами или у входа в пещеру, стоянки-мастерские, приуроченные к местам выхода каменного сырья, мастерские-каменоломни, сезонные охотничьи стойбища, временные охотничьи лагеря. Одним из таких памятников со следами очагов, обложенных камнями, в жилище является стоянка Шульбинка в Восточном Казахстане.

Неандертальский человек в условиях увлажнения и похолодания климата умело строил жилище в виде шалаша, выкапывал небольшие круглые полужемлянки, стенки которых затем крепил вкопанными в землю костями животных, воздвигал крупные жилища из костей животных. Сооружение долговременных жилищ свидетельствует о серьезных изменениях в бытовом укладе и общественной организации

людей. Есть основания говорить о существовании уже в то время полуседлого образа жизни. Какая-то часть человеческого коллектива (женщины, дети, старики), занимавшаяся собирательством, жила в постоянных жилищах, а другая часть — мужчины, объединенные в охотничьи группы или отряды, — кочевала в поисках добычи и разбивала временные стоянки в пунктах, удобных для облавной охоты.

Многообразие трудовых процессов — добыча сырья из каменоломен, изготовление орудий охоты, постройка жилищ, обработка охотничьей добычи и приготовление пищи — привело к естественному (по полу и возрасту) разделению труда. Условия жизни требовали согласованной деятельности коллектива.

Основной ячейкой общества стала локальная группа, или охотничья община. Возможно, в этих общинах уже существовали простейшие генеалогические связи, позволяющие говорить о каких-то примитивных чертах родовой структуры, зачатках духовной культуры. Ашело-мустьерская эпоха стала временем относительно широкого расселения палеоантропов, практически все южные районы СНГ вошли в зону обитания человека неандертальского типа.

На территории Казахстана известно большое количество памятников второй половины древнего палеолита. Сравнительно равномерное их распространение указывает на то, что человеком мустьерского времени было освоено большинство районов территории Казахстана — от хребта Каратау на юге до верховьев р. Ишим на севере и от среднего течения Сарысу на западе до верховьев Иртыша на востоке.

Уже сейчас можно наметить две крупные культурные области — южную и северную.

Характеристика памятников древнейшей истории Казахстана дана по принятым многими исследователями палеолита двум эпохам: древнему и позднему палеолиту.

На территории Казахстана пока не найдены ископаемые останки древнего человека. Однако палеографическая обстановка в южных районах Казахстана была благоприятной для жизни древнего человека. Об этом же говорят находки в Южном Казахстане архаических каменных орудий, сходных с примитивными орудиями раннеашельского времени из Юго-Восточной Азии и Африки, видовой состав древних животных, близкий фауне, найденной вместе с синантропом в пещере Чжоукоудянь.

Одним из благоприятных для расселения древнейшего человека районов на территории

Казахстана был хребет Каратау. В пределах этого хребта и прилегающих к нему районах отсутствуют какие-либо следы четвертичного оледенения. Относительно влажный и теплый климат, пышная, влаголюбивая растительность, разнообразная фауна создавали необходимые предпосылки для существования здесь человека в эпоху древнего палеолита.

К числу самых древних зафиксированных здесь орудий труда относятся массивные прямоугольные кремневые отщепы, найденные у пос. Конырдек в толще сцементированных конгломератов, слагающих нижнечетвертичную самую высокую надпойменную террасу р. Арыстанды на юго-западных склонах хребта Каратау. Эти древнейшие орудия так называемого клектонского типа отличаются от более поздних непропорционально большим ударным бугорком, занимающим более половины площади всего отщепа. Вместе с ними находились большие кремневые заготовки, желваки-нуклеусы, от которых и были отбиты эти отщепы.

В северо-восточной части хребта Малый Каратау древнейший человек предположительно обитал главным образом на изолированных возвышенностях (останцах) и невысоких грядах или уступах (куэстах), в местах, наиболее богатых выходами кремневых пород — основным поделочным камнем древности, иначе, сырьевым материалом. Здесь, например, в радиусе 5-10 км обнаружено 12 палеолитических стоянок, собрано свыше 5 тысяч кремневых изделий. Наиболее интересные находки раннеашельского времени сделаны в Каратау в урочищах Шабакты, Танирказган, Борыказган, Кызылтау, Акколь 1, Казангап.

В урочище Шабакты на плоской поверхности удлиненного останца, среди архаических отщепов так называемого клектонского типа, подобных арыстандинским, найдены два рубила. Первое, треугольной формы, выполнено из серовато-зеленого кремнистого известняка; его рабочий конец двусторонней обивкой превращен в дугообразное острое лезвие. Второе рубило, овальной формы, напоминает массивное скребло; обнаружены еще два характерных для этого времени орудия. Одно из них, напоминающее африканские чоппинги — грубые рубящие орудия с широким рабочим краем, изготовлено из крупной гальки. Дугообразно выпуклая рабочая его часть заострена с двух сторон крупными сколами, а противоположный конец не обработан. Другое изделие выпол-

нено из расколотого пополам куска желвака. Один край его обработан крупными сколами, и орудие напоминает грубое рубило.

К раннеашельскому периоду относятся стоянки в урочищах Борыказган и Танирказган. Здесь в пределах четко ограниченного скопления культурных остатков обнаружены четыре группы изделий, представляющие основные типы каменной индустрии древнейшего человека, населявшего районы хребта Каратау. Это грубые рубящие орудия с одно- и двусторонней обивкой рабочего края, рубила ашельского типа с тщательной обработкой рабочих лезвий, массивные отщепы клектонского типа, крупные аморфные желваки — нуклеусы. Все они несут на себе следы глубокого выветривания и сильной патинизации. Подобный набор каменных орудий характерен также для стоянки Акколь 1.

Другой крупный памятник раннеашельского времени открыт в Бетпақдале на правом берегу р. Чу. Геологические условия залегания находок на поверхности самой высокой древнечетвертичной террасы р. Чу, в урочище Казангап свидетельствуют о его нижнепалеолитическом возрасте. На стоянке, погребенной под небольшим слоем плотного суглинка, выявлено около 300 экземпляров разнообразных каменных изделий. Материалом для их изготовления служил темно-желтый кремнь карбонового возраста. Основу находок составляют массивные отщепы клектонского типа. Для кремневых поделок характерны двусторонние (бифасы) и односторонние (унифасы) рубящие орудия, небольшой процент скребел, ручных рубил, нуклеусов и других форм.

Типологическая близость каменных орудий Каратау по форме и приемам обработки, древнейшим находкам в Африке, Индии, Пакистане, Китае позволяет говорить о том, что территория Южного Казахстана была заселена человеком еще в раннеашельское время.

Древнейшие жители Казахстана были современниками питекантропа и синантропа, в эволюционном отношении соответствующие фазе *Homo erectus*. Первобытные обитатели Каратау уже могли добывать и поддерживать огонь, занимались охотой на крупных и мелких животных и сбором растительной пищи. Об этом свидетельствуют погребенные остатки материальной культуры уникального памятника Кошкурган и Шоқтас в Южном Казахстане.

Памятники располагаются в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области на пред-

горной равнине между юго-западным склоном хребта Каратау (самый дальний северо-западный отрог Тянь-Шаня) и долиной реки Сырдарьи. Для данного района характерны все признаки аридной зоны центра Азии, чему в немалой степени способствует близость пустыни Каракум. Подгорная равнина хребта Каратау с абсолютными отметками 450-250 м имеет рельеф денудационно-аккумулятивного характера, с выровненной поверхностью с отдельными эрозионными останцами меловых и неогеновых пород на водоразделах и четвертично голоценовыми накоплениями в локальных депрессиях. Территория изрезана многочисленными мелкими долинами и руслами сезонных водотоков, а также молодыми оврагами и промоинами. Ощутимы процессы дефляции. Современные эоловые накопления, как и более ранние, концентрируются задерживающей чахлой растительностью. Поселок Кошкурган, где находится одноименный памятник, расположен на северо-восточной периферии озеровидной депрессии, понижения, открывающегося на юго-запад. Склоны депрессий окружены пологовоостанцевыми грядами, сложенными глинами неогена, и реже песчаниками верхнемелового возраста. На северо-востоке виден фас герцинских существенно карбонатных сооружений хребта Каратау, сложенных породами средне-верхнего девона и нижнего карбона. В палеозойских структурах хребта Каратау наблюдаются отдельные элементы, уровни древних поверхностей выравнивания. Ширина локальной озеровидной депрессии на южной оконечности пос. Кошкурган достигает 1,5-2 км. В промоинах западных бортов депрессии обнажены красно-коричневые, плотные, комковатые, песчанистые глины с мелкими известково-мергелистыми конкрециями. Мощность их около 0,5 м. Ниже залегают зеленовато-серые, светлые, однородные плитчатые аргиллитоподобные глины, рассеченные трещинами, заполненными гипсом. Видимая мощность их 1,0-1,2 м. Скорее всего, это древние озерные отложения, ниже снова обнажены красновато-коричневые комковатые, песчанистые очень плотные глины. Иногда между этими глинами встречаются линзы и прослойки зеленоватого цвета, а также линзы глинистых серовато-коричневых разнозернистых песков и существенно кремнистых галечников. В галечниках встречены отдельные мелкие валуны размером 0,2-0,3 м. В боковом обнажении арыка, вскрывающего наиболее пониженную часть депрес-

сии, залегают (до 2-2,5 м) серые, пепельно-серые плотные илы, фациально переходящие на склонах депрессии в глинистые разнозернистые пески. Это несомненно озерные отложения плейстоцена и частично голоцена. На восточном склоне депрессии визуально ощущаются отдельные террасовые поверхности, высотой 15-20 м, имеющие скорее эрозионный генезис. Поверхности террас покрыты мелким переотложенным меловым галечником кремнистого состава. От окраины Кошкургана, вверх по склону на северо-восток, прокопана канава под трубу водовода протяженностью более 3 км. В наиболее возвышенной части канавой обнажены (сверху вниз): суглинок лессовидный, желтовато-палевый, очень плотный, пористый карбонатный с редкими реликтами корневой системы растений. Иногда в суглинках встречаются кремнистые галечники, размером до 2 см. К подошве суглинки более песчанистые, переходящие в глинистые пески. Мощность эоловых покровных суглинков 0,5-1,2 м, граница подошвы неровная. Ниже залегает кора выветривания по верхнемеловым песчаникам — песок серый мелко-среднезернистый, полимиктитовый, каолинсодержащий с охристыми и черными примазками железо-марганцевого состава. В 200 м ниже по склону канавой вскрыты неогеновые аргилитоподобные комковатые оскольчатые шипы малиново-бледно-зеленовато-серого и светло-серого цвета. Глина пестро-цветная, включающая кристаллы гипса. Ниже по склону водораздела на поверхности глин неогена встречены более молодые врезки водотоков, отложившие прослойки мелких галек кремнистого состава, сцементированных песчанистым суглинком. В 500-700 м ниже канавой обнажены только палево-серый лессовый покров, не содержащий галечника. Только изредка встречены вывалы выветренных пород верхнего мела, представленные каолинсодержащими мелко-среднезернистыми однородными полимиктовыми песчаниками, а также конгломератами кремнистого состава. Еще ниже по склону в 500 м после явно эрозионного террасовидного уступа в канаве вновь появляются пестроцветные глины монтмориллонитового состава. Глины очень плотные, аргиллитоподобные, оскольчатые, неогенового возраста. Ниже по канаве глины меняют окраску от ярко-кирпично-красной до фиашково-зеленой, пестроцветной. Определено, что неогеновый водоупорный покров меловых отложений сохранился не повсеместно. Мелкие западины в

кровле глин заполнены делювиально-лессовыми суглинками четвертичного возраста, в которых иногда прослеживается оструктуренная сероцветная ископаемая почва, мощностью 0,4-0,5 м, и залегающая в 0,1-0,5 м от современной почвы.

В целом можно считать, что подводящими каналами водообильных грифонов, многочисленных в прифасовой части хребта Каратау, не могли служить разрозненные песчано-галечниковые прослой и древние русла, залегающие в кровле неогеновых глин. Мощными долгоживущими водоводами служили коллекторы мелового возраста — пески, песчаники и конгломераты, шлейфом обрамляя палеозойские склоны хребта Каратау.

Подытоживая геоморфологические наблюдения, можно разделить район исследований на два комплекса морфоскульптур. Это комплекс аридноденудационных низкогорий хребта Каратау и мелкосопочник пенепленизированных возвышенностей, созданных процессами

десквамации, площадного и линейного сноса с участием дефляции и эрозии сезонной речной сетью. Ко второму комплексу морфоскульптур относится комплекс денудационно-аккумулятивной подгорной наклонной равнины. Ближе к горам встречаются галечниково-суглинистые накопления, образующиеся в результате снеготаяния и теплых летних дождей.

Проведенные исследования позволили получить два взаимоперпендикулярных разреза, один из них пересекает травертиновое кольцо. Благодаря этим разрезам, предварительно выделяются 6 этапов в образовании травертинов в грифоне Кошкурмана. Самый низ в грифоне занимает костеносная линза с артефактами и костями животных. Сбор из этого слоя составили большое количество костей животных кошкурманского комплекса и несколько тысяч артефактов. Документация позволила зафиксировать в каналах грифонов совместное нахождение артефактов и костей, поднимающихся из костеносной линзы.

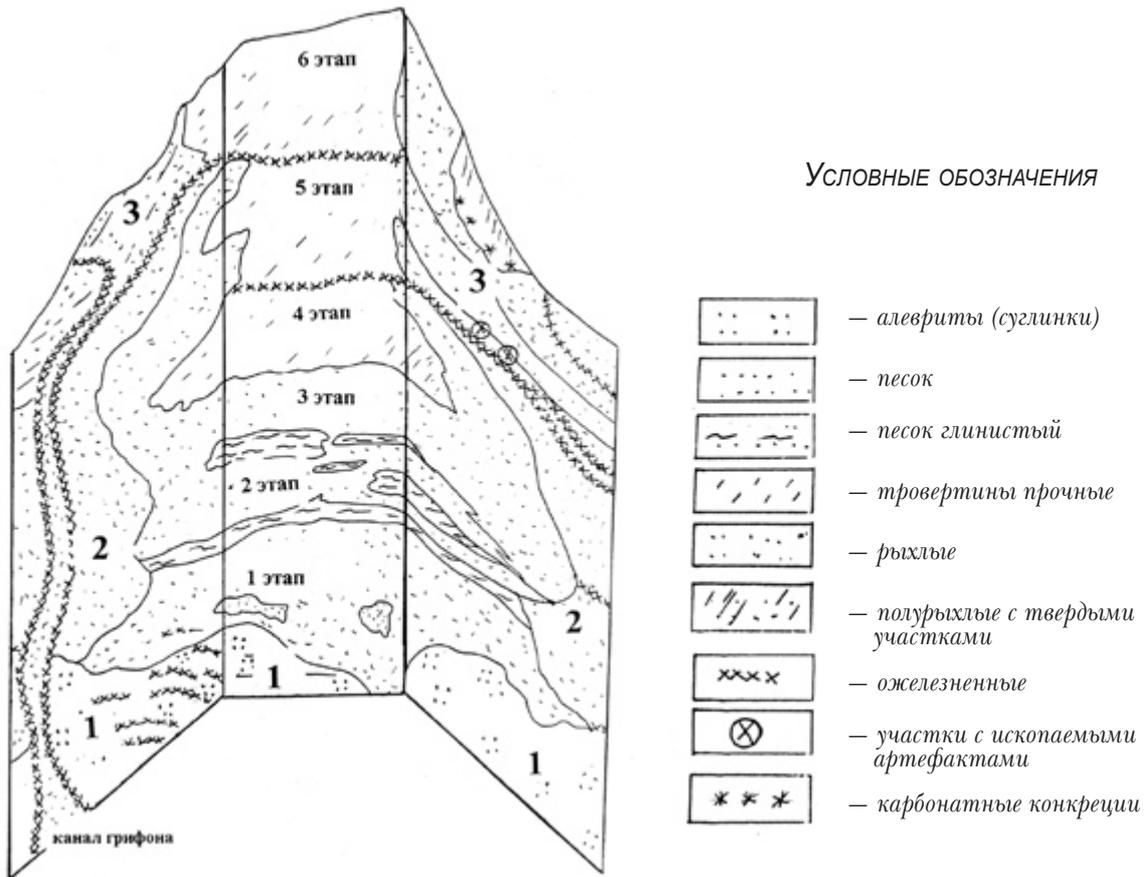

Рис. 2.1. Схематическая развертка стенок траншеи на Кошкурмане

Вероятность того, что артефакты и кости синхронны и принадлежат по сути дела к одному археологическому комплексу, достаточно велика, особенно если учитывать, что имеются артефакты сцементированные совместно, хотя полная уверенность может быть лишь тогда, когда удастся продатировать время образования самих травертинов торий-урановым или другим методом.

Каменный инвентарь, полученный в результате археологических исследований в 1993—1994-х гг., насчитывает около 5 тыс. артефактов и представляет собой выразительнейший комплекс в техникотипологическом отношении. Комплекс является достаточно однородным по всем основным признакам: по исходному сырью, сохранности поверхности, типологии, технологии изготовления (вторичная обработка), по системе первичного расщепления. Для изготовления употреблялись самые различные породы, по преимуществу использовались жильный кварц, крупнозернистый песчаник серого цвета, кварцит, кремь, известковистый песчаник, окаменевшее дерево. Около 70% артефактов сделаны из жильного кварца и крупнозернистого песчаника мелового возраста, эти две породы использовались в виде кусков и обломков. Остальные породы, в основном, использованы в виде небольших галечек из разрушенных брекчий мелового возраста. В целом облик индустрии явно микролитический, средний размер

орудий 3-5 см, но вряд ли это напрямую связано с величиной исходного сырья, что определяется технологической традицией. Первичное расщепление может быть охарактеризовано как близкое к леваллуазской технике, но, безусловно, имеющей очень большое своеобразие, которое может быть определено как кошкурганский вариант леваллуа. Имелась также техника «цитрон» и радиальная, но они носили явно подчиненный характер. Заготовки, которые получались с нуклеусов, носят укороченный характер, в основном, это были отщепы. Бифасиальная техника практически отсутствует, хотя отдельные редкие вещи имеются, чаще встречаются унифасы. Вторичная устойчивая обработка сводилась к нанесению ретуши различного типа, а расположена она чаще на дорсальной стороне, реже — на вентральной. Среди типов ретуши выделяется ступенчатая, чешуйчатая, субпараллельная. Размеры ретуши от микро до крупной. Чаще всего встречается крутая, иногда почти отвесная и полукрутая ретушь. Имеются случаи подтески узких орудий, использовалось рассечение и очень редко осуществлялся прием резцового скола. Имеются клетонские выемки, иногда смежные.

Среди орудийного набора, безусловно, доминируют скребла различных типов, имеются мустьерские остроконечники, резцы, ножи, скреблышки, мустьерские зубчатые, выемчатые орудия, скребки, орудия из галек.

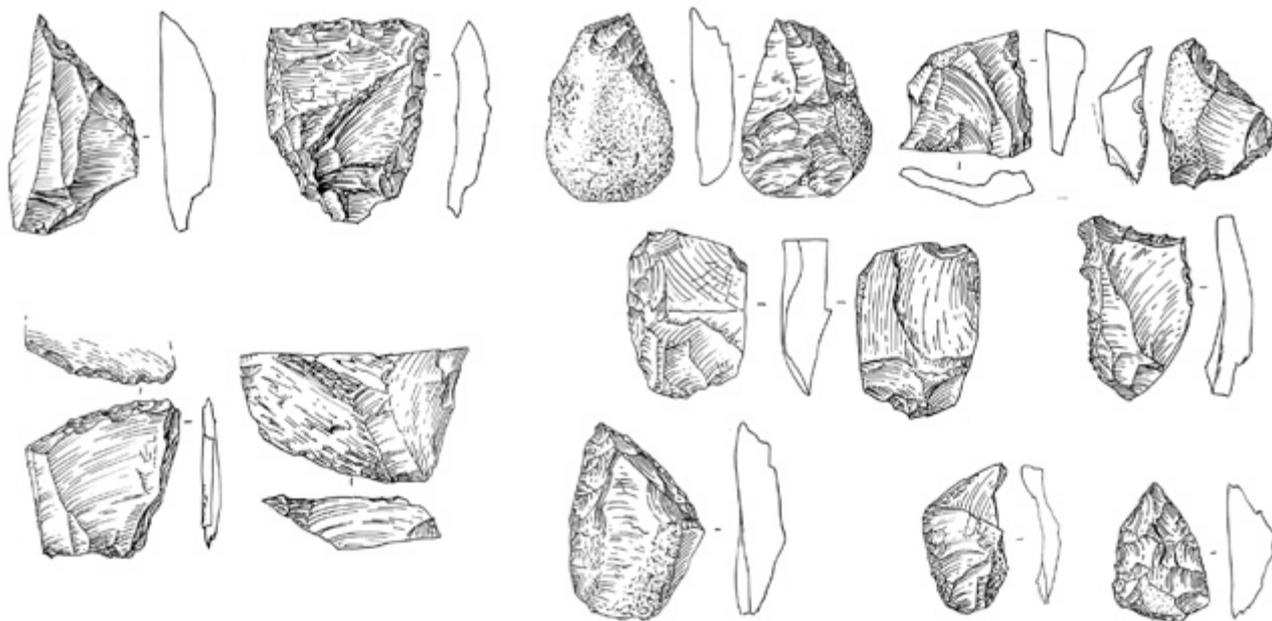

Рис. 2.2. Кошкурган. Каменные орудия труда

Подводя итог описания каменных изделий, следует обратить внимание на то, что они совершенно выпадают из круга индустрий, известных в Казахстане и Средней Азии. Аналогии можно подобрать лишь в материалах Кульбулака (Узбекистан) и в «лессовом» палеолите В.А.Ранова (Таджикистан). Стоит отметить близость по ряду признаков кошкурганского комплекса к индустрии из Вертешселеша (Будаиндустрия) и Бильцингелебен из Центральной Европы. Причем время функционирования стоянки в Вертешселеш определяется в 350-600 тыс. лет. Нельзя не увидеть аналогии Кошкургану, Шоктасу и далеко на востоке, такие, как комплексы китайской пещерной стоянки Чжоу Коу-дянь. Все это вместе взятое подталкивает к мысли, что, возможно, Кошкурган и Шоктас являются связующим звеном между западными и восточными памятниками в начальную пору плейстоцена.

Выявленные в Южном Казахстане стоянки ашель-мустьерского времени характеризуются органическим сочетанием орудий новых форм с архаическими изделиями предшествующего времени. К числу таких памятников относятся три комплекса находок в урочище Токалы, расположенном восточнее р. Коктал. По условиям залегания каменных орудий Токалы (1-3) очень напоминает местонахождения Борыказган и Танирказган. Орудия также располагались на поверхности мелкопочиника в развешанном слое лессовидных суглинков. В указанных пунктах собрано более 300 каменных изделий, большую часть которых составляли галечные орудия с грубым дугообразным лезвием и архаичные массивные скребла.

Другая стоянка, Кзылрысбек, находилась на поверхности куэстовой возвышенности, в 20 км к югу от оз. Аккуль. Материалом для производства поделок служили природные обломки мелкозернистой кремневой породы и кремневая галька. Камни путем нескольких направленных сколов превращались в грубые ручные рубила или орудия типа колуна — предшественника каменного топора. На площади 20 кв. м подняты орудия нескольких типов: двусторонние рубящие, нуклевидные рубящие, скребла и отщепы с дисковидных нуклеусов.

Ряд стойбищ людей ашель-мустьерского времени открыт на высоких надпойменных террасах р. Бурылтай. Помимо крупных массивных отщепов архаического облика, здесь найдены дисковидные нуклеусы, подтреуголь-

ные пластины и пластины с широкими неправильными гранями на спинке, скребла овальной формы, остроконечник, изготовленный из массивного серовато-черного подтреугольник отщепа. Отсутствие здесь поделочного камня, малочисленность и своеобразие каменного инвентаря дают основание говорить о Боролдайских стоянках как местах кратковременного пребывания небольших групп охотников.

Совершенно иной тип памятника исследуется в настоящее время на правобережье р. Арыстанды в урочище Карасу. Многослойная палеолитическая стоянка, названная именем Ч.Ч. Валиханова, находится на третьей надпойменной террасе р. Арыстанды. (Рис. 2.3.). Здесь выявлено огромное скопление кремневых и халцедоновых изделий на площади более 10 тыс. кв. м.

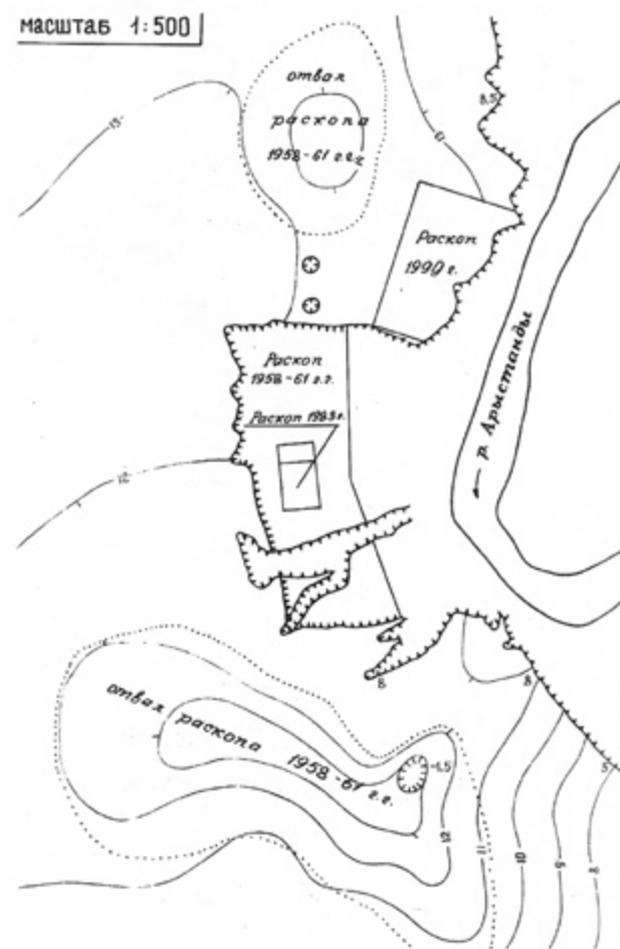

Рис. 2.3. Ситуационный план расположения стоянки им. Ч.Ч. Валиханова

Следы материальной культуры, включающие помимо каменных орудий обломки костей диких животных и древесный уголь, залежали горизонтально и подразделялись на 6 слоев, разделенных лессовыми прослойками, что составило три стратиграфических горизонта. Изделия со стоянки имеют мустьерский облик. Среди них дисковидные нуклеусы, отщепы, остроконечники, рубящие орудия двухсторонней обработки, скребла, скребки-скобели, резцы начали появляться еще в мустьерскую эпоху, сосуществуя с типичными для того времени рабочими инструментами.

Толща культурных отложений, достигающая 7 м, указывает на исключительно благоприятные условия расположения стоянки, на протяжении десятков тысячелетий служившей местом поселения первобытных людей. Спорово-пыльцевой анализ между вторым и третьим стратиграфическими горизонтами, свидетельствует о существовании в мустьерское время в окрестностях стоянки открытого степного ландшафта. Интересна находка крупной пыльцы злака, которая напоминает пыльцу культивируемых злаков. В горных ущельях и на склонах Каратау, по берегам и в пойме р. Арыстанды травянисто-кустарниковая растительность чередовалась с редколесьем, представленным такими древесными породами, как сосна, береза, вяз, клен, грецкий орех, яблоня, ива, ольха, дуб, липа.

Основным занятием обитателей стоянки была охота на бизона, благородного оленя, сайгу и лошадь. Близость коренных выходов кремня и халцедона обеспечивала жителей необходимым сырьем для изготовления орудий труда. (Рис. 2.4.). Для обработки каменных изделий применялись костные и роговые орудия: наковаленки, ретушеры.

Следы мустьерской культуры в виде орудий труда обнаружены также на правом берегу р. Арыстанды, в котловине Шакпак. Это дисковидные нуклеусы, отщепы с них, правильные пластины и несколько десятков других сколов. Поверхность кремневых изделий покрыта желтоватой патиной и сглажена. Материалом для изготовления орудий служил серовато-белый полупрозрачный кремень.

Многочисленные находки расколотого рукой человека белого и беловато-серого прозрачного кремня сделаны в окрестностях пос. Каратау, на поверхности террас и небольших уступов таких притоков р. Арыстанды, как Ащисай, Шольтугай, Майбулак и Каратас.

Основными заготовками для орудий служили треугольные отщепы с дисковидных нуклеусов и удлинненные пластины с параллельной огранкой. Пластины скалывали не с дисковидных, а с приближающихся по форме к призме нуклеусов. Среди орудий этой стоянки — миниатюрные рубила, скребла, остроконечники с ретушью по краю.

Ряд интересных стоянок мустьерских охотников был обнаружен в других местах Южного Казахстана. К ним относятся Алгабасское, Ушбулакское, Шабактинское, Беркутинское и Шалсайское местонахождения.

Алгабасская стоянка располагалась на третьей надпойменной террасе р. Чайн. Большинство каменных изделий представлены короткими широкими отщепами и массивными треугольными пластинами из плотного белого и голубовато-белого кремня.

В урочище Ушбулак (36 км северо-западнее г. Каратау) сохранились следы кратковременных стоянок небольших групп охотников. Место для лагеря выбиралось у родников, куда животные шли на водопой. Наиболее полно характер каменных изделий передают находки у шестого

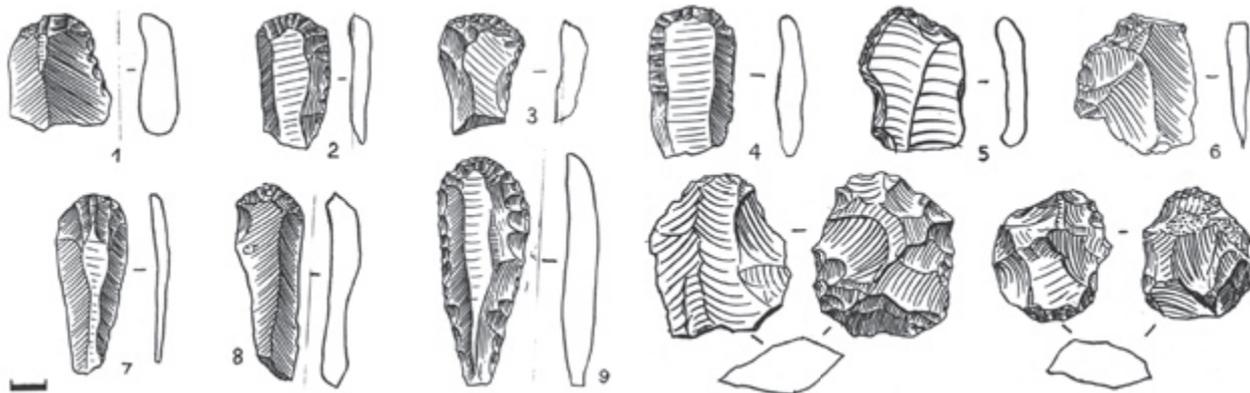

Рис. 2.4. Палеолитическая стоянка им. Ч.Валиханова. Каменные орудия труда

родника (Ушбулак VI). Здесь на высоте 3 м от уреза родника, на глубине 1,6 м, в желтовато-сером суглинке выявлено несколько кусков известняка со следами сколов и три остроконечника. Один из них сделан особенно тщательно из тонкого полупрозрачного желтовато-серого плотного кремневого отщепав треугольной формы.

Более крупная стоянка обнаружена юго-восточнее пос. Байкадам на плато, возвышающемся на 200—250 м над р. Шабакты. Здесь оказалось около 200 изделий из кремневой гальки.

Мустьерские остроконечники найдены на плато Дегерес, на террасовидной площадке ныне высохшей речки Шалсай (пос. Баба-ата).

На кратковременной стоянке палеолитического человека Узынбулак (севернее г. Каратау) выявлено несколько разнообразных по форме и обработке каменных орудий: скребла-скобели, резцы, комбинированные орудия типа скребков-резцов. Вместе с тем в коллекции Узынбулака много архаических изделий: рубящих орудий с грубо оббитыми лезвиями каменных инструментов, изготовленных из широких массивных отщепов, сколотых с дисковидного нуклеуса.

Интересными памятниками мустьерского времени являются древние мастерские по разработке халцедона. Мелкосопочник Бестобе (Уштобе), расположенный в 3-х км восточнее урочища Ушбулак, в ряде мест состоит из беловато-молочных и серо-розовых халцедоновых обнажений. Нередко на вершинах встречаются большие и малые глыбы халцедона со следами многократных скалываний, рядом мелкие обработанные куски, превращенные в нуклеусы, а также большое количество широких треугольных и удлиненных пластин. Отдельные участки сопки буквально усеяны отходами каменнотесного производства.

Выходы халцедона на северо-восточных склонах Каратау служили постоянными местами заготовки поделочного камня на протяжении многих тысячелетий, начиная с мустьерского времени по новокаменный век включительно.

Археологические материалы показывают, что территория центральных и восточных районов Казахстана была освоена древним человеком в ашель-мустьерское время.

Одним из возможных путей заселения этого обширного региона проходил Южный Казахстан, где известны более древние культуры нижнего палеолита. В Центральном Казахстане есть памятники, сохранившие каратауские традиции обработки орудий. Наиболее древний из них, относящийся ко второй половине ашельской

эпохи, — Обальсай (Джездинский район Джезказганской области). Южные склоны отрога сопки Обальсай покрыты многочисленной кварцевой галькой, среди которой встречаются экземпляры со следами искусственных сколов. Наибольший интерес представляют двусторонние рубящие орудия и два нуклеуса (двухплощадочный и односторонний). Рубящие орудия сделаны из массивных несколько уплощенных галек путем двусторонней обивки.

В среднем течении р. Сарысу, к востоку от сухого лога Талдысай, простирается останец Музбель. На нем в слое галечника близко к поверхности собрана коллекция палеолитических орудий, насчитывающая 114 поделок. Материалом для них служила микрокварцевая песчаниковая галька овальной и удлиненно-треугольной формы. В комплексе почти половину составляют готовые изделия типологически выдержанных форм: одно- и двусторонние рубящие орудия, дисковидные нуклеусы, скоблевидные гальки с выемками. Рубящие орудия местонахождения Музбель имеют многочисленные аналоги среди памятников Средней Азии, Пакистана и выходят в круг памятников мустьерско-соанской культуры.

Широко распространенными рабочими инструментами у жителей охотничьего лагеря Музбель I были плоские гальки с выемками. Техника изготовления их проста: получившиеся в результате одного-двух сильных ударов выемки на плоской поверхности гальки подвергались последующей подправке. Традиция выемчатой техники была известна в палеолите Средней Юго-Восточной Азии, однако такой тип рабочих инструментов встречается там в единичных экземплярах. Эти каменные орудия округлой формы могли применяться и в качестве охотничьего оружия дистанционного действия, подобно орудиям охоты степных индейцев Южной Америки — каменным шарам, «бола», или «болас». При приближении стада к водопою музбельские охотники забрасывали их из укрытия «боласами», привязанными к веревкам, сделанным из коры и тонких ветвей ивы.

В 150 км юго-восточнее Джезказгана на бугре — останце Жаман-Айбат найден комплекс каменных орудий, в том числе семь рубил и два скребла. Рубила удлиненно-овальных очертаний, изготовлены из плоских желваков и массивных отщепов, скребла — из массивных отщепав путем дополнительной обработки мелкими сколами более острого края отщепав. Основную часть коллекции составляют массивные пластинчатые отщепы и сколы алевролитового песчаника.

В бассейне Сарысу изучены палеолитические находки в урочищах Космола и Кызылжар. В отложениях галечника Космола выявлены орудия мустьерского облика, среди них угловатая галька со следами снятия удлиненных сколов, несколько отщепов и треугольных сколов и два типичных мустьерских остроконечника. В аллювиальных отложениях первой надпойменной террасы Кызылжара найдены небольшой дисковидный нуклеус из кремня светло-серого цвета и отщеп.

Большая коллекция каменной продукции конца древнего палеолита в верховьях р. Ишим, севернее Караганды в урочище Батпак 8 и 12. На поверхности суглинков плиоцен-нижнеплейстоценового возраста найдено свыше 2000 предметов из кремнисто-железистой породы. Плохое качество породы обусловило небольшие размеры и исключительно грубую обработку продукции. Среди находок — одностороннее рубило, обломки дисковидных нуклеусов, короткие пластины с параллельными краями, треугольные сколы с массивными основаниями и масса отщепов.

В Центральном Казахстане обнаружены более десяти местонахождений и стоянок мустьерского и позднепалеолитического времени, в том числе стоянка Вишневка, содержащая два культурных слоя, и Огизтау I и II. Последние два сосредоточены на территории Агадырского района Джезказганской области. Каменные изделия палеолитического облика выявлены здесь возле родника, у подножия горы Огизтау. Среди орудий выделены скребла, скребки, бифасы, острия, чопперовидные, а также выемчатые изделия.

Присутствие на стоянках Огизтау I и II дисковидных нуклеусов совместно с протопризматическими, а также отщепов треугольных форм с пластинами с симметричными краями и гладкой ударной площадкой говорит об изменениях в технике обработки, что позволяет отнести коллекции стоянок к раннемустьерскому времени, а возможно, и к ашельской эпохе.

Территория Центрального Казахстана, где за последние годы выявлены разновременные палеолитические памятники, может считаться одним из перспективных районов в плане изучения древнекаменного века Казахстана.

Самыми распространенными памятниками каменного века в Северном Прибалхашье и левобережном Прииртышье являются стоянки-мастерские и каменоломни. Если в бассейне Сарысу каменная индустрия представлена техникой оббивки, то в памятниках Северного Прибалхашья и прилегающих к нему районов производство сколов-заготовок связано с длительным

существованием леваллуа, отчасти сохранившей значение и в позднем палеолите. Причем здесь она достигла наиболее развитых и зрелых форм.

Ведущее место среди изделий этих районов занимают нуклеусы со специфически скошенной по отношению к длинной оси изделия площадкой. Как правило, пластины с таких нуклеусов снимались только с одной стороны техникой радиального (центростремительного) скалывания. Форма сколов и пластин соответствует прямоугольным и удлиненно-треугольным очертаниям нуклеусов. Рабочие лезвия пластин и сколов, как правило, не подвергались дополнительной обработке ретушью. (Рис. 2.5.).

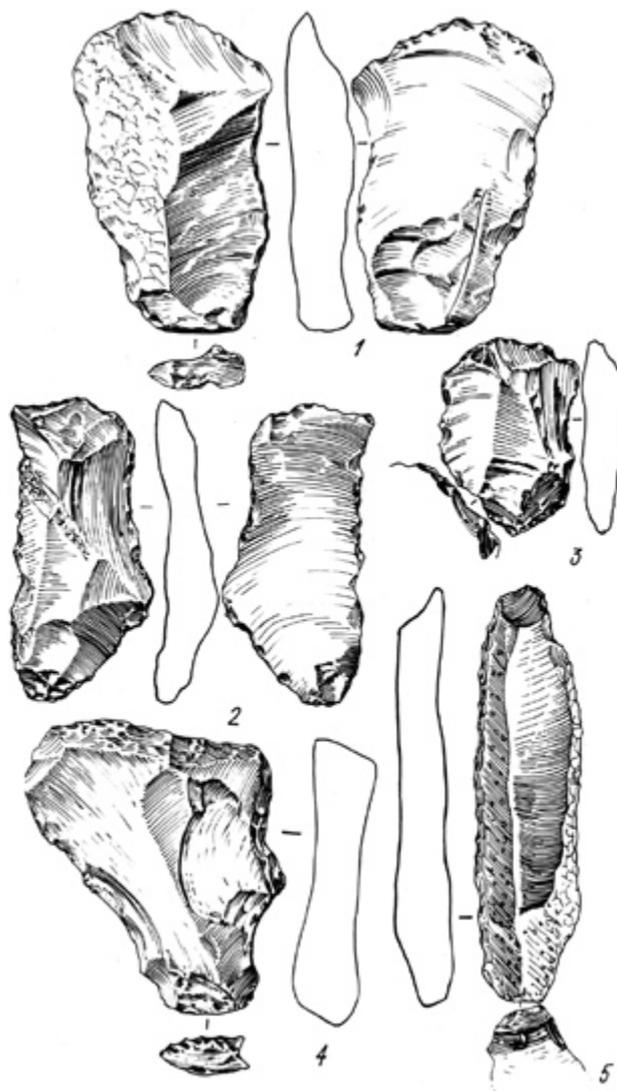

Рис. 2.5. Семизбугы. Сильнодефлированная серия. 1,4 — скребло; 2 — нож; 3 — отщеп с ретушью; 5 — пластина с ретушью

Техника леваллуа означала прогресс в обработке каменных орудий. Она не была одинаковой во всех районах Центрального Казахстана, поскольку характер каменной индустрии зависел в каждом случае от сырьевой базы. В Северном Прибалхашье, например, основным поделочным материалом были кремнистые алевролиты девона черного и серо-зеленого цветов, представленные в виде плитчатых обломков, в Северо-Западном Прибалхашье у гор Бале человек использовал порфириды, а в левобережном Прииртышье основным сырьем служили плотно сцементированные кварцевые песчаники серого цвета. Кроме того, техника леваллуа у древних насельников Центрального Казахстана сосуществовала с более ранними способами обработки камня: клетонской и дисковидной системами производства сколов-заготовок.

На большинстве стоянок Северного Прибалхашья, в частности Семизбугы, каменные орудия залегают в неприкрытом и непереотложенном состоянии сплошным покровом и относятся к разным эпохам каменного века, начиная с ашельского времени до позднего палеолита включительно. Объясняется это тем, что на протяжении среднего и позднего антропогена климат Северного Прибалхашья не испытывал резких колебаний, и первобытные коллективы людей одной эпохи селились в наиболее удобных местах, выбранных зачастую их далекими предшественниками. Образованию же культурного слоя, по которому обычно различают памятники разных эпох, противодействовал в этих районах интенсивный процесс размыва и выветривания. Лишь на заключительной фазе позднего палеолита в связи с наступившим ксеротермическим климатом люди были вынуждены покинуть некогда плодородные и цветущие долины Северного Прибалхашья.

Однако смешанностью коллекций характеризуется не все палеолитические памятники восточных районов Центрального Казахстана. В некоторых из них орудия ашель-мустьерского времени выступают в «чистом» виде. Примером может служить стоянка-мастерская у оз. Кудайколь в северо-восточной части региона. Древние люди селились на верхней террасе озера, сложенной палеогеновыми породами, в начале среднего антропогена, в период господства теплого и влажного климата. Покинули же они свою стоянку в эпоху максимального (самаровского) оледенения Сибири, когда в

левобережном Прииртышье, находившемся между ледниковыми зонами Западной Сибири и Алтая, наступил сухой и холодный климат.

Орудия стоянки Кудайколь сделаны из плотно сцементированного кварцитопесчаника. Среди них 16 рубил, выполненных из угловатых и плитчатых обломков, 5 массивных скребел из отщепов высокого сечения. Однако основную часть коллекции составляют одноплощадочные нуклеусы типа леваллуа (70 экз.) прямоугольных и треугольных очертаний, отщепы и пластины того же типа. (Рис. 2.6.). Весь комплекс изделий выдержан в леваллуазской традиции обработки камня.

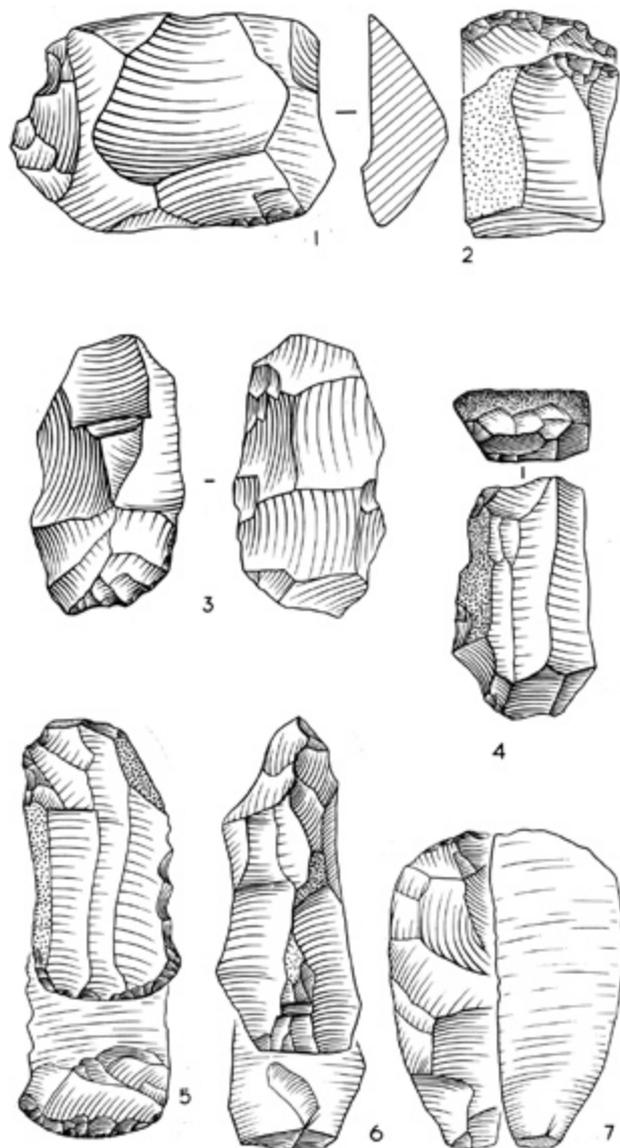

Рис. 2.6. Кудайколь. Каменные орудия труда

Следы пребывания мустьерцев обнаружены и в Верхнем Прииртышье. В районе аула Канай к Нарымскому хребту с юга примыкает узкая делювиально-пролювиальная терраса. Палеолитические орудия собраны в современном карьере, прорезавшем террасу на глубину 10 м и вокруг него. По степени окатанности, технике изготовления и формам эти орудия делятся на три группы. К древнейшей группе относятся сильно окатанные и патинизированные остроконечники, сделанные из массивных треугольных отщепов, с односторонней обработкой крупной ретушью по рабочему краю, дисковидный нуклеус и подтреугольные отщепы с грубой ретушью. Один из таких отщепов был найден при зачистке стенок карьера на глубине 5 м, что говорит о глубокой древности этой группы.

Две другие группы орудий являются более поздними по времени. Материалом для их про-

изводства служила галька черной и кремнистой зеленоватой породы.

В нижнем течении р. Нарым в галечниковых отмелях по берегам собрана серия палеолитических изделий, нуклеусы неправильных очертаний, массивные скребла, остроконечники, дисковидные орудия, архаические отщепы.

Абсолютный возраст костей плейстоценовых животных, найденных с группой канайских каменных орудий, установлен в 132—140 тыс. лет, что хорошо согласуется с археологической периодизацией палеолита. Мустьерская эпоха, как это установлено для Передней Азии, завершилась около 40 тыс. лет тому назад, продолжительность же ее вполне могла насчитывать 50—60 тыс. лет.

Поскольку в Восточном Казахстане пока наиболее ранними являются орудия мустьерских форм, следует полагать, что первое освоение человеком верховьев Иртыша произошло в эпоху мустье.

Верхний (поздний) палеолит

С эпохой позднего палеолита связано появление человека современного вида (*Homo sapiens*). С этого времени начинается решающий перелом в эволюции гоминидов и окончательный переход к подлинно человеческой истории.

Появление первых представителей *Homo sapiens* обычно относят к 50-45 тысячелетиям до н. э. Характерные для него признаки установлены на основе изучения пяти скелетов, найденных в 1868 г. в пещере Кро-Маньон во Франции. Останки кроманьонского человека обнаружены и в других географических зонах Европы.

В кроманьонском типе отчетливо прослеживаются черты, присущие современным людям: прямой лоб, надбровные дуги (вместо надглазничного валика), высокой свод черепа, выраженный подбородочный выступ, малая ширина носа, небольшие размеры глазниц и т. д. Для кроманьонца характерны сочетание удлинённой головы с широким лбом и очень широким лицом, прямая профилировка лица и большая вместимость мозговой коробки (1500-1800 см³), высокий рост (168-194 см) и резко выраженный мускульный рельеф на костях. Сравнительные исследования показали, что у *Homo sapiens* особенно развиты как раз те участки мозговой коры, которые тесно связаны с его общественной жизнью, играя роль тормо-

зов его животных влечений и инстинктов. Люди стали решать возникшие перед ними задачи не столько путем приспособления к условиям среды, сколько путем реализации производственных достижений в процессе коллективной деятельности.

Поздний палеолит — это время широкого расселения человека по всем климатическим зонам Земли и формирования рас и расовых групп. Существует непосредственная связь между появлением человека разумного и дальнейшим развитием материальной и духовной культуры человеческого общества эпохи позднего палеолита. Это явление непосредственно связано с прогрессивным развитием общественных отношений, с процессом формирования родовой общины, с возникновением рода как первой специфической формы общественной организации человеческого коллектива. Предполагают, что родовая организация была повсюду матрилинейной и матриликальной, а женщина занимала главенствующее положение в общине. Материнский род, таким образом, представлял собой экзогамную группу людей, объединенных узлами кровного родства между собой и общим происхождением по материнской линии. Высокое положение женщины в общественной жизни определялось также спецификой общинного домашнего хозяйства, ролью женщины в семье как продолжательницы рода.

Не случайно в идеологическом представлении древних людей возник культ женщины-родоначальницы и хозяйки очага.

Мировоззрение человека эпохи позднего палеолита усложнилось. Получил распространение культ охотничьей магии, в основе которого лежит вера в получение власти над животным через овладение его образом-символом. Полагают, что универсальным орудием магии было появившееся в это время яркое первобытное искусство. Главная его тема — изображение различных животных, резьба и скульптура. Олицетворением плодородия земли, материнства были женские фигуры, вырезанные из кости или мягкого камня.

Представления о душе и загробной жизни человека как о продолжении земного существования вели к появлению сложных обрядных церемоний. Тело умершего посыпали красной охрой, его грудь украшали ожерельями из просверленных раковин и клыков хищника, ноги — браслетами из бивней мамонта, одежду расширяли гирляндами бус. Вместе с погребенным клали изделия из кремня и кости.

Ареал позднепалеолитических культур еще далеко не определен для территории Казахстана, и тем не менее предварительные выводы позволяют надеяться на широкое географическое распространение памятников, несмотря на их малочисленность. Последнее, на наш взгляд, обусловлено палеогеографическими условиями. Именно это время отмечено похолоданием, наступлением аридности, что создавало неблагоприятные условия для обитания людей верхнего палеолита.

Природа и хозяйство. Природные условия, в которых развертывалась жизнь сформировавшегося человека, были изменчивы. Это было время завершения ледниковой эпохи. Многие горные районы Казахстана были охвачены последним оледенением. Следы его в виде конечных и боковых морен сохранились до сих пор. Последующее таяние ледникового покрова на севере европейской части России и новое тектоническое поднятие северных отрогов Кавказского хребта привели к повышению уровня Каспийского моря, и оно вновь затопило всю Прикаспийскую низменность. Начало верхнего антропогена сопровождалось значительным поднятием горных массивов (джунгарская фаза) и общим увлажнением климата. Увеличение стока воды при таянии ледников, изменение русел рек

Сырдарьи и Амударьи привели к созданию Аральского моря.

Несмотря на некоторое похолодание и общее увлажнение климата, флора и фауна того времени были богаче современных. На Тянь-Шане, в Центральном и Северном Казахстане еще росли дубовые леса и березовые рощи, хотя в целом площадь в это время сократилась, уступив место богатым кустарнико-луговым пастбищам.

На обширных просторах Евразии сложился своеобразный фаунистический комплекс, называемый мамонтовым. Ископаемые останки многих представителей этого комплекса найдены и в разных районах Казахстана. Его основными видами был мамонт, шерстистый носорог, бык-тур, мелкий бизон, пещерный медведь и тигролев — хищник, совмещающий в себе признаки тигра и льва. Вместе с ними в степях и на горных лугах паслись сайга, архар, олень-марал, козуля и другие, крупные и мелкие животные. Своеобразный вариант мамонтового комплекса сложился к концу эпохи в горах Алтая. Здесь, наряду с основными видами, получили распространение байкальский як и винторогая антилопа, что свидетельствует об общности фауны данного района с животным миром, населявшим территорию от Центральной Азии до Забайкалья включительно. Серьезные природно-климатические изменения происходили во второй половине верхнего антропогена. На территории Казахстана, как и в других местах Азии, климат становился засушливее и теплее. Уменьшение растительного покрова, наступление пустыни, прежде всего, сказались на условиях жизни крупных травоядных животных. Мамонты и шерстистые носороги были обречены на гибель и уже около 10 тысяч лет до н. э. вымерли. Один из последних мамонтов с левобережья р. Урал погиб около 8000 лет назад.

Исчезновение крупных животных, охота на которых являлась главным источником пищи в эпоху палеолита, изменило условия жизни человека. Возникла необходимость в новых, более совершенных орудиях для охоты на среднего и мелкого зверя. Охотничьи отряды нередко стали совершать в поисках пищи далекие походы. Основным видом стоянок для бродячих групп охотников становятся временные стойбища с легкими шалашами и кострами на открытом воздухе.

Совершенствовалась техника отделения пластин от нуклеуса, что явилось следствием повышения точности обработки камня. На смену

дисковидным и треугольным нуклеусам мустьерского времени пришел призматический. С одного такого нуклеуса получали не по две-три пластины, как в предшествующее время, а несколько десятков тонких пластин, шедших в дело без всякой дополнительной обработки лезвий, а некоторые орудия обрабатывались отжимной ретушью. Надавливая твердым предметом (каменем, костью, рогом) на лезвие отщепа, древние мастера получали орудия любой формы.

При изготовлении орудий человек умело пользовался огнем. Медленное нагревание и последующее остывание камня изменяли его структуру, что облегчало обработку орудий техникой отжимной ретуши.

Появились разнообразные по назначению орудия труда. В позднем палеолите уже насчитывается более десятка всевозможных типов орудий: скребки, концевые и округлые скребки, пластины со стесанными концами, боковые и срединные резцы, наконечники копий и дротиков, пластины с выемками, проколки. Особенно много резцов, изготовлявшихся из пластин и отщепов, острый угол которых скалывался, образуя режущий край, перпендикулярный к плоскости лезвия пластины.

Обилие резцов показывает все растущую роль кости. Из этого материала делались составные орудия с кремневым лезвием и костяными рукоятками, всевозможные сверла, проколки, скребки для обработки шкур животных, костяные наконечники копий и дротиков, гарпуны и копья-металки. Появились костяные иглы, человек научился шить из меха и кожи одежду.

Охота, как и прежде, продолжала играть ведущую роль в хозяйстве. Но разнообразие охотничьих орудий, новые методы охоты (загон с применением огня, ловчие ямы, охота с боласами, рогатинами) сделали этот вид хозяйственной деятельности более продуктивным. В удобных местах первобытные люди ловили рыбу с помощью гарпунов, примитивных крючков в виде заостренных коротких костяных стерженьков.

По-прежнему человек занимался собиранием разнообразной растительной пищи: дикого ореха, ягод, дикой моркови, щавеля, луковиц и клубней некоторых растений.

В позднем палеолите, особенно в первой его половине, характеризующейся похолоданием климата, стоянки человека представляли собой хорошо оборудованные на вершинах небольших холмов поселения, о чем свидетельствуют находки многочисленных ям от опорных столбов жилищ и следы мощных кострищ.

Материальная культура верхнепалеолитического человека формировалась в различных районах земного шара в разное время, и пути ее исторического развития не были одинаковы. Очевидно, существовали две большие области, отличавшиеся главным образом техникой обработки каменных орудий. В Европе и Передней Азии древний человек очень рано освоил новую технологию обработки призматического нуклеуса. В Африке и Центральной Азии с прилегающими к ней районами Казахстана, Средней Азии еще долгое время превалировала старая леваллуазская техника расщепления камня. Лишь на последних этапах позднего палеолита, ближе к мезолиту, здесь происходит переход к новой призматической технике.

Стоянки и отдельные находки. На территории Казахстана полностью изученных памятников позднего палеолита немного. Наряду с верхнепалеолитическими формами, ведущее место по-прежнему занимают архаичные рубящие орудия, изготовленные из целых продолговатых галек, массивные скребла с выпуклым или овальным рабочим краем, треугольные пластины, скалывавшиеся с дисковидных нуклеусов.

Древние казахстанско-среднеазиатские приемы обработки камня получили широкое распространение у насельников Алтая и Сибири позднего палеолита.

Верхняя граница позднепалеолитических памятников Северного Прибалхашья датируется началом современного антропогена или началом геологического голоцена. Именно в это время в связи с наступлением засушливого климата племена охотников за крупными млекопитающими были вынуждены покинуть высокие луговые долины и вслед за мамонтами и бизонами переселиться в более северные, лучше увлажненные области. На многочисленных стоянках в бассейне р. Туранга, у гор Тюлькули и Семизбугу они оставили множество каменных изделий: нуклеусы клиновидной формы, нуклеусы-скребки на массивных дисковидных отщепах и ножевидных пластинах, резцы срединного типа, остроконечники мустьерского облика, массивные скребла сибирского типа. Каменные орудия обнаружены и в других пунктах Центрального Казахстана, например в местонахождениях Батпак 7, Карабас 3, Ангресор 2.

Первая стоянка, Батпак 7, расположенная рядом с мустьерским памятником Батпак 8, имеет мощный культурный слой. В нем найдены

кости млекопитающих мамонтовой фауны. Среди находок две крупные пластины с треугольным и трапециевидным поперечным сечением, массивное скребло и листовидный наконечник дротика с двусторонней обработкой.

На местонахождении Карабас 3 (юго-западнее Караганды) собрано 172 порфириновых изделия. Среди них грубые отщепы, два дисковидных нуклеуса, шесть желваков со следами отделения отщепов, три грубые пластины, рубящие орудия и обломок наконечника дротика.

Третья стоянка расположена в восточной части Центрального Казахстана (южнее г. Экибастуза) на южном шлейфе сопки, прикрывающей с севера оз. Ангренсор. Здесь собрано свыше 1000 предметов из яшмы. В их числе дисковидные многоплощадочные конические нуклеусы, короткие и широкие отщепы с хорошо выраженными ударными бугорками, пластины, скобели, рубиловидное орудие, скребки, резцы-проколки, обломки листовидных наконечников дротиков.

Среди памятников Восточного Казахстана наиболее примечательны три стоянки.

Первая располагалась у входа в небольшую известняковую пещеру недалеко от устья р. Бухтарма. Пещера, обращенная входом на запад, представляла собой два грота, объединенных общим широким и высоким навесом. Трехлетние раскопки культурного слоя позволили обнаружить остатки очага, орудий труда и кости диких животных. Животные, служившие объектами

охоты верхнепалеолитического человека, в Бухтарминской пещере составили любопытную смесь плейстоценовой и современной фауны. Среди находок — кости мамонта и шерстистого зубра, архара, марала, пещерной гиены, бурого медведя, кулана, волка, верблюда Кноблоха, косули и др.

В коллекции есть скребки, выполненные на пластинах, один изготовлен на плоском диске с круговой ретушью, ножевидная массивная пластина с подретушированными краями и закругленным концом, миниатюрный нуклеус пирамидальной формы, пластины, снятые с призматического нуклеуса, отбойник из порфириновой гальки со следами работы на обоих концах. Вместе с ними найдены галечное рубящее орудие, скребло, изготовленное на широком отщепе без ретуши.

Каменные орудия на второй стоянке — Новоникольской, зафиксированной на правом берегу Иртыша, залегали на глубине 0,9-1 м. Весь комплекс изделий типичен для культуры верхнепалеолитического периода на территории Казахстана. Здесь имеются скребло подтреугольной формы с выпуклым рабочим краем, изготовленное из массивного отщепа, орудие типа остроконечника с ретушью, призматические нуклеусы и пластины с них, наконец, массивное рубящее орудие из целой гальки.

Третье поселение — Шульбинка — находится в 3-х км восточнее пос. Старая Шульба Новошуйбинского района Семипалатинской области.

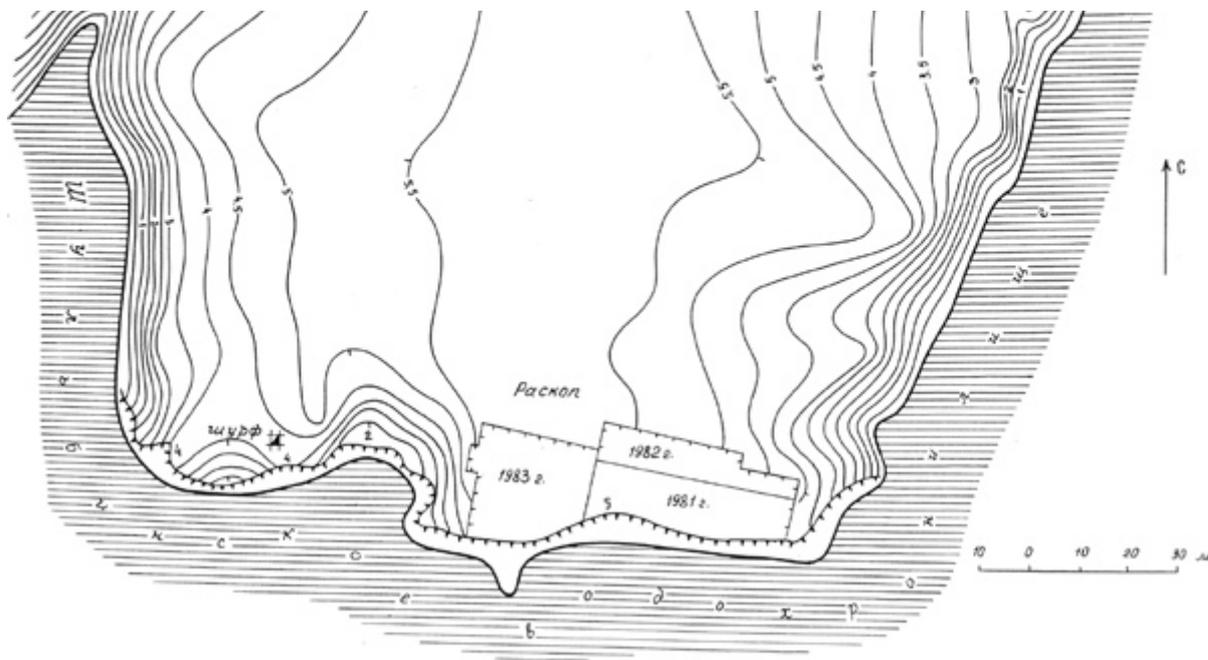

Рис. 2.7. Шульбинка. Ситуационный план

Наличие каменных изделий и небольших очагов говорит о длительном обитании здесь древнего человека-охотника. Каменные изделия выявлены во всех трех горизонтах, но наибольшее их количество собрано в третьем — более 5000. В коллекции каменных изделий (Рис. 2.8.) выделяются нуклеусы конусовидные, клиновидные, призматического характера, скребла и скребки, остроконечники, проколки и отбойники. Изделия из галек довольно крупных размеров, некоторые из них, в частности нуклеусы, дисковидной формы, уплощенные. При зачистке пола третьего горизонта зафиксировано 6 округлых в плане темных пятен диаметром не более 15 см каждое. Возможно, это следы деревянных столбов, служивших опорой для крыши жилища. Кроме того, обнаружено 2 очага, сложенных из галек, 2 очаговых пятна диаметром не более 25 см.

Неравномерное распределение находок по горизонтам, преобладание мелких форм орудий в верхних горизонтах, а более крупных — в нижних связаны с двумя периодами обитания на стоянке древних людей — палеолита и неолита. Материалы, полученные со стоянки Шульбинка при исследованиях памятника в 1981—1983 гг., являются принципиально важными, поскольку происходят с территории Восточного Казахстана, занимая промежуточное положение (связующее звено) между двумя крупными регионами: Средней Азией и Южным Казахстаном, с одной стороны, и Горным Алтаем — с другой, где достаточно хорошо изучен круг культур палеолитического времени.

В Южном Казахстане сравнительно немного позднепалеолитических памятников. Большой интерес среди них представляет Ачисайская стоянка. Ее следы обнаружены на высокой лево-

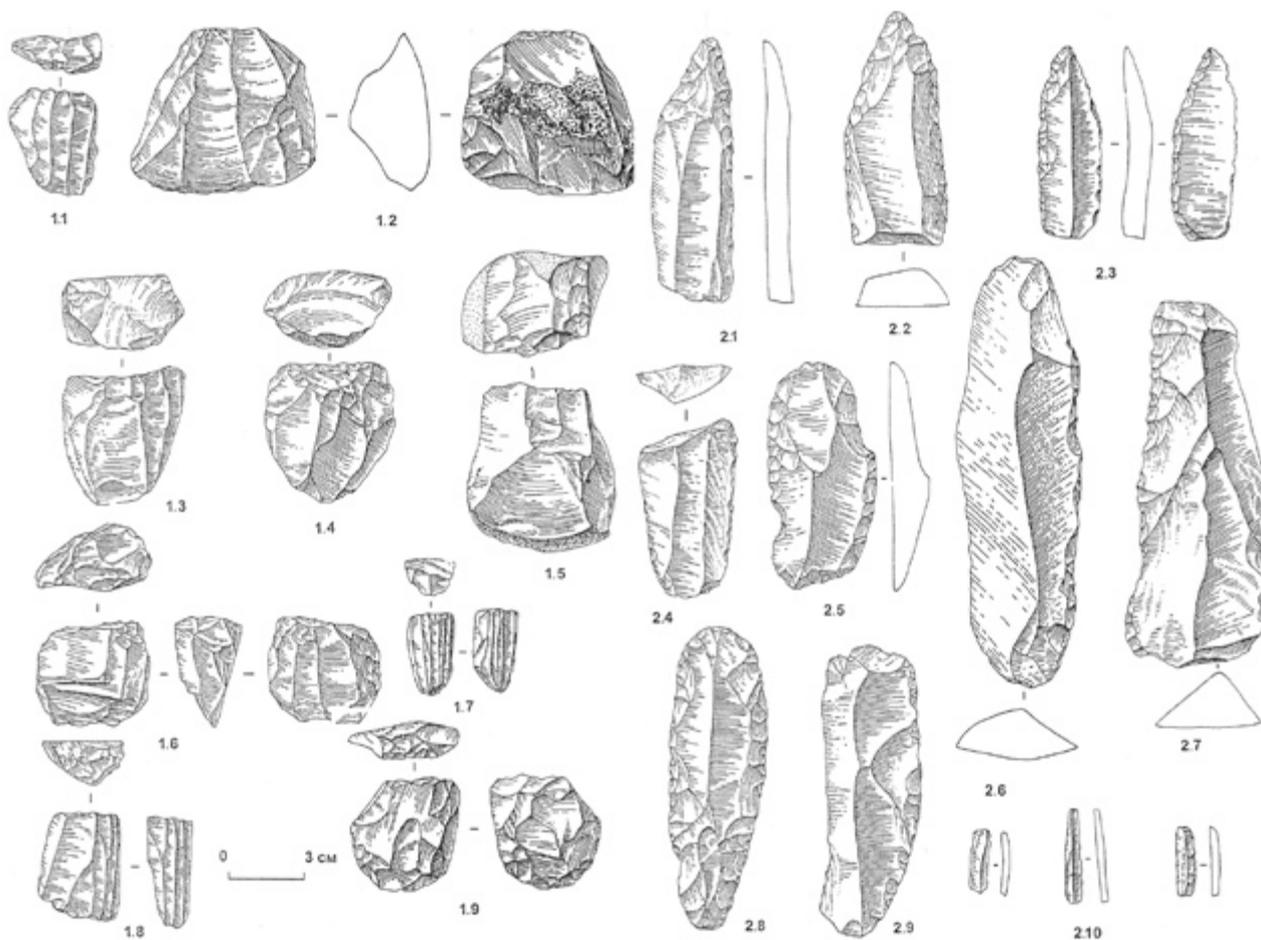

Рис. 2.8. Шульбинка. III культурный горизонт.

1 — нуклеусы: 1.1—1.5 — параллельного принципа расщепления; 1.6—1.9 — торцевые; 2 — орудия на пластинках: 2.1—2.3 — остроконечники; 2.4—2.9 — ретушированные пластинки; 2.10 — микропластины

бережной террасе р. Турлан (Терисаккан, западнее пос. Чулаккуртан). В основании террасы, на цоколе из серых массивных известняков, залегает 5–6-метровый слой валунов и галечников, пересыпанных супесью и песком, выше него — толща суглинков мощностью 12–14 м, состоящая из отдельных прослоек в 0,3–0,4 м. Суглинистая толща вскрыта раскопками на глубину 10 м от поверхности террасовидной площадки.

В 7,5–7,8 м от поверхности выявлен культурный слой. Он состоял из 15 кострищ, вокруг которых находились раздробленные кости животных (бизона, горного барана, дикой лошади) и различные кремневые изделия. Среди орудий, оставленных первобытными охотниками Ачисайской стоянки, — скребки, остроконечники, ножевидные пластины, проколки. Найдены также призматические и конусовидные нуклеусы и многочисленные отбросы производства.

Еще одна коллекция каменных изделий из кремневых отщепов и пластин с широкими неправильными гранями на спинке, призматических и конусовидных нуклеусов, скребков найдена в двух пунктах на втором террасовидном уступе котловины озера Соркуль (восточнее с. Байкадам).

Наконец, ряд выразительных позднепалеолитических орудий обнаружен в береговом обрыве третьей террасы р. Усыктас. Кремневые изделия залегали в тонкой прослойке гравия и галечника на небольшом пространстве. Один из отщепов сохранил следы многократных предыдущих сколов и круговую ретушь. Из нескольких десятков кремневых изделий выделяются широкие удлиненные ножевидные пластины, также со следами обработки.

Территория Семиречья вплоть до недавних пор представляла собой «белое пятно» в археологии палеолита Казахстана, что в первую очередь связано с малоисследованностью края. Из открытых местонахождений можно было выделить поверхностные находки (всего 187 экз.) местонахождений Актогай I–IV в долине р. Чарын.

Впервые обнаруженная стоянка первобытного человека Майбулак находится на территории Алматинской области (Карасайский район), в 44 км к западу от города Алматы и в 1,5–2 км к юго-западу от с. Фабричный (Каргалы) на «нижних прилавках» северного склона Заилийского Алатау. Справедливости ради отметим, что с начала 1990-х гг. от местных краеведов и археологов поступала информация о наличии памятника каменного века в районе с. Фабричный (Каргалы). Стоянка расположена

на лессовом останце, на правом берегу небольшой предгорной речки Майбулак при выходе ее из одноименного ущелья. Останец представляет собой северо-западный уступ некогда единой возвышенности (прилавка) высотой 150–200 м. К данному времени стоянка Майбулак является аварийным объектом, большая часть которого разрушена строительными работами. Останец в настоящий момент имеет сохранившийся лишь восточный склон, протяженность которого по направлению север-юг насчитывает 60–70 м. Высота останца над прилегающей местностью достигает 4–4,5 м.

Раскоп был заложен в центральной части останца, площадь работ охватила 130 кв. м. Максимальная глубина (шурф 2×2 м в западном конце траншеи) составила 8 м. В результате исследования было выделено 3 культурных горизонта.

I культурный горизонт. Глубина залегания 0,7–2,1 м, по всей вероятности, культурный слой нарушен вследствие человеческого вмешательства в более позднее время. Встречается много камней из каменных выкладок захоронений эпохи бронзы и раннежелезного века. Каменные изделия обнаруживаются повсеместно. Всего обнаружено 75 артефактов. Среди них — пренуклеус подпризматической формы, отщепы, пластины, нуклеовидные сколы, микропластинки. Группа пластин невыразительна. Орудийный набор включает нож, концевой скребок на отщепе, выемчатое орудие, скребок боковой, скребок высокой формы и обломок концевого скребка. В пределах горизонта были найдены угли от кострищ.

II культурный горизонт. Глубина залегания 3,5–4,2 м. В составе горизонта выделяются два культурных слоя. Всего собрано 493 экз. каменных изделий. В коллекции горизонта представлены нуклеусы (Рис. 2.9.) леваллуазского типа для снятия отщепов и пластинчатых отщепов, два нуклеуса параллельного принципа расщепления, которые близки призматическим, преформы, пренуклеусы, отщепы, обломки, чешуйки, пластин мало. Орудий немного. В их числе скребло с шипом, зубчатое скребло, скребки (высокой формы и с обработкой по периметру), комбинированные изделия (боковой и высокой формы скребок, скребок-резец), выемчатое изделие, остроконечник. Помимо этого был вскрыт один очаг с каменной выкладкой и черно-красным прокалом и два очажных пятна. По всей глубине слоев встречается большое количество углей.

III культурный горизонт. Глубина залегания 4,5–6 м, выделен условно и лишь в некоторых квадратах и шурфе. Коллекция изделий гори-

зонта содержит 68 экземпляров. Нуклеусов нет. Группа сколов содержит отщепы, пластинчатые отщепы, пластины. Орудийный набор характеризуется наличием двух скребел, скребка высокой формы, обломка концевой скребка, выемчатого орудия, ретушированной пластины (Рис. 2.10.).

Сырьевой материал для изготовления артефактов имеет главным образом местное происхождение и не отличается хорошим качеством. Это порфириды темно-коричневого, черного, серого и красного цветов из русла реки Майбулак, а также зеленая кремнистая порода, которая лучше поддается обработке и, по-видимому, приносилась на стоянку из других мест. Кроме того, в единственном экземпляре найдено орудие из окремненного песчаника серого цвета.

Таким образом, анализ каменного инвентаря стоянки Майбулак позволил сделать ряд выводов, характеризующих первичную и вторичную обработку индустрии местонахождения. Большое количество первичных сколов, отщепов, пластин, нуклеусов, находки отбойников — все это говорит о том, что на территории стоянки производилось первичное и вторичное расщеп-

ление и изготовление орудий. Обилие порфиритового сырья в русле р. Майбулак, а также его низкие технические свойства показывают, насколько небрежно и неэкономно оно использовалось. Об этом позволяет судить подавляющее преобладание технических отбросов производства из порфирита (сколов, обломков, осколков, отщепов и т.д.). В то же время наиболее яркие образцы каменных орудий изготовлены не из местного сырья. Это окремненный порфирит черного цвета, зеленоватая кремнистая порода, которые лучше и легче раскалываются для получения заготовок необходимого размера и формы. Преобладающие физические свойства кремнистых пород проявляются и непосредственно при работе: ретуширование плоской, полукрутой и крутой подработкой формирует лезвие нужного размера, угла заострения, ширины фасеток и т.д. Кроме того, порфиритовый рабочий край в значительной степени крошится при воздействии на него.

На стоянке имелись специальные рабочие площадки для обработки орудий. Скопления галек, желваков, плиток различного размера и залегание каменных артефактов *in situ* в некоторых квадратах это доказывают. Мощность культурных отложений всех трех горизонтов показывает, что местонахождение было обитаемо в течение длительного времени. Все вышеизложенные факты убеждают нас, что данное поселение является долговременной стоянкой-мастерской.

Технические характеристики индустрии стоянки Майбулак имеют следующие особенности. В первичном расщеплении особое развитие получила леваллуазская техника обработки ядрищ. Здесь выделяется группа леваллуазских нуклеусов, определяемая схожей стратегией получения заготовок, формой, а также тщательностью обработки ядрищ и ударных площадок. Два нуклеуса леваллуа характеризуют переход к протопризматическому скальванию. Дисковидные ядрища с радиальным принципом расщепления незначительно представлены в коллекции. Это 1 экз. микронуклеуса, напоминающего переходную форму от дисковидного ядрища к скребку высокой формы. Значительное место в индустрии местонахождения занимает призматическая техника (7 экз. нуклеусов и 3 экз. пренуклеусов). Нуклеусы этой группы характеризуются самыми разнообразными подтипами: макронуклеус для крупных пластин, небольшие призматические для пластин средних размеров, призматические нуклеусы для микропластин. Торцовое скальвание заготовок нехарактерно для техники расщепления Майбу-

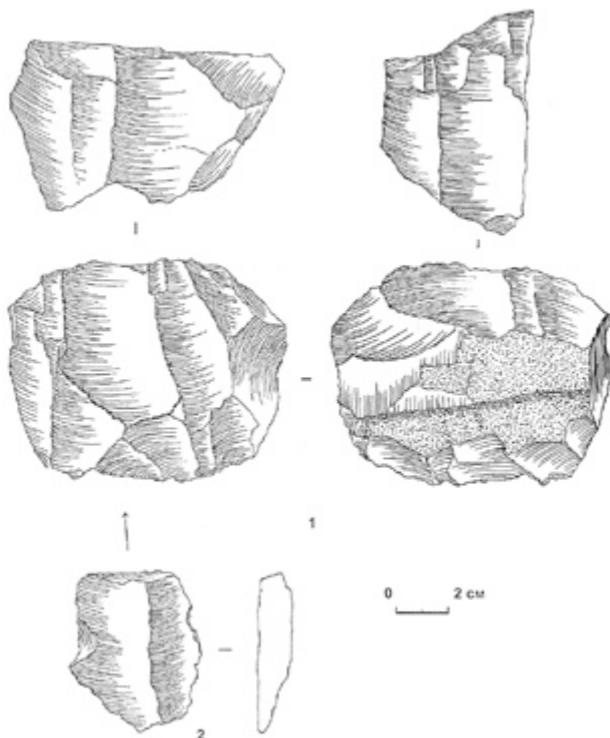

Рис. 2.9. Майбулак. II культурный горизонт. (кв. Б2, рабочая площадка). 1 — нуклеус леваллуазский двухплощадочный монофронтальный; 2 — отщеп (частичный ремонт нуклеуса).

лака. В эту группу было отнесено два атипичных торцовых нуклеуса, в целом отличающихся от торцовых ядрищ Восточного Казахстана, Северного и Южного Казахстана. Анализируя отходы первичного расщепления, важно указать, что большая часть сколов представлена отщепами, техническими сколами, осколками, обломками и т.д. Имеется несколько экземпляров пластин и острий леваллуа. В технике расщепления не получило широкого развития получение призматических пластин. В коллекции выделяется набор немногочисленных в целом, но типологически однообразных образцов симметрически правильных треугольных в сечении пластин размером от 8 до 4-3 см. Этот факт несколько не увязывается с тем моментом, что нуклеусов, с которых могли скальваться подобные заготовки, мало. Ретуши на этих пластинах за исключением одного изделия нет и, что интересно, подавляющая часть этих пластин сломана.

В орудийном наборе древнепалеолитические типы изделий мало представлены. Имеющиеся экземпляры типологически относятся к мустьерской эпохе, но не образуют четких серий и, безусловно, являясь частью представленной коллекции, не выходят за нижние рамки верхнепалеолитического периода. Сюда входят одинарные скребла на отщепе и пластинчатые отщепы (4 экз.), нож. Выемчатые орудия, наконечник изготовлены на призматических пластинах. Морфологически самой разнообразной группой

являются скребки. Следует подчеркнуть, что относительно многочисленны скребки высокой формы (3 экз. и 1 экз. сложный скребок). Остальные подтипы включают концевые, с ретушью по периметру, с полукруглым лезвием, двойные скребки. Резцы малочисленны (скребок-резец и боковой резец) в индустрии Майбулака, что, впрочем, характерно для других палеолитических памятников Центральной Азии. Бифасиальная обработка каменных изделий не получила распространения у обитателей стоянки.

Общая коллекция каменных изделий, включая находки из раскопа и сборы вне культурных горизонтов, объединяет более 2000 артефактов. Стоянка Майбулак представляет огромный интерес для дальнейших исследований. Это первый стратифицированный памятник в Юго-Восточном Казахстане с наличием непотребованных культурных слоев. Местонахождение относится к типу долговременных стоянок-мастерских.

Памятники позднепалеолитического времени Казахстана изучены недостаточно, а по отдельным регионам, таким, как Западный и Северный Казахстан, они почти неизвестны. Но имеющихся данных вполне достаточно для утверждения, что прогресс человека и его культуры продолжался. Непрерывность развития человеческого общества на территории Казахстана подтверждена многочисленными находками эпохи неолита, которую мы вправе назвать эпохой расцвета каменного века.

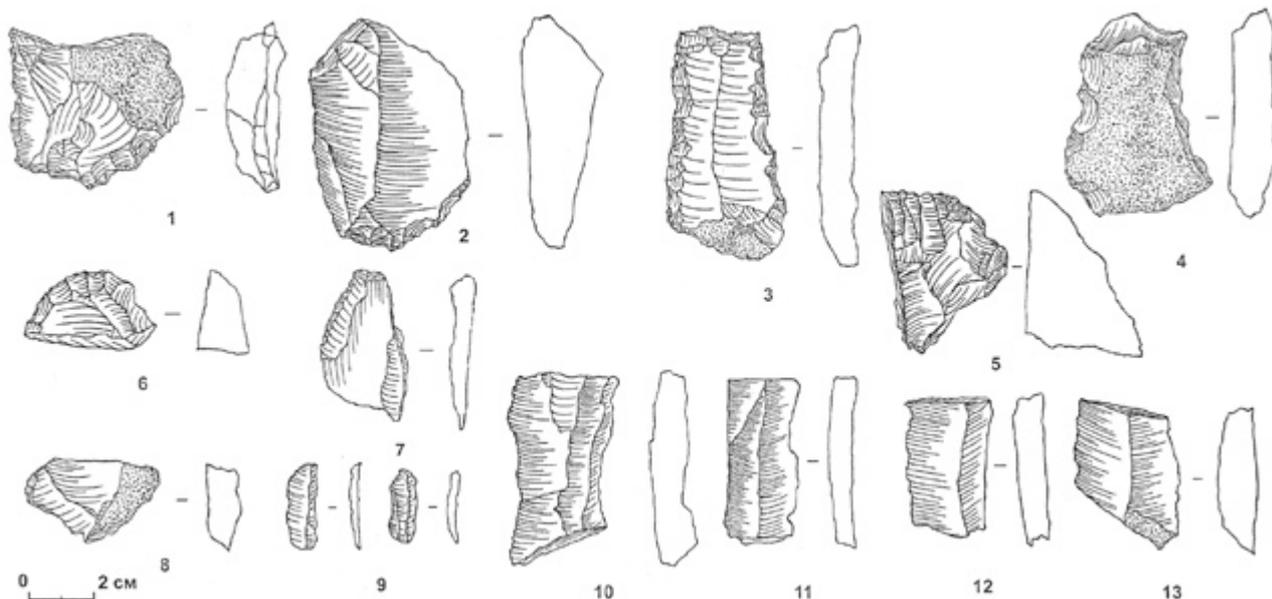

Рис. 2.10. Майбулак. III культурный горизонт: 1, 2 — скребла поперечные; 2 — концевой скребок; 3 — ретушированная пластина; 4 — первичный отщеп с выемчатой ретушью; 5 — скребок высокой формы; 6 — обломок концевого скребка; 7, 8 — отщепы с ретушью; 9 — микропластинки; 10 — пластина; 11—13 — обломки пластин.

МЕЗОЛИТ, НЕОЛИТ

В истории каменного века на территории Казахстана эпоха мезолита и неолита занимает время между X и III тыс. до н. э. Переходный период от новокаменного века к широкому использованию металлов обычно называется энеолитом, или медно-каменным веком. У племен охотников и рыболовов этот период по археологическим материалам выражен не всегда достаточно ярко, поэтому энеолит Казахстана рассматривается вместе с неолитом. В эту сравнительно короткую по времени эпоху произошли существенные сдвиги во многих областях производства и жизни человека.

Природная среда в эту эпоху приняла современный облик. Изменился видовой состав животного мира: главными объектами охоты теперь стали бизоны и лошади, дикие козлы и сайга, заяц и утка. Появились новые орудия труда. Наряду с коллективными облавами и загонами, большое значение приобрела индивидуальная охота, развивалось рыболовство.

Мезолитическая эпоха ознаменовалась двумя крупными достижениями: изобретением лука и стрел и появлением микролитов — миниатюрных пластин в форме треугольников, ромбов, трапеций и сегментов. В неолитическую эпоху микролитическая индустрия получила особенно широкое развитие. Микролиты шли на изготовление, в основном, наконечников стрел и вкладышевых орудий: в продольные пазы костяной или деревянной основы вставляли десятки миниатюрных микролитов, они-то и образовывали острое лезвие. Клеющим веществом служили горный воск, смола, битум.

Неолит, начало которого падает на V тыс. до н. э., — это время максимального использования полезных свойств камня. Происходит все большая специализация в производстве орудий труда. Наряду с совершенствованием техники отжимной ретуши, появились новые технологические приемы обработки камня: шлифование, сверление, пиление, использовались все труднообрабатываемые породы камня, стали изготавливаться каменные топоры, мотыги, зернотерки, ступки, песты.

Важнейшей чертой эпохи является зарождение скотоводства и земледелия, так называемого производящего хозяйства, пришедшего на смену присвоению готовых продуктов природы — собирательству и охоте.

Возникновение новых видов хозяйства имело огромное значение для развития челове-

ческого общества, расширило область трудовой деятельности человека и в то же время качественно изменило ее характер. Вся дальнейшая многотысячелетняя история экономической деятельности человека есть в значительной степени история развития, совершенствования этих двух форм хозяйства.

Уровень развития производительных сил, достигнутый первобытным населением в эпоху неолита, обусловил появление и других культурно-бытовых новшеств. У древнего населения Казахстана возникают зачатки горного дела и ткачество, ему известна уже керамическая посуда.

В социальном отношении эпоха неолита была временем родовых общин, где господствовали труд и общая собственность на средства производства. Вместе с тем это было время появления более высоких форм организации общества: образование племен или племенных объединений. Племена состояли из нескольких (большого или меньшего числа) родовых общин, объединенных кровнородственными узами и однородным характером хозяйства. Этот процесс характеризовался многообразием неолитических культур, формированием в разных природно-климатических зонах Евразии крупных историко-культурных областей со сходным хозяйственным укладом и материальной и духовной культурой.

В одну из таких исторически сложившихся групп населения, объединяемых понятием «культурная общность», вошли и племена Казахстана эпохи неолита. Границы этой общности были, по мнению исследователей, очень широки. Помимо Казахстана и Приуралья, они охватывали степные районы Западной Сибири, Алтай и северные районы Средней Азии. Большинство племен, входивших в эту общность, занималось охотой, рыболовством, позднее у них появились зачатки скотоводства, земледелия и горного дела.

На территории Казахстана в настоящее время известно свыше 800 неолитических памятников, однако абсолютное большинство из них исследовано выборочно. По характеру расположения на местности неолитические стоянки подразделяются на четыре типа: родниковые, речные, озерные и пещерные. Как правило, на стоянках речного и озерного типов найдено множество находок, что свидетельствует о постоянном или продолжитель-

ном пребывании здесь человека. Основной инвентарь таких стоянок — ножевидные пластины и изделия из них.

Преобладают родниковые стойбища, так как пустынные и полупустынные зоны бедны реками. Стоянки у родников чаще всего носили временный, сезонный характер, поскольку являлись местопребыванием бродячих охотников. Большая часть неолитических стоянок пустынно-степного Казахстана открытого (наземного) типа.

На всех стоянках найдены каменные орудия из местных материалов: наконечники стрел и копий, топоры, долота, ножи, скребки. Имела место дифференциация в подборе по-

роды камня для изготовления определенных орудий. Разнообразие сырья способствовало появлению и совершенствованию разных технических приемов его обработки. Неолитические памятники Казахстана образуют несколько территориальных групп, возможно, соответствующих районам обитания родственных племен, близких по культуре.

Памятники хребта Каратау. В Южном Казахстане, особенно на северных и южных склонах хребта Каратау, выявлено много памятников новокаменного века. Образцы каменной индустрии, относящиеся к мезолиту, были собраны при обследовании береговых террас р. Беркутты. На правом ее берегу в слое галечника открыта целая серия мезолитических кремневых изделий: призматические, ножевидные пластины и их обломки, изготовленные из мелкозернистого местного кремня. Здесь и далее имеются в виду стоянки, не перекрытые поздними отложениями.

Другая коллекция, насчитывающая 140 халцедоновых изделий, собрана при зачистке второй надпойменной террасы р. Беркутты, к северу от урочища Койтас. Среди каменных поделок выделяется мезолитическая трапеция с одним ребром, изготовленная из ножевидной пластины: ее боковые края и верхнее основание затуплены крутой ретушью.

Третья большая группа находок мезолитического времени собрана в глинистой толще русла родника Ушбулак у подножия горы Актау. Набор изделий из черного и белого мелкозернистого кремня включает призматические карандашевидные и конусовидные нуклеусы длиной 3-6 см, миниатюрные пластины, трапеции, скребки.

Самый многочисленный и яркий материал неолитического времени при раскопках пещерной стоянки Караунгур, расположенной на правом берегу одноименной речки на южных склонах хребта Каратау (северо-восточнее г. Шымкента). Здесь сохранился мощный культурный слой — только его верхняя часть охватывает время от позднего мезолита до неолита включительно. (Рис. 2.11.). Рядом с очагами и кострищами найдено множество костных остатков животных. Древние караунгурцы охотились на медведя, оленя, диких быков, архаров, зайцев, барсуков. В охотничье меню обитателей пещеры входили, кроме того, фазаны, кеклики и черепахи. Судя по находкам костей домашнего быка и собаки у кострищ, началось одомашнивание животных.

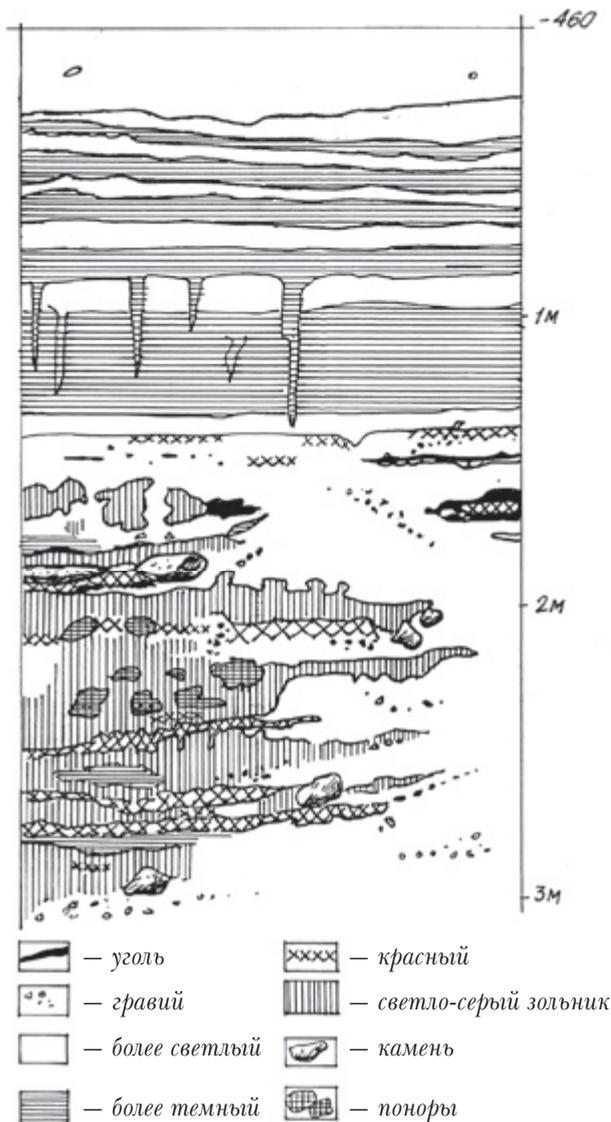

Рис. 2.11. Пещера. Караунгур 1. Разрез шурфа №2

Орудиями труда и охоты у жителей поселения служили округлые удлиненные скребки, призматические и карандашевидные нуклеусы, пластины с боковыми выемками, притупленными краями, проколки, наконечники стрел, топоры-тесла, ножи-скребки, каменные песты и т.д. Широко представлены микролитические пластины с обработанными и необработанными ретушью лезвиями, служившие вкладышами в костяную или деревянную основу орудий. (Рис. 2.12.). Найдено множество костяных изделий: шилья, проколки, иглы с ушком — прототипы современных иголок, гладилки-лошила из лопаточных костей животных, применявшиеся в обработке шкур животных. К числу редких по изяществу изделий относятся костяное мерило с делениями, украшения из просверленных раковин, клыков с нарезным орнаментом, костяные подвески и бусы, скульптурные фигурки, вырезанные из фаланг животных.

Жители пещеры Караунгур уже освоили ручную лепку керамической посуды. Глиняные сосуды делались с круглым дном, а их наружную поверхность иногда покрывали краской. Часто верхнюю половину сосудов украшали орнамен-

том в виде штрихов, ямок и фигур, нанесенным зубчатым штампом. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении материал из пещеры Караунгур лишает нас возможности решать традиционные вопросы периодизации и хронологии в полном объеме, поэтому все рассуждения носят предположительный характер. При анализе каменного инвентаря обращает на себя внимание некоторая его разнородность. Это, прежде всего, наличие микролитического компонента, представленного микронуклеусами и микропластинками шириной до 6 мм, а также единственной маркирующей «рогатой» трапецией, с одной стороны, а с другой — довольно большим количеством нуклевидных обломков и двухплощадочных «грубых» нуклеусов. Попытаемся сопоставить материалы из пещеры Караунгур с аналогичными из неолитических культур Средней Азии.

В настоящее время для территории Казахстана выделено несколько археологических культур — *атбасарская*, *маханджарская*, *кельтеминарская*. Мы приведем лишь краткие сведения о тех культурах или комплексах, в материале которых можно проследить черты сходства с инвентарём пещеры Караунгур.

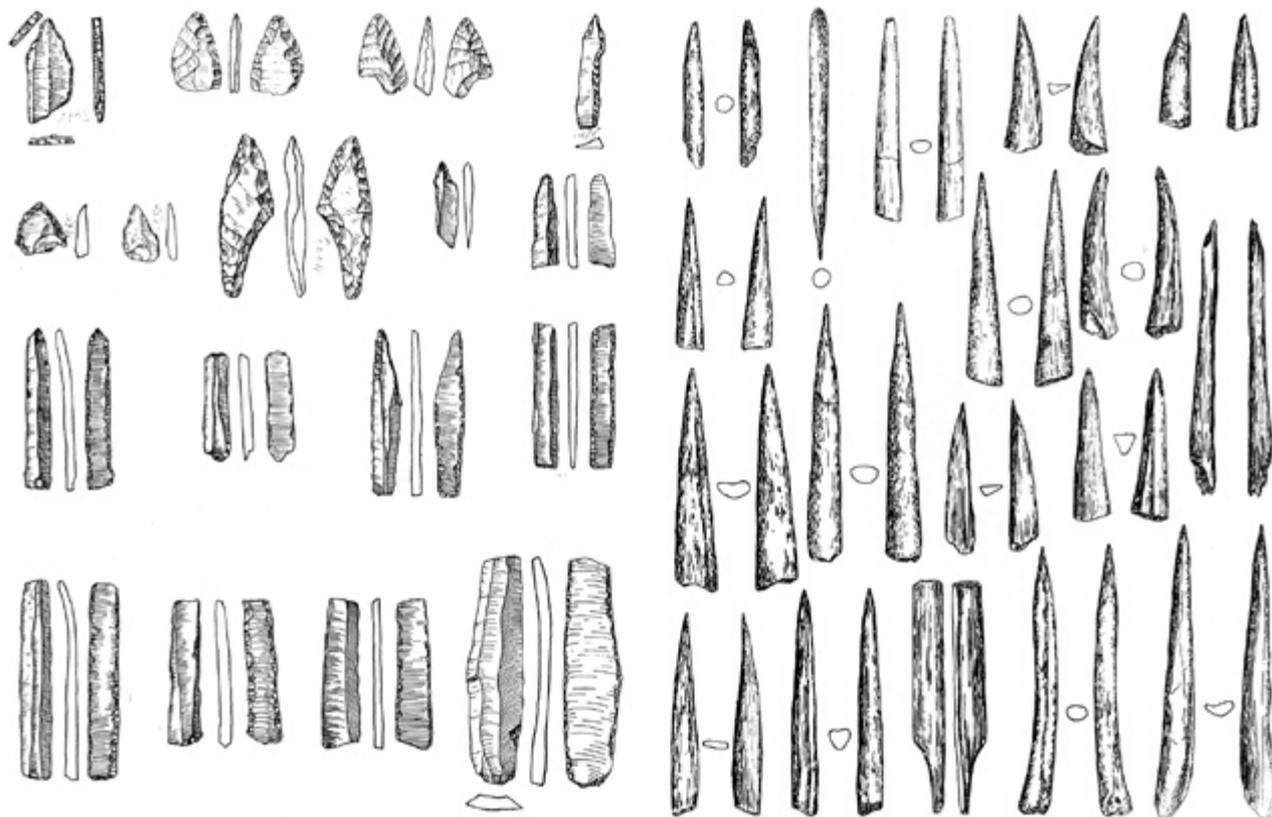

Рис. 2.12. Караунгур. Каменные орудия труда (слева) и изделия из кости (справа)

Кельтеминарская культура (культурно-историческая общность) была выделена С.П. Толстовым [1946].

Территория распространения кельтеминарской общности — Акчадарьинская дельта, Узбой, Присарыкамышская дельта, левобережье Амударьи, Внутренние Кызылкумы, низовья Сырдарьи, низовья Зеравшана.

Время существования кельтеминарской общности — середина—вторая четверть V тыс. до н. э.—IV тыс. до н. э. А.В. Виноградов в рамках неолита Кызылкумов выделяет три этапа: ранний неолит — дарьясайский — конец VII—середина V тыс. до н. э.; средний неолит — джанбасский — конец V—середина IV тыс. до н. э.; поздний — конец IV—III тыс. до н. э.

Характеристика материальной культуры. I. *Первичная обработка.* Среди продуктов первичного расщепления основными заготовками являются микропластинки размерами 15-32×3-7 мм, а также сечения пластин; средние пластины размерами 25-50×9-14 мм с прямым профилем, свойственным только для памятников Акчадарьи (Джанбас-4) и Верхнего Узбоя (Куртыш I), в том числе и пластины с изогнутым профилем. II. *Вторичная обработка.* Основной является затупливающая ретушь на боковом крае с дорсала; характерной — затупливающая ретушь на двух краях с дорсала; малозначимой затупливающая ретушь на обоих краях с вентрала. Для *орудийного набора* характерны семь типов орудий, среди которых основными являются пластины с односторонней краевой и противоположающей ретушью, вкладыши с при-тупленным краем и скошенным концом.

Происхождение. Совокупность имеющихся данных позволяет говорить о многокомпонентном характере генезиса кельтеминарской культуры и как основе сложения южном компоненте (Археология СССР. Неолит Северной Азии. М., 1996).

Сопоставляя материалы из пещеры Караунгур с наиболее близкими материальными остатками из неолитических культур Средней Азии — *кельтеминарской, гиссарской и центральноферганской*, отметим несомненную близость как в технике первичного расщепления, технике вторичной обработки, так и орудийном наборе в кельтеминарской культуре. Вместе с тем сочетание микролитовидных черт, столь характерных для кельтеминарской культуры, с «грубыми» нуклеусами сближает каменный инвентарь пещеры Караунгур с гиссарской

и центральноферганской культурами. Если материальные остатки из пещеры Караунгур не одновременны, то перед нами явление одного порядка с гиссарской и центральноферганской культурами. И, следовательно, можно говорить о своеобразии культур, сложившихся в предгорьях, которое заключается в сочетании микролитического (равнинного) и галечного компонентов. В этой связи надо отдать должное исследователю пещеры Караунгур Х.А. Алпысбаеву, который предположил, основываясь на полученных материалах, о существовании своеобразной неолитической культуры на юге Казахстана.

Бесспорных данных о погребении в пещере Караунгур нет. Однако обращают на себя внимание следующие факты: находки зубов человека, принадлежащих как минимум двум особям, остатки вещества красного цвета, сохранившиеся в углублениях орнамента украшений, сами украшения. Если рассматривать эти явления в комплексе, то можно предположить о существовании какого-то обряда (возможно, захоронения), связанного с появлением человеческих зубов в пещере Караунгур. Хорошая сохранность остеологического материала и изделий из кости, раковин свидетельствует в пользу того, что и антропологический материал мог быть такой же сохранности. Таким образом, кроме одонтологических находок мы не располагаем никакими другими материалами, которые могли бы свидетельствовать в пользу этой гипотезы.

Кратко остановимся на гипотезах, объясняющих появление зубов человека в культурных остатках из пещеры Караунгур. Исходя из первой, можно предположить, что в пещере были произведены захоронения, причём не целого скелета, а отдельных частей — в данном случае черепов. Такой экстраординарный обряд, связанный, по-видимому, с особыми ритуальными акциями, известен в халавской культуре Месопотамии, на поселении Ботай в Северном Казахстане (ботайская энеолитическая культура), где также был захоронен череп с несколькими позвонками и следами красной отмученной глины. Отметим, что на одном из зубов, найденных в пещере Караунгур наряду с остатками вещества красного цвета, было сделано отверстие для подвешивания.

В качестве второй, можно рассматривать гипотезу о связи зубов с обрядом инициации. Возрастные инициации состояли из цикла обрядов и манипуляций, которые должны были

развить и укрепить в юноше качества, свойственные взрослым мужчинам. Среди них физические испытания, обычно выбивание зубов и другие. Например, у восточных и юго-восточных племён Австралии главное место в ритуале занимало выбивание зубов, обычно верхних резцов. У центральных племён Австралии тоже практиковалось выбивание зубов, но без всякой связи с посвятельными обрядами. В пещере Караунгур зубы принадлежали субъектам, скорее всего, женщинам 20-30 лет и индивидууму 55-60 лет, следовательно, не могли быть связаны с посвятельными обрядами.

Согласно третьей гипотезе, зубы могли использоваться в магических обрядах и носиться как амулеты.

Безусловно, предложенные гипотезы не исчерпывают всех интерпретационных возможностей подобных находок. Для успешного разрешения этой задачи необходима их серийность. Заканчивая характеристику инвентаря из пещеры Караунгур, заострим внимание на необходимости продолжить исследование этого интересного и базового памятника для всего региона Южного Казахстана. В историко-культурном отношении Караунгур тяготеет к известным памятникам так называемой кельтеминарской культуре Средней Азии.

Находки в Приаралье. Другая группа памятников, образующих локальную неолитическую культуру, зафиксирована в древней дельте Сырдарьи. Большая их часть обнаружена вдоль сухого русла Инкардарьи — древнейшего притока Сырдарьи, в котловинах выдувания крупных песчаных гряд. Занимая как бы промежуточное положение между неолитическими памятниками северных степных областей Средней Азии и Зауралья, они имеют черты как кельтеминарской, так и неолитической культур Южного Зауралья и Восточного Приаралья.

В урочище Жалпак найдено шесть стоянок, где собраны обломки лепной керамики и орудия из кварцита. Глиняную посуду составляли крупные горшки с четко выделенной горловиной и полусферические чашки. И те и другие имели плоское либо круглое дно. Поверхность посуды украшалась простейшим орнаментом, нанесенным зубчатым штампом и прочерчиванием. Среди кварцитовых изделий много вкладышей с притупленным краем со стороны спинки, проколов, пластин, отщепов.

На стоянках Космола 4 и 5 собраны орудия из кремня и белого кварцита, необработанные

ножевидные пластины и своеобразная посуда. Вся она сделана из глины с примесью дресвы, тонкостенная, довольно хорошего обжига, заглажена, часто залощена, почти лишена орнамента, что для неолита — явление редкое. Насечками, выдавливаниями, оттисками камышинки украшен лишь бережок сосуда, поверхность же горшка в одном случае покрыта горизонтальными рядами оттисков камышинки, в другом — глубокими ямками и прочерченным волнистым орнаментом. Не менее примечательны формы сосудов. Помимо полусферических чаш и сосудов с четко выделенным горлом, иногда вогнутым внутрь, на стоянке встречены фрагменты четырех или пяти сливов. Сходный комплекс найден в южной Акчадарьинской дельте Амударьи, на стоянках кельтеминарской культуры Дингильдже 6 и Кават 7. Они относятся к первой половине — середине III тыс. до н. э. Если стоянки Космола 4 и 5 датировать тем же временем, то их можно считать самыми ранними памятниками из известных ныне в древней долине Сырдарьи.

Неолитические памятники на территории Приаралья относятся к двум хронологическим периодам: неолиту и энеолиту. Среди находок с неолитических стоянок Саксаульская 1 и Акеспе отсутствуют двусторонние обработанные наконечники стрел и дротиков; зато есть вкладыши в форме трапеций; много мелких, правильно ограненных ножевидных пластин; черепки имеют отпечатки зубчатого штампа, сплошь покрыты горизонтальными прочерченными волнистыми линиями. Наконечники же стрел стоянки Саксаульская 2 тщательно обработаны двусторонней отжимной ретушью, часто имеют форму с выемчатыми основаниями, есть также наконечники копий и дротиков, скребки различных размеров и форм.

Керамическая посуда, в основном, мелкая, с плоским и круглым дном: венчики сильно профилированы, упрощены сверху. Приемы нанесения орнамента на сосудах самые разнообразные: штамп, прочерченный (прямолинейный и волнистый), вдавливания и насечки, образующие различные геометрические фигуры.

Памятники Центрального и Западного Казахстана. Территория Центрального Казахстана богата стоянками эпохи неолита и энеолита. Наибольшее количество их отмечено в Карагандинской области и в бассейне р. Каратургай.

Обитатели палеолитических стоянок Центрального Казахстана занимались охотой на диких животных, используя лук и стрелы. Стрелы лис-

товидной или треугольной формы, с выемкой у основания. Кроме лука и стрел охотники широко применяли наконечники копий. Весь остальной инвентарь — микролиты типа вкладышей и пластин. На большей части стоянок преобладают скребки. Здесь господствующее положение занимали ярко выраженные микролитические комплексы с традициями мезолитической техники.

Катургайская группа стоянок, расположенная на границе Западного и Центрального Казахстана, сходна с западноказахстанскими стоянками. Вместе с тем ее материал отражает появление новых технических приемов, распространившихся далее на восток, включая почти весь Центральный Казахстан.

Неолитические памятники в Северо-Восточном Прибалхашье приурочены к родникам и представляют собой обычный тип родниковых стоянок. Основным сырьем для изготовления орудий тут служили яшмы, кварциты и яшмо-кварциты различных цветов, встречаются светло-желтые опалы и в виде исключения — порфириты и порфиры коричневого цвета.

Интересна кварцитовая каменоломня, у подножия плоской поверхности которой расположен родник. Основная масса собранного здесь кремневого инвентаря (свыше 1000 экземпляров) представлена отщепами и нуклевидными обломками, грубыми первичными сколами — свидетельством того, что первоначальная обработка производилась на месте.

К позднему неолиту и энеолиту относятся находки из района Джезказгана — множество каменных молотов, топоров. Остальной инвентарь — это отщепы крупных размеров.

Стоянка Иман-Бурлук 2 расположена на левом берегу реки с таким же названием (Кокчетавская область). В обрывах стоянки ясно прослеживается слой с костями, углями, мелкими кремневыми изделиями, орудиями крупных размеров и керамикой. Здесь найдены скребки и скребла, топоры и тесла, плитчатые орудия и отбойники, наконечники копий и дротиков. Распространение ножей, а том числе серповидной формы, указывает на специфику хозяйства. Наконечники стрел с двух сторон обработаны отжимной ретушью. Из крупных рубящих орудий выделяются топоры из сланцевых пород, имеющие двустороннюю обработку поверхности крупными сколами. Здесь же обнаружен фрагмент полированного и просверленного изделия типа булавы, что означает применение оригинальных технических приемов обработки камня. Оно имеет форму как бы двух

соединенных полушарий. В месте соединения идет плоский ободок шириной в 1,5 см при диаметре самого изделия 10,5 см. Найдены также три выполненные из крупных ребер изделия типа пилы. Они напоминают нож или серп, по вогнутой дуге которого вырезаны многочисленные зубцы.

Керамическую посуду жители стоянки Иман-Бурлук 2 лепили ленточным способом. Очевидно, сформованные сосуды обжигали на кострах. Сосуды были параболической формы, со слегка отогнутым венчиком и немного раздутым туловом; с прямым венчиком, переходящим в несколько вытянутую горловину и затем в плавно расширяющееся тулово. Основными техническими приемами нанесения орнамента являлись оттиски различными гребенчатыми штампами, а также прочерчивание. Поверхность сосудов украшалась, кроме того, насечками и вдавлениями. По технике нанесения и композиции рисунков этот керамический комплекс весьма близок уральскому кругу памятников.

Общность технических приемов и орнаментальных композиций керамики Иман-Бурлук 2 с керамикой западноказахстанских стоянок указывает на возможное существование в этих районах единого этнокультурного ареала, восточная граница которого включала Наурузумский заповедник. На Иман-Бурлуке 2 найдены кости тех же домашних животных, причем в том же составе (лошади, крупного и мелкого рогатого скота), что и на североказахстанских стоянках, южноуральских поселениях.

На территории Западного Казахстана распространены в основном стоянки речного и озерного типов.

К раннему времени относятся кратковременные стоянки на плато Устюрт. Инвентарь их не отличается разнообразием: трапезиевидные орудия, резцы; керамики нет.

В Западном Казахстане выделяется лишь один вариант кельтеминарской культуры — западноказахстанский, предложенный еще С.П. Толстовым. Датируется кельтеминарская культура концом IV—началом II тыс. до н. э. и охватывает значительную территорию Казахстана и Средней Азии. Каменная индустрия характеризуется заготовками а виде пластин средних размеров и микропластин, обломков пластин и отщепов. В 1989—1990 гг. обнаружены неолитические стоянки и местонахождения в Гурьевской области: Шатпаколь, Кульсары I-V, Шандыаул, Кыз-Емшек, Кайнар, Жилан-Кабак, Койкара, Сарыкамыс, Шаянды и др.

Местонахождение Шатпаколь обнаружено в 12 км к северу от с. Шокпартогай Эмбинского района. Каменные изделия представлены ножевидными пластинами, отщепами. Фрагменты керамики обнаружены на небольшом склоне у родника. Стоянки Кульсары I-V располагаются вокруг пгт Кульсары. Почти все они разрушены в результате строительства дорог и прокладки газопровода. Среди множества каменных предметов выделены ножевидные пластины с ретушью и без нее, скребки на отщепах и пластинах, резцы, черешковые наконечники стрел двусторонней обработки, анкоши — орудия с боковыми выемками, нуклеидные сколы в призматические нуклеусы. Большинство фрагментов керамики без орнамента, лишь некоторые имеют вдавленные горизонтальные линии, от которых вниз идут прямые или вертикальные линии.

Шандыаул находится в 22 км к северо-востоку от пгт Кульсары. Каменные изделия выявлены недалеко от современного кладбища с. Аккизтогай. Это скребки на пластинках, двухконцевые скребки, отщепы и керамика.

Местонахождение Кыз-Емшек обнаружено недалеко от горы Иман-Кара, в 37 км к юго-востоку от железнодорожной станции Жантерек. На вершине горы подобраны нуклеусы призматической формы, ножевидные пластины с ретушью по граням со стороны спинки и фрагменты керамики. Подобные артефакты выявлены у высокого обрыва р. Кайнар.

Для местонахождения Жылан-Кабак и Койкара характерно наличие фрагментов керамики, орнаментированных «елочкой» и мелкой «гребенкой». Каменный инвентарь идентичен индустриям вышеназванных стоянок.

Стоянки Сарыкамыс и Шаянды обнаружены на дюнах в 3-4 км южнее с. Сарыкамыс Эмбинского района Гурьевской области. Здесь собрано большое количество ножевидных пластин без следов утилизации, несколько пластин с ретушью со стороны спинки, орудия с выемкой на пластинах и отщепы. На фрагментах керамики зафиксирован орнамент, в виде вдавленных косых насечек, горизонтальных линий и геометрических фигур в форме треугольников. Окрашенная керамика отсутствует.

В целом индустрия стоянок и местонахождения по характеру обработки и скалыванию близка: ретушь краевая, одно- и двусторонняя, широко распространены пластинки с притупленной спинкой и со скошенным или прямым концом с одной или с двух сторон, концевые

скребки, скребки на отщепах и пластины с выемкой. Последние выполняли роль скобелей. Камень представлен шире, чем керамика.

Кремневый инвентарь перекликается в некоторых отношениях с каменными изделиями пещеры Караунгур (Южный Казахстан) и земледельческим неолитом Узбекистана. На основании этого правомерно выделять локальный вариант кельтеминарской культуры как западноказахстанский.

Более поздними являются стоянки Северо-Западного Казахстана, обитатели которых широко использовали ножевидные пластины, из которых изготовляли все каменные орудия — лезвия для вкладышевых орудий, наконечники стрел, скребки. Керамика оригинальна как по форме, так и по орнаментации: характерны прочерченный волнистый или геометрический гребенчатый орнамент или же их сочетание.

Культура неолитических племен этого района имеет аналоги в культуре неолита Южного Урала, Северного Казахстана и Приаралья, что, вероятно, свидетельствует о сложных исторических процессах, происходивших в тот период в Северо-Западном Казахстане.

К еще более позднему времени относится группа стоянок по р. Иргиз. Большинство изделий жители этих стоянок изготовляли из пластин. Орнамент на киргизских сосудах нанесен крупным гребенчатым штампом. Много здесь и неорнаментированной посуды. Все эти признаки сближают иргизскую группу стоянок с другими неолитическими памятниками Западного Казахстана.

Поселения Верхнего Прииртышья. Наиболее крупные поселения неолитических племен Восточного Казахстана изучены в верховьях Иртыша, у деревень Усть-Нарым и Малокрасноярка.

На поселении Усть-Нарым вскрыта площадь 800 м. Основная масса находок, а также следы жилищ, очагов и хозяйственных ям обнаружены на глубине 2,5-2,8 м. Культурный слой поселения разделялся на два горизонта тонкой прослойкой песка. В Усть-Нарыме найдены 25 очагов и кострищ, множество каменных орудий. Древние охотники и рыболовы жили в легких деревянных жилищах и шалашах причумах с входом, обращенным к реке. На поселении найдены кости дикого быка, марала, косули, барана, бобра, лисицы и сурка. Кости овцы или козы предположительно определяются как домашние.

Одна из типичных черт восточноказахстанского неолита, отличающих его от неолита Западного и Южного Казахстана, — это полное отсутствие среди кремневых орудий труда изделий геометрических форм — трапеций, сегментов и т.д. Орудия здесь изготавливались из ножевидных пластин разного размера и отщепов. Среди более чем пятнадцати тысяч кремневых изделий — пластины с ретушью по одному или по обоим краям; всевозможные скребки на пластинах или отщепах; скребла, наконечники стрел с выемкой у основания; ножи с выпуклым лезвием на массивных пластинах; наконечники копий, вкладыши от режущих, колющих орудий и серпов; топоры, тесла, долота, отбойники; детали рыболовных крючков.

Костяных изделий немного. Это шилья, иглы с ушком, игольник из кости крупной птицы с елочным орнаментом и др. Интересен костяной вкладышевый кинжал с овальным отверстием, верх рукоятки которого украшен резным орнаментом. На лезвиях кинжала сохранились очень тонкие кремневые пластинки без ретуши.

Набор каменных инструментов довольно близок к изделиям соседних сибирско-алтайских неолитических племен. В то же время керамика Усть-Нарыма сходна с керамикой юго-запада Казахстана и кельтеминарской культурой Средней Азии. Посуда по всему тулову украшена узором. Из орнамента наиболее часто встречаются горизонтальные отпечатки гребенчатого и гладкого штампов.

Керамика поселения Усть-Нарым имеет «предандроновский» облик и, видимо, оставлена людьми второй половины III тыс. до н. э., когда у племен Восточного Казахстана зарождались земледелие и скотоводство.

Неолитическое поселение у дер. Малокрасноярка несколько старше по возрасту и датируется первой половиной III тыс. до н. э. Об этом, в частности, говорят иной характер керамики, более ранние типы наконечников стрел с круглым и прямым основанием, каменные ножи архаичного облика. На поселении собрано свыше 200 каменных изделий (пластинки, скребки, наконечники стрел, проколки, нуклеусы, ножи и обломки глиняной посуды).

Большое количество всевозможных каменных орудий, обломков керамики дали случайные сборы на песчаных террасах Иртыша, близ Семипалатинска. Находки, относящиеся к неолитическому времени, выявлены в районе заброшенного с. Сатчы-Кыз на второй надпойменной террасе правого берега р. Кызылсу, в 2-2,5 км от с. Белокаменка Семипалатинской области. В этом месте террасу прорезают выходы кремнистого сланца и кварца. Стоянка находится на возвышенном участке, над маленьким родником. Рядом, перпендикулярно к пойме реки, проходит глубокий овраг, на дне которого была обнаружена треугольная пластинка с ретушью по боковым краям и отщеп из темно-кремнистой породы. Каменные изделия (а их более 100) собраны на поверхности. (Рис.2.13.).

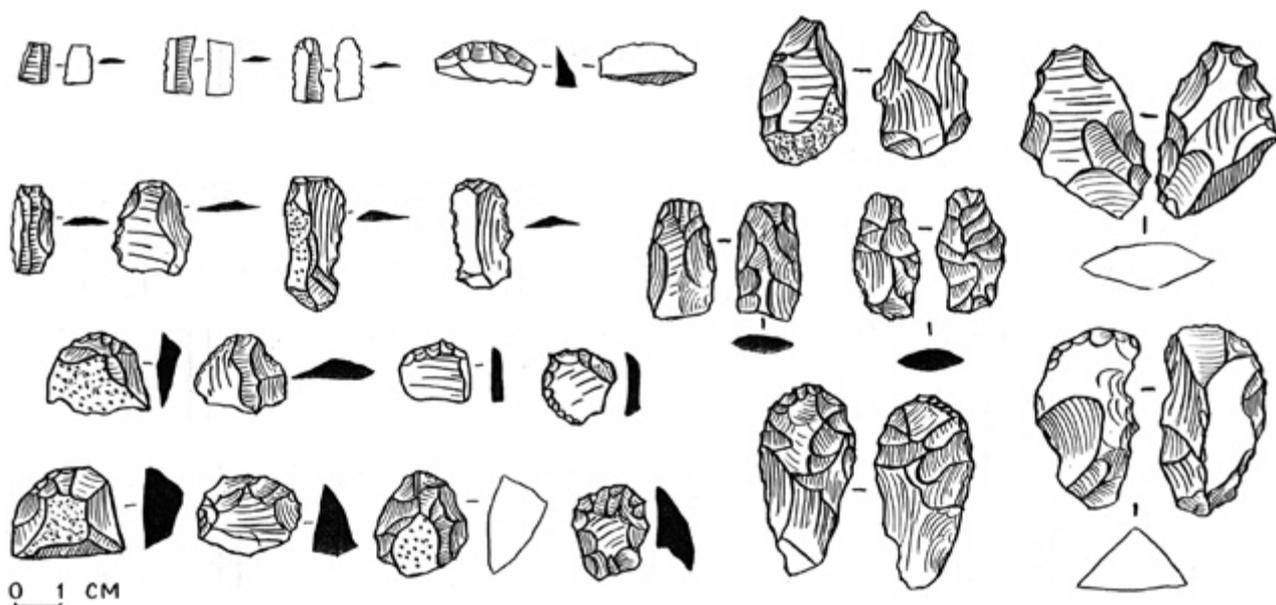

Рис. 2.13. Кызылсу. Каменные орудия труда

Площадь распространения находок 900 кв. м. В двух местах был заложен шурф размером 1×0,5 м, выявивший следующую стратиграфию: дерн мощностью 0,05 м, серо-желтая супесь с мелкой щебенкой, галечник с мелкими валунчиками и крупнозернистый песок. Коллекцию подъемного материала составляют нуклеусы, наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, микроплиты и отходы производства. Нуклеусы призматического скалывания, аморфные, небольшого размера. Присутствуют необработанные заготовки. Преобладают концевые скребки, выполненные на пластинах, с овальным рабочим краем. У некоторых ретушированы боковые стороны. Имеются скребки высокой формы.

Наконечники стрел двусторонней обработки небольшие. Встречены и заготовки наконечников. Некоторые изделия представлены пластинками с притупленным краем, которые обработаны с двух или с одной стороны и невелики по размерам. Материал изделий, в основном, — яшма, халцедон, опал. Несомненно, неолитические племена Казахстана развивались во взаимодействии с племенами сопредельных территорий.

Североказахстанские стоянки и погребения. Среди многочисленных стоянок Северного Казахстана наиболее интересны стоянки озерного типа Павлодарского Прииртышья.

Самый ранний комплекс находок получен со стоянки Пеньки 1. Здесь много ножевидных пластин, из которых изготавливали разнообразные скребки, сверла, скобели, вкладыши для составных орудий, ножи и наконечники стрел. Основные типы наконечников стрел — треугольные, с выемкой в основании или без нее, мелких размеров, обработанные частичной или двусторонней плоской ретушью. Среди вкладышей выделяются изделия геометрического облика, типа трапеций. Подобные трапеции известны на стоянках Западного и Южного Казахстана и юго-западных Каракумов. Такие изделия, как правило, характеризуют мезолитический или ранне-неолитический комплекс.

Керамика стоянки представлена прямыми сосудами с округлым или заостренным дном. Она изготовлялась из глины с примесью песка. Четкий орнамент занимает всю внешнюю поверхность сосудов, в нем преобладает чередование прямых линий с рядами зигзагообразных или волнистых, разделенных рядом ямок.

Посуда стоянки Пеньки 1 резко отличается от центрально- и западноказахстанской, но близка керамике уральских и западносибирских памятников, прежде всего ишимского и среднеиртышского бассейнов.

Сравнительный анализ материалов позволил выявить важную особенность неолитических комплексов Северного Казахстана: если кремневый инвентарь имеет сходство с материалами южных районов, то форма и орнамент глиняной посуды обнаруживают единство с посудой западносибирского круга памятников.

К концу неолита (энеолиту) относится другая стоянка Пеньки 2. Каменный инвентарь ее свидетельствует о преемственности традиций в технике обработки камня, применявшейся на неолитической стоянке Пеньки 1. В то же время он более поздний по времени: изменились типы орудий, сократился процент не только пластин, но и изделий из них. Орудия чаще всего носят универсальный характер, заметно снизилась и тщательность их отделки. Наконечники стрел становятся более вытянутыми, их поверхность обработана с двух сторон, глубокие выемки в основании образуют острые свисающие шипы. На стоянке найдено много топоров и тесел.

Весьма интересна плоская каменная фигурка, изображающая голову и шею лося с раскрытой пастью; уши прижаты, глаза в виде выдолбленных ямок. Назначение ее, скорее всего, ритуальное.

Керамика стоянки Пеньки 2 сходна с посудой первой стоянки. Но сосуды здесь уже толстостенные, плоскодонные. Изменяется орнамент. Сосуды украшаются сложными композициями из треугольников, нанесенных гребенчатым штампом, и ямок. Такая орнаментация получила распространение в эпоху бронзы в памятниках андроновской культуры.

На стоянке Пеньки 1 вскрыты постройки наземного типа, прямоугольные в плане. Жилища, вероятно, имели деревянный каркас, перекрытый камышовой кровлей. Дома располагались по краю поселка, в центре находились площадки с открытыми очагами, вытянутыми по одной линии. Они служили для приготовления пищи в летнее время. Внутри дома имелось три очага (один — центральный, два других — боковые), что позволяет предполагать проживание в доме двух семей.

На территории Казахстана обнаружено пока несколько неолитических погребений, в основном в Северном Казахстане. Ни одно из захоро-

нений не имеет внешних признаков на поверхности. Во всех могилах вместе с костями лежали наконечники стрел, что указывает не только на то, что наши предки продолжали заниматься охотой, но и на то, что они вступали в частые военные конфликты. В погребениях очень мало керамики, а в некоторых ее нет вовсе.

Наиболее полно об обряде погребения в неолитическую эпоху можно судить по захоронению у с. Железинка (в 100 км от стоянок Пеньки). Погребение, скорее всего, принадлежало женщине, занимавшей высокое положение в родовой организации. На это указывает богатый набор украшений, орудий труда и, кроме того, особый ритуал захоронения, связанный с поклонением солнцу. Согласно такому обычаю, совершалась кремация трупа. В данном случае это было неполное трупосожжение, за которым следовало погребение останков в могилу вместе с вещами покойной. Среди погребальных украшений — костяная наклад-ка серповидной формы от головного убора, оформленная по краю зубчиками, ожерелье из зубов хищных зверей, крупных бус и раковин. Вместе с богато украшенной одеждой в могилу поместили орудия труда (тесло, костяное шило), охоты (каменные и костяные наконечники копий стрел) и три миниатюрных баночной формы глиняных сосуда со сферическим дном. Там же найдены две фаланги кулана, окрашенные красной охрой — цветом, имитирующим, по представлению древних людей, ритуал сожжения в огне поклонения.

Несмотря на то, что эпоха мезолита и неолита в Казахстане изучена недостаточно, уже сейчас можно назвать многие характерные ее черты. Это было время развития культур степных охотников, ведших подвижный образ жизни и занимавшихся при благоприятных природных условиях (наличии речек и озер) рыболовством.

Тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов, ярко отразились в археологических материалах. Наиболее четко такие контакты могут быть прослежены с племенами кельтеминарской культуры, или кельтеминарской культурной общности, обитавшими в северных областях Средней Азии. Рельефнее всего они проступают у племен Южного и особенно Западного Казахстана. Цепочки древних контактов уходят далеко на север и северо-запад, в Приуралье и Западную Сибирь, проявляясь в особенностях форм кремневых орудий и в

типах орнаментированной глиняной посуды. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, обнаружившая признаки сходства с культурой населения Средней Азии, в то же время была более близка к алтайским и прибайкальским племенам новокаменного века. Сохраняя специфику культурных традиций, неолитические племена Казахстана развивались, таким образом, в тесном взаимодействии с племенами соседних регионов и областей.

Интересным является район Мангыстау, обитатели которого проживали на берегу Каспийского моря. Рыболовство не требовало перемещений, по крайней мере постоянных. Для стоянок выбирались удобные места в прибрежной полосе, обеспеченные водой. Охота носила вспомогательный характер. Оседлый образ рыболовов привел к строительству долговременных жилищ. Малоподвижность берегового населения способствовала консервации культурных традиций.

Этот факт иллюстрируется стоянкой Коскудук I, которая найдена не далеко от областного центра г. Актау. Она располагается на краю верхней морской террасы в один километр от современного берега моря. На стоянке сохранился культурный слой мощностью до 35 см, в котором располагаются остатки каменной стенки фундамента большой постройки каркасно-столбового типа. В плане сооружение имело овальную форму 16×14 м. Его стенки складывались из местного камня-известняка. В культурном слое найдены многочисленные изделия из кремня и камня, фрагменты лепных сосудов, обломки морских раковин и украшений из них.

Индустрия стоянки Коскудук I во многом сохранила очень архаичные типы орудий оюклинской культуры, асимметричные трапеции и треугольники, срединные и ретушные резцы, большие серии концевых скребков, вкладыши со скошенным концом, «микрорезцы», отщепы и пластины с подретушированным по слому концом. Появляются и новые формы изделий. Это долотовидные орудия, мелкие сегменты и в большом количестве микросверла.

Находки бус и их заготовки из раковин свидетельствуют, что коскудукцы владели способом изготовления раковинных украшений с помощью лучкового сверла. Они же уже знали прядение нити, т.к. найдены обломки каменных пряслиц-утяжелителей для веретена. На хозяйственную направленность обитателей стоянки указывают наконечники стрел, изго-

товленные из известняка метательные ядра для пращи и грузило для сетей.

Часть керамики коскудукской стоянки сохраняет оюклинские традиции с элементами орнаментальной техники и композиций нижневожского неолита. Выделяются обломки сосудов нового типа, с массивным венчиком, гребенчатой орнаментацией и примесью в тесте мелко толченной раковины. Подобная керамика имеется только в материалах хвалынской культуры Поволжья — Северного Прикаспия. Памятники этой культуры найдены и на Мангыстау. Они выделены в шебирский тип. С ними связан переход к новому этапу в истории мангыстауских племен — энеолиту. На основе хвалынской керамики коскудукская стоянка датирована концом V — первой половиной IV тыс. до н. э.

Несколько находок позволяют сказать о некоторых верованиях и обрядах коскудукцев. Вблизи жилища раскопано захоронение мужчины зрелого возраста. Он был погребен в небольшой округлой яме с щелевидным подбоем в сильно скорченной позе на левом боку. Яма имела каменный заклад, который образовывал на древней поверхности наброску в виде холмика. Погребального инвентаря с умершим не найдено. В засыпке могилы встречались кремневые изделия, подтверждающие, что это ритуальное захоронение, связанное с человеческим жертвоприношением при строительстве дома. На сегодняшний день захоронение стоянки Коскудук I самое древнее в Казахстане. Имеется подтверждение, что жители Коскудукской стоянки поклонялись водной стихии. На складе вблизи стоянки найдены выбитые системы желобков, изображение пятиметровой змеи и углубление для сбора дождевых вод.

Атбасарская культура получила свое название по месту наибольшей концентрации стоянок — Атбасарскому району Акмолинской области. Территория его распространения: бассейн р. Ишим в степной зоне (Ишимская степь) и северо-западная часть казахского мелкосопочника. Формирование культуры происходило на материальной базе местных мезолитических племен в конце VII — начале VI тыс. до н. э. при некотором объеме инноваций, проникших с населением Приаралья или восточного Прикаспия (кельтеминарская и оюклинская культуры). Обследовано около 200 стоянок, около 20 из них — раскопано. Наиболее яркие памятники этого периода: Виноградовка II (верхний слой),

Тельмана I, X, стоянки у с. Явленка, Карлуги, Боголюбого, Виноградовка X, XIV, Жабай-Покровка III. Как правило, все стоянки атбасарской культуры располагались на берегах древних русел (стариц) важнейших водных артерий Северного Казахстана: Ишима и Чаглинки. Жилища, судя по сохранившимся следам, были легкого земного характера. Это были постройки в виде шалашей, круглые и квадратные в плане, площадью не более 25 кв. м. О подвижности атбасарского населения свидетельствуют топография памятников, характер индустрии, слабость культурного слоя, характер хозяйства.

Оригинален набор орудий. Он характеризуется сочетанием изделий на пластинчатых заготовках и орудий, изготовленных на отщепе способом двусторонней обработки. Среди последних широко представлены наконечники стрел. В это время появляются крупные скребла и ножи, отбойники стрел. Последние два типа свидетельствуют о первичной обработке кремневого сырья. В местах естественных выходов кремня существовали специализированные мастерские, где производилась первичная обработка добываемого сырья. На стоянке Тельмана I осуществлялась уже дальнейшая обработка нуклеусов: здесь получали заготовки в виде пластин и отщепов, пригодные для изготовления вкладышевых орудий труда.

Керамическая посуда была полуяйцевидной формы объемом 1-5 л. Её стенки украшались гребенчатым штампом. Но остатки керамики очень немногочисленны и фрагментарны.

Немногочисленны и остеологические остатки. Лишь на стоянках позднего, а иногда и среднего неолита фиксируются кости лошади, крупного рогатого скота. Фрагментарность и немногочисленность костных остатков не позволяют уверенно причислить их к диким или домашним особям. Но именно этот набор представителей фауны дает возможность говорить о формировании в Северном Казахстане к началу III тыс. до н. э. элементов производящего хозяйства.

К настоящему времени мы пока не имеем ни одного погребального памятника, связанного с этой культурой. Но на окраине некоторых стоянок (Виноградовка, Тельмана и др.) обнаружены ямы глубиной около 1 м и диаметром до 1,5 м. На их дне мощный слой углистых остатков с кальцинированными включениями. Не исключено, таким образом, что позже, в бронзовом веке, на этой территории мы прослеживаем уже сформировавшуюся традицию кремации умерших.

К настоящему времени не удается проследить четкой связи с последующей на этой территории культурой — ботайской. Фиксируется лишь, как отмечалось выше, угасание к концу IV тыс. до н. э. пластинчатой индустрии и формирование отщеповой.

Ситуация полностью дублируется и на сопредельной территории в районе Торгайского прогиба, когда маханджарская культура сменяется терсекской.

Маханджарская культура. Доминирующее количество известных нам памятников этой культуры находится на дне Торгайской ложбины. Среди них лишь несколько имеют сохранившийся культурный слой и хорошо исследованы: это стоянки Маханджар, Соленое озеро 2, Дузбай 1-4, 12, Сор 2, Бестамак, Амангельды. На Тоболе пока известна лишь стоянка Алкау 2.

Характерна топография памятников: многие из них расположены у широких участков поймы в том месте, где она резко сужается. Можно предположить, что к широким участкам пойм были приурочены и широкие плессы с водоплавающей птицей. В древности они, вероятно, отличались тем же.

Почти на всех стоянках, известных сегодня, культурный слой состоит из песка или супеси и в значительной мере развеян. Лишь на одном памятнике — Дузбай 1 — удалось обнаружить остатки каких-то построек. Судя по ним, у неолитического населения здесь были полужемлянки, вкопанные в грунт на полметра.

Оригинальная посуда маханджарской культуры: керамическая тонкостенная посуда изготовлялась вручную и имела удлиненные пропорции. Шейка горловины обычно была заужена, дно коническое, иногда завершалось шипом. Орнамент наносился по ещё непросохшим стенкам сосудов зубчатым («гребенчатым») штампом. Композиция из горизонтальных или вертикальных зигзагов, параллельных оттисков и других элементов иногда украшала всю внешнюю поверхность.

При изготовлении орудий труда древнее население Притоболья предпочитало использовать технику пластинчатых вкладышей. Обычно на стоянках они составляют почти половину от числа всех находок. Но сырье для орудий в это время уже предпочитают использовать из местных источников. При этом сохраняются все приемы вторичной обработки, известные здесь в мезолите: в том числе и изготовление геометрических вкладышей в виде трапеций. Наряду с изготовлением орудий методом нанесения краевой ретуши и резцового скола, достоверно отмечено использование метода шлифования. Кроме того, найден и фрагмент пряслица с просверленным отверстием. Это не только свидетельствует о появлении метода сверления, но и распространении прядения. Сверла из каменных пластинок известны на стоянках Дузбай 2 и Бестамак 7. Интересно также и то, что на стоянках маханджарской культуры отсутствуют наконечники стрел. Вероятно, в их качестве использовалась конструкция из нескольких вкладышей.

ЭНЕОЛИТ

Согласно критериям археологической периодизации, под энеолитом следует понимать эпоху внедрения в жизнь людей медных орудий. Это, как правило, приводит к деградации кремневой индустрии в целом, обеднению наборов каменных орудий. Ярko проявляются новые наборы археологических типов, представляющих материальную культуру: плоскодонная, богато орнаментированная керамика, мелкая пластика, жилища. Этот набор типов в сочетании с медными и кремневыми изделиями характеризует археологические комплексы энеолитического типа. Наиболее отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достигнуть значительных успехов в развитии производства.

Важную роль сыграл энеолитический период и в степной зоне с преимущественным скотоводческим развитием хозяйства. Энеолит казахстанских степей выглядит совсем иначе. Здесь совершенно иная природно-экологическая среда и для ее освоения человек, двигаясь по пути наименьшего сопротивления, выбрал другой путь приспособления. И на этом пути каменная индустрия не только не деградировала, но и поднялась на еще более высокий уровень. Человек не только до последнего максимума реализовал возможности обработки камня (сверление, самозатачивающиеся топоры, крупные наконечники копий с идеальной аэродинамической формой, гравировка и т.д.), но и невероятно расширил ассортимент производственно-хозяйственного инвентаря (в

том числе керамического и костяного). Правда, в это время утратила свое значение пластинчато-вкладышевая индустрия. Климат в эпоху энеолита был влажным. Тем самым создались идеальные условия для активного естественного прироста численности популяций крупных млекопитающих. В это время здесь таковой была лошадь. Резкое увеличение биомассы этого вида без нарушения экологического равновесия, увеличение ее объема на единицу площади охотничьих угодий вызвали к жизни другие процессы. Охотничьи коллективы смогли не только уменьшить размеры своих угодий за счет сокращения, а то и полного прекращения миграций по их территории, но и концентрироваться на длительное время на одном месте. Восполнение потребляемой биомассы в сувившихся охотничьих угодьях осуществлялось не только за счет естественного воспроизводства, но и за счет притока табунов с освободившихся от охотников территорий.

Ботайская культура. Названа по наиболее характерному для нее поселению у разъезда Ботай в Кокшетауской области. Ботайская культура характеризует степной энеолит Северного Казахстана (Урало-Иртышское междуречье) и датируется III—II тыс. до н. э. Она, следовательно, просуществовала одно тысячелетие.

В сложении ботайской культуры приняли участие племена, составившие атбасарскую и маханджарскую неолитические культуры. Есть свидетельства, что на процесс ее формирования оказывали воздействие внешние влияния из Восточного Прикаспия и Южного Урала. Ботайская культура была выявлена В.Ф. Зайбертом. В.Н. Логвин, С.М. Калиева выделили ее западный вариант — терсекскую культуру. В терсекской культуре четко прослеживаются инкультурные влияния и, возможно, некоторые ее памятники относятся к раннеэнеолитическому периоду, датируемому IV тыс. до н. э. Открыт ряд поселений: Бестамак, Соленое Озеро 1, Ливановка, Кумкешу, Кожай, Дузбай 3 — в Костанайской и Торгайской областях; Ботай, Красный Яр, Васильковская 4 — в Кокшетауской. Всего известно более десятков поселений.

Поселения обычно занимали площадки на высоких берегах наибольших степных речек: Тургай, Терсакан, верховья Тобола, Убаган, Чаглинка, Иман-Бурлук. Их площадь зачастую достигает 15 га. Наиболее информативным для характеристики является пос. Ботай. Функ-

ционировало поселение, предположительно, около 200 лет, в XXIV—XXII вв. до н. э. На современной поверхности отмечены следы от 158 жилищ. В процессе раскопок выяснилось, что это были постройки последнего этапа существования поселения. Остатки жилищ более ранних строительных сооружений уничтожены при строительстве последних. Застройка поселка в древности была очень плотной: жилища зачастую смыкались друг с другом и образовывали своеобразные кварталы линейно-сотовой планировки. Такие замкнутые планировочные единицы могли включать до 30 построек. Внутри них можно проследить определенную систему: на параллельных улицах шириной 4-8 м длиной до 50 м строилось иногда 15-16 жилищ на каждой стороне.

Жилища устраивались следующим образом. Выкапывался котлован 4-8-угольной формы глубиной до 1 м и площадью от 20 до 70 м. Вынутая при рытье глина укладывалась по периметру в виде вала высотой до 1 м. На выстроенные таким образом стены укладывались бревна в виде сужающегося сруба. Образовавшийся купол укрывался ветвями и дерновыми пластами, оставляя при этом дымовое отверстие в центре. Вход оставался в виде проема в стенке, и к нему примыкал небольшой коридор. Внутри, в центре, в ямке находился очаг. Между очагом и входом была хозяйственная зона, в глубине — место для сна. Сбоку под стеной обычно выкапывалась яма для хранения продуктов. На Тоболе на песчаных почвах архитектура была несколько иной: стены, возможно, строились из дерева. Производственно-хозяйственный инвентарь изготавливался из различных пород камня, глины, кости. Функциональные определения говорят о сложном хозяйственном укладе населения. Костяные элементы узды, застежки для пут свидетельствуют о начавшейся доместики лошади. Каменные булавы, ножи, кинжалы, боласы, наконечники стрел, дротиков, копий связаны с охотой. Гарпуны указывают на рыболовную деятельность. При строительстве жилищ использовались многочисленные деревообрабатывающие инструменты: топоры, тесла, долота, стамески, струги, резцы, ножи, скобели. Довольно совершенными были камнеобработка и обработка кости, без которых не было возможно изготовление качественных орудий труда. Среди вспомогательного инвентаря: отбойники, ретушеры, молотки, абразивы, кремневые сверла, резцы, диски-

маховики. В кожевенном деле были необходимы: скребки, скребла, ножи, резцы, скобели, костяные ступики для выминания, абразивы и гладилки для шлифовки шкур. Среди швейных принадлежностей: иглы, проколки, шилья. Для плетения циновок были необходимы костяные качедыки, для прядения — пряслица. В керамическом производстве применялись песты, терочники, ложила, самые различные штампы. Обнаружено также множество костяных рукоятей и каменных наковален. В коллекции находок есть также культовые предметы, амулеты, украшения.

Огромное количество остеологического материала в подавляющем большинстве принадлежит лошади: так, на поселении Ботай зафиксированы кости от 70 000 особей. Есть также кости зубра, тура, лося, косули, сайги, медведя, собаки, лисицы, верблюда, корсака, бобра, зайца, сурка, кабана, птиц.

Погребальный обряд и ряд символических предметов говорят о существовании тотемизма, культа предков. Сородичей хоронили на территории поселения в старых жилищах, вокруг погребенных укладывали вдоль стен десятки лошадиных черепов. В одном из жилищ в стенной нише обнаружен мумифицированный глиной череп мужчины. Под порогом жилищ нередки захоронения собак, очевидно, ритуального характера.

Энеолит Мангыстау. Энеолит в истории Мангыстау — во многом условная, не отвечающая общепринятой периодизация. Конец V — начало IV тыс. до н. э. для этой территории ознаменованы интенсивными контактами аборигенного населения с соседями, либо, что наиболее верно, вливанием в местную среду двух инокультурных потоков с севера и юго-востока. Первый поток обозначен памятниками шебирского типа, относящимися к хвалынской энеолитической культуре Волго-Уралья.

Стоянки и отдельные находки имеют место на п-ве Бузачи, в центральной и береговой частях п-ва Мангыстау. Наиболее значимая стоянка была найдена на Бузачах у поселка Шебир в зоне развивающихся песков. Здесь зафиксировано два больших скопления кремня и фрагментов керамики. Скопления очень компактны, возможно, они оконтуривают границы несохранившихся построек наземного типа. При зачистке участков культурного слоя встречены хозяйственные и выгребные ямы и небольшое углубление — ямка — культового

назначения, заполненное песком с красной охрой и 105 мелкими отщепами и пластинками.

Кремневые коллекции шебирского типа выделяются крупными размерами пластин и орудий на них. Набор орудий обычен для стоянок местного неолита. Но значительно начинают преобладать боковые скрепки, позволившие ускорить процесс выделывания шкур. Появляются долотовидные орудия, однолезвийные ножи, плечиковые сверла. На стоянках не найдены геометрические микролиты. Отсутствие наконечников стрел не может категорично утверждаться, хотя достаточно компенсируется многочисленными находками вкладышей сложносоставных орудий. В качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия использовался кремний с местных месторождений.

Глиняная посуда лепилась вручную. Сосудам придавалась подъяйцевидная закрытая форма с округло-коническим дном. Край сосуда оформлялся массивным венчиком воротничкового типа с ребром на внутренней поверхности, для орнаментации, в основном, использовался гребенчатый штамп. Простым геометризированным узором покрывались верхняя и нижняя части сосуда. Внутренняя поверхность посуды выравнивалась при помощи той же гребенки. В глиняную массу добавляли мелко толченную ископаемую раковину. Сосуды вылепливались ленточным способом, при тонких стенках их емкость достигала 6-7 литров.

Шебирское население принесло с собой новые украшения — крупные бусы из створок морских моллюсков и мелкие низкоцилиндрические бусинки диаметром 3-6 мм. Последние изготавливались из стенок морских ракушек. Края бусинок тщательно зашлифованы, а отверстия получены методом встречного сверления.

На шебирской стоянке найдено небольшое металлическое шило. Это не противоречит находкам большого числа металлических изделий на Хвалынском могильнике.

Второй поток пришельцев происходит из районов Среднеазиатского междуречья. Он связан с находкой на Мангыстау кельтеминарской стоянки типа Дингильдже 6, которая располагалась на берегу впадины Кошкар-ата. Среди кремневых орудий стоянки выделяются такие изделия, как пластинчатые наконечники с боковой выемкой, скобели с асимметричными выемками, вкладыш с затупленным со спинки краем и заостренным с брюшка концом, свер-

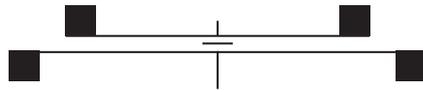
ла с треугольным концом и микросверла. Эти орудия свойственны для развитого и позднего этапов кельтеминарской культуры.

Хронологически памятники хвалынской и кельтеминарской культур Мангыстау синхронны. Керамика стоянки Кошкар-ата 4 при кремневой коллекции с чертами кельтеминара имеет признаки шебирских сосудов, но с плоским дном. В свою очередь, эти культуры сосуществуют с местными — оюклинской и тюлузской, что подтверждается находками керамики шебирского типа на стояке Коскудук.

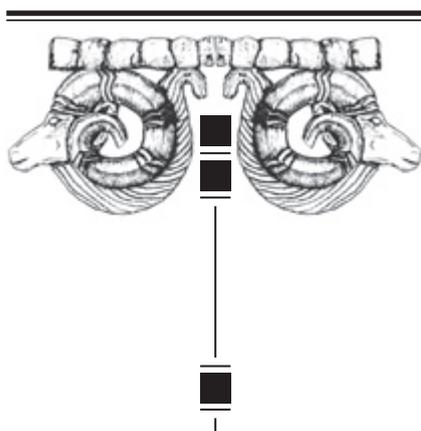
Понимание процессов IV тыс. до н. э. находится в тесной связи с вопросом о значении территории Восточного Прикаспия в распространении основ производящей экономики (скотоводства). Если ранее этому региону отдавался приоритет в решающей роли распространения овцы из районов ближневосточного культурного очага, то в последнее время это положение оспаривается М.И. Итиной и В.А. Алешкиным. Они указывают на возмож-

ность проникновения скотоводства в Сре-неазиатское междуречье из более северной степной зоны. Хронологическое запаздывание верхних границ кельтеминарской культуры и позднее смещение зоны распространения производящего хозяйства в Средней Азии к северу (рубежи III и II тыс. до н. э.) позволяют говорить о более прогрессивном развитии хвалынских племен Волго-Уралья, обладавших на рубеже V и IV тыс. до н. э. развитыми (подвижными) формами скотоводства. В это время хвалынцы проникают на Мангыстау.

Таким образом, начало энеолита как этапа в археологической периодизации п-ова Мангыстау связано с появлением здесь новых форм хозяйствования — подвижного скотоводства. Взаимодействие более активных пришлых племен с местным неолитическим населением со временем привело к появлению на Мангыстау новых культур кочевников бронзового века. Однако временные границы этого периода пока точно не установлены.

глава III

ПАМЯТНИКИ КАЗАХСТАНА
В ЭПОХУ БРОНЗЫАндроновская культура:
вопросы происхождения и периодизации

Хозяйственные изменения, намечившиеся еще в неолитическую эпоху, привели во II тыс. до н. э. к сложению скотоводческо-земледельческой экономики и высокоразвитой металлургии. Переход к экономике производящего типа коренным образом изменил всю обстановку на территории Казахстана.

Прогресс общества эпохи бронзы обусловлен двумя факторами. Одним из них, определяющим новую эпоху, было производственное освоение палеометаллов.

Бронза становится основным сырьем для изготовления орудий труда и оружия. Богатства недр Казахстана полиметаллами и, в первую очередь, оловянисто-медными рудами явились одной из причин возникновения на его территории очагов металлургии.

К перестройке экономики вели и природно-климатические изменения. Так, в эпоху поздней бронзы на смену длительной прохладно-влажной фазе приходит более чем тысячелетний период постепенного изменения климата в сторону потепления и большей сухости. Засушливому периоду сопутствуют уменьшение стока рек, медленное усыхание надпойменных террас, понижение уровня озер, уменьшение общей увлажненности материков Северного полушария.

В эпоху бронзы обширные степные пространства Сибири, Приуралья, Казахстана и Средней Азии были населены родственными по происхождению племенами, оставившими яркую самобытную культуру. В науке она получила название «андроновской» по месту находки первого памятника у с. Андронovo близ Ачинска в Западной Сибири.

Длительное время в казахстанских степях исследователи выделяли одну культуру — андроновскую. В настоящее время вместо одной культуры выделяют несколько, объединяя их в андроновскую культурно-историческую общность.

Один из основных её центров находился на территории Казахстана. Археологические данные свидетельствуют о том, что андроновское население вело оседлый образ жизни. Поселки располагались по берегам рек с пойменными лугами. Для населения этих поселков было характерно пастушеское скотоводство.

Главными признаками культуры, отличающими андроновское население от других племен, являются погребальный обряд, своеобразный набор глиняной посуды с геометрическим орнаментом, формы металлических изделий.

Происхождение андроновской культуры — проблема дискуссионная.

В исторической науке существует ряд гипотез.

Большинство исследователей считает, что андроновская культура образовалась на основе развития родственных по культуре и, очевидно, по происхождению племен северной полосы казахстанских степей и прилегающих районов Зауралья и Западной Сибири эпохи неолита и энеолита. Уже в то время были известны скотоводство, примитивное земледелие и зачатки горного дела.

Дальнейшее развитие придомного пастушеского скотоводства и мотыжного пойменного земледелия привело к большей оседлости, появлению домашних промыслов, развитию металлургии. Примерно одинаковый уровень прогресса в этих направлениях хозяйства привел к сложению характерных особенностей андроновской культуры, к близким формам социального уклада общества.

Одним из спорных вопросов в истории андроновской общности является определение этнической принадлежности населения. Существует несколько мнений. По одному из них, андроновцы принадлежали к финно-угорской этнической группе.

Более широкое распространение получила гипотеза об индоиранской, или арийской, принадлежности андроновских племен.

В пользу индоиранского происхождения андроновцев свидетельствуют названия, связанные с колесным транспортом. Арийскими являются имена правителей, термины, связанные с коневодческой практикой, имена богов, запечатленные в документах народов Передней Азии II тыс. до н. э., имевших письменность, имена божеств в «Авесте», священной книге зороастрийцев, такие, как Митра и Варуна, культ которых получил широкое распространение.

Ряд топонимов на территории Центральной Азии тоже арийского происхождения.

В последние годы появился ряд исследований, где выдвигается гипотеза о тюркоязычности андроновских племен.

Принципиальные коррективы в научные представления о древностях евразийских степей в период формирования андроновских племен внесли открытие и изучение укрепленных поселений городского типа Синташта и Аркаим, относящихся к раннему периоду бронзового века (XVIII—XVI вв. до н. э.).

Формирование и сложение андроновской культурно-исторической общности происходили в течение нескольких столетий, начиная с рубежа III—II тысячелетия до н. э. Андроновская культура как единая общность оформилась на территории Казахстана к XVI—XV вв. до н. э. Внутри этого единства формируются алакульская и федоровская культуры. Алакульская распространилась в Центральном и Западном Казахстане, а федоровская — на территории Восточного Казахстана. В Центральном Казахстане и в Семиречье признаки обеих культур встречаются одновременно.

В дальнейшем племена с территории Казахстана мигрировали на восток и на юг, вплоть до Ирана.

М.П. Грязнов выделил по материалам исследованных им могильников в бассейне р. Урал западный вариант андроновской культуры которую датировал XIV—XI вв. до н. э.

В 30-е гг. О.А. Кривцова-Гракова исследует Алексеевский комплекс — поселение, могильник, жертвенный холм в Костанайском Притоболье. Выделив типологически 2 группы керамики — без налепного валика и с налепным валиком (в виде кольцевого налета шириной до 1 см в верхней трети горшков), она датировала комплекс X—VIII вв. до н. э., отнеся к позднему периоду андроновской культуры. Вместо предполагаемых трёх периодов развития андроновской культуры она выделяет два, отнеся к первому — поселения с керамикой федоровского типа, ко второму — поселения с керамикой, аналогичной керамике Алексеевского и исследованного ею же Садчиковского поселения.

Применённые О.А. Кривцовой-Граковой термины — «фёдоровский тип керамики», одновременно с ним «алакульский» и несколько позднее «замараевский тип» — были впервые предложены К.В. Сальниковым. Он выделил 3 хронологических этапа: фёдоровский

— середина и вторая половина II тыс. до н. э.; алакульский — X—IX вв. до н. э.; замараевский — VIII—VII вв. до н. э. Периодизация К.В. Сальникова, разработанная для памятников эпохи бронзы Южного Зауралья, сыграла ключевую роль в разработке локальных периодизационных схем, в том числе и для Казахстана.

В начале 50-х гг. К.А. Акишев разработал периодизацию памятников Центрального Казахстана, выделив фёдоровский и алакульский этапы андроновской культуры, а яркие, специфические погребальные комплексы эпохи поздней бронзы — в дандыбаевскую культуру.

Во второй половине 50-х гг., придерживаясь периодизаций К.В. Сальникова, А.М. Оразбаев памятники Северного Казахстана отнёс к фёдоровскому и алакульскому этапам, а памятники поздней бронзы — к замараевской культуре.

О роли андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана писал С.С. Черников. Им была разработана периодизация андроновских памятников Восточного Казахстана — канайский этап (XVI—XII вв. до н. э.), малокрасноярский этап (XI—X вв. до н. э.), трушниковский этап (IX—VIII вв. до н. э.).

В 60-е — начале 70-х гг. схема К.В. Сальникова существенно уточняется Э.А. Фёдоровой-Давыдовой, которая первоначально удревнила алакульский этап до XV в. до н. э. и высказалась за сосуществование фёдоровского и алакульского населения. Она же предложила считать фёдоровский и алакульский этапы культурами.

Следует отметить, что и сам К.В. Сальников уточнил хронологию и предложил датировать фёдоровский этап XVIII—XVI вв. до н. э., алакульский XV—XII вв. до н. э., замараевский XII—VIII вв. до н. э.

Некоторые уточнения, или своё видение, локально-хронологических аспектов андроновской периодизации в 70 — 80-е гг. предложили А.Г. Максимова и Ф.Х. Арсланова для Восточного Казахстана, В.С. Сорокин — для Западного Казахстана.

А.Х. Маргулан, К.А. Акишев и А.М. Оразбаев разработали периодизацию памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Были выделены 2 этапа андроновской культуры: нуринский — XVI—XV вв. до н. э. и атасуский — XIV—XIII вв. до н. э., бегазы-дандыбаевская культура эпохи поздней бронзы — X—VIII вв. до н. э. и памятники переходного периода — XII—XI вв. до н. э.

Рассматривая проблемы истории андроновского культурного единства по металлическим изделиям, Н.А. Аванесова предложила следующую периодизационную схему:

- 1) предалакульский этап (XVII—XVI вв. до н.э.);
- 2) андроновская культура (XVI—XII вв. до н.э.);
 - алакульский этап (XV—XIV вв. до н.э.);
 - кожумбердинский этап (XIV в. до н.э.);
 - фёдоровский этап (XIV—XIII вв. до н.э.);
- 3) замараево-бегазинская культура (XII—IX вв. до н. э.) (1979, с. 20-21).

В конце 70-х гг. А.Х. Маргулан, не меняя последовательности генетической преемственности в развитии племён Центрального Казахстана, предложил новые хронологические рамки этапов, удлинив нуринский этап (синхронный фёдоровскому) от конца III до начала II тыс. до н. э., почти на 5 столетий; атасуский (синхронный алакульскому) до XVIII в. до н. э., т.е. на 4 столетия, и переходный период к поздней бронзе до XIII в. до н. э., т.е. на одно столетие, оставив прежней датировку бегазы-дандыбаевской культуры — X—VIII вв. до н. э.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников поздней бронзы Северного Казахстана разрабатывала С.Я. Зданович, выделившая саргаринскую культуру заключительного этапа бронзового века, датировав её X—VIII или даже IX—VIII вв. до н. э.

На основе материалов Петропавловского Приишимья, Г.Б. Зданович разработал схему развития культур андроновской общности региона. Им выделены: петровская культура (XVII—XV вв. до н. э.); алакульская (XV—XIV вв. до н. э.); фёдоровская (XIV—XII вв. до н. э.); культура валиковой керамики (XII—IX вв. до н. э.) с переходными этапами — кулевчинским (между петровской и алакульской культурами), кожумбердинским (между алакульской и фёдоровской культурами) и этапом между фёдоровской и культурами валиковой керамики. Каждая из культур, в свою очередь, подразделяется на ранних, средний и поздний этапы.

В начале 80-х гг. была разработана локальная периодизация для памятников Костанайского Притоболья В.В. Евдокимовым. Эпоха развитой бронзы представлена памятниками петровского (XVI—XV вв. до н. э.) и алакульского (третья четверть II тыс. до н. э.) этапов алакульской культуры. Эпоха поздней бронзы представлена памятниками алексеевского (последняя четверть II тыс. до н. э.) и саргаринского (первая четверть I тыс. до н. э.) этапов алексеевской культуры. В последней четверти

II тыс. до н. э. появляются памятники черкаскульской и фёдоровской культур (при этом не исключалась вероятность сосуществования фёдоровских и алакульских племён).

Систематизация материалов по Северной Бетпакдале позволила М.К. Кадырбаеву и Ж. Курманкулову, «рассмотреть... периодизацию и хронологию памятников всего Центрального Казахстана». Выделены ранний — XV—XIII вв. до н. э. и поздний — XII—VIII вв. до н. э. периоды. Ранний период подразделяется на два этапа — первый — XV—XIV вв. до н. э. и второй — XIV—XIII вв. до н. э. Выделены типы керамики — фёдоровско-нуринский, алексеевско-атасуский и бегазы-дандыбаевский, алексеевско-саргаринский позднего периода.

Периодизация А.А. Ткачёва по периоду средней (развитой) бронзы Центрального Казахстана включает памятники алакульской (XVII—XIII вв. до н. э.) и фёдоровской (XVI—XIII вв. до н. э.) культур. Культуры в свою очередь подразделяются на этапы: раннеалакульский — XVII—XVI вв. до н. э., раннефёдоровский — вторая половина XVI — начало XV вв. до н. э.; алакульский, фёдоровский — XV—XIV вв. до н. э.; поздний алакульско-фёдоровский — конец XIV—XIII вв. до н. э. Поздний алакульско-фёдоровский «отражает» зафиксированные им факты совместного залегания посуды алакульского и фёдоровского типов.

Периодизация памятников эпохи поздней бронзы Сары-Арки разрабатывалась В.В. Варфоломеевым. Он выделяет 3 последовательно сменяющихся этапа дандыбай-саргаринской культуры XIII—IX вв. до н. э. Первый, ранний, этап (XIII в. до н. э.) «связан с формированием валиковых комплексов»; второй, кентский, этап (XII—X вв. до н. э.) «связан с существованием комплексов алексеевско-саргаринской керамики»; третий, донгальский, этап (IX в. до н. э.) — финальный период эпохи бронзы региона.

Приведенные периодизации являются локально-региональными или зональными (межрегиональными). Первая обобщающая периодизация, охватывающая значительную часть андро-

новской общности, создана М.П. Комаровой в 60-е гг. Она выделила 2 последовательных этапа: фёдоровский и алакульский. Памятники последнего этапа эпохи бронзы челябинских степей, районов Костаная и Северного Казахстана она выделила в самостоятельную культуру, считая, что на западе андроновская культура переходит к замараевской, на востоке — к карасукской.

Обобщающая периодизация памятников андроновской культурно-исторической общности принадлежит Е.Е. Кузьминой. Ею выделены 4 типа памятников: петровский (XVII—XVI вв. до н. э.); алакульский (XV—XIII вв. до н. э.); фёдоровский (XV—XII вв. до н. э.); дандыбаевский (XI—IX вв. до н. э.) и группа смешанных типов: амангельдинский (XIV—XIII вв. до н. э. в Северном Казахстане); атасуский (XV—XIII вв. до н. э. в Центральном Казахстане); алексеевский (XII—X вв. до н. э.). Другие смешанные типы — сольилецкий (Южное Приуралье), кожумбердинский (Западный Казахстан), таутаринский (Южный Казахстан), семиреченский (Семиречье и Фергана).

Краткий историографический обзор периодизации в андроноведении, отражающий в общих чертах последовательность её разработки и современное состояние, позволил В.В. Евдокимову сформулировать ряд выводов:

- определена на основании неоднократно фиксируемой стратиграфии культурных слоев относительная хронология большинства андроновских типов памятников (культур) Урало-Казахстанского региона;

- для региона Центрального и Северного Казахстана общепринятой может считаться такая последовательность памятников — алакульская, бегазы-дандыбаевская, донгальская культуры;

- создана остающаяся пока единственной периодизация типов памятников ареала андроновской культурно-исторической общности, являющаяся сама по себе значительным вкладом в андроноведение;

- проблема периодизации в андроноведении остаётся одной из центральных.

Памятники Восточного Казахстана

Горные и высокогорные районы Алтая, Калбинского хребта и Тарбагатай, степи на севере, полупустыни и пустыни на юге — таков разнообразный ландшафт Восточного Казахстана. Основная водная артерия — Иртыш и его

многочисленные притоки — Бухтарма, Курчум, Уба, Ульба, Чар, Кызыл-Су и другие. Широкие долины с плодородными почвами, пастбища, многочисленные месторождения меди, олова, золота в горах; богатство рек рыбой, лесов

— зверем способствовали развитию культуры бронзового века.

Исследователи эпохи бронзы Восточного Казахстана: С.С. Черников, А.Г. Максимова, А.С. Ермолаева.

Культура племен Восточного Казахстана эпохи бронзы представлена памятниками трех периодов: ранним, средним и поздним. Лучше всего исследованы памятники средней бронзы.

Основой хозяйства племен в это время было скотоводство и земледелие. Высокого уровня достигло горное дело и металлургия. Восточный Казахстан являлся одним из центров по добыче медной, оловянной руд и золота. Были развиты домашние промыслы.

Культура поздней бронзы племен Восточного Казахстана синхронна карасукской культуре Сибири, замараевской — Зауралья и дандыбай-бегазинской — Центрального Казахстана.

Наиболее ранним после неолитических памятников является погребение у аула Канай. На поверхности отмечено квадратной формы оградкой из вертикально поставленных плит. Ее стены ориентированы по сторонам света. В грунтовой могильной яме находилось парное захоронение мужчины и женщины, лежащих на спине головой на восток. Кости частично окрашены охрой.

Оба погребенных относятся к андроновскому антропологическому типу.

Культуру населения Восточного Казахстана **среднего этапа (развитой) бронзы** характеризует большая группа поселений и могильников. Наиболее яркие материалы получены с поселения, могильника и жертвенного места у аула Канай, могильников у с. Зевакино, оз. Сарыколь, ур. Малый Койтас, Нурмамбет.

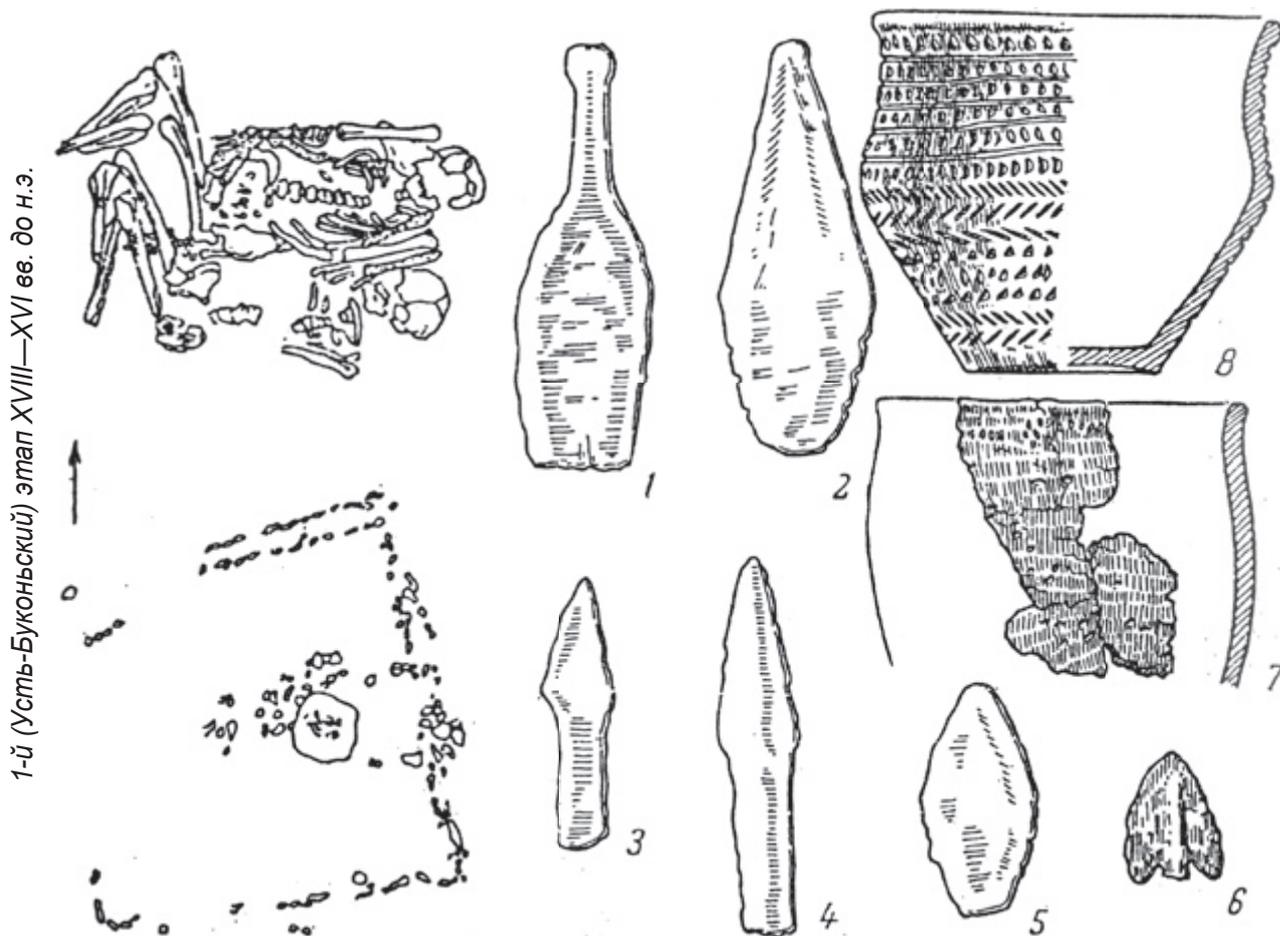

Рис. 3.1. Хронологическая таблица памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане (по С.С. Черникову). Номера около стрелок означают, что данные предметы бытуют также и в последующем или предыдущем этапах. 1-й этап: 1—5 бронзовые орудия; 6—7 — Канай, могила 9; 8 — могильник у д. Усть-Буконь. Слева — план могилы 9 у аула Канай

На поселении у аула Канай, расположенном на правом берегу Иртыша, открыто жилище прямоугольной формы (площадь около 50 кв. м) с примыкающими к нему хозяйственными пристройками. Помещения полуземляночного типа. Основанием стен построек служили столбы, промежутки между которыми заполнены камышом и обмазаны глиной. Пол земляной, на полу три очага, сложенные из камня. Два служили для приготовления пищи, третий — для отапливания. Хозяйственные сооружения с основным жильем имели сплошное перекрытие, которое было плоским. Вход в жилое помещение в виде узкого коридора со стороны, обращенной к реке. Центральная часть отделялась от входа невысокой перегородкой. Отгороженная часть могла иметь хозяйственное назначение — в ней содержался молодой (обнаружены скелеты телят и козленка).

В одной из пристроек найден кусок медной руды и обломок глиняного сосуда со следами медного шлака и меди на внутренней поверхности, в другой — половина литейной формы. На юго-восточной окраине поселения выявлены куски дробленой медной руды весом более 6 кг. Вблизи поселения вскрыты остатки плавильной печи с кусками медного шлака (10 кг), перемешанными с древесным углем. Руду, по всей вероятности, доставляли на поселение из ближайших месторождений, расположенных в Нарымском хребте.

На юго-востоке от поселения находилось культовое место, отмеченное тремя выкладками из камней. Кости животных, обломки зернотерки с закопченной поверхностью, а также зола, угольки и жженные кости свидетельствуют о совершении здесь обрядов жертвоприношения.

2-й (Канайский) этап XV—XIII вв. до н.э.

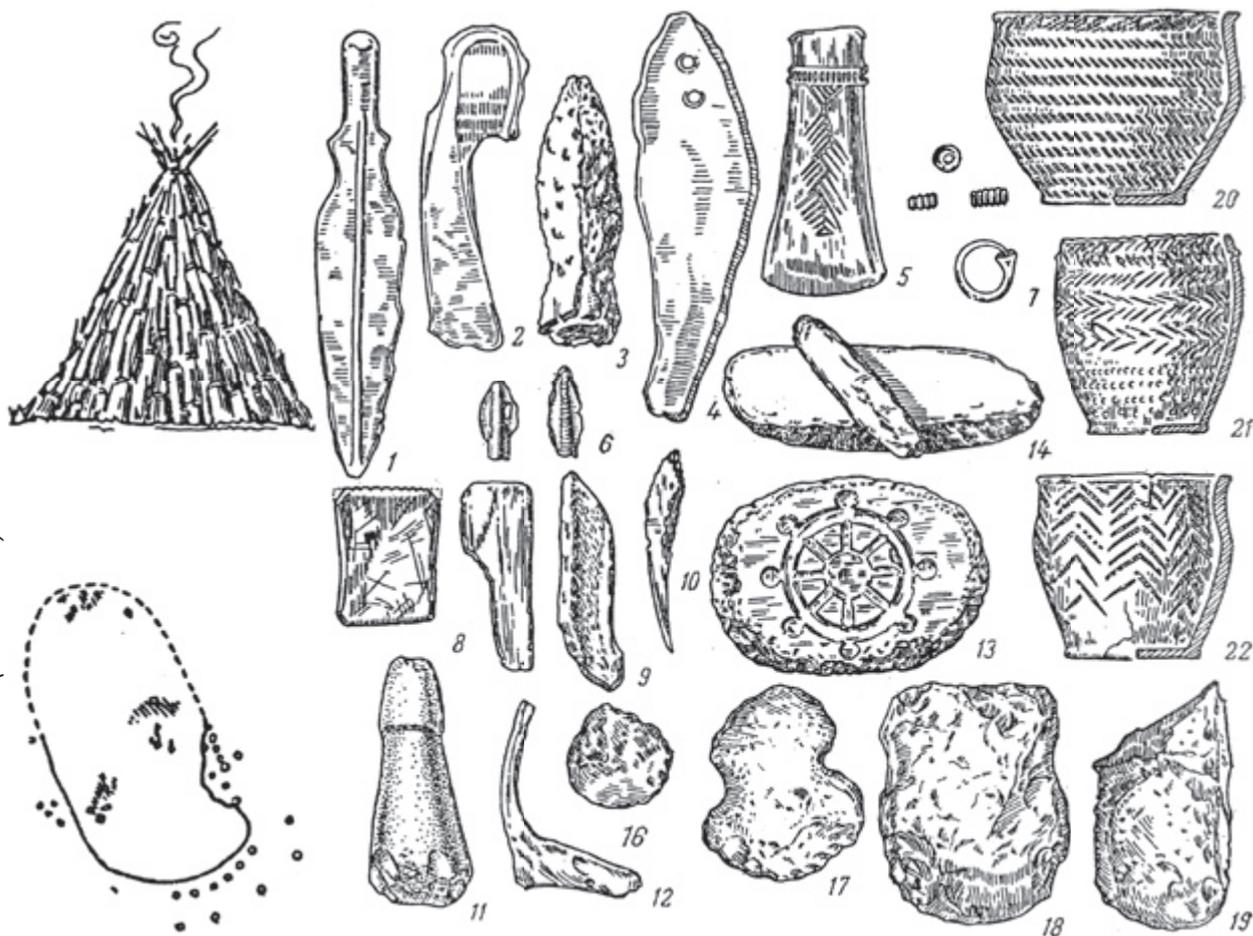

Рис. 3.1. Продолжение. 2-й этап: 1 — Артиллерийский музей (С-Пб); 2 — СМ; 3, 7—13, 20—22 — поселение у аула Канай; 4, 6 — поселение у Мало-Красноярки; 5 — У-КМ; 14 — поселение у д. Трушниково; 15—19 — орудия горного дела из камня. Слева — жилище I на поселении у д. Усть-Нарым (план и реконструкция)

Могильники у оз. Сарыколь, сел Кокдомбак и Малый Койтас состоят из курганов с земляной насыпью, обставленных по основанию каменными плитами в виде кольцевых, квадратных и прямоугольных оградок. Предметы материальной культуры и обряд захоронения в этих могильниках такие же, как и в безнасыпных оградках. В каменных ящиках, иногда перекрытых плитами, и в грунтовых прямоугольных ямах с деревянным перекрытием обычно труположения, встречаются также и трупосожжения. Погребения знати отличаются большим количеством глиняных сосудов, разнообразием и богатством украшений. Большинство украшений в основе бронзовые или медные, обтянуты золотой фольгой. Это серьги с раструбом, конусы из свернутой спиралью проволоки, «лапчатые» подвески с орнаментом из заштрихованных треугольников, бугорков и каннелюр, ромбовидная пластинка с орнаментом из параллельных штрихов, взаимно перпендикулярных в каждой четверти ромба, ограниченной диагоналями, треугольная пластинка.

Период поздней бронзы характеризуют археологические данные, полученные при изучении поселения у с. Трушниково, поселения и могильника у с. Мало-Красноярка, Зевакинско-го могильника, Измайловского могильника.

На Трушниковском поселении вскрыты два жилища полуземляного типа прямоугольной формы. Основанием стен одного из них служили столбы, вкопанные в землю, промежутки между ними укреплены плетнем или деревянной обкладкой. В большой коллекции глиняных сосудов с поселения преобладают горшки двух типов: с округлым плечом, прямым или слегка отогнутым венчиком и с сильно вздутым туловом и прямым или слегка отогнутым венчиком. Они орнаментированы валиками с косыми или перекрещивающимися оттисками гребенчатого или гладкого штампа, защипами, косыми узкими валиками на венчике, шейке. Есть и неорнаментированные сосуды с округлым дном.

О существовавшем в эпоху поздней бронзы погребальном обряде обитателей поселений можно судить по материалам Зевакинско-го мо-

3-й (Мало-Красноярский) этап XIII—IX вв. до н.э.

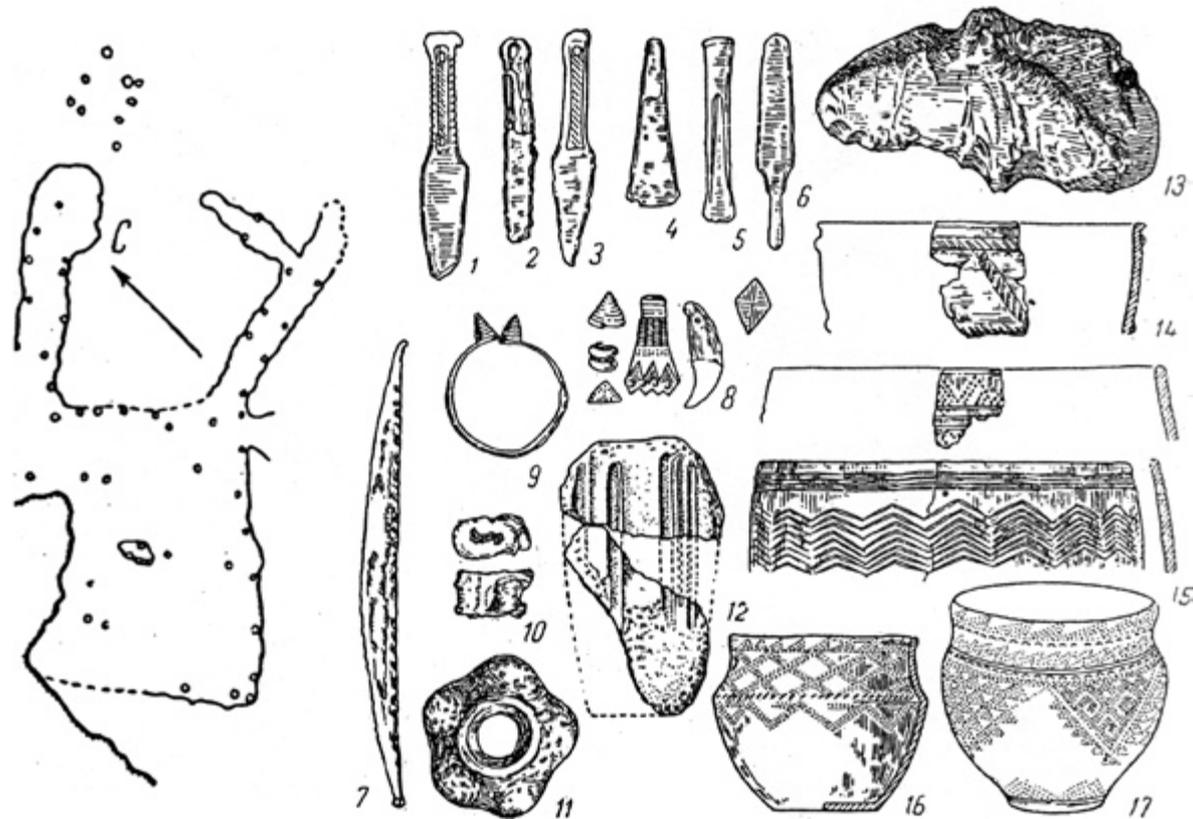

Рис. 3.1. Продолжение. 3-й этап: 1 — ГЭ; 2, 4, 11, 12, 16 — поселение у д. Мало-Красноярки; 3, 6 — СМ; 5 — МАЭ; 7 — У-КМ; 8, 17 — могильник Малый Койтас; 9 — клад у пос. Палацы; 10, 13 — поселение у д. Усть-Нарым; 14, 15 — поселение у д. Трушниково. Слева — жилище 1 на поселении у д. Мало-Красноярки

гильника, где изучено свыше сотни разновременных погребальных сооружений. Они представлены каменными ящиками, грунтовыми ямами прямоугольной и овальной формы, перекрытыми каменными плитами, бревенчатым накатом. Преобладали одиночные захоронения, но имеются и парные, по три и по четыре в одной могильной яме. Погребенные лежали в скорченном положении на правом, реже — на левом боку, иногда на спине или на животе. В некоторых захоронениях встречены кусочки охры, древесного угля и обожженного дерева, остатки погребальной пищи (череп, кости ног лошади, лопатка, обломки трубчатых костей и ребер овцы).

Погребальный инвентарь представлен бронзовыми ножами, кинжалом, глиняными сосудами, украшениями и предметами быта из металла, камня и кости.

Измайловский могильник. Он был исследован А.С. Ермолаевой. Для его погребений характерны одиночные захоронения, отсутствие пристроек.

По конструкции сооружений, обряду погребения, сопровождающему инвентарю захоронения рассматриваемого периода можно разделить на две группы.

В первую включены 10 погребальных сооружений, основу конструкции которых составлял ящик из массивных цельных и составных гранитных плит, квадратной или близкой к квадрату формы; 8 ящиков имеют ограды и 2 без оград.

Вторая группа представлена оградами, выделяющимися более сложной конструкцией сооружений и обрядом погребения, а также богатством сопровождающего инвентаря и культовым характером последних. В обоих типах сооружениях преобладает восточная ориентировка погребенных.

В ограде 24 обнаружены остатки или сожженного перекрытия, или погребального костра. Но кости скелета и сопровождающий инвентарь воздействию огня не подвергались. В ограде 25 следов огня не обнаружено, зато представлены символы его в виде подсыпки из охры красного и коричневого цвета.

3-й (Трушниковский) этап IX—VIII вв. до н.э.

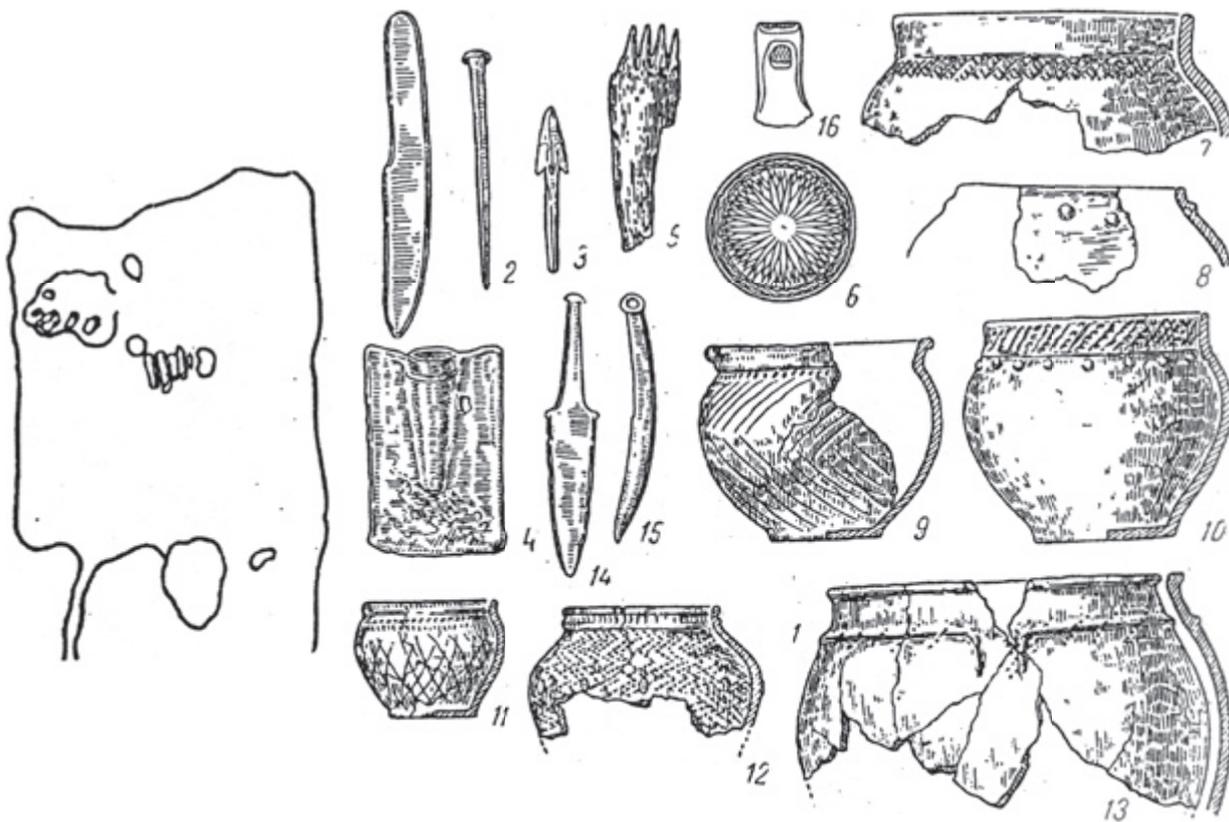

Рис. 3.1. Окончание. 4-й этап: 1 — ГЭ; 2 — ЦМК (Алма-Ата); 3, 4, 14, 16 — СМ; 5—13 — поселение у д. Трушниково; 15 — ГЭ. Слева — жилище 2 на поселении у д. Трушниково

Конструкция сооружений Измайловского могильника находит аналогии в бегазы-дандыбаевских памятниках Центрального Казахстана — Сангру I, Былкылдак I, Энбек-Суйгуш, Айдарлы.

Среди находок в погребениях обеих групп преобладает глиняная посуда — 50 сосудов целых и во фрагментах. Все сосуды по форме, элементам орнамента и технологии изготовления разделены на три группы.

По форме и элементам орнамента сосуды первой группы находят аналогии в бегазы-дандыбаевских памятниках Центрального Казахстана, карасукских — Южной Сибири и Алтая, в мавзолеях Северного Тагискена.

Вторую группу составили 17 горшковидных сосудов. Шесть из них имеют орнамент, выполненный гребенчатым штампом или в виде треугольных и ямочных вдавлений. Один горшок имеет налепной валик на шейке, у трех других венчик снаружи оттянут вниз.

По форме и технологии изготовления горшки этой группы сходны с керамикой саргаринско-алексеевского типа Северного и Центрального Казахстана, трушниковского типа Восточного Казахстана.

В третью группу условно объединены 8 кувшинов. Два из них — кувшины с округлым дном и с налепами.

Остальную часть находок составили предметы конского снаряжения, вооружения, бытового и культурного назначения, украшения из бронзы, золота, серебра, кости.

Бронзовые удила двух типов. Удила первого типа — с дупланным расположением отверстий для псалия и крепления повода; удила второго типа с прямоугольным стремечком. Наружная часть их оформлена аналогично удилам первого типа: на стержне несколько кольцевидных нарезок. Этот тип удил имеет широкий хронологический и территориальный диапазон бытования. С измайловскими удилами этого типа употреблялись трехдырчатые псалии с одноплановым расположением круглых отверстий в середине стержня. Верхний конец у них широкий, ложечковидный, противоположный — круглый в сечении.

Комплекс материалов отличается смешанностью, характерной для культур не только эпохи поздней бронзы, но и для последующей эпохи ранних кочевников. По мнению А.С. Ермолаевой, он пока не дает возможности с уверенностью говорить об этногенетической преемственности культур эпохи поздней бронзы и раннего железа, а лишь предполагает возможность сосуществования и взаимовлияния их.

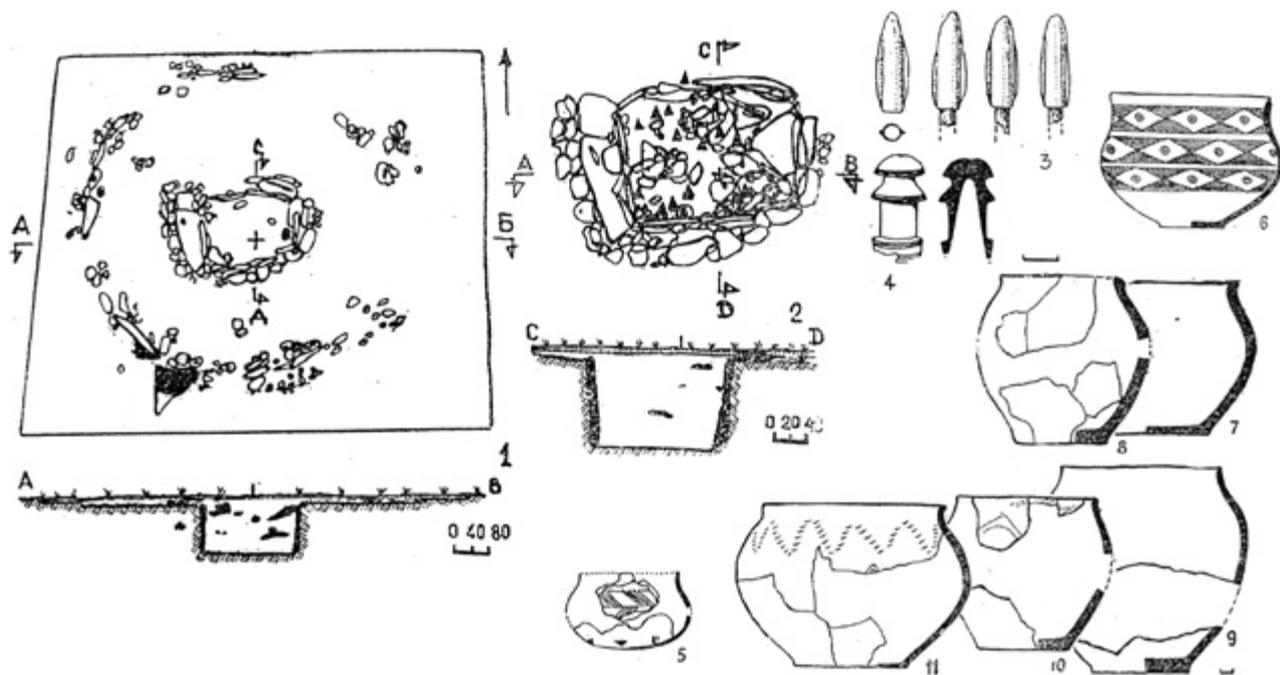

Рис. 3.2. Измайловка, ограда 22: 1 — план и разрез ограды; 2 — план и разрез ящика; 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — изделие из кости; 5—11 — глиняные сосуды (по А.С. Ермолаевой)

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Еще в 1911 г. в Северном Казахстане Ю.П. Аргентовский раскопал андроновский могильник у г. Петропавловска. В период освоения целинных земель в этом районе работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР, в составе которого был сформирован отряд по изучению памятников эпохи бронзы, возглавляемый А.М. Оразбаевым. На основе полученных источников была разработана периодизационная схема этапов и культур бронзового века Северного Казахстана. Но лишь с организацией Северо-Казахстанской археологической экспедиции Петропавловского педагогического института и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея начались широкие исследования и раскопки памятников, в том числе и эпох бронзы. Руководил этой экспедицией Г.Б. Зданович.

На территории Центрального Казахстана работает с 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, которой руководили в разные годы А.Х. Маргулан, М.К. Кадырбаев, С.М. Ахинжанов, Ж.К. Курманкулов. Широкомасштабные разведки и раскопки открыли здесь десятки поселений и могильников, среди которых поселения, могильники и жертвенники раннего (нуринского) этапа: Акшатау, Бутулы I, Байбала I, Комагал, Канатгас; Атасуского: Айшрак, Сангуру II, Былкылдык I, II, III; Шерубай — Нура, Карабие; дандыбайбегазинского: Аксу-Аюлы II, Ортау II, Бегазы; поселения Атасу, Мыржик, Бугулы II, Улутуа.

Большой объем работ был выполнен археологической экспедицией Карагандинского государственного университета. В 1973-1976 гг. её возглавлял Г.Б. Зданович, с 1977 г. — В.В. Евдокимов. Коллектив карагандинских археологов (В.В. Варфоломеев, В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев, К.М. Карабаспакова, И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан, В.А. Новоженев, И.В. Рудковский, А.А. Ткачев, Э.Р. Усманова, А.Ю. Чиндин, М.В. Бедельбаева, И.Н. Швец) сосредоточил усилия, в основном, на решении проблем эпохи бронзы. Были открыты погребение ранней бронзы в могильнике Карагаш, погребение с колесницей в могильнике Сатан. Исследованы андроновские могильники Копа, Нуркен, Акимбек, Ташик, Бозинген, Алпымса, Нуртай, Майтан, Лисаковский и др. Проведены раскопки на поселениях Копа I, Упаис, Акимбек, Домалактас, Лисаковское, Ташик,

Майоровка, Энтузиаст. Отрядом по изучению эпохи поздней бронзы были проведены раскопки могильников Енбек-Суйгуш, Донгал, Дермен, Самара, Шоиндыколь, Карагаш, Тасырбай. С 1985 г. исследуется поселение протогородского типа Кент. В области изучения древней металлургии и горного дела плодотворно работает С.У. Жауымбаев.

Северный и Центральный Казахстан составили в эпоху бронзы единый историко-культурный регион. На всех стадиях бронзового века этих территорий не отмечается принципиальных отличий культурного уровня.

Петровская культура. Укрепленные поселения и курганные могильники этой культуры выявлены на территории Южного Урала, Юго-Западной Сибири, большей части Западного, Северного и Центрального Казахстана. На территории Казахстана зафиксированы поселения и могильники XVIII—XVI вв. до н. э.

Поселения. В регионе известно 3 однослойных поселения: Амангельды I, Кеноткель V, Семизёрное II и многослойные поселения, заселявшиеся неоднократно, — Новоникольское I, Петровка II, Боголюбово I.

Характерной чертой петровских поселений является наличие оборонительных сооружений — рва глубиной 1,5-2,5 м при максимальной ширине 3,5 м с глиняными валами с внутренней и внешней стороны рва. Основным является внутренний вал, нередко усиленный и укрепленный деревянными конструкциями. Валы и рвы составляли либо замыкающуюся по периметру поселения систему, либо примыкали с напольной стороны к крутым берегам и обрывам, составляющим естественные укрепления. Площадь поселений составляла 5-9 тыс. м². С оборонительными сооружениями связаны остатки жертвенных комплексов в виде ям, расположенных напротив входов или в ответвлениях рва. Стенки ям иногда тщательно обмазывались глиной. В ямы помещались черепа и крупные части туш домашних животных, глиняные сосуды, ритуальные очаги.

Застройка посёлков внутри оборонительных сооружений была плотной. Жилища пристраивались один к другому в 1-2 ряда, но были и свободные участки и площади, примыкавшие к поселению. Жилища были, в основном, наземные, прямоугольной формы, с деревянными срубамы с тамбуровидным входом.

Жилища-мастерские бронзолитейщиков выявлены на поселении Семиозёрное II, расположенном у с. Семиозерное Костанайской области, где находились 5 жилищ и хозяйственный комплекс. Жилища прямоугольной в плане формы, наземные, срубного типа, с мелким котлованом. Входы тамбурообразные. Жилища разделены поперечной стенкой на две половины. В большей по площади половине располагалась мастерская, о чём свидетельствуют печи для плавки медной руды, хозяйственные ямы, остатки руды, углей.

В меньшей половине жилища располагались хозяйственные ямы бытового назначения, 1-2 очага.

Своеобразная деталь петровских поселений — наличие детских погребений, располагавшихся под полами жилищ. Обнаружены остатки костяков детей грудного возраста и глиняные сосуды, поставленные в изголовье погребённых.

Петровские погребальные памятники представлены детскими кладбищами, подкурганными захоронениями взрослых мужчин-воинов (изредка женщин), подкурганными комплексами с центральной могилой взрослого человека и детских (подростковых) захоронений с кольцевой планировкой по периферии подкурганной площади.

Грунтовый детский могильник исследован у с. Петровка Северо-Казахстанской области на реке Ишим. Вскрыто 32 могильные ямы длиной от 0,5 до 1 м, шириной от 0,4 до 0,8 м при глубине 0,8-1,1 м. В могилах обнаружено 1-3 сосуда, иногда кости животных (барана, козла), в одной были украшения.

Погребения мужчин-воинов или воинов-колесничих, представляющих особую социальную группу, исследованы в могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское в Северном Казахстане и могильнике Сатан в Центральном Казахстане.

Могильник Сатан включает 3 подкурганых захоронения воинов-колесничих. Насыпи курганов имеют диаметр 8,6-13,3 м, высоту 0,6-1,15 м. Под насыпями зафиксированы рвы шириной 1,5-3,5 м, глубиной 0,35-0,85 м и кольцевая ограда по внутреннему краю рва из вкопанных на ребро каменных плит. В центре каждой из подкурганых площадок отмечено по одной яме. Размеры могильных ям, ориентированных по линии З-В, составляют 3,5-3,8×2-2,65 м, глубина — 1,07-1,37 м. В юго-западном секторе у плит ограды встречаются кости животных, фрагменты керамики, оставшиеся от поминальных жертвоприношений. В западной части могилы кургана I сохранились остатки полуобгоревшей колесницы. В могиле кургана

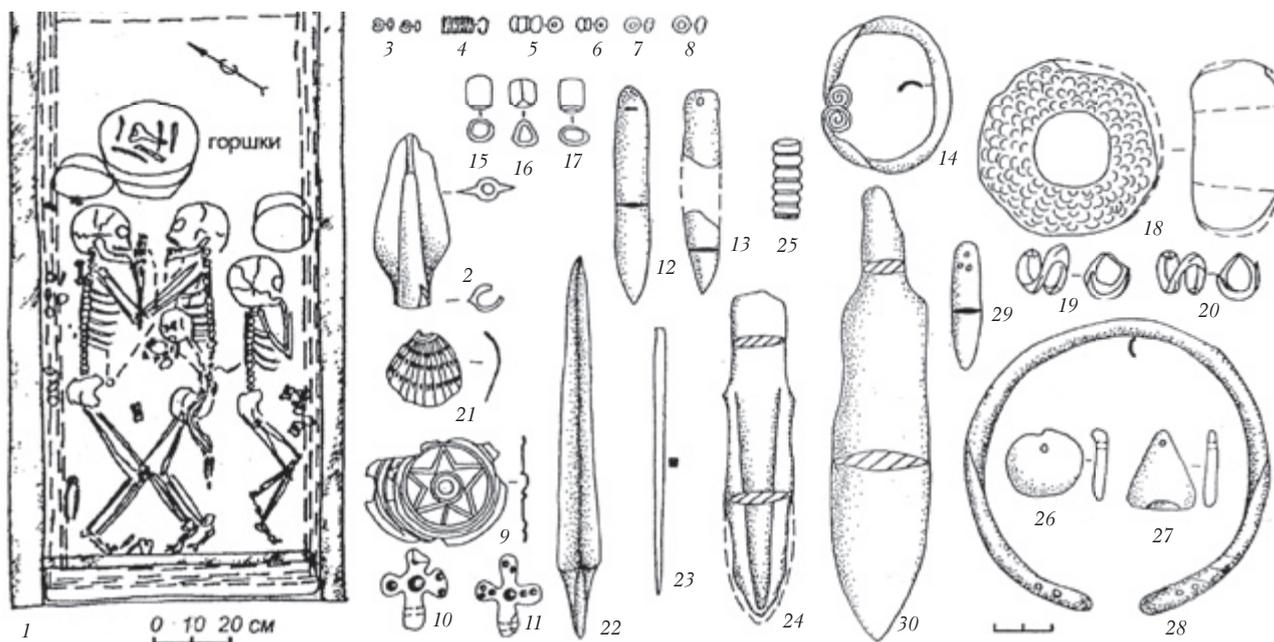

Рис. 3.3. Петровская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). План могилы, погребальный инвентарь: 1 — курган 2, могила 2, могильник Нуртай; 2-29 — могильник Нуртай, 30 — могильник Сатан; 2, 4, 9-17, 19, 20, 23, 24, 26-30 — бронза, 3, 5-8, 25 — нарта, 18 — камень, 22 — кость, 21 — раковина

III сохранился сруб из толстых отёсанных брёвен, перекрытый поперёк плахами и каменными плитами. Захоронения совершены по обряду труположения, но они сильно разрушены при ограблении. В могилах найдены фрагменты глиняных сосудов, до пятнадцати костяных псалий прямоугольной формы от уздечного набора, фрагмент позолоченного кольца, бронзовая очковидная подвеска, пастовые бусы, кремневый наконечник стрелы. Могильные ямы в других могильниках имели размеры 4,0×2,5 м, глубину 1,2-1,5 м и были расположены в центре подкурганной площадки с ориентацией по линии З-В. У северо-восточного угла во многих могилах фиксируются выход в виде небольшого выступа и ступенька. Умерших хоронили в полускорченном положении, с кистями рук у лица. Вместе с погребённым клади богатый и многообразный инвентарь, о чём свидетельствуют находки неразграбленного могильника Синташта на юге Челябинской области, в сорока могилах которого найдено свыше 200 изделий из металла, кости, камня: медные вислообушные топоры, копья с несомкнутой втулкой, тесла, двулезвийные ножи, каменные булавы, наконечники стрел, глиняные сосуды. В полуразрушенных могилах в Северном Казахстане найдены каменные булавы, каменные и костяные наконечники стрел, кремневые

пластины, костяные щитковые псалии, ножи с намечающейся рукоятью, ножи, шилья и плоские тесла. В каждую могилу ставили несколько глиняных сосудов.

По краю могильных ям на глиняной «подушке» подкурганных площадок или в грунтовых углублениях некоторых курганов зафиксированы костяки коней, уложенных таким образом, чтобы придать им имитацию бега. В некоторых случаях помещали только черепа и кости ног.

Найдены остатки двухколесных боевых повозок или колесниц. Благодаря тому, что колеса ставились в канавки на дне могильной ямы, удалось зафиксировать чёткие отпечатки обода и спиц — диаметр колёс составляет 1-1,2 м, расстояние между ступицами 1,2-1,4 м. Уникальную возможность для реконструкции такой повозки даёт материал могильника Сатан (Каркаралинский район Карагандинской области). Там сохранились полусожженные остатки колёс, платформы и, вероятно, боковых стенок.

Удалось выяснить такие дополнительные детали, как обтягивание обода кожей, вероятнее всего сырой, которая при высыхании стягивала последний и служила шиной. Сохранившийся кусочек кожи имел красный цвет. Кожа крепилась с внутренней стороны костяными

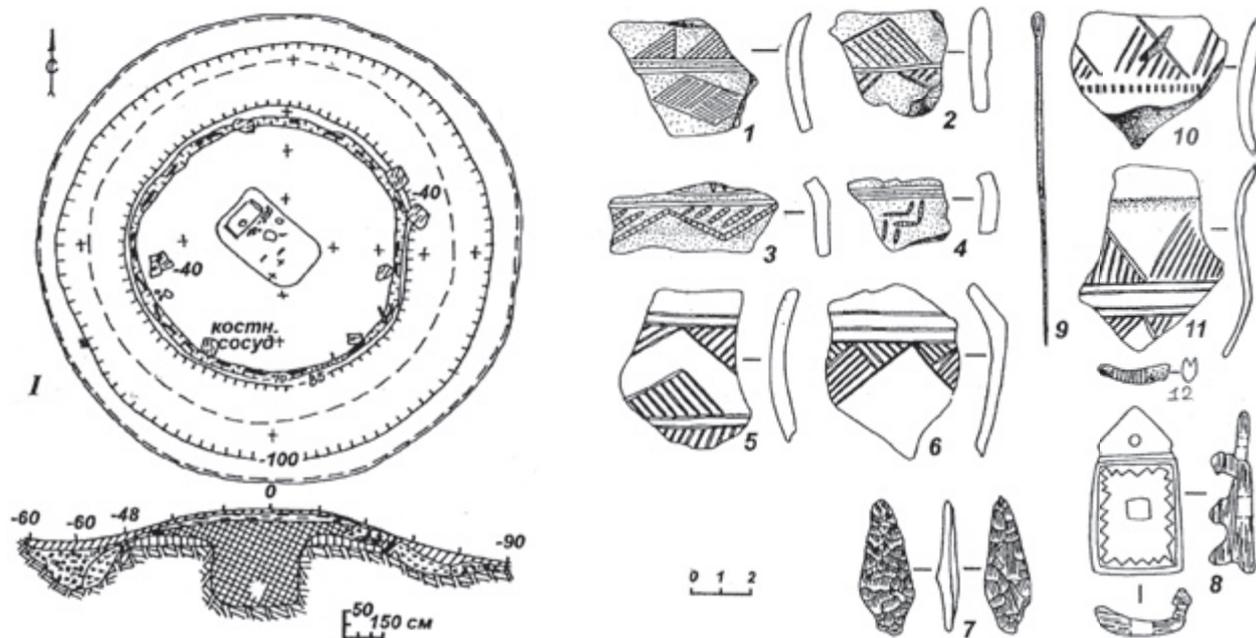

Рис. 3.4. Петровская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Могильник Сатан: 1 — 6, 10, 11 — глина; 7 — камень; 8 — кость; 12 — бронза (позолоченная)

гвоздиками. Найдено 4 таких гвоздика. По центру внутренней плоскости обода был круговой паз, внутри которого были выдолблены круглые ямки, куда вставлялись спицы колеса. Сохранился тлен одной ступицы (втулки), куда крепились спицы и проходила ось, на которую насаживали колёса. Платформа повозки-колесницы — деревянная, размером 1,2×0,67-0,75 м.

В таких же по конструкции могилах совершались и погребения женщин с богатым набором инвентаря, в том числе многочисленными украшениями, такими, как желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, металлические бусы и пронизи, бисер, сложные накосники с орнаментированными пластинами, ожерелья из кости и пр.

В погребальных комплексах, совмещающих центральную могилу взрослого с погребениями детей и подростков, захоронения последних совершались в мелких овальных ямах, вырытых в канавообразных углублениях по периферии подкурганной площадки.

Представление о погребальной посуде дает немногочисленная, но выразительная коллекция могильника Сатан. Это — горшки. Они украшены горизонтальными линиями, равнобедренными треугольниками, зигзагами,

каннелюрами, ступенчатыми зигзагами, прямоугольными треугольниками, рядами вписанных треугольников, наклонные отрезки, семечковидные вдавления, ямочные вдавления. Техника выполнения орнамента: резная, гребенчатая, вдавленная.

Керамика петровской культуры отличается единообразием на всей огромной территории степной и лесостепной полосы Урало-Иртышского междуречья.

Делались горшки на шаблоне, обернутом тканью.

Для этого периода характерны — земледелие, скотоводство и бронзоволитейное ремесло. Получили развитие гончарство, косторезное ремесло, изготовление колесниц.

Алакульская культура. Памятники алакульской культуры датируются XV—XIII вв. до н. э. Материальная культура алакульцев базировалась на основе культуры петровских племен.

Наиболее известные поселения Алексеевское, Перелески II, Явленка I, Петровка I, Атасу I. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что площадь поселений не превышала 10 тыс. м². Поселения расположены по берегам рек. Жилища полуземляночного типа с углуб-

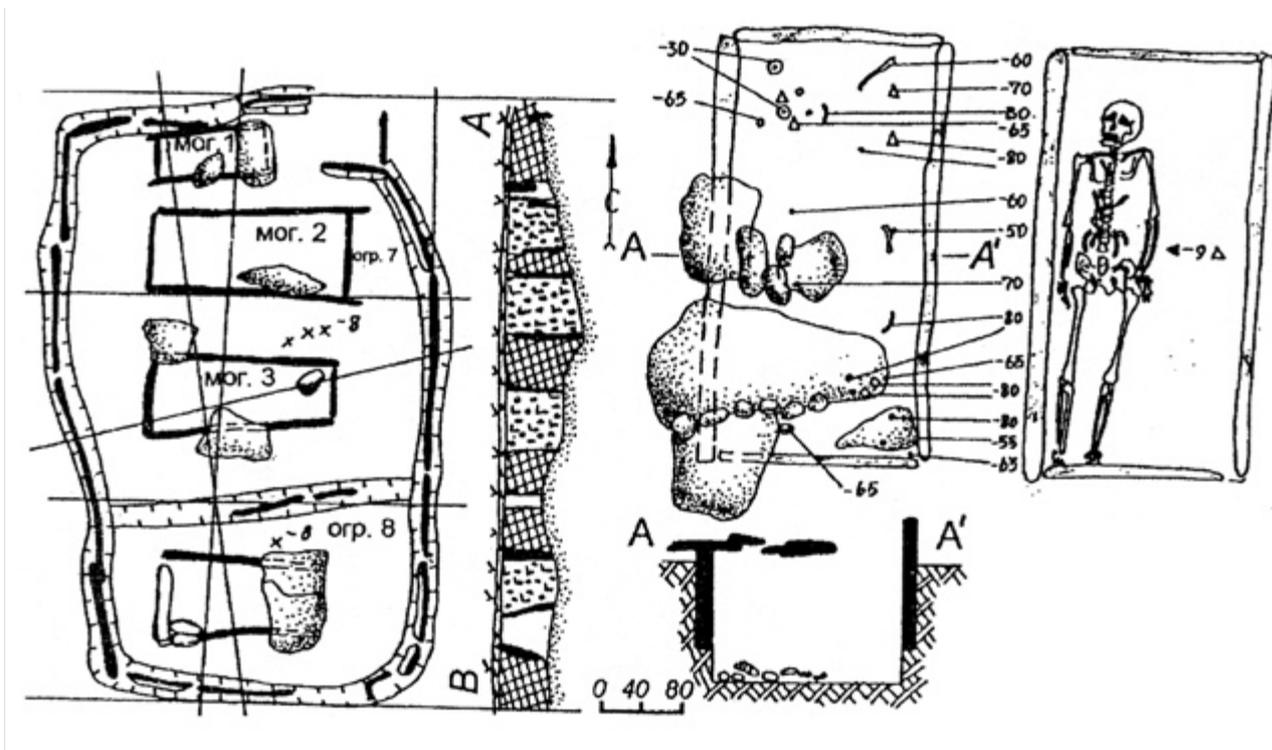

Рис. 3.5. Алакульская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Планы и разрезы могил

ленным на 0,6-1,3 м. котлованом прямоугольной формы площадью от 100 до 200 м². Выход, как правило, коридорообразный, длиной 1-5 м, расположен со стороны реки, в одном из углов котлована длиной от 1 до 5 м. Помещение разделено на две половины поперечной стеной — одна из половин заглублена обычно на 0,4-0,6 м относительно другой. На полу жилищ фиксируются 1-8 очагов в виде овальных ям, каменных выкладок или возвышений из материковой глины. В некоторых жилищах отмечены ямы-колодцы с укрепленными плетнем и глиной стенками, служившими, вероятно, и для хранения продуктов. Имеются небольшие по размеру хозяйственные ямы для отбросов, остатков пищи, костей.

Конструкция стен и кровли жилищ каркасно-столбовая. Столбы вертикально вкапывались вдоль стен через равные промежутки, укреплялись горизонтально положенными плахами, бревнами или обмазанным глиной плетнем. Наличие центрального ряда столбов позволяет реконструировать крышу как двускатную. Возможны варианты плоской крыши и пирамидально-ступенчатого свода, образуемого венцами деревянных рам, уменьшающихся в размерах от стен к центральной части жили-

ща. Крыша покрывалась ветками, тростником и обмазывалась глиной с золой. Конструкция стен и кровли зависела от наличия подручного строительного материала. Если в лесостепной и отчасти в степной зонах в качестве строительного материала использовалось дерево, то в степной части Центрального Казахстана каменные плиты высотой до полутора метров и каменные плитки, идущие на кладку стен. В припольном слое и в заполнении котлованов жилищ найдены керамика, бронзовые ножи-копья, одно- и двухлезвийные ножи, тесла, шилья, крючки, каменные топоры, мотыги, обломки литейных форм, оселки, костяные трепала, наконечники стрел, проколки, глиняные и костяные пряслица.

Алакульцы хоронили умерших сородичей в окрестностях поселения, выбирая, как правило, возвышенные места. В Северном Казахстане это могильники Перелески, Алексеевский, Конезавод.

В некоторых могилах отмечен одно- или двухвенцовый деревянный сруб. Так, на могильнике Перелески в неразрушенной части могилы кургана 2 зафиксированы остатки двухвенцового сруба и поперечное перекрытие из вплотную уложенных стволов деревьев.

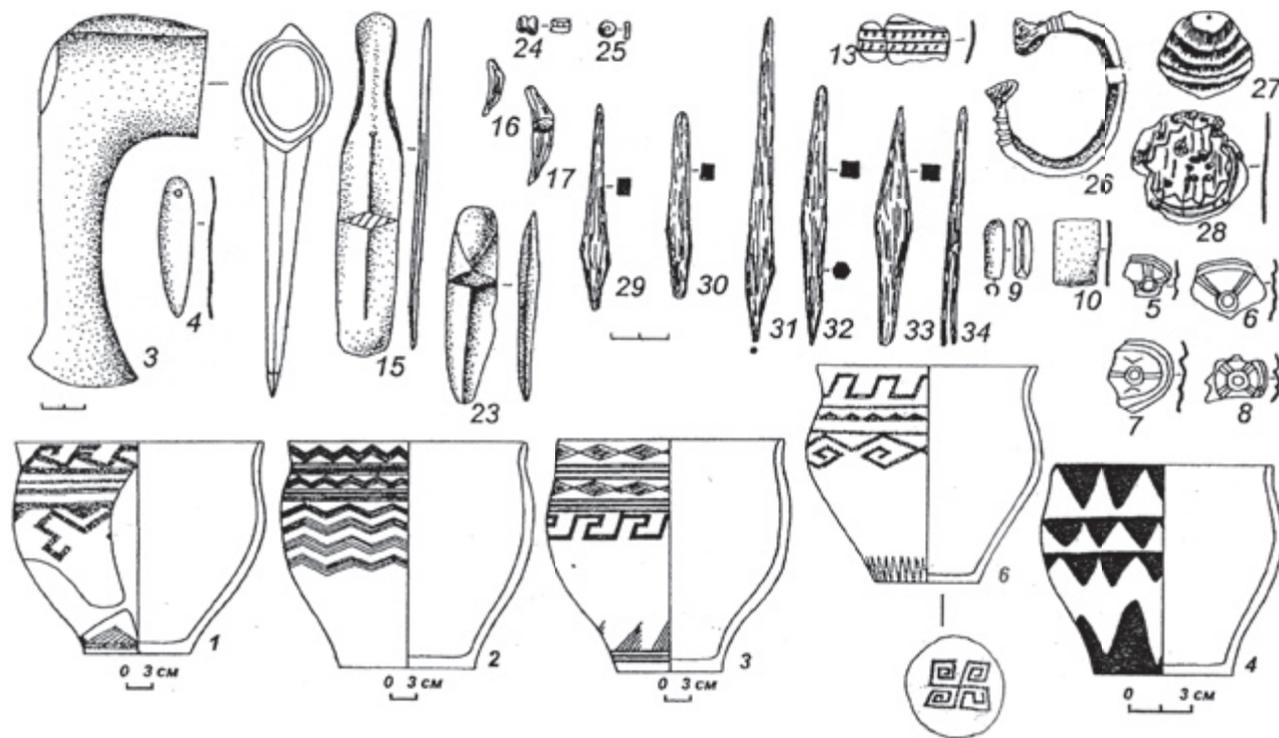

Рис. 3.6. Алакульская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Погребальный инвентарь

В Центральном Казахстане курганные насыпи встречаются редко — остаются кольца в виде оград из поставленных на ребро плит, вкопанных в канавки. Многие ограды имеют от 1 до 9 пристроек. Курганные насыпи диаметром 12-18 м имеют высоту до 0,9 м. Так, на могильнике Майтан в Карагандинской области исследованы 51 (основная ограда) и 62 пристройки. Большинство оград имело от 1 до 5 жертвенников; сосуды, черепа и конечности крупного и мелкого рогатого скота, костяки лошадей. Умершего клали преимущественно на левый или правый бок, в скорченном положении с кистями рук перед лицом. Такая поза погребённого придавала сходство с позой младенца в утробе матери, в данном случае утробе матери-земли. Отмечены парные захоронения: мужчины и женщины, женщины с младенцем, иногда положенных лицом друг к другу.

Сопровождающий погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами, украшениями, орудиями труда. В могилу ставили 1-3, иногда 4-5 сосудов, располагая их в изголовье, на уровне груди, реже в ногах.

Украшения, составляющие принадлежность женского костюма, в основном изготовлены из бронзы, некоторые из пасты, кости. Так, в могилах Костанайского Притоболья найдены бусы, пронизи, обоймочки, бляшки, гривны, браслеты с гладкими или закрученными в спираль концами, зачастую обёрнутые позолоченной фольгой, пластинчатые наконечники подвески, кольца, нередко с закрученными в спираль концами, височные подвески в полтора оборота, часть которых обёрнута позолоченной фольгой.

Украшения имели определенное значение как при жизни, так и в погребальном ритуале, ибо сочетали в себе эстетическую, знаковую, религиозно-магическую функции. Они играли в жизни людей значительную роль, выражая или отражая их мировоззренческие идеи, в том числе идею цикличности и непрерывности жизни человека. Так, например, такая категория украшений, входящая в комплект головного женского убора, как наконечники, по мнению Э.Р.Усмановой, исследовавшей 13 наконечников из 7 петровско-алакульских могильников Северного и Центрального Казахстана, могла символизировать: статус девушки, достигшей брачного возраста (наконечники первого типа); статус девушки-невесты (наконечник второго типа).

Преднамеренная порча украшений и наконечников при исполнении погребального ритуала может трактоваться как разрыв умершей

с реальной жизнью, а их помещение в могилу символизирует сохранение её прижизненного социального статуса.

В могилах, где захоронены мужчины, погребальный инвентарь представлен сосудами, орудиями труда или оружием — обоюдоострыми бронзовыми ножами, наконечниками стрел, точильными брусками-булавами, щитковидными костяными псалями.

Наиболее массовый археологический материал алакульских памятников — керамика — имеет характерные признаки, что позволяет без труда определять её культурную (алакульскую) принадлежность. Горшки алакульского типа имеют уступчик при переходе от шейки к тулову, неорнаментированную полосу по низу шейки), двух- или трёхзональное расположение орнамента по тулову (шейка, тулово, придонная часть), горизонтальные и зигзагообразные полосы из сгруппированных линий, прямоугольные заштрихованные треугольники, упрощённый меандр. Узоры выполнялись резными линиями, отчасти гребенчатым штампом, отмечены ряды вдавлений различных форм. Наряду с нарядно орнаментированными горшками, бытовали и простые по форме баночные как орнаментированные, так и неорнаментированные сосуды.

Наиболее распространёнными комбинациями элементов орнамента были: горизонтальные линии в сочетании с равнобедренными заштрихованными треугольниками; полосы зигзагов с рядом треугольных вдавлений; заштрихованные равнобедренные треугольники с меандром; меандр в сочетании с рядами горизонтальных линий или треугольных вдавлений; горизонтальные линии и ряды зигзага.

Алакульская культура знаменует собой время стабильного развития андроновского общества. Исчезают оборонительные укрепления вокруг поселений, нет погребений с колесницами. На смену воину-колесничему приходит всадник-пастух. Получает дальнейшее развитие скотоводческо-земледельческая направленность хозяйства, развиваются бронзолитейное производство, ткачество, гончарство и другие домашние промыслы.

Фёдоровская культура. Памятники фёдоровской культуры датируются XV—XI вв. до н. э.

Остаётся спорной хронология фёдоровской культуры: одни рассматривают ее в хронологическом ряду после алакульской, другие — как сосуществующие. Но алакульских памятников

нет в восточном, а федоровских — в западном регионах.

Степень разрушения выявленных и исследованных фёдоровских поселений не позволяет реконструировать жилища. Можно лишь отметить, что намечаются две тенденции в развитии домостроения: возведение небольших каркасных наземных построек; строительство крупных прямоугольных сооружений полужемляночного типа.

Так, на однослойном поселении Бишкуль IV в Петропавловском Приишимье выявлена часть каркасного дома площадью 140 м, имевшая в плане форму квадрата с сильно закруглёнными углами. Котлован жилища лишь слегка заглублен в материковый слой. Выход из жилища представлял собой небольшой коридорообразный выступ. В средней части жилища имелась обугленная бревенчатая рама размером 1,3-1,8 м. По расположению рамы и столбовых ям можно предположить, что стены жилища представляли собой наклонно поставленные плахи или брёвна, нижним концом установленные на краю котлована, а верхним — укладываемые на бревенчатую раму. Рама в свою очередь опиралась на вертикально вкопанные столбы, которые располагались в 1,5-

2 м от внутренних границ помещения. Верхняя часть крыши опиралась на центральную раму (ее остатки зафиксированы на полу жилища), под которой устраивались очаги. Жилище, таким образом, имело усечённо-пирамидальную форму. Стенки для утепления обкладывались дерном, золой.

Крупные прямоугольные сооружения полужемляночного типа известны на поселениях Новоникольское I (жилище 4) в Петропавловском Приишимье и Атасу I (Карагандинская область). Так, площадь жилищ на поселении Атасу I составляет 150-200 м². Частично фёдоровские жилища сохранились на поселениях Усть-Кенетай и Акимбек, расположенных в Карагандинской области.

Едиственный фёдоровский жилой комплекс, представляющий единый архитектурный ансамбль, раскопан на поселении Икпень I (средний слой). Вскрыто 8 построек-полужемлянок овальной в плане формы, глубиной 0,2-0,4 м, площадью 80-120 м. Жилища имели по одному выходу в углу или в стене. На полу зафиксировано от 1 до 4 очагов, 2-5 хозяйственных и 10-32 столбовых ям, ямы-хранилища, аналогичные алакульским, 1-2 колодца глубиной до 3 м, стенки которых укреплялись плетнем. По мнению

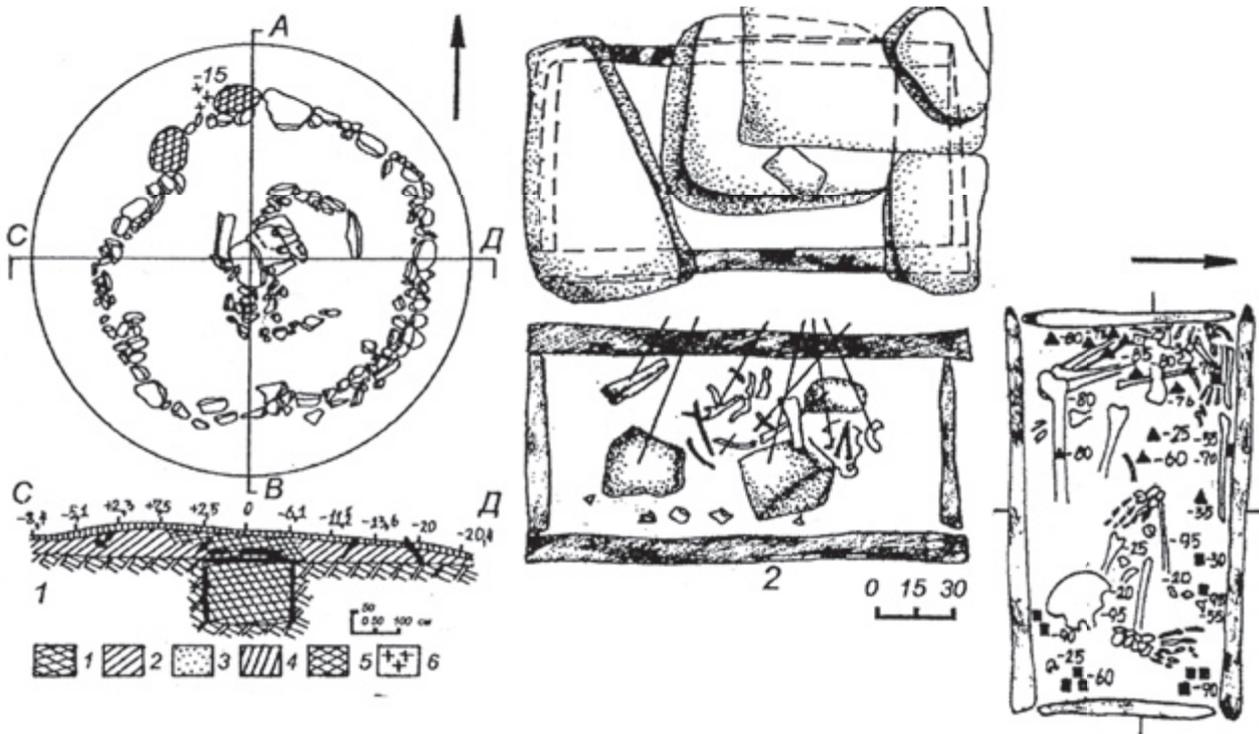

Рис. 3.7. Федоровская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Планы могил

А.А.Ткачёва, постройки по назначению подразделяются: собственные жилища для членов общины; жилища-мастерские семей костореза и металлурга; жилища для служителей культа.

Это первый случай функционального назначения жилищ, отмеченный для фёдоровской культуры.

Коллекция керамики поселения Икпень I представлена 6 целыми и фрагментами от 500 сосудов. Сосуды изготовлены тщательно, поверхность часто залощена, в тесте примесь песка и шамота, реже дресвы, слюды, раковин. Преобладающей техникой выполнения орнамента является гребенчатая. По форме выделены 2 группы сосудов: плавно профилированные горшки и слабо профилированные горшечно-баночные сосуды. Часть сосудов орнаментирована «очень нарядно гребенчатым штампом с выделением зон по шейке и тулову» с разделением зон желобками или рядами вдавлений. На сосудах первой группы преобладают геометрические узоры: треугольники косоугольные, прямоугольные, равнобедренные, меандр, фестоны, «ковровые узоры». На менее «нарядных» сосудах орнамент представлен горизонтальными линиями, рядами насечек и вдавлений, зигзагом, ёлочкой, выполненных наполовину резной техникой. У сосудов второй группы орнамент преимущественно резной, в виде горизонтального зигзага, елочки, вдавлений, желобков.

Найдены листовидные ножи, втульчатый чекан, обломки литого височного кольца и топора, костяной двудырчатый щитковый псалий, обломки глиняных литейных форм.

Курганы составляют треть погребальных сооружений, а две трети — ограды прямоугольной и круглой формы.

В 37 оградах и курганах, а также в 3-х пристройках в виде маленьких оград зафиксировано 47 могил, в том числе каменных ящиков — 25, грунтовых ям — 14, цист — 6, комбинированных ящиков-цист — 2. Глубина могил колеблется от 0,45 до 1,55 м, причем в наиболее глубоких, более 1 м, могилах каменные плиты ящиков оказываются заглубленными до 0,5 м.

Преобладающая ориентировка могил по линии З-В и ЮЗ-СВ.

Обряд погребения в 37 могилах следующий: в 24 могилах отмечены отдельные кости погребенных по обряду труположения и в 13 могилах — по обряду трупосожжения.

Отличительным признаком некоторых погребальных сооружений является наличие двойной ограды, вписанных одна в другую внешней и внутренней, и даже тройной. Встречаются исключения и в позе погребенного — так, по мнению А.Х. Маргулана, захоронение умершего в одной из могил ограды II могильника Канатас было совершено в положении сидя.

Погребения всегда сопровождают 1 или 2 сосуда. Бронзовые и другие изделия встречаются редко.

Комплекс керамики могильников представлен горшками, банками. А.Х. Маргулан дал в своё время общую характеристику керамике нуринского (фёдоровского) этапа. Горшки, плавно профилированные с отогнутой наружу

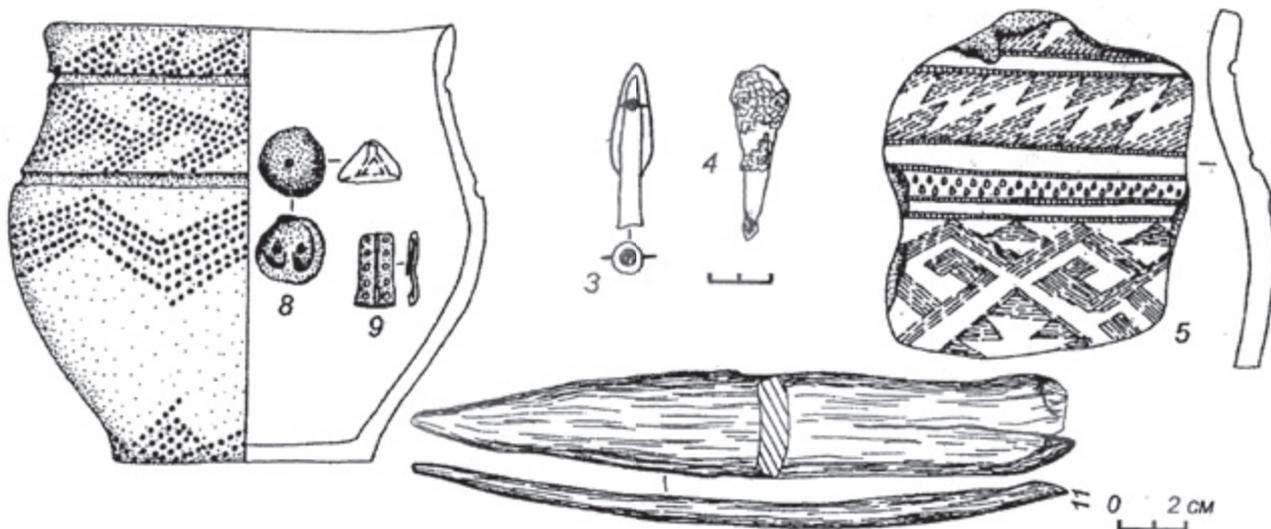

Рис. 3.8. Фёдоровская культура (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Погребальный инвентарь

шейкой, имеют плавный, иногда заостренный венчик. Дно плоское, иногда с поддоном.

Орнаментальная зона занимает, как правило, верхнюю половину сосуда, изредка бывает вторая зона у дна. Сочетание треугольников, меандра, параллельных каннелюр образует «сложный, красивый ковровый орнамент». Орнамент наносился гребенчатым и гладким штампами. Характерными являлся орнамент из косых треугольников и угловых треугольных вдавлений палочкой. Цвет поверхности сосудов светло-коричневый, серый, чёрный, в тесте визуальнo фиксируется примесь дресвы и песка. Из элементов орнамента встречается «ёлочка», горизонтальный зигзаг, ряд наклонных отрезков. Орнамент банковидных сосудов, располагающийся под венчиком, в верхней трети тулова, не выразителен и представлен горизонтальными рядами вдавлений, зигзагом, «ёлочкой», желобками. Среди керамических комплексов могильников с фёдоровской керамикой А.Х. Маргулан отмечает комплекс

Бугулы I, могилы которого отличаются от синхронных погребений, особенно керамикой. В них преобладает один тип посуды, для которой характерна завершенность форм. Это изящные «вазовидные» горшки с красивым зонально расположенным орнаментом и иногда с поддоном, который придаёт им стройность.

Погребальный инвентарь фёдоровских захоронений сравнительно беден, мало изделий из бронзы, кости, пасты.

Памятники дандыбай-бегазинской культуры. Раннебегазинский этап эпохи поздней бронзы полнее всего характеризует погребальный комплекс Аксу-Аюлы II (южнее г. Караганда). Он состоит из однотипных земляных курганов, обрамленных по основанию кольцевыми оградами из крупных гранитных плит, врытых на ребро.

Самый большой курган — в комплексе Аксу-Аюлы II высотой 2 и диаметром 30 м. Под насыпью находились четыре вписанных друг в друга

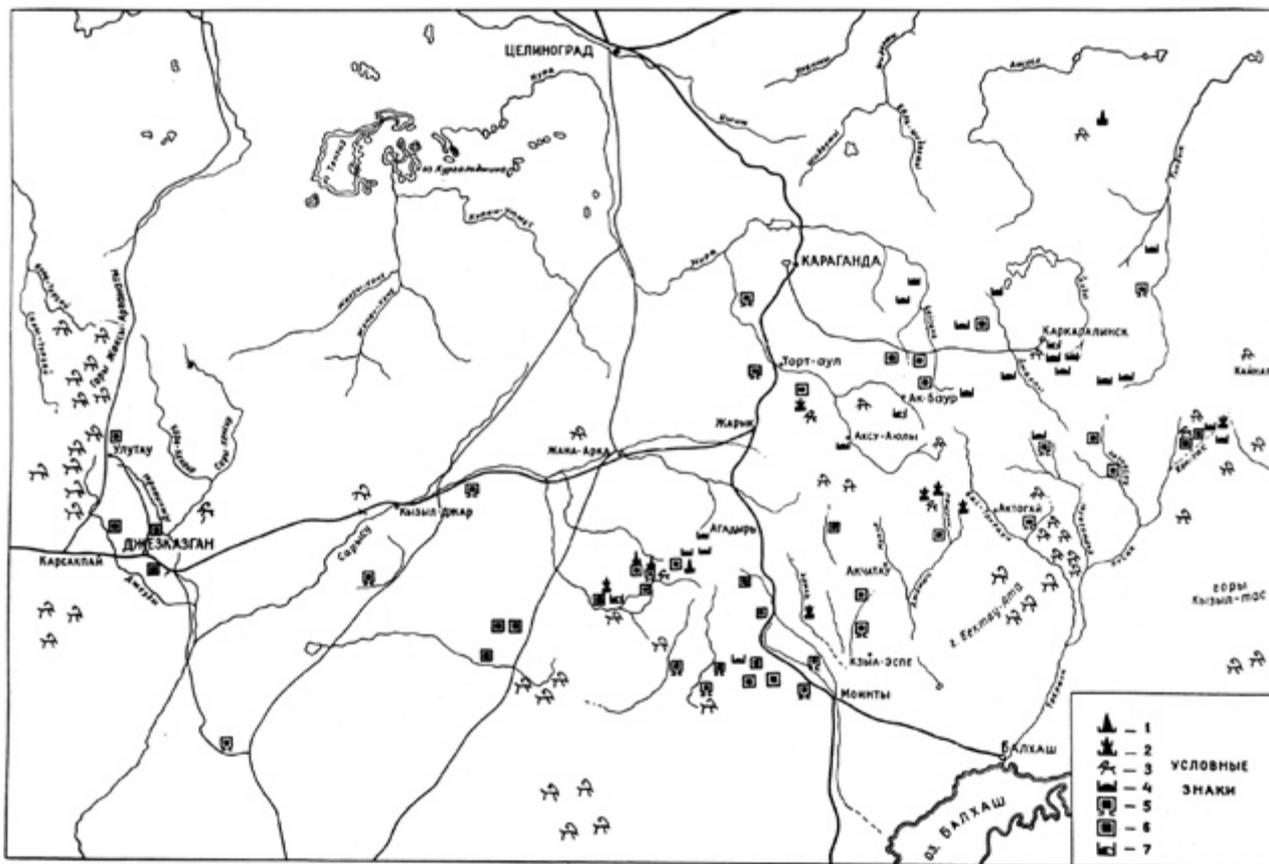

Рис. 3.9. Карта памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана (по А.Х. Маргулану): 1 — менгиры; 2 — зооморфные каменные изваяния; 3 — наскальные изображения; 4 — курганы-ограды с каменной насыпью; 5 — мавзолеи; 6 — поселения; 7 — курганы-ограды со смешанной насыпью

каменных сооружения: три ограды и массивный каменный ящик из четырех больших плит. Первая, наружная, ограда состояла из крупных плит гранита, врытых на ребро. Вторая сложена техникой горизонтальной кладки из специально подобранных прямоугольных плит. Кладка начиналась от дневной поверхности того времени. Внизу стены строго вертикальны, выше они возводились с некоторым наклоном внутрь. Третья, малая, ограда вписана во вторую. В плане она имеет подпрямоугольную форму и закруглена на углах. Как и вторая ограда, она эллипсовидной формы. В ней у западной и восточной стен дополнительно поставлено на торец по одной огромной плите. На эти плиты приходилась основная нагрузка от перекрытия сооружения. В центральной части погребального сооружения, в грунтовой яме площадью около 4 кв. м и глубиной свыше 1,5 м, находился массивный каменный ящик, сверху закрытый двумя большими плитами. Вымосткой из гравия, щебня и глины был залит и пол погребальной камеры. В каменном ящике кургана находился скелет человека в вытянутом положении.

Глиняный сосуд из этого кургана может служить примером керамической посуды переходного периода. По форме и мотивам орнамента он близок к андроновским. Венчик его украшен заштрихованными треугольниками и желобчатыми углублениями. Верхнюю часть тулова опоясывает изящный меандр и поясok из круглых ямочек величиной с горошину. Техника нанесения орнамента здесь — это крупный гребенчатый штамп с поперечными зарубками, характерный для поздней бронзы Центрального Казахстана.

К развитому этапу дандыбай-бегазинской культуры относятся некрополи Бегазы, Айбас-Дарасы, Аккойтас, Дандыбай, Ортау III, Сангру III и поселения Улутау, Шортанды-булак, Каркаралы III. Это могильники и поселения, которые характеризуются законченностью архитектурно-строительных жилых и культовых сооружений, разнообразием новых видов шаровидной керамики. Особенно примечательны плиточные ограды могильника Бегазы.

Бегазинские сооружения представляют собой одно- или двухкамерные постройки квад-

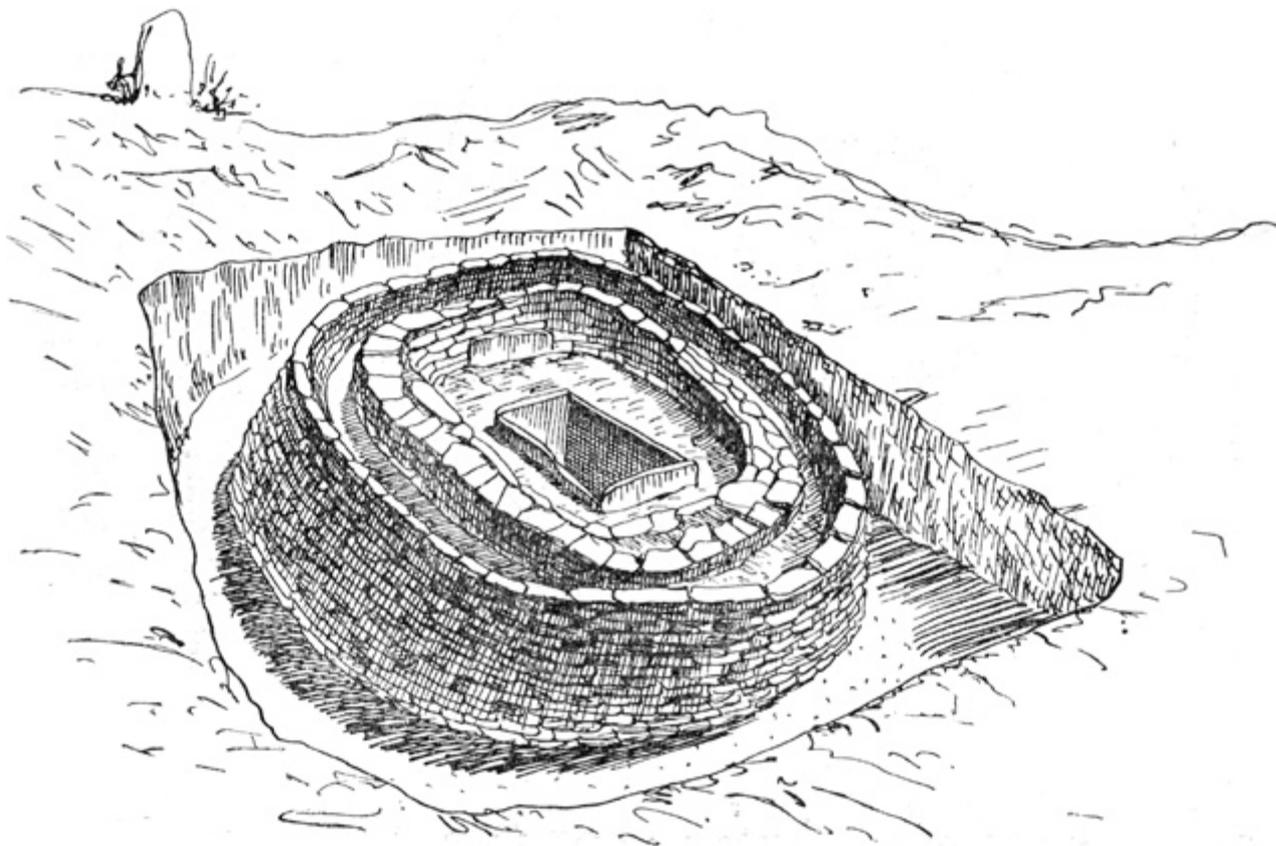

Рис. 3.10. Аксу-Аюлы II. Общий вид двойных стен гробницы из кургана 3 (по А.Х. Маргулану)

ратной формы, стороны которых строго ориентированы по сторонам света. Стены внутреннего квадрата врыты в грунт, облицованы плоскими гранитными плитами, установленными вертикально, или горизонтально выложены из бутового камня. Выше борта вкопанной части сооружения возвышается надземная стена высотой до одного метра. Она сплошь облицована массивными, плотно пригнанными друг к другу гранитными плитами, вкопанными на торец вертикальными рядами.

Для возведения бегазинских памятников подобраны глыбы гранита серого цвета, выходы которого находятся неподалеку от сооружений. Некоторые прямоугольные плиты постройки весят до трех тонн. Чтобы придать прочность и устойчивость стенам, они вкопаны в грунт на одну треть их высоты, но при этом возвышаются над окружающей равниной на 2-2,5 м.

Вертикальными опорными столбами и вспомогательными подпорками служили длинные, хорошо отесанные, четырехугольные каменные колонны. Ими укреплены стыки вертикальных облицовочных плит, угловые соединения внутренних и внешних оград. Кроме того, вместе со стенами они поддерживают массивную каменную кровлю погребального сооружения. В больших оградах число таких столбов доходит до 14. По своему устройству и назначению они напоминают опорные деревянные столбы в жилых строениях бронзовой эпохи.

Одно из наиболее крупных сооружений бегазинского комплекса представляет собой плиточную ограду в виде квадрата по наружному обмеру 9,6×9,6 м, по внутреннему — 6×6 м. Внутренние стены ограды облицованы и заглублены приблизительно на 0,7 м. Общая высота кладки 2,1 м, причем на высоту наземной части приходится 1,3 м. Вторая, наружная, стена имеет ту же высоту — 1,3 м. Полое пространство между облицовочными кладками заполнено осколками камней, залито мокрой глиной и плотно утрамбовано. Тщательно сглаженная верхняя плоскость этой двухметровой стены служила полкой для размещения на ней глиняной посуды и других вещей. Судя по обилию черепков, на полке стояло несколько десятков тонкостенных керамических сосудов. Над полкой нависали мощные глыбы гранитных плит, которыми облицованы наружные стены сооружения. За счет них и перекрытия внутреннего помещения образована обходная галерея по всему периметру здания. Все стены сооружения поддерживаются рядами опорных столбов четырехгранной фор-

мы. Перекрытие внутреннего помещения состояло из нескольких рядов каменных плит. Для перекрытия употреблены плиты, по размеру соответствующие пролету внутреннего помещения, разделенного рядами каменных столбов на два трехметровые половины. Деление внутреннего помещения на два пролета продиктовано необходимостью уменьшить расстояние шестиметрового пролета, сделать его доступным для перекрытия плитами трехметровой длины. Такое перекрытие одним концом опиралось на мощные стены, другим — на внутренние столбы, расположенные рядами по продольной оси сооружения. Вход в мавзолей, сделанный с восточной стороны, обставлен крупными и высокими плитами. Ко входу пристроен коридор длиной 9 м и шириной 4 м. Он сложен способом горизонтальной кладки из бутового камня.

Интересной особенностью «мавзолеев» Бегазы были алтарные устройства для расстановки ритуальных предметов и для жертвоприношений. Это «земляной стол» или полка, оставленные при срезе котлована для основания сооружения. Поверхность стола пропитана жиром и органическими остатками. Там же сохранились следы жертвоприношений и пищи в виде большого скопления бараньих костей. На жертвенный стол ставилась глиняная посуда. Здесь же находились украшения и предметы вооружения.

На позднем этапе на смену сложным погребальным постройкам предшествующего времени приходят простые конструкции в виде крупных каменных ящиков без оград. Это памятники в горах Кент близ Каркаралинска, в урочищах Айдарлы, Бугулы II, Курулыс.

Глиняная посуда еще сохраняет традиции предшествующего времени. Но преобладающими становятся горшки котлообразной формы с сильно выпуклыми боками, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком, сосуды с так называемым воротничком — оттянутой на внешнюю сторону закраиной и, наконец, горшки с наlepным валиком на шейке. Орнамент наносится, в основном, гладким штампом в виде поясков из косых насечек, крестиков, перекрещивающихся прямых, горизонтальных елочек. На некоторых горшках встречаются ямочный, ногтевой, полулунный, семечковидный орнаменты, выполненные концом палочки. Шейки отдельных сосудов украшают так называемые «жемчужины» — выпуклые кружки, получившиеся в результате выдавливания круглой палочкой изнутри горшка.

Кроме погребальных сооружений к поздней бронзе относятся поселения Суук-булак, Тагий-булак.

В конструкции жилищ с каменными стенами при сохранении традиционных черт предшествующего времени господствующими становятся сооружения наземного типа. Дома прямоугольного типа, с северной и восточной сторон к ним примыкают каменные пристройки с выходом. Внешние стены сооружения отличаются большой толщиной, в 1,5-1,7 м; они сложены двумя рядами вертикально вкопанных массивных каменных плит, пространство между ними забутовано мелкими обломками камней вперемешку с землей. Внутренние перегородки между жильем и пристройками также возведены из камня, но они меньшей толщины.

Племена эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана развивались в тесной взаимосвязи с родственными племенами Южного Зауралья (замараевская культура), Алтая и Енисея (карасукская культура). Керамические изделия, бронзовые орудия, предметы быта и украшения, характеризующие материальную культуру этих областей, отдаленных друг от друга протяженными степными пространствами, весьма близки, что подтверждает тесную культурную и экономическую связь между древними племенами.

Поселение Кент. Одним из наиболее интересных памятников эпохи бронзы, дандыбайбегазинской культуры является поселение Кент. Оно исследовано коллективом археоло-

гов, руководимых В.В. Варфоломеевым. Это поселение является центральным в микрорайоне, расположенном в 220 км к юго-востоку от Караганды, в Кентских горах. Главный водный источник микрорайона — р. Кызылкеныш, длиной 25 км. Здесь сосредоточено 12 поселений и 10 могильников эпохи поздней бронзы.

Площадь культурных отложений, занятая постройками на позднем этапе, — 150 000 кв. м. Это самое большое из известных сейчас в Казахстане поселений. Вполне вероятно, что одновременно с Кентом функционировали левобережные поселения Алат, Алат I, Алат II. Кент и эти три поселка разделяли только р. Кызылкеныш и неширокая пойма. В таком случае все четыре поселения можно считать одним. Его площадь по замерам между крайними объектами превышает 300 000 кв. м, а число построек — 130. Общее количество зафиксированных построек на поселениях в Кызылкентской долине — 167. Синхронное функционирование всех домостроений маловероятно. Условно одновременно обитаемы были лишь 100 жилищ во всей долине. Каждый жилой дом населяла одна семья. Скорее всего, это были расширенные семьи, состоявшие из 12-14 человек.

Хозяйство имело комплексный скотоводческо-земледельческий характер. Все доказательства земледельческих занятий в степях Центрального Казахстана имеют косвенное значение: приуроченность поселений к пойме, находки бронзовых серпов-косарей, зернотерок с ладьевидными курантами, каменных пестов и мотыг. На Кенте найдена одна каменная мотыга.

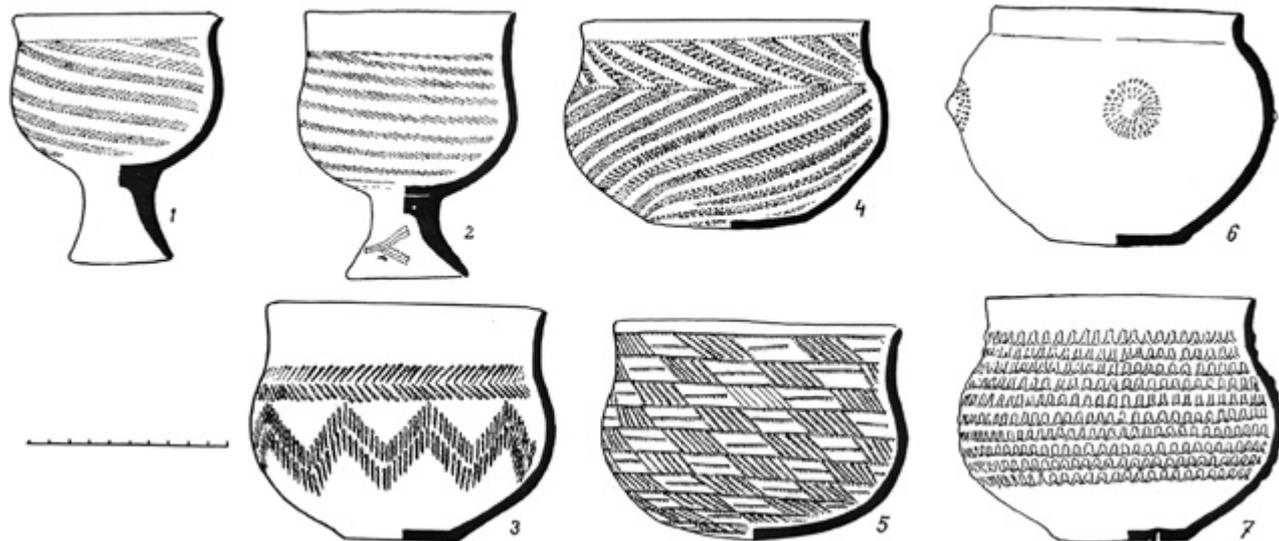

Рис. 3.11. Керамика Дандыбая (по А.Х. Маргулану)

Почти все потребности в пище удовлетворялись посредством высокоэффективного животноводства, в том числе и в результате обмена скотоводческой продукцией на сельскохозяйственную.

Обитатели Кентских гор, как и их соплеменники по всей Сары-Арке, разводили крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадей.

Охотились на сайгу, марала, кулана, кабана, волка, лося, корсака, архара, крупных птиц. Малочисленным видом домашних животных был верблюд.

Увеличение доли лошади и овцы в стаде у дандыбаевцев Кентского района свидетельствует о возрастании подвижности скотоводческого хозяйства. Это было уже не пастушеское скотоводство, как у андроновцев. Это было полукочевое хозяйство. Центром микрорайона из небольших поселков было поселение Кент. Его центральное положение, размеры, количество жилищ и некоторые другие параметры позволяют видеть в нем не просто крупный населенный пункт, а зарождающийся город.

Городской статус древних поселений подразумевает целый ряд археологически фиксируемых признаков: 1 — площадь; 2 — численность населения; 3 — монументальная (храмовая) архитектура; 4 — сельскохозяйственная округа; 5 — ремесленное производство; 6 — обмен; 7 — социальная стратификация.

Эта формула города не абсолютна в археологических исследованиях.

Поселки скотоводов Сары-Арки эпохи бронзы обычно невелики — от 0,1 га до 2 га. Появление очень крупных населенных пунктов свидетельствует об их особой роли.

На Кенте исследована так называемая «Большая ограда», которую можно трактовать как постройку общественного значения. Она почти прямоугольная в плане, ориентированная длинными сторонами по линии СЗ — ЮВ.

Реконструируемая высота «Большой ограды» около 1 м. Скорее всего, «Большая ограда» предназначалась для проведения общественных церемоний, в том числе и обрядовых.

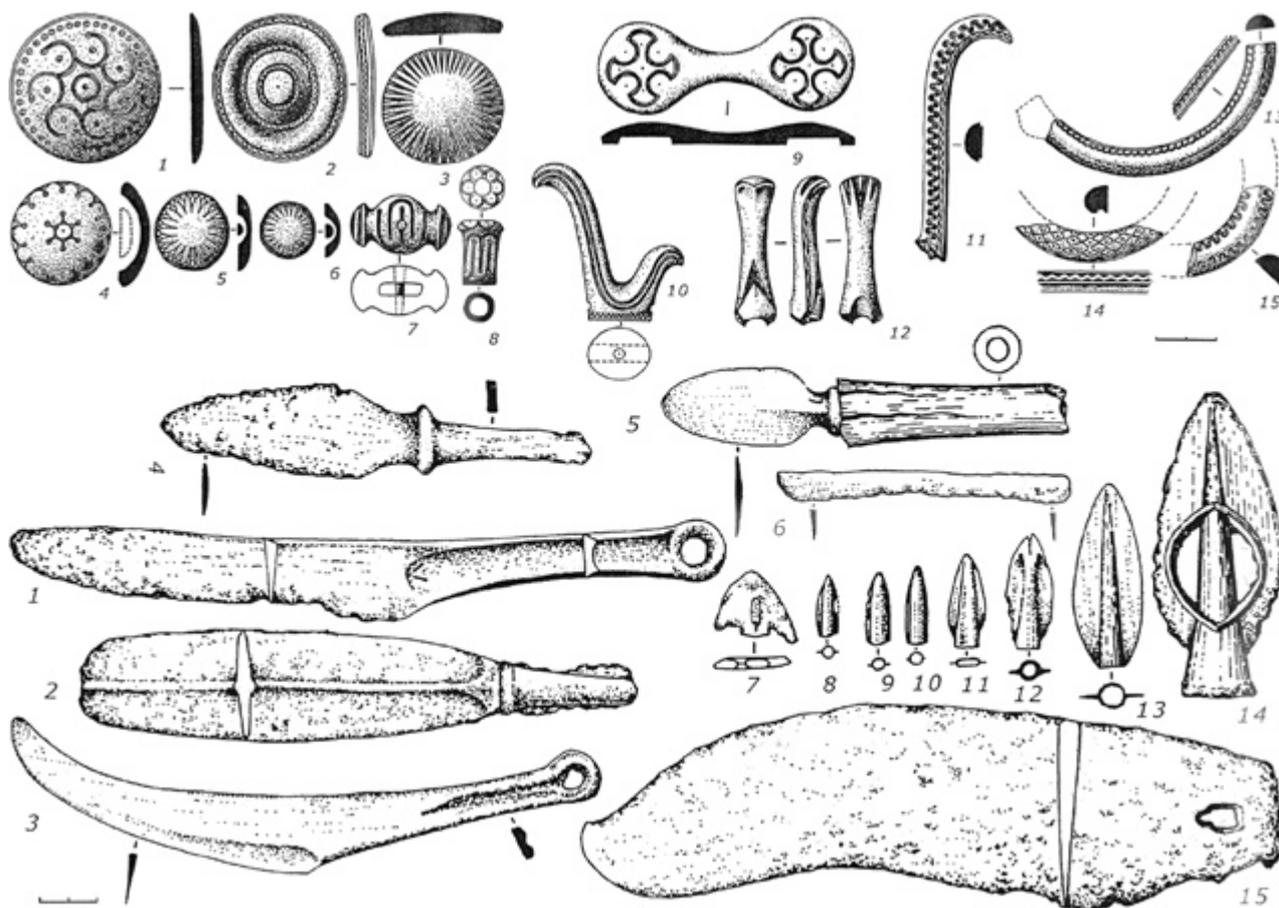

Рис. 3.12. Поселение Кент (по В.В. Евдокимову, В.В. Варфоломееву). Изделия из кости (сверху) и бронзы (снизу)

При раскопках найдено более 100 целых бронзовых изделий.

Многочисленны резные изделия из кости и рога. Весьма вероятно, что эти великолепные образцы прикладного искусства изготавливали косторезы-профессионалы.

На Кенте обнаружены достаточно надежные доказательства взаимодействия населения с отдаленными районами.

Среди керамики кентских поселений и могильников имеется среднеазиатская станковая времени поздней Намазга VI, карасукская, еловская, тагискенская.

На 10 могильниках Кызылкентской долины зафиксировано 240 могильных сооружений. Всего раскопано 60 конструкций. Ведущим типом построек являются подквадратные ограды из гранитных плит, уложенных плашмя в один (редко в несколько) слоев (I тип). Внутри ограды — прямоугольный или почти квадратный ящик из вертикально установленных плит. Захоронения совершены на уровне материка, на поверхности или ниже материка на 5-10 см. Размеры таких оград варьируют от 1,2×1,4 м до 4,0×4,1 м, ящиков — от 0,6×0,8 м до 1,4×1,6 м.

Сооружения II типа отличаются большими размерами (ограды до 9,0×8,5 м, каменные ящики до 2,7×3,0 м); многослойной кладкой стен; неглубокими ямами для приготовления строительного раствора у стен гробниц; увеличением количества сосудов в погребальном инвентаре. Постройки II типа в свое время получили название мавзолеев и хорошо известны по раскопкам А.Х. Маргуланом некрополей

Бегазы, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы, Дандыбай. Принадлежность мавзолеев к категории погребений высокого социального ранга сомнений не вызывает.

Местом проживания вождей были густонаселенные поселки типа Кента зимой и степные становища летом. Они же формировали военные отряды и торговые караваны и совершали далекие экспедиции с использованием верховых лошадей.

Главной статьей экспорта Кентского населения следует считать металл. Его производство и распределение контролировались элитой. Предметом обмена мог быть скот и животноводческая продукция.

Социальная элитарность этой степной аристократии сочеталась с накоплением богатства, формировавшимся в процессе увеличения поголовья стад, возрастания масштабов металлургического производства им подконтрольного. Шел процесс сложения государственных образований.

На территории Восточной Сары-Арки можно предполагать существование нескольких объединений, подобных кентскому. Некоторые из них можно — локализовать вокруг поселений Мыржик, Шортанды-Булак, Бугулы II, Бегазы I. Эти памятники синхронны Кенту и близки к нему по размерам, находкам резной кости, обилию металла. Вокруг них наблюдается концентрация поселений и могильников, имеются постройки II типа — мавзолеи.

Там также происходили процессы, связанные с формированием государства.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕТЫСУ-СЕМИРЕЧЬЯ

Начиная с XV века до н. э., племена андроновцев стали продвигаться на юг. До сих пор нет единого мнения о причинах миграции больших групп населения. Некоторые специалисты предполагают, что к этому времени количество населения значительно увеличилось и продвижение их на юг и юго-запад было связано с недостатком пастбищ. Другие исследователи называют основной причиной расселения андроновцев наступившую в середине II тыс. до н. э. засуху. Изменение климата заставило андроновцев искать новые пастбища в Жетысу. В этот период коня начали широко использовать под верховую езду, что способствовало возможности дальних миграций. Это предположение, однако, не подтверждается

археологическими материалами: массовое осваивание коня под верховую езду происходит значительно позже расселения андроновцев. Вероятно, что именно изменение климата, рост численности населения и поиски новых земель и явились причинами миграций андроновских племен в Жетысу-Семиречье.

В предгорной зоне Джунгарского Алатау, в восточной оконечности Заилийского Алатау и Кунгей Алатау достаточно четко прослеживаются традиции андроновской культуры Сибири. В могильниках среди женских украшений встречаются серьги с раструбом, в погребальном обряде преобладает трупосожжение. Отличия имеются в устройстве погребальных камер из дерева в могильниках Кульсай, Узунбулак,

Алгабас, исследованных в верхнем течении реки Чилик. На юго-западе Жетысу эти признаки встречаются значительно реже.

Андроновское население в западной части Жетысу, видимо, появилось в середине II тыс. до н. э., поскольку этим временем датируется наиболее древняя часть погребений в урочище Тамгалы, в горах Анрахай и Киндиктас. Предположительно в это же время группы населения продвинулись в долину реки Коксу, но основное заселение предгорной равнины в Джунгарском Алатау относится к XII—X вв. до н. э.

В XI—X вв. до н. э. были освоены высокогорные пастбища в долинах рек Турген, Асы, Чилик, Кегень.

В эпоху поздней бронзы функционировали поселения Талапты на реке Коксу, Теренкара в черте города Алматы, Тасбас в горах Баян-Журек.

Таким образом, освоение племенами эпохи бронзы территории Жетысу продолжалось в течение нескольких столетий, вплоть до VIII века до н. э.

В Жетысу выявлены многочисленные памятники эпохи бронзы: могильники, поселения и наскальные рисунки. На территории юго-западного Семиречья могильники располагались в широкой долине между хребтом Кульджабасы и Чу-Илийскими горами; в урочище Ой-Джайлау и в горах Анрахай. В северо-восточном Жетысу памятники обнаружены в долине реки Коксу и на высокогорных плато в Джунгарском Алатау, в горах Баян-Журек, в долинах рек Кульсай и Чилик. В центральном Семиречье памятники обнаружены в предгорной зоне — в урочище Майбулак вблизи Алматы, у села Аксай, на территории города Алматы и в высокогорных районах, долине рек Асы, Саты, Кегень.

Первоначально андроновцы расселялись по берегам небольших степных рек. Поселения в Семиречье состояли из жилищ и хозяйственных построек. В XII—X веках население продвинулось в предгорья. На рубеже II—I тыс. до н. э. были заселены высокогорные районы в Заилийском Алатау, Кунгей Алатау и Джунгарском Алатау. Появляются крупные поселения, состоящие из нескольких десятков жилищ, например, Муздыбулак. Разнообразней стали технические приемы строительства. Если на ранних этапах андроновцы строили дома в виде полуземлянок, то в период поздней бронзы жилища стали врезаться в склоны гор, используя

выходы скальных пород в качестве естественных стен. Поселения устраивали на южных склонах, где теплее и в зимнее время температура всегда выше на несколько градусов.

В Жетысу редко встречаются характерные для Центрального Казахстана сдвоенные жилища с хозяйственными пристройками для скота. Неизвестны здесь и постройки из каменных плит. Наиболее типичными в Жетысу были большие дома — полуземлянки округлой и прямоугольной формы. В ряде случаев по расположению столбовых ям, остаткам бревен и камыша можно определить, что крыши в небольших жилищах были двускатными. В больших домах иногда встречаются четырехскатные крыши. Многие жилища строились с коридором, постепенно спускающимся внутрь дома.

Очаг обычно устраивался в центре дома из каменных плит, вкопанных на ребро, и имел проем для выгребания золы. На некоторых поселениях встречаются очаги овальной формы, изготовленные из глины. В жилищах, состоящих долгое время из одного помещения, иногда встречаются 2-3 очага, устроенных на разном уровне, что свидетельствует о том, что помещения перестраивались.

Приведем характеристику некоторых из поселений, найденных и исследованных археологами.

Поселение Асы I расположено на берегу одноименной реки, на высоте 2400 м над уровнем моря. Исследование его проводилось А.Н. Марьяшевым. До раскопок на поверхности прослеживались каменные выкладки, ограничивающие, видимо, территорию поселения. В ходе раскопок были вскрыты основания трех стен большого жилища. Толщина стен жилища была около 0,5 м.

Вероятно, вначале был вырыт котлован, затем возводились стены из камней на глиняном растворе. Чтобы стены не завалились внутрь помещения, их строили с наклоном наружу, таким образом они опирались на края котлована и не сползали внутрь дома.

В целом жилище представляло собой полуземлянку, заглубленную на 1,2-1,3 м, со стенами, сложенными из камней. Крыша, вероятно, была двускатной и делалась из деревянных плах. Опирались крыша на деревянные опорные столбы. На полу, обмазанном глиной, зафиксированы ямки от таких столбов. Дом состоял из нескольких отсеков, отделенных перегородками.

Многочисленные напластования внутри свидетельствуют о том, что это было долговременное жилище. Керамика, найденная в жилище, датируется периодом поздней бронзы. Радиоуглеродный анализ костей животных позволил определить дату — 3040 лет, то есть XI в. до н. э.

На поселении найдено много костей крупного рогатого скота и овец и мало костей лошади.

Месторасположение поселения доказывает, что уже более 3-х тысяч лет тому назад население Жетысу освоило высокогорные пастбища.

Поселение Таланты находится на высоком берегу реки Коксу, на высоте около 800 метров над уровнем моря, у подножия хребта Ешки-Ольмес. Его исследовал А.Н. Марьяшев и А.А. Гурячев. Долина Коксу была благоприятным местом для жизни. Здесь зимой было теплее, чем в степи, так как хребет с севера защищал долину от холодных ветров, а на южных склонах снега не было, что позволяло скоту добывать корм даже зимой. В пойме реки было много леса.

На правом берегу реки, как выявили исследователи, на протяжении 15 км сплошь тянутся древние поселения, могильники и святилища. Этот регион был своеобразной экологической нишей, плотно заселенной в последней трети II тысячелетия до н. э.

До начала раскопок на поверхности поселения прослеживались каменные выкладки прямоугольной формы, были собраны фрагменты зернотерок и несколько каменных пестов. Основная часть поселения была смыта рекой. На сохранившемся участке было расчищено несколько каменных полуземлянок и один «большой» дом размерами 16 на 18 м, заглубленный в землю на 1 м. Вход имел «Г»-образную форму. В центре жилища располагался очаг прямоугольной формы, размерами 2,4×2,2 м, устроенный из плит, врытых на ребро, он был заполнен золой. К востоку от очага были устроены ямы. Одна из ям была выложена камнями, предположительно это было хранилище — кладовая. Вторая яма, заполненная костями животных и фрагментами битой посуды, вероятно, была мусорной.

Вдоль всей северной стенки тянулась выкладка из крупных камней, покрытая слоем золы, ее протяженность — 15 м, и ширина 1,6 м. Люди в то время еще не умели строить печей с дымоходом, поэтому топили «по-черному», а золу высыпали на камни для того, чтобы сохра-

нить тепло до утра. Дым выходил через отверстие в крыше, видимо, поэтому кровля часто горела. Не случайно при раскопках на поселениях на полах часто находят обгорелые доски и угли. Каменная выкладка, засыпанная золой, — по форме это прототип суфы. На ней работали и отдыхали люди. Здесь были обнаружены» каменные песты, куски медной руды, костяные наконечники стрел листовидной формы, ложила, трубки, проколки из кости, отполированные камни с желобками для привязывания веревки (боласо). Последние использовались для ловли животных, при броске веревка, утяжеленная камнями, опутывала ноги животного.

На полу жилища найдено множество бытовых вещей: точил, ножевидных пластин, каменных ножей, скребел, мотыг, крышек от сосудов, пряслиц. У входа в помещение с восточной стороны в небольшой нише, устроенной прямо в стене с наружной стороны, было обнаружено два целых керамических сосуда. Один из горшков, меньший, был вставлен в другой, большего размера. Вероятно, эти сосуды и их содержимое служили своеобразным оберегом для дома. Поселение Таланты существовало длительное время (конец II — начало I тыс. до н. э.), а его жители вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство.

В основном разводили овец, их в стаде было 75 %, коровы составляли 20 % и 5 % — лошади.

Могильник Ой-джайляу 3, изученный А.Н. Марьяшевым, — самый крупный из обнаруженных на плато в горах Киндиктас. Он находится у края оврага, занимая площадь около 2500 кв. м, и состоит из оград, сложенных из камней подквадратной и трапециевидной форм. Внутри оград устроены каменные ящики из крупных плит, вкопанных на ребро. Сверху они были накрыты плоскими плитами. Внутри устроенной таким образом могилы встречается захоронение одного взрослого человека. В трех таких же ящиках находились парные захоронения. Встречаются конструкции из спаренных ящиков. Детей хоронили в небольших ящиках и грунтовых могилах. Умерших помещали в могилу головой на запад, в скорченном положении на боку.

Встречаются также трупосожжения, когда в могилу помещались останки кремированных покойников, — обожженные кости и пепел.

Схожие по конструкции и инвентарю могильники исследовались в урочище Каракудук, Тамгалы, в горах Кульжабасы близ станций Анрахай и Курдай.

Известным памятником Семиречья является исследованный А.Г. Максимовой *Кафакудукский могильник*, расположенный у подножия северо-восточных склонов Чу-Илийских гор. В каменных ящиках, перекрытых каменными плитами, погребены дети и подростки. В цистах — могильных камерах из плашмя положенных напуском внутрь друг на друга каменных плит и перекрытых плитами — захоронены взрослые. Некоторые ящики как с детскими, так и погребением взрослого заключены в оградки круглой, овальной или прямоугольной формы. Все костяки лежали в скорченном положении, головой на запад — северо-запад. В детских погребениях (некоторые из них перекрыты каменными плитами) в изголовье стояло по одному небольшому неорнаментированному глиняному сосуду. В погребениях взрослых обнаружены обломки больших сосудов, бронзовые бусы и бронзовое зеркало с петлеобразной ручкой с обратной стороны.

Иная традиция погребального обряда и самих конструкций была распространена в горных районах восточного Семиречья. В долине реки Чилик были обнаружены крупные ограды подпрямоугольной формы, сооруженные из каменных плит. В центре ограды, в яме на глубине до 2 м, располагается деревянная конструкция из нескольких бревен тьянь-шанской ели. В таких ящиках встречаются исключительно захоронения по обряду кремации нескольких человек, керамическая посуда и бронзовые украшения. Могильники такого типа исследовались на реке Кульсай, близ сел Алгабас, Узунбулак, Жалысай.

Отдельную многочисленную группу составляют памятники на территории Алматы.

Расположение Алматы в предгорьях Заилийского Алатау с плодородными почвами и обилием горных рек обусловило особую привлекательность этого места.

Предгорная зона обеспечивала возможность быстро отгонять скот на горные пастбища или в степную зону, не удаляясь от поселения более чем на 2 дня пути. Развивалось и земледелие. Наличие леса, камня и глины значительно облегчало и ускоряло строительство поселений, уже во II тыс. до н. э. территория Алматы заселяется андроновскими племенами.

Археологические памятники эпохи бронзы в регионе и на территории города, к сожалению, большей частью разрушены современной застройкой.

Однако находки кладов на территории Алматы и нескольких сохранившихся поселе-

ний дали интересную информацию о жизни населения. В различных районах Алматы при строительных работах было сделано много случайных находок предметов бронзового века. Наибольший интерес представляют так называемые «Каменский» и «Турксибский» клады.

«Каменский клад», который был найден на территории санатория «Каменское плато», состоял из тесла, двух втульчатых желобчатых долот и керамического сосуда. Все предметы были обнаружены на глубине 1 м.

«Турксибский клад» найден на территории санатория «Турксиб» в предгорной зоне Заилийского Алатау на высоте около 1100 м над уровнем моря. Он был открыт случайно при рытье траншеи на глубине 3 м. Клад состоял из каменного песта, фрагментов керамического сосуда и бронзовых изделий: вислообушного топора, втульчатого копьевидного долота, черешкового наконечника копья листовидной формы, ножа с рукоятью и трех серпов. Топор отлит в двухстворчатой форме, литейные швы были заглажены. Такие топоры применялись как в быту, так и в качестве оружия ближнего боя. Нож был отлит, в отличие от других предметов, в односторонней литейной форме, лезвие было оттянуто методомковки. Рукоять ножа была орнаментирована со стороны, прилегавшей к литейной форме, и имела отверстие для подвешивания. Серп, так же как и нож, был украшен с одной стороны тремя широкими полосами.

Наиболее ранние изделия из кладов датируются XIV—XII вв. до н. э., а наиболее поздние — XII—XI вв. до н. э.

Поселение Теренкара находилось на северной окраине города Алматы. Оно, по мнению исследователя Ф.П. Григорьева, было временным и сезонным. Его обитатели проживали в округлых, слегка углубленных в землю жилищах. Исследования позволили установить, что жители поселения вели комплексное хозяйство, занимаясь скотоводством и земледелием. Скотоводство являлось преобладающим. В пользу этого свидетельствует сам тип жилища — временные сезонные постройки — и месторасположение в предгорной зоне, которое давало возможность в летнее время перегонять скот на джайлау. В составе стада преобладал крупный рогатый скот. На поселении найдена керамическая посуда с орнаментом по венчику и горловине, зернотерки и каменные песты. Часть посуды была изготовлена на гончарном круге. Встречается керамика, покрытая

росписью, выполненной красной краской, в виде заштрихованных треугольников. Находки расписной керамики указывают на то, что уже в ту эпоху имели место достаточно тесные связи с населением Средней Азии, в частности с Ферганой, — одним из центров изготовления расписной керамики. Датируется поселение IX—VIII вв. до н. э.

Поселение Бутақты-1 расположено в предгорной зоне, на юго-восточной окраине города Алматы, у подножия горы Коктюбе. Оно раскапывалось отрядом, руководимым А.А. Горячевым.

Поселение находится на вершине холма на правом обрывистом берегу реки Жарбулак (Казачка). Территория памятника представляла собой ровную террасу правого берега реки, протяженностью 1,5-2 км и шириной до 1 км. Основная часть археологического комплекса разрушена современной застройкой, сохранилась лишь его западная часть.

В результате археологических исследований было установлено, что на сохранившемся участке было расположено несколько жилищ. Из них полностью раскопано одно, которое представляет собой полуземлянку квадратной формы, размерами около 120 кв. м. Вход в неё устроен с юго-восточной стороны в виде пандуса, плавно спускающегося к полу. Для устройства жилища был вырыт котлован, глубиной 1,2 м. Вдоль стенок котлована были установлены ряды столбов. Стенки жилища составлены из тонких бревен и горбылей и заштукатурены внутри и снаружи глиной с добавлением красящего вещества (охры) кирпичного цвета. По центру жилища вокруг очага были врыты четыре массивных деревянных столба, составлявшие, вероятно, опорные конструкции крыши. Крыша — четырехскатная, — скорее всего, имела отверстие для выхода дыма от очага. Все ямы для опорных столбов были забутованы камнями. В строительстве жилища использовалась тьянь-шанская ель.

Пол плавно понижается к центру жилища. Он трижды заливался новым глиняным раствором. В полу обнаружены многочисленные ямы хозяйственного назначения с фрагментами костей животных и керамики. Вдоль стенок найдены керамические сосуды.

В центре жилища был обнаружен очаг овальной формы, сделанный из глины. Толщина прокала внутри очага составляет около 0,5 м, что говорит об очень длительном его использовании. С северной и северо-западной сторо-

ны от очага были устроены крупные хозяйственные ямы-холодильники, диаметром 1 м и глубиной до 70 см. В этих ямах обнаружены каменные выкладки по периметру, толщиной до 40 см, а также кости крупного и мелкого рогатого скота.

Среди находок наиболее многочисленными являются каменные и костяные орудия труда, фрагменты керамических сосудов, а также изделия из бронзы. Каменные орудия представлены зернотерками, пестами, ступками, точильными камнями, боласо. Костяные изделия представлены в основном астрагалами-амулетами и астрагалами-ложилами. Имеется также достаточно редкая находка фрагмента костяного гребенчатого штампа, изготовленного из кости с десятью мелкими зубчиками для нанесения орнамента на керамику.

Среди костей животных преобладают кости мелкого рогатого скота и лошади. Наиболее массовым материалом из раскопок является керамика. В основном она представлена лепными плоскодонными сосудами горшковидной и баночной форм больших и средних размеров. Ряд сосудов орнаментирован ногтевыми вдавлениями, косыми насечками и оттисками мелкогребенчатого штампа.

Аналогичные керамические сосуды достаточно широко представлены в материалах алакульских могильников Центрального Казахстана. Однако отдельные элементы форм и орнаментации встречаются в федоровских комплексах Восточного Казахстана.

Бронзовые изделия представлены проколами, иглой, обоймой и кольцом со спиралевидными украшениями на концах.

Керамика и бронзовые изделия позволяют датировать поселение Бутақты 1 эпохой поздней бронзы.

Данные радиоуглеродного анализа соотносятся с типологической датировкой памятника и фиксируют момент его гибели рубежом XII—XI вв. до н. э.

Если учесть, что в эпоху бронзы памятники функционировали длительное время, то наиболее вероятной датой его возникновения будет рубеж XIV—XIII вв. до н. э.

Поселение было стационарным, долговременным и использовалось круглогодично. Его обитатели вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство.

В регионах, заселенных племенами андроновской культуры, сохранились прекрасные образцы наскального искусства эпохи бронзы —

это рисунки, выбитые на плоских поверхностях скал, покрытых темным «загаром» (патиной).

Большие скопления изображений на скалах оказались святилищами — своеобразными «храмами под открытым небом».

Наиболее известные святилища андроновских племен Жетысу находятся в урочище Тамгалы, в горах Ешки-Ольмес, Кульжабасы и Баян-Журык.

Святилище Тамгалы находится в 170 км северо-западнее города Алматы. Петроглифы эпохи бронзы сосредоточены в нижней части урочища, на плитах, крупных скальных блоках, в местах, доступных для посещения. Исследовали этот памятник А.Г. Максимова, А.Н. Марьяшев, А.С. Ермолаева.

Известно, что в древности святилища устраивали на вершинах гор, на перевалах или в местах чем-либо примечательных, особенных. Таким местом могли быть отдельная скала или отдельный камень.

В Тамгалы центром святилища стали скалы, образующие своеобразный амфитеатр. Вероятно, именно здесь происходили обряды, связанные с культом солнца и плодородия. На верхнем ярусе скал выбиты фигуры с головами в форме большого круга с лучами. Ниже изображены люди в хороводе. Поскольку среди них просматриваются различные группы — люди с оружием, люди в головных уборах или масках,

роженница, — можно предположить, что в этой центральной сцене отображено мироустройство, мировая гармония, как её понимали люди эпохи бронзы. Расположенные вверху «солнцеголовые» персонажи символизируют идею верхнего мира, ниже показаны священные животные и мир людей. Всего в Тамгалы обнаружено 25 изображений солнечных божеств, основная часть их датируется XIV—XI вв. до н. э.

В урочище известно несколько ярких по своей выразительности сюжетов жертвоприношения быка.

Другим интересным памятником эпохи бронзы являются *петроглифы в горах Ешки-Ольмес в долине реки Коксу*. Памятник изучался А.Н. Марьяшевым, А.А. Горячевым, С.А. Потаповым. Петроглифы расположены в 15 ущельях и тянутся на 10 км с запада на восток. Здесь можно встретить изображения разные по времени, но наиболее древние из них относятся к эпохе бронзы. Здесь очень разнообразны сюжеты: сцены боя, изображения колесниц (всего их более 100), борьбы людей с великанами, фигуры рожениц, «солнцеголовых» персонажей, сцены загонной охоты и угона скота. Некоторые рисунки нанесены тончайшей гравировкой.

Скопление петроглифов в горах Кульжабасы представляет интерес в другом отношении: большие, более 1 метра фигуры быков свиде-

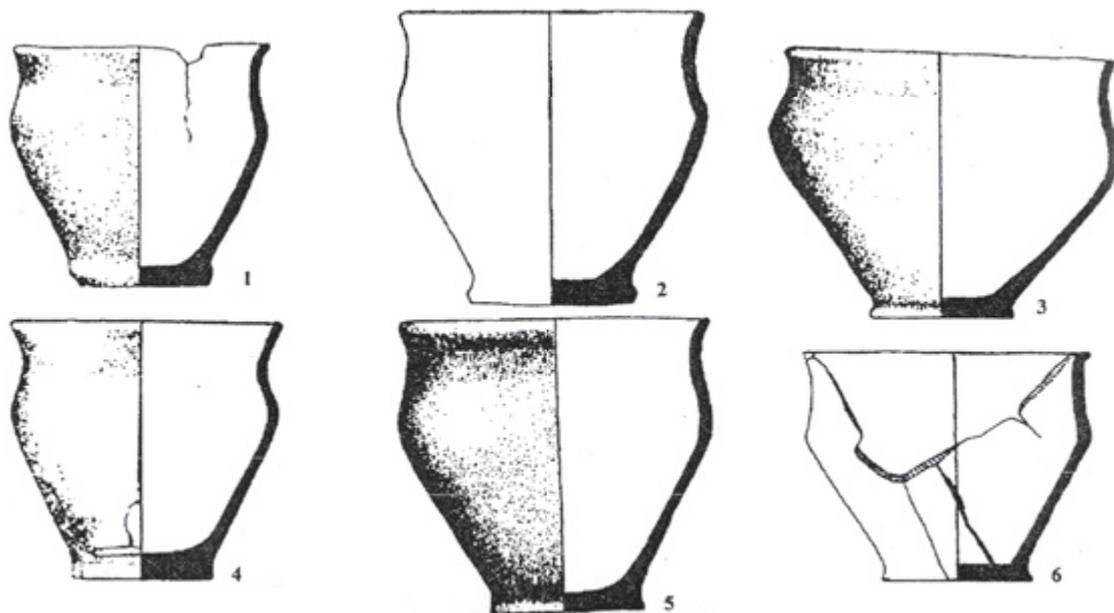

Рис. 3.13. Керамика из могильника Кульсай 1 и Узунбулак 1 (по А.Н. Марьяшеву и А.А. Горячеву)

тельствуют о культе этого животного в середине II тысячелетия до н. э. Встречаются сцены с табунами диких лошадей.

Итак, раскопки памятников эпохи бронзы, расположенных в различных *природных зонах Жетысу*, дают возможность проследить, как человек эпохи бронзы приспособлялся к природным условиям региона. Было установлено, что в западных районах, освоенных ранее восточных, население осваивало вначале поймы небольших степных рек. Затем часть племен продвинулась в Чуилийские горы, Анрахай, Хантау. В горах Хантау обнаружено несколько очень крупных могильников, занимающих площадь в 3-4 кв. км. Погребальный инвентарь из могильников Тамгалы, Кульжабасы, Ой-джайляу близок материалам из Центрального Казахстана.

Аналогии прослеживаются как в устройстве оград и погребальных камер, так и в кера-

мической посуде, и в бронзовых украшениях (браслетах со спиралевидными украшениями и бусах). Анализ керамики дает основание сделать заключение, что в Жетысу переселились племена, принесшие на новые земли традиции как федоровской, так и алакульской культур.

Восточные районы, особенно высокогорные, были заселены позднее западных — в XII—X веках до н. э. Здесь преобладают традиции федоровской культуры. В то же время в восточной части Заилийского Алатау встречается новый для Казахстана тип памятников с коллективными погребениями в деревянных конструкциях, погребениями по обряду кремации. Они позволяют проследить продвижение андроновцев в высокогорье на джайляу и начало становления кочевых форм скотоводства уже в конце II тыс. до н. э.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Здесь средний период эпохи бронзы представлен *могильником Таутары*, расположенным на северных склонах Каратау. Исследовала его А.Г. Максимова. Надмогильные памятники — ограды прямоугольной, квадратной, овальной, круглой формы, обозначенные на поверхности врытыми на ребро каменными плитами или камнями, положенными просто на землю. Погребения совершались в грунтовых ямах, иногда перекрытых каменными плитами. Преобладал обряд трупосожжения. Остатки сожженных костей складывались преимущественно в западной части ямы в одну или несколько кучек или рассыпались по всей западной части. В восточной или западной части могилы ставили от одного до пяти глиняных сосудов с пищей.

Посуда плоскодонная, представлена двумя формами: баночной и горшками с округлым плечом или с небольшим уступом при переходе от шейки к тулову. Орнаментированы они, в основном, гребенчатым штампом. Узором обычно покрывалась шейка сосуда, верхняя часть тулова, иногда у дна и само дно. Распространен орнамент в виде равнобедренных заштрихованных треугольников, ломаных линий, меандра, треугольных вдавлений. Баночные сосуды без орнамента или орнаментированы равнобедренными заштрихованными треугольниками. Мелкие изделия из бронзы и золота являлись предметами украшения. Среди них «лапчатые» и овальные подвески с отверстиями, обоймоч-

ки, колечки, пронизки, бусы, височные кольца, согнутые из проволоки, обернутой листовым золотом, бусы из пасты, стекловидной массы, бронзовые бляшки для нашивки на одежду.

Еще один могильник исследован на юго-западных склонах Каратау, в ущелье Бесарак, на плато Куюкты. Это несколько каменных оград, примыкающих друг к другу. Всего насчитывается 6 секций размерами 3,5×4,5 м из врытых на ребро каменных плит размерами 90×100 см при толщине до 20 см.

Могильник Куюкты сближается с комплексом Таутары сходством типов керамики, особенно приземистых сосудов с выпуклым туловом, выделенным донцем и уступом при переходе к горлу и остросреберных горшков с суженной горловиной. Прямые аналогии имеются и в орнаментации сосудов. Погребальный комплекс могильника Куюкты относится к позднему этапу андроновской культуры. Исследовал могильник А.К. Акишев.

Могильники и поселения в Южном Казахстане располагались не только на берегах горных речек, их верхнем течении, но и, как показали новые находки, в их среднем и нижнем течении, в степной зоне.

Так, в 2000 г. археологом Е.А. Смагуловым был обнаружен *могильник Шербай*. Находится он в 5 км к югу от г. Туркестана, на остатках дюны. Она имеет овальные в плане очертания размеры 400×800 м.

Характер и структура почвы, слагающей дюну, обусловили плохую сохранность остатков элементов конструкции погребальных сооружений. Древнейшие погребальные сооружения, выполненные 3,5 тыс. лет назад, в песке, по-видимому, еще не утратившей подвижность дюны, не сохранили надмогильных погребальных конструкций и внешне никак не выражены. Денудационные процессы в ряде случаев обнажили погребения, остатки которых залежали на глубине 15-40 см от уровня современной дневной поверхности. Самые глубокие исследованные погребения достигают глубины 75-80 см. Даже в последних случаях части подземных конструкций погребальных сооружений уверенно фиксировались только по уровням полов могильных ям, на которых располагались предметы погребального сопровождающего инвентаря. Проведенные стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что конструкция сооружений представляла собой углубленную с уровня древней дневной поверхности площадку прямоугольной (5x6 м) и округлой (д. 5 м) в плане форм. Зафиксированная глубина площадей достигает и 20 см. В центре площадки располагалась неглубокая (20-25 см) могильная яма подпрямоугольной в плане формы с размерами 170-220x120-150 см, длинной стороной, ориентированной, как правило, по линии ЮЗ — СВ. Могильная яма должна была иметь какое-то перекрытие, которое из-за отсутствия остатков каменных плит, вероятно, было деревянным. Само сооружение, по всей видимости, перекрывалось курганной насыпью. У юго-западной стенки ямы располагались от 1 до 5 керамических лепных сосудов. У противоположной стенки кучкой укладывались кремнированные мелкие кости человека. В ряде случаев таких кучек оказалось две, что, по-видимому, свидетельствует о парных погребениях. В ряде случаев кости отсутствовали. Кремация во всех случаях проводилась на стороне вне могильной ямы, поскольку золы и углей среди костей обнаружено не было. В одном случае зафиксированы остатки труположения. Погребенный располагался в скорченной позе, на левом боку, головой на запад. Почти все исследованные погребения ограблены в древности. В единственном неограбленном погребении найдены 2 керамических сосуда и 13 металлических предметов: бронзовые браслеты и серебряные (с инкрустацией железом) серьги с раструбом, нагрудные нашивные бляхи и большое количество пастовых бус.

Доминируют горшкообразные формы сосудов на узком слегка вогнутом, дисковидном поддоне с широкими округлыми плечиками, широкой, слегка расширяющейся наружу горловиной и утонченным краем. Стенки сосудов тонкие, изящные; тесто хорошей отмучки с примесью толченых раковин, шамота или дресвы; обжиг неровный напольный. Большинство сосудов богато орнаментированы мелким гребенчатым штампом. Орнамент покрывает преимущественно верхнюю часть стенок. Орнаменты композиции составлены из ритмично повторяющихся заштрихованных треугольников, меандров, свастик и треугольных насечек.

Формы и орнаментация керамических сосудов некрополя Шербай находят ближайšie аналоги среди материалов могильника Таутары, наборы бронзовых украшений — среди памятников эпохи бронзы Центральной Азии, имевших распространение от Юго-Восточного Урала, Юго-Западной Сибири и Восточного Туркестана вплоть до Северного Афганистана. Полученные материалы характерны для скотоводческих племен федоровской культуры андроновской культурно-исторической общности. Датируется могильник периодом XVI—XIV вв. до н. э.

Северный Тагискен — памятник эпохи поздней бронзы. Его изучала М.А.Сетина. Наиболее ранние среди сооружений периода

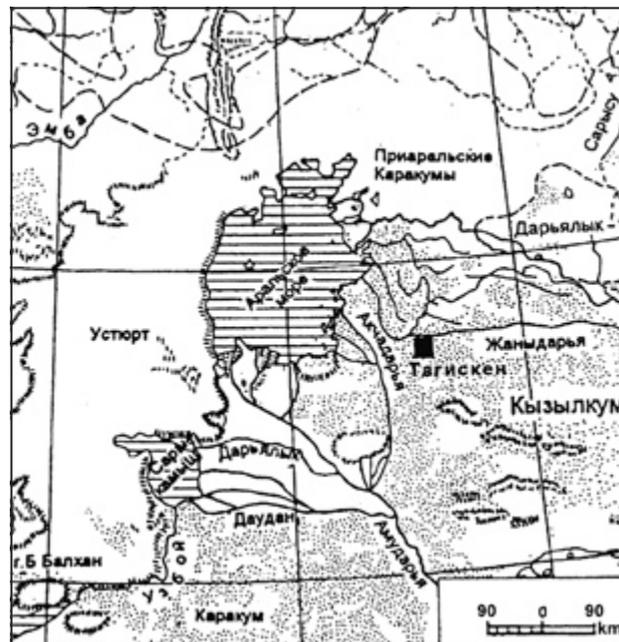

Рис. 3.14. Карта Приаралья (по Б.И. Вайнберг, 1997г.). Пунктиром показаны границы пустынь и полупустынь

поздней бронзы Северного Тагискена — мавзолеи 4, 5а и 7, построенные из прямоугольного (54×28×10–12,48×32×10–11 см) сырцового кирпича. Основной планировки был круг диаметром 14 м), вписанный в квадрат внешней стены размерами 17,5×18 м. По кольцу, на расстоянии 1,6 м от внешней стены, располагались восемь или 12 прямоугольных кирпичных колонн, максимально сохранившаяся высота которых приближалась к 2 м (мавзолее 5а). Далее к центру, на расстоянии 1,3 м от этого кольца, располагались четыре или восемь таких же колонн, образывавших в плане прямоугольник. По одной такой колонне имелось в каждом из четырех углов внешней стены сооружения (мавзолеи 4 и 5а). Колонны первого, большого, кольца были соединены между собой тонкой кирпичной стенкой (мавзолее 5а) или двумя плетеными стенками.

В мавзолее 5а с внутренней стороны к кирпичной стенке пристроены глинобитные «скамейки», заполнявшие пространство между колоннами, причем кирпичная стенка выполняла функцию спинки. Колонны второго ряда, ограничивавшие площадь камеры, в мавзолее 5а между собой никак не соединялись. Таким образом, системой колонн погребальное сооружение делилось на два коридора — внешний и внутренний и расположенную в центре прямоугольную камеру. Последняя в мавзолее 4 и 5а не углублена, а лишь ограничена колоннами; в мавзолее 7 она углублена на 0,2–0,3 м, и стенки

ее обложены горизонтально лежавшими деревянными плахами. Вход в мавзолеях был в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было невозможно (мавзолеи 5а, 7), так как он был перегороден двумя стенками, между которыми и находился проход. Все мавзолеи были сооружены на материковой поверхности плато. В полу по кругу, вдоль колонн, с их внешней и внутренней сторон, равно как и вдоль внутренней стороны внешней стены мавзолеев, отмечены столбовые ямки. Обилие дерева в мавзолеех способствовало осуществлению зафиксированного ритуала — трупосожжения, который предполагал не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В камере и внутреннем коридоре размещался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые, золотые и каменные украшения.

Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим частей туш животных. Ямы с костями животных, среди которых представлен крупный (преобладает) и мелкий (в частности, козы) рогатый скот, встречались внутри погребальных сооружений и рядом с ними.

Коридоры и камеры мавзолеев были открыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндроконические сооружения из сырцового кирпича и дерева.

Рис. 3.15. Тагискен. Общий вид мавзолеев. Реконструкция М.П. Грязнова

С помощью кирпичных колонн в углах наружной стены квадратное в плане сооружение выше переходило в круглый барабан. Этот прием, видимо, предшествовал появлению тропов. Таким образом, внешняя, квадратная в плане стена, являлась конструкцией, несущей перекрытие.

Вокруг каждого из мавзолеев группировались более скромные по масштабам погребения, которые пристраивались к основному с северной и южной сторон, образуя с ним единый комплекс.

Более поздние, пристроенные места для погребений представляют собой прямоугольные ограды или круглые в плане сооружения, сложенные из сырцового кирпича. Стены оград толщиной до 1 м поставлены на древней дневной поверхности, причем могильная яма углублена в материк на 0,6-0,8 м, а ее стенки, как правило, идут заподлицо с кирпичными. Площадь оград колеблется от 30 до 50 кв. м. Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 5б, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение с набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булавка). К западу от камеры находилось помещение, в котором вокруг очага стояло 34 сосуда различных форм и размеров. Это погребальное сооружение, как, впрочем, и все погребения Северного

Тагискена, было разграблено еще в древности.

Наиболее поздним среди крупных мавзолеев Северного Тагискена является мавзолей 6. Это было круглое в плане (диаметр около 25 м) погребальное сооружение, которое состояло из цилиндрического центрального массива (диаметр около 15 м), сложенного из сырцового кирпича (50-60×25-30×10 см), и вписанной в него квадратной погребальной камеры. Массив был охвачен кольцом внешней стены, между ними располагался коридор шириной 2,05 м. С востока внешняя и внутренняя стены прорезаны проходом примерно метровой ширины. Могильная камера (7,8×6,9 м) ориентирована сторонами по сторонам света и углублена на 1,3 м ниже уровня древней дневной поверхности, выше которой шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. До возведения кладки были вырыты две ямы в земляной части западной стены. Одна из них идет не менее чем на 2 м под стену и содержит множество костей, а возможно, и скелеты коров. Это «жертва закладки». Стены погребальной камеры были обложены толстым слоем камыша и веток — скорее всего это была какая-то плетенка, удерживавшаяся жердями и столбами. У подножия стен на многих участках обнаружены обуглившиеся горизонтальные слепы, очевидно, скреплявшие эту конструкцию понизу. Не исключено, что конструкция служила основным топливом при сожжении умершего в погребальной камере. Именно у стен, а не на

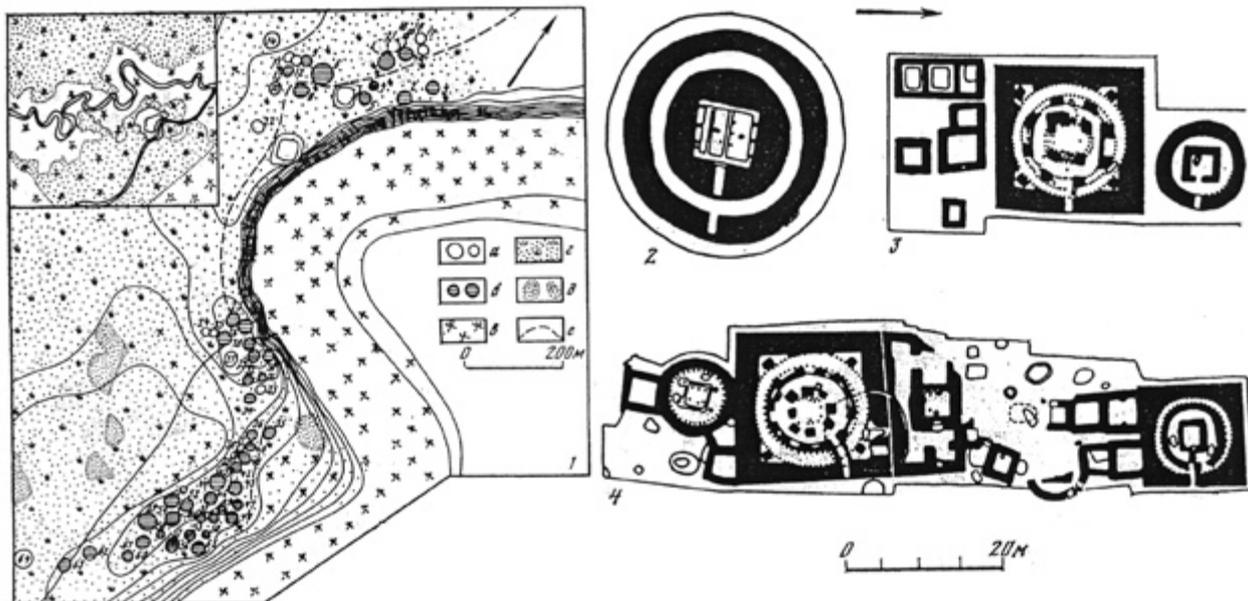

Рис. 3.16. Тагискен. План-схема местности (1) и схемы мавзолеев (2-4) (по М.А. Иттиной)

полу, где углистый слой, как правило, тонок, следы пожара особенно значительны. Пол камеры — выровненное материковое дно ее котлована — был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой были положены циновки. По оси север-юг, примерно 2 м от северной и южной стен, в полу камеры вскрыты две круглые ямы. По-видимому, в эти ямы были врыты столбы, поддерживавшие плоское перекрытие погребального помещения. Поскольку следы столбовых ям вдоль стен не обнаружены, надо полагать, что концы опиравшихся на столбы стропил и поперечных балок заделывались в гнезда, оставленные в кирпичной кладке.

Вход в камеру находился в восточной стене. Пол древнего проема был наклонным, без ступеней. Стены прохода, покрытые обмазкой, сильно обожжены. Это свидетельствует о том, что в момент пожара внутренняя дверь заложена не была. Пол пандуса обмазан глиной, при входе в камеру хорошо заметен обуглившийся брус деревянного порога. Судить с уверенностью о характере перекрытия дверных проемов трудно, следы свода, несмотря на значительную высоту стен, не сохранились. Заметно некоторое сужение проема вверху за счет нависания кирпичей. Возможно, таким образом образовался ложный свод.

В погребальной камере, как и в остальных мавзолеях, совершалось трупосожжение. Погребальный инвентарь обнаружен в основном

в камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из таких групп были сосуды определенного назначения. Кроме того, здесь найдены обломки бронзовых серповидного ножа и иглы, бронзовая лунница с отверстиями на концах, поделки из золота. Большой интерес представляет находка более 100 бронзовых гвоздей с уплощенными концами, которыми, очевидно, прикреплялись к стенам камеры ковры или кошмы.

Мавзолей 6 — погребение знатного лица. Об этом прежде всего говорит необыкновенно богатая коллекция посуды (более 60 сосудов), часть которой сделана на гончарном круге. О том же свидетельствуют и находки обломков золотых вещей. Возможно, здесь была похоронена знатная женщина, возможно жрица.

Хотя все мавзолеи Северного Тагискена относятся к одной культуре, среди них можно выделить более ранние — 4, 5а и 7, имеющие квадратную внешнюю стену и более поздние — 4а, 5в, 6, 15, имеющие круглую внешнюю стену. К категории поздних относятся и пристроенные к мавзолеям оградки из кирпича того же цвета.

Погребальный инвентарь обнаружен во внутренних коридорах и камерах. В пристроенных оградах находки встречались по всей площади погребальных ям. Несмотря на то, что мавзолеи и оградки были разграблены еще в древности, коллекции находок весьма представительны: найдено около 200 целых сосудов

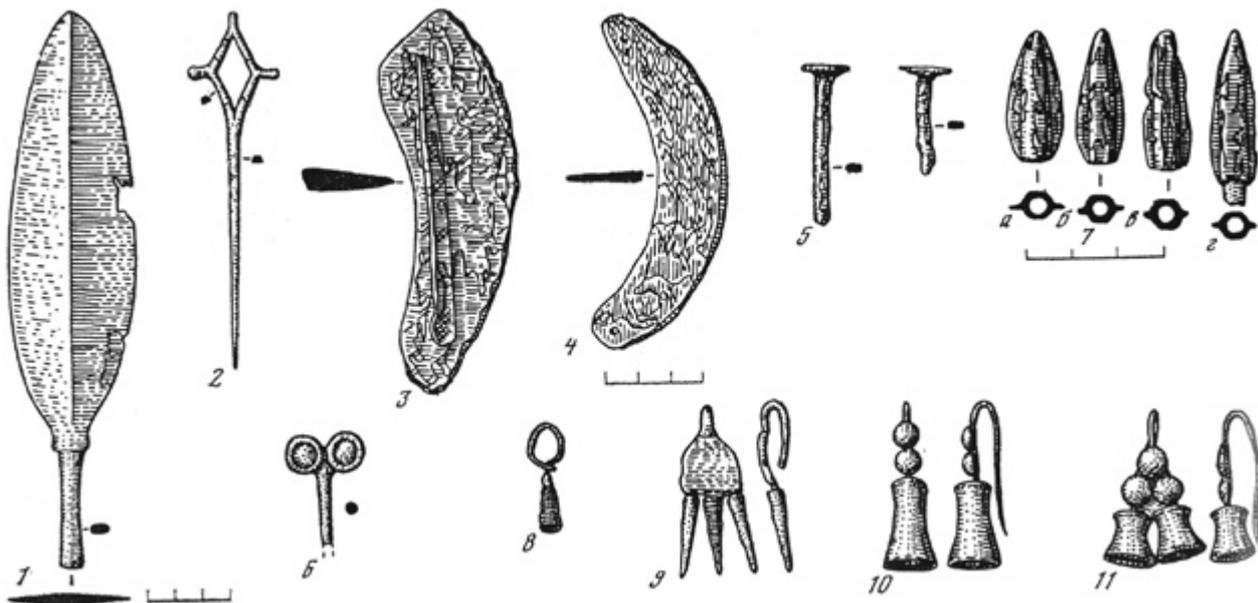

Рис. 3.17. Северный Тагискен. Изделия из бронзы (по М.А. Итшиной)

самых различных типов. В мавзолеях 6 и 7 сосуды располагались группами в зависимости от их назначения, причем в мавзолее 7 они концентрировались в коридоре, у внешних углов камеры, в мавзолее 7 — в ее внутренних углах. Так, в северо-восточном углу камеры мавзолея 6 стояло 12 мелких и средних сосудов, при этом на 11 горшков и мисок здесь приходится лишь один кувшин. В юго-восточном углу камеры стояли наиболее крупные сосуды: хума, хумча, крупный кувшин без ручек и несколько горшочков. Три кувшина найдены в северо-западном углу камеры. В погребениях мавзолея 5б, в помещении к западу от камеры, вокруг очага стояло 34 сосуда — горшки, миски, а среди них — один узкогорлый гончарный кувшин с раздутым туловом и горизонтальным рифлением при переходе от горла к тулову. Характерной особенностью тагискенского керамического комплекса является его многообразие. Наряду с лепными, в нем встречены круговые сосуды. В нем присутствует федоровский (андроновский) культурный компонент, по-видимому, местный, который лежит, очевидно, в основе культуры, представленной в Северном Тагискене. Свидетельство тому — керамика в виде открытых горшков или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным, реже гребенчатым штампованным орнаментом, спускающимся на тулово в виде фестонов. Отдельный орнаментальный пояс идет чаще всего по горлу сосуда. Основные орнаменталь-

ные мотивы: равнобедренные заштрихованные треугольники, ромбы, меандр, незамкнутые треугольники. Нередко орнамент заполнен белой пастой. Эта посуда может быть отнесена к периоду поздней бронзы, к X—VIII вв. до н. э.

Во всех комплексах, в том числе и в комплексах из пристроек, особенно из погребения мавзолея 5б, обнаружена серолощенная, реже чернолощенная или коричневатолощенная посуда в виде открытых горшков или мисок с плоским, иногда уплощенным дном, нередко с рельефным пояском при переходе от горла к плечикам, без орнамента. Посуда этого типа широко распространена в амирабадских (VIII в. до н. э.) комплексах Хорезма.

Обращает на себя внимание одна группа сосудов. Это небольшие горшки с коротким прямым или слегка изогнутым горлом, сильно раздутым, часто сферическим туловом, небольшим плоским, иногда уплощенным, редко округлым дном. Поверхность имеет светло-коричневый, коричневый или черный цвет, великолепно залощена и покрыта орнаментом, или сплошь заполняющим тулово сосуда, или нанесенным в виде фестонов, причем горло остается неорнаментированным. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения (различные штампы) чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнены белой пастой. К этой же группе сосудов следует отнести лощеные горшочки, украшенные полусферическими на-

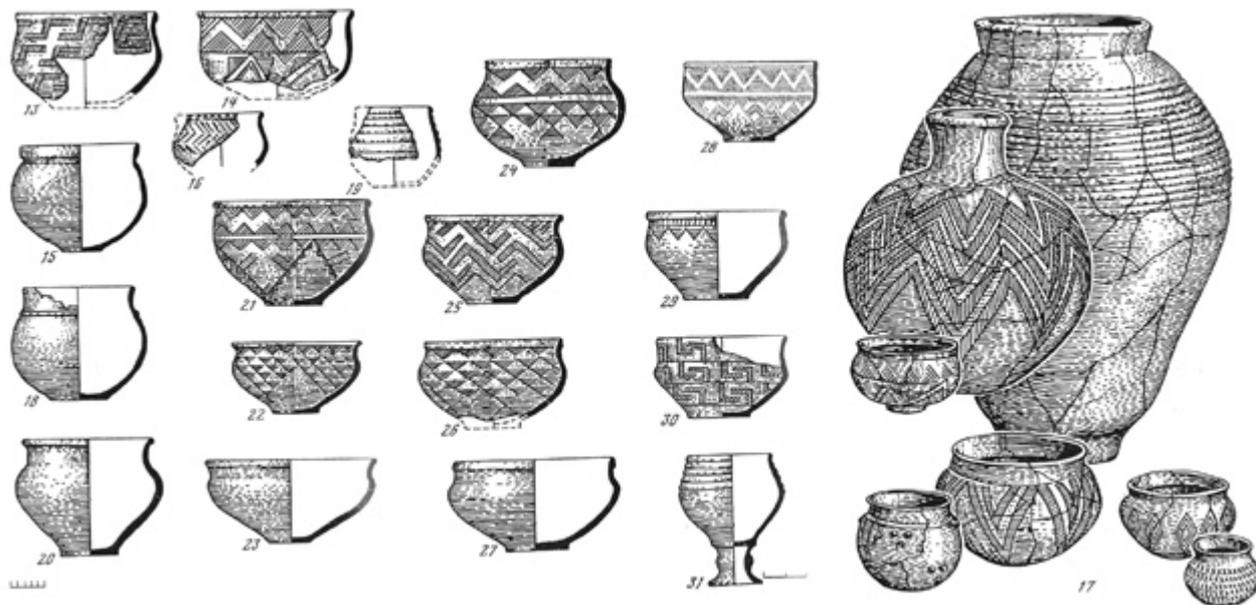

Рис. 3.18. Северный Тагискен. Керамика (по М.А. Итиной)

лепами, сгруппированными по три. Эта керамика находит себе прямые аналогии в дандыбай-бегазинских комплексах Центрального Казахстана. В дандыбай-бегазинских памятниках, как и в Северном Тагискене, керамика этого типа встречается вместе с федоровской (андроновской). По-видимому, она демонстрирует примесь восточного, карасукского, компонента, который здесь гораздо более ощутим, чем в материалах Северного Тагискена.

Выделяются также короткогорлые серолощенные сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном. Они покрыты сплошь или только в средней части горизонтальным рифлением. Более грубые и, может быть, еще лепные в мавзолее 7, эти сосуды в мавзолее 6 приобретают совершенную форму и сделаны бесспорно уже на круге.

Еще одну группу сосудов из памятников Северного Тагискена составляют гончарные узкогорлые лощеные кувшины без ручек, с очень сильно раздутым туловом, украшенные или горизонтальным рифлением, или пышным геометрическим орнаментом с заполнением белой пастой.

В мавзолее 6 обнаружено два хума, характерных для земледельческих культур.

Большой интерес представляют бронзовые наконечники стрел — листовидные со скрытой втулкой и узким пером. Наконечники этого типа известны в низовьях Амударьи на памятниках Северного, Восточного и Центрального Казахстана и датируются IX—VIII вв. до н. э.

Бронзовый листовидный кинжал, широко известный в литературе как кинжал «киммерийского типа», датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Среди найденных в мавзолеях Тагискена украшений обращают на себя внимание серьги в виде золотого щитка с крючком, к которому прикреплены три конуса, посаженных на деревянную основу. Средний конус золотой, с нарезкой, крайние, видимо, серебряные, сохранились плохо.

Обнаружены массивные золотые серьги в виде одного или двух колокольчиков, висящих на крючке, украшенном снаружи двумя или тремя полусферическими бляшками.

К числу украшений Северного Тагискена следует отнести и две булавки — серебряную и бронзовую. Навершие первой сделано в виде двух колечек, в которые вставлены золотые полусферические бляшки. Форма его подражает, видимо, биспиральным головкам булавок, известных в эпоху бронзы в Передней Азии и

Индии. Навершие второй булавки имеет форму ромба с «отростками» по углам. Они характерны для более южных, по сравнению с Приаральем, областей. В то же время прием украшения металлических предметов полусферическими бляшками имел восточное происхождение.

В одном комплексе с серебряной булавкой и серьгой с колокольчиками найдены золотые и сердоликовые бусы (последние, несомненно, привозные с юга).

Все найденные в погребениях Северного Тагискена вещи позволяют отнести этот памятник к периоду поздней бронзы и датировать X—VIII вв. до н. э. Обращает на себя внимание традиция андроновской культурной общности. Это выражается в наличии погребений в оградах (здесь практиковалось трупосожжение), ориентировке покойников головой на запад. Андроновское происхождение конусовидных серег бесспорно, но еще более ярко демонстрирует андроновские, а точнее — федоровские, черты керамика, что проявляется в ее формах, характере и мотивах орнаментации.

Исследования на протоках Сырдарьинской дельты обнаружили немногочисленные стоянки периода развитой бронзы, но все они, особенно в южной части, на протоках Инкардарьи, относятся к андроновской культуре (единицы — к алакульской, большинство — к федоровской). Все это заставляет думать, что федоровский культурный компонент в материалах Северного Тагискена был местным.

Вторым по значимости был амирабадский компонент, который четко проявляется в керамике. Его происхождение объясняется контактами с населением периода поздней бронзы низовий Амударьи.

Нельзя не отметить и черты сходства между архитектурой и культурой мавзолеев Северного Тагискена и дандыбай-бегазинскими памятниками Центрального Казахстана. Они проявляются и в деталях планировки, и в сходстве отдельных форм керамики. Значительное место в культуре Северного Тагискена занимает южный компонент. Это выражается в сложной архитектуре мавзолеев, выстроенных из сырцового кирпича.

Мавзолеи Северного Тагискена демонстрируют сложные социальные и этнокультурные процессы, происходившие среди населения Казахстана и Средней Азии. Они связаны с развитием скотоводческого хозяйства, ростом избыточного продукта, увеличением роли обмена, что в свою очередь приводит к появлению имущественного и социального неравенства.

Памятники Западного Казахстана

Во II в. до н. э. территорию Западного Казахстана населяли андроновские (алакульские) племена.

Здесь открыты многочисленные поселения бронзового века и могильники. В исследовании памятников принимали участие И.В. Синицын, М.П. Грязнов, В.С. Сорокин, Г.А. Кушаев.

Памятников же раннебронзового века в регионе обнаружено сравнительно немного.

Сосуды этого периода плоскодонные, баночной формы. Композиционное построение рисунков и соотношение типов орнаментов на сосудах неодинаковы. Самыми распространенными элементами его являются ямочные вдавления различных форм — треугольные, подквадратные, овальные. Узором покрыты стенки и днища сосудов.

На сосудах второй группы преобладают рисунки, выполненные гребенчатым штампом и палочкой. Узоры состоят из сочетаний вертикальных, горизонтальных и волнистых линий, вертикального зигзага и полей заштрихованных треугольников.

Ко второй четверти II тыс. до н. э. окончательно утверждается хозяйство производящего типа, а металлургия бронзового века достигает своего расцвета. В культуре средней бронзы просматриваются три последовательных этапа.

Один из них, ранний, относится к истории ее формирования, когда в среду местного населения ранней бронзы активно проникают элементы южных культур, связанных через Приаралье с древнейшими центрами земледелия.

Последний этап характеризуется активным взаимодействием культур андроновско-срубной общности. На культуру Западного Казахстана усиленное влияние оказывает срубная культура Поволжья.

Жилища этого времени, как правило, невелики, полы углублены в грунт только на 15–20 см, так что их с полным основанием можно назвать сооружениями наземного типа. Форма жилищ прямоугольная, хорошо сохранились ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Стены сооружали из бревен. Полы обмазывали глиной, перемешанной с крупным речным песком. Для приготовления пищи и отопления жилища служили очаги — обычно небольшие овальные углубления, обложенные камнем.

Отсутствие леса в степях Западного Казахстана определило особенности жилищ поселения *Тасты-Бутак*. Столбовые конструкции использовались очень ограниченно, зато широко применялся камень. Из него сооружались внутренние перегородки, им ограждали очаги, делали выкладки для различных хозяйственных нужд.

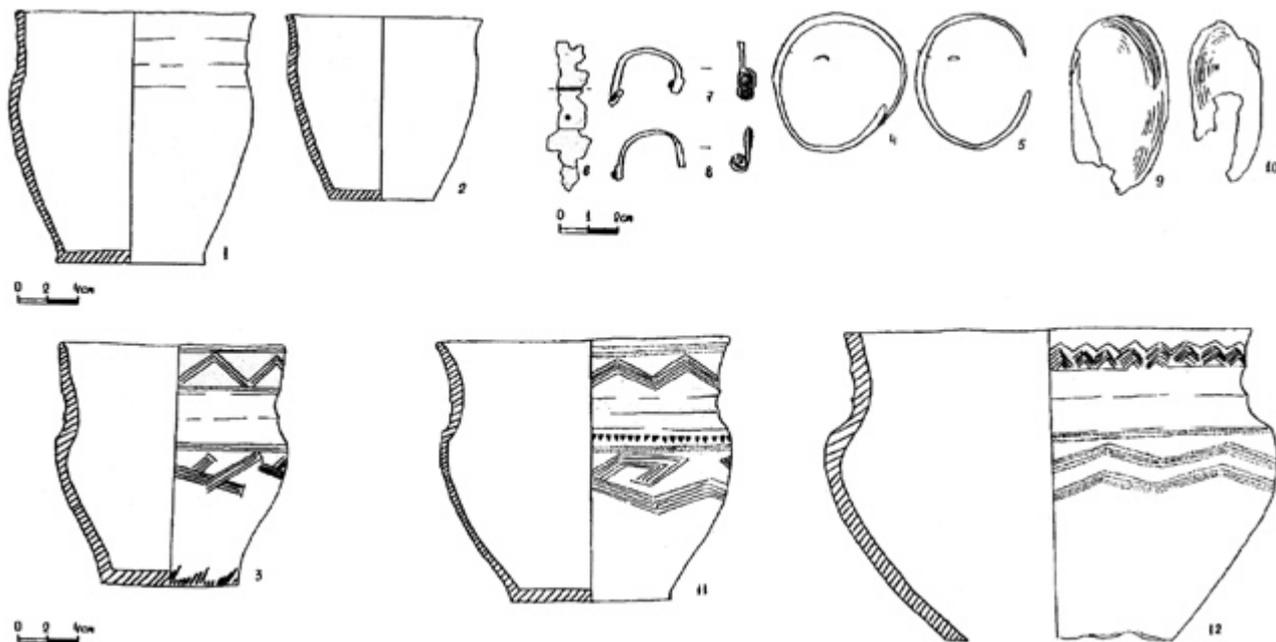

Рис. 3.19. Илекский могильник. 1–10 — инвентарь из погребения I: 1–3 — глина; 4–8 — бронза; 9–10 — раковина; 11–12 — глиняные сосуды из сборов подъемного материала (по В.В. Родионову, В.В. Ткачеву)

Надмогильные конструкции могильника Тасты-Бутак I представляют собой каменные оградки круглой, овальной и неправильной форм. Оградки образованы как вертикально врытыми камнями, так и простой кладкой из плитняка без каких-либо связывающих материалов. Могилы имеют различное устройство — это или неглубокие грунтовые ямы, или каменные ящики. В могильнике выявлены одиночные и парные захоронения. Среди определенных парных захоронений преобладают разнополюе и погребения детей, встречаются погребения женщины с ребенком. Захоронения совершались, в основном, по обряду труположения, были и трупосожжения. Покойников клали в могилу на левый или правый бок в скорченном положении и кистями рук перед лицом. Число сосудов в могилах колеблется от одного до пяти, но чаще всего их два. Традиционное положение сосуда — у головы погребенного. Найдены также бронзовые браслеты, пастовые бусы, украшения из раковин.

В культуре племен эпохи поздней бронзы Западного Казахстана существовали два этапа. На первом этапе, в начале I тыс. до н. э., западные племена подвергались влиянию позднесрубной культуры Поволжья.

Второй этап в развитии племен поздней бронзы связан с резкой сменой культур. Всю территорию андроновско-срубной общности — огромные просторы Поволжья, Приуралья, Казахстана и южной полосы Западной Сибири — занимают племена культуры «валиковой» керамики. Они заселяют традиционные для эпохи бронзы места на первых надпойменных речных террасах, и их селища функционируют вплоть до VIII—VII вв. до н. э. Овальные полуземлянки и полуземлянки выявлены на поселениях этого времени. Большая подвижность племен в связи с переходом к полукочевому скотоводству вызвала появление легких овальных жилищ наземного типа.

Племена завершающего этапа бронзы Западного Казахстана участвуют в сложении сако-сарматских культур раннего железного века.

ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА УСТЮРТА

В последние годы на плато Устюрт под руководством З.Самашева и А.С. Ермолаевой были исследованы памятники бронзового века: поселения Токсанбай, Айтман, Манайсор I, II, III. Они существовали долго, о чем свидетельствуют культурные слои, мощность которых достигает иногда трех метров. Самые ранние поселения возникли почти четыре тысячи лет тому назад.

Большинство поселений Устюрта расположены на мысах обрывов (чинков), часть которых в последствии отделилась от края плато, в результате тектонических процессов, и превратилась в своеобразные останцы.

Анализ ландшафтных условий показывает, что при выборе места для поселения людьми учитывалось несколько факторов, главными из которых были удобное стратегическое положение, с точки зрения обороны, наличие пресноводных источников, близость охотничьих угодий и троп к водою промысловых животных.

Котлованы жилищ имели округлую форму и вырубались в слое материковой глины. Некоторые постройки Токсанбая, располагавшиеся ближе к краям, видимо, представляли собой двухуровневое сооружение, где крыша нижнего помещения была для верхнего помом. Строительным материалом были плиты ракушечника

и известняка. В основание стен помещались массивные блоки, поверх которых горизонтально укладывали плиты меньших размеров.

Помещения обогревались очагами, устроенными в полу.

Огромное количество остеологического материала, отложившегося в многометровых культурных слоях поселения, свидетельствует о том, что пастушеское скотоводство и охота, связанная с сезонной миграцией промысловых животных, составляли основу хозяйственной деятельности населения Устюрта в эту эпоху.

Металлургия и горное дело также становятся частью жизнедеятельности населения, о чем свидетельствуют многочисленные ножи из меди, шилья, браслет, скобы, слитки меди, шлаки, обломки тиглей, песты для дробления руды. Выделяется участок территории поселения, где находился металлургический центр и откуда происходит основная масса находок. Производство базировалось на руде, предположительно, местного происхождения.

Несмотря на развитие металлургического производства, в хозяйстве широко применялись кремневые орудия труда и оружие — наконечники стрел, дротиков. Из камня также изготавливали сверла, тесла, скребки, песты, терочки.

Интересна каменная терка, одна из торцовых граней которой оформлена в виде головы барана. Подобные предметы со скульптурным изображением головы барана известны на территории Евразии.

Костяные изделия Токсанбая представлены долотами, проколками, шильями, лощилами, штампами, а также заготовками орудий. Лощила использовались в керамическом и кожевенном производстве. Для заглаживания поверхности сосуда и нанесения орнаментального украшения использовались штампы и шпатели. Шилья, проколки, трепала, долота использовались в обработке кожи и дерева.

Наиболее массовый материал — керамика. Форма, моделировка венчиков, орнаментальный декор керамической посуды характеризуются чрезвычайным разнообразием и своеобразием.

Для орнаментации керамики использованы приемы прочерчивания, наколы, гребенчатый штамп. Орнаментальная система керамики поселений Устьюрта характеризуется большим разнообразием элементов, мотивов и композиций.

Основными наиболее распространенными сюжетами орнамента являются различные сочетания прямых горизонтальных линий, рядов наклонных отрезков, зигзага, елочки, ромбов.

К менее распространенным сюжетам относятся: заштрихованные треугольники, заштрихованные ромбы, меандр.

Население Устьюрта и сопредельных с ним территорий было вовлечено в этнокультурный процесс, происходивший в рассматриваемое историческое время на Урале, в Сибири, в степных просторах Казахстана, Среднеазиатского Междуречья и Иранского нагорья.

В свете последних открытий на Устьюрте становится возможным культурно-хронологическая атрибуция материалов ряда памятников Волго-Уральского региона, имеющих в своем наборе материалы, близкие к токсанбайским.

Значение устьюртского очага культур эпохи бронзы в воссоздании картины исторического прошлого, в определении направлений древних миграционных процессов трудно переоценить.

Удаленность Устьюрта от центров культуры эпохи бронзы предопределила своеобразие токсанбайского культурного феномена. Выявление механизмов адаптации древних популяций к природно-климатическим особенностям Устьюрта, их уровня хозяйственно-культурного развития, определение степени контактов с этнокультурными массивами Евразии, а также разработка вопросов мировоззрения являются важной задачей казахстанской археологии.

ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Развитие скотоводства и земледелия.

Костный материал, собранный на поселениях раннего этапа эпохи бронзы, позволяет говорить, что важным занятием человека на территории Казахстана в это время было придомное пастушеское скотоводство. В стаде преобладал крупный рогатый скот.

Придомное пастушеское скотоводство постепенно перерастало в яйлажное. При яйлажном скотоводстве пастухи со скотом делали небольшие перекочевки с одного пастбища на другое. В составе стада увеличивалась доля мелкого рогатого скота (овцы, козы) и лошадей.

В период развитой бронзы коня использовали в качестве тягловой силы и для верховой езды. Использование коня как средства передвижения увеличило возможности освоения степных и высокогорных пастбищ.

Древнее скотоводство было экстенсивным. Освоение и расширение площади пастбищ, выведение и выращивание таких видов животных, как лошадь, овца, выносливых и способных к

тебенежке (добыванию зимой корма из-под снега и переходам на большие расстояния), привели к увеличению стада. На позднем этапе эпохи бронзы в степных районах Казахстана скотоводство становится основной отраслью хозяйства и принимает формы, близкие к кочевому скотоводству.

Одновременно со скотоводством, начиная с эпохи неолита, на территории Казахстана стало развиваться земледелие. В хозяйстве племен эпохи бронзы скотоводство и земледелие дополняли друг друга и были взаимосвязаны.

На поселениях ранней бронзы найдены мотыги из камня и рога оленя. Из камня же делались и орудия для растирания зерна — зернотерки, терки, песты, ступы. На уборке урожая первоначально, видимо, использовались бронзовые ножи, а в эпоху поздней бронзы — бронзовые и медные серпы разных типов. Бронзовая коса найдена на поселении Чаглинка.

С появлением более совершенных орудий был связан и рост посевных площадей. Культивировались, в основном, пшеница, рожь и просо.

Горное дело, металлургия. Наряду со скотоводством и земледелием, важнейшую роль играли добыча различных руд, обработка камня и кости. На территории Казахстана с давних времен были известны богатые месторождения меди, олова и золота. Многочисленные древние разработки меди (Жезказган, Зыряновск, Карчига, Джалтыр, Ашилы, Кушикбай), олова (горы Атасу, Калбинский и Нарымский хребты) и золота (Степняк, Казанчункур, Баладжал, Акджал, Дайбай, Майкопчегай, Акабек) свидетельствуют о том, что эта территория являлась одним из центров древней металлургии. Добыча и плавка медных окисленных руд в древности достигли больших объемов.

Разрабатывали только окисленную руду (малахит, азурит, касситерит) с богатым содержанием меди и олова. Форма и метод обработки зависели от условий залегания рудного тела. Выработки направлялись только по рудоносным жилам, оставляя нетронутой пустую породу. В плотных рудах, не поддающихся кайлованию, использовался способ огневой проходки.

На поверхности земли, в стороне от места выработки, обычно руду дробили каменными молотками, затем промывали. Вода была необходима для «мокрого» обогащения — первичного отделения руды от породы. Мелкодробленную руду сгребали деревянными лопатами или лопаткой крупного животного и в кожаных мешках уносили на поселение, на место плавки. Для плавки устраивались плавильные печи типа горна, следы которых найдены в Милыкудуке, Атасу.

Медную и оловянную руду плавили отдельно, а позднее, уже при отливке того или иного предмета, добавляли необходимое количество олова в медь.

Масштабы рудных разработок в эпоху бронзы на территории Казахстана позволяли не только удовлетворять собственные потребности в сырье, но и использовать часть металла в виде заготовок и изделий для обмена.

Казахстанская горно-металлургическая область (ГМО) была выделена археологом Е.Н. Черных в системе древних горно-металлургических областей — Евразии. Она занимает весь Центральный и часть Северного Казахстана и расположена в пределах Казахского мелкосопочника, или Сары-Арки, области, лежащей между южной окраиной Западно-Сибирской равнины на севере и оз. Балхаш на юге, Тургайской ложбиной на западе и отрогами Алтая и Тарбагатая на востоке.

На этой обширной площади встречаются десятки месторождений меди и полиметаллов. Почти все они, за редким исключением, разрабатывались с глубокой древности.

С 1946 г. под руководством А.Х. Маргулана начинается планомерное изучение археологических памятников Центрального и Северного Казахстана, в том числе памятников древнего горного дела и металлургии. Оно связано с именами Н.В. Валукинского, С.С. Черникова, М.К. Кадырбаева, Ж. Курманкулова, Э.Ф. Кузнецовой, С.У. Жауымбаева, С.А. Берденова. За более чем 50 лет работы было найдено и обследовано большое количество древних рудников, раскопано около двух десятков поселений металлургов эпохи бронзы с оригинальными по конструкции медеплавильными агрегатами.

Получена картина древнего, горнодобывающего производства на территории Центрального и Северного Казахстана. Собраны данные о рудной базе Казахстанской ГМО, установлено время разработки месторождений и приблизительный объем добытой на них руды, а также определено место Казахстанской ГМО в системе горно-металлургического производства эпохи бронзы.

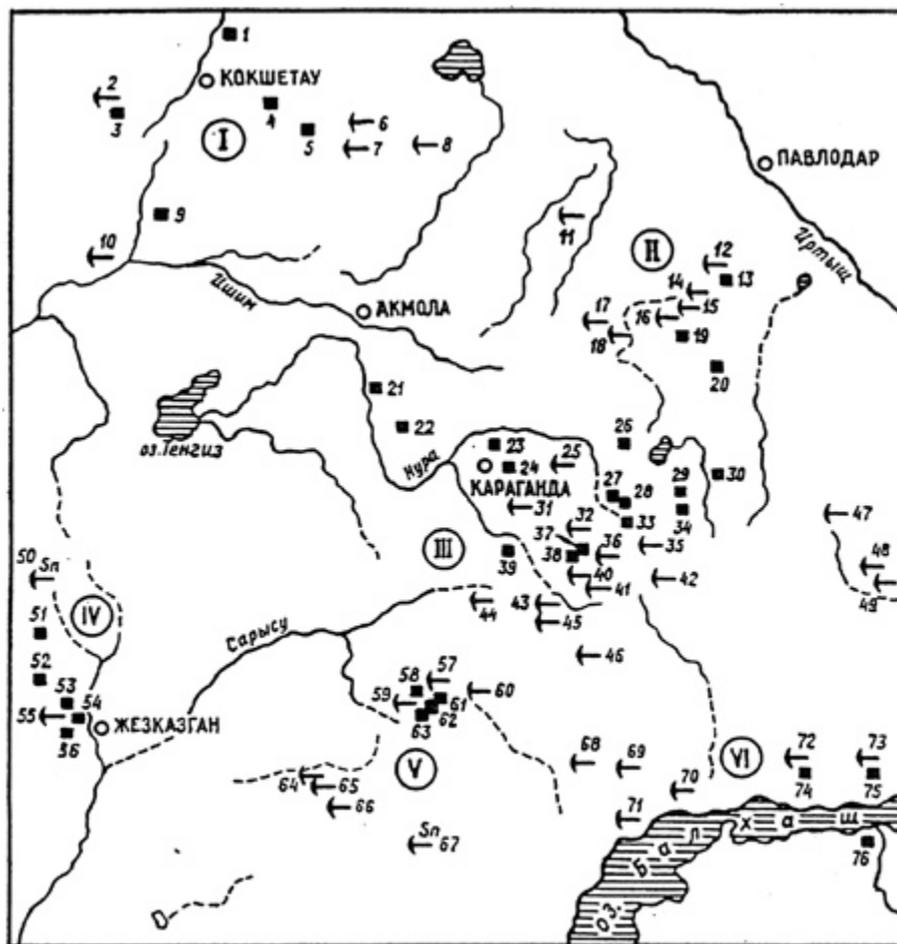
В рамках Казахстанской ГМО выделены отдельные горно-металлургические центры (ГМЦ). Таких центров насчитывается шесть: Кокшетауский, Баянаульский, Успенско-Каркаралинский, Жезказган-Улытауский и Балхашский (С.А. Берденов).

Кокшетауский центр занимает северо-западную оконечность Казахстанского мелкосопочника — Кокшетаускую возвышенность. Недр здешних мест содержат немало полезных ископаемых, в том числе меди и олова, хотя крупных месторождений здесь нет.

Исследователи выявили, что только в отвалах карьеров Имантау содержалось 48 тыс. тонн, а Алтынказгана — 12-15 тыс. тонн медной руды.

В пределах территории следы медеплавильного производства зафиксированы на поселениях Боровое, Челкар, Чаглинка, Саргары, а также у озера Имантау (близ Имантауского месторождения). Материал перечисленных поселений относится к заключительному периоду позднего бронзового века.

Однако руда с кокшетауских месторождений поступала не только в перечисленные пункты, но, по всей видимости, распространялась и дальше — на поселения Петропавловского Приишимья. Во всяком случае месторождение Имантау служило наиболее вероятным рудным

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ← — Древние выработки на медь
- ← Sn — Древние выработки на олово
- — Места плавки медной руды

Рис. 3.20. Казахская ГМО (по С.А. Бердену):

I — Кокшетауский ГМЦ; II — Байанаулский ГМЦ; III — Успенско-Каркаралинский ГМЦ; IV — Жезказган-Улытауский ГМЦ; V — Северо-Бетпакадалинский ГМЦ; VI — Балхашский ГМЦ

Древние рудники: 2 — Имантау; 6 — Уратобе; 7 — Ащилы; 8 — Монгол; 10 — Алтынказган; 11 — Бозшаколь; 12 — Эскиюрт; 14 — Тезекбайсор; 15 — Анненское; 16 — Александровское; 17 — Сарыадыр; 18 — Казанауз; 25 — Алтынтобе; 31 — Спасское (Акбюрат); 32 — Тасиоқы; 35 — Самомбет; 36 — Узунжал; 40 — Каржал; 41 — Алабуга; 42 — Беркара; 43 — Алмалы; 44 — Успенское; 45 — Бесиоқы; 46 — Кузюадыр; 47 — Калмактас; 48 — Акбастау; 49 — Космурун; 50 — Улытауские рос. (Sn); 55 — Жезказган; 57 — Сарыбулак; 59 — Огызтау; 60 — Босага; 64 — Кенказган; 65 — Евфимовское; 66 — Мийкайнар; 67 — Южный Булаттау (Sn); 68 — Акчагыл; 69 — Кызылэспе; 70 — Коунрад; 71 — Гульшад; 72 — Тесиктас; 73 — Саяк

Места плавки руды: 1 — Чаглинка; 3 — Имантау; 4 — Боровое; Челкар; 9 — Саргары; 13 — Ески-Журт; 19 — Байанаул; 20 — Тагибай-Булак; 21 — Энтузиаст; 22 — Усть-Кенетай; 23 — Соранг; 24 — Зеленая Балка; 26 — Жосалы; 27 — Жамантас; 28 — Комуттын-Карашоқысы; 29 — Каркаралы 1,2; 30 — Унаис; 33 — Мырзашоқы; 34 — Суук-Булак; 37 — Аккезен; 38 — Шортанды-Булак; 39 — Бугулы 1; 51 — Улытау; 52 — Талдысай; 53 — Соркудук; 54 — Айнаколь; 56 — Милькудук; 58 — Акмая; 61 — Атасу; 62 — Ак-Мустафа; 63 — Мыржик; 74 — Тесиктас; 75 — Саяк; 76 — Каратал

источником для расположенных в 120-130 км к северу поселений Петровка II и Новоникольское I. Начало функционирования Кокшетауского ГМЦ следует отнести к XVII—XV вв. до н. э.

Здесь имеется такой ряд оловоносных россыпей (Орлиногорская, Чебанайская и др.), отличающихся содержанием олова.

Баянаульский центр расположен в окрестностях Баянаульских гор.

Наиболее крупным объектом описываемого района является медно-порфировое месторождение Бозшаколь. По своим запасам оно считается третьим вслед за Жезказганом и Коунрадом месторождением меди в Казахстане. Геологи отмечают на Бозшаколе многочисленные следы древних работ. К числу прочих месторождений, служивших, по всей видимости, объектами древнего промысла, следует отнести Эскиюрт (Спасское), Тезекбайсор, Анненское, Александровское, Сарыадыр, Казанауз. На каждом из них сохранились следы бывших разработок, хотя точно определить их время пока невозможно.

Единственным исследованным памятником эпохи бронзы, позволяющим косвенно засви-

детельствовать время начала разработки месторождений Баянаульского ГМЦ, является поселение древних металлургов Тагибай-Булак. Поселение датируется эпохой поздней бронзы.

Успенско-Каркаралинский центр находится в самом центре Сары-Арки, занимая наиболее возвышенную часть мелкосопочника от р. Сарысу на западе до крайних отрогов Чингизских гор на востоке. Самым крупным из древних рудников Успенско-Каркаралинского ГМЦ является Успенский рудник. К.И. Сатпаевым подсчитано, что в древности на нем было добыто около 200 000 тонн руды. В рудах окисленной зоны Успенского месторождения содержание меди доходит до 16%.

На Алмалинском рудном поле, включающем в себя два месторождения — Ольгинское-Алмалы и Алмалы-Акбийик, было отмечено соответственно 18 и 17 древних выработок глубиной до 8-10 м.

На полиметаллическом месторождении Бешока (Царице-Мариинский рудник) впервые были обнаружены древние выработки с кусками серебряной, медной и свинцовой руды.

К числу наиболее значительных месторождений Успенско-Каркаралинского ГМЦ

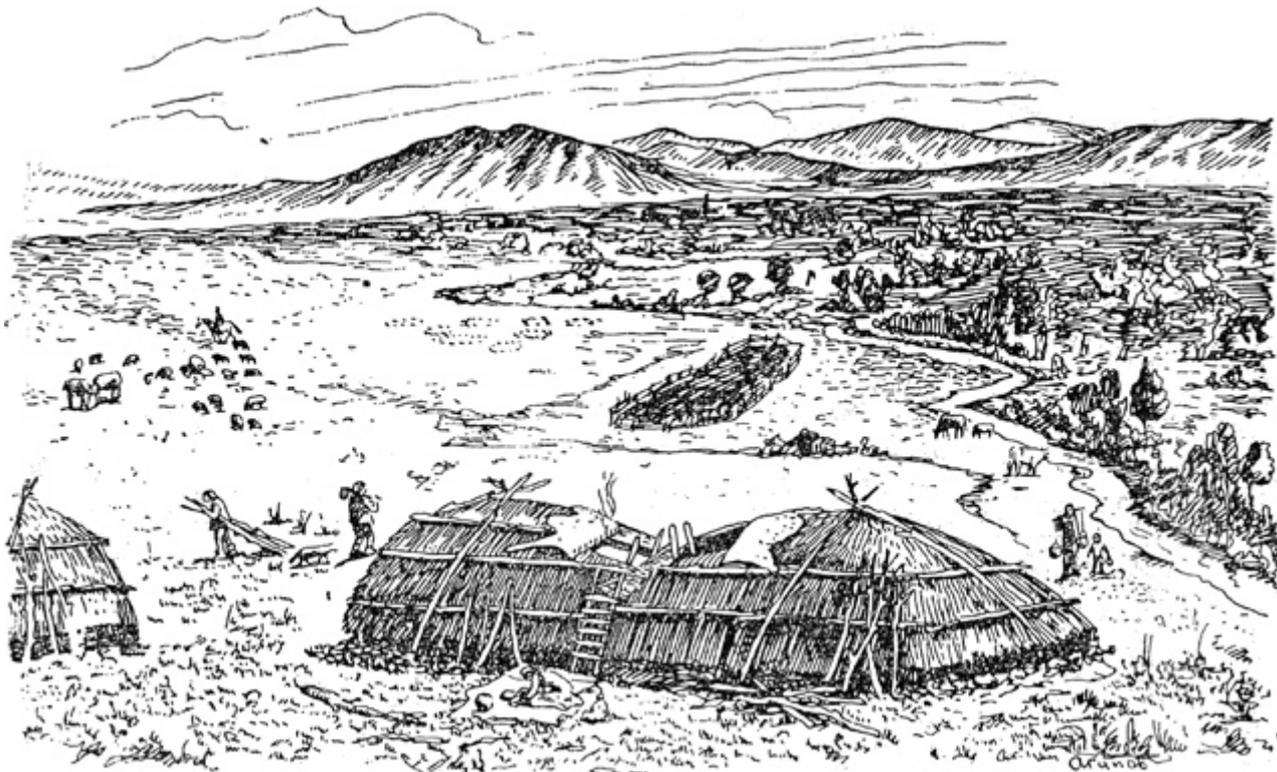

Рис. 3.21. Поселение Бугулы II. Вид жилищ № 1 и 2. Реконструкция (по А.Х. Маргулану)

следует также отнести открытые по древним выработкам в середине прошлого века полиметаллические месторождения Самомбет и Беркара в горах Кызылтас. Они расположены ближе других к каркаралинским поселениям и поселению Кент, выделяющемуся среди казахстанских памятников эпохи бронзы наиболее представительной серией изделий из металла.

В 70 км к востоку от Караганды находится древний рудник Алтын-тобе. В районе рудника обнаружены захоронения эпохи бронзы с богатым набором металлического инвентаря. Химический состав обнаруженных изделий по набору элементов-примесей оказался схож с составом руд месторождения. Причем состав тех и других оказался настолько оригинален, что это побудило исследователей выделить их в отдельную химическую группу меди. Для нее характерны высокое содержание свинца и висмута, обедненность мышьяком и сурьмой, низкое содержание никеля и отсутствие золота.

На территории Успенско-Каркаралинского ГМЦ найдено и исследовано большое количество производственных центров по выплавке меди и бронзы. Следы металлургического производства зафиксированы на поселениях Энтузиаст, Усть-Кенетай, Соранг, Зеленая Балка, Жосалы, Комуттын-Карашоқысы, Каракаралы I и II, Упаис, Мырзашоқы, Суук-Булак, Ак-Кезен, Шортанды-Булак, Бугулы I и др. Характерно, что большинство из них датируются заключительным периодом поздней бронзы.

Жезказган-Улутауский центр расположен в системе Казахстанской ГМО, он занимает крайнее западное положение. Его территория вклю-

чает в себя горы Улытау, Арганаты и прилегающие к ним с востока массивы мелкосопочника. Именно там, а точнее в 60-70 км к юго-востоку от гор Улытау, находится одно из крупнейших в мире месторождений меди — Жезказган. Площадь его рудного поля составляет около 100 км². Установлено, что добыча руды на Жезказганском месторождении велась начиная с эпохи бронзы вплоть до позднего средневековья. За это время из недр Жезказгана было добыто свыше миллиона тонн руды, содержащей не менее 10 тыс. тонн меди.

Сохранилось достаточно данных как о характере древних работ, так и о времени эксплуатации месторождения. Рудокопы эпохи бронзы вели разработку открытым способом, и только в более позднее время началась подземная добыча с проходкой штолен и шахт.

Наиболее ранними оказались выработки на возвышенности Петро.

Плавка руды, добытой из недр Жезказгана, производилась здесь же. Прямо на участке месторождения имеются многочисленные поселения эпохи бронзы, наиболее крупные из них Кресто-Воздвиженское (Кресто), Милькудук, Айнаколь, Соркудук, Златоуст. В окрестностях Жезказгана места добычи и обработки руды прослежены в урочищах Тас-Кудук, Акчий, Кулман. Материалы поселений (керамика, каменные орудия труда и пр.) сходны с материалами, обнаруженными на древних выработках, и связь между ними не вызывает никаких сомнений.

Остатки металлургического производства зафиксированы также на поселении Улытау, расположенном у подножия одноименного

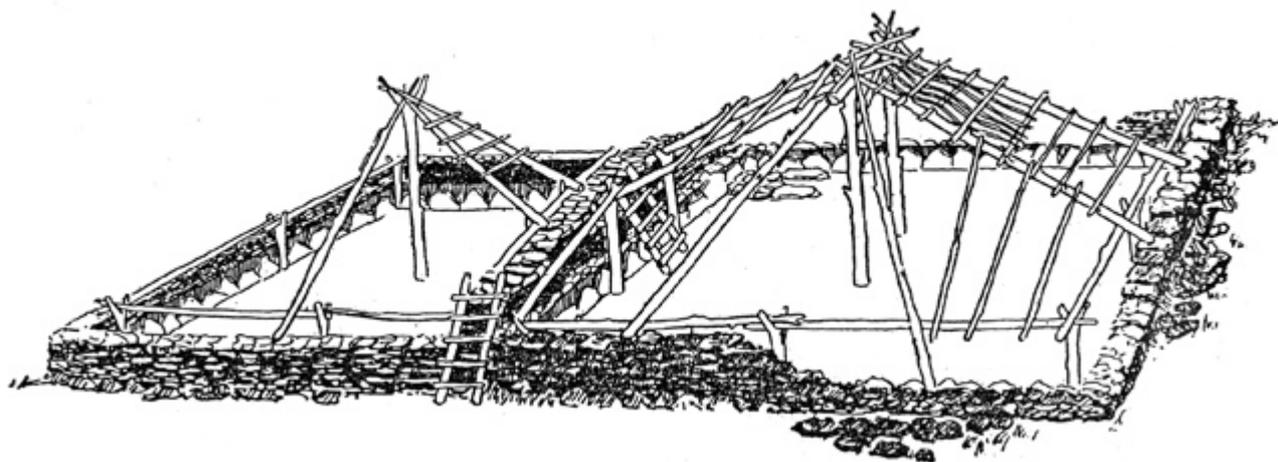

Рис. 3.22. Поселение Бугулы II. Общий вид жилищ. Реконструкция (по А.Х. Маргулану)

горного массива. Помимо руды и шлака, здесь были во множестве обнаружены орудия труда древних металлургов, изготовленные из мелко- и крупнозернистого песчаника: молотки, песты, терочки.

В 5-10 км от поселения Улытау имеется группа оловоносных россыпей. В эту группу входят россыпи Нагурбекдара, Кзылтасдара и Айбасдара. Содержание касситерита в них довольно высокое — до 1000-1200 г/м³.

Здесь исследуются поселения эпохи бронзы Талдысай. Первые же результаты работ выявили наличие на поселении следов металлургического производства.

Северо-Бетпақдалинский центр охватывает северную часть пустыни Бетпақдала и крайнюю юго-западную оконечность Казахского мелкосопочника.

Основу рудной базы Северо-Бетпақдалинского ГМЦ составляют три месторождения: Кенказган, Ефимовское и Мийкайнар. Кенказганский карьер является, пожалуй, крупнейшим из уцелевших на сегодняшний день в Казахстане древних рудников. Его размеры можно сопоставить с современными промышленными разработками: длина карьера достигает 500 м, ширина 80-100 м, глубина от уровня современной поверхности до оплывшего дна 5-10 м. Подсчитано, что объем древних горных работ на месторождении составил 570000 м³. В общей сложности добыто 300000 м³ руды, что приблизительно равно 80000 тонн меди.

Руды описанных месторождений чрезвычайно богаты. Это позволяло древним рудокопам выбрасывать в общем-то хорошую руду с содержанием меди до 1,8-3,0 %, а иногда и до 5,0 % в отвал. В переработку же шла руда с содержанием меди до 21,5 %.

По всей видимости, разработка всех трех месторождений относится к эпохе поздней бронзы.

Считается, что руда, добытая на трех описанных выше месторождениях, отправлялась на переплавку на расположенные в 100 км к северо-востоку поселения так называемого Атасуского микрорайона. В их число входят поселения Атасу I, Мыржик, Атасу II (Ак-Мустафа) и Акмая, разместившиеся в среднем течении пересыхающей р. Атасу. Они отличаются от других памятников медеплавильного производства того времени уникальными по конструкции и значительными по общему объему выплавляемой руды металлургическими комплексами.

Интересно расположенное в 120 км к югу от Атасуских поселений и в 100 км к юго-востоку от Кенказгана месторождение Южное Болаттау. О раннем времени добычи руды на Южном Болаттау говорит большое число каменных орудий труда горного дела, в большом количестве разбросанных по бортам и на дне карьеров. Это в основном различной величины молоты, кайла, рудодробилки.

Балхашский центр занимает Северное Прибалхашье. Здесь выделяются своими размерами такие месторождения, как Коунрад и Саяк. По своим запасам они являются одними из крупнейших меднорудных месторождений Казахстана. Месторождение Коунрад находится в 17 км к северу от г. Балхаш. Под названием Медная гора — Конырат оно было известно местному населению с древних времен. Только в отвалах содержится 225 тыс. тонн окисленных медных руд.

Примерно в 200 км к востоку от Коунрада расположена Саякская группа месторождений (месторождения Саяк I—V, Тастау, Молдыбай, Беркара Жильная, Центральный Жамбас).

Число древних выработок на месторождениях Саякской группы достигало нескольких сотен. Выработки представляют собой оплывшие ямы — или узкие щелевидные карьеры, вытянутые вдоль простирания рудных тел иногда до 90-100 м. Добытая руда плавилась здесь же на месте. Всюду на гребнях окрестных сопок в большом количестве встречаются металлургические шлаки. Хорошо известно, что пустынные земли Северного Прибалхашья почти начисто лишены растительности, которую можно было бы использовать для плавки руды. Хотя не исключено, что в древности природа этих мест была совсем иной, а ее опустынивание явилось результатом деятельности металлургов.

В связи с вопросом о топливе вызывает интерес находка, сделанная геологами в 100 км к югу от Саяка на противоположной от него стороне оз. Балхаш. Там, в низовьях р. Каратал, поросших густыми тугайными зарослями, были обнаружены металлургические шлаки и кусочки окисленной медной руды. По составу они оказались сходными с саякской рудой. Возможно, руды Саяка, как, впрочем, и руды других крупных месторождений, расположенных в пустынной зоне, транспортировались и на более далекие расстояния. Причиной, толкавшей древних металлургов на такие действия, был поиск необходимого количества воды и топлива для плавки. Кстати, каратальская древесина могла служить источником топлива для

древних металлургов, плавивших руду прямо на Саяке. Во всяком случае, более близкого источника не отмечается.

Итак, начало эксплуатации месторождений Казахской ГМО, по всей видимости, относится к XVII—XV вв. до н. э.

Возникает вопрос: откуда последовал исходный импульс для зарождения казахстанской металлургии. Если видеть ее истоки в поселениях Петропавловского Прииртышья, то объяснение найти довольно просто. Всем известна тесная связь петровских памятников Северного Казахстана с абашевскими памятниками Урало-Поволжья. К тому же, ареал распространения собственно петровских памятников доходит до Южного Зауралья. Уральская ГМО снабжала металлом всю Восточную Европу уже в среднем и даже раннем бронзовом веке. Возможно, в какой-то момент ее ресурсы стали истощаться. Это могло послужить поводом к поискам новых источников сырья в неизведанных землях на востоке. Не исключено также, что целью продвижения древних металлургов на восток были оловорудные месторождения Калбы и Нарыма.

Не менее важным представляется вопрос об общем объеме добытого в древности металла. Определение такого объема для той или иной ГМО позволяет оценить ее удельный вес в системе производства древней металлургии. Современные геологи скрупулезно ведут подсчеты запасов руд, в том числе уже отработанных. Один из крупных специалистов по металлогении Казахстана академик Г.Н. Щерба суммировал эти данные и высчитал, что до начала промышленной разработки в сер. XIX в. на месторождениях Казахстана было добыто не менее 450 тыс. т. меди. Если предположить, что в плавку шла руда со средним содержанием меди примерно 5 %, то общий объем добытой руды (с учетом потерь при плавке) составит около 10 млн. т. Отдавая должное полиметаллическим месторождениям Рудного Алтая, медноколчеданным месторождениям Мугоджар и довольно крупным месторождениям Семиречья, надо признать, что на долю месторождений Центрального и Северного Казахстана приходится не менее 80 % от общего объема добытой руды, то есть более 8 млн. т. Эта цифра в целом согласуется с приведенными выше данными по отдельным рудникам Казахской ГМО.

Такой большой объем металла намного превышал потребность в нем местного населения. Горно-металлургическое производство древних племен Центрального и Северного Казах-

стана явно было ориентировано и на экспорт. В качестве возможных направлений экспорта казахстанского металла можно рассматривать, как это предлагает Е.Е. Кузьмина, Западную Сибирь, Среднюю Азию, Восточную Европу и территорию современного Синцзянь-Уйгурского Автономного района Китая. Эти регионы либо были лишены собственных запасов сырья, либо имели его в недостаточном количестве.

Домашние промыслы. Скотоводство давало не только продукты питания, но и сырье для изготовления одежды и обуви.

О существовании ткачества в эпоху бронзы свидетельствуют находки грузиков от примитивного ткацкого станка, костяных, каменных и глиняных пряслиц от веретена. Шерстяные изделия изготавливали из шерсти тонкорунной овцы или козьего пуха при помощи тканья, вязания и плетения.

Племена эпохи бронзы употребляли также растительные нитки из дикой конопли, дикого льна и крапивы. Из них плели веревки для хозяйственных нужд, сети для рыбной ловли.

Судя по обнаруженным в погребениях остаткам обуви, она была кожаной, без каблуков, шилась сухожильными нитками и стягивалась шнурочками около щиколоток.

Мужчины и женщины носили шерстяные и кожаные шапочки с наушниками. Верхнюю одежду также изготавливали из шерстяных тканей. По всей вероятности, она была двубортная или имела разрез в верхней части и застегивалась на одну пуговицу с левой стороны.

Одежда женщин состояла из платья, шапочки и кожаной обуви. Платье, обычно из шерстяной ткани, спускалось несколько ниже колен. Рукава были длинными. Их обшивали рядами бронзовых бусинок. Юбка от пояса спереди также была украшена рядами белых пастовых бусинок. Ткани окрашивали в разные оттенки красного цвета: ярко-красный, фиолетово-красный.

По множеству предметов украшения, найденных в погребениях, можно утверждать, что женщины носили в ушах серьги и кольца, обложенные листовым золотом, на шею — гривну или низку из бронзовых бус и пронизок, на руках браслеты и перстни. Разрез одежды вокруг шеи обшивали стеклянным бисером, на грудь нашивали круглые бляхи. Широко были распространены лапчатые, круглые и ромбические привески, иногда орнаментированные, и поясные обоймочки. В качестве украшений и

оберегов мужчины и женщины носили раковины, клыки хищных и домашних животных.

Значительное место у обитателей поселений занимало изготовление керамической посуды. Вся она предназначалась для использования в хозяйстве и быту. Гончарами эпохи бронзы были преимущественно женщины.

Сосуды изготавливались ручной лепкой. Большинство сосудов (баночные с вертикальными или слегка выпуклыми стенками) сделано ленточной техникой. Существовал способ формовки горшков на болванке, роль таких болванок выполнял мешок из шерстяной ткани, в который насыпали мокрый песок. После лощения сосуд приобретал ровную, плотную поверхность, а после обжига — свойство хорошо хранить жидкость. Сосуды, как правило, орнаментированы. Узор наносился до обжига по сырой или чуть подсохшей глине, на глаз, без предварительной разметки. Обжиг производили, по всей вероятности, на открытом костре. Чтобы во время сушки обжига сосуды не трескались, глину обезжировали, добавляя примеси толченого кварца, ракушки, песка, а иногда шамота.

О художественном вкусе и культуре древних племен эпохи бронзы можно судить по украшениям и предметам искусства. Встречаются, хотя и очень редко, вещи, выполненные в «зверином» стиле. Среди них костяные изображения головок животных.

Большой интерес представляет каменный пест, найденный на берегу р. Нуры, со скульптурным изображением мужской головы.

Племена эпохи бронзы умели изготавливать боевое оружие, которое постоянно совершенствовалось. Оружие составляли стрелы с бронзовыми наконечниками в форме листа и втулкой для насаживания на древко. В бою на близкой дистанции применяли копья с бронзовыми наконечниками, булавы, вислобушные топоры. Некоторые воины имели бронзовые кинжалы с черешком для насаживания на костяную или деревянную рукоять. На позднем этапе бронзы появляются и цельнобронзовые кинжалы с навершием в виде грибовидной шляпки и перекрестием.

Общество. Семейная община являлась производственным коллективом, а при коллективном труде существовала общая собственность. Со временем, особенно в эпоху поздней бронзы, отдельные усилившиеся семейные общины все более и более стремились к обособлению, что привело к возникновению семейной собственности.

К раннему и среднему периоду эпохи бронзы, к периоду усиления межплеменных столкновений, относится появление оборонительных укреплений в виде валов и рва, окружавших поселения. О межплеменных столкновениях свидетельствуют также находки на поселениях и в могильниках бронзовых и костяных наконечников стрел.

На позднем этапе эпохи бронзы в результате разложения рода и выделения из него хозяйств отдельных семей изменяются жилища. Они разделяются глухими перегородками на секции, предназначенные для самостоятельных семей.

О возникновении имущественного неравенства говорят и материалы могильников. Повсеместно в могильниках эпохи бронзы Казахстана, наряду с бедными захоронениями рядовых членов общины, встречаются богатые захоронения.

Поселение Кент, мавзолей бегазы-дандыбаевской культуры, появление привозных изделий свидетельствуют о выделении элиты, которая начинает процесс политизации общества, выразившейся в формировании протогосударственных объединений.

Религия, культы и искусство. Жизнь и благосостояние племен эпохи бронзы зависели от природы, и человек обожествлял ее. И прежде всего, солнце, огонь, животный и растительный мир. Символы солнечного божества можно видеть на украшениях — бляшках-нашивках с орнаментом в виде лучей, отходящих от центра во все стороны, в меандрах на глиняных сосудах.

У племен эпохи бронзы существовал культ огня, о чем говорит широко распространенный в эту эпоху обряд трупосожжения. Остатки сожженных костей встречены в захоронениях разных этапов эпохи бронзы. Огонь, по представлениям древних людей, очищал тело от скверны и охранял умершего от злых духов. У племен эпохи бронзы широко были распространены культ предков и вера в загробную жизнь.

В эпоху бронзы возникает ритуал жертвоприношения. Специальные жертвенные места располагались около поселений.

Жертвоприношения в эпоху бронзы приносились солнцу, огню, луне, звездам, а также духам-хранителям.

Развитие человеческого мышления привело к усложнению его представлений о себе и природе, к возникновению религиозного мировоззрения.

Особенно важную информацию о религиозных представлениях и культах племен эпохи

бронзы, а также и об искусстве древних дают наскальные рисунки — петроглифы. Установлено, что скопления их представляют собой святилища разных уровней — от родовых до племенных.

В петроглифах наиболее ярко отражены представления человека о мироустройстве. Многие сюжеты связаны с мифами, поэтому современному человеку понять их трудно. Встречены многочисленные изображения людей с подвешенными хвостами, ряженных в звериные шкуры, солнцеголовых божеств и различных диких животных. Часто на скалах встречаются сюжеты с парой мужчин с воздетыми вверх руками или стоящих в позе противоборства. Наскальное искусство андроновцев было связано с языческими представлениями древнего человека об устройстве Мира.

Мифологический характер таких изображений определяется, прежде всего, преувеличенными изображениями деталей. На рисунках показаны огромные палицы с каменными шарами на конце, хотя в реальных сражениях основным оружием уже стал бронзовый топор, копье и лук со стрелами, хорошо известные как по материалам раскопок, так и по петроглифам. В мифологических же сюжетах всегда подчеркивается архаический или ирреальный характер вооружения главного героя. Обычно выделяется не только оружие, но и мужская сила персонажа. Герой часто показан с подвешен-

ным хвостом — признаком принадлежности к высшей социальной группе колесничих воинов, волосы на голове персонажей заплетены в косицы.

Достаточно распространенным является сюжет, изображающий двух героев, которые сражаются с силами зла, встав «спина к спине», или совместно нападают на какое-либо чудовище. Многие исследователи связывают такие сцены с распространенным в древности культом братьев-близнецов.

Другим, особо важным сюжетом эпохи бронзы является колесница. Их использовали не только герои, но, по представлениям древних людей, боги также передвигались на колесницах и прежде всего само Солнце. Иногда колесницы изображались достаточно упрощенно, но встречаются рисунки, на которых тщательно прорисованы все мельчайшие детали: дышло, колеса, оси, вожжи.

Значительный интерес представляют сцены, отображающие ритуальные действия и обряды: жертвоприношение, танцы, ритуальные поединки, ряженные в звериные шкуры. Такие сюжеты обычно располагаются в центральной части святилища, непосредственно перед ровными площадками, на которых, видимо, и совершались ритуальные действия.

В святилищах Центральной Азии встречаются изображения ритуальных поединков. В Жетысу поединки на топорах присутствуют

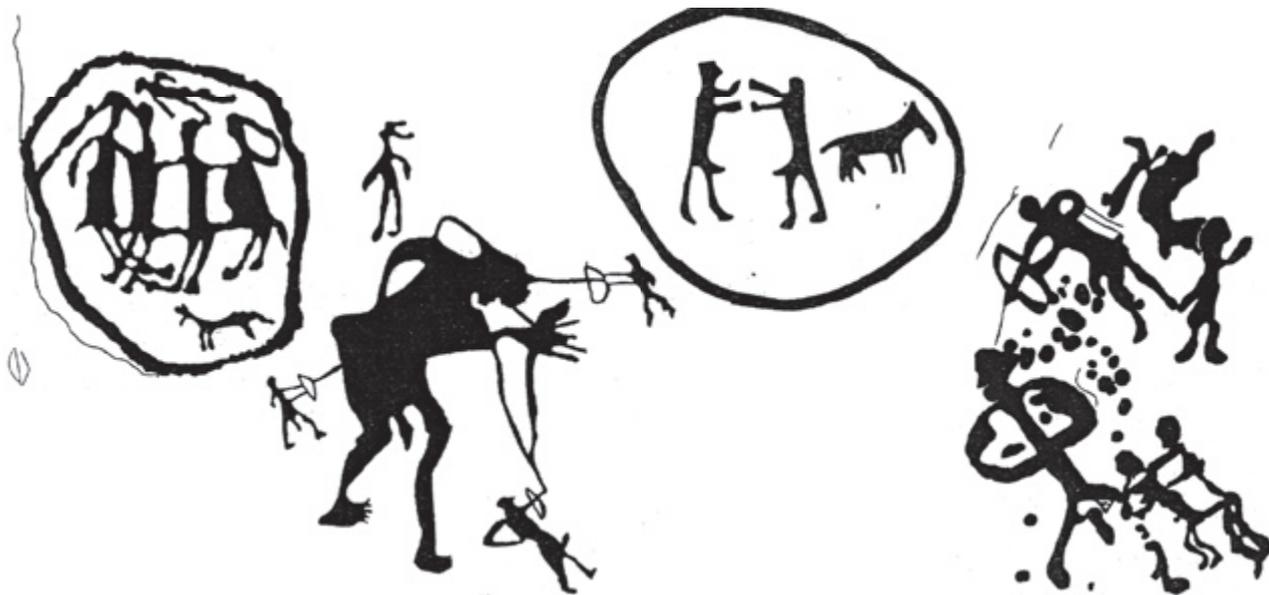

Рис. 3.23. Петроглифы эпохи бронзы (по А.А. Горячеву, А.Н. Марьяшеву, С.А. Потанову)

во всех крупных святилищах — в Тамгалы, в Кульджабасы, в Каракыре. В рисунках Каракыра показаны не только поединки, но и вполне вероятно, главный приз победителям. Так, рядом с дерущимися парами изображен человек, держащий поводья двух лошадей. Такое сочетание сюжетов встречается неоднократно. Вероятно, люди, прошедшие подобное испытание, зачислялись в привилегированную группу воинов-колесничих. Лошади, изображенные в сцене, в таком случае предназначались для боевой колесницы.

В наскальных изображениях часто встречаются и другие ритуальные действия с оружием. В Тамгалы и Кульджабасы известны изображения танцев с топорами. Во время подобных танцев совершались неожиданные выпады в сторону соседа, и если последний не успевал увернуться, то получал удар топором. Схожие обряды описывали древние авторы, но в более позднее время.

В Кульджабасы и других святилищах региона есть изображения и мирных танцев, людей без оружия, иногда ряженных. Такие танцы и обряды посвящались, прежде всего, культу плодородия. Люди, ряженные в звериные шкуры, маски и костюмы, в представлениях древних отождествлялись с подземными силами и духами. Танец ряженных изображал борьбу сил света с силами тьмы и зла — духами хищников, подземных сил.

Борьба сил гармонии и хаоса представлена в наскальных рисунках эпохи бронзы в виде борьбы человека и гиганта. Гигант, титан или демон — это всегда стихийная сила, которую герой должен либо победить, либо подчинить своей воле.

Многие сцены, отражающие наиболее важные события из мифологии или реальной истории, сопровождались многочисленными знаками. Наиболее часто встречается «очковидный» знак. Возможно, такие знаки происходят от упрощенного изображения повозки и колесницы. Смысл «очковидного» знака — это движение и перемещение в пространстве или времени между мирами живых людей, небесным миром богов и подземным миром духов.

В петроглифах множество знаков, пока непонятных исследователям — это всевозможные решетки, планы жилищ, зигзаги. Ясен смысл знака, изображающего колесо, оно традиционно символизирует Мир, Вселенную, ход времени.

Значительный пласт древнейших рисунков святилищ составляют изображения животных: быков, лошадей, козлов, хищников. Часто встречаются сцены охоты на травоядных животных.

Исследователями давно было отмечено, что сюжеты петроглифов не всегда напрямую связаны с хозяйственной деятельностью человека. Изображения домашних животных фактически не встречаются в наскальном искусстве Семи-

Рис. 3.24. Петроглифы эпохи бронзы (по А.А. Горячеву, А.Н. Марьяшеву, С.А. Потанову)

речья (кроме лошадей, запряженных в повозки или колесницы). Нет сюжетов, которые отображали бы занятия людей мотыжным земледелием или скотоводством. Фактически все изображаемые на скалах животные дикие. Отсутствие хозяйственных сцен в сюжетах петроглифов объясняется, прежде всего, сакральным характером самих святилищ. И в последующие эпохи в святилищах, так же как и в храмах, не изображались бытовые сюжеты. Святилище, храм под открытым небом, предназначался для священных обрядов, отправления религиозных культов, и все сюжеты поэтому отображают религиозно-мифологические представления.

В святилищах встречается большое количество изображений змей и козлов, которые являлись, прежде всего, символами плодородия. Но смысловое значение изображений этих животных значительно разнообразнее. Оно во многом определяется тем, в какой композиции и в каком качестве встречается. Змея являлась символом не только плодородия, но и мудрости, вечной жизни, хранения тайны и, наконец, смерти. Змея — одно из не многих существ, способных жить как в подземном мире духов и мертвых, так и на земле, в мире людей. Это способствовало тому, что в древности люди воспринимали змею, как силу, связывающую оба мира — земной и подземный, мир живых и мир мертвых. Способность змеи сменять кожу привела к возникновению мифов о вечной жизни

и мудрости змеи. Наконец, укус змеи приносил смерть, то есть переносил человека из мира земного в мир загробный, подземный. Своеобразным объединением образов козла и змеи являются изображения козла со змеевидными рогами. Подобные изображения наиболее распространены в святилищах Центральной Азии, таких, как Саймалы-Таш, но были обнаружены и в горах Кульджабасы и в Каракыре.

Наиболее редкими и особо значимыми являются изображения «солнцеголовых» божеств. Они встречаются только в наиболее крупных святилищах и обязательно в центральной части. Больше всего их встречено в Тамгалы, в горах Ешкиольмес, в горах Кульджабасы, в святилище Каракыр.

Изображения антропоморфных божеств свидетельствуют об изменениях в религиозных представлениях людей эпохи бронзы. Развитие хозяйства и собственности приводит к появлению социальных групп, к своеобразной иерархии, системы подчинения в человеческом обществе. Аналогичная иерархия неизбежно появляется и среди высших сил. К нижнему пласту высших сил следует отнести мифических героев, духов, гигантов, к среднему, вероятно, относятся священные животные, а к высшему — антропоморфные божества. Сцена, отображающая такие своеобразные «этажи» Мира в Тамгалы, расположена в центральной части над большим жертвенником.

Рис. 3.25. Петроглифы эпохи бронзы (по А.А. Горячеву, А.Н. Марьяшеву, С.А. Потанову)

Среди изображений священных животных, прежде всего, следует выделить быка. Сакрализация образа быка связана как с большим хозяйственным значением этого животного, так и в связи с сохранением тотемистических представлений, в которых бык выступал первопродком и покровителем рода.

Другим священным животным в эпоху бронзы был козел. Это животное являлось символом плодородия. Духи плодородия изображались в козлиных шкурах. В горах Кульжабасы обнаружены сцены, на которых показано, как человек в маске козла с рогами стреляет из лука в дикого козла. В Тамгалы известны изображения ряженных в козлиные шкуры. Широко распространены в святилищах Семиречья сцены охоты лучников на диких козлов.

Особое место в петроглифах Жетысу и Южного Казахстана занимает образ двугорбого верблюда. Это животное играло огромную роль в жизни степных племен, так как давало возможность перекочевывать на большие расстояния через степи и пустыни. В эпоху бронзы сложился культ верблюда. Наибольшее количество изображений верблюда в эпоху бронзы встречается в горах Каратау. В святилище Арпа-Узен высечены на скалах верблюды размерами более 1,5-2 м в окружении мелких изображений других животных.

Среди изображений эпохи бронзы встречаются сцены, которые вполне могли отображать реальные события: охоту, сражения между людьми, нападения хищников. Охота или война — это всегда проявление борьбы высших сил: хаоса и порядка, гармонии, добра и зла, света и тьмы.

В результате развития земледелия огромное значение приобретает культ Солнца. Не случайны в связи с этим изображения высших божеств в виде человекоподобных антропоморфных фигур, показанных с головой в форме солнечного диска с лучами.

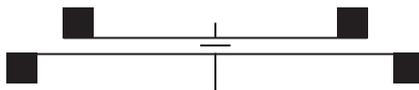
Многочисленные изображения воинов с оружием и колесничих свидетельствуют о начале формирования воинского культа. Воин, управ-

ляющий колесницей и ведущий бой в одиночку, должен был основную часть времени обучаться военному делу, поэтому колесничие частично или полностью освобождались от хозяйственной деятельности, становясь фактически профессиональными воинами. Вероятно, кроме освобождения их от хозяйственной деятельности колесничие получали и другие привилегии: часть военной добычи, участие в военных советах. Выделение колесничих способствует формированию культа борьбы, где воин-герой выступает в роли силы гармонии, света и добра, а враги — в образе сил хаоса, тьмы и зла.

Культ жертвоприношения, прежде всего быка, вероятно, был призван обеспечить плодородие и поддержание мирового порядка. Идея жертвоприношения быка наиболее наглядно показана в святилище Тамгалы. На одной сцене изображен человек, бьющий топором по голове неподвижно стоящего быка. За спиной человека показан солярный символ, что свидетельствует в пользу культового значения происходящего действия. Рядом, на соседней скале, выбита стельная корова с теленком внутри, а далее показано высшее божество плодородия, стоящее на быке. Ниже и дальше от описанных сцен выбито множество изображений животных. Таким образом, принесение быка в жертву должно было обеспечить хорошее воспроизводство как диких, так и домашних животных.

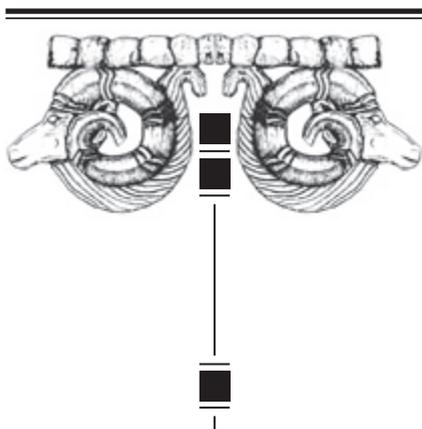
Следует отметить, что плодородие воспринималось в древние периоды широко — это и воспроизводство стада, и урожай, и рождение детей, главное, воспроизводство самого Мира — смена дня и ночи, времен года. Идея плодородия являлась основной связующей нитью всех элементов религиозно-мифологического мировоззрения людей той далекой эпохи.

Функционирование святилищ на протяжении тысячелетий объясняется именно тем, что основные культы, сформировавшиеся в эпоху бронзы, не утратили своего значения и в последующие эпохи вплоть до развитого средневековья.

глава IV

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: саков, усуней, кангюев, хунну, савроматов и сарматов

Скифо-САКСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рубеж II — I и начало I тысячелетия до н. э. на просторах евразийской аридной зоны ознаменовались важным событием — становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства и распространением металлургии железа.

Широкое распространение новых форм скотоводческого хозяйства произошло благодаря взаимодействию ряда факторов. Среди них исследователи называют изменения природно-климатических условий; совершенствование приемов ведения скотоводческого хозяйства; оформление видового состава стада, оптимально приспособленного к условиям аридной зоны. Это и новый уровень социальных отношений, связанный с возросшей имущественной и социальной дифференциацией, когда скот становится одной из форм накопления богатств, что создает стимул к увеличению стада, и расширение обмена. Произошло повсеместное распространение колесно-упряжного транспорта; дальнейшее развитие коневодства; появление «строгих» удил и использование лошади для верховой езды.

Период развития кочевых обществ с момента их становления и до раннего средневековья (до V в. н. э.) принято называть эпохой раннего железа, или эпохой ранних кочевников (в отличие от эпохи поздних кочевников, охватывающей время с V в. н. э. до наших дней), что выражает суть эпохальных процессов, происходивших на определенной территории, и характеризует продолжительный исторический период развития племенных и этнических образований с присущими им закономерностями. Исследователи кочевого скотоводства обращали внимание на сложность и неоднолинейность процесса генезиса и эволюции кочевничества.

Представляются интересными рассуждения крупного исследователя культуры саков С.И.Руденко, который ста-

вил под сомнение массовый и быстрый процесс перехода от оседлой жизни к кочевой населению Евразии.

Чистые кочевники, которые находились в постоянном движении, были редким исключением, тогда как подавляющая часть скотоводов в той или иной степени была связана с оседлостью и земледелием, что определялось, по его мнению, географическими факторами. Интересно его замечание, что кочевание было своего рода привилегией «богатых и очень богатых скотоводов, имеющих большие стада скота и, прежде всего, овец и лошадей».

Переход в первых веках I тысячелетия до н. э. части населения к кочевому скотоводству характеризовался формированием новых археологических культур. При всем своеобразии каждой из них все они образуют некое единство, которое обусловлено рядом обстоятельств.

Это сходная среда обитания и соответственно одинаковый жизненный уклад, мобильность, способствующая установлению культурных контактов с самыми отдаленными территориями, близкий уровень социально-экономического развития и, наконец, общая генетическая подоснова, восходящая к срубно-андроновскому пласту. Существующее между культурами сходство маркируется несколькими

неравнозначными терминами: «скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность» «скифский мир». Последний термин — «скифский мир» — наиболее нейтрален, а потому предпочтителен. В своих характерных чертах близость культур складывается в раннескифскую эпоху, но отдаленные истоки и корни этого явления можно видеть в культурных контактах и связях, которые существовали у древнейших скотоводов еще в бронзовом веке.

Именно в бронзовом веке в степях Евразии стал распространяться европеоидный антропологический тип населения, который господствует в культурах скифского времени. Наиболее ярко общность культур евразийских кочевников, расселившихся от Дуная до Монголии, проявилась в существовании у этих племен так называемой скифской триады, в состав которой входят близкие типы вооружения, конского снаряжения и своеобразное искусство скифо-сибирского звериного стиля. Однако общих черт в содержании кочевых культур скифо-сибирского мира значительно больше. Сюда могут быть отнесены скифские котлы, отчасти памятники монументального искусства — оленные камни, петроглифы, общие в ряде случаев приемы устройства могильных сооружений, детали погребального обряда.

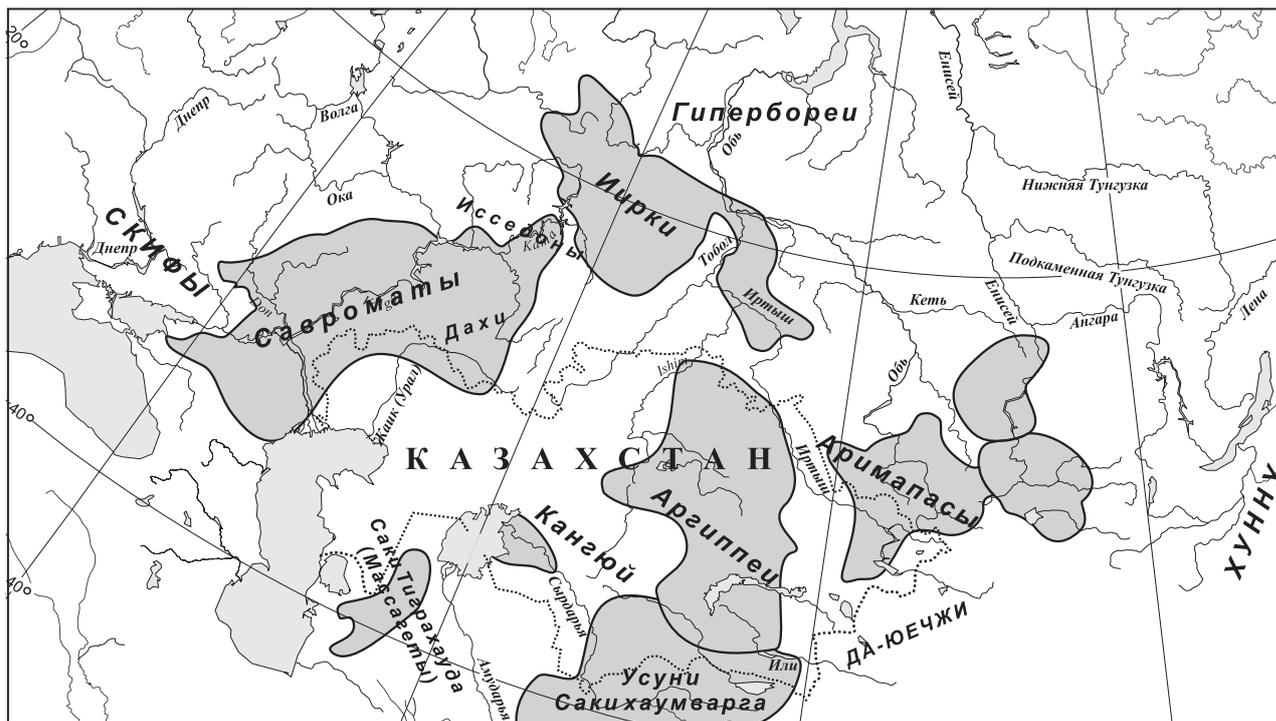

Рис. 4.1. Карта расселения сакских племен по территории Казахстана.

Первая периодизация культур раннего железного века для Восточной Европы была разработана на основе скифских памятников Северного Причерноморья. В дальнейшем археологические культуры восточных кочевников соотносились уже со скифскими памятниками.

До недавнего времени общепринятой датой начала скифской культуры считалась вторая половина VII в. до н. э. Однако сейчас все чаще высказывается точка зрения о начальной дате скифского периода — это IX — VIII вв. до н. э.

Для Казахстана и Средней Азии своеобразие сакской и савроматской культур определялось соседством и активным взаимодействием

с оседло-земледельческим населением древних государств. Близость Ахеменидской державы, северные сатрапии которой частично охватывали и земли Парфянского государства, в создании которого приняли участие кочевые племена даев, к тому же, давшие начало правящим династиям Парфии, наконец, участие кочевых племен в разгроме Греко-Бактрийского царства — все это не могло не отразиться на материальной и духовной культуре казахстанских племен. Кочевые и оседлые сообщества кочевников Казахстана и Средней Азии создавали единую экономическую, а нередко и политическую структуру, всецело зависели друг от друга и были заинтересованы друг в друге.

САКИ

В первом тысячелетии до н. э. территорию Казахстана заселяли племена, носившие собирательное имя «саки». Сакские племена были современниками скифов, обитавших в Северном Причерноморье и Приднепровье, и савроматов, — в нижнем Поволжье и Южном Приуралье, современниками персов времени Кира и Дария I, греков эпохи Александра Македонского. В ахеменидских клинописных источниках сообщается о трех группах саков: саки-хаумаварга (саки, варящие напиток хаому), саки-тиграхауда (саки, носящие остроконечные шапки), саки-парадрайа (саки, которые за морем).

Для выяснения истории саков представляют интерес надписи царей Дария и Ксеркса, составленные на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, а также свод книг зороастрийской религии древних иранцев «Авеста». Особое значение имеет пятый столбец Бехистунской надписи Дария I, надпись «а» из Накши-Рустема, тексты «е» из Персеполя и Суз того же Дария и так называемая «надпись о дэвах» Ксеркса.

Весьма ценны античные источники, преимущественно на греческом и латинском языках. Особо выделяется среди них труд Геродота. Наибольшее значение для истории Казахстана имеет четвертая книга, в которой собраны наиболее полные сведения о племенах Евразии. Ряд ценных данных по истории ахеменидского времени оставлен Ксенофонтом, Ктесием и позднейшими авторами Аррианом, Полиеном, Диодором, Полибием, Плинием, Птолемеем, Страбоном. Однако конкретная информация

о саках, живших на территории Казахстана, в них невелика и отрывочна.

В наиболее ранних древнеперсидских клинописных текстах племена, населявшие Казахстан, названы общим именем «сака». Этот термин, в отличие от авестийского названия «туры», получил широкое распространение в иранских, греко-латинских, а затем и китайских источниках.

Геродот, как и большинство других греческих авторов, называл саков скифами, добавляя иногда термин «азиатские скифы». Но в греческих источниках есть и другие имена, не встречающиеся в ахеменидских клинописях: массагеты, савроматы, аргиппей, аримаспы, асси, пасианы, сакарауки.

Вопрос о размещении вышеназванных племен по данным персидских и античных источников на современной карте Казахстана и Средней Азии окончательно не решен. До недавнего времени в локализации заморских саков существовало две точки зрения. Согласно первой, их следует размещать к востоку от Приаралья — в низовьях рек Амударьи и Сырдарьи. Основанием для этого вопроса послужила предложенная реконструкция второй половины пятого столбца Бехистунской надписи, в которой идет речь о маршруте похода Дария I на саков. На основе сопоставления восстановленной части текста из Бехистуна, затем Накши-Рустемской и Персепольской надписей со сведениями античных источников сделано предположение о соответствии заморских саков и саков, «которые за Согдом», массагетам, даям, каспиям.

Была высказана и другая точка зрения, согласно которой под саками-парадрайя следует понимать европейских скифов, населявших территорию Причерноморья.

Походы ахеменидских царей Дария и его предшественника Кира II в страну саков и массагетов принадлежат к числу исторически установленных фактов. Геродот, подробно рассказывающий об этих событиях, помещает земли массагетов к востоку от Каспийского моря «по направлению к восходу солнца за рекой Араксом». Маршруты походов Кира и Дария спорны. Одни ученые считают, что Дарий, повторив маршрут своего предшественника, встретился с саками за Амударьей у Аральского моря, другие же полагают, что Кир сражался с массагетами за р. Узбоем (западный ныне высохший приток Амударьи), а Дарий переправился на землю саков в среднем течении Амударьи. Ясно одно, независимо от расхождения в мнениях, оба похода были направлены против племен саков и массагетов. Географически — это регион восточного Прикаспия и Приаралье от Узбоя до р. Сырдарьи включительно. Массагетский союз объединял, вероятно, и такие племена, как дербики, абии, апасиаки.

Рис. 4.2. Саки. Реконструкция М.В. Горелика

Существует также мнение, что саки-тиграхауда локализируются в Шаше, на Тянь-Шане и в Семиречье-Жетысу.

Севернее массагетов, по словам Страбона, «выше Меотиды» расселялись племена даев. Античные авторы помещают их на землях, принадлежавших, как писал ранее Геродот, массагетам. Все это говорит о том, что даи (дахи) первоначально занимали область севернее массагетов, либо входили в конфедерацию последних. Около середины III в. до н. э. даи появляются в юго-восточном Прикаспии, на границах Парфии, занимая на исторической арене место массагетов.

В древнеперсидских клинописных текстах ничего не говорится о племенах и народах, живших севернее саков, лишь в Авесте упоминается имя сайрима. Более подробная информация содержится в древнегреческих источниках, в которых говорится о савроматах, племени, возможно сопоставимом с сайрима.

Геродот среди племен, живших севернее скифов, называет аргиппеев.

Племена исседонов Геродот помещает к востоку от аргиппеев. По рассказам исседонов, сообщает Геродот, выше них живут племена аримаспов и «стерегущих золото грифов». Племена аримаспов и грифов связывают с северо-востоком Казахстана и Алтаем, где находились крупнейшие для того времени золотые рудники. Можно предположить, что исседоны обитали в степях Центрального Казахстана.

В VIII—IV вв. до н. э. этническая и политическая карта Евразии отличалась большой пестротой. В это время складывались относительно устойчивые экономические, политические и культурные связи между близкими и отдаленными племенами, народами, государствами, нередко происходили и военные столкновения. У племен, населявших территорию Казахстана, такие взаимосвязи и контакты существовали с населением Средней Азии, Алтая, Сибири, Северной Монголии и Китая.

На юге саки еще в доахеменидское время были связаны с такими государственными образованиями, как «Большой Хорезм» и «Бактрийское царство», Ассирия и Мидия, а с середины VI в. до н. э. — Персия. Так, Кир заключил союз с саками и прибегал к их помощи во время войны с лидийским царем Крезом. Не удовлетворившись союзом, Кир решил покорить саков и массагетов. Завоевательные походы персов встретили ожесточенное сопротивление, поход Кира потерпел полную неудачу.

Завоевательные походы Кира в Средней Азии продолжал Дарий I. Ему удалось на время подчинить отдельные сакские племена, в том числе саков-хаумаварга и каспиев. Эти племена вошли в состав XV сатрапии империи Ахеменидов. Саки служили в войсках Ахеменидов. Часть их входила даже в личную гвардию персидского царя.

В конце VI — начале V вв. до н.э. на древнем Востоке назревали крупные политические события, связанные с началом греко-персидских войн. Отдельные сакские племена участвовали в этих войнах на стороне персов, в качестве союзников и наемников. В битве при Гавгамелах, например, участвовала легкая сакская конница.

В 30-е гг. IV в. до н.э. греко-македоняне под предводительством Александра Македонского разбили армию последнего Ахеменида, Дария III Кодомана, и вторглись в Среднюю Азию.

Вторжение греков встретило упорное сопротивление племен и народностей Средней Азии. В борьбе против войск Александра Македонского активно участвовали племена, населявшие в то время южные районы Казахстана, в частности, массагеты. Попытка Александра Македонского с войсками переправиться через Сырдарью закончилась неудачей — он был ранен сакской стрелой. Только после почти трехлетней ожесточенной борьбы греко-македонянам удалось на время подчинить народности Средней Азии. Сакские же племена, жившие за Сырдарьей, сохранили свою независимость.

Политическая история Усунь

Это одно из крупных государственных объединений на территории Казахстана. На западе границы усуньских владений проходили по рр. Чу и Талас, возможно, вплоть до восточных склонов Каратау. Центром усуньских владений были — Илийская и Чуйская долины, котловина Иссык-Куля.

Содержание самого термина *усунь* до сего времени не выяснено. Он известен только в китайском иероглифическом написании, современное звучание которого идентично одному из казахских этнонимов — *уйсын*, самоназвание племени, являющегося этническим компонентом казахов Старшего жуза (Улу-жуза). Многие исследователи склонны видеть в этой транскрипции известный по среднеазиатской истории этноним *асиан*. Однако новейшие исследования допускают другое толкование: термин *асиан* мог быть одним из диалектных вариантов этнонима *ятши*, а его традиционной древнекитайской формой транскрипции были иероглифы, звучащие в современном китайском языке как *юечжи*.

Существует еще один вариант интерпретации транскрипции термина *усунь*. Предполагают, что в древнекитайском языке два иероглифа, звучащие ныне *у-сунь*, произносились *а-сман* — «небо».

Усуни были разделены на три части: левое крыло, центр, правое крыло (по десять тысяч воинов в каждом из них).

Усуни считались одним из значительных этнополитических объединений в Центральной Азии в древности. Памятники усуньской

культуры распространены на территории Семиречья, Ферганы (частично) и, по-видимому, северной части Восточного Туркестана. Имея во II в. до н.э. население в 630 тысяч человек, усунь могли выставить большое войско из конницы и пеших лучников. Дружина предводите-

Рис. 4.3. Бляхи с изображением всадника. Золото. Курган Тенлик. III—II вв. до н.э. Жетысу

ля усуней куньби (гуньмо) и двух наследников престола состояла из 30 тысяч конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 г. до н. э. территория усуней была разделена на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежащая самому куньби, но все они находились под «верховною зависимостью от него». Его резиденция находилась в городе Чигу, отстоящем от Чанани (Китай) в 8900 ли.

История усуней полна междоусобной борьбы, между сторонниками прохуннской и проханьской (китайской) политики. Так, где-то в конце 60-х гг. Уцзюту — сын умершего куньби Унгуymi от хуннской царевны — убил царствующего куньби Ними (Куанван) и узурпировал власть, объявив себя куньби при поддержке народа. В 14 г. до н. э. великий куньби Цылими был убит по заданию малого гуньмо Мочжэньцзяна. Источники прямо указывают, что Мочжэньцзян убил его, «опасаясь быть покоренным» Цылими. Время правления Цылими — между 45-14 годами, видимо, было временем расцвета государства Усунь, так как он «твердо держал власть» и в его владениях «настала глубокая тишина и мир».

Есть основания предполагать, что под властью или под влиянием усуней находился ряд владений или племен. Например, в «Цяньханьшу» указывается, что усунь «подчинил себе многие другие владения», в «Давань-чжуань» — «напал на соседние малые владения», а Янь Ши-гу уточняет: «Как только подчинит, то превращает в вассалов». Вероятно, такими племенами и владениями были хюсюнь, гуаньду

(цзюаньду), юйту, или уш. Все они по обычаям и одежде племени, близкие усуням.

Усуни устанавливали союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов. Так, в 69 г. до н. э. Вэн-Гуйми выдал свою дочь Диши за повелителя Кучи Яньбиня. Ханьская империя и хунну, заинтересованные в союзе с усунями, выдавали замуж ханьских и хуннских принцесс за усуньских куньби.

Некоторые владельцы сопредельных территорий при нападении противника искали защиты у усуней.

В династийных хрониках эпохи Хань изложение фактов из политической истории усуней доведено примерно до III в. до н. э. Отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источниках поздних периодов Срединной империи. В «Бэйшу» (История династии Юаньвэй) есть сообщение о том, что в 437 г. н. э. усунь отправили к ханьскому двору послов. Многие исследователи считают, что усунь были тюркоязычным народом.

Археологический материал, особенно полученный с территории Семиречья, свидетельствует, что в предтюркское время усунь продолжали жить на обширной территории. Более того, по этим же данным, культура древних усуней продолжала развиваться на прежних землях обитания, хотя они и были поставлены под контроль тюркских каганатов. Даже в X в. н. э. на страницах источников вновь появляется имя усунь.

Так что есть основание говорить о генетической преемственной связи древних усуней с уйсунями, вошедшими в состав казахского народа.

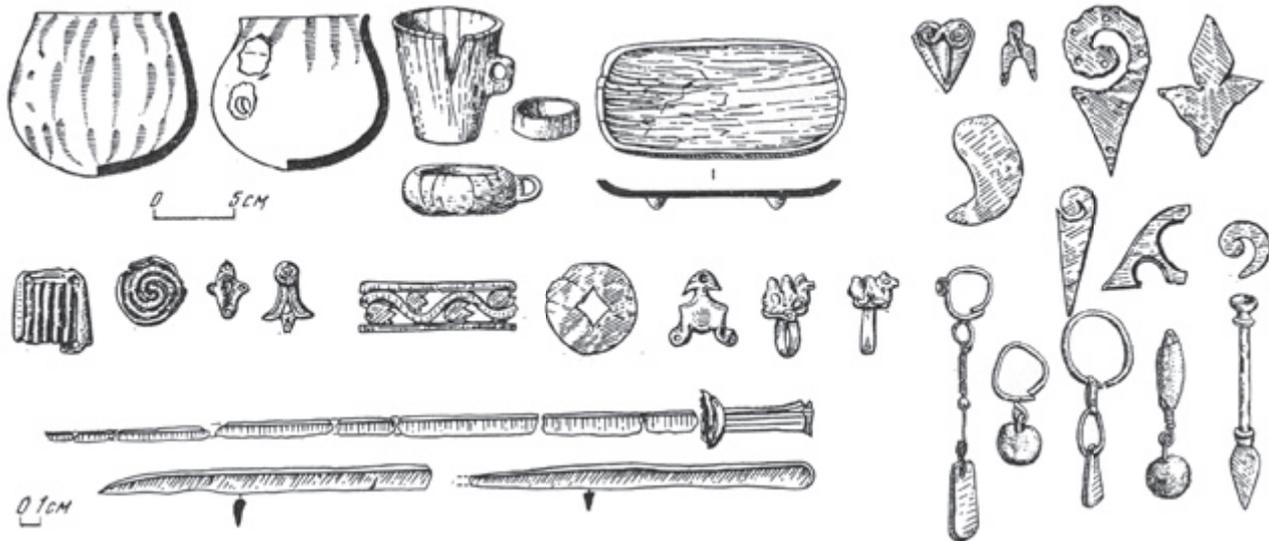

Рис. 4.4. Материальная культура кочевников Семиречья и Тянь-Шаня в усуньский период

Государство Кангюй

Во II в. до н. э. в Казахстане складываются новые государственные объединения, среди них — Кангюй.

Несмотря на обширную историографию, изученность Кангюй все еще остается неудовлетворительной. Причиной тому является крайне ограниченный круг письменных источников, сведения которых к тому же отрывочны и противоречивы, что порождает неоднозначные интерпретации. Весь круг вопросов, остающихся дискуссионными, и по сей день составляет так называемую «кангюйскую проблему». Территория государства занимала обширные пространства: Южный Казахстан, включая Ташкентский оазис (Узбекистан) и бассейны древних русел Сырдарьи, Жанадарьи, Кувандарьи и часть юго-западного Семиречья. В период наибольшего могущества ему подчинялись пять «малых владений» — Сусе, Фумо, Юени, Цзи, Юецзянь, а также владения Янцай. Однако локализация их остается спорной.

История вопроса о местонахождении государства Кангюй и его владений начинается с российского востоковеда И. Бичурина, определившего местоположение его в степях к северу от р. Сырдарьи. В комментарии к тексту «Шицзи» с «повествованием о Давани» он отмечает: «Владение Кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя казачьи (казахские) орды». В «Шицзи» о локализации Кангюя сказано следующее: «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение, в обыкновениях сходствует с юеджийцами, имеет до 20000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилью своему признает над собой на юге власть юеджийцев, на востоке — власть хуннов». В следующей династийной хронике старшей Хань «Цянь Ханьшу» в главе «Описание устройства земель» есть раздел, посвященный Кангюю, в котором дословно говорится следующее: «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени, в городе Битянь, за 12 300 ли от Уанань. Он не зависит от наместника. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания... Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек. Обыкновения одинаковы с большим Юеджи. Кангюй на востоке подчинен хуннам.»

К середине XX века сложились две основные точки зрения по вопросу локализации:

Кангюй занимал обширные пространства в среднеазиатском междуречье от Ташкентского оазиса до Хорезма; владения его были сосредоточены в долине р. Сырдарьи от низовьев и до Ташкента, коренные же земли размещались по среднему течению до р. Сарысу, Чу, гор Улутау.

Первую точку зрения наиболее аргументированно отстаивал С.П. Толстов. Он считал, что на востоке земли Кангюя доходили до Ферганы (Давань), на юге граничили с Парфией и Бактрией, на западе включали Бухарский оазис и Хорезм. Пять владений располагались следующим образом: Сусе — область Шахриябса на Кашкадарье; Фуму — область Кушания на р. Зеравшан; Юени — Ташкентский оазис; Чи — Бухара; Югань — Хорезм, являющийся центром всего государства.

Основной оппонент С.П. Толстова в этом вопросе А.Н. Бернштам считал, что восточная граница земель Кангюя проходила по р. Талас. Позже, в III в. н. э., по сведениям Цзиньши, она отодвигается вплоть до р. Или. Пять владений Кангюя размещены им следующим образом: Юегань — Хорезм; Ги — низовья Сырдарьи; Фуму — к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска; Сусе — среднее течение Сырдарьи, бассейн р. Арысь, склоны Каратау; Юени — Ташкентский оазис. Им соответствуют отдельные археологические культуры: в Ташкентском оазисе — культура каунчи; на средней Сырдарье — кангюйско-каратауская культура; джетыасарская культура на древних руслах Кувандарьи; культура «болотных городищ» в низовьях Сырдарьи. Земли по среднему течению Сырдарьи были коренными владениями кангюев. Здесь же локализуется, по мнению А.Н. Бернштама, легендарная страна Кангха исторических памятников — Авесты, Махабхараты и Шахнаме.

Эта точка зрения в последующем была в основном принята казахстанскими исследователями.

Хотя в различного рода древних письменных источниках название страны Кангха известно с XIV в. до н. э., античные авторы, хорошо осведомленные о событиях конца IV в. до н. э. в Средней Азии, не упоминают Кангюя. Можно предполагать, что возвышение «дома Кан» в присырдарьинском регионе происходит в III, а скорее, во II в. до н. э.

Отметим, что в этот период в среднеазиатском междуречье происходит передвижение

основного ядра юеждей на юг, в левобережную Бактрию, оседание на землю и разделение на пять отдельных владений, что не могло не привести к их ослаблению по сравнению с Кангюем, перед которым открылись возможности для экспансии на юг и запад. В это время (конец II в. — нач. I в. до н. э., по-видимому, у Кангюя появляются пять, упоминавшихся выше, зависимых владений, он подчиняет себе Янцай (приарало-каспийский сармато-аланский союз племен), Янь (сарматские племена Приуралья). По отношению к Китаю правители Кангюя ведут себя независимо и даже дерзко, о чем в конце I в. до н. э. ханьский наместник Западного края сообщал императору: «Кангюй, напротив (по сравнению с Усунь) горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланцами. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанья прежде, а потом уже посланным от наместника...»

Позже, в 47-46 гг. до н. э., кангюйский правитель поддержал северо-хунского шаньюя Чжи Чжи в борьбе с Усунь, союзником которой выступал могущественный ханьский Китай.

В III-V вв. н. э. Кангюй утрачивает свою гегемонию над владениями в Среднеазиатском междуречье, Приуралье и распадается на ряд не-

зависимых владений. В V в. он известен в списке стран, приславших посольство к императорскому двору. Видимо, к этому времени мелкие владения, возникшие на месте Кангюя, попадают в зависимость от эфталитского государства.

Вопрос о языковой принадлежности кангюйских племен остается дискуссионным, одни исследователи относят их к северо-иранским, другие считают их тюркоязычными. Начиная с середины первого тысячелетия н. э., этнополитическая ситуация в районе Средней и Нижней Сырдарьи меняется. Сюда переселяются тюркоязычные племена.

Еще со времен Чжан Цяня китайская историография усвоила традицию, характеризующую население кангюя, акцентировать внимание на кочевническом характере культуры, называя его «кочевым владением». Однако китайские хроники сообщают о кангюях как о народе, который живет внутри глиняных стен. Столичный город называется Битянь, но правитель не жил здесь постоянно, так как имел еще летнюю резиденцию. Последнее свидетельствует о сезонном передвижении главной ставки, о полукочевом характере правящей элиты. Археологические данные, накопленные за последние годы, помогают существенно расширить представления о культуре и хозяйстве кангюйцев.

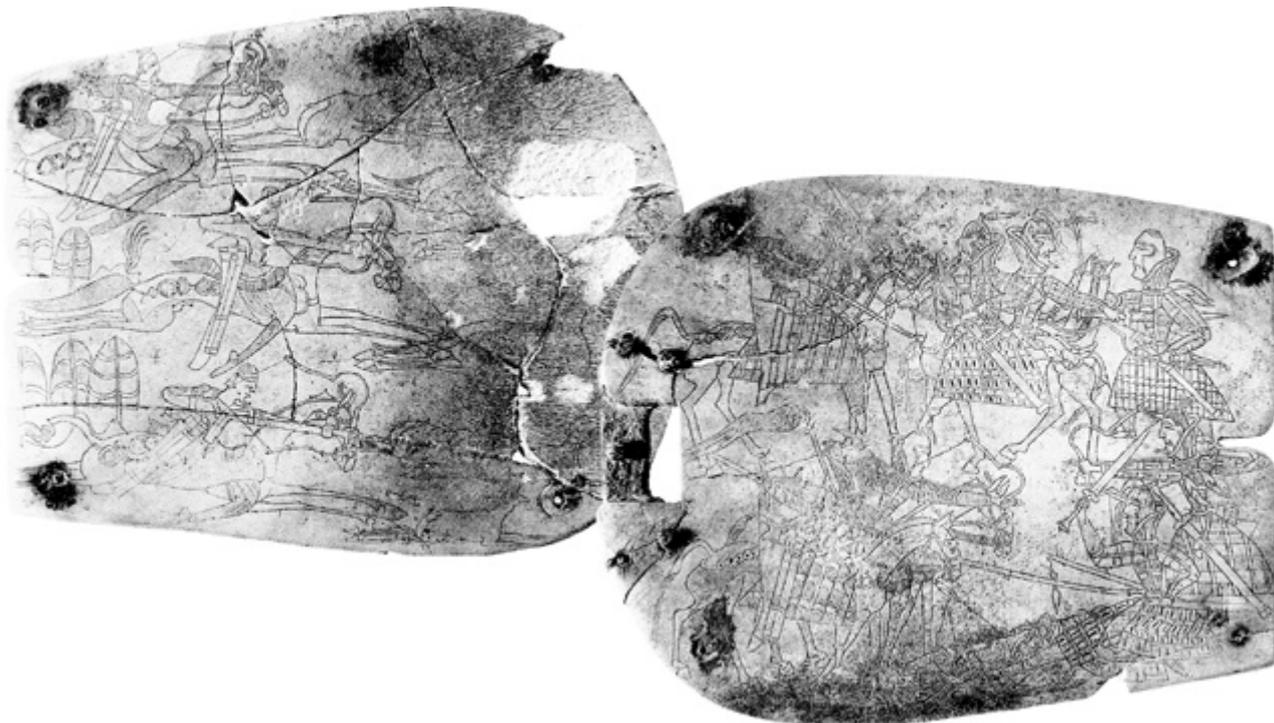

Рис. 4.5. Костяные пряжки с изображением батальной сцены и охоты. Отфарско-каратауская культура

В районах, где обитали кангюйцы, археологи выявили поселения и могильники. Эти памятники отнесены к каунчинской, отрарско-каратауской, джетыасарской археологическим культурам. Первая была распространена в Ташкентском оазисе; вторая — в районах среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау до Таласа; третья — в бассейне Кувандарьи и Жанадарьи.

При сравнительной характеристике регионов Центральной Азии эпохи Кангюя выделяется единая культурно-хозяйственная зона от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее характерны земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения, ограниченность денежного обращения.

При этом установлено, что каунчинская и отрарско-каратауская культуры были тесно связаны друг с другом. В первый период развития трех культур можно видеть, что направление

культурных связей идет с юга на север: каунчинская — отрарско-каратауская и джетыасарская культуры. Это, видимо, связано с передвижением кочевых племен в конце I тыс. до н. э.

В начале второго периода в джетыасарской культуре стали заметны влияния и распространение элементов материальной культуры из Сибири, Тувы, Монголии. Под влиянием прихода сюда новых этнических групп джетыасарское население движется вверх по Сырдарье, а представители отрарско-каратауской и каунчинской культур передвигаются на территорию Западной Ферганы, в Согд, Бухару и Хорезм. В третий период отмечено влияние на все сырдарьинские культуры Согда и через Ташкентский оазис на Жетысу-Семиречье.

В это же время наблюдается переселение на Каратау и в низовья Сырдарьи тюрок и вытеснение ими джетыасарского населения в низовья Сырдарьи и Амударьи.

Государство Хунну

В первом тысячелетии до н. э. обширные пространства Центральной Азии от Ордоса на юге современной Монголии до Прикаспия населяли различные по своему происхождению и этническому составу племена.

Прогресс хозяйства, относительная общность быта, этническая близость, факторы политического порядка привели к созданию в Центральной Азии государств и объединений. Одним из них было государство Хунну. Наименование Хунну (Сюнну), появившееся в китайских источниках в конце III в. до н. э., относилось к политическому образованию, воспринявшему в свою среду племена различного происхождения и периодически распространявшему сферу своего влияния на территорию от берегов Тихого океана и Северного Китая до Алтая и Семиречья, а позднее и дальше на запад.

Содержание и реальное звучание этнонима хунну (сюнну) пока не ясны. Его древнекитайская транскрипция, как показывают исследования, восходит к той же форме, что и *фруна* (труна) греческих и древнерусских летописцев. Термины *тфун* и *гунн* одинаково использовались по отношению к одной и той же этнополитической общности, районы которой были различны.

Верховного правителя хуннов китайские авторы называют шаньюй. В 206 г. до н. э. во главе гуннских племен становится Модэшаньюй. В

первые же годы своего правления Модэ нанес сокрушительные удары по границам Китая, заставив только что утвердившуюся династию Хань отказаться от своих претензий на кочевья хуннов в Ордосе. Ханьский император Гаоцзу был вынужден склониться перед Модэ и подписать с ним «договор о мире и родстве», согласно которому обязывался выдать за шаньюя княжну из своего дома и ежегодно платить дань в виде «даров», ставшую затем постоянной.

На востоке хунну подчинили племена «восточных ху», в состав которых входили сяньби и ухуань, обитавшие, предположительно, в долинах Керулена и Онона. На западе и северо-западе под угрозой подчинения хуннам находились племена юеди (юеджи). Под властью хуннских шаньюев оказались территории от современной Кореи до земель Западного Китая, на севере же племена, объединенные в хуннскую конфедерацию, распространялись до южных районов Забайкалья.

В источниках зарегистрировано и еще одно направление хуннских походов — алтайское. В 201 г. до н. э. сообщается, что хунну, продолжая движение на север и северо-запад, покорили страны Хуньюй, Цюйшэ, Динлин, Гэкунь и Синьли. В комментарии к тексту значится, что названные пять стран находились от хунну на севере, по-видимому, на западе от р. Кем (Енисей) до Илийской долины.

Усиление хуннских племен в последующие десятилетия сопровождалось активизацией их действий на западе. В 177 г. до н. э. Модэ отправил своего западного туки (князя) в поход против юеди, якобы за самовольное выступление против соседей. Хуннская конница нанесла поражение юеджийцам где-то в районе Чжанье-Гантчжоу и, кроме того, покорила несколько уделов на окраине складывавшейся хуннской коалиции.

Общество хунну уже в середине I в. до н. э., помимо утраты своих вассальных владений, раскололось на две группировки — южную, под предводительством Хуханьшаньюя и северную, под руководством Чжичжи. Южные хунну остались обитать на территории Ордоса, а северные, под давлением своих соплеменников, передвинулись на Саяны и в Прибайкалье.

Главную роль в жизни хуннов играло скотоводство. Как писал Сыма Цянь, что, «обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошадей. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяными и меховыми одежаниями». Особенно важную роль в жизни хунну играла лошадь. Овца же давала мясо, овчину, шерсть. Овчина и шерсть шли на изготовление одежды и обуви, из шерсти также делались кошмы.

Почти все поголовье круглогодично содержалось на подножном корму.

Хунну знали оседлость и земледелие. В источниках сообщается, что «в северных землях стужа рано наступает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле хунну сеяли». При раскопках Нижне-Иволгинского городища в Забайкалье обнаружена изрубленная солома в глиняной обмазке полов. Здесь же найдены остатки постоянных зимних жилищ — полуземлянок, обогреваемых системой канов. Обнаружены зерна проса, чугунные сошники, железный серп, каменные зернотерки и ямы-зернохранилища. Об оседлости у хунну свидетельствуют деревянные срубы, в которых совершались захоронения.

Охота играла в жизни хунну важную роль. Об этом источники сообщают так: «...мальчики могут ездить верхом на овцах, натягивать лук и стрелять птиц и мышей; немного подросши, они стреляют лисиц и зайцев, которых упот-

ребляют в пищу... По существующим среди них обычаям, в спокойное время следуют за скотом и попутно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом существование». При раскопках погребений хунну найдены кости антилопы, кабана, кулана, дикого оленя, горного барана, косули, зайца и лисицы.

В погребениях встречена керамика — кувшины, горшки, кружки, лепенных от руки и изготовленных на гончарном круге, что свидетельствует о развитии гончарства. Встречаются вещи иноземного происхождения, шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, поделки из нефрита.

Основу войска хунну составляла подвижная маневренная конница. На вооружении воина-всадника были лук и стрелы. Луки, судя по материалам раскопок, были двух типов. Ранний лук имел деревянную основу с тетивой из сухожилий животных. Его деревянная основа обкладывалась костяными пластинками (все-го до семи), по две с вырезами для крепления тетивы на краях, по четыре трапециевидных пластины в центре и последняя на вершине дуги. Так увеличивалась гибкость лука. Длина

Рис. 4.6. Хунну. Реконструкция М.В. Горелика

лука достигала 70-80 см. Стрела имела железный трехреберный наконечник. Второй тип лука больше и тяжелее. От него сохранились массивные трехреберные железные наконечники стрел с черешком. Такие луки и стрелы предназначались для стрельбы по противнику, носящему кольчугу. Имелся и щит, круглой и овальной формы, с деревянной рамой, в которую вставлялась основа из прутьев.

Согласно источникам, хунну делились на 24 рода, во главе которых стояли «начальники поколений» (старейшины). Сохранялись такие институты родового строя, как совет старейшин и народное собрание. Источники сообщают, что «у гуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лунци, где в первой, пятой и девятой луне, в день под названием «сюй» приносили жертву духу неба... на сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавляясь конской скачкой и бегом верблюдов».

Материалы из захоронений ясно характеризуют момент имущественного неравенства в хуннском обществе.

У хунну имелись рабы из военнопленных и населения подвластных областей. Они использовались в качестве домашней прислуги, пастухов, ремесленников и землепашцев.

Во главе страны стоял шаньюй, обладавший почти неограниченной властью. Вслед шли князья, называвшиеся темниками. Они являлись сыновьями, братьями или близкими родственниками шаньюя. Всего темников было 24, и каждый из них имел свой район для кочевания. В своих владениях темники могли ставить тысячников, сотников. Шаньюй, однако, мог отбирать у непокорных или провинившихся темников их земли, тем же правом обладал темник по отношению к своим сотникам и десятникам. Должности и высшие чины передавались по наследству. Хунну были тюркоязычным народом.

Характерной чертой объединений типа общества хунну является формирование государственности со своей администрацией и аппаратом принуждения, частично уже сменяющимися органами родоплеменного устройства, частично выступающими в их облики, приспособляя их к новым условиям.

САВРОМАТЫ, САРМАТЫ

Рис. 4.7. Сарматский вождь (по З.С. Самашеву)

В VII в. до н. э. — III в. н. э. регион западного Казахстана заселяют савроматы, а затем сарматы.

По мнению исследователей прямые предки скифских и савроматских племен вышли из массива населения, оставившего памятники андроновской и срубной культур.

В Авесте упоминается имя сайрима. Более подробная информация содержится в древнегреческих источниках, в которых говорится о савроматах, племени, которое можно сопоставить с сайрима.

Однако «савроматы», так же как термины «саки», «скифы», позднее «тюрки», нередко употреблялись авторами в двух значениях: в качестве собственного имени племени и как термин, объединяющий большую группу родственных по языку и культуре племен.

Вот что писал о них Геродот. Согласно легенде, савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками, которые после сражения при Фермодонте были пленены эллинами и на трех кораблях переправлялись через Черное море. Во время плавания амазонки перебили всех мужчин и, не умея обращаться с парусами и веслами, долго плыли по вол-

нам. Наконец, пристали к Кремнам, которые находились в землях свободных скифов близ озера Меотида. После войны с приплывшими воительницами скифские юноши вступили с ними в брак и с частью своего имущества перешли в стан амазонок. Но амазонки попросили своих мужей переселиться из скифской страны за реку Танаис, объяснив эту просьбу тем, что лишили юношей их отцов, причинив великое зло стране, а потому их страшит мысль об обитании в этих местах. Юноши согласились на это. Переправившись через Танаис, они три дня шли на восток от реки и три дня на север от Меотиды. Прибыв, они поселились в этих краях. Археологические находки подтверждают это. Установлено, что в степях междуречья Дона — Волги, Заволжья и Урала существовала единая археологическая культура, отождествляемая исследователями с савроматами.

В этой легенде содержится немало любопытных сведений о савроматах и в первую очередь об особом положении женщин, которые ездят верхом, стреляют из лука, бросают дротики, вместе с мужьями выезжают на охоту, выступают в походы и носят одинаковую с мужчинами

Рис. 4.8. Знатный сармат (по З.С. Самашеву)

одежду. Женским работам они не обучены. Ни одна девушка не выходила замуж, пока не убьет врага. Такой образ жизни савроматские женщины вели исстари. Надо думать, что в легенде отразилась существовавшая реальность, отличавшая общественное положение савроматских женщин, что и подчеркивалось Геродотом.

Савроматские племена запада соседствовали со скифами Причерноморья, торговали с ними, заключали военные союзы или вступали в вооруженные конфликты. На юге саки и савроматы еще в доахеменидское время были связаны с такими государственными образованиями, как «Большой Хорезм» и «Бактрийское царство», Ассирия и Мидия, а с середины VI в. до н. э. — Персия.

На рубеже V—IV вв. до н. э. мирные отношения между скифами и савроматами были нарушены. Набеги, а возможно, и мирное проникновение савроматов в скифские земли становятся все более продолжительными и интенсивными, а часть савроматов поселяются в Европе. Судя по античным источникам, с IV в. до н. э. низовья Дона, а возможно, и часть северного берега Черного моря принадлежали сарматам.

События, изменившие политическую ситуацию на пограничных рубежах скифских и савроматских владений, явились, по-видимому, отзвуком очень далеких перемещений восточных кочевников южного Приуралья, северо-восточного Прикаспия и Заволжья. Последние в свою очередь могли быть связаны с походами Александра Македонского, усилившими торгово-экономические отношения между кочевниками и соседним с ними оседлым населением. Именно восточные кочевники привели в движение, а возможно, и частично влились в кочевую среду населения междуречья Дона — Волги, что и нашло отражение в произведениях греческих авторов IV—II вв. до н. э., когда на страницах появляются новые этнонимы — «сирматы» и «сарматы», которые в некоторых контекстах противопоставляются савроматам. У авторов IV — начала III в. до н. э. почти одновременно появляются наименования «сирматы», «сарматы» и «Сарматия».

С момента массового переселения кочевников южного Приуралья в Заволжье и далее на запад, происшедшего не позднее конца IV в. до н. э., сарматы начинают тревожить скифов, проникая небольшими отрядами в глубь территории междуречья Дона — Днепра. Очень красочно события подобного рода описываются в одном из произведений Лукиана Самосат-

ского, жившего во II в. н. э. Он подчеркивает неожиданность и непредвиденность нападения сарматов, которые обратили скифов в бегство, многих храбрецов убили, других увезли живыми, угнали и разграбили добычу. Скифия, вступившая с III в. до н. э. в полосу затяжного экономического кризиса, не могла противостоять натиску сарматов. Постоянные набеги и спорадические перемещения отдельных сарматских племен из района низовьев Дона и северо-восточных берегов Меотиды закончились массовой миграцией скифов, после которой степи Северного Причерноморья между Доном и Днепром стали контролироваться сарматами.

В IV в. н. э. по территории степного Приуралья проходят гунны. В составе гуннской орды часть сарматов дошла до берегов Гибралтара, часть волилась в образовавшиеся в Северном Причерноморье и Подонье новые этнические объединения раннего средневековья.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Большинство памятников эпохи раннего железа расположено в долине главной водной артерии Восточного Казахстана — р. Иртыш. Курганные могильники сосредоточены на северных и южных склонах Калбинского хребта, а далее тянутся на юго-запад до Чингизтау и западных районов Тарбагатай. На юге они распространены в Зайсанской котловине. В восточных горных районах разбросаны по берегам рек Нарыма, Бухтармы и многочисленным притокам последней, смыкаясь с памятниками районов Горного Алтая.

Самые большие сакские «царские курганы» сосредоточены в Чиликтинской долине и в горах Южного Алтая на берегу р. Бухтармы. В горных районах Восточного Казахстана, богатых выходами дикого камня, большинство курганов имеет каменные насыпи (Берель, Катон, Майэмир). В долинах верхнего Прииртышья насыпи сооружались из земли с примесью гальки, но в погребальных сооружениях почти всегда использовался камень. В равнинных районах среднего Иртыша, примыкающих к Кулундинской степи, курганы возводились из земли (Жолкудук, Чернореченск, Иртышское, Боброво, Леонтьевка).

Полезные ископаемые Восточного Казахстана разрабатывались и в раннежелезный век. Полиметаллический пояс Рудного Алтая насчитывает около 850 месторождений и рудопроявлений.

В условиях степных пространств главным и определяющим укладом населения было кочевое скотоводство. Сарматы разводили преимущественно лошадей и овец. В засушливых условиях степей лимитирующим фактором в использовании пастбищ явилась питьевая вода. Не случайно, значительная часть археологических памятников расположена вдоль крупных водных артерий, в местах выхода подземных вод, либо вблизи пресных степных речек и озер.

В зимних условиях резко континентального климата скотоводы откочевывали в районы с расчлененным рельефом, где могли найти естественные укрытия для животных. Таковыми в Западном Казахстане являются южные и восточные песчаные массивы с бессточными речками, отроги общего Сырта и долины крупных рек. Кочевники выбирали места с расчетом на древесно-кустарниковую растительность.

Памятники этого периода изучали В.В. Радлов, С.С. Черников, М.П. Грязнов, С.Н. Руденко, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодин, З.С. Самашев, А.Т. Толеубаев.

В науке выделяются три главных этапа развития материальной культуры саков Восточного Казахстана: майэмирский — VII—VI вв., берельский — V—IV вв., кулажоргинский — III—I вв. до н. э.

Майэмирский этап назван по имени курганного могильника в Майэмирской степи в верховьях р. Нарым.

Рядовые Майэмирские курганы Горного Алтая имели невысокие каменные насыпи, часто обложенные по основанию кольцом из камня. Погребальные камеры — прямоугольной формы, их стены облицовывались деревом и покрывались накатом из бревен.

Вещевой комплекс майэмирских памятников довольно устойчив и определяется такими ведущими формами, как бронзовые зеркала с высоким бортиком по краю и петлей посередине диска, ранняя конструкция конской узды из бронзовых удил с внешними петлями, напоминающими миниатюрное стремя, и псалями с тремя отверстиями или крючком вместо центрального отверстия. Из прикладного искусства для майэмирского времени наиболее характерен образ свернувшегося хищника и животных, переданных в движении.

Курган Чиликты, раскопанный С.С. Черниковым, входил в состав могильника, состоявшего из 51 земляной насыпи. Насыпи достигают диаметра 20-100 м при высоте 2-10 м.

Раскопки кургана позволили воссоздать его конструкцию. На поверхности земли была выкопана яма площадью 5,9×7 м и глубиной около 1 м. В яме было сложено квадратное сооружение из толстых лиственничных бревен, стены клетки состояли из двух, а потолок из одного ряда бревен. Внутри деревянной гробницы, у западной стенки, на полу из толстых струганых досок были положены мужчина 40-50 лет, женщина 50-60 лет и сопровождавшие их вещи. Покойников в момент погребения внесли через дромос-коридор, примыкающий к гробнице с востока. После похорон дромос был накрыт бревнами и все сооружение засыпано крупным битым камнем. Затем была возведена насыпь из плотной глины, еще выше насыпана земля с мелкой галькой. В первоначальном виде курган имел диаметр 45 м и высоту около 10 м. Со временем насыпь деформировалась и к моменту раскопок ее диаметр достигал 66 м, а высота — 6 м.

Как и большинство других курганов, чиликтинская гробница была ограблена еще в древности.

Несмотря на ограбление, в кургане сохранились вещи: остатки кожаного колчана с тринадцатью бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел ранней, так называемой асимметрично-ромбической формы, и яркие образцы древнего прикладного искусства из 524 золотых изделий. Среди них: бляшки в виде оленей с подогнутыми ногами, украшавшие колчан (14 экз.), барельефные контурные фигурки орлов с повернутой головой (9 экз.), свернувшиеся в кольцо пантеры (29 экз.), вырезанные из фольги фигурки кабанов (12 экз.), изображение рыбы, инкрустированное бирюзой и украшенное мелкими шариками золотой зерни, бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями и множество других более мелких ювелирных украшений.

Чиликтинский курган датируется VII в. до н. э. Это один из самых ранних «царских» курганов северной степной полосы Казахстана и один из древнейших на территории Евразии. Здесь ярко представлено прикладное искусство скотоводческих племен евразийских степей. Ряд художественных произведений так называемого «звериного» стиля в Чиликтинском кургане (олень с поджатыми ногами, свернувшиеся в кольцо пантеры, орлы с повернутой головой) относится к исходным образцам искусства сакско-скифского мира.

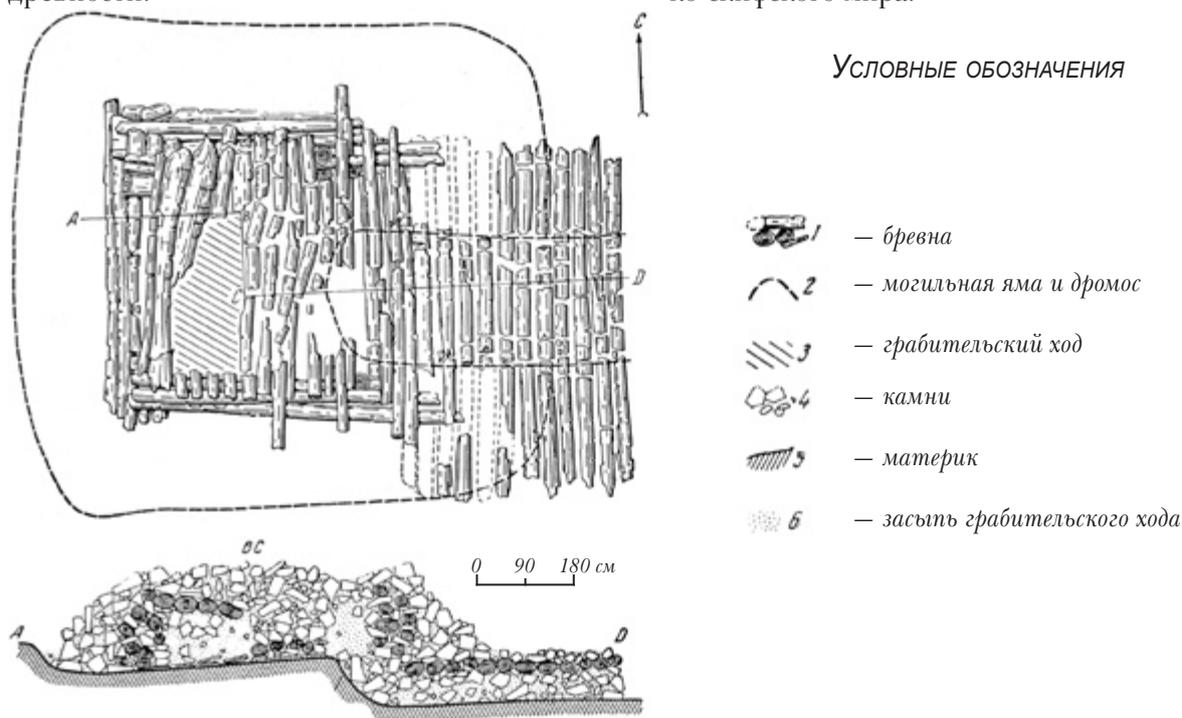

Рис. 4.9. Могильник Чиликты. Золотой курган. План на уровне потолка бревенчатой камеры и ее продольный разрез (по С.С. Черникову)

В 2003 г. был раскопан еще один «царский курган» могильника Чиликты, имевший, как выяснилось, аналогичную конструкцию, состоящую из сруба и курганный насыпи. Погребение было ограблено в древности, но при этом часть изделий, украшавших одежду, и головной убор погребенного здесь представителя элиты были потеряны в грабительской траншее и собраны археологами. Это были литые фигурки оленей, пары оленей в геральдической позе, архаров, барсов, волка, оленя, беркута. Датируется курган IX—VIII вв. до н. э.

На берельском этапе культура древних скотоводов Восточного Казахстана приобретает выразительные и законченные черты.

В горных районах повсеместно распространяется ранее уже известный устойчивый тип курганов с каменной наброской, деревянным срубом в грунтовой яме и захоронениями коней.

Памятники этого типа особенно четко представлены в Пазырыкских курганах Восточного Алтая, широко известных благодаря раскопкам В.В. Радлова, С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодина, В.Д. Кубарева, З.С. Самашева.

Одним из наиболее ярких памятников этого периода является курган Берел.

Могильник Берел находится на территории Казахского Алтая на стыке границ Казахстана, Монголии и России. В нем насчитывается более тридцати курганов, расположенных цепочками. Наиболее крупные наземные конструкции свидетельствуют о том, что древние кочевники хоронили здесь своих вождей, для которых и воздвигали сложные погребально-культовые сооружения. Доминирующее положение долины и удивительная красота природы способствовали сакрализации этого пространства.

Возможно, древние кочевники, учитывая природно-климатические условия местности, сооружали такие погребальные конструкции, при которых возникла искусственная мерзлота. Благодаря ей в погребениях сохраняются уникальные свидетельства жизни древних кочевников Алтая — одежда, утварь и, что особенно важно, мумифицированные останки людей и животных.

Первые археологические раскопки здесь были произведены В.В.Радловым в 1865 г. Еще до раскопок Береля В.В.Радлов раскопал курган с мерзлотой на р. Катанда, где прекрасно сохранились изделия из ткани, войлока, шерсти, одежда из меха, соболя и шелка, изделия из дерева, а также трупы захороненных людей и погребенных с ними коней.

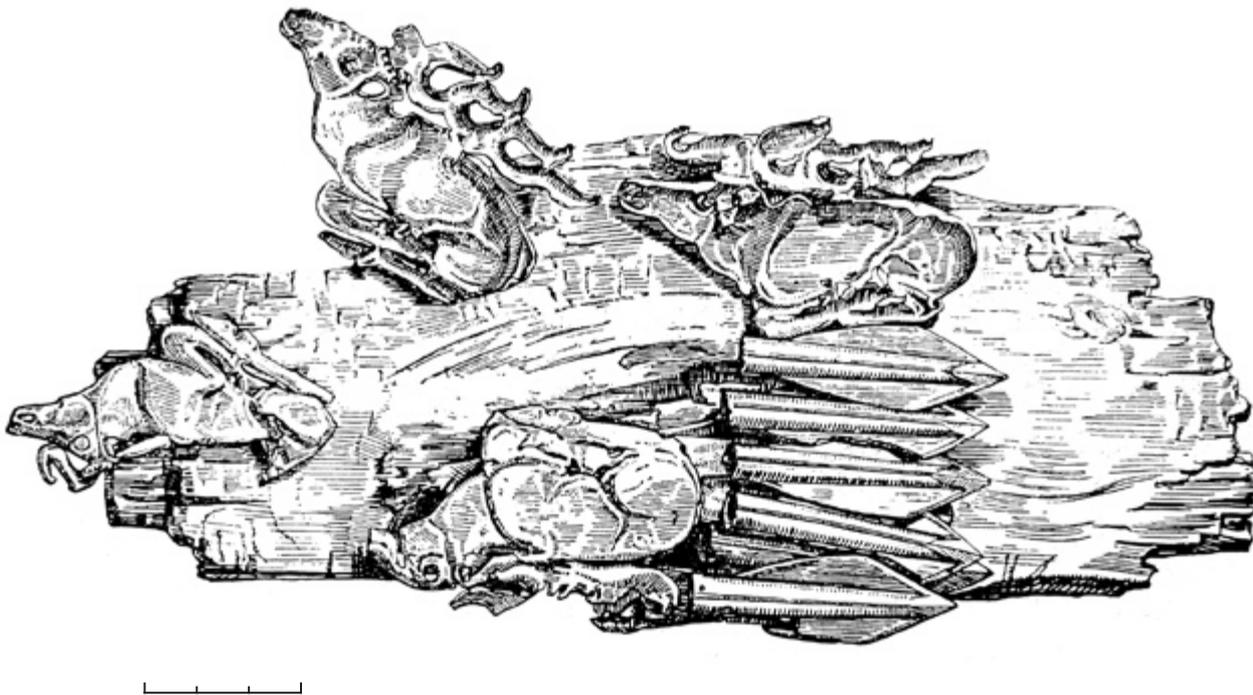

Рис. 4.10. Могильник Чиликты. Золотой курган (по С.С. Черникову)

Вскрыв насыпь одного из курганов могильника Берель, В.В. Радлов обнаружил вещи, не замеченные грабителями. Он записал в своем дневнике: «В центре кургана под могильным холмом находилась могильная яма длиной 2 сажени и шириной 2,5 сажени, наполненная крупным камнем и землей. Мы легко очистили эту могилу от ее содержимого на глубину 1 аршин, после чего наша работа внезапно остановилась. Земля здесь сильно промерзла, и в могилу со всех сторон просачивалась вода».

В могиле под слоем бересты были найдены останки 16 лошадей, положенных в 4 ряда по 4 особи.

В гробу, выдолбленном из ствола лиственницы и украшенном по углам бронзовыми фигурками грифонов, в ходе раскопок были найдены человеческие кости, глиняная посуда, нож, кинжал, меч.

Величина кургана, который стал объектом основных исследований в 1998-1999, имел диаметр более 30 м, первоначальную высоту — более 2 м.

Сам курган представляет собой сложное архитектурное сооружение. Насыпь кургана является не просто навалом камней, а состояла из нескольких слоев специально подобранных плит, валунов и галечника различных размеров.

В основании насыпи отмечена платформа из массивных плит, ограда из вертикально поставленных каменных плит.

Под насыпью кургана в могиле находился лиственничный сруб, сооруженный в три венца из толстых бревен: в пазы продольных вставляли поперечные плахи. Сверху он был накрыт массивными плахами, полотнищами бересты с прослойкой веток «курильского чая». Погребальная камера-сруб представляла собой помещение размерами 3,43 × 1,85 × 1,26 м. Дендрохронологиями установлено, что некоторые из бревен погребальной камеры были заготовлены заранее и не исключено, что они использовались в домостроении.

Внутри сруба, на вымощенном каменными плитками дне могилы, была установлена колода. Ее изготовили из цельного ствола лиственницы, а поверхность тщательно загладили и обрабатывали, возможно, особыми веществами, оберегающими древесину от гниения. С четырех сторон колоды, на торцах находились проушины, при помощи которых она была опущена в погребальную камеру. Сверху колода закрывалась крышкой, по углам которой были помещены четыре бронзовые с позолотой массивные фигуры птиц-грифонов.

В колоде находились останки мужчины, предположительно 35-40 лет, к которому позже была подхоронена женщина. По предварительному заключению антропологов она была несколько старше мужчины. Головы умерших покоились на деревянной «подушке». Прическа вождя состояла из двух косичек. Установлено, что при жизни

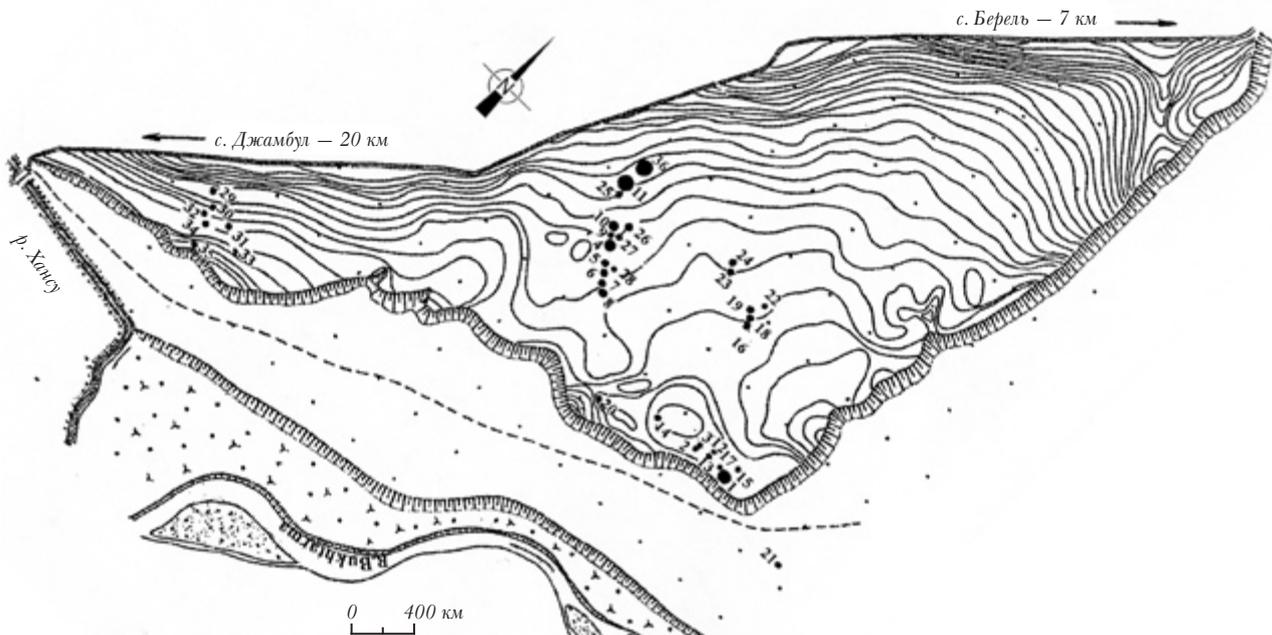

Рис. 4.11. План могильника Берель (по З.С. Самашеву)

он носил бороду и усы. В теменной части черепа мужчины зафиксирован пролом, нанесенный предположительно палицей. Вероятно, вождю-воину пытались оказать медицинскую помощь с целью извлечения из раны осколков костей и сгустков крови, о чем свидетельствуют следы незавершенной трепанации. О его боевой жизни свидетельствуют многочисленные сросшиеся переломы ребер и позвонков, полученные в разные периоды жизни.

В погребальной практике древних берельцев существовал сложный ритуал, предполагавший сохранение тела умершего до того момента, когда его можно будет захоронить. Для достижения этой цели с помощью специальных трав, ароматических веществ тела почитаемых персон подвергались бальзамированию. Погребенные были облачены в одежды, затейливо расшитые бронзовым бисером, нашивками из тончайшей золотой фольги. Богатство и роскошь одежды подчеркивают высокий социальный статус погребенных.

Тринадцать лошадей, сопровождавших вождя, были убиты ударом чекана в лоб и уложены за стенкой сруба в два яруса. Нижний ярус, состоящий из семи животных, отделялся от верхнего слоем бересты и кустарником. Кони — верховые скакуны рыжей масти — обращены головами в сторону восходящего солнца, на восток. Благодаря феномену «замерзших» могил сохранились не только шкура животных,

но и мягкие ткани, а также парадное конское снаряжение.

Найдены седла — древнейшие в Казахстане. Особо выделяется седло, покрытое шкурой хищника. Войлочная аппликация седельного покрытия передает сцену терзания хищником копытного животного. К седлу одного из коней был приторочен щит, составленный из деревянных прутьев.

Конское снаряжение украшено многочисленными деревянными изделиями, выполненными с помощью различных приемов, сочетающих технику барельефа и скульптуры. Все эти изделия: бляхи, псалии, подвески, разделители ремней с лицевой стороны покрыты золотой фольгой и оловом, а тыльной стороной с помощью отверстий прикреплены к ремням конской сбруи.

Предметы вооружения, конского снаряжения, которые оформлялись в скифо-сибирском зверином стиле, отражают его военно-аристократический характер.

В круг образов входят олени, лоси, птицы, горные бараны и козлы, кошачьи хищники, представители местной фауны. Но особое место занимали образы фантастических существ грифонов, которые сочетали в себе признаки разных животных: тело кошачьего хищника с длинным, закинутым на спину хвостом, клюв хищной птицы, грива в виде завитков, рога со спирально закрученными окончаниями.

Рис. 4.12. Могильник Берель. Курган №11.
Бляха в виде головы кошачьего хищника
(по З.С. Самашеву)

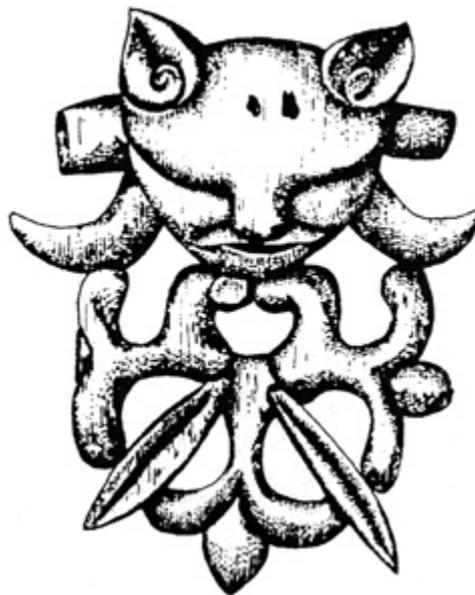

Рис. 4.13. Могильник Берель. Курган №11.
Подвеска в виде головы кошачьего хищника со щитком
(по З.С. Самашеву)

Изображение борьбы животных является одной из характерных черт звериного стиля. Находки с подобным сюжетом имеют место и в берельской коллекции: плакетки и подвески со сценой нападения кошачьего хищника на оленя или горного козла; грифон, кусающий свой хвост; объемное изображение головы копытного животного в клюве грифона, представляющее собой вариант сцены терзания.

Парадные маски с рогами козлов и снаряжение коней, выполненные из дерева, скрыты под блеском золотой фольги и оловянного покрытия, создающих лишь иллюзию массивных золотых и серебряных украшений. Вероятно, это обстоятельство свидетельствует о церемониальном характере конского снаряжения, его своеобразной маскировке.

К концу берельского этапа повсеместно происходило вытеснение бронзы железом. Бронзовые удила сменяются железными кольчатыми удилами, железными становятся также кинжалы-акинаки и ножи.

К III в. до н. э. формы и конструкции археологических памятников Восточного Казахстана изменяют свой характер. В степях между Тарбагатаем и верховьями Иртыша распространяются погребальные сооружения так называемого *кулажоргинского типа*.

Каменные ящики составлялись из четырех и более массивных неотесанных плит, вкопанных на ребро, и сверху также покрывавшихся плитами. Захоронения производились на спине, вытянуто, головой на запад или восток. Лишь в нескольких случаях встречены скорченные погребения на правом боку. Сверху насыпался курган.

Среди вещевого комплекса памятников кулажоргинского типа наиболее многочисленна глиняная посуда. Она представлена приземистыми кувшинами с невысокой цилиндрической горловиной, кринкообразными горшками, широкими и низкими кубками с округленным дном и петлеобразной ручкой. Встречены глиняные котлы с вертикальными и горизонтальными ручками.

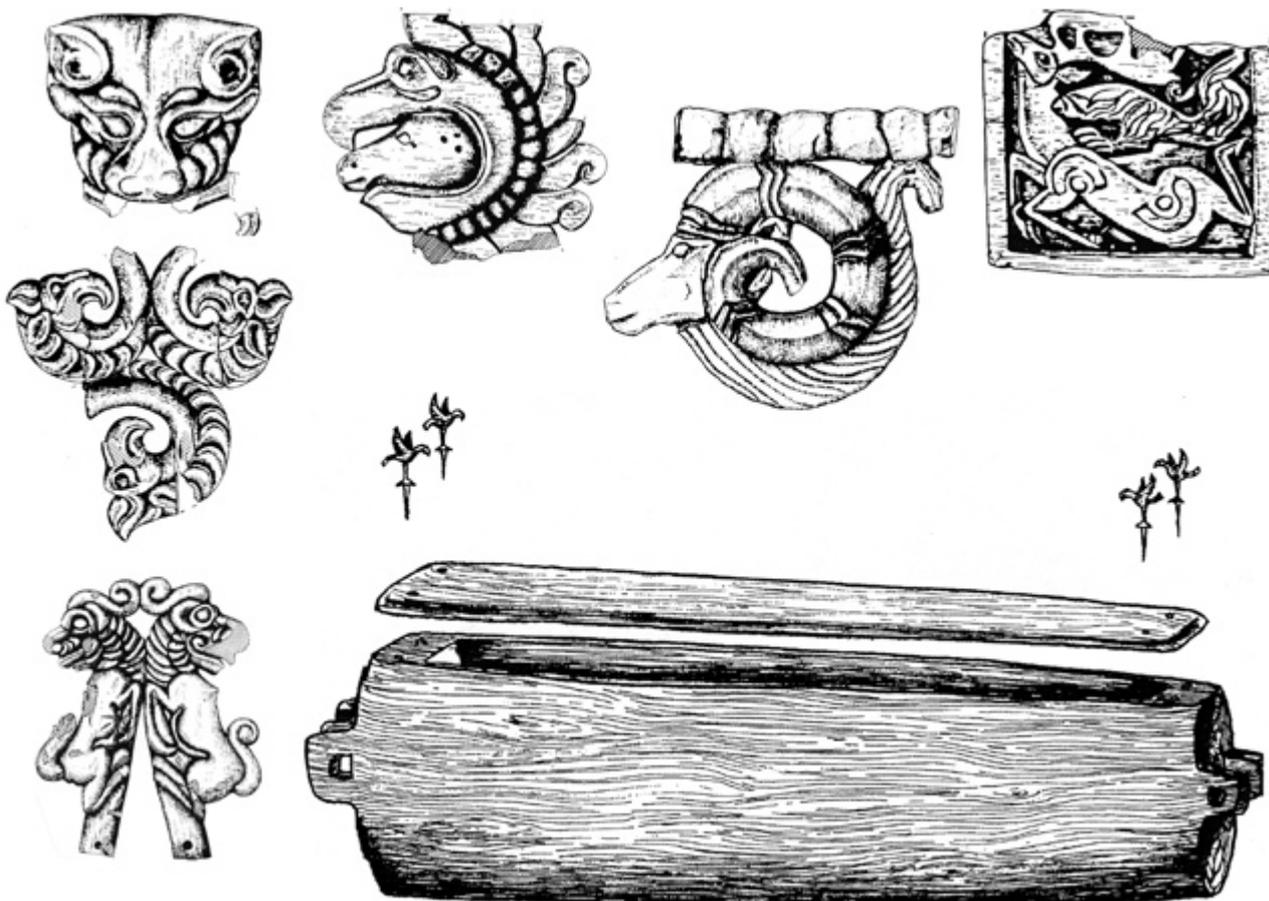

Рис. 4.14. Могильник Берель. Колода, погребальный инвентарь (по З.С. Самашеву)

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА САКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

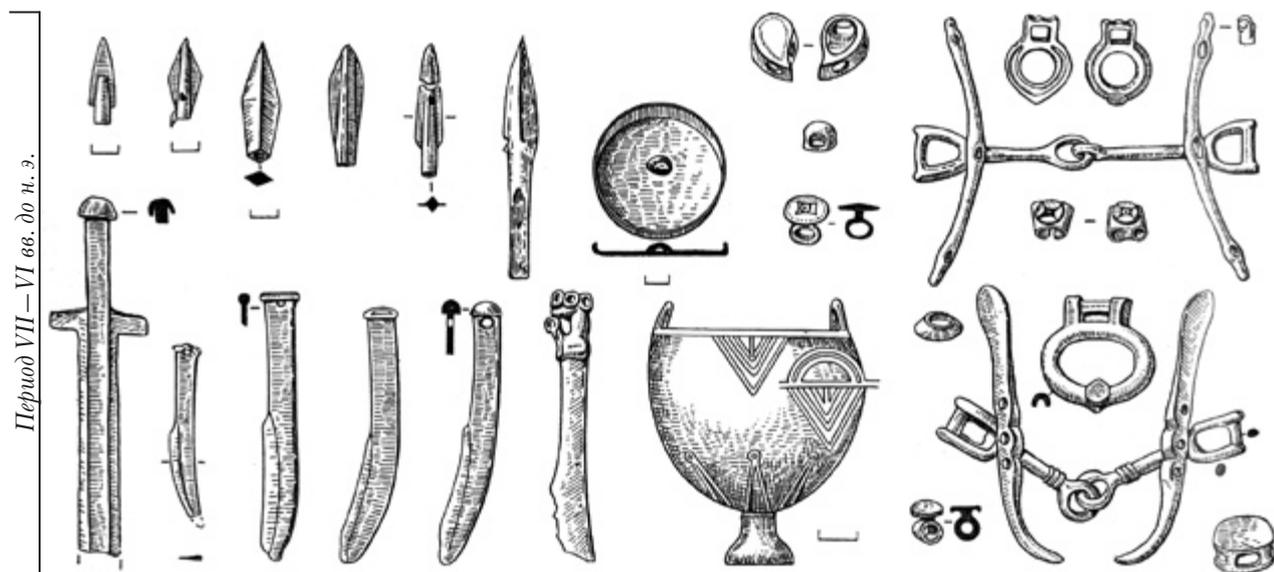
Отличительной чертой тасмолинской культуры являются своеобразные погребальные памятники — курганы с «усами». Это надмогильный комплекс, состоящий из основного кургана большого размера, примыкающего к нему с восточной стороны малого кургана и отходящих от него на восток двух невысоких каменных гряд шириной 1,5-2 м и длиной 20-200 м. Каменные гряды имеют форму полудуг и нередко в начале и конце ограничены круглыми каменными сооружениями курганного типа. Таким образом, в курган с «усами» входят три сооружения: большой курган с погребением человека, малый обычно с захоронением коня и глиняным сосудом и каменные гряды. Основной курган содержит в себе погребение с разнообразным инвентарем. Малый курган не имеет могильной ямы. Под его насыпью на уровне погребенной почвы (на материке) обычно находят конский скелет или отдельные его кости (череп, конечности), а в восточной части — один, реже два глиняных сосуда. Описанный тип кургана с «усами» наиболее распространенный, встречаются и его варианты. Например, сдвоенные курганы, когда малый курган расположен не с восточной, а с южной от большого кургана стороны. В этом случае они, как правило, одинакового размера. Лишь в одном случае малый курган сооружен на вершине большого, но всегда присутствуют три составных комплекса.

В хронологическом отношении памятники тасмолинской культуры делятся на два этапа: VII—VI вв. и V—III вв. до н. э. Первый этап культуры характеризуется определенным набором погребального инвентаря. Это бронзовые наконечники стрел (двухперые с выступающей втулкой и трехперые черешковые), кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (акинаки), бронзовые стремчовидные удила с разнообразными псалиями, бронзовые зеркала.

Эту культуру выделил М.К. Кадырбаев, продолживший исследование ее вслед за А.Х. Маргуланом. Сейчас памятники тасмолинской культуры изучает А.З. Бейсенов.

Для второго этапа типичны бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел, «кольчатые удила», бронзовые зеркала.

Примером памятников первого этапа является курган 19 из могильника *Тасмола I*. Он имел каменную насыпь диаметром 8 м и высотой 0,3 м. Длина северной гряды его 52 м, южной — 46 м при ширине 1,5 м. Памятник является вариантом сдвоенных курганов, где в одной насыпи совмещены функции основного и малого курганов. Поэтому под насыпью кургана в юго-восточной части найдены обломки двух сосудов, а в центральной части вскрыта могильная яма. Она была забутована камнями и представляла собой прямоугольное

Период VII—VI вв. до н. э.

Рис. 4.15.а. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда.

в плане сооружение длиной 1,8 м, шириной 0,8 м, глубиной 1,5 м, ориентированное длинной осью с севера на юг. На дне ее расчищен скелет женщины, лежащей на спине, в вытянутом положении, головой на север. Под ним находилась камышовая подстилка. На правой тазовой кости погребенной обнаружено круглое бронзовое зеркало диаметром 19 см, под костями стопы — черепа двух баранов. С левой стороны скелета лежал точильный камень прямоугольной формы, а на нем — железный нож. Вдоль костей левой ноги располагались череп и лопатка лошади. В зубах лошади «зажаты» бронзовые стремевидные удила с трехдырчатыми псалиями. Обнаружены также остатки ремней уздечки и бронзовые бусы, а также бляшки, украшавшие их.

Конское снаряжение из погребений Тасмолинской культуры представлено удилами и псалиями различных форм. Характерными для тасмолинской культуры являются удила: со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием; со стремевидными окончаниями, но без дополнительного отверстия; со стремевидно-прямоугольными окончаниями; кольчатые. Псалии также разнообразны по форме: трехдырчатые роговые и костяные; двухдырчатые крючковидные; трехдырчатые бронзовые, железные и с золотой инкрустацией; трехпетельчатые. Источник происхождения удил и псалиев, видимо, следует искать в Закавказье и Передней Азии, где в конце II — начале I тыс. до н. э. бытовали самые различ-

ные виды этого снаряжения. На самых ранних из них, изготовленных из кости, удила и псалии составляли единое целое.

Знакомство ранних кочевников Казахстана с этим типом узды могло произойти в VII в. до н. э. во время похода скифо-сакских племен в Переднюю Азию.

Бронзовые ножи двух типов: с кольчатым в виде кольца навершием рукояти и без выделенной рукояти. Второй тип известен еще с бронзового века. Железные ножи повторяют форму бронзовых, но появляются они лишь на втором этапе тасмолинской культуры.

Круглые бронзовые зеркала представлены несколькими типами: с высоким бортиком по краю диска и петлей посередине; с петлей в центре диска; с фигурной ручкой; с сильно выступающей ручкой; с боковой петлей и прямоугольным выступом. Первый тип — наиболее ранний и встречается не позже VI в. до н. э. Зеркала с рукоятью появляются в V в. до н. э. Среди десятков экземпляров типовых зеркал встречаются и единичные. Так, у зеркала из могильника Карамурун I рукоятка оканчивается изображением голов двух козлов.

Есть в погребениях каменные жертвенники, выполненные из песчаника, в виде овальных и круглых чаш на ножках.

Одной из наиболее распространенных находок являются глиняные сосуды. Большинство их имеет прямые или чуть отогнутые наружу венчики, плавно переходящие в полусферическое тулово с плоским дном. Все без исключения

Рис. 4.15.б. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Предметы быта, оружие, посуда.

сосуды выполнены методом ручной ленточной лепки. В глиняную массу примешивали толченый гранит и кварцевый песок. Большая слоистость теста говорит о низком качестве обжига.

Найдены скульптурные и рельефные изображения зверей, выполненные из бронзы, золота, рога и кости.

Так, интересны две бронзовые скульптурные фигурки козлов, найденные у черепа лошади в одном из курганов. Обе отлиты в одной литейной форме и после отливки подвергались дополнительной обработке. Обнаружено несколько экземпляров полых фигурок архара. Из других украшений представлены бляшки с изображениями кабана, лося. Найдены застежки для верхней одежды из маральего рога в виде головы грифона, на котором, в свою очередь, выгравирован многофигурный рисунок. В VI — V вв. до н. э. появляются тисненные золотой фольгой фигурки хищников — барсов, львов, золотые бляхи. Они применялись для украшения налобного ремня лошади и одежды.

Среди предметов вооружения преобладают наконечники стрел. Они относятся к двум типам: двухперые с выступающей втулкой и трехперые черешковые. В одном из курганов могильника Карамурун I обнаружены остатки кожаного колчана, в котором находились 46 стрел, уложенных в 3 ряда. Удалось установить длину древка — 60 см. Из общего числа наконечников бронзовых — 42 шт., костяных — 3, деревянных — 1. Среди втульчатых есть наконечники с листовидной формой пера и шипом

на втулке, выходящим за нижний обрез, наконечники с асимметрично-ромбовидной формой пера и втулкой, доходящей до острия боевой головки, наконечники ромбовидной формы со сглаженными плоскостями.

Черешковые наконечники стрелы имеют подтреугольную форму с лопастями, почти доходящими до острия; с выемками в нижней части боевой головки и зубчатыми выемками.

Во второй половине VI в. до н. э. наряду с перечисленными появляются новые наконечники — трехперые втульчатые, которые в V — IV вв. до н. э. становятся преобладающими. Возможно, эта форма была заимствована от скифов и савроматов. Примерно в это же время распространяются трехгранные наконечники со скрытой втулкой и выступающими шипами.

Другой вид вооружения — бронзовые кинжалы-акинаки — представлен единичными экземплярами. Акинак из могильника Нурманбет IV, датируемый VI в. до н. э., характеризуется массивной рукоятью шире клинка и всего на 5 см короче его. Рукоять имеет грибовидное навершие и широкое овальное перекрестие. Другие экземпляры выделяются непропорциональностью рукояти и лезвия. Встречаются рожковидные навершия с бабочковидным перекрестием. Крепились кинжалы к поясу с помощью специальных металлических обойм. Пояса имели важное значение для кочевников. Именно у тасмолинцев зафиксированы наборные пояса с прикрепленными к кожаной основе бронзовыми бляшками.

Рис. 4.15.в. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Предметы быта, оружие, посуда.

САКСКИЕ КУРГАНЫ ЖЕТЫСУ

Глава IV.

Курганы являются наиболее примечательной деталью ландшафта Жетысу. Они различаются размерами, высотой и образуют цепочки, скопления и могильные поля. Среди наиболее известных — могильники Алматы, Талгар, Новоалексеевский, Кугалы, Бурундай, Иссык, Турген, Чилик, Кегень, Мерке, Джетытобе, Уштобе, Берккара. Все они были обследованы, частично раскопаны, а такие, как Иссык, Бесшатыр, приобрели, всемирную известность. К сожалению, многие из могильников разрушены, часть курганов снесена, сnivelирована и застроена.

Первые обобщающие исследования по истории кочевников Семиречья принадлежат М.П. Грязнову и А.Н. Бернштаму.

Существенный вклад в разработку археологии кочевников Семиречья внесли К.А. Акишев, Е.И. Агеева, Г.А. Кушаев., И.И. Копылов, А.Г. Максимова, А.К. Акишев, Б.Н. Нурмухамбетов.

Особое значение имел обобщающий труд по культуре саков и усуней долины Или (К.А. Акишев, Кушаев Г.А.). В нем были систематизированы все известные на начало 60-х гг. материалы, уточнена периодизация истории культуры, исследованы вопросы хозяйства, общественного строя, а также происхождения этих народов.

В 50-60-х гг. в долине р. Талас также разворачиваются исследования курганов ранних кочевников (А.К. Абетеков, Ю.Д. Баруздин).

Исследованы памятники на северных склонах Киргизского хребта, прилегающих к долине Таласа (А.Г. Максимова, 1970; 1972; 1975). Возобновляются раскопки в долине Чу (А.К. Абетеков) и в котловине Иссык-Куля.

В Семиречье, как и в других частях евразийского пояса степей, раннесакские памятники изучены недостаточно. Они представлены курганами с единичными могилами с бедным инвентарем, а также отдельными находками изделий «скифской триады».

Могилы имеют три разновидности: обычные грунтовые ямы, подбой и каменные ящики. Последние можно рассматривать, видимо, как пережиточное явление, связанное с эпохой бронзы. Захоронения различаются также ориентировкой погребенных: на

северо-запад и северо-восток. Иногда умершего сопровождало погребение верхового коня в отдельной яме. В могилу ставили ритуальную пищу — мясо барана. Инвентарь погребений беден и однообразен, оружие отсутствует. В могилах находят предметы конской упряжи с характерными стремевидными удилами, пряжками. В этот период, особенно к концу его, в Семиречье уже были известны изделия прикладного искусства, выполненные в так называемом зверином стиле. В быту население употребляло простые бронзовые ножи, деревянные и костяные гребни. Лепная круглодонная посуда, частично изготовленная на матерчатом шаблоне, резко отличалась по форме и отсутствию орнамента от керамики позднебронзового века. Случайно найденные бронзовые и железные акинаки с бабочковидным перекрестием, а также наконечники стрел ромбовидной формы со втулкой и некоторые другие изделия по аналогии с раннескифскими относят к раннесакскому периоду. Таким образом, все три компонента «скифской триады» — оружие, уздечный набор, звериный стиль — уже представлены в культуре саков Семиречья раннего периода.

К раннесакскому периоду отнесены некоторые случайные находки бронзовых и железных

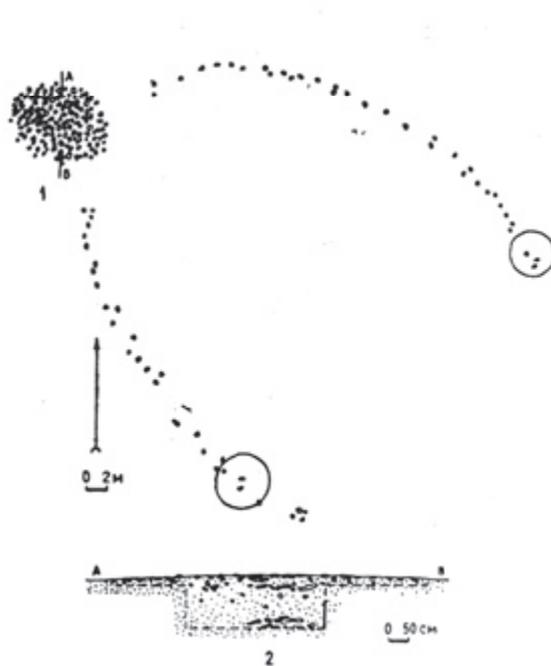

Рис. 4.16. Тасмолинская культура. Курган с усамы (по М.К. Кадырбаеву)

акинаков с бабочковидным перекрытием и зооморфным навершием, бронзовый кинжал из Текели, а также клад из Биже, о котором сказано ниже.

Период (V-III вв. до н.э.). По сравнению с раннесакским периодом количество археологических памятников сакского времени увеличилось во много раз, что свидетельствует о значительном росте численности населения края. Почти все основные районы Семиречья и Тянь-Шаня были обжиты саками именно в это время. В ходе накопления богатств появились условия для создания огромных погребальных сооружений, подобных курганам Иссык и Бесшатыр.

Можно выделить несколько групп могильников, часть которых в дальнейшем, по мере накопления материалов, вероятно, составят самостоятельные археологические культуры.

Группа сакских памятников Чуйской и Таласской долин представлена царскими курганами (Джеты тобе) и захоронениями рядовых общинников, погребальный обряд которых аналогичен обряду рядовых погребений долины р. Или. Сопровождающий покойников инвентарь составляют один-два сосуда, украшения, бронзовые наконечники стрел, среди которых встречаются трехперые черешковые и трехгранные втульчатые.

В разных пунктах долины Чу обнаружены случайные находки бронзовых изделий сакского времени: несколько кинжалов с прямым клинком, бабочковидным перекрестием и брусковидным или антенным навершием, а также литые бронзовые котлы на коническом поддоне с двумя вертикальными ручками.

Могильник Бесшатыр. Могильник расположен на правом берегу р. Или у подножия гор Желшалгыр, в 170 км восточнее г. Алматы. Могильник протянулся с севера на юг на 2 км, с востока на запад — на 1 км и состоит из 31 кургана, из которых 21 имеет каменную насыпь, остальные — насыпи из щебня и земли.

Курганы в могильнике расположены бессистемно, однако выделяются две группы — северная и южная. Самый крупный курган, названный «Большой», расположен в северо-восточной части могильника. Диаметр его 104 м, средняя высота 15 м. Насыпь имеет форму усеченного конуса с плоской вершиной, диаметром 32 м. Каменная насыпь кургана у основания уложена в несколько плотных рядов, что создает впечатление цоколя, на котором и покоится вся громада насыпи. Вокруг кургана сооружен вал. Рядом с насыпью расположены кольцевые сооружения, составленные из крупных каменных столбов (менгиров) и больших валунов, получивших

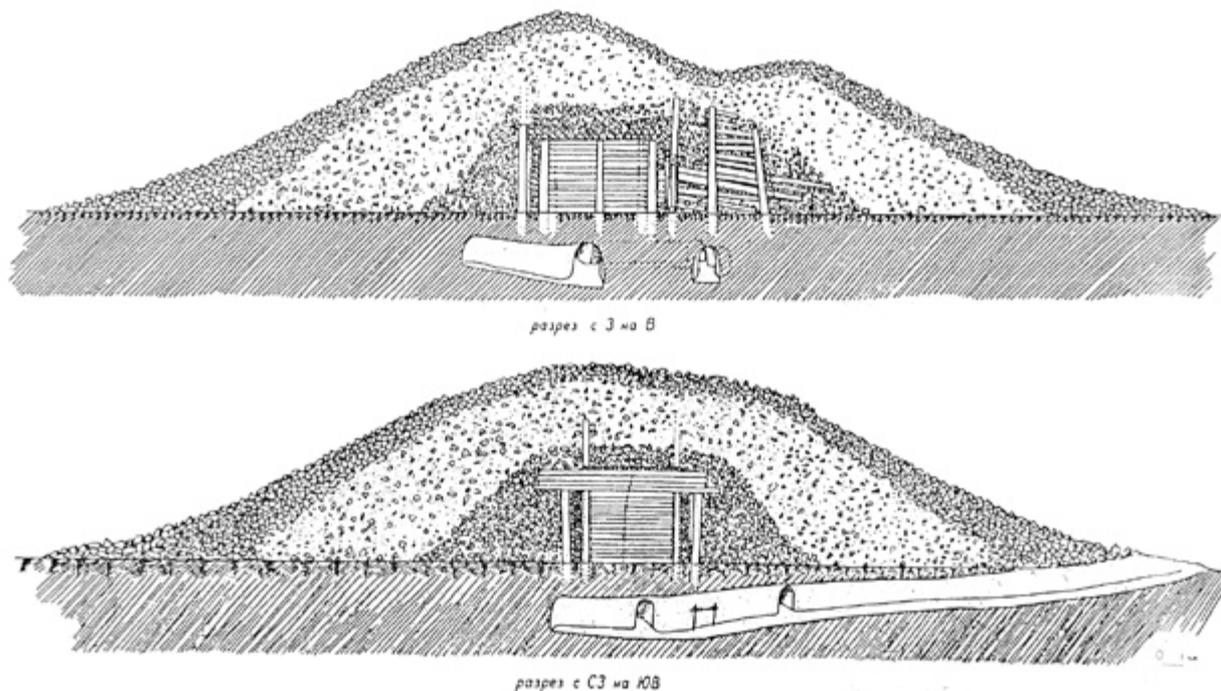

Рис. 4.17. План и разрез большого Бесшатырского кургана (по К.А. Акишеву)

название «оградки». Таких оградок 94, и в плане они напоминают спираль, закрученную вокруг кургана. Оградки имели ритуальное назначение и, видимо, были связаны с культом огня.

Обстоятельно исследовался «Первый» Бесшатырский курган, имевший диаметр 52 м, высоту свыше 7 м и расположенный севернее остальных. Как и «Большой», он имел плоскую вершину. Насыпь состояла из трех слоев. Верхний слой представлял собой каменное покрытие толщиной до 1 м у вершины и до 3 м у основания. Второй слой, самый мощный, толщиной от 3,5 до 13 м, сложен из земли и щебня. Третий слой, нижний, образован из крупного битого камня. Под этим слоем находилась большая деревянная постройка из обработанных бревен тянь-шанской ели. Это строение и являлось «царской» усыпальницей, воздвигнутой на материке.

Усыпальница состояла из коридора (дромоса), тамбура и погребальной камеры. Коридор — длинное, высокое и не перекрытое сверху сооружение размером 5,75×1,50 м, высотой более 5 м. Тамбур примыкает к восточной стенке погребальной камеры. Коридор с помощью поперек положенных плах делится на два отсека. Погребальная камера имеет в плане форму неправильного квадрата, ориентированного по сторонам света, состоит из 16 рядов бревен тянь-шанской ели. Потолком и крышей служили бревна наката, положенные вдоль прямо на стены камеры. Толщина наката 7-8 бревен. Стены снаружи и изнутри удерживают 16 вертикально врытых столбов. Все бревна хорошо обработаны — с них срублены сучья, снята кора. Бревна, образующие стены камеры, тщательно отесаны и плотно пригнаны друг к другу. Местами на них сохранились следы плотничьих инструментов. Для транспортировки бревен на концах и посередине делали отверстия для веревок — проушины. Сверху на бревна наката были положены камышовые маты, перевязанные веревками.

После совершения погребения вход в камеру был заложен крупными камнями, а отсеки коридора до самого верха забутованы камнем вперемешку со щебнем. После этого над погребальным сооружением, возвышающимся над окружающей местностью более чем на 5 м, была сооружена насыпь.

Погребальная камера оказалась разграбленной. На полу после расчистки завала обнаружены разрозненные кости мужского и женского скелетов, кости животных, деревянная ножка какого-то предмета.

Остальные Бесшатырские памятники имеют сходную архитектуру, но отличаются размерами курганов и усыпальниц. Так, раскопки «Третьего» кургана выявили 17 слоев в насыпи, а вокруг кургана явственно возвышалась стена, первоначально имевшая высоту свыше 1 м. «Шестой» курган имел подземные ходы и катакомбы общей протяженностью 55 м.

Помимо курганов в могильнике зафиксированы шесть оград, расположенных на возвышении к северо-востоку, и четыре, — к западу от курганов. Ограды из вертикальных камней (менгиров) в окрестностях могильника — не самостоятельные памятники, а дополняющие архитектуру курганов. На некоторых из них выбиты фигуры горных козлов, кабана и волка.

Насыпи мелких курганов соорудились из земли и речной гальки. Под насыпью находилась грунтовая яма, своей длинной осью, как правило, ориентированная с востока на запад. Покойника клали в вытянутом положении, головой на запад. Сверху яму перекрывали деревянными плахами. В могильнике Кылауз, расположенном рядом с Бесшатыром, обнаружено коллективное погребение в двух могильных ямах; в одной из них погребенные уложены в два яруса.

В южной и западной частях камер обычно расставлена посуда, а в северной находились останки погребенного, лежавшие прямо на дощатом полу. Могильник Бесшатыр датирован V-IV вв. до н. э.

Курган «Иссык» находится на южной окраине большого могильника, в 40 км восточнее Алматы, состоящего из более 40 курганов. Диаметр кургана — 60 м, высота — 6 м. Насыпь многослойна (3-4 слоя), слои гальки чередуются с щебеночно-глинистыми. Под насыпью два захоронения: центральное и боковое (южное). Центральная могила полностью ограблена. Боковая могила оказалась не потревоженной.

Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тянь-шанской ели, ее размеры: по внутреннему обмеру 2,9×1,5 м, по наружному — 3,3×1,9 м, высота ее с накатом 1,3-1,5 м.

Вначале выкапывался котлован могильной ямы прямоугольной формы, ориентированный длинной осью с запада на восток. На дне котлована строился бревенчатый сруб — погребальная камера. Конструкция ее весьма проста: бревна определенной длины укладывались горизонтально друг на друга, образуя стенки камеры. На стенах камеры бревна уложены в пять рядов, сверху она перекрыта также брев-

нами, уложенными поперек на длинные стены. На дне настлан пол из десяти хорошо обработанных досок. На полу размещались останки умершего и погребальный инвентарь.

Участок пола, предназначенный для покойника, покрывался матерчатой подстилкой, расшитой мелкими золотыми бляшками. На подстилку был положен усопший, облаченный в парадную одежду, при полном вооружении. Покойника, судя по костяку, уложили на спину в вытянутом положении, головой на запад, лицом вверх, кисть правой руки уложена на пах, левая рука откинута в сторону.

Вдоль правого бедра рукоятку у пояса (скорее всего, подвешенный к портупее) плашмя был помещен железный меч в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ремни портупеи украшали золотые обоймы и пронизь (изделие для крепления меча или кинжала) с рельефным изображением головы тигра. Между туловищем и левой рукой положен железный кинжал также в деревянных ножнах, обтянутых кожей и украшенных двумя золотыми пластинками с изображениями коня и лося и с двумя цилиндрическими бляхами-обоймами для перекрестных ремней с рельефными изображениями свернувшегося волка.

Рядом с покойником у локтя левой руки помещена стрела с золотым наконечником, здесь же, но выше локтя — нагайка, рукоятка которой спирально обернута широкой золотой лентой, еще выше — матерчатая (шелковая)

туалетная сумочка, в которой находились бронзовое зеркало и красная краска.

На полу камеры сосуды с заупокойной пищей и питьем. К последним относится бронзовая с позолотой миска, поставленная обособленно. В ней лежали несколько золотых фигурных пластинок, выполненных в виде клюва и когтей хищной птицы. У южной стены стояла деревянная посуда, причем на заднем плане в два ряда четыре блюда, рядом, но на переднем плане, — миски и черпак. У другой стены выстроены в один ряд вплотную друг к другу глиняные кувшины, а перед ними миски. Среди них, но также вместе две серебряные чаши и ложка. На одной из серебряных чаш имелась надпись из 26 букв (знаков). Бронзовая чаша стоит в стороне, у изголовья захороненного. Участок пола у восточной стены камеры свободен от вещей. Очевидно, вход в камеру был именно с восточной стороны. После совершения похорон и размещения инвентаря камеру перекрыли короткими бревнами, яму заполнили грунтом, затем возвели насыпь.

По определению антропологов, захороненному в кургане Исык было 17-18 лет. Одет он был в богато расшитую золотом парадную одежду. На голове носил высокий (до 65-70 см) конической формы головной убор. Всего на головном уборе размещалось около 150 украшений. Большинство из них имеют штампованные изображения снежных барсов, тау-теке, архаров, лошадей, птиц. Переднюю часть головного убора украшали скульптурные изображения двух

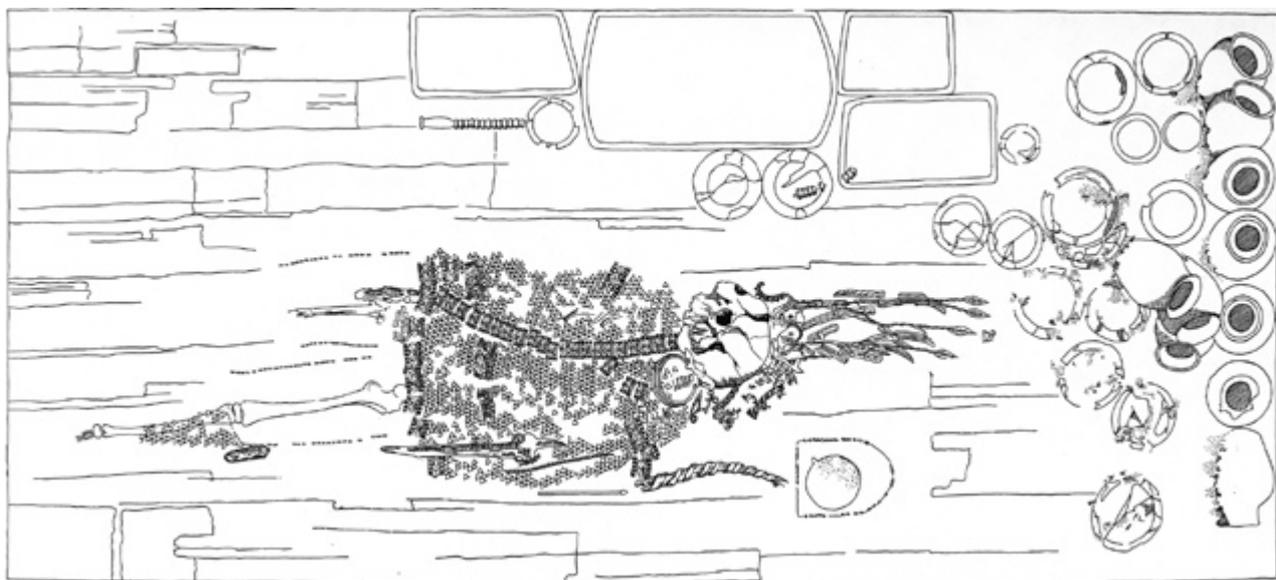

Рис. 4.18. Курган Исык. «Царское» погребение и инвентарь (по К.А. Акишеву)

крылатых лошадей с козлиными рогами, а также две пары длинных птичьих крыльев и многие другие фигурные пластины. На шее находилась золотая спиралевидная гривна (шейное украшение), концы которой завершаются рельефными изображениями голов тигров.

Верхняя одежда состояла из кафтана и штанов. Короткий, судя по фрагментам, кожаный кафтан (сохранились кусочки окрашенной в красный цвет кожи) сплошь обшит золотыми фигурными бляшками, а борта, низ и ворот — крупными квадратными с изображениями голов тигра. Всего кафтан украшало около трех тысяч золотых предметов. Штаны по внешнему и внутреннему продольным швам обшиты мелкими прямоугольными пластинками. Они заправлялись в кожаные сапоги с высокими голенищами. Голенища сапог также украшали золотые бляшки треугольной формы, аналогичные бляшкам, украшавшим кожаный кафтан.

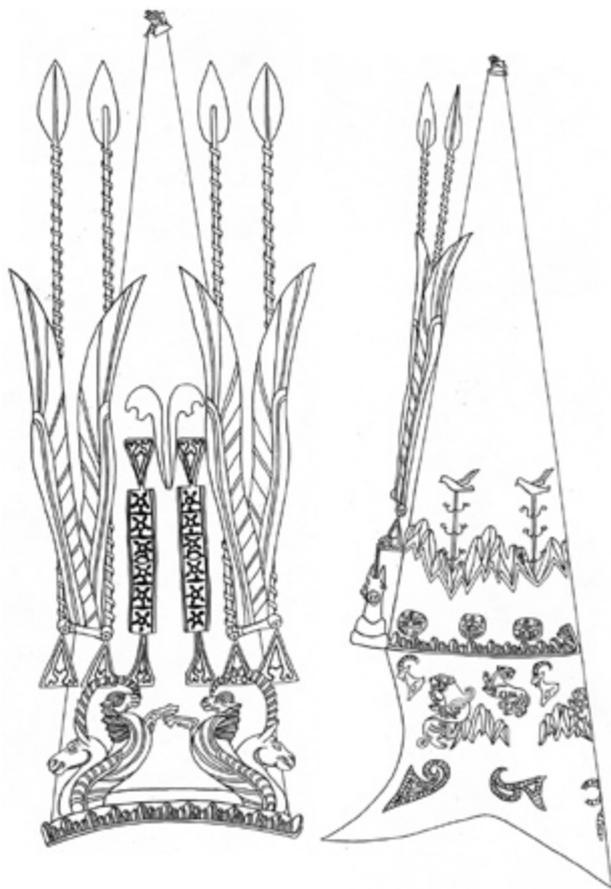

Рис. 4.19. Могильник Иссык. Графическая реконструкция головного убора из «царского» кургана (по К.А. Акишеву)

Под кожаным кафтаном была матерчатая нательная рубаша, ворот и рукава которой украшены орнаментальным узором из золотых пластинок разных форм. Кафтан подпоясывался кожаным ремнем с набором массивных золотых блях с рельефными изображениями лежащего лося и лосиных голов. К ремню справа подвешивался длинный железный меч, а слева — железный кинжал, богато инкрустированный золотом. Меч и кинжал находились в кожано-деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ножны кинжала украшали по внешней стороне две большие золотые пластины-обкладки с изображением фигур лося и лошади. На пальцах рук сак из кургана Иссык носил два массивных золотых перстня, один из них перстень-печать с изображением головы человека в профиль в пышном головном уборе. Захоронение в кургане Иссык датируется концом IV — началом III вв. до н.э.

Могильники рядовых саксов (VII—IV вв. до н.э.). Погребения рядовых общинников сакского времени по размерам, конструкции могильного сооружения и инвентарю резко отличны от царских захоронений бесшатырского и иссыкского типа.

К таким захоронениям раннего этапа сакской культуры (VII—VI вв. до н.э.) относятся могильники Каргалы I и Алтын-Эмель II. Курганы имели сферические каменные насыпи, под ними находились каменные ящики с костяками. Костяки лежали вытянуто, головой на северо-запад. Исследователи датируют могильник Каргалы I переходной от эпохи бронзы к саксам эпохой VIII—VII вв. до н.э.

К раннему этапу сакской культуры относятся также курганы в могильнике Жуантобе. Они небольших размеров, насыпь имели земляную вперемежку с речной галькой. Под насыпью в могилах человеческие костяки лежали в грунтовых ямах, ориентированных длинной осью с запада на восток. Могилы перекрыты поперечно положенными бревнами. Найденные при погребенных бронзовые удила, ножи, костяной и деревянный гребни, бусы, бронзовые подпружные пряжки, керамические сосуды датируют Жуантобе VI—V вв. до н.э.

Лучше известны памятники позднесакского времени (V—IV вв. до н.э.). К этому времени относятся такие памятники, как Кадырбай III, Карашоки и Кзылауыз.

В могильнике Карашоки (Кара-Чоко), расположенном на правом берегу реки Или

в Чулакских горах, раскопанный курган имел небольшую насыпь из земли со щебенкой, на насыпи выступали камни, образующие два концентрических кольца. Погребение совершено в грунтовой яме. При захоронении найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел, относящиеся к V—IV вв. до н. э.

Клад из Биже. Уже отмечалось, что наиболее ранний этап сакской культуры относится к IX—VIII вв. до н. э. В Жетысу комплекс ранних изделий саков известен как «клад из Биже». В его составе были удила. Они бронзовые, литые, с прямоугольным стремечком и упором, а также с полуовальным стремечком и дополнительным отверстием. Поверхность стержней покрыта орнаментом в виде нарезных и выпуклых прямоугольников и квадратов. Псалии (опоры) удила двух видов, первый — слабоизогнутый, трехдырчатый, бронзовый, с продолговатым срединным отверстием. На одном конце псалия дисковидное уплощение, лежащее в той же плоскости, что и центральное отверстие, другой конец оформлен в виде расширяющегося к концу конуса. Второй псалий — дуговидный — с тремя круглыми отверстиями. Один конец имеет эллипсоидное утолщение, другой — коническое. В состав сбруйного набора входят бронзовые навершия, украшенные головками горных козлов. Они имеют втулки в виде усеченного конуса. В числе других вещей — бронзовые бляшки в виде колечек, украшавшие ремни поводьев; бронзовые распределители ремней узды; петельная бляха и две подвески. Датируется клад второй половиной VIII—VII вв. до н. э. Интересно, что в этом же районе также случайно был найден бронзовый кинжал длиной 39 см с прямым перекрестием и овальной в сечении рукоятью с грибовидным навершием. Кинжал датируется VIII в. до н. э. Эти находки позволяют судить о том, что VIII—начало VII вв. до н. э. были временем сложения сакской культуры Семиречья, уходящей корнями в эпоху бронзы.

Жалаулинский клад. Свое название клад получил по имени аула, расположенного в 200 км восточнее Алматы. Все найденные случайно вещи лежали в войлочном мешке, который был зарыт в землю в начале XX в. Все эти предметы извлечены из ограбленных курганов неизвестным кладоискателем. Среди более чем двухсот предметов общим весом более полутора килограммов выделяются детали наборного пояса,

украшения одежды и головного убора, а также пектораль — нагрудное украшение. Пектораль представляет собой массивную овальной формы пластину, украшенную по краям бордюром из крученого золотого дрота — проволоки. На концах ее сохранились петли для подвешивания.

Поверхность пекторали украшают напаянные в 4 ряда миниатюрные фигурки горных баранов — архаров, выполненных в характерной для сакского искусства позе «с поджатыми ногами». На туловищах баранов предусмотрены гнезда для крепления цветных камней — бирюзы, сердолика или других, которые должны были «разбить» однородную желтую поверхность пекторали.

Бляхи от наборного пояса сделаны в виде миндалин. Лицевая поверхность блях, а они крепились к поясу попарно, образуя круг, украшены, как и пектораль, фигурками архаров и зернью — напаянными шариками золота. К деталям пояса, которые «скрывали» его кожаную основу, относятся прямоугольные обоймочки, орнаментированные узором в виде «елочки».

Интересны бляхи в виде парных фигур оленей с ветвистыми древоподобными рогами. Две литые бляхи с оленями имеют еще изображение орла «с распахнутыми крыльями».

В кладе есть штампованные бляхи с изображением барса, терзающего козла, а также вырезанные из листового золота горные козлы, изображенные в позе «летучего галопа».

Вызывает интерес массивная треугольная пластина с напайками в виде шерсти. Назначение ее непонятно, но скорее всего это украшение одежды. Очень много золотых конусовидных подвесок, некогда украшавших одежду и головной убор.

Важное значение для датировки всего клада имеют бляшки с оленями, большие и маленькие. Вот одна из них.

Бляшка изготовлена из золота; вес ее 6,15 г, максимальные размеры 31×25 мм. Бляшка имеет подтреугольно-сердцевидное очертание, сформированное внешним абрисом фигур и рогов животных. При этом бляха слегка асимметрична: один олень расположен несколько выше другого. Она изготовлена в технике литья по восковой модели с последующей подработкой резцом. С оборотной стороны бляшки, в области крупы оленей, имелись две плоские петли, расположенные под углом друг к другу.

Особенностью моделировки фигур оленей является широкое использование сквозных просветов, которыми обозначены глаз, ухо, ноз-

дря, рот, разделка рогов животных. Клювовидную форму имеют просветы на плече и ягодице оленей; кроме того, они использованы в моделировке ног животных.

Просветы могли закрываться вставками из другого материала, например, цветных камней, с целью придания вещи большей декоративности — двух- или многоцветности. Не исключен, однако, следующий вариант: бляшка с внутренней стороны покрывалась тонированной мастикой, которая после высыхания и шлифовки, заполнив просветы, могла напоминать декоративный камень.

Возможно, просветы ничем специально не

закрывались, но благодаря тонировке основы, к которой прикреплялась бляшка, создавалось впечатление полихромности изображения.

Аналогии бляшке, датируемые в пределах начала VIII — VI вв. до н. э., происходят с Алтая и Минусинской котловины, что позволяет отнести рассмотренную бляшку к этому же времени. Датировку подтверждают аналогичные золотые бляхи, найденные, как выше отмечалось, в могильнике Чиликты. Этим же временем датируются и остальные изделия из Жалаулинского клада, представляющего собой набор украшений парадного костюма представителя или представительницы сакской аристократии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УСУНЕЙ

Ранний этап III — I вв. до н. э. На рубеже III-II вв. до н.э. в истории Семиречья и Тянь-Шаня наступает новый этап, связанный и с переселением в середине II в. до н. э. кочевых племен юечжей и усуней из Центральной Азии. Усуни вскоре подчинили местные сакские племена и часть юечжей. Но в большинстве юечжи продвинулись на юг Средней Азии и создали там основы будущего Кушанского государства.

После включения в состав Усуньского союза местных сакских племен, а также юечжей численность объединения достигла 630 тыс. человек. Однако вполне вероятно, что основ-

ную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня в то время по-прежнему составляли местные племена саков. Преобладание местного населения должно было отразиться на составе археологических памятников. Согласно письменным источникам, население Семиречья и Тянь-Шаня в этническом отношении было разнородным. Здесь обитали три народности — саки, юечжи и усунь. Не противоречат этому и археологические материалы, которые представлены одновременными памятниками разного типа. Возникает сложная задача сопоставления археологических памятников с конкретными этносами.

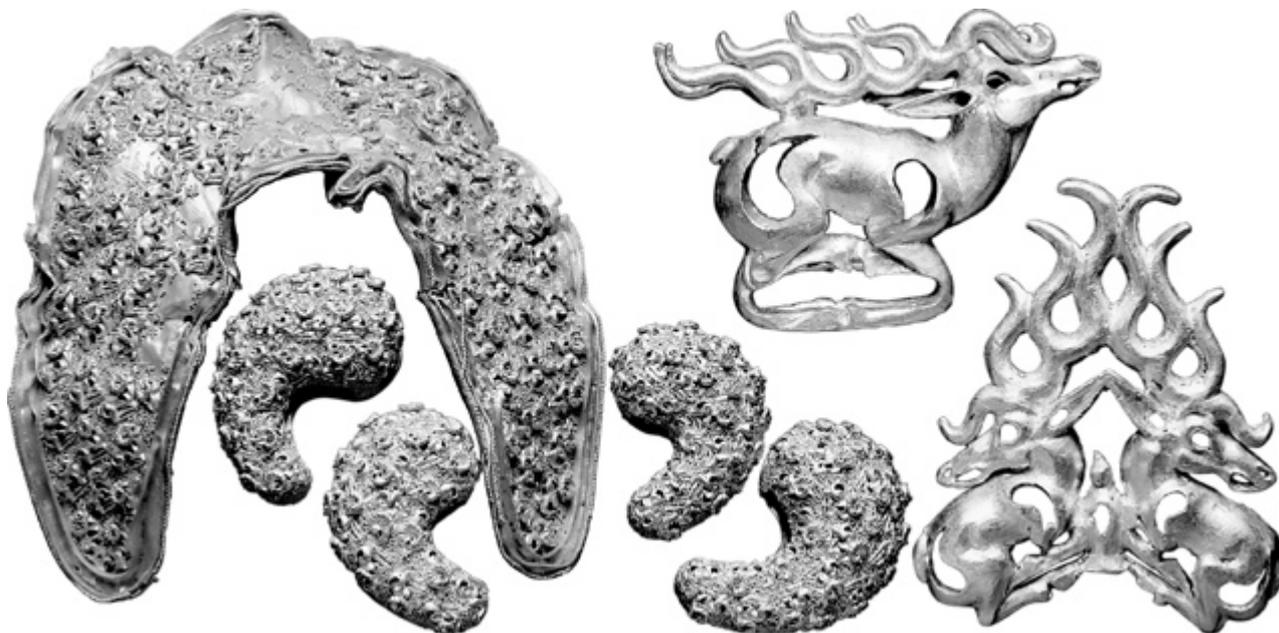

Рис. 4.20. Материалы Жалаулинского клада

Исследованием усуньских древностей занимались А.Н. Бернштам, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев.

Курганы с грунтовыми могилами составляют основную массу захоронений местного населения усуньского периода. В них можно проследить непосредственное развитие от сакских комплексов середины I тысячелетия до н.э. Это видно при сопоставлении материалов могильника сакского периода V—IV вв. до н.э. *Кзылауз I* и раннеусуньского памятника III—II вв. до н.э. *Капчигай III*. Оба памятника находятся в долине р. Или. В обоих могильниках курганы располагаются цепочками. У основания насыпи, под ней или на ней, находятся каменные кольца. Основную массу погребений составляют грунтовые могилы, перекрытые деревом. Захоронения в обоих могильниках, как правило, ориентированы головой на запад или северо-запад. В могилах находят кости овцы, один-два сосуда и в небольшом количестве поделки из железа и бронзы.

Тесные генетические связи культуры и памятников сакского и усуньского периодов отмечены всеми исследователями. Этим и объясняется появление терминов «сако-усуньская культура», «сако-усуньские памятники». Все данные указывают на длительное сохранение у ранних кочевников Семиречья одинаковых простых могильных сооружений, одних и тех же или очень близких погребальных обрядов и

на значительное сходство инвентаря. Из этого следует вывод, что население, оставившее наиболее массовую группу памятников усуньского времени, правомерно отождествлять с потомками местного сакского населения, а сами могильники рассматривать как позднесакские памятники.

В Семиречье археологи выделяют две основные и наиболее распространенные группы памятников. Первая — могильники с захоронениями в грунтовых могилах, которые отличаются однообразным устройством и малочисленностью инвентаря.

Характерно расположение курганов правильными цепочками. На позднем этапе такое размещение сменяется бессистемным. Устойчивым признаком служит каменное кольцо в основании кургана. Захоронения совершались в простых грунтовых могилах, стенки которых изредка укрепляли деревом. Сверху они перекрыты деревянным накатом или каменными плитами. Погребенные положены вытянуто на спине, головой, как правило, на запад, иногда с отклонениями. Почти во всех могилах найдется по одному костяку. Иногда встречаются курганы, под насыпью которых имеются две-три могилы. Все умершие были положены на дно могилы. В ней обычно находят один-два сосуда, изредка железный или бронзовый нож, а в женских захоронениях — предметы туалета и украшения: зеркала, железные иглы и булавы

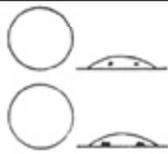
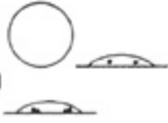
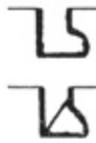
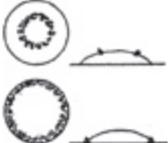
Периоды	Основные типы колец		Основные типы погребальных сооружений		Основные типы встречаемой керамики
	I тип	II тип	I тип	II тип	
II—III вв. н.э.					II—III типы
I в. до н.э.—I в. н.э.					I—II—III типы
III—II вв. до н.э.					I—II типы

Рис. 4.21. Схема развития погребальных сооружений в курганах правобережья р.Или (по Г.А. Кушаеву)

ки, иногда с фигуркой птицы наверху, перстни, подвески, железные браслеты, бусы. Оружие бывает очень редко. В поздних погребениях обнаруживаются мечи и костяные наконечники стрел. Во многих могилах находят кости барана — остатки ритуальной пищи. Исключительно редки привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. В нескольких могилах найдены зернотерки.

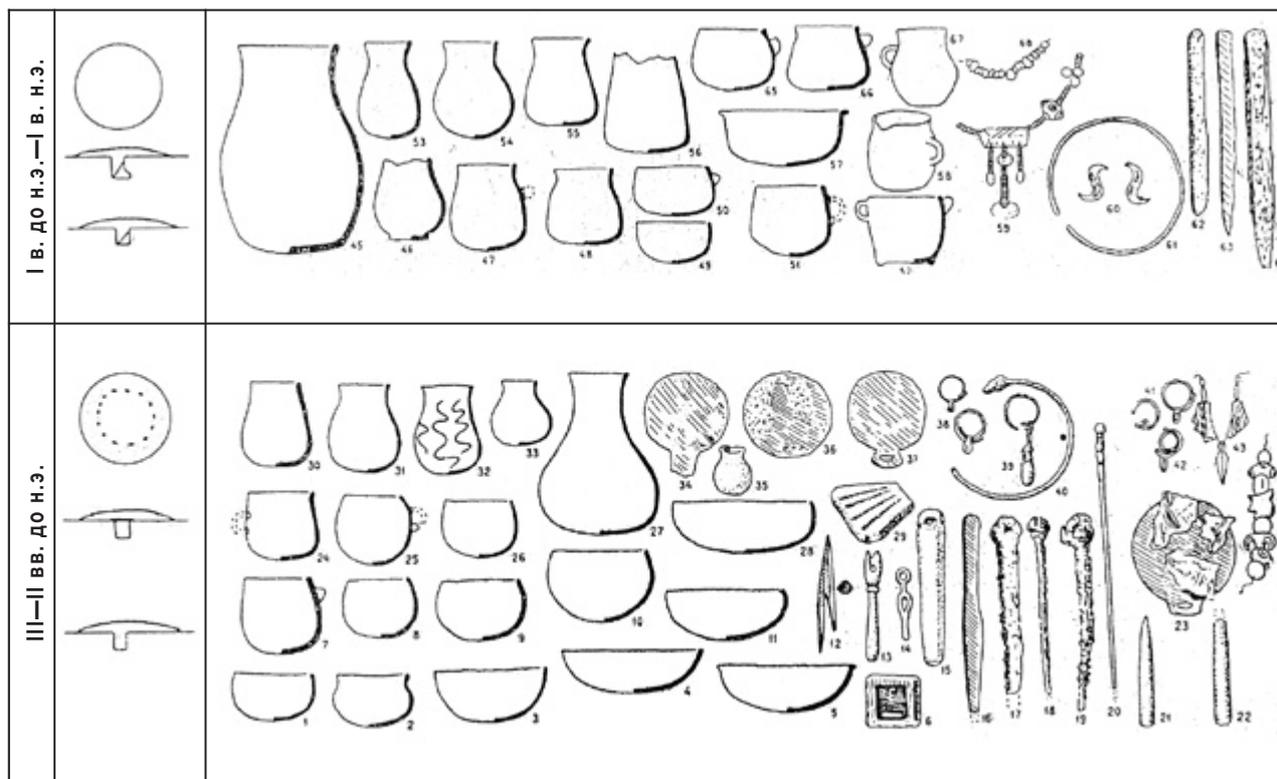
Глиняная посуда — лепная — часто изготавливалась на матерчатом шаблоне. Типичные формы посуды: полусферические чаши и миски с разной профилировкой закраины, горшки и кружки грушевидной формы, снабженные петлевидными ручками или без них.

Достаточно широко были распространены посуда из дерева и деревянные столики.

Судя по большому количеству памятников в долинах рек Заилийского Алатау и Или в усунское время, здесь имел место рост численности населения. В этих районах насчитывается более 20 мест крупных скоплений могильников, отделенных друг от друга свободными пространствами. Такое распределение можно рассматривать как отражение родоплеменной группировки населения.

Среди памятников Семиречья выделяется *Талгарский могильник* (на окраине г. Талгар), где захоронения совершали в больших грунтовых могилах, стены которых выложены камнем. Ямы перекрыты накатом из бревен. Большинство могил ограблено, но все же сохранились золотые украшения, железные ножи и глиняные сосуды. В одной могиле оказалось около 500 бляшек из золотой фольги, нашитых некогда на одежду из красной кожи. Здесь же найдена глиняная печать, на которой изображено крылатое животное с головой козла. В другой могиле была бляшка полихромного стиля со схематическим изображением лица человека. Дата могильника определена в рамках II—I вв. до н. э.

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов *могильника Тенлик* в долине р. Каратал в восточном Семиречье. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще. Здесь же найдены жезловидные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками. Кроме того, найдены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота.

Изображения коня на бляхах из Тенлика дают представление о породе местных лошадей. Они отличились общей массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Эти изображения выделяются среди всех известных изображений лошадей Евразии.

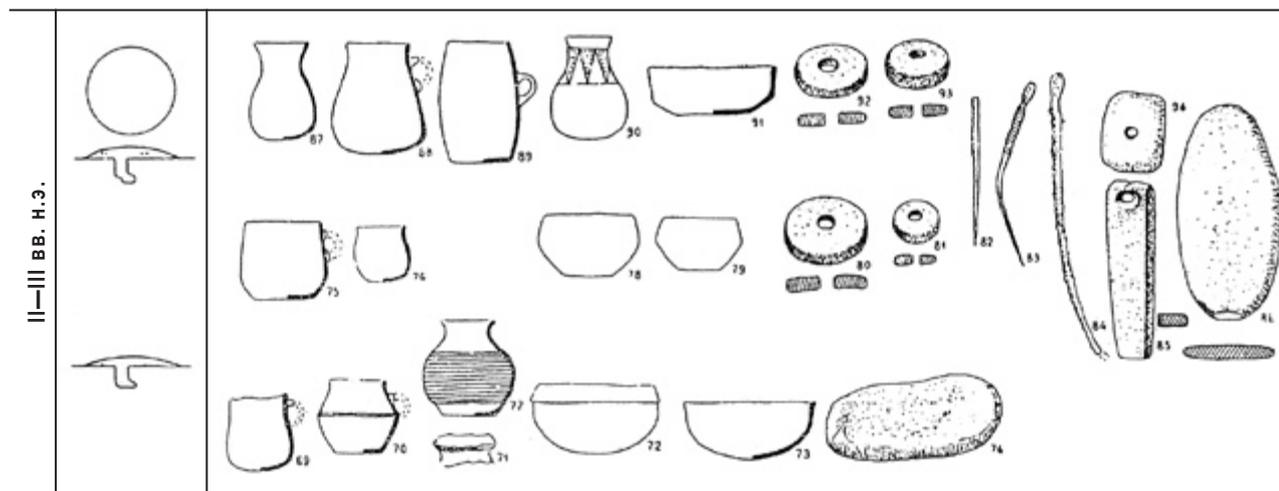
В других районах Семиречья также имеются памятники усуньского периода. Так, для Чуйской долины наиболее характерен *Буранинский могильник* к югу от г. Токмак (Кыргыстан). В больших овальных грунтовых могилах находилось от одного до трех погребенных. Умерших снабжали большим количеством сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана и быка. Сохранилось до 50 золотых украшений (перстни, бусы, различные бляшки). Разнообразны по форме фигурные накладки, вырезанные из золотой фольги. Много железных предметов, в том числе наконечников стрел. Все сосуды лепные. Особый интерес вызывает кувшин, украшенный мазками красной краски. Могильник Бурана по находкам привозных украшений эллинистического производства датирован в пределах III в. до н.э. - I в. н.э.

Более 60 курганов раскопано в четырех могильниках у северного подножия Киргизского

Алатау. Захоронения совершали в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами или деревом. Иногда под одной насыпью находились две, реже — три могилы. Характерную особенность составляют небольшие ниши, в которых помещены сосуды.

В могилах долины Таласа найдены остатки ритуальной пищи — кости барана. Инвентарь беден: единичные изделия из железа (ножи, булавки), украшения и обычная лепная круглодонная посуда, сходная с керамикой усуньского времени других районов Семиречья. В одном кургане *могильника Караша* обнаружена глиняная печать с рельефным узором — редкая находка, указывающая, как и печать из Талгарского могильника, на распространение в то время обычая метить личную собственность.

Памятники усуньской культуры обследованы в долине р. Талас и на склонах Каратау. В *могильнике Берккара* на северо-восточных склонах хребта Каратау насчитывается более 30 групп курганов, общее количество которых доходит до 450. В 1938—1939 гг. А.Н. Бернштам раскопал более 40 могил. Насыпи резко различаются по величине: диаметр крупных достигает 50 м, средних — 25 м, малых — 4-12 м. Насыпи часто

Классификация памятников усуней правобережья р. Или. III—II вв. до н.э. 1—к. 27; 4, 26, 29—к. 22; 15, 25—к. 21; 28—к. 33; 30—к. 23; 32, 35, 37, 42,—к. 28, мог-к Унгуур-Кора I. 2—к. 14; 18, 21, 23—к. 89; 22, 36—к. 97, мог-к Кзыл-Эспе, 3—к. 27; 7—к. 4; 17—к. 6, мог-к Утеген III. 5, 33—к. 82; 14—к. 42; 24, 39—к. 11; 31—к. 41; мог-к Кзылауз III, 8—к. 19; 11—11; 16—к. 1; 43—к. 11, мог-к Бешатыр II. 6, 13—к. 24; 10—к. 5; 12—к. 20; 19, 34, 38—к. 35; 27, 44,—к. 18; 41—к. 41, мог-к Капчагай III. 20, 40—инвентарь могильника Кзылауз I, взят для сравнения. I в. до н.э.—I в. н.э. 45, 54—к. 67; 47—к. 63; 48, 61, 65—к. 61; 53, 64—к. 37; 55, 57,—к. 64; 56—к. (выкладка); 66—к. 62, мог-к Калкан I. 46, 62—к. 4; 63—к. 2, мог-к Утеген I—II. 49, 50—к. 3; 51—к. 4А; 58—к. 2Б; 59, 68—к. 17, мог-к Тайгак I. 67—к. 20, мог-к Кзылауз II. 69, 75, 91—к. 12; 70, 73, 80, 81, 92—к. 31; 71—к. 13; 76—к. 8; 77—к. 4; 86, 88, 89—к. 10; 93—к. 29, мог-к Унгуур-Кора II. 72—к. 55; 74—к. 31; 78, 79—к. 6; 82—к. 55; 90—к. 40; 94—к. 42, мог-к Чулак-Джигиде I. 83, 84—к. 17, мог-к Калкан I. 85—к. 11, мог-к Тайгак II, 87—к. 11, мог-к Калкан IV.

Рис. 4.22. Схема развития погребений, форм сосудов, изделий из металла и камня в курганах правобережья р. Или (по Г.А. Кушаеву)

сопровождаются выкладками из камней в виде колец, полумесяца или дорожек. Могилы выбиты в твердом каменном грунте. Они вытянуты с запада на восток. Погребенные положены на спину, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Разнообразен погребальный инвентарь: лепные глиняные сосуды, железные ножи, предметы вооружения и украшения, хотя в результате ограблений находок оказалось мало.

Выделены две хронологические группы погребений: более ранняя (I) — IV—III вв. до н. э. и более поздняя (II) — II в. до н. э. — I в. н. э., к которой относится большая часть исследованных курганов. Ранняя группа выделена главным образом по типам глиняной посуды, среди которой преобладают круглодонные чаши, кружки с ручкой и чайникообразные сосуды с носиком. Дата, предположенная для этой группы могил, опиралась в основном на находку бронзовой пряжки с изображением льва, держащего в пасти птицу. Представляется более вероятным хронология ранних могил Берккары в пределах III—II вв. до н. э.

Материалы III—I вв. до н. э. обнаружены и в могильнике Тамды на северном склоне Каратау. Курганы выделяются каменной выкладкой — «усиками». Захоронения совершены в больших грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом. В некоторых могилах оказалось до четырех погребенных, положенных головами на северо-запад. В мужских захоронениях Тамды найдены железные акинаки в обломках, набор железных черешковых трехперых наконечников стрел с опущенными жальцами, железный втульчатый наконечник копья листовидной формы, предмет неизвестного назначения и крючок от колчана. Лепной круглодонный горшок с двумя ручками и чайникообразный кувшин с носиком сходны с сосудами Берккары.

В других могильниках III—I вв. до н. э. обнаружены железные булавки с круглым навершием и ножи, каменная мотыга, круглодонные чаши, кувшины и кружки.

В рассмотренных памятниках заметны традиции погребального обряда сакских племен предшествующего времени. По материалам Берккары и Тамды подтверждается установленное для Семиречья положение о сходстве погребальных сооружений, обряда и основных видов инвентаря сакского времени и части памятников последующего, усуньского периода.

Погребения в подбоях появляются в памятниках III—II вв. до н. э., но основная их масса датируется первыми веками нашей эры (до V в. н. э. включительно).

Подбои закрыты вертикально поставленными бревнами. Умершего, как правило, сопровождают заупокойная пища (кусоч барана), железный нож и несколько лепных сосудов. В некоторых могилах найдены железные наконечники стрел и костяные накладки на лук. Имеются деревянные столики, блюда для резки мяса и деревянные чаши, украшений мало.

Средний и поздний этапы (I—V вв. н. э.). В историческом развитии кочевников Семиречья первые века нашей эры представляют следующий этап.

Однако, несмотря на приток нового населения и заметные изменения в культуре, в археологических материалах наблюдается преемственное развитие на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. Об этом можно судить по памятникам поздней группы усуньских могильников в долине Или, которые датируются I—III вв. и даже I—V вв. Устройство могил, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь генетически связаны с предшествующими во времени памятниками.

Продолжается традиция захоронения в простых грунтовых могилах под курганной насыпью. Появляются могильные ямы, перекрытые каменными плитами. Умершие были положены на спину, головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу. Формы лепной керамики сходны с сосудами, характерными для III—I вв. до н. э. Впервые появляются единичные станковые сосуды — плоскодонные горшки и чаши. В некоторых сосудах сохранились остатки пригоревшей пищи. Изредка в могилах встречаются кости барана — остатки мясной заупокойной пищи. Оружие представлено обломками железных мечей, железными черешковыми трехперыми наконечниками стрел. Украшения включают железные булавки, спиралевидные серьги из золота, раковины каури. В позднем комплексе Берккара II найдены обломок китайского бронзового зеркала и нефритовая чашечка. Привозные вещи появились у кочевников на рубеже нашей эры в результате установления связей с Ханьским государством.

Отмечая значительное сходство погребального обряда и материальной культуры могильников Каратау с памятниками усуньского времени Семиречья, А.Г. Максимова рассматривает северные склоны Каратау как периферию усуньских земель.

К числу недавно исследованных памятников усуней относятся следующие.

Могильник *Шанрак* расположен на территории Алматы. В нем три кургана, каждый из которых представляет собой земляную насыпь высотой до 3 м, диаметром до 40 м. В древности высота курганов, судя по оплыву насыпи, была выше, примерно 4-5 м. К сожалению, археологи, как правило, имеют дело с разграбленными курганами. В раскопанных курганах сохраняются лишь отдельные предметы украшений, посуда, разбросанные кости скелетов. Ограбление курганов проходило «тщательно».

Не были исключением и курганы *Шанрака*.

И все же в ходе работ удалось получить дополнительный материал по погребальным конструкциям. Курган № 1 имел каменное кольцо, диаметр его 30 м, высота 2,5 м. В юго-западной части от кургана располагалась каменная выкладка, диаметром 1 м, являющаяся, скорее всего, ритуальным сооружением. Погребение было совершено в могильной яме прямоугольной формы, ориентированное по линии запад-восток на глубине 0,85 м. К северной стенке подведен дромос (коридор), прослеженный на расстоянии почти 2 м.

Диаметр кургана № 2 достигал 32 м, высота 2,97 м. Могильная яма после вскрытия представляла собой прямоугольную в плане форму, размерами 2,90×3,05 м, глубина 67 см. От центра северного края могильной ямы в северо-восточном направлении шел коридор (дромос). Ширина дромоса составила 65-70 см, длина 11 м. Интересны конструктивные особенности кургана. Вокруг края могильной ямы зафиксированы фрагменты конструкции надмогильного сооружения из глины, шириной у основания до 1,5, в диаметре 6×6,5 м. Поверх конструкции возводили насыпь из земли, которую в свою очередь выложили каменным панцирем, диаметр которого у основания составил 28 м. Перекрытие могильной ямы, судя по остаткам глена, было деревянным.

В насыпи кургана 3 удалось также проследить отдельные фрагменты конструкции надмогильного сооружения из глины, возведенной на погребенной почве вокруг края могильной ямы. Погребения совершены в центральной части кургана в грунтовой могильной яме длиной до 3,5 м, шириной до 3 м, глубиной 1,5 м. Устройство могильной ямы включало в себя выкладку пола речной галькой, обкладку стен деревом. При раскопках найдены ромбовидные, прямоугольные, круглые нашивные бляшки (18 шт.) из листового золота с отверстиями для нашивания на одежду, бусы, сильно кор-

розированный железный гребешок, курильница, изготовленная из песчаника, фрагменты железных гвоздей. От керамических сосудов сохранились лишь обломки, по которым можно судить об их форме и назначении. Это неглубокие чаши полусферической формы, горшкообразные и котлообразные сосуды.

Интересными являются обнаруженные в одном из погребений бронзовые позолоченные шпильки (8 шт.), служившие для закрепления прически. Все булавки с шаровидной гофрированной головкой и круглым в сечении стержнем, длиной от 10 до 16 см.

В целом исследованные курганы по наличию общих характерных признаков (тип и ориентировка могильных ям, погребальный инвентарь) укладываются в хронологические рамки III—II вв. до н. э. и связываются с эпохой *Усунь*.

Каменский курганный могильник находится рядом с одноименным поселком на южной окраине города Алматы, на предгорной возвышенности.

Участок с могильником активно застраивается, в результате чего многие курганы уже уничтожены.

Исследованы курганы с земляными и каменно-земляными насыпями.

При исследовании курганов изучено 11 могил, получена коллекция каменных и костяных изделий и фрагменты керамики. Среди находок имеются бусы (из различного материала), бронзовые и золотые украшения (серьги, перстень, подвески), керамика.

В ходе раскопок выявлено, что под насыпью курганов *Каменского могильника* имелись уникальные по количеству скопления битой керамики следы тризны, а в каменных панцирных выкладках — разнообразные каменные изделия (зернотерки, куранты, терочки, песты, наковаленки и пр.). Так, в выкладке малого кургана № 10 каменных изделий обнаружено полтора десятка, причем один пест находился среди камней над жертвенной ямкой под полой кургана у восточного края, содержавшей конский череп, а другой — на поверхности каменного заклада могилы. В разных курганах *могильника* зафиксировано расположение жертвенных площадок со следами разведения огня.

Одной из особенностей *могильника* является большое разнообразие типов конструкций, технических приемов заполнения могил: встречается пахсовая заливка, заклады из сырцового кирпича, камня, земли. Среди типов могил:

простые ямы с прямыми стенками — овалы или подпрямоугольные в плане; прямоугольные ямы со ступенькой вдоль продольной стены и с двумя ступеньками — заплечиками. Катакомбы имеют форму овальной в плане спускной ямы с камерой, расположенной под прямым углом, и катакомбы со сложным устройством.

Последние имеют ложные спускные ямы и глубокие камеры с могилами. Ложные спускные ямы своеобразны, как и сами катакомбы. Они полукруглой формы, в одном случае (курган №13) яма была заполнена камнями и имела выход в камеру. В другом (курган №21) — над ложной спускной ямой находилось захоронение коня, ориентированного головой на юг. Погребальная камера удлиненная, вытянута в широтном направлении.

Одной из характерных черт Каменского могильника является наличие под рядом курганных насыпей двух и более погребенных, при этом важной особенностью могильника является то, что в могилах встречены только индивидуальные захоронения.

В ходе раскопок могильника отмечено разнообразие конструкций курганов, могил и находок. Так, в некоторых могилах обнаружена посыпка дна меловым порошком, а в могилах курганов 11, 16 и 19 кусочков мела. В могиле 1 кургана № 23 найдены костяные пластинки — инструменты гончара.

Большая часть могил ограблена, что затрудняет решение важного вопроса хронологии могильника.

В погребении кургана 19 обнаружены золотые женские украшения (серьги и подвеска), в оформлении которых использован прием декорирования изделия «пирамидками» зерни, а также и украшение щитка перстня приемом инкрустации. Эти особенности вещей позволяют датировать курганный комплекс III—IV вв. н. э.

Поселения усуней. Полукочевой полуоседлый образ жизни саков и усуней определяется наличием у них зимовок-поселений и поселений.

Государство Усунь, как отмечалось, имело свою столицу — Чигучен — город красной долины. Ханьские летописцы сочли возможным добавить к этому имени приставку «чен», обозначившую укрепленные поселения типа городов-крепостей. Пока локализация Чигучи точно не определена. Выявлены многочисленные поселения усуней. Поселение усуней Луговое в Чуйской долине исследовалось еще в 1938 г. экспедицией А.Н. Бернштама. Были обнару-

жены жилища из сырцового кирпича, отоплявшиеся подковообразными глинобитными очагами. Поселение Актас найдено в 1962 г. экспедицией К.А.Акишева в Кегеньской долине. Комплекс поселения состоял из 5 жилищ и нескольких хозяйственных построек. Среди построек центральной была «квадратная комната», к ней примыкал «большой двор» площадью 126 кв. м с входом в него через узкий длинный коридор.

Жилища строились из плитнякового камня на глиняной основе. Каждый жилой дом состоял из большой комнаты, мелких подсобных пристроек и загонов для скота. Все помещения пристраивались друг к другу. Полы в них были земляные, обмазанные глиной. В жилых комнатах на полу находились открытые очаги квадратной формы, сложенные из камня. Очаги служили для отопления и приготовления пищи. В зимнее время жизнь семьи была сосредоточена вокруг очага, здесь же стояли глиняные сосуды с пищей, лежали каменные зернотерки.

В 1994—2005 гг. обнаружены десятки поселений усуней в предгорной зоне Заилийского Алатау. Работы велись казахско-американской археологической экспедицией (К.М. Байпаков, Ф.П. Григорьев, К. Чанг), неподалеку от Алматы, в долинах рек Талгар, Цыганка, Талды-Булак. На поселениях Тузусай, Цыганка 8, Талды-Булак 2 раскопаны жилища, полуземлянки и наземные жилища из сырцового кирпича, собран вещественный материал. Широкое использование методов естественных наук значительно увеличило информативность результатов археологических работ экспедиции.

С помощью радиоуглеродного анализа установлены начальные этапы жизни и продолжительность функционирования поселений. Тузусай имеет 6 горизонтов с IV в. до н.э. — по I в. н.э.; Цыганка — 8 горизонтов с VII в. до н.э. по I в. н.э. Это было вначале поселение саков, а затем усуней.

Палеоботанические исследования выявили наличие зерен пшеницы, проса, ячменя, а на поселении Тузусай — риса и рисовой шелухи. Один из найденных сортов пшеницы мог культивироваться только с помощью искусственного орошения.

Хозяйство населения Талгарского микро-региона Жетысу в раннем железном веке было комплексным скотоводческо-земледельческим. На хорошо обводненных почвах предгорной зоны северных склонов Заилийского Алатау племена ранних кочевников, наряду с выпасом

скота — овец, коз, коров и лошадей, — практиковали богарное и орошаемое земледелие, выращивали ячмень, просо, пшеницу и, возможно, рис. Однако не исключено, что последняя культура являлась импортной продукцией из Ферганы и Китая.

В средние века в районах концентрации поселений сако-усуньского времени возникли крупные города.

Семиреченская художественная бронза. Большинство находок связано с территорией Алматы и ее окрестностей. Как правило, это клады, реже их находят при раскопках. Клады происходят из предгорной зоны — обычно из тех мест, которые наиболее удобны в качестве весенних и осенних пастбищ, богатых травостоем, водой, лесом, и, что не менее важно, удивительно живописных. Датируются клады эпохой ранних кочевников — саков и усуней, обитавших здесь с VIII в. до н.э. — по IV в. н.э. Однако большинство изделий изготавливались в более узкий промежуток времени — со второй половины I тыс. до н.э. — по III в. н.э. Изделия, а это светильники-курильники, столики, котлы, отлитые в формах, украшены скульптурками крылатых барсов и тигров, яков и быков-зебу, верблюдов и лошадей, горных козлов и

баранов, волков и птиц, а также фигурками людей. Последние изображали вооруженных воинов: конных лучников, сидящего с подогнутыми ногами спешившегося всадника. Некоторые фигурки, видимо женщин (в туникообразных одеждах), «выполняли роль атлантов», удерживающих на поднятых руках жертвенный стол. Скульптурки обычно украшали бортики и углы жертвенников, края и плоскости светильников, иногда служили «подсвечниками», а также ручками и ножками котлов.

Многие из изделий являются шедеврами высокохудожественного ремесла, произведениями выдающихся художников. Уже первые находки изделий из бронзы в качестве раритетов отправляли в музеи. Так, жертвенный стол, найденный в начале века в районе Алматы и названный условно «Семиреченский алтарь», попал в Эрмитаж и стал объектом пристального изучения. Было сделано предположение, что назначение бронзового стола-алтаря ритуальное и он был связан с отправлением древних культов саками и усунями, со святилищами.

В 1979 г. М.К.Кадырбаевым была раскопана площадка в южной части Алматы, на левом берегу р. Большая Алматинка. Здесь была расчищена круглая в плане площадка размерами 130 кв. м, углубленная на 0,4 м в землю. На

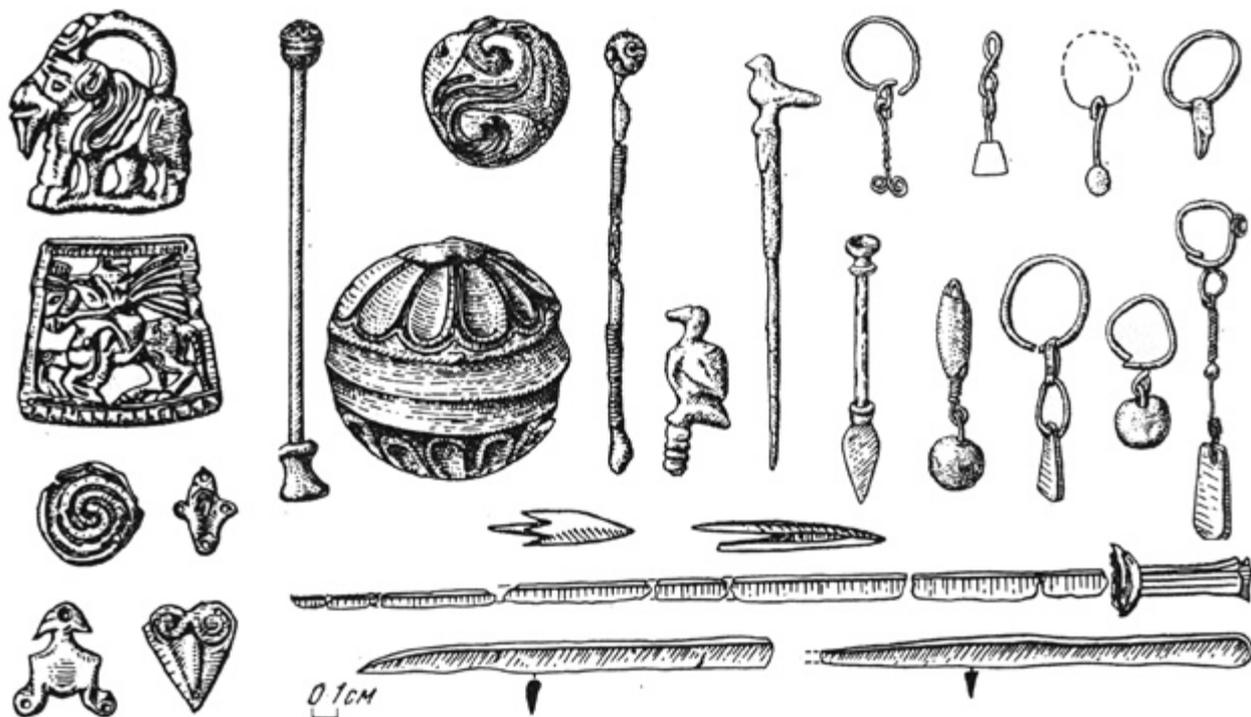

Рис. 4.23. Изделия из бронзы и ювелирные украшения усуньского периода Семиречья

стационарный характер «храма» указывают, по мнению исследователей, глиняная платформа-алтарь, кострище, кости жертвенных животных (крупного и мелкого рогатого скота), литейная форма, керамические напоя, а также лепная керамика (чаши, горшки, банки, хумчи), несколько отличная от той, что обнаружена в погребениях сако-усуньского времени. Здесь же были найдены светильник, целый котел и фрагменты еще двух. Один из котлов был железным с горизонтальными ручками, два других представляли собой фрагменты котлов на ножках. Предположительно, площадка храма была когда-то обнесена невысоким земляным валом или стеной.

Таким образом, ясно, что находки бронзовых изделий связаны с древними святилищами, располагавшимися в живописных укромных местах: предгорьях и горных ущельях. Поскольку найденные вещи культовые, то сложной была их семантика, а также скульптурных изображений на них. Это не просто утилитарные изделия, предназначенные для приготовления и подачи пищи, не просто светильники, а предметы, имеющие прямое отношение к мировоззрению, духовной культуре народа. По ним можно реконструировать космогонические и мифологические представления саков и усуней.

Сакские и усуньские святилища являлись, в представлениях их устроителей, вместе с культовыми предметами и прежде всего со светильниками, поддерживающими огонь, своеобразными каналами космической связи людей с верховными богами, обитавшими на вершинах гор, соединявшихся с верхним миром. И правы исследователи, которые подчеркивают, что сама окружающая природа и ландшафт Семиречья с белоснежными вершинами «золотых гор мира», реалии жизни, детерминирующие кочевание из степи к подножию гор и их вершинам, от зимовок к летовкам, способствовали сложению мифологических традиций, представлявших Вселенную в виде грандиозной горы или камня. «Твердь небесная» мыслилась каменной, горы, — состоящими из материала небесного свода.

Одним из наиболее распространенных воплощений универсального знакового комплекса служит Мировое дерево. Оно символизирует пространственную структуру мира.

С образом Мирового дерева переключаются образы многих изделий и символов древнего искусства. Ярким примером идеи Мирового дерева, представления о Космосе служит костюм «Золотого человека» из сакского кургана Иссык.

Предпочтение из триады светильник-котел-жертвенный стол, бесспорно, следует отдать светильникам, так как каждый из них был отмечен печатью индивидуальности и насыщен изображениями, слагаемыми в определенные композиции. Охарактеризуем некоторые из них.

Первый светильник представляет собой поднос четырехугольной формы с почти вертикальными бортами, переходящими в горизонтальные закраины шириной 3 см, укрепленный на конической подставке. В четырех углах подноса расположены четыре крылатые фигуры кошачьих хищников, скорее всего, барсов или тигров. Хищники изображены в движении: их левые передние и задние когтистые лапы выдвинуты вперед, морды оскалены, пасть приоткрыта. Глаза круглые, уши большие, закрученные. Фигуры поджарые, хвосты почти достигают земли. Загнутые крылья как бы вырастают из плеч. Размеры фигурок: длина — 12,4 см, ширина — 3,1 см, высота — 7,5 см.

Между двумя фигурками хищников у края подноса поднимается вертикальная полая трубка, укрепленная с обратной стороны подноса бронзовой заклепкой. В верхней части трубки с боковой стороны имеется небольшое круглое отверстие. Высота ее — 11,9 см, диаметр — 1,6 см. В трубку вставлялся фитиль, пропитанный маслом, который возжигался. Подставка имеет форму усеченной четырехугольной призмы с вогнутыми гранями. Высота подставки до подноса с одной стороны 23,4 см, а с другой — 27 см. Размеры основания подставки — 27,5×28 см, она имеет шесть отверстий разной величины на трех гранях. Хищники на обоих светильниках, как уже отмечалось, скорее всего, тигры или барсы, представители фауны региона Семиречья и Восточного Туркестана (первый населял предгорья, долины рек, второй — горы). Образы этих зверей характерны для искусства, фольклора и мифологии народов Евразии. Звери выполняли функцию оберегов и защищали пространство, мир саков со всех сторон.

Известно также, что образ тигра (хищников) носил и космогонический характер — он охранял границы Космоса. Этот образ был связан с культом огня: в нем воплощались планетарные огни и бог Огня — Агни.

Таким образом, становится понятным значение светильников и изображений на них: это ритуальные предметы, связанные с огнем, дневным солнечным светом и календарными циклами смены времен года.

Второй жертвенник, найденный на южной окраине Алматы в «храме, под открытым небом,» состоит из круглого блюда на ажурной конической подставке. Его главная, несущая важную смысловую нагрузку часть — блюдо. По краю его укреплены скульптурные фигурки зебу с характерным для этой породы животных горбом на холке. Морды коров (быков) слегка опущены и повернуты налево, наружу.

Две скульптурки всадников были помещены на плоскости блюда, и сохранилась лишь одна. Они повернуты относительно одна другой в противоположные стороны. В руках у всадников натянутые луки М-образной формы. В целом вся композиция полна экспрессии и в то же время передает миг напряженного ожидания — замерли переставшие пастись животные, как вкопанный встал конь, натянута тетива, еще миг... и с легким свистом скользнет с нее и начнет свой полет стрела. Что же означает эта сцена? Видимо, всадник (вернее, сдвоенный образ всадника), охраняющий все стороны света, представляет собой изображение солнечного божества Митры, обителью которого была вершина Мировой горы. Митра — божество, наделенное самыми широкими возможностями, в данном случае мог выступать в роли владыки пастбищ, верховного охранителя земли, стража космического порядка.

Однако возможны и другие толкования сюжета. На светильнике изображен бог Митра, который сражается с демонами и при помощи грозовой молнии — стрелы — разбивает темные тучи и возжигает светильник жизни, потушенный демонами тьмы и мрака. Он же выводит пастись на небесный луч стадо коров, символизирующих дождевые облака, проливающие на землю живительную влагу. Отступает зима и тьма, наступает весна, свет, который также отождествлялся с коровами.

Третий светильник, найденный рядом с Алматы вблизи Ремизовки, также состоит из двух частей — ажурной подставки и блюда с бортиком. В центре блюда расположена композиция из пяти фигур животных: поверженного горного козла, двух волков и двух воронов.

Горный козел лежит на боку, передние и задние ноги с копытами вытянуты, рога изогнутые, саблевидной формы, имеют валики годовых колец.

Одна фигура стоящего волка расположена над мордой козла, другая — с противоположной стороны над его крупом. Фигуры литые, полые, на спине имеется по одному круглому отверстию

для трубки, куда помещался фитиль. Морды волков склонены над жертвой, пасть оскалена, видны зубы и клыки. Уши прижаты к голове. Глаза каплевидной формы, удлинненные. Туловище длинное, живот втянут, лапы мощные с крупными когтями, хвост длинный, до пят.

С двух других сторон на квадратных маленьких подставках припаяны две фигуры воронов в позах ожидания остатков чужой добычи. Головы воронов склонены чуть набок, клювы сильно загнуты, глаза круглые. Крылья птиц сложены, туловища слегка наклонены вперед.

По бортику блюда напаяно 16 полых бронзовых фигур кошачьих хищников (барсов или тигров), расположенных друг за другом по часовой стрелке, в статичных настороженных позах. Пасти их оскалены, глаза каплевидной формы, хорошо выражены закругленные уши, нос; лапы имеют пять когтей, хвост длинный, конец закручен в колечко.

Как и в случае с вышеописанными светильниками, сцена на блюде светильника при ее внешне прозрачном смысле (конечный результат охоты волков на горного козла), безусловно, имеет внутреннее мифическое значение. Персонажи, изображенные на блюде, хорошо известны по генеалогической легенде усуней. Сохранилась легенда в изложении китайских источников, которая гласит, что усуньский владетель назывался куньби. Его отец правил усунями, но на них напали большие юеджи и убили отца. Однако наставнику куньби удалось бежать, и он вместе с младенцем прибыл в страну Сюнну. Наставник, положив ребенка на траву, отправился на поиски пищи, а когда вернулся, то увидел, что ребенок не один — его кормит молоком волчица, а ворон кружит над ним с куском мяса в клюве. Так был спасен Куньби, а волк (волчица) и ворон стали священными животными у усуней.

И, возможно, удвоенное изображение волков и воронов на вершине священной горы у туши козла является одним из эпизодов легенды о чудесном спасении владетеля усуней.

Однако вероятны и другие варианты семантики сцены.

Центром композиции на блюде светильника является загнанный и поверженный козел, изображения которого в бронзе, в гравировках на каменных плоскостях скал были популярными у саков и усуней. Образ козла был связан с культом гор, плодородием. С козлом ассоциировался бог Огня — Агни.

Волк, как правило, противопоставлялся травоядным животным, в данном случае козлу.

В образе волка олицетворялась сила ночного и зимнего мрака. Как травоядные животные имеют страшного врага в ползущем волке, так и небесные стада, выводимые и охраняемые Митрой или богами Солнца и Света, должны были иметь своих мифических волков.

Продолжение зимы от ноября до февраля известно под названием «волчьего времени». И еще об одном участнике сцены — воронах. Обычно в общечеловеческих представлениях эта птица — образ неба и солнца. По мнению А.К. Акишева, изображение пары грифов на вершине иссыкского кинжала отражает миф о птицах на вершине Мирового дерева, откуда они обозревают весь свет и «фиксируют» течение времени. Видимо, вороны, сидящие рядом с убитым козлом, олицетворяющим свет и огонь, поверженным силами тьмы и холода в образе волков, ассоциировались с небом, верхом Вселенной, где и начинались процессы, связанные с изменениями годовых циклов, и в данном случае — победы тьмы над светом, сменяются лета на зиму.

Важное место в серии священных бронз Семиречья занимали котлы, в которых варились мясо жертвенных животных. В настоящее время в музеях Алматы собрано несколько десятков экземпляров таких котлов. Количество их вкладах колеблется от 1 до 10, но есть и отдельные экземпляры, не имевшие отношения к святилищам и комплексам культовых бронз. Котлы имеют полусферическое тулово или тулово, которое опирается на конусовидную подставку или, что бывает реже, на три ножки, оформленные иногда в виде лап хищников либо ног копытных животных. Известны случаи,

когда места изгиба ножек украшены фигурками (протомами) архаров, драконообразных существ и каких-то ушастых животных, возможно, куланов.

Тулово котлов обычно гладкое, иногда украшено валиками, полуовалами, треугольниками. Для транспортировки на них имеются ручки у закраины. Ручек бывает две или четыре, поставленных накрест, в таком случае одна пара ручек вертикальных, другая — горизонтальных.

Имеется тип котлов яйцевидной формы с вертикальными ручками, выступающими над краем. Такие ручки обычно украшены выступами — в виде кнопок.

В ряде случаев котлы имеют носики-сливы, длинные горизонтальные ручки.

Размеры котлов различны: от огромных, вмещающих до сотни литров воды, до небольших вместимостью до 5-7 л.

Один из последних (по времени) кладов котлов, который был найден в урочище Орман в 7 км к востоку от г. Талгара, состоял из шести экземпляров, отличающихся размерами, числом ручек и украшениями.

Конечно же, количество котлов не случайно определялось, скорее всего, числом отдельных коллективов (семей, родов, племен), которым принадлежало святилище. Размеры самих котлов зависели от их назначения как предметов либо для одного коллектива, либо для нескольких. По числу котлов вкладах можно судить о характере самих святилищ, об их иерархии — от родовых до племенных и, возможно, общегосударственных. Из этого следует, что, кроме утилитарного, котлы несли в себе глубокий смысл.

Рис. 4.24. Котлы из Семиречья

О символическом значении котлов свидетельствует рассказ Геродота о скифах: «...Один скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников... медный сосуд и выставить в Эксампае». Сосуд был огромен: толщина его стенок равнялась шести пальцам, а объем 600 амфорам. Таким образом этот «царь-котел» как бы символизировал многочисленность войска, могущество самого скифского царства и был символом самого царства Арианта.

Третьим составным кладов ритуальных бронз являлись жертвенные столы. Их известно несколько экземпляров. Наибольшую известность получил так называемый «семиреченский алтарь».

Стол — прямоугольный (113×126 см) с бортиками высотой до 6,5 см — на каждой из сторон имеет по горизонтальной ручке для переноски. У него четыре невысоких округлых в сечении ножки высотой 22 см. На бортике по всему периметру расположены в ритмическом повторе одна за другой фигурки стоящих крылатых барсов (тигров?). Всего их было тридцать, но сохранились только 25. Изображения в точности повторяют фигурки крылатых барсов на светильнике из окрестностей Алматы, описанном выше.

Безусловно, фигуры крылатых барсов на бортике стола, как и в случае со светильниками, являлись защитниками его пространства,

возможно, символизирующего землю саков и усуней.

Не менее символичны изображения и на других жертвенных столах — это фигурки яков на углах стола.

Найден еще один стол, ножки которого сделаны в форме ног верблюда.

Назначение столов понятно — на них помещали сваренное в котлах мясо жертвенных животных, которое поедали участники культовых обрядов и празднеств, связанных, скорее всего, с воскресающей природой, с весенним равноденствием, с Наурызом — Новым годом. Это был важнейший и древнейший праздник народов Евразии.

Каргалинский клад был найден в горах Заилийского Алатау, в Каргалинском ущелье на высоте 2300 м. Наиболее интересна в кладе диадема. Она состоит из двух частей. Ее длина — 35 см, ширина — 4,7 см. На пластинке изображены: чеканкой растительный орнамент с вплетенными в него фигурами марала и маралихи, между которыми находится феникс; затем крылатый тигр с сидящей на нем женщиной; далее крылатая лошадь на постаменте; дракон с женщиной на спине, а над ними — птица; снова крылатый конь на пьедестале; летящая птица; козерог, оседланный женщиной, медведь и птица над ним; архар, несущий на спине женщину. Вся композиция разделена на три части фигурками коней, в центре ее находится дракон, а процессии животных слева и справа от него направлены друг к другу. Глаза животных выполнены из вставок сердолика и альмандина, тела инкрустированы бирюзой. Первый ис-

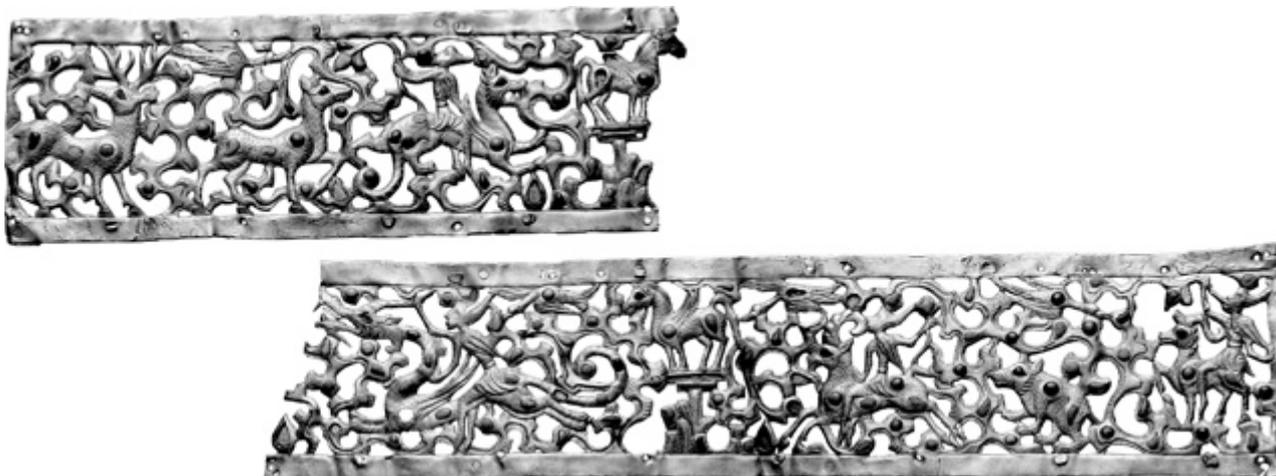

Рис. 4.25. Каргалинская диадема

следователь диадемы А.Н. Бернштам предположил, что украшение принадлежало шаманке, и датировал находку I в. до н.э. — II в. н. э. Он полагал, что в семантике изображений нашли отражение культовые влияния Ирана и Китая.

Новейшие исследования позволили понять смысл изображений, определить их происхождение и расшифровать весь сюжет в целом. Была уточнена датировка каргалинского захоронения: это — II в. до н.э. Удалось сопоставить диадему с коронами из раскопок царского погребения Тилля-тепа в Бактрии, сарматского захоронения в кургане Хохлач, сакской в Иссыке — в Семиречье, Уландрыка — в Горном Алтае. Сами изображения на диадеме связаны с широко распространившимся в Европе и Азии культом богини-матери и бога плодородия Диониса. Греческий культ хорошо соотносился с важнейшим праздником восточных народов — Наурызом, отмечаемым в день весеннего равноденствия. Культ Диониса — древнегреческого божества умирающей и воскресающей природы — родственен египетскому Осирису, фригийскому Аттису, сиро-финикийскому Адонису, фракийскому Сабасию. После походов Александра Македонского культ этого божества широко распространился в Евразии и зачастую сливался с местными божествами. Однако греческие или греко-бактрийские черты проявились в изобразительном искусстве, чему свидетельствует анализ сюжета Каргалинской диадемы, принадлежавшей усуням и датированной II в. до н.э. В пользу распространения культа Диониса могут свидетельствовать и

женские фигурки, поддерживающие столешницу жертвенного стола из Чельпека. Их, вероятно, можно сопоставить с женой Диониса — Ариадной, отождествленной с главной богиней среднеазиатского пантеона Анахитой — Миной. В данной связи следует отметить сходство одежд женских персонажей, поддерживающих чельпекский стол, и каргалинских наездниц. Каргалинская диадема как бы иллюстрирует описание дионисийских празднеств. Диониса изображали едущим на пантере, реже на тигре. Главные животные дионисийского культа — олень, козел и медведь. Водоплавающие гуси-лебеди, изображенные на диадеме, символизировали плодородие. На Каргалинской диадеме показаны также три сферы мироздания: подземная, куда уходят корни Древа жизни, изображения которого, как удалось установить, имелись на диадеме; земная — место жизни людей и животных, небесная — обитель богов и птиц. Образ коней на пьедестале, точнее на вершине гор, символизировал солнце, особую божественную благодать. Распространению этих синкретических образов в идеологии кочевников Семиречья способствовали связи и контакты по Великому Шелковому пути.

Вместе с диадемой Каргалинский клад содержал серию изделий из золота. Это два перстня с изображениями двугорбых верблюдов, украшенных бирюзой; десять бляшек в виде изображений горных козлов; серьга с изображением мышки, грызущей человека, с инкрустацией бирюзой и бляшки, украшенные вставками бирюзы.

Памятники саков Приаралья

Раннесакские памятники. К этому периоду относятся погребения в могильниках Южный Тагискен и Уйгарак. В могильнике Южный Тагискен открыто около 50 курганов, из них раскопано 38, в Уйгараке — около 80, из них раскопано 70.

Могильник Южный Тагискен делится на два комплекса. Первый из них содержит 12 курганов, второй — южный — 29. Девять курганов расположено на территории некрополя Северный Тагискен. Южный Тагискен датируется VII—V вв. до н. э., причем курганы V в. до н.э. группируются в самой южной части могильника, а более ранние — в северном его конце. Курганы могильника Уйгарак датируются VII—VI вв. до н. э.; курганы V в. единичны,

сосредоточены в трех группах — восточной (около 30), центральной (27) и западной (21).

Погребения в Южном Тагискене и Уйгараке совершались на древнем горизонте и в грунтовых ямах по обряду трупоположения, но есть — трупосожжения. Во всех случаях сверху насыпался курган. Сохранившаяся высота курганов — 0,3-2 м, диаметр — 10-40 м.

Судя по захоронениям с трупоположением, покойников, как правило, клали на камышовую подстилку вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад, внутри легкой деревянной каркасной постройки, переплетенной прутьями и камышом. Следы постройки сохраняются в виде круглых столбовых ямок с остатками сгнивших или сгоревших столбов. Характерно, что днев-

ная поверхность вокруг погребальных сооружений часто бывает покрыта слоем хвороста и камыша. В плане эти постройки круглые, овальные, реже — прямоугольные. Обычно кольцо столбовых ям было одинарным, но внутри него располагалась как бы камера, образованная четырьмя столбами, стоявшими по углам прямоугольника или квадрата. Иногда кольцо столбовых ям было двойным.

Основную массу курганных захоронений Южного Тагискена и Уйгарака составляют погребения в крупных прямоугольных грунтовых ямах.

К первому, наиболее распространенному типу, относятся погребения в ямах размерами 2,7×2,3 — 4,5×3,7 м и глубиной 1-2 м, ориентированных в большинстве по оси восток—запад или восток—северо-восток—запад—юго-запад. Обычно погребальная яма имела поперечное перекрытие из деревянных балок. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких веток. Камышом устилали могильный выброс и древнюю дневную поверхность вокруг ямы, затем возводили курган. Иногда вокруг ямы, на некотором расстоянии от нее, шел неглубокий ровик (или его отрезки), также перекрытый слоем камыша. В Южном Тагискене чаще, чем в Уйгараке, встречаются следы ритуала, связанного с огнем. Нередко деревянный накат ямы поджигали, но при этом тут же заваливали землей насыпи, что приводило к неполному сгоранию. Погребенного огонь не затрагивал.

Погребение первого типа датируется VII—V вв. до н. э.

Погребение второго типа встречено только в Тагискене. Грунтовые прямоугольные ямы или камеры этих трех курганов были окружены невысокими валами. Насыпи курганов воздвигались в пределах кольца вала и в настоящее время практически не сохранились.

Все могилы были перекрыты деревянным накатом. Погребения второго типа датируются VI в. до н. э.

Погребальное сооружение третьего типа известно только в Уйгараке, где их раскопано 13. Большая часть расположена в западной курганной группе. Это сравнительно узкие прямоугольные, близкие к овальным, грунтовые ямы размерами 1,75×1,4—3×1,63 м. Глубина их колеблется в пределах 0,62—1,35 м, встречаются и совсем мелкие могилы. Они были перекрыты хворостом и камышом, лежавшим на основе из жердей. Погребения третьего типа датируются VII—VI в. до н. э.

Погребения четвертого типа известны в Тагискене и представлены богатыми захоронениями (раскопано шесть). Это были прямоугольные могильные ямы (2,5×3—3×3 м, глубина 2—2,5 м), ориентированные углами по сторонам света и имевшие с юго-восточной стороны длинный (5—12 м) дромос. Яма и ближайшая к ней часть дромоса обычно перекрыты деревом, которое нередко поджигали и тут же засыпали землей. В одном случае на дневной поверхности вокруг могилы видны следы кострищ. По углам вырыты ямы типа столбовых, а покойник лежит как бы на земляном «столе», отделенном от стен могилы канавкой. Во всех могилах были трупо-

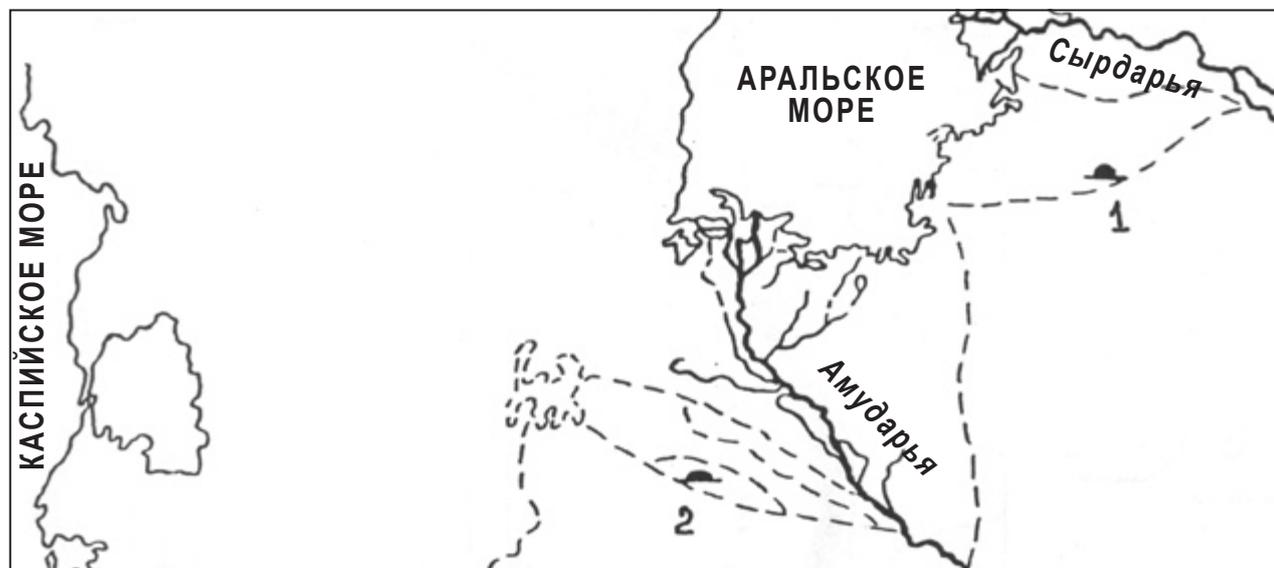

Рис. 4.26. Карта-схема могильников в Приарале: 1 — Тагискен и Уйгарак; 2 — Сакар-чага и Тумек-Кичиджик

положения. Покойники хоронились головой на восток — северо-восток, вытянуто на спине, по диагонали ямы, в «позе всадника». Все «дромонные могилы» датируются V в. до н.э.

Устройство погребальных сооружений и некоторые элементы обряда в курганах Южного Тагискена и Уйгарака находят параллели в мавзолеях периода поздней бронзы Северного Тагискена.

Большинство погребений Южного Тагискена и Уйгарака, к сожалению, разграблено.

Как правило, во всех ограбленных захоронениях в непо потревоженном состоянии сохранились лишь кости нижних конечностей, остальная часть костяка и череп обычно разбросаны или выброшены грабителями. Это заставляет думать, что наиболее ценные вещи помещали у головы, груди, рук погребенных. По-видимому, покойника клали в могилу в одежде и головных уборах, которые могли быть украшены и обшиты мелкими бусинками и золотыми бляшками. В кургане 54 Тагискена (V в. до н.э.) обнаружены узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой фольги. Во многих погребениях встречены бусы из сердолика, бирюзы, халцедона и других пород камня. В Уйгараке у женщин обнаружены браслеты, у мужчин — серьги. Бронзовые и железные ножи лежали как в мужских, так и в женских погребениях у ног. Конская сбруя, имитировавшая, видимо, захоронение коня, встречена более чем в 100 погребениях, ее в большинстве случаев клали в ногах погребенных мужчин и женщин.

Керамика есть и в женских, и в мужских погребениях, но не во всех. Обычно это один лепной горшок, иногда два. Как правило, они стояли в ногах покойника.

Типичной принадлежностью мужского инвентаря является оружие: бронзовые наконечники стрел (иногда, видимо, в колчане, иногда просто пучок стрел), бронзовые и железные кинжалы, обычно сопровождаемые каменным оселком, железные длинные мечи. Один раз обнаружен биметаллический клевец.

В инвентаре женских погребений встречаются бронзовые дисковидные зеркала, каменные алтарики, плоские обработанные кости, на которых с помощью каменных терочников растирались румяна, кусочки реальгара и киновари (красящие вещества), а также хозяйственные предметы — зернотерки и пряслица.

Керамика VII—V вв. до н.э. представлена лепными сосудами. Они сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц, имеют серый или коричневатый цвет поверхности, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой, на которой встречаются потеки красной краски. По форме это чаши, миски, горшки, кружки, кувшины с ручками и без них, сосуды с трубчатым носиком. Все сосуды плоскодонные. Характерны также горшки типа банок, снабженные широким трубчатым носиком и кружки с ручкой, форма тулова которых варьирует от чашевидной до баночной.

Посуда, сделанная на гончарном круге, представлена пятью импортными сосудами, найденными в погребениях Уйгарака: светлоангобированные чаши, цилиндроконический сосуд, покрытый желтовато-белым ангобом; биконический сосуд с резким перегибом при переходе ко дну и сероглиняный кувшинчик с ручкой.

Для раннесакских погребений Приаралья характерны каменные алтарики или жертвенники, которые существовали на протяжении

Рис. 4.27. Могильник Южный Тагискен. Общий план. Перечеркнуты раскопанные сооружения эпохи поздней бронзы

VII—V вв. до н.э. в двух типах: на ножках и без ножек. Жертвенники без ножек и по форме делятся на овальные и клювовидные. Около них в могилах нередко лежат гальки со следами краски, на самих жертвенниках встречаются пятна краски или кусочки красного реальгара, имитирующие огонь. Женские могилы с алтариками рассматриваются как погребения жриц, а найденные в этой же группе захоронений зеркала имели, видимо, и магическое значение.

Наиболее распространенным видом оружия у ранних саков Приаралья были лук и стрелы. Остатки луков не найдены, но наконечники стрел встречены во множестве. В могилах стрелы обычно лежали в колчане. В Тагискене в одном из курганов V в. до н.э. обнаружены остатки колчана, где находилось примерно 50 стрел с древками длиной 70 см. Колчан был кожаным. Его нижний край украшен золотыми нашитыми бляшками. Сверху он, по-видимому, имел клапан, застежкой которого служила золотая бляха. Колчан носили на левом боку, а стрелы в него, как правило, клали остриями вниз.

Костяные стрелы представлены двулопастным ромбическим в сечении лезвием и круглыми пулевидными втульчатými наконечниками. Оба типа датируются достаточно широко, однако здесь они встречены в ранних комплексах, в погребениях на древнем горизонте, вместе с бронзовыми втульчатыми и черешковыми наконечниками VII в. до н.э.

Для курганов VII—VI вв. до н.э. типично сочетание втульчатых и черешковых металлических наконечников. В VI в. до н.э., возможно в его начале, появляются втульчатые трехперые наконечники скифского типа. На всем протяжении VI в. до н.э. продолжают бы-

товать трехгранные втульчатые и черешковые наконечники. Втульчатые трехлопастные приобретают более массивную форму, и трехгранные наконечники постепенно, к V в. до н.э., вытесняют черешковые.

Выделяются два типа кинжалов. Один — бронзовый с грибовидным навершием и валиком под ним, с перекрестием в виде полукруглых асимметричных выступов и другой — железный с клиновидным обоюдоострым клинком, который сохранился неполностью, но бесспорно принадлежит к распространенному типу кинжалов с бабочковидным перекрестием, датирующихся VI в. до н.э.

С «Савроматским миром», его влиянием, а может быть, и непосредственными заимствованиями следует связывать находки длинных железных мечей в курганах V в. до н.э. Один из них имел длину 1,25 м, брусковидное или овальное навершие и бабочковидное перекрестие. Он лежал в деревянных ножнах, поверх которых была обкладка из золотой фольги. На ней, в области перекрестья, вытеснена голова архара. В средней части клинка — фантастические животные, более всего походящие на волков. Рукоять еще одного железного меча (длина 1,1 м) имела два боковых валика, почковидное перекрестие и, очевидно, когтевидное навершие. Ножны до нас не дошли, но обломок прямоугольной золотой пластины с тисненым изображением в зверином стиле может быть фрагментом их обкладки.

Отличительной особенностью раннесакской конской узды считается преобладание в ее составе удила со стремеvidным окончанием.

Наиболее ранней формой конской узды из Южного Тагискена и Уйгарака следует считать

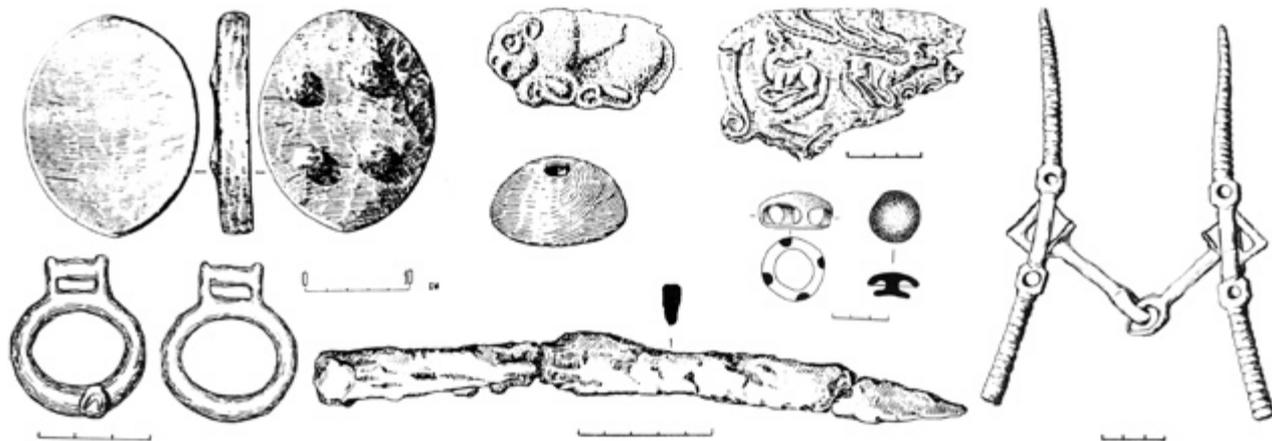

Рис. 4.28. Южный Тагискен. Погребальный инвентарь

роговые трехдырчатые псалии, сочетающиеся со стремевидными бронзовыми удилами.

Еще один этап развития конской узда — появление стремевидных удил со стремечком прямоугольной формы. Они уже не скреплялись с псалиями с помощью ремня, пропущенного через среднее отверстие, а продевались в широкое прямоугольное отверстие или скобу.

На предметах конского убора, золотых нашивных бляшках и золотых обкладках изображены олень, сайга, лошадь, горный козел, кабан, лев, барс или пантера, хищная птица, верблюд. Все эти предметы местного изготовления. Манера, в которой выполнены изображения, вводит саков Приаралья в мир скифо-сибирского звериного стиля, причем и здесь выявляются черты единства, с одной стороны, и местного своеобразия — с другой.

В искусстве саков Приаралья одним из наиболее частых является образ льва. Самые ранние из находок (VII—VI вв. до н. э.) — это четыре тисненые пластинки в виде сидящих львов.

Популярный в скифо-сибирском искусстве образ хищной птицы нашел отражение и в искусстве саков низовий Сырдарьи. Как правило, изображалась лишь птичья голова, выполненная с большей или меньшей степенью стилизации.

Популярный в «скифском мире» мотив коня встречен на отдельных предметах. Особое

внимание обращают на себя две бронзовые бляхи: геральдически поставленные лошадиные головы с кнопкой-крючком в виде лошадиного копыта на одной из них.

Изображены два оленя с подогнутыми ногами, на фоне более крупной фигуры кошачьего хищника.

Широко известные в культурах «скифского мира» изображения горного козла и кабана тоже встречаются в искусстве саков Приаралья и, как и изображения головки верблюда, могут быть отнесены к местным мотивам.

В искусстве звериного стиля нередко образы фантастических животных, изображения которых обычно сочетают детали, характерные для различных представителей животного мира. Великолепный образец такого искусства дает фрагмент золотой обкладки деревянных ножен железного меча из Южного Тагискена. Изображены два припавших к земле фантастических зверя, лежавших друг за другом. Крупы и хвост с характерным завитком напоминают животных из семейства кошачьих, голова похожа на лошадиную, а пасть с оскалом зубов — на волчью. На плечи нанесен орнамент в виде треугольников.

В комплексах Южного Тагискена и Уйгарака отчетливо прослеживаются связи сакского мира с южносреднеазиатским и переднеазиатским (образы льва и пантеры в изобразительном

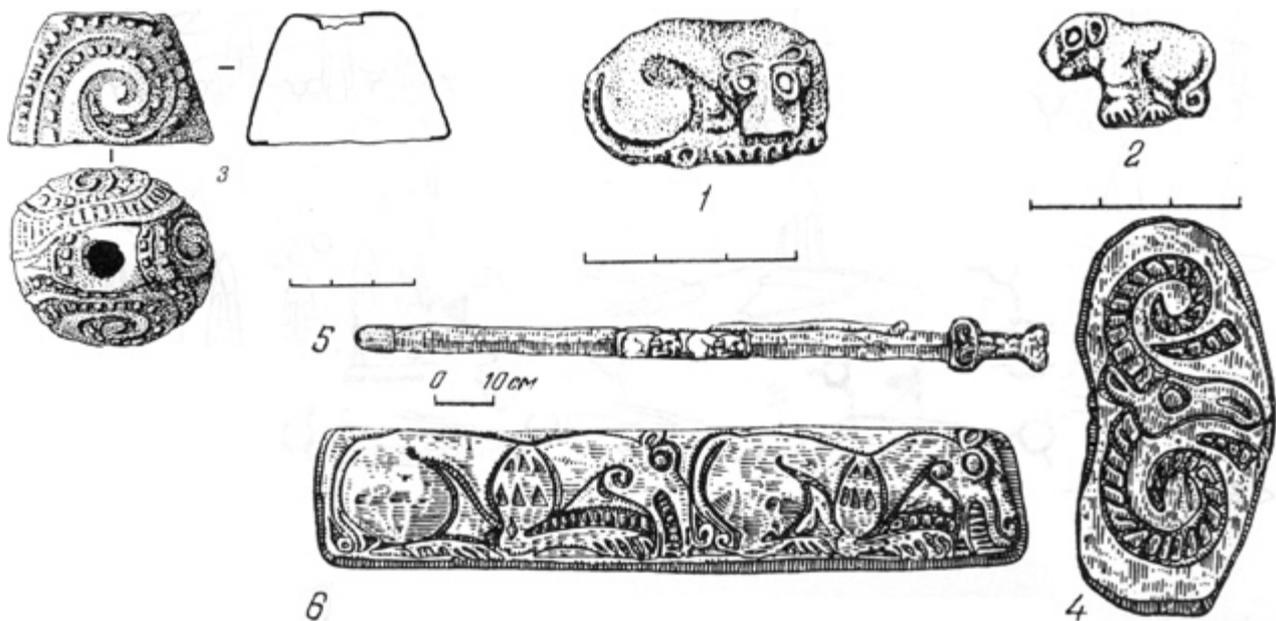

Рис. 4.28. Южный Тагискен. Курган 53.

Инвентарь: 1, 2, 4, 6 — накладки; 3 — вороворка; 5 — меч. 5 — железо, золото; остальное — золото

искусстве, импортная керамика, бусы). Находки из раннесакских памятников восточного Приаралья подтверждают мнение о переднеазиатском происхождении некоторых изображений, обнаруженных в савроматских памятниках, и о посредничестве Средней Азии в их передаче.

Отмечается близость культур ранних саков Приаралья, Центрального и Северного Казахстана и Семиречья.

Сакские материалы, полученные в результате исследования памятников в Приаралье в бассейне средней Жаныдарьи, охватывают период от конца V — рубежа V-IV вв. до н.э. до II в. до н.э. и по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу — чирикратскую культуру, названную так по городищу Чирик-Рабат.

Это шесть укрепленных поселений (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды, Кабулкала (Чагырлы), Чирик 3 и Сенгиркала) и около 200 неукрепленных, большая часть которых связана с зоной ирригационных сооружений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей, два грунтовых могильника и несколько ремесленных комплексов — обжигательные печи, производство и обжиг лепных статуэток. Из всех перечисленных памятников лишь немногие подверглись раскопкам.

Памятники IV—II вв. до н.э. на Жаныдарье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, Южный Тагискен) и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявляется в приемах строительной техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики.

Несмотря на то, что южное влияние придало культуре сакских племен IV—II вв. до н.э. в низовьях Сырдарьи новый облик, преемственность ее по отношению к ранним сакским памятникам прослеживается не только в керамике, но и в погребальном обряде.

Топография памятников чирикратской культуры показывает, что расселение племен шло оазисами, располагавшимися в зоне ирригационных систем. Крупные оросительные сооружения типа магистральных каналов были довольно редки. Очевидно, большое значение имело использование паводков, когда вода собиралась в водохранилища, созданные в руслах-старицах. Общая площадь оазисов очень различна. Так, один из самых крупных — Бабишмуллинский — достигал 10 тыс. га, а Баландинский — около 150-200 га.

Городище Чирик-Рабат расположено на возвышенности, на берегу Жаныдарьи. Овальное в плане, оно занимает всю поверхность холма (850×600 м). Древнейшая крепость (IV—II вв.

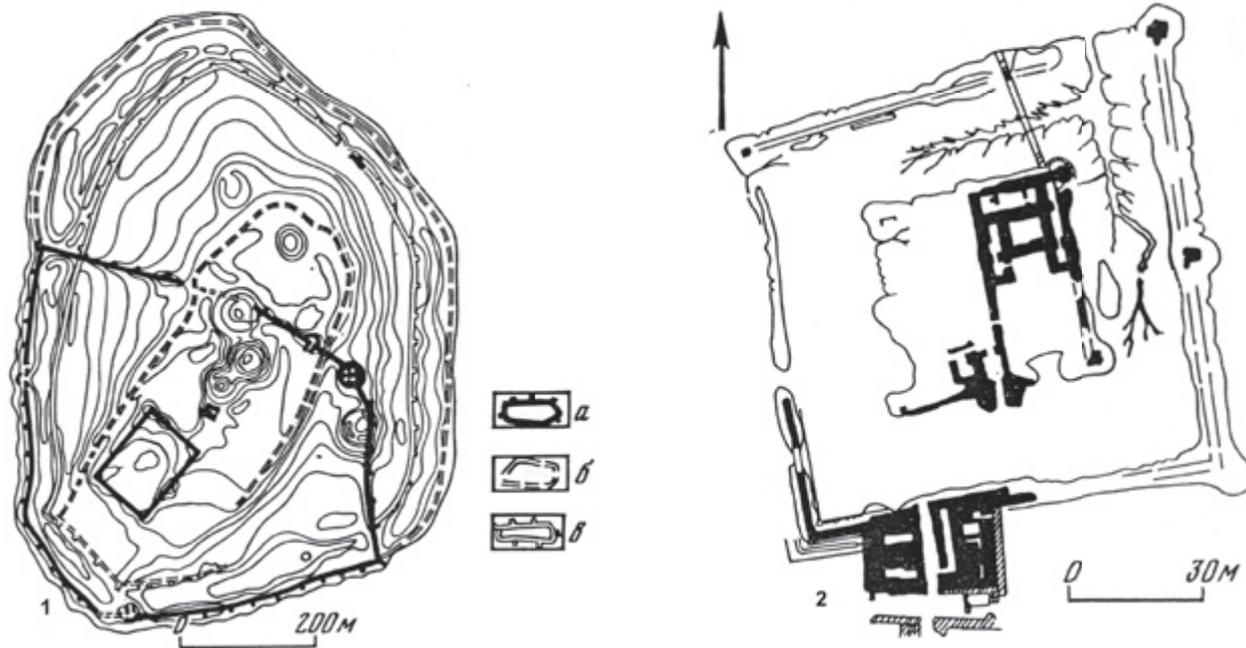

Рис. 4.29. Чирикратская культура. Планы городищ: 1 — городище Чирик-Рабат; 2 — городище Бабиш-Мулла I, цитадель (по С.П. Толстову)

до н.э.), площадью свыше 40 га, была окружена двойным поясом укреплений. К этому же времени относится прямоугольное укрепление в центральной части. Южная часть памятника отсекается стеной времени средневековья, в которую был включен и древний круглый мавзолей. Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель. Городище было окружено рвом (ширина около 40 м, глубина более 4 м от основания стен). В древней крепостной стене (толщина 4,5 м) расположена стрелковая галерея (ширина 1,8 м). Стена усилена башнями прямоугольных очертаний, выступающими за ее плоскость на 6 м. Башни, как и стена, имели стреловидные бойницы одинаковой высоты на входе и выходе. Бойницы располагались на одном уровне. Жилые слои на городище вскрывались лишь в небольшом раскопе в южной части памятника, вблизи внутренней оборонительной стены. Общая мощность культурного слоя более 2 м, верхние напластования относятся к XII—XIII вв. н. э., а нижние — к IV—II вв. до н. э.

Наиболее древняя группа памятников на территории городища включает шесть земляных курганов, четыре из которых находятся в пределах центрального прямоугольного укрепления. Раскопан один курган. На городище вскрыты также два погребальных здания.

Первоначально Чирик-Рабат скорее всего был укрепленным городищем-убежищем местных племен, на территории которого располагались погребения вождей, вначале в курганах и в мавзолеях.

На другом берегу Жаныдарьи открыто укрепленное поселение Чирик 3, в плане прямоугольное (108×122 м) со скругленными углами. Местами на высоте около 1,5 м сохранились остатки крепостной стены (ширина чуть более 3 м) со стреловидными бойницами.

В Бабишмуллинском оазисе находятся городище Бабиш-Муллы 1 и мавзолей Бабиш-Муллы 2. Городище укрепленное, неправильных очертаний, обнесено крепостными стенами. В северной части выделяется квадратная «цитадель» размерами 100×100 м.

В центре «цитадели» расположены развалины квадратного здания (44×44 м), получившего название «Большой дом». Оно было окружено пахсовой стеной с бойницами. Здание делилось на две половины коридорообразными помещениями. Раскопаны северо-восточная часть здания и часть примыкающего к нему с юга двора (или зала). Стратиграфически в «Большом доме» выделено три периода.

На городище полностью раскопан объект, получивший название «донжон». Это мощное (30×30 м) предвратное укрепление, расположенное близ юго-западного угла «цитадели». Стены его сохранились на высоту 4—5 м, внутри массива оказались заложенные сводчатые помещения первого этажа. При раскопках «донжона» выявлено тоже три строительных периода. Поскольку сводчатые помещения были жилыми, раскопки их дали археологический комплекс, на основании которого выделяется ранний период чирикрабатской культуры.

С поздним периодом существования городища связано и сооружение пристройки с южной стороны памятника. Она обнесена мощной крепостной стеной с полукруглыми, выступающими за линию стены башнями, стены которых прорезали стреловидные бойницы. Застройка в этой части памятника прослежена в основном в его юго-западной части, где обнаружены остатки отдельно стоящего сырцового здания, а также полуземлянки или крупные ямы с остатками производства глиняных, плохо обожженных грубых статуэток и шариков. Вдоль крепостных стен находился ряд помещений с каркасно-столбовой конструкцией стен.

Центральный комплекс Баланды включает три памятника: небольшую крепость Баланды 1, прилегающее к ней поселение и два погребальных сооружения — Баланды 2 и 3.

Планировка «большого дома» Бабиш-Муллы 1 отличается осевой анфиладой помещений, начинавшихся от входа, обрамленного двумя массивными башенками. Вскрытая часть планировки в восточной половине дома дает основание считать, что здесь строился большой парадный комплекс для приемов или особых церемоний. Принцип планировки этого комплекса характерен для ахеменидской архитектуры.

Представляется, что и постройку «большого дома» Бабиш-Муллы 1 можно рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций, строительство которых было предпринято в самых северных сатрапиях Ахеменидской державы незадолго до ее крушения. Только с включением территории низовьев Сырдарьи в состав Ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV в. до н.э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, находящего себе аналогии в южных районах Средней Азии (Согд, Парфия и, возможно, Бактрия), окраинных земледельческих областях державы Ахеменидов на востоке. Таким образом, археологический материал позволяет предположительно локализовать одну

из поздних сатрапий Ахеменидского государства на крайнем северо-востоке его владений, на землях полуседлых скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Строительство монументальных зданий и крепостных сооружений на Жаныдарье велось скорее всего с помощью мастеров и ремесленников из южных районов Средней Азии. Аналогичная картина фиксируется и по керамическим материалам.

Монументальным постройкам и укрепленным поселениям чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен, где нет следов сырцовых построек. В сложных и многообразных погребальных памятниках чирикратской культуры также прослеживается известный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Все они делятся на две группы: грунтовые погребения и наземные мавзолеи. Однако в обеих группах исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников.

Баланды 1 — прямоугольное в плане укрепление (80×130 м), окруженное стенами из сырцового кирпича, сохранившимися местами на высоту до 3 м. По углам и вдоль длинных стен расположены полукруглые башни со стреловидными бойницами. Вход в укрепление находился, очевидно, в северо-западной стене. На памят-

нике были проведены небольшие разведочные раскопки, позволившие заключить, что Баланды 1 — «большой укрепленный дом», в комплексе которого было несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений.

По керамическому материалу памятник относится ко второму этапу существования чирикратской культуры.

Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-Рабат. Один курган раскопан. Под насыпью его (диаметр — 60 м, высота — 3,5 м), в материковом грунте, обнаружена большая, почти квадратная (7,5×7,2 м, глубина 2,5 м) погребальная камера с длинным (16,5 м) и узким (0,9 м) дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крутых широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры. Стены всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера были перекрыты настилом из шести слоев камыша. Курган был разграблен еще в древности, и человеческие кости не сохранились. Среди остатков инвентаря — фрагменты двух гончарных кувшинов и лепной посуды, небольшая поделка из золота, бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы и железный меч (длина 85 см) с массивным широким лезвием, плоской рукоятью, вероятно, бабочковидным перекрестием и овальным навершием.

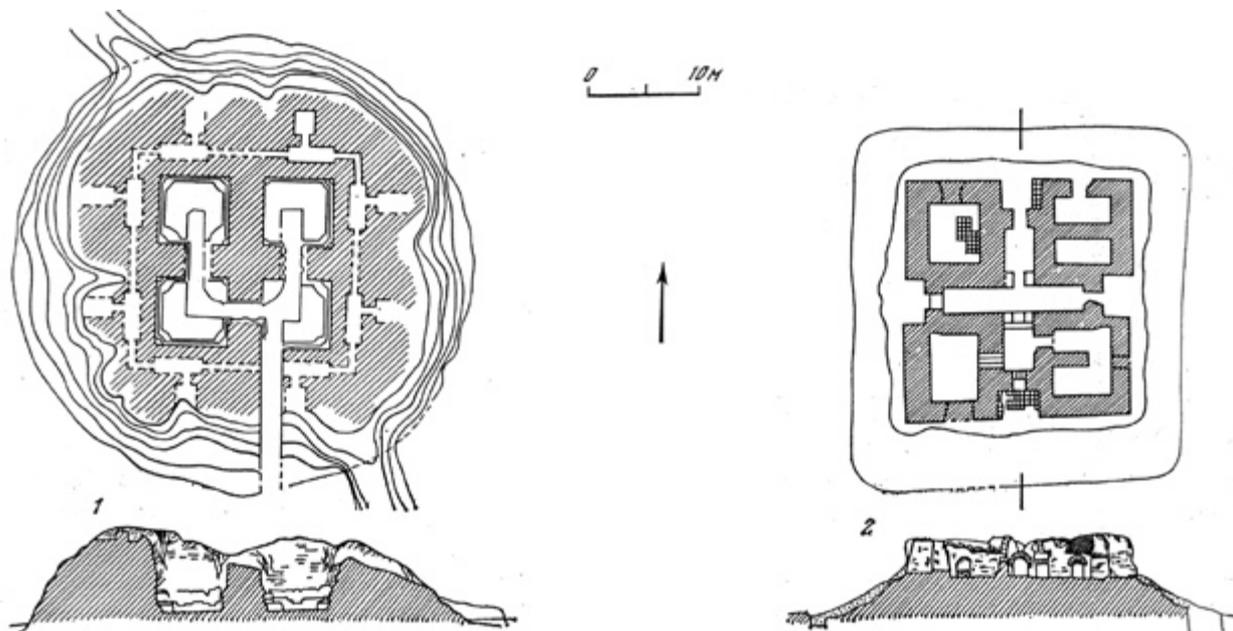

Рис. 4.30. Чирикратская культура. Планы мавзолеев

Рядовые захоронения в курганах располагались скорее всего вне поселений, но земляные насыпи их не сохранились. Очевидно, свидетельством тому является погребение, раскопанное в могильнике Баланды 4. Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы на глубину 40 см, представлявшей собой овал (5,3×3,8 м), вытянутый с юго-востока на северо-запад. В южной стенке могильной ямы замечены следы ступенек, возможно, от дромоса. В яме находилось семь погребенных, ориентированных головами на юго-восток. Все они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, лишь у одного ноги были раскинута ромбом. Погребальный инвентарь состоял из 11 глиняных сосудов, железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок. Из 11 сосудов лишь два изготовлены на гончарном круге — красноангобированный кувшин и чаша с белым ангобом, остальные относятся к керамике домашней выделки кострового обжига: восемь сероангобированных горшков и одна красноангобированная чаша.

Еще один тип грунтовых захоронений — погребальное сооружение, раскопанное в 800 м к северу от Бабиш-Муллы 2. Оно, расположенное на небольшой естественной возвышенности (2,7 м над уровнем современного такыра), представляет собой квадратную в плане (такырную) площадку (5,5×5,5 м) со ступенчатыми краями, постепенно спускавшимися в вырытые со всех сторон неглубокие (ширина до 2,5 м и глубина от уровня площадки 1,3 м) рвы. Площадка, ориентированная углами по сторонам света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока от нее.

На верхних ступеньках (ширина 70-75 см) около углов площадки и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига, в которых лежали детские костяки. На второй ступени вскрыто три захоронения в ямах. Первое погребение, расположенное в 1,5 м к северо-западу от площадки, принадлежало взрослому человеку, положенному в могилу скорченно, головой на юго-запад. Два других, находившихся в 70-75 см от площадки, содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребенных были вытянуты на спине, один обращен головой на северо-запад, другой — на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшино-

видный красноглиняный гончарный сосудик. В заполнении рвов найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел, обломки каменных курильниц.

Вторую группу погребальных памятников чирикрабатской культуры составляют наземные мавзолеи. Известно более двух десятков этих сооружений. Расположены они друг от друга и от поселений на расстоянии 0,5-10 км.

По внешнему виду их можно разделить на два типа: квадратные и круглые в плане.

Сооружение Бабиш-Муллы 2 представляет собой монументальное погребальное здание размерами 21×21 м, высотой до 7 м. В основании его цоколь (30×30 м, высота 3,5 м) из шести рядов пахсовых блоков. Планировка здания симметрична — два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводной коридор, следы которого обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещений были покрыты алебастровой штукатуркой. Погребения по «обряду труповыставления» совершались прямо на полу или суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах. Умерших сопровождал богатый инвентарь. Даже после ограбления остались золотые бляшки, серьги, бусы (золотые и каменные). Керамический комплекс, обнаруженный в мавзолее, аналогичен керамике городища и синхронен материалам его второго (а отчасти и первого) строительного периода. Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов глиняных оссуариев или гробов с наlepными валиками и пальцевыми защипами под краем.

Наиболее ранним среди круглых погребальных сооружений является здание (диаметр 38,5 м, сохранившаяся высота 8,5 м), расположенное в юго-восточной части городища Чирик-Рабат. Внутреннее пространство его разделено на четыре квадратных (каждое 5,9×5,9 м) помещения двумя пересекающимися в центре стенами (толщина 3 м), ориентированными по сторонам света. Северные помещения обособлены, но соединены с южными проходами, сдвинутыми к центру здания. В юго-восточное помещение вел с юга 10-метровый входной коридор. В толще внешней стены на высоте 7,25 м шел квадратный в плане коридорчик (ширина 0,5 м), каждая сторона которого имела

по два прямоугольных расширения (4×1,3 м), откуда узенькие проходы выводили в небольшие камеры. Под зданием возведен небольшой цоколь, полы помещений подстилались кирпичной выкладкой, а в узком входном коридоре был пандус. Вдоль стен помещений тянулись широкие и высокие» суфы, на которые и были положены тела умерших в сопровождении богатого инвентаря. Затем было совершено трупопожжение.

Основная масса круглых в плане мавзолеев представляет собой постройки (диаметр 15–20 м), возведенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт 50×30×12 см) и сохранившиеся в высоту на 3-5,5 м от уровня современной поверхности.

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же мавзолеях производились и кремация, и трупоположение в деревянных гробах, на носилках или циновках.

Среди круглых в плане погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей Баланды 2 (диаметр 16 м, сохранившаяся высота 4,5 м). Вход в него расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое (диаметр 5,5 м) помещение, перекрытое

ложным куполом, заключено в обвод анфилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана 25 выступающими треугольными «лопатками.» Мавзолей был ограблен еще в древности, поэтому сохранились лишь остатки погребального инвентаря, керамический комплекс (в основном из расклинок сводов) и фрагменты деревянных гробов или носилок.

Исследование мавзолеев чирикрабатской культуры дает возможность считать, что среди основной их массы, вероятно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение.

Общая датировка памятников чирикрабатской культуры в пределах IV—II вв. до н. э.

По аналогиям в материалах сарматской культуры (особенно в близких территориально памятниках Южного Приуралья) предметам вооружения для начала раннего этапа может быть предложена дата — рубеж V—IV вв. до н. э.

Керамика чирикрабатской культуры представлена горшками, котлами, чашами, мисками. Следует отметить горшковидные сосуды с цилиндрическими сливами. Котлообразные сосуды встречаются гораздо реже чем горшки. Широко открытые миски с плавно округлыми стенками и утонченным краем. Часть лепных сосудов украшена орнаментом. Он представлен прочерченными, волнистыми, зигзагообразными или угловыми узорами на плечиках и туло-

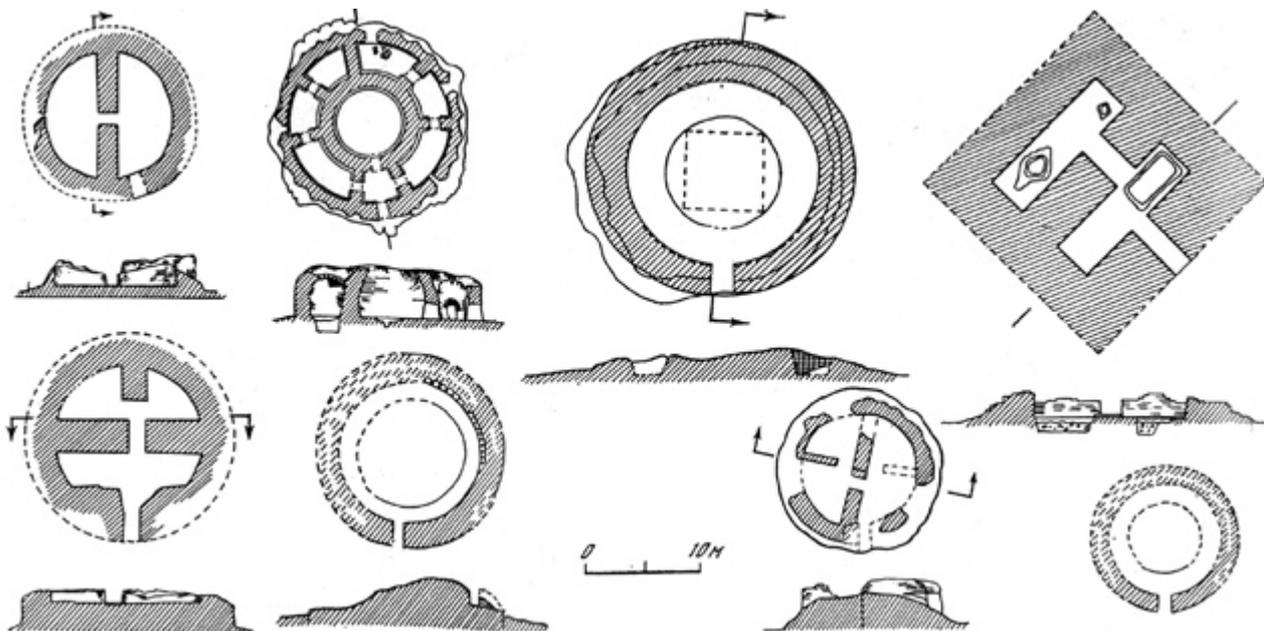

Рис. 4.31. Чирикрабатская культура. Планы мавзолеев

ве сосудов, иногда дополненными точечными вдавлениями, а также насечками.

Сосуды ремесленного производства изготовлены на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешанной и отмученной глины. Они имеют ровный обжиг и покрыты жидким беловатым или красно-коричневым ангобом.

По назначению и формам гончарной керамики выделяются хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды, горшки, котлообразные сосуды, кувшины, фляги, миски, чаши.

Основная масса сосудов рассмотренного вида лишена орнамента. Лишь незначительная их часть украшена валиком с насечками, опоясывающим сосуд ниже венчика, насечками по венчику или пальцевыми вдавлениями по наружной стороне венчика.

Очень небольшую группу гончарной керамики составляют невысокие приземистые красноангобированные горшки с характерной плавной биконической формой тулова.

Самая распространенная форма гончарной посуды — горшки с яйцевидным туловом.

Немногочисленной серией в гончарной керамике представлены крупные красноглиняные фляги.

Миски покрывались красным или красно-коричневым ангобом.

Сравнение гончарной керамики чирикратской культуры с материалами других среднеазиатских районов выявляет необычайную близость ее особенно с древнепарфянской и согдийской.

Сходство чирикратской и согдийской керамики позволяет предположить общность ее происхождения и вероятность существования единого «центра», находившегося в позднеахеменидский период, возможно, на территории Парфии или Бактрии.

Оружие представлено ограниченным количеством предметов, так как в рядовых мавзолеях его практически нет, а богатые разграблены. Наиболее массовой категорией находок этой группы являются наконечники стрел. Преобладают трехлопастные и трехгранные стрелы с выступающей и скрытой втулкой.

Единственный меч, найденный в кургане на городище Чирик-Рабат, датирован рубежом V—IV в. до н. э.

Плохой сохранности кинжал обнаружен вместе с фрагментами пластинчатого железного доспеха в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате.

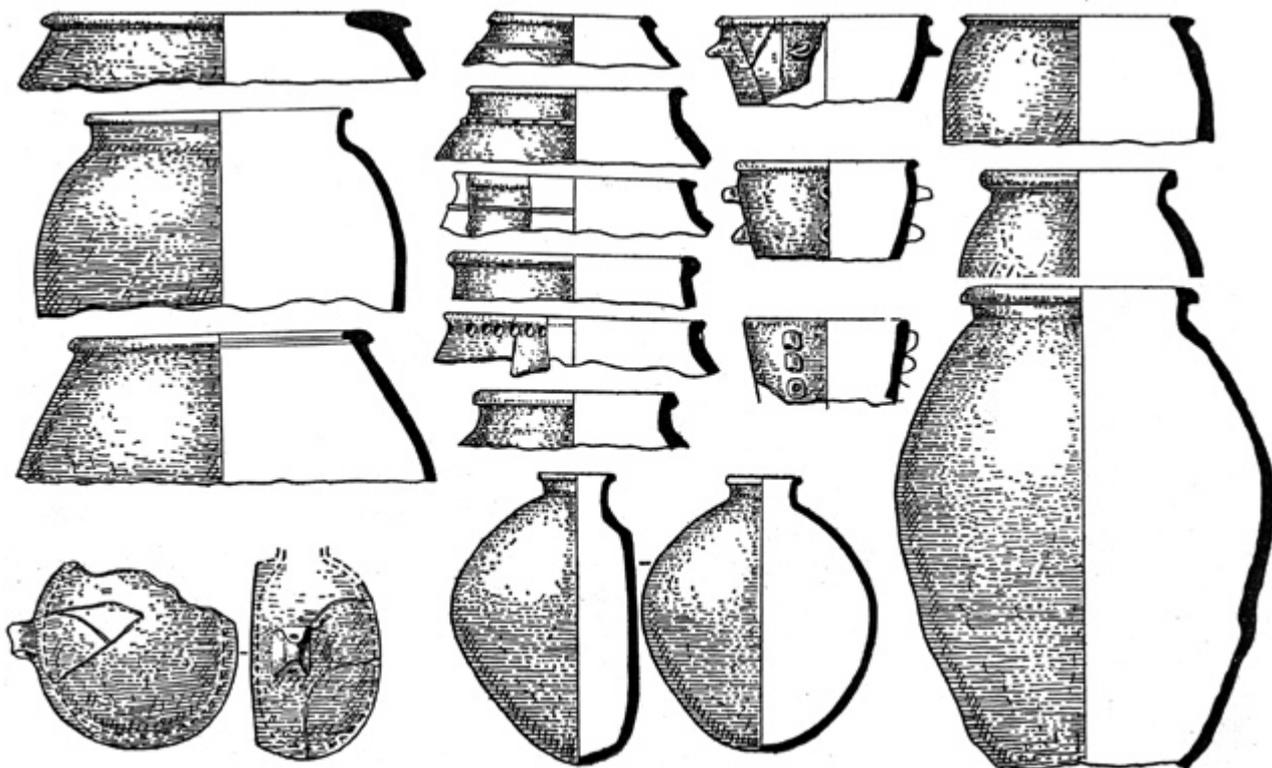

Рис. 4.32. Чирикратская культура. Керамика

Из предметов конского снаряжения встречен лишь один целый двудырчатый роговой псалий.

Наиболее полно комплекс украшений представлен в погребальных сооружениях, особенно в мавзолеях Бабиш-Муллы 2, Чирик 2, круглом и квадратном мавзолеях Чирик-Рабата. Здесь были найдены золотые, серебряные и бронзовые бляшки, серьги, подвески, перстни, колокольчики и халцедоновая ахеменидская печать. Особенно разнообразен и многочислен набор всевозможных бус: из стекла (крупные синие бусы с белыми глазками); такие же, обведенные красными ободками; мелкий синий бисер; подвески; бусы из стекла с внутренней позолотой, золота (массивные бусы с зернью; кости (бусины и подвески-пронизи цилиндрической и усеченноконической формы; камня (яшма, гагат, сердолик, янтарь, ляпис-лазурь, халцедон.

Дошедшие предметы туалета чирикратской культуры представлены костяными и бронзовыми туалетными ложечками, обломками деревянных точеных сосудиков.

Особый интерес представляет набор костяных орнаментированных пластин и выточен-

ных из слоновой кости небольших наконечников и столбиков с глубокими кольцевыми пропилами, заполненными синей пастой. Все эти костяные детали украшали деревянную парадную шкатулку с усеченноконической крышкой. Деревянные плоскости стенок шкатулки имели роспись (сохранились пятна алого цвета и следы позолоты) и были обложены с обеих сторон слюдой.

Для отождествления носителей чирикратской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения. Во-первых, преемственность чирикратского археологического комплекса по отношению к культуре саков низовьев Сырдарьи (Уйгарак, Южный Тагискен), что предполагает, по крайней мере, значительное этническое единство населения с VII в. до II в. до н. э. на этой территории. Во-вторых, можно с достаточным основанием предложить отождествление комплекса чирикратской культуры с даями (дахами) или, по мнению С.П. Толстова, с апа-сиаками.

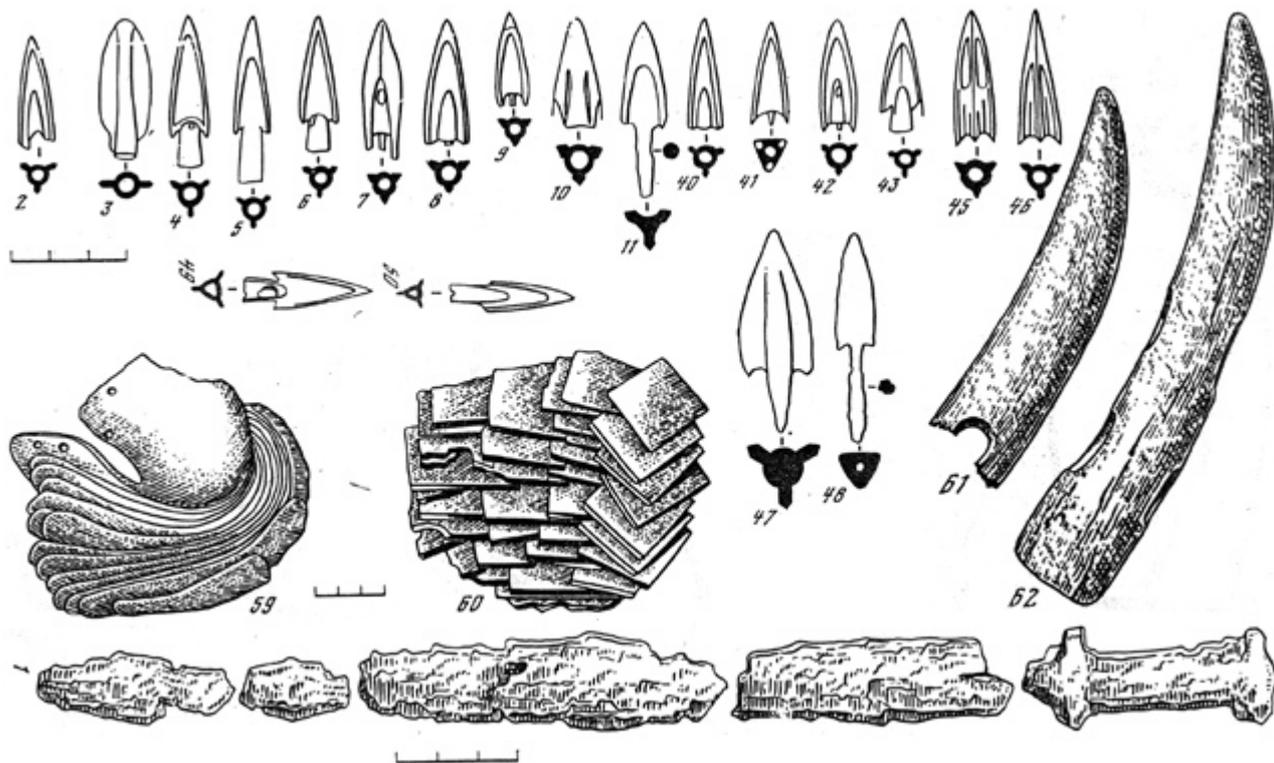

Рис. 4.33. Чирикратская культура. Оружие

ПАМЯТНИКИ ОТРАРСКО-КАРАТАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава IV.

Поселения и могильники Отрарско-Каратауской культуры расположены в районах южных и северных отрогов Каратау, в долинах Арысы и Бугуни, в среднем течении Сырдарьи, распространяясь от северо-восточных отрогов Каратау на севере и до песков Изакудук на юге.

История археологического исследования этих районов начинается с 1867 г., со времени поездки П.И. Лерха.

Начиная с 40-х гг. XX в. и до сих пор здесь проводили исследования археологические экспедиции и отряды А.Н. Бернштама, Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевича, К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, Л.М. Левиной, Е.А. Самагулова, Н.П. и А.Н. Подушкиных, А.А. Ергигитовой, А.Н. Грищенко, Б.А. Байтанаева.

Название «Отрарско-каратауская культура» было впервые использовано Л.М. Левиной для обозначения культуры, названной в свое время А.Н. Бернштамом «Отрарско-каучинской». Название «Отрарско-каратауская культура» утвердилось в научной литературе.

Л.М. Левиной на основании изучения керамики была предложена хронология культуры.

Первый этап ее отнесен к I в. до н. э. — III—IV вв. н. э.

Сейчас после многолетних исследований региона можно выделить несколько крупных центров на территории распространения отрарско-каратауской культуры. Прежде всего, это Отрарский оазис, давший название культуре, где выделяются в свою очередь несколько групп памятников.

Это городище Отрар и расположенные от него в радиусе 15 км городища и поселения — Куйруктобе, Алтынтобе, Мардан-Куик, Жалпактобе. Это крупные городища, существующие в течение многих столетий: Отрартобе (с первых веков н. э. до XVIII в.), Пшакшитобе (с первых веков н. э. до XII в. н. э.), Куйрыктобе (с первых веков н. э. до XIV в.), Алтынтобе (с первых веков н. э. до XII в.), Мардан-Куик (с первых веков н. э. до XV в.), Жалпактобе (с первых веков н. э. до XII в. н. э.). Здесь же на площади около 250 кв. км расположены десятки поселений типа тобе с площадкой разного размера, среди которых выделяются Каламтобе, группа Актобе, Чоль-тобе, Кара-унчуктобе,

Рис. 4.34. Мардан-Куик (план)

Шошактобе, Ботайтобе, Кайнартобе, Маслахат, могильники Талтакай I и II, Конуртобе.

Другой микрооазис с центром на городище Кок-Мардан находится на левом берегу р. Арысь. Здесь вдоль старых протоков Арыси и на самой Арыси в полосе длиной 15 км и шириной 5 км на площади 45 кв. м расположены поселения и городища Пшук-Мардан, Костобе Северное, Костобе Южное, Сейтмантобе, Чольтобе, Шаштобе, Ахайтобе, Тостогантобе и другие.

Рядом с городищем Кок-Мардан находятся несколько некрополей в виде отдельно стоящих холмов и некрополей на выбросах из каналов.

В низовьях р. Бугунь расположен микрооазис с центром — городищем Бозуктобе и расположенными рядом с ним в радиусе 5-7 км, на площади 40 кв. км поселениями Бозук, Актобе, Кшитобе.

На левом берегу центром микрооазиса является городище Оксыз.

В Туркестанском оазисе выделяется несколько микрооазисов с центрами-городищами Икан, Додвен, Карачик I, Сидак, Каратобе, на левом берегу Сырдарьи — Мейрамтобе, Абызтобе, Келинтобе.

На горных речках Южных склонов Каратау, расположенных обычно у выходов их на

равнину, находятся десятки поселений, среди которых Кайырхантобе, Шаштобе.

В Яныкурганском оазисе, на правом берегу Сырдарьи центром является городище Ордакент, в Сыгнакском оазисе — городище Сыгнак. На северных склонах Каратау находятся десятки городищ и поселений с центрами-городищами Сузак, Баба-Ата, Кумкент. Здесь известны поселения Актобе Бабаатинское, Тарсатобе, Алтынтобе, Актобе Чаянское. В низовьях Таласа центральными были городища Шарвашлык и Тектурмас, в среднем течении — городище Тараз. На средней Арыси крупными центрами были городища Жувантобе, Караспантобе, Шорттобе и поселения Культобе, Костобе, Тулебайтобе на Бадаме. Здесь же известны могильники Борижарский, Караспан, Культобе.

Вверх по Арыси и ее притокам расположены городище и поселения Узунтобе, Жартытобе, Торткольтобе. В предгорной зоне Таласского хребта находятся многочисленные городища, поселения и могильники. Среди них крупнейшие городища Шымкент и Сайрам.

Поселения культуры расположены по берегам рек и окружены могильниками. К наиболее ранним можно отнести поселения типа Акто-

Рис. 4.35. Кок-Мардан (план)

ган, Абызтобе, частично Ордакент на Сырдарье и Актобе в районе северных склонов Каратау. Курганы, раскопанные около последнего поселения, имели отличную от каунчинских и джетысарских конструкцию погребального сооружения. Характерный для каунчинской культуры тип катакомбных погребений не обнаружен в данном районе.

В Отрарском, Туркестанском оазисах известны погребения в искусственных платформах и наусах.

В среднем течении Арыси обнаружены и обследованы катакомбные погребения в курганах и захоронения в наусах.

На северных склонах Каратау были изучены погребения в грунтовых ямах с подбоем и захоронения в ямах под каменными насыпями (курумы).

В верхнем течении Арыси, в долине Бадама исследованы захоронения в катакомбах под лессовыми насыпями.

Среди керамики группы отмечены горшки баночной формы с широким плоским дном и почти столь же широким устьем, слегка выпуклым корпусом, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокую горловину. К краю сосуда иногда прикреплены две вертикальные петлеобразные ручки. Подобная форма горшков находит аналогии в каунчинской культуре. Для керамики характерно преобладание крас-

ноглиняной посуды, изготовленной в подавляющем большинстве тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки или, что встречается реже, станковой работы, снаружи покрытой беловатым ангобом и потеками и мазками красно-коричневого ангоба. Хумы с покатыми плечиками, отделенными от низкой шейки резким уступом, а иногда и валиком. Венчики подтреугольные или овальные в сечении. По форме верхней части эти сосуды схожи с хорезмийскими, характерными для кангюйского времени.

Крупные горшкообразные сосуды имеют маленький подтреугольный или круглый в сечении венчик, широкое и низкое горло, резко покатые плечики, округлое тулово. Часто к краю сосуда прикреплен верхний конец петлеобразных ручек. Орнаментированы некоторые подобные сосуды рядом насечек по горлу, иногда — рядами прорезных волнистых полос по верхней части тулова.

Что касается форм кувшинов, то можно отметить лишь наличие широкогорлых сосудов с небольшим подтреугольным или круглым в сечении венчиком. У многих высокое горло, посередине которого проходит горизонтальный валик. Есть сосуды и с одним или двумя сливами по краю, тождественные джетысарским. Часть кувшинов имеет резко отделенное от плечиков горло.

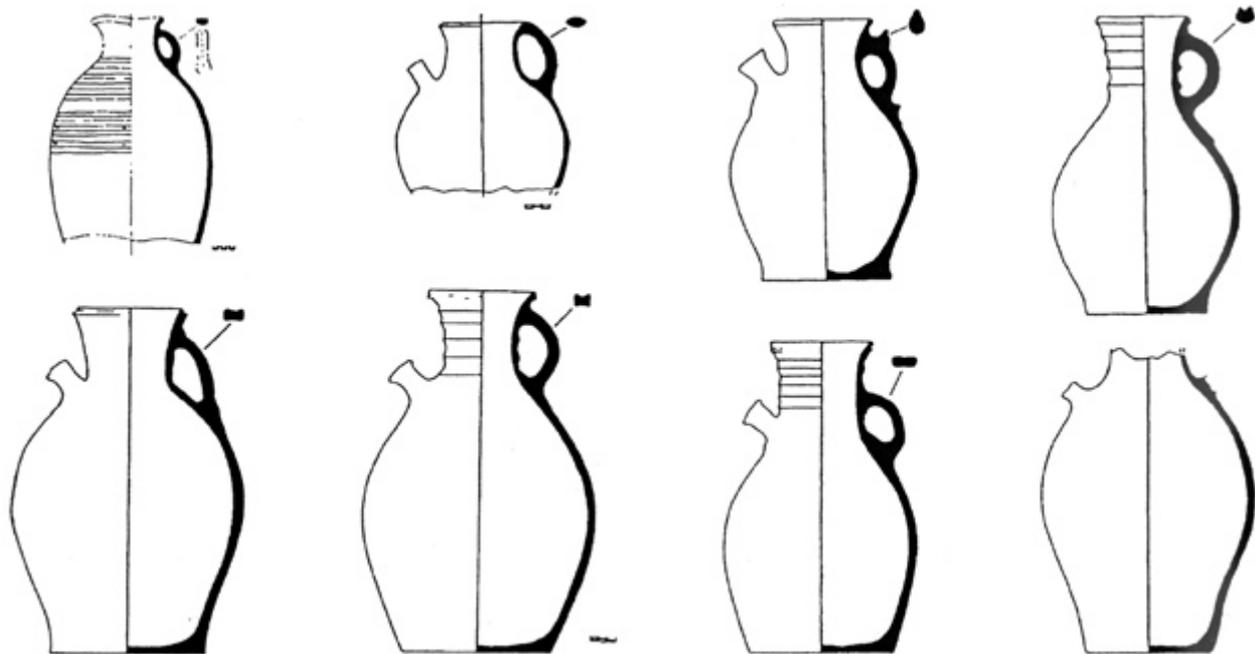

Рис. 4.36. Керамика отрарско-каратауской культуры. Кувшины. II—V вв. н.э.

Миски и чаши, широко открытые, невысокие, полусферической формы, с простым краем или же с выделенным круглым в сечении венчиком, часто с красноватым ангобом и лощением, находят аналогии в материалах джетыясарской культуры. Встречены также и красноангобированные лощеные кружки с почти прямыми или слегка расходящимися к устью тонкими стенками. Найдено большое число сосудов (часто очень крупных) с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. Рассмотренный выше комплекс датируется рубежом нашей эры или I в. до н. э. — III—IV вв. н. э.

К следующему этапу, который датируется серединой I тысячелетия н. э. (до V—VI вв.), относится большая часть поселений. В этот период в керамике первой группы, помимо котлообразных сосудов, встречаются плоскодонные горшки баночной формы с двумя вертикальными петлеобразными ручками с продольной ложбинкой и ямкой у верхнего конца ручки. Ниже края и на тулове «кухонных» горшков появляются налестной орнамент в виде валиков, рассеченных палочкой или волнообразными пальцевыми зажимами, конические налесты-шишечки на тулове. Встречены на памятниках этого периода и подставки в виде головы быка, аналогичные каунчинским.

В керамике второй группы для хумов, крупных горшкообразных сосудов характерно под-

квадратное сечение венчиков. Для кувшинов типичны грушевидное тулово, высокое широкое горло, вертикальные петлеобразные ручки с продольной ложбинкой, иногда с ямками у начала ручки и на спинке. Некоторые кувшины имеют раструбообразный венчик, подчеркнутый снаружи снизу небольшим валиком, многие украшены разнообразным горизонтальным рифлением на горле, некоторые снабжены цилиндрическим, иногда чуть сжатым носиком, другие имеют слив на краю сосуда. Орнаментированы такие сосуды, помимо красно-коричневых и черных мазков и потеков, прорезным волнистым узором. Значительное число кувшинов с раструбообразным утолщенным венчиком покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением.

Кружки с овальным туловом, с петлеобразными вертикальными ручками, на верхней части которых имеются налесты в виде загнутых рогов барана или выступа, схематически изображающего голову барана, аналогичны характерным каунчинским.

К третьему этапу (VI—VIII вв. н. э.) можно отнести слой городищ типа Мардан-Куюк, Куйрыктобе, Шушактобе, Актобе Байгакумское, нижний слой Баба-ата, могильники типа Борижарского. Для керамики первой группы этого периода характерно широкое распространение налестного валика, рассеченного насечками или

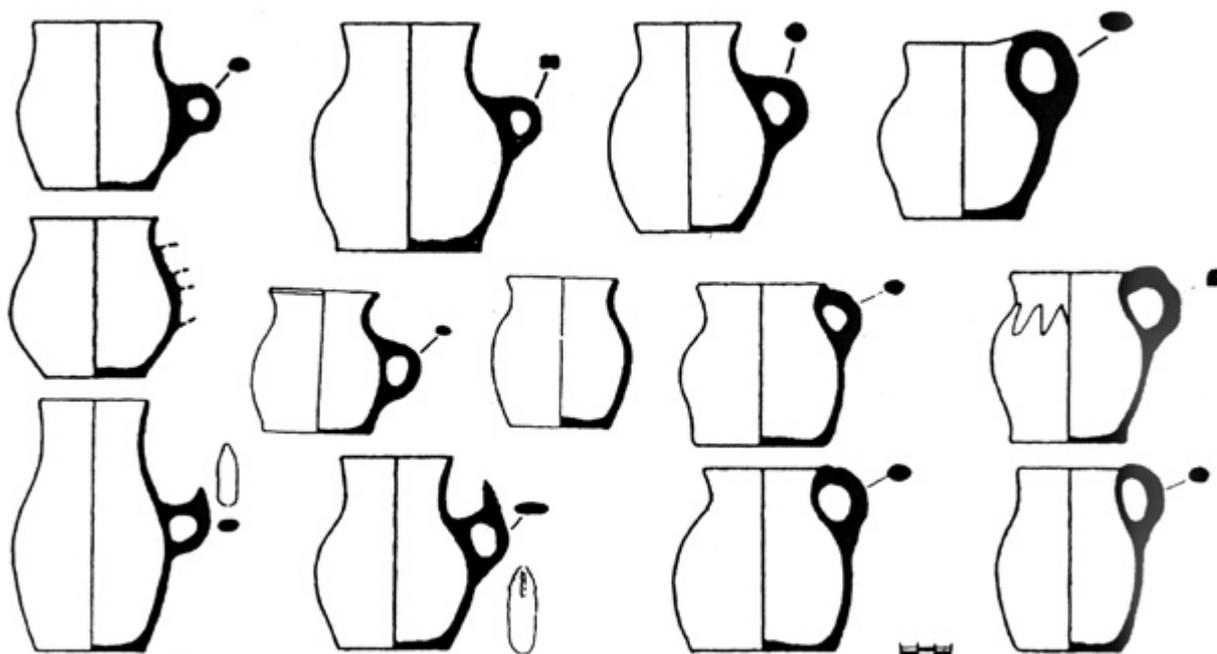

Рис. 4.37. Керамика отфранско-каратауской культуры. Кружки. I—VI вв. н.э.

пальцевыми зажимами. Валик этот расположен по нижней части венчика, иногда на горле и реже на тулове. Некоторые сосуды имеют утолщенный подтреугольный или подквадратный в сечении венчик, орнаментированный насечками, ямками и симметрично расположенными налестками. Котлы снабжены полуовальной формы горизонтальными ручками. Распространены плоские и конической формы крышки с резным орнаментом.

Среди сосудов второй группы продолжает встречаться керамика с красно-коричневыми и черными потеками и мазками.

У хумов большей частью встречаются подквадратные в сечении венчики, орнаментированные иногда снаружи удлиненными пальцевыми вдавлениями. Кувшины в принципе повторяют форму сосудов предыдущего периода (с яйцевидным и удлиненно-овальным туловом, высоким и широким горлом, часто со сливом). Встречаются и узкогорлые сосуды с удлиненным сливом по краю. Орнаментация их та же, что и в более ранние периоды. Много кувшинов с раструбообразным венчиком. Найдены кувшины со сплошной рифленой поверхностью плечиков и тулова.

Рассмотренные керамические комплексы с первых веков — VIII в. н. э. тесно связаны с каунчинской культурой Ташкентского оазиса и в несколько меньшей степени с джетысарской

культурой Нижней Сырдарьи. В то же время керамика этого района имеет ряд весьма своеобразных черт (например, хумы с валиком под горлом, кувшины с горизонтальным валиком на горле, широкое распространение горизонтального рифления на тулове различных типов и размеров сосудов).

Застройка городищ и поселений, характер жилища, общественные постройки городищ и поселений. Раскопки городищ Кок-Мардан, Костобе Южное, Мардан-Куик позволяют не только понять топографию города, но и определить хозяйственную специализацию населения, решить демографические аспекты, социальную структуру общества. Квартал был основной единицей застройки.

Членение городов на кварталы было закономерным. Оно связано со свойственным обществу замыканием людей в группах по признаку родства, по принадлежности к профессии, религии. Время появления кварталов исследователи отодвигают далеко вглубь.

Формирование раннесредневекового города относится к середине I тысячелетия н. э. Сложение квартала тоже следует отнести к этому времени, хотя образование их началось гораздо раньше. Этот период для народов Средней Азии и Казахстана был переломным: на смену патриархальным семейным общинам пришла малая

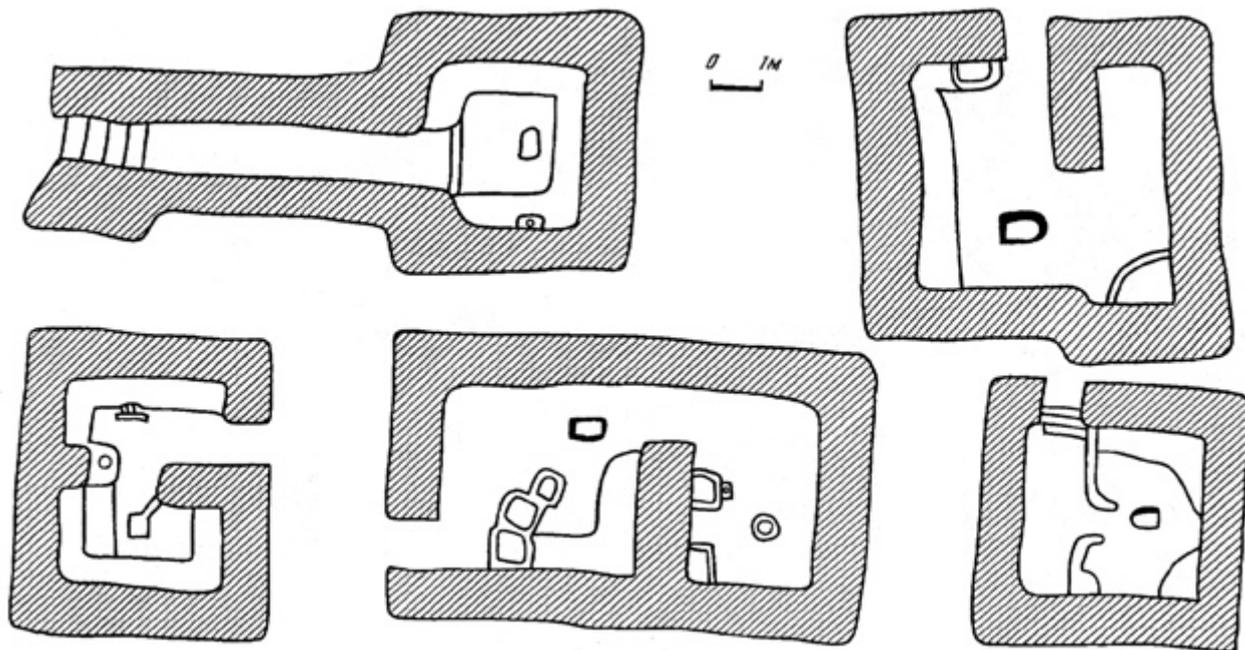

Рис. 4.38. Планировка домов Кок-Мардана. VI—VII вв. н.э.

семья. Это было связано с развитием форм собственности (от общинно-родовой к частной) и характером развития хозяйства (от натурального к товарно-денежному). Естественно, процесс этот в среде как оседлого, так и кочевого населения происходил неравномерно, и наряду с малыми семьями сохранялись патриархальные семейные общины. Кроме того, складывалась переходная форма семьи: не из трех и более поколений, а из двух. Старшее поколение было представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. У кочевников и полукочевников наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение с признаками экономического и территориального единства. Скот и средства производства находились в наследственном владении каждой семьи.

Население кварталов Кок-Мардана, видимо, принадлежало к семейно-родственным группам. В квартале насчитывалось от 4 до 6 домовладений, принадлежавших отдельным семьям, связанным родственными отношениями. Все они, видимо, стремились к самоизоляции в общегородской среде посредством планировки самого квартала. Логично предположить, что известный по этнографическим данным «коше бий», «коткуда» — глава семейно-родственной группы — в основном выполнял те же функции, что и раис средневекового, аксакал позднесредневекового квартала города.

Каждая семейно-родственная группа, вероятнее всего, имела свое место для отправления религиозных культов, свое кладбище. Правда, в Южном Казахстане отмечена лишь одна квартальная культовая постройка — на городище Кок-Мардан. В других городищах и поселениях для этих целей, вероятно, использовалось одно из домовладений квартала. Это предположение основано также на материалах Кок-Мардана, где выявлены домашние святилища, игравшие, возможно, и роль квартальных.

Некрополь Кок-Мардана состоит из отдельных построек, представляющих собой глинобитную платформу размером в среднем 10×10 м и высотой до 2 м с могильными ямами, пробитыми в ней. В каждом сооружении выделяются центральные захоронения, отмечена концентрация детских погребений в пристройках к платформам. Вполне возможно любое такое сооружение интерпретировать как кладбище квартальной общины.

Материалы раскопок южноказахстанских городищ и поселений не обнаруживают существования кварталов только бедных или толь-

ко богатых. Между тем различия в площади отдельных домовладений, характере находок позволяют говорить о наличии в одном квартале разных по имущественному положению индивидуальных семей.

Типология жилищ сводится к использованию таких важных принципов таксономии, как планировка, положение пола (наземное или углубленное в землю), характер перекрытия, месторасположение и устройство очага. Одним из определяющих признаков является планировка дома, поэтому в эволюции жилища необходимо проследить в первую очередь его развитие, выделяя первоначальное ядро дома, от которого разными путями (сегментацией, соединением) возникли те или иные жилые комплексы. При этом характер жилища определяется такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике мог сказаться культурный традиционализм, восходящий к этнической специфике.

Выделяются три типа домов.

Однокомнатный наземный дом, квадратный либо прямоугольный в плане. Аналогичным по планировке, интерьеру является вариант дома, опущенного в землю. Очаги открытого типа, прямоугольные или с закругленной задней частью, что удобно для выгребания золы.

Камины, или стеновые очаги, представляли собой вырубленные в стенах сферические ниши различных размеров. Функциональное назначение напольных очагов и каминов неодинаково: первые использовались для обогрева помещения и приготовления пищи, вторые — для выпечки хлеба. Хумы, горшки для хранения запасов продуктов располагались в углах и на суфах. Кроме них в качестве хранилищ использовались бочкообразные емкости из необожженной глины и корытообразные емкости, также слепленные из полос сырой глины.

Варьируют площади домовладений: большие — от 35 до 45 кв. м, небольшие — от 12 до 20 кв. м. Больше всего домов (85%) площадью 20-35 кв. м. От размера дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба. В средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах кровля, видимо, удерживалась только на стенах.

В двухкомнатном доме второе помещение выделено путем сегментации первоначальной хозяйственно-жилой ячейки дома, а именно

при помощи капитальной стены. Расположение кладовой в доме относительно жилой комнаты самое различное: в тылу дома, впереди (анфиладная планировка) и сбоку. Площадь кладовых не превышает 8 кв. м. Такие дома открыты на городищах Кок-Мардан, Мардан-Куик.

Многокомнатные дома насчитывают от трех до пяти помещений, одно из них — жилое, с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага — основные детали жилого помещения. В кладовых стояли хумы, глиняные емкости. Примерами могут служить постройки Костобе, Пшук-Мардана.

Все перечисленные типы жилищ традиционны для Южного Казахстана начиная с конца I тысячелетия до н.э. Много общего обнаруживают они с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар (нижняя Сырдарья), а также соседних регионов, например в согдийском поселении VII—VIII вв. н. э. Гардани-Хисор. Одно-, двух- и трехкомнатные дома в Гардани-Хисоре характеризуются П-образными суфами, наличием емкостей для хранения зерна. Если в однокомнатных домах деление на хозяйственную и жилую части размыто, то в двухкомнатных второе помещение — кладовая с закромами. Сближает жилища и такая характерная деталь, как наличие двух и трех очагов для отопления, приготовления пищи. Причем в Гардани-Хисоре «равоктануры» — сводчатые очаги (на Кок-Мардане — камин) — имели на дне глиняные сковородки для выпечки хлеба.

Общие черты в планировке сближают четырехкомнатные помещения в домах Пенджикента и Кок-Мардана. Наблюдается известное сходство жилищ Южного Казахстана и Балалык-тепе, афригидского Хорезма, Памира, равнинной части Зеравшана.

В городах в массиве жилой застройки находились постройки культового и светского характера. В частности, в Кок-Мардане в четырех домах зафиксированы «культовые углы», однако точное число таких домов установить невозможно из-за плохой сохранности стен. Находки на поселениях и городищах глиняных и алебастровых идолов свидетельствуют о наличии культовых помещений, подобных святилищу, открытому на усадьбе Кайрагач.

Квартальное святилище обнаружено лишь одно — на городище Кок-Мардан. Прямых аналогий святилищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал на городище Гяур-кала,

где ниши в стенах были обрамлены налестками в виде рогов.

Открытие храма на городище Топрак-кала, где объектом поклонения являлись украшенные рога барана-архара, находки здесь идолов, зооморфные сюжеты на керамике позволяют говорить о влиянии на кушано-афригидскую культуру Хорезма присырдарьинских культур, где был популярен культ барана.

Могильник Коньфтобе является одним из наиболее хорошо изученных памятников Отрарского оазиса. Он расположен в 0,3-0,4 км к западу от городища и занимает площадь в 12-13 га. В южной части этого участка находится оплывший овальный в плане холм с уплощенной вершиной высотой до 2,5 м площадью 35×45 м. В ходе вскрытия холма выявлено около девяноста погребений, расположенных вплотную друг к другу. Глубина залегания погребений колеблется от 0,4 до 1,5 м от самой высокой точки современной дневной поверхности холма. Погребения совершены в неглубоких могильных ямах, обложенных в нижней части сырцом, а также в простых прямоугольных ямах. Погребения не потревожены, кости лежат в анатомическом порядке, сопровождающие вещи *in situ*.

В камеру размерами 0,6-0,75×1,8-2,2 м на органическую подстилку, которая фиксируется по слою черного глина, помещался покойник. Скелеты лежат на спине, руки вдоль тела, кисти рук на тазовых костях или под ними, или рядом на полу; ноги вытянуты, иногда голени перекрещены; череп лицом вверх. В изголовье, чаще в ногах — керамический кувшин, иногда с кружкой, установленной на его устье. Рядом обычно кости передней ноги овцы с лопаткой, что характерно и для подбойно-катакомбных погребений Средней Азии. По погребальному инвентарю достаточно четко различимы мужские и женские погребения. Предварительным антропологическим обследованием серии из двадцати черепов установлено, что на пятнадцати из них имеется кольцевая деформация.

В мужских погребениях обычны железные пряжки от поясов: простые круглые пряжки с подвижным язычком; тип пряжки с железной обоймой — приемником; железные пряжки с рамкой подчетыреугольных очертаний. В одном случае на костяке обнаружены два пояса с бронзовыми пряжками и бронзовыми «зигзаговидными» накладками, плотно покрывшими часть ремня (20—25 см) у пряжки. Бронзовые пряжки встречены и в других погребениях.

Уникальная пряжка происходит из разрушенного погребения — круглая рамка ее выточена из зеленого нефрита, а язычок и подвижный щиток с тремя заклепками изготовлены из бронзы.

В мужских погребениях помимо небольших железных ножей, встречающихся и в женских, найдены железные кинжалы без перекрестий и наверший, с длиной клинка 30-40 см, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, в одном случае зафиксированы истлевшие костяные пластины, вероятно, накладки на лук.

Для женских погребений характерны разнообразие бусы (горный хрусталь, стеклопаста, сердолик, гагат, коралл, янтарь) вокруг шеи и запястий рук; палочки сурматаш с кусочками графита; бронзовые амулеты в виде фигурок козлов, бронзовые зеркала; костяные шпильки для волос с фигурной головкой. Отличается и преимущественная ориентировка скелетов. Женские скелеты в основном ориентированы головой на юго-юго-восток, а мужские обычно на северо-северо-восток.

Из основной массы взрослых погребений, характеризующихся устойчивым обрядом, выделяется ряд погребений с труположением на боку и два погребения, совершенных в хумах.

В ряде погребений следов сырцовых стенок вокруг скелета не прослеживаются. Костяки лежат на правом или левом боку, руки согнуты на груди, ноги разной степени согнутости. В остальном эти погребения характеризуются теми же находками.

В погребении в хуме, лежащем на боку, расчищен скелет подростка, ориентированный головой на северо-северо-восток. Скелет лежал на зольно-угольной подстилке, голова не вместились в хум и на нее «надет» крупный горшководный сосуд, орнаментированный по плечу кольцевидными вдавлениями. Вещей при погребении не обнаружено. В расположенном рядом погребении «лежал» взрослый мужчина, головой на северо-восток. Он был уложен на слой из обломков стенок хума, посыпан углями и накрыт двумя половинками хумов, сдвинутыми венчиками. Слева от черепа обнаружена серьга в виде бронзового колечка с несомкнутыми концами. На поясе нож, железная круглая пряжка с приемником, под тазовыми костями еще один нож с выгнутой спинкой.

Детские погребения совершались в неглубоких ямках и в крупных сосудах типа кувшинов и хумчей. В некоторых случаях детские

погребения были вместе с женскими. Детские скелеты сопровождалась небольшими кружечками, обычного типа 2, иногда на них встречаются 2-3 бусины, подвески из раковины-каури.

Интересная деталь погребального обряда отмечена при расчистке погребения с бронзовыми поясами. Здесь покойник был уложен на тонкий слой древесных углей, сверху также был посыпан некогда раскаленными углями. Посыпание трупа раскаленными углями отмечено и в других погребениях.

В некоторых случаях на лицевых костях черепа, обычно на нижней челюсти, под ней, во рту, поперек лица, были обнаружены тонкие медные пластины. Шириной они 3—5 см и длиной 8—10 см. На трех пластинах обнаружены тисненые круглые выпуклины, образующие простейшие узоры. Назначение пластин остается неясным. Вероятно, они были положены на губы (на глаза?) покойника, лицо которого было покрыто покрывалом. На поверхности пластин обычно заметны следы истлевшей ткани.

Погребальный инвентарь. Глиняные кувшины и кружки встречены в 90% расчищенных погребений. Кувшины представлены двумя типами с носиком-сливом и без носика. Кувшины с носиком крупных размеров, высотой 75-85 см, имеют покатые плечики, ручка соединяет плечико и верхнюю часть горловины. Венчик отогнут, профилирован. Горловина обычно имеет рифление в виде кольцевых приостренных валиков или прочерченных полос. Иногда полосы покрывают верхнюю часть тулова. Ручки уплощены, на спинке продольная канавка. В отдельных случаях ручки имеют характерный изгиб в средней части. Кувшины без носиков-сливов имеют те же признаки, но они несколько меньших размеров (высотой до 70 см). Кувшины покрывались ангобной обмазкой различных оттенков красного цвета, реже черной, темно-коричневой. Кружки можно также подразделить на два типа по характеру ручки: ручка в виде кольца крепится к плечу или средней части тулова, ручка соединяет плечико и венчик. Второй тип кружек характеризуется более грубым тестом, с включением крупных зерен шамота, толстыми стенками, неполным обжигом.

Аналогии подобной керамике широко представлены в памятниках, присырдарьинских кунчиноидных культур первой половины I тыс. н. э. Наиболее массовыми находками являются бусы. Это крупные круглые и граненые бусины

из хрусталя и сердолика. Ребристые и круглые из стеклопасты. Встречены крупные уплощенные бусы из черного гагата, мелкие коралловые цилиндрические, круглые уплощенные янтарные. Интересна керамическая бусина в виде миниатюрного кувшинчика.

В нескольких случаях в мужских и женских погребениях обнаружено по одной серьге. Они разных типов. Простые несомкнутые колечки из бронзовой проволоки в виде бронзового колечка с утолщенной средней частью и заостренными концами. Бронзовые серьги в виде колечка, один конец которого образует спирально-коническую подвеску. Подвеска может быть в виде напаянного на кольцо полого конуса из тонкого листа бронзы. Одна серебряная серьга с уплощенной в виде лунницы нижней частью. В трех женских погребениях на скелете между позвоночником и правым локтем обнаружено по паре бронзовых амулетов в виде стоящих козлов. Они входили в комплект нагрудного ожерелья с крупными хрустальными, сердоликовыми и пастовыми бусинами. В одном случае в такой комплект входили бронзовые колокольчик и проколка в виде большой иглы. В другом женском погребении в ожерелье входил лишь один амулет в виде козла, а также подвеска из резца крупного грызуна и пястных косточек крупного хищника.

Прически женщин были украшены костяными шпильками. Шею охватывала бронзовая цепь с замком в виде двух колечек. Интересна серебряная подвеска-кулон овальной формы. В центре вставка красного камня (гранат), обведенная пояском мелкой зерни. По краю пластины еще один ряд зерни.

Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, предварительный анализ находок дают основание заключить, что вскрытые погребения в основном представляют единый историко-культурный комплекс. По обряду погребения и составу находок данный могильник близок ранее исследованному и расположенному рядом могильнику Мардан (Талтакай). Вскрытые здесь погребения в склепах были датированы I в. до н.э. — II в. н.э. на основании находок монет типа «У-шу» и отсутствия рифления на кувшинах.

Близок по обряду к комплексу вещей также могильник Кыркескен, датированный II—IV вв. н.э., а также могильник у городища Кок-Мардан.

Аналогии отдельным типам вещей из могильника Мардан-Куик известны из широкого круга памятников Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа. Так, костяные шпильки с фигурной головкой обычны в памятниках Средней Азии. Медальоны со вставками из полудрагоценных камней, украшенные зерню,

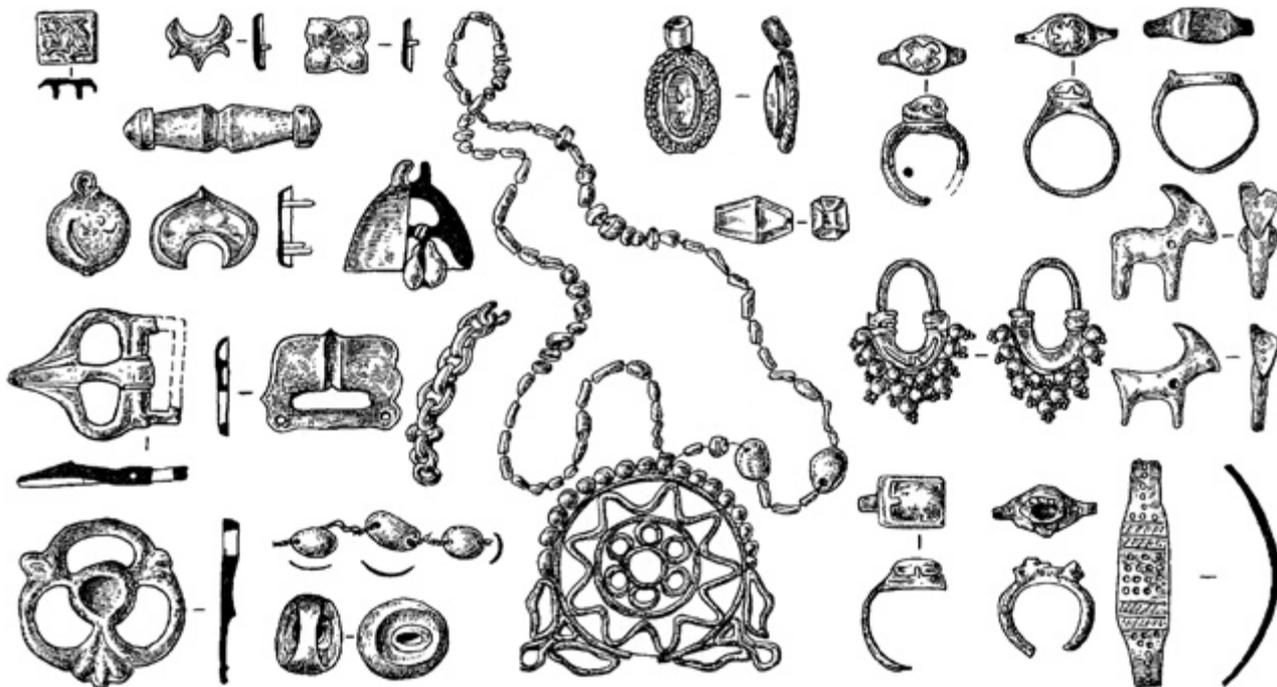

Рис. 4.39 Погребальный инвентарь Кок-Мардана и Мардан-Куика

широко распространяются в степях Евразии в позднесарматское время. Очень близок находкам комплекс вещей из погребения у оз. Боровое, датированный IV—V вв. Здесь и подвеска-медальон, комбинированная пряжка, бипирамидальные сердоликовые бусины, аналогичные по типу трехперые железные наконечники стрел, а также золотые серьги в виде тонкой проволоки, согнутой в круг, один конец которой опущен книзу спиральными завитками, плотно прилегающими друг к другу». Пояс, украшенный плотно прилегающими узкими вертикальными серебряными пластинками, был найден в могильнике Канна-тас, датированном IV—V вв. н. э., и в синхронном ему погребении на поселении Кызыл-Кайнар-тобе. Наиболее вероятно датировка могильника III—V вв., возможно, начало — VI в. н. э.

Могильник Борижары. Грандиозный по масштабам и наиболее исследованный в Южном Казахстане Борижарский могильник давно известен в историографии средневековой археологии Центральной Азии. Борижарский могильник описывается как весьма протяженное (до 8 км) скопление курганов, расположенных на верхней террасе и ее склонах. Но при этом отмечается, что все огромное могильное поле «состоит из разновременных комплексов курганов, отдельных могильников, которые со

временем слились в один огромный массив». Раскопками здесь вскрывались только подкурганые катакомбные погребения и подкурганые, наземные склепы. Причем эти два основных вида погребальных сооружений достаточно четко локализируются. Катакомбы размещаются исключительно на поверхности террасы и в самой верхней части склона. Склепы расположены ниже по склону. Причем площадь склона террасы, занятая холмами, образовавшимися на месте склепов, обращена в сторону городища Жуантобе, расположенного на нижней террасе. Этот участок склона четко ограничен и простирается вверх и вниз от городища по течению реки. Погребения в катакомбах расположенного на первой надпойменной террасе курганного могильника датируются более ранним временем (I в. до н. э. — IV в. н. э.). Видимо, могильник Борижары (катакомбные захоронения и захоронение в склепах) является могильником двух крупнейших в среднем течении Арыси городищ — Жуантобе и Караспантобе.

В катакомбах, имевших дромосы, расчищены разграбленные коллективные захоронения. Найдена керамика, в том числе и фляги, обломки железных ножей, бусы. Керамика датирует катакомбы I—IV вв. н. э. Именно в этот период формировались городские поселения Жуантобе и Караспантобе.

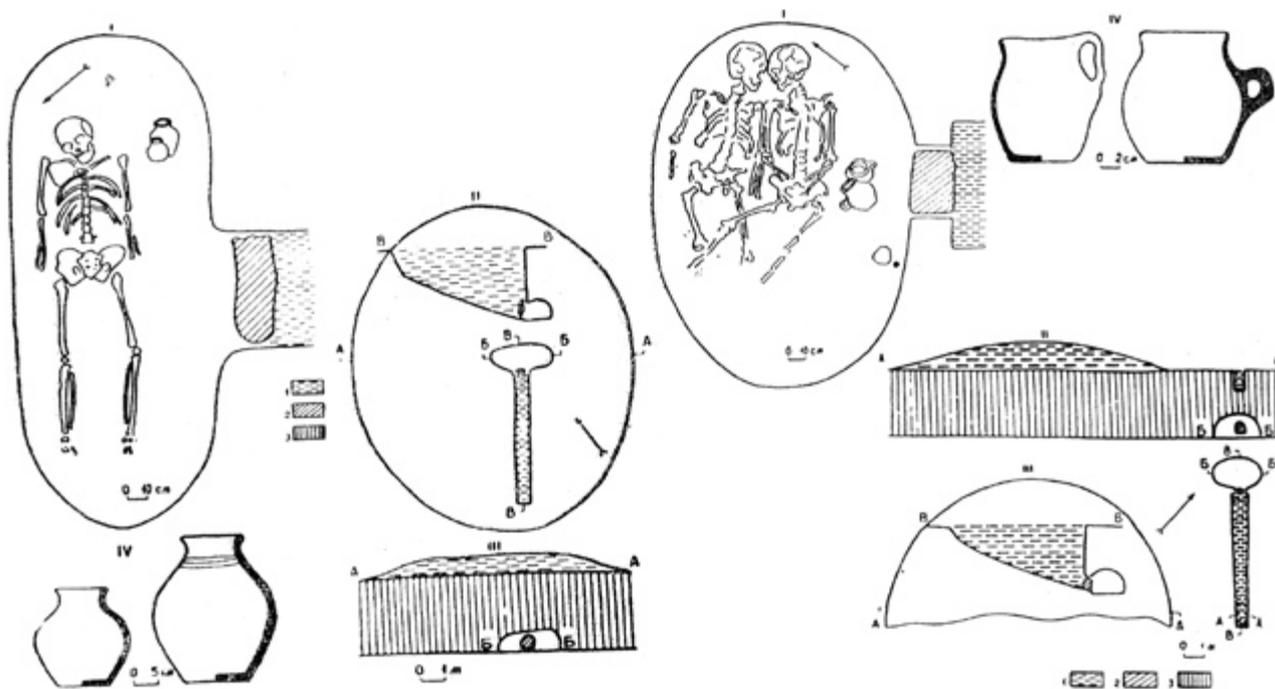

Рис. 4.40 Могильник Борижары. Катакомбы I—IV вв. н. э.

Подкурганные захоронения в склепах имеют наземным сооружением прямоугольной в плане формы и возможно перекрытые сводом, выполненным из сырцового кирпича.

Склеп №1 расчищен под холмом диаметром до 20 м, высотой 2,8 м. Северный склон, обращенный к пойме, более крутой. В плане сооружение имеет вид вытянутого с северо-запада на юго-восток овала с выделенной прямой юго-западной стеной, в которой устроены лазы в две погребальные камеры. Длина склепа по основанию 15 м, ширина 12 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,2 м, а снаружи северо-западной стороны — 1,8 м.

Под уровнем горизонтального пола камер при постройке была, видимо, устроена пахсовая платформа, на которую и были поставлены стены постройки. Ее поверхность внутри камер выложена крупной галькой, а сверху еще залита слоем глины в 5-7 м. Выделенная (выступающая и прямая) юго-западная стена, с входами в камеры, имеет толщину 1,3-1,25 м (на уровне 1,2 м высоты), ее наклон на высоте 1,2 м составляет 0,3 м. Толщина стены, разделяющей камеры, — 0,7 м.

Камера 1 имеет размеры 2,3×2,8 м. В нее ведет стрельчатый арочный проход шириной

0,4 м, высотой 0,9 м, длиной 1,5 м. Ровный пол покрыт глиняной заливкой поверх галечной вымостки. Вход в камеру заложен сырцовым кирпичом 50×25×10 см, положенным на ребро.

В северо-западном углу на глубине 1,05 м от уровня современной дневной поверхности расчищено устье кувшина (высота кувшина 46 см). На этом уровне стали встречаться разрозненные кости человеческого скелета (фаланги пальцев, обломки бедренных костей, зубы, часть нижней челюсти). В слое над полом (глубина 1,1-1,25 см) встречены разрозненные и разбросанные кости скелета. У северо-западной стены расчищен череп, накрытый фрагментом боковины крупного кувшина. Рядом находились другие обломки этого кувшина.

На полу склепа, примерно в средней части, расчищены тазовые кости и кости ног другого скелета. Остальные кости разбросаны по полу камеры. На этом же уровне зафиксированы кости другого скелета: нижняя челюсть без черепа, ребра, плечевые и бедренные кости. Отсутствуют кости позвоночника, тазовые, череп, часть костей конечностей.

Таким образом, в камере 1 зафиксированы два уровня пола, на которых совершались погребения. Первоначальный пол на глубине

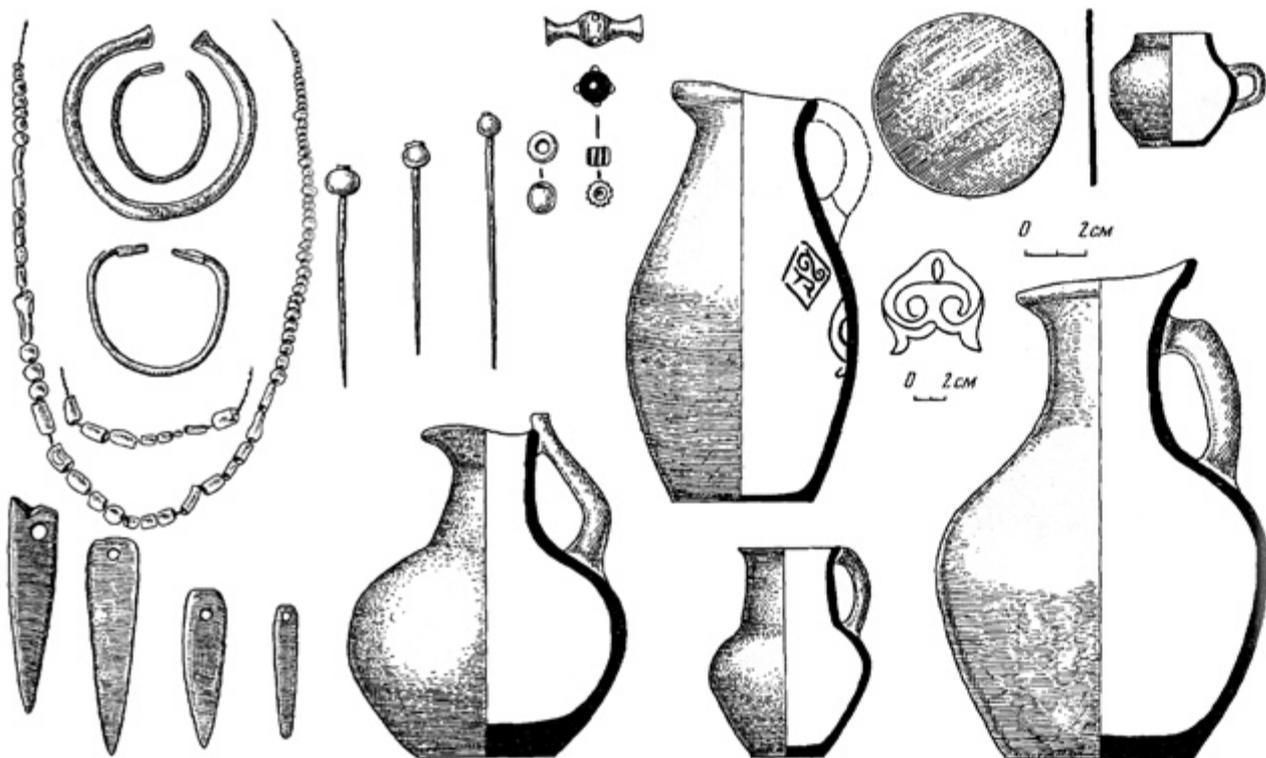

Рис. 4.41 Погребальный инвентарь Боржарского могильника. VI— первая половина VIII вв. н. э.

2,2 м выстлан крупной речной галькой и залит глиной. С этим полом связаны разрозненные кости двух скелетов (без черепов). Здесь найдены два железных ножа, две крупные поясные пряжки, наконечники стрел. Выше этого пола на 20 см зафиксирован второй пол, с которым связаны неполный скелет с черепом и два керамических сосуда.

Камера 2 размером 2,1х2,7 м. Проход в камеру такой, как в камере 1, но он не был заложен сырцовым кирпичом.

На глубине 1,1 м расчищен скелет без черепа, лежащий наклонно, так что кости ног лежат на глубине 1,55 м. Скелет в анатомическом порядке, но отсутствуют череп, правая нога, кости левой ноги ниже колена, фаланги пальцев раскиданы. В области шейных позвонков собраны разнообразные бусины от ожерелья (сердоликовые: одна с белым орнаментом, пастовые и другие) и бронзовая серьга в виде колечка. Это явно позднее впускное погребение, совершенное в то время, когда склеп стоял в полуразрушенном виде.

Первоначальный пол камеры 2 расположен на глубине 2,2 м. После снятия «впускного» погребения с уровня 1,75 м начали попадаться разрозненные кости скелетов, венчики кувши-

нов, стоявших на основном полу. В этом напольном слое толщиной около 0,35-0,4 м расчищены остатки не менее 7 скелетов. Обнаружено 7 черепов и длинные кости конечностей, сконцентрированные в виде кучек в северо-восточном и юго-западном углах. Среди них найдено 6 керамических сосудов (3 кувшина, 3 кружки); обломок бронзового зеркала, не менее 8 наконечников стрел (железные, трехлопастные, черешковые); железные пряжки и ножи; 2 бронзовые пряжки (возможно, обувные); бронзовая шпилька; 2 палочки сурьматаш; 2 янтарные, 4 хрустальные бусины; 3 каменных пряслица; железные наременные накладки; бронзовая сережка с шариком-подвеской; золотой кулон с гранатовой вставкой и зернью.

Склеп 2 расположен к юго-востоку от склепа 1. До раскопок имел вид оплывшего круглого в плане холма диаметром 8х9 м, высотой около 1 м.

Склеп квадратной в плане формы. Размеры по наружному контуру 3,0х3,0 м, погребальной камеры — 2,0х2,0 м. Сохранившаяся высота стен 0,7-0,75 м.

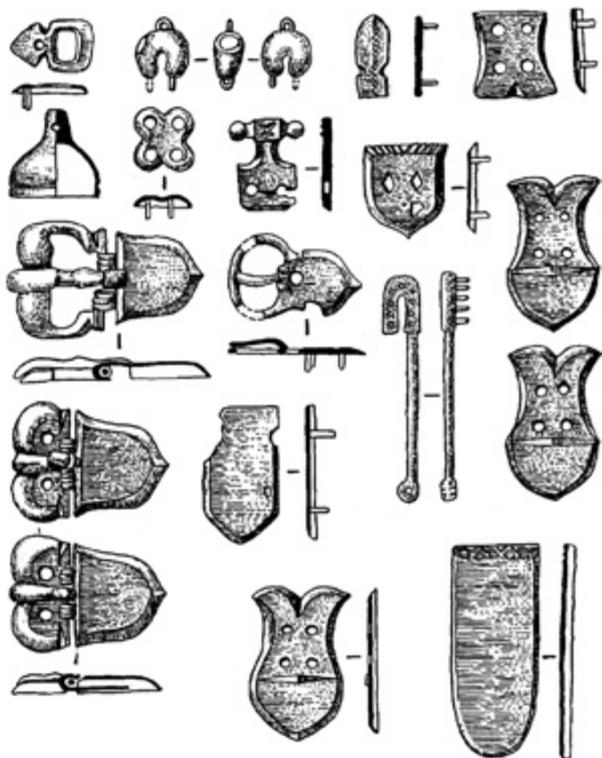
Вход в камеру был, вероятно, устроен в центре юго-восточной стены, но эта стена частично пробита грабительским лазом, и вход был чуть разрушен. Пол вымощен мелкой и средней речной галькой.

При расчистке камеры на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности найдена бронзовая пряжка. На глубине 0,3 м найден фрагмент бронзового зеркала.

Остальные находки концентрировались на уровне пола погребальной камеры. Здесь расчищены два черепа и полные два скелета. Все кости были собраны в кучу у северо-западной стены. Среди костей найдены: два наконечника стрел, обломки железного ножа, поясной набор из 6 бронзовых накладных наременных бляшек (две «псевдопряжки»), одного подвесного ремешка и бронзовой пряжки с прямоугольной рамкой.

Погребения в склепах (наусах) были широко распространены в Присырдарьинском регионе, на Заравшане, Семиречье в доисламское время. Ближайшие аналогии борижарским склепам известны в Ташкентском оазисе и соседнем Туркестанском оазисе (некрополи городищ Шага и Сидак). Датируются они раннесредневековым временем. Вскрытые склепы на Борижарах датировались VI—VIII вв.

Часть склепов датируется V—VI вв.

ПАМЯТНИКИ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава IV.

Эта культура была выделена на основании особенностей ее памятников — поселений и некрополей, погребального обряда, керамики. Название она получила по имени городища Каунчи, расположенного рядом с Ташкентом, где археолог Г.В. Григорьев в 1933, 1935 и в 1937 гг. провел широкие раскопки и получил керамический материал, позволивший ему связать комплексы керамики со стратиграфией городища и выделить два этапа ее развития — Каунчи I и Каунчи II. Первый этап он датировал концом II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.; а второй — сакским временем — с VI в. до н. э. Затем С.И. Тереножкин отнес Каунчи I ко II — I вв. до н. э., а Каунчи II к рубежу н. э., а С.П. Толстов датировал в свою очередь Каунчи I — I—II вв. н. э.

Постепенно с открытием новых памятников были очерчены границы распространения каунчинской культуры: Ташкентский оазис, включающий Ангрено-Чирчикско-Келесский бассейн до Курамского хребта на юго-востоке и левобережье р. Сырдарьи на западе. С северо-востока к этому району примыкают долины Пскема, Чаткала и Таласа. По мнению исследователей, каунчинская культура была распространена и в долине Келеса.

Изучение керамики каунчинской культуры позволило Л.М. Левиной выделить три периода в ее развитии: от рубежа I тыс. н. э. до начала IV в. н. э.; IV—VI вв. н. э. и VII—IX вв. н. э.

Наиболее хорошо изученным памятником каунчинской культуры является поселение Актобе неподалеку от Чардары. Оно расположено на правом берегу Сырдарьи. С трех сторон городище было обнесено валом, а со стороны Сырдарьи — пахсовой стеной. Внутри городища выделяется округлое в плане тобе (холм) высотой около 20 м над окружающей местностью. На территории его и в других частях Актобе 2 проведены раскопки. Один из раскопов полностью вскрыл дворцовое здание. Оно оказалось прямоугольным в плане, размером — 28×18,5 м. Дворец состоял из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре его находился квадратный зал (3,6×3,6 м), который сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами. Он был когда-то перекрыт плоской кровлей. Высота стен зала в настоящее время достигает 6 м. В центре пола зала находился колодец. По-

мещение отапливалось очагом типа камина без дымохода, устроенным в северо-западном углу.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовыми сводами, а одно из них — куполом, который является одним из ранних типов купольных перекрытий в Средней Азии и Казахстане. Важную роль в конструкции здания играла крыша, куда можно было попасть по лестницам и через люк в своде. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

При раскопках собрана большая коллекция керамики: горшки, кружки, сковородки, хумы, кувшины с носиками, находящие аналогии в материалах памятников начала I тыс. н. э. Кроме керамических изделий найдены пряслица, трехперые черешковые наконечники стрел, золотая серьга, однолезвийные ножи, костяная пряжка с неподвижным язычком, бронзовые кольца, золотая бляшка с красной стеклянной вставкой, относящиеся к I—IV вв. н. э.

Важное значение для датировки дворцового комплекса имеет находка погребения в купольном помещении. Захоронение совершено в деревянном решетчатом гробу, поставленном вдоль западной стены. Покойник лежал на спине головой на запад. Характерен инвентарь: два сосуда из дерева, серьга из сплава серебра и золота, украшения зернью и вставками черного камня, берестяной футляр для колчана и лука, деревянный лук с костяными накладками, железный кинжал, две железные пряжки с подвижным язычком. По инвентарю погребение точно датируется рубежом IV—V вв., следовательно, верхняя хронологическая граница жизни поселения относится к началу IV в. н. э.

Для первого этапа каунчинской культуры характерны курганы с земляными насыпями и катакомбами с дромосом под ними. Внутри катакомб находилось одиночное либо коллективное захоронение. Оружие отсутствует.

Для второго периода характерно увеличение числа поселений.

Наряду с катакомбами и перпендикулярным их длинной оси дромосом, появляются подбойные и грунтовые погребения, подземные склепы. Преобладающими становятся одиночные захоронения. В погребальном инвентаре появляется оружие.

Посуда повторяет набор форм первого периода. Это тот же желобок на ручке, но зато очажные подставки с «головой быка» сменя-

ются подставками бараньих голов. В это время в керамике появляются черты джетыясарской культуры: рифление на горле, мощение тулова, сливы на венчиках.

Для третьего периода характерна близость культуры с согдийской. Так, в керамике появляется штампованный орнамент.

Многочисленные материалы для изучения канчинской культуры первых веков нашей эры получены при раскопках могильников, расположенных на правом берегу Сырдарьи, в зоне Чардары. Наибольшее количество курганов (57) изучено в Шаушукуме. Здесь представлены все основные разновидности захоронений: катакомбы типа I, в которых камера располагается перпендикулярно дромосу; катакомбы типа II, где камеры являются продолжением дромоса; подбойные могилы; простые грунтовые могилы. Сочетание могильных сооружений разного устройства на одной территории, часто в одних и тех же могильниках, является характерной особенностью эпохи и встречается во многих районах.

Наблюдается тесная связь населения, оставившего могильники, с населением поселений, расположенных часто поблизости.

Раскопки могильников. Захоронения в катакомбах выявлены в районе Чардары в трех пунктах. В могильнике Жаман-Тогай в четырех курганах обнаружены катакомбы со ступенчатым дромосом (тип I). Особенно интересны находки в разрушенном кургане 9. В камере обнаружен медный котел с прямоугольными ручками, на поддоне и с толстым слоем копти. Котел по форме сходен с хуннскими котлами рубежа нашей эры. В другой катакомбе оказался глиняный кувшин с узкой горловиной и спиралевидным узором, также характерный для хуннской посуды. Там же найдены костяные пряжки с резным изображением животного.

В кургане 14 умерший лежал в катакомбе на камышовой подстилке, с левой стороны был положен длинный железный меч без металлического навершия и перекрестия. Три кургана, за исключением кургана 14, датированы рубежом нашей эры.

Во всех раскопанных курганах могильника Актобе захоронения находились также в катакомбах типа I. В отличие от других могильников, вход в катакомбу был заложен здесь сырцовыми кирпичами (40×40×12; 35×35×12 см). В могилах оказалось по два и четыре костяка, погребенных не одновременно. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на восток, с отклонением к се-

веру или северо-востоку. Возможно, катакомбы служили семейными усыпальницами. Курганы ограблены. Горшки и кувшины с ручками и без ручек часто украшены резным волнистым орнаментом. Применялся прием украшения мазками краски. Разнообразны кружки с ручками — банковидные, кувшинообразные и конические.

По устройству могил, погребальному обряду и отчасти инвентарю захоронения в катакомбах относятся к первым векам н. э. На основании сходства глиняной посуды и предметов быта из могильника Актобе с материалами соседнего и одновременного ему поселения Актобе 2 высказано предположение, что могильник принадлежал оседлым жителям этого поселения в I—III вв.

Наибольшее количество катакомб обнаружено в могильнике Шаушукум, расположенном рядом с поселением Шаушукум, на расстоянии 15 км к северо-западу от могильника Актобе. Катакомбы овальной формы вытянуты по линии запад — восток. Дромосы прямоугольные узкие длинные. Они, как правило, ступенчатые и подходят к камере с южной стороны. Почти все захоронения одиночные. Погребенные вытянуты на спине, головой чаще всего на восток (с отклонением к северу или югу), реже на запад. Умершего сопровождают богатый инвентарь и заупокойная мясная пища (баран). В одной могиле найдены кости рыбы, сома.

По составу инвентаря различаются мужские и женские захоронения. В погребениях мужчин найдены железные двулезвийные мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия. Только у одного меча есть прямое бронзовое перекрестие. На клинках сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых изнутри тканью. От сложного большого лука так называемого «гуннского типа» уцелели костяные накладки. Железные наконечники стрел черешковидные трехлопастные. Предметы быта представлены простыми ножами и железными пряжками с подвижным язычком. От конского снаряжения сохранились железные удила со стержневидными псалиями с закруглением на концах. Псалии инкрустированы золотой фольгой. В женских погребениях обнаружены предметы туалета и украшения: бронзовые плоские зеркала с ручкой-стержнем для насадки деревянных или костяных рукоятей, амулеты из костей животных, глиняные пряслица и разнообразные бусы, железные кольца, серьги. Глиняные сосуды встречены и в мужских, и в женских могилах. Количественно преобладают лепные плоскодонные

сосуды: чаши, курильницы, горшки и кувшины без ручек. Характерны кувшины с зооморфными ручками, каннелюрами на горловине и мазками краски, а также кружки с двумя ручками и спиральными налепами наверху. Найдены также бронзовые чаши.

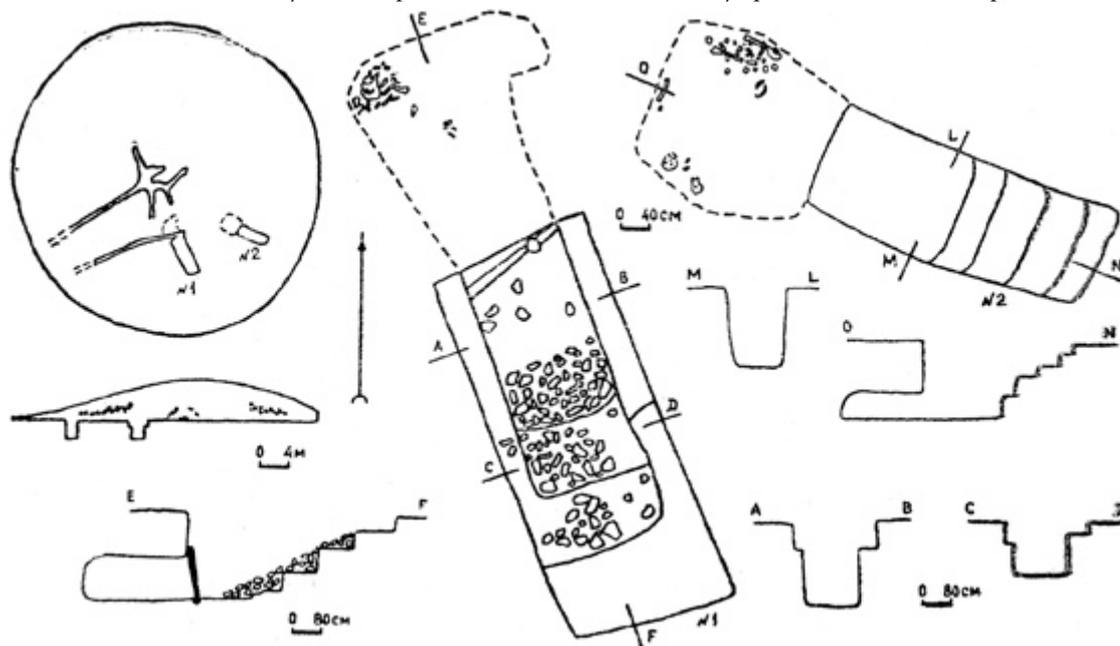
В катакомбах, где камера служила продолжением дромоса, вход в нее закрывался камнем или камышом (тип 2). Преобладают одиночные захоронения, в которых погребенные лежали вытянуто на спине. Ориентировка меридиональная, в одном случае южная. Курганы разграблены. Инвентарь беден. Несмотря на несопоставимость по количеству находок, комплекс керамики, обнаруженной в этих катакомбах, несколько отличается от керамики катакомб типа I. Выделяются необычные по форме курильницы, а также фляга своеобразной формы. Вместе с тем встречен кувшин, украшенный мазками краски. Из предметов вооружения найдены длинный узкий меч и кинжал без металлического навершия и перекрестия, а также трехлопастные наконечники стрел с черешком. Обнаружена железная острога с двумя зубцами. Интересны бронзовые зеркала с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-выступом. Своеобразна по форме прямоугольная костяная пряжка с циркульным узором.

Третья группа погребальных памятников (тип 3) представлена захоронениями в подбойных могилах. Все они вытянуты в меридиональ-

ном направлении, с небольшим отклонением к западу или востоку. Ниши подбоя выкопаны вдоль западной или восточной стен входной ямы. Вход в подбой закладывался камнем или сырцовыми кирпичами (39×39×12-15 см). В могилах найдены предметы вооружения — железные кинжал и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также костяные накладки на лук. Обнаружены плоскдонные горшки, кружки с ручкой, курильница. На кувшинах с ручкой и без нее нанесен узор мазками краски. Отмечается сходство подбойных погребений Шаушукумского могильника с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья II—IV вв. и с памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов.

Аналогичные могилы выявлены в Ташкентском оазисе, в долине р. Ахангаран, около городища Куль-Ата.

Захоронения в простых грунтовых могилах рассмотренных могильников встречаются в небольшом количестве. В двух курганах Шаушукумского могильника из шести под лёссовыми насыпями на древней поверхности обнаружены каменные кольца. Могильные ямы содержали по одному захоронению. В одном мужском захоронении найдены обломки железного меча, бронзовая серьга и два сосуда — кувшин и круглодонная чаша. Керамика отличается от посуды в катакомбах и подбоях, хотя некоторые из сосудов также украшены мазками краски.

4.42. Шаушукумский могильник. Катакомбы

ПАМЯТНИКИ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основной комплекс памятников джетыасарской культуры расположен в восточном Приаралье, в бассейне древних русел нижней Сырдарьи — Кувандарьи на обширной дельтовой аллювиальной равнине. Южная граница распространения джетыасарских памятников проходит к северу от сухого русла Жаныдарьи. Природные условия характеризовались здесь непрерывными изменениями гидрографических режимов дельтовых протоков. Джетыасарские памятники впервые были исследованы и выделены в отдельную культуру в 1946 г. С.П. Толстовым. Она получила название по имени урочища, где сосредоточено большинство памятников. Благодаря многолетним исследованиям Хорезмской археологической экспедиции памятники джетыасарской культуры изучены достаточно полно, а материалы раскопок и исследований опубликованы в нескольких монографиях Л.М. Левиной.

Удалось выделить три этапа в развитии джетыасарской культуры и определить верхнюю границу ее существования в рассматриваемом районе до IX в.

Остается неуточненной начальная дата джетыасарской культуры. Крайне затруднено также деление памятников этапа на более дробные хронологические периоды не только из-за внешнего однообразия культуры, но и потому, что даже на самых маленьких джетыасарских городищах культурные наслоения составляют многометровые толщи. Все это делает попытки хронологического деления внутри этапа I, как и определение начальной даты, предварительными. Основываясь на стратиграфии нескольких памятников, сделана попытка разделить джетыасарскую культуру на три хронологических периода: I, II, III. Первый из этих периодов, вероятно условно, можно датировать временем в пределах с середины до конца I тысячелетия до н.э.; второй — последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры, возможно, II—IV вв.; третий — V—IX вв. н.э.

Истоки джетыасарской культуры относятся к концу эпохи бронзы.

Известно 47 городищ джетыасарской культуры. Все они многослойные и хорошо укреплены, неукрепленных поселений нет.

Все городища расположены в непосредственной близости от русел и окружены курганными полями.

Обычно пять-шесть небольших городищ, тяготеющих к одному протоку или участку русла и находящихся на расстоянии 2—8 км друг от друга, составляют группу, в которой одно городище выделяется своими размерами.

Все джетыасарские городища первого периода представляют собой двухъярусное тобе округлой или овальной в плане формы, высотой 8—20 м над уровнем современной поверхности и площадью 0,5—10 га.

Ядро каждого городища составляет многослойный дом-массив со сложной фортификационной системой. Обычно верхняя площадка с трех сторон (реже — со всех сторон) окружена второй, более низкой площадкой, тоже обнесенной крепостной стеной. В период раннего Джеты-асара на нижней площадке существовали значительные по размерам каркасные строения и, возможно, загоны для скота. Позднее нижняя площадка, как и верхняя, была плотно застроена жилыми секциями. Вместе они составляли единый дом-массив. Лишь два городища имели и третью часть, пристроенную с севера и также огражденную мощными стенами. Как показали раскопки на одном из таких городищ (Джеты-асар 2), в центре пристроенной третьей части первоначально был искусственный водоем, и лишь позднее его территория, подобно двум первым частям, была сплошь застроена жилыми секциями.

Все постройки возведены из блоков битой глины — пахсы и прямоугольных в плане сырцовых кирпичей большого формата.

Фортификационные сооружения I периода выполнены из пахсовых блоков, иногда в сочетании с кирпичной кладкой. Зафиксированы случаи, когда тонкие ряды пахсы, чередовавшиеся с рядами сырцовых кирпичей (50×30×9 и 60×30×9 см) были нарезаны таким образом, что создавалось впечатление каменной кладки. Помещения этого периода большей частью имели сводчатые перекрытия. Своды сооружены из крупных трапециевидных в плане сырцовых кирпичей (45—50×23—25×25—30 см), положенных без наклона или же с незначительным наклоном и перевязкой колец. Помещения сообщались перекрытыми арками-проходами. Крупные помещения, дворы и, вероятно, постройки второй площадки имели плоские перекрытия. Деревянные столбы поддерживали кровлю. Дерево употреблялось и в дверных конструкциях.

В конце I этапа крепостные сооружения возведены только из рядов сырцовых кирпичей более мелкого формата (40—42×26—30×9—10 см). Сводчатые перекрытия башен сделаны из таких же крупных, как и в ранний период, трапециевидных кирпичей с небольшим наклоном колец.

Лежанки (суфы), очаги, камины сооружены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей или их обломков, а затем обмазаны глиняным раствором. В мелких перегородках в качестве каркаса применялось дерево. В конструкциях дверных проемов, помимо деревянных планок, в качестве дверного подпятника обычно использовалась суставная кость животного. Стены, полы помещений, очаги, суфы тщательно обмазывались глиной. При различных перестройках внутри жилой секции и в разделяющих их коридорах нижележащие планировки частично разрушались и плотно забивались битым кирпичом.

Джетыасарская строительная техника достигла высокого уровня, о чем свидетельствует своеобразная конструкция сводов.

Все джетыасарские городища имели мощную оборонительную систему, при которой каждая площадка внутри городища была ограждена своими крепостными стенами. Раскопки позволили выявить динамику развития фортификационных сооружений. Первоначально овальное в плане ядро крепости (примерно 45×50 м), по периметру было защищено мощными стенами, возведенными непосредственно на материке из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей. Крепостные стены были снабжены тремя или двумя рядами бойниц, расположенных в шахматном порядке. Внутри крепости в два этажа размещались узкие сводчатые помещения. Позднее к крепостным стенам снаружи были пристроены башни и стрелковые галереи на высоком цоколе, к последним — снова башни, но уже на более высокой платформе, а к этим башням приставлены новые крепостные стены.

Жилище. Джетыасарские городища представляют собой крепости со сплошной внутренней застройкой. Раскопки джетыасарских памятников позволяют говорить о двух типах самой ранней внутренней планировки городищ. Так, известно, что на верхней площадке городища Джеты-асар 2 внутри первоначальной крепости были ряды длинных узких сводчатых помещений, частью в два этажа, сообщавшихся друг с другом арочными проходами.

Затем появляется иной тип внутренней планировки. Эта планировка хорошо прослежена на раскопанном широкими площадями городище Джеты-асар 12. Здесь, на разрушенных до определенного уровня и плотно забутованных помещениях ранней планировки, было построено множество однотипных жилых секций.

Секции состояли из двух-трех помещений. Интерьер основного жилого помещения — с низкими широкими суфами вдоль двух (реже — трех) стен и центральным открытым очагом — характерен для всех последующих слоев периодов.

Почти каждая секция была соединена с каким-либо одним отсеком стрелкового коридора, используемого в мирное время, очевидно, в качестве дополнительного жилого или хозяйственного помещения.

На всем протяжении дальнейшей жизни на городище жилые секции внутри многократно перестраивались, менялись число и расположение помещений, их размеры и конфигурация, но основная площадь каждой секции оставалась неизменной.

Основные, или главные, жилые помещения в каждой секции — всегда самые большие по площади — имели в центре открытый очаг, обычно овальный или прямоугольный в плане, с закругленными углами, углубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными глиняными валиками с краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Вместе с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещение, очаговые валики отделяли предвходное пространство, получившее название «лоткового входа». В местах соединения этих валиков с бортиками очагов помещались два симметрично расположенных «рогатых» кирпича, или «очажные подставки». Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной части перерезались проходами.

В основных жилых помещениях встречались подставки для зернотерок.

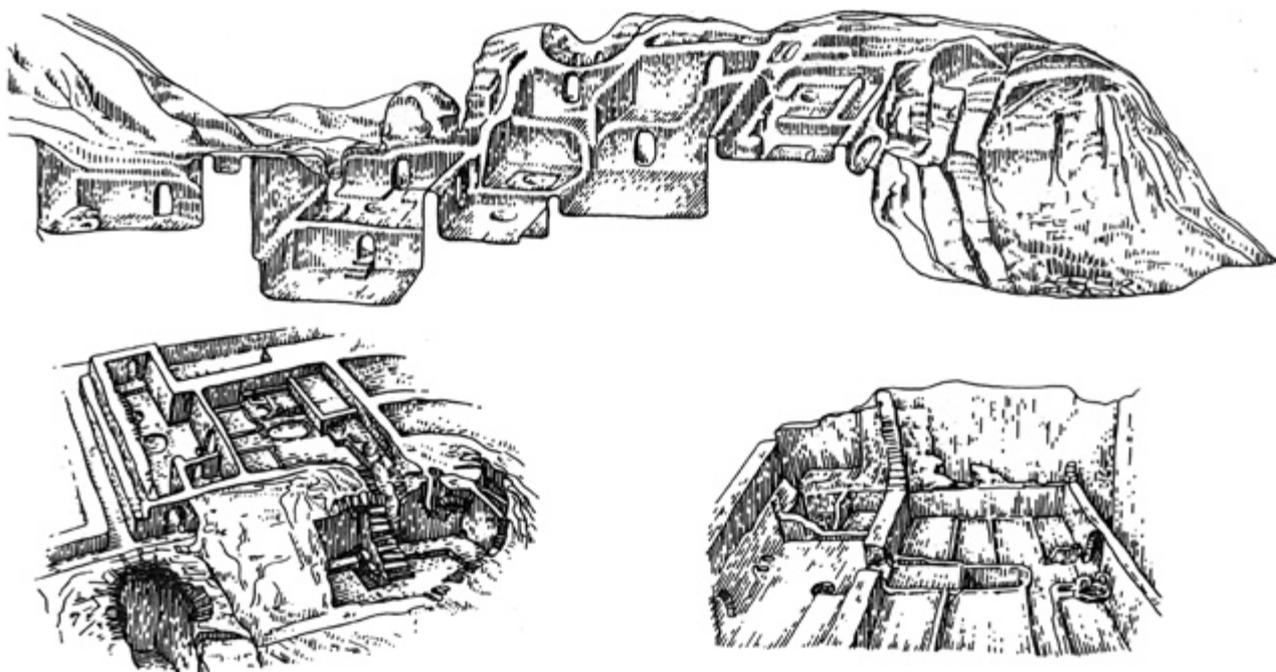
Существовала также иная планировка основного жилого помещения секции. При этом варианте внутренней планировки основного жилого помещения проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу. Предвходное пространство, своеобразный тамбур, отделялось от остальной площади помещения высо-

кой (1,5 м и более) узкой кирпичной стеночкой (длина 1,5–2 м). Вдоль трех стен помещения располагалась П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в помещениях с первой планировкой. В центре помещения располагался углубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками и пристроенной трапециевидной в плане площадкой, на которой поставлены две «очажные подставки» усеченноконической формы.

Помимо основного жилого помещения, в каждой секции были и одно-два подсобных, возможно, также жилых, но совмещавших и хозяйственные функции. Внутреннее пространство этих помещений, как правило, было занято несколькими пристенными очагами, хозяйственными ямами, хранилищами. Часто в качестве емкости для хранения (обычно зерна) использовались большие толстостенные сосуды из необожженной глины, овальные или круглые в плане. Эти сырцовые сосуды характерны для джетыясарской культуры и встречены на всех ранних памятниках во всех строительных горизонтах и периодах. Иногда в подсобных хозяйственно-жилых помещениях были и невысокие лежанки-суфы, на которых часто находились одно- или двухкамерные очаги. Размеры площадей, занимаемых разными секциями, варьируют в незначительных пределах.

Погребальные сооружения. Вокруг каждого джетыясарского городища располагается могильник, насчитывающий сотни и тысячи погребальных сооружений, которые представлены двумя видами — подкурганными грунтовыми захоронениями и склепами.

Курганные насыпи практически не сохранились и выявляются на современной поверхности в виде цветковых пятен или концентрации растительности во рвах, окаймлявших курганы. Диаметры рвов варьируют в пределах 8–20 м. В южной их половине имелась перемычка (ширина 1,2–2 м). Под каждой насыпью находилась обычно одна могила, но неоднократно отмечены случаи с двумя или более грунтовыми захоронениями. Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии север—юг. В восточной стене могильной ямы были небольшие ниши, где устанавливалась часть сосудов и лежали кости животных (баранов или коров). В нескольких могильных ямах по периметру были выкопаны небольшие и неглубокие ровики. Тело погребенного, завернутое в камышовую циновку, клали на подстилку из коры или переплетенного камыша в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь составляет один — три сосуда, при этом обязательны «кухонный» горшок, кувшин, кружка или чаша. Часть сосудов находилась в нише, часть — в

4.43. Городище Джеты-асар. Строительные горизонты 1б и 1в

ногах погребенного. Но отмечены случаи, когда сосуды (обычно горшки или кувшины) были поставлены около головы покойного. В погребение воина, помимо ножа и кинжала, нередко клали сложный лук с костяными накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, брусочки мела, речные раковины, серьги, бусы, браслеты.

Вторую группу джетысарских погребальных сооружений составляют склепы, которые подразделяются на два типа — подземные и наземные. Склепы обоих типов сооружены из прямоугольного в плане сырцового кирпича и перекрыты кирпичными сводами.

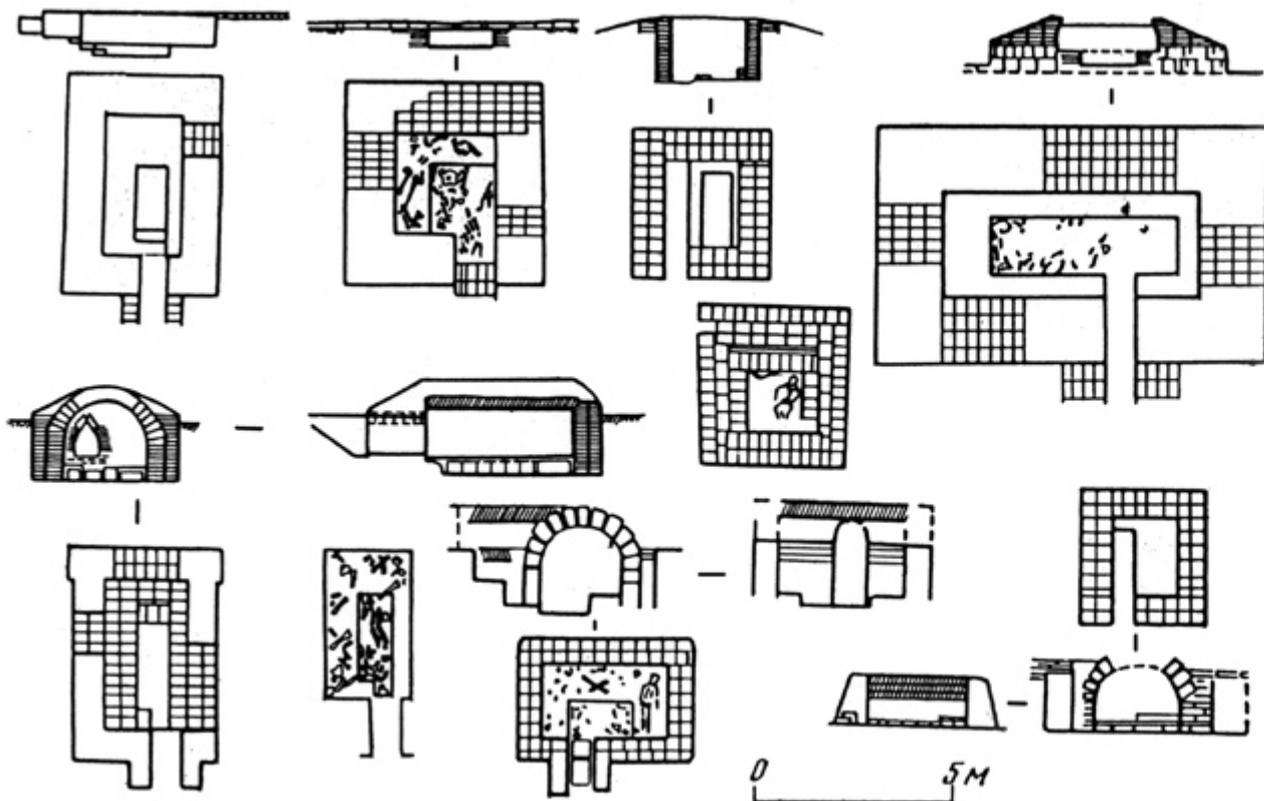
Подземные склепы представляют собой кирпичную камеру, встроенную в специально вырытый котлован. Прямоугольная (в среднем 5,5×4 м) или квадратная (5×5 м) в плане камера углублена в землю более чем на 3/4 высоты и перекрыта поверх кирпичного свода земляной насыпью. В нескольких случаях удалось проследить идущую над стенами и частично над сводом камеры выкладку из двух горизонтально положенных рядов кирпичей, перекрытых земляной насыпью. Внешние края выкладки

отстояли на 3,5—4,5 м от линии стен камеры. Внутренняя часть камеры в плане прямоугольна (в среднем 3,6×2 м), вдоль двух или трех ее стен располагались суфы-лежанки. С южной стороны в камеру вел коридорообразный арочный ступенчатый проход, выступающий на 1—1,5 м за пределы стен склепа. Своды склепов сооружались из трапециевидного сырцового кирпича. Полы, стены и суфы внутри камеры тщательно обмазывались глиной.

Погребенных, завернутых в войлочные кошмы или камышовые циновки, клали на суфы в вытянутом положении на спине. Рядом с ними на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамику, орудия труда и оружие. Около женщин клали брусок мела, раковины, бронзовое зеркало, обычно в матерчатом чехле. На полу между суфами разжигали огонь.

Склепы использовались для неоднократных захоронений, в каждом склепе было несколько погребенных. После каждого захоронения арочный проход закладывался кирпичами и замазывался.

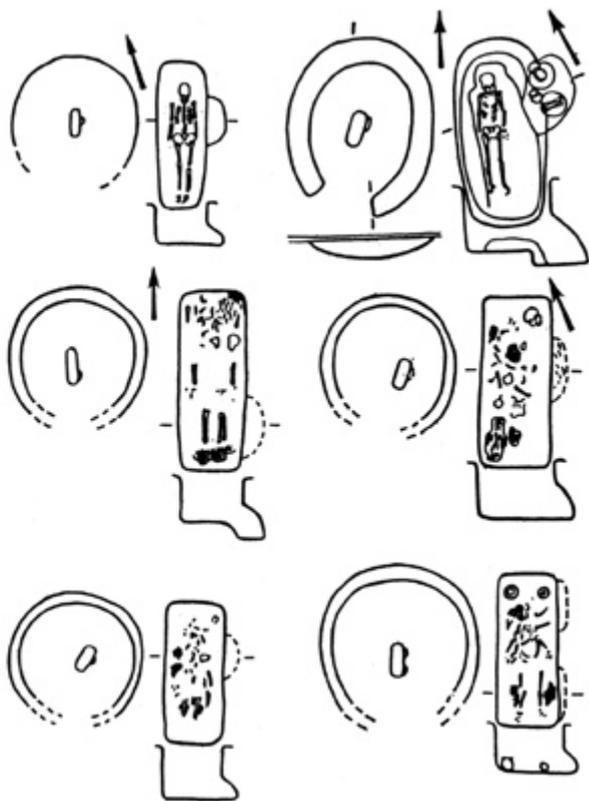
Наземные склепы, также прямоугольные в плане, с коридорообразным входом с южной

4.44. Джетысарская культура. Погребальные сооружения, склепы

стороны, выступающим на 1,5 м за пределы стен камеры, были поставлены на платформу стилобат (высота до 80 см) из пахсовых блоков и нескольких рядов сырцовых кирпичей (40×30×9 см). Вдоль стен внутри камеры (5,6×2,6 м) сооружались высокие лежанки-суфы. Арка входа образована постепенным напльвом кирпичей и толстым слоем глиняной обмазки. Возможно, что и наземные склепы перекрывались земляными насыпями. Судя по остаткам камышовых циновок, погребенные в наземных склепах также помещались на суфах.

Погребенные в склепах обоих типов сопровождались богатым набором инвентаря, но все исследованные склепы разграблены в древности, причем, судя по положению некоторых костей, ограбление совершалось вскоре после захоронения, однако в некоторых склепах уцелели остатки одежды с серебряными и бронзовыми бляшками, нашивками из позолоченной кожи, украшения из золота, серебра, бронзы. В одном случае сохранились остатки матерчатого головного убора, расшитого и украшенного металлическими бляшками, подвесками и стеклянным бисером.

Керамика. Материальная культура древнего населения Джетыясарского урочища отличается своеобразием, что проявляется, прежде всего, в керамическом производстве. Обнаружены гончарные обжигательные печи. Для нее, керамики, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орнаментальных приемов, архаизм и консерватизм на всем протяжении существования культуры.

Вся джетыясарская керамика делится на две группы: сосуды напольного обжига, грубой лепки, с небрежно промешанным и слабо отмученным тестом, безусловно, домашней выработки; сосуды горнового обжига, с хорошо промешанным и отмученным тестом, в большинстве случаев выполненные ручной лепкой при помощи вращающейся подставки; и на гончарном круге.

Сосуды группы I (несколько сотен) имеют ангоб серого цвета и следы копоти на поверхности. Основную массу сосудов первого типа составляют горшки с плоским дном.

Большинство горшков не орнаментировано, но найдены сосуды с насечками, а также сосуды с орнаментом на тулове или плечиках в виде наlepных шишечек (одной-трех) и полулунных валиков, иногда сочетающихся с шишечками.

Позднее получают широкое распространение открытые с одной стороны жаровни овально-прямоугольной формы с двумя-тремя наlepными шишечками на бортике.

Тогда же распространяются невысокие, широкие в основании котлообразные сосуды, иногда орнаментированные наlepным узором, имитирующим металлические ручки. В начале этапа II появляются сосуды, полностью повторяющие форму металлических гуннских котлов.

Находки наиболее крупных сосудов типа горшков и горшковидных хумчей отмечены во всех периодах рассматриваемого этапа. Снаружи они покрыты густым красно-коричневым ангобом и лощением. Все они имеют раздутое, близкое к шаровидной форме тулово, прямое горло, маленький венчик, диаметр которого в полтора два раза превышает диаметр днища. Часть этих сосудов снабжена прикрепленными к краю вертикальными ручками.

Характерные для джетыясарского керамического комплекса фляги (сосуды для перевозки жидкостей) появляются с конца раннего периода. Фляги имеют яйцевидное тулово

(форма которого напоминает характерные джетыясарские кувшины), плоский бок относительно большого диаметра, прямое горло, отделенное от тулова уступом или валиком, и маленький венчик с одним или двумя сливами по краю.

Наиболее распространенной формой среди джетыясарских сосудов группы 2 были кувшины. На всех этапах большинство их покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением, но встречено значительное число сосудов с темно-серым, иногда почти черным ангобом и лощением. Кувшины имели раздутое тулово, прямое высокое горло, отделенное от тулова четким уступом или одним-двумя валиками, простой край либо обычный маленький треугольный или округлый в сечении венчик с одним (при наличии ручки), двумя сливами по краю. По форме тулова можно различить два типа кувшинов: с шаровидным и яйцевидным корпусом. Тулово кувшинов иногда украшено нелепными шишечками или валиками, а для горла характерно горизонтальное рифление. Наряду с кувшинами с одной вертикальной ручкой, существовали экземпляры с двумя ручками.

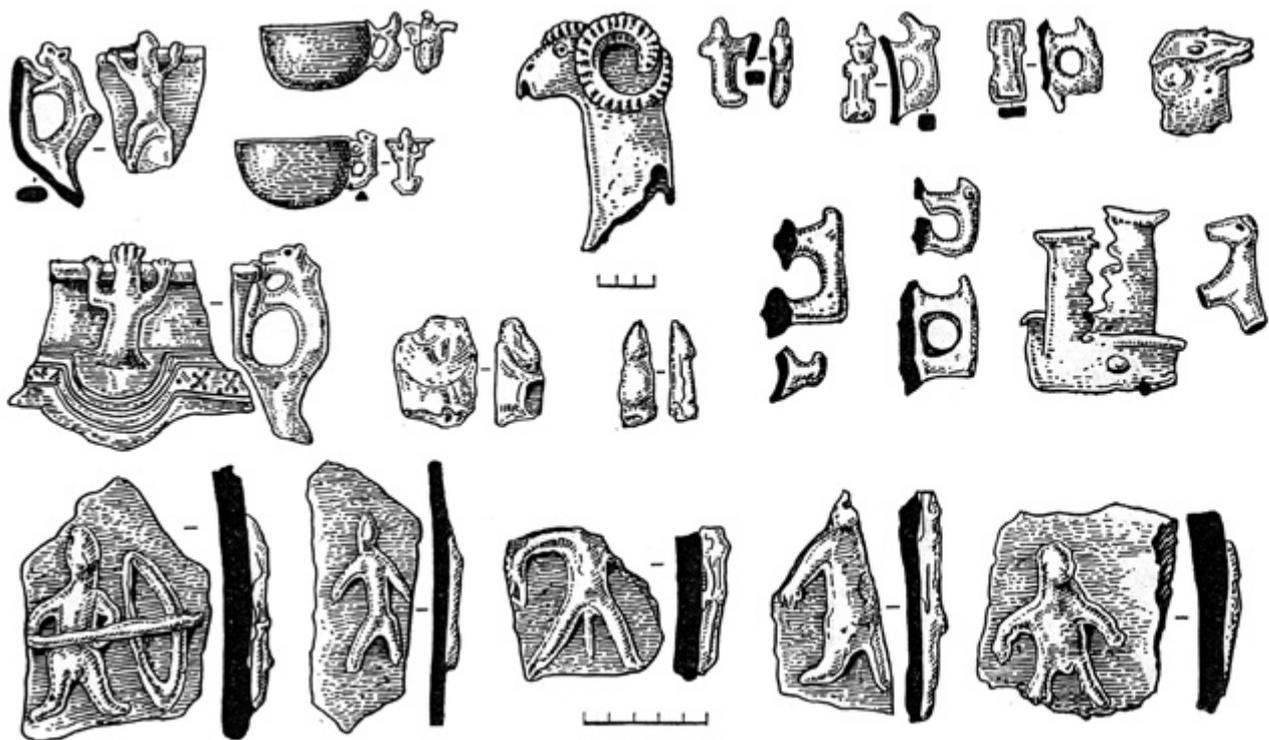
Для того же периода отмечено появление кувшинов с характерным мелким горизонталь-

ным рифлением на тулове и одним или двумя горизонтальными валиками на горле.

Миски и чаши также широко представлены в культурных слоях джетыясарских городищ и в погребальных памятниках. Миски и чаши покрыты густым красным или темно-серым ангобом и залощены.

Кружки на джетыясарских памятниках — почти такая же частая находка, как кувшины. Все они тонкостенные, хорошо залощены, с серо-черным или густым красно-коричневым ангобом, нанесенным с обеих сторон. Большинство кружек имеет близкое к шаровидной форме тулово с уплощенным или плоским дном, диаметр которого в несколько раз меньше диаметра края.

Уже в нижних слоях джетыясарского комплекса встречаются сосуды, украшенные резным пояском из штрихованных и незаштрихованных треугольников, со сплошным и зонным штампованным орнаментом, в частности, с полосой треугольных штампованных вдавлений, пунсонным и резным зигзагообразным узором. Сосуды с подобной орнаментацией есть и в слоях этапа II. Это прежде всего относится к сосудам с геометрическим орнаментом в виде сочетания прямых и зигзагообразных линий.

4.45. Джетыясарская культура. Керамика

Оружие, конская упряжь. На джетыасарских памятниках найдены бронзовые, костяные и железные наконечники стрел, костяные накладки сложного лука, кинжалы. Редки находки небольших железных черешковых трехлопастных наконечников. В отличие от бронзовых и железных наконечников, костяные распространены достаточно широко и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Все они тщательно залощены и отполированы. Некоторые имеют пулевидную форму.

В слоях первого периода найдены двудырчатые роговые и костяные псалии, аналогичные псалям из материалов памятников середины и второй половины I тысячелетия до н.э. Помимо псалиев, к предметам конской упряжи относятся и части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла.

Изделия из кости, камня и металла. Если пока еще нельзя говорить о собственном ювелирном или стекольном производстве древнего джетыасарского населения, а о металлургическом производстве свидетельствуют скопления шлаков, обломки бракованных бронзовых предметов, то о существовании косторезного ремесла

и мастерских по изготовлению предметов из костей животных и рыб свидетельствует немало фактов. Такую мастерскую удалось найти в одной из заброшенных башен городища Джеты-асар 12.

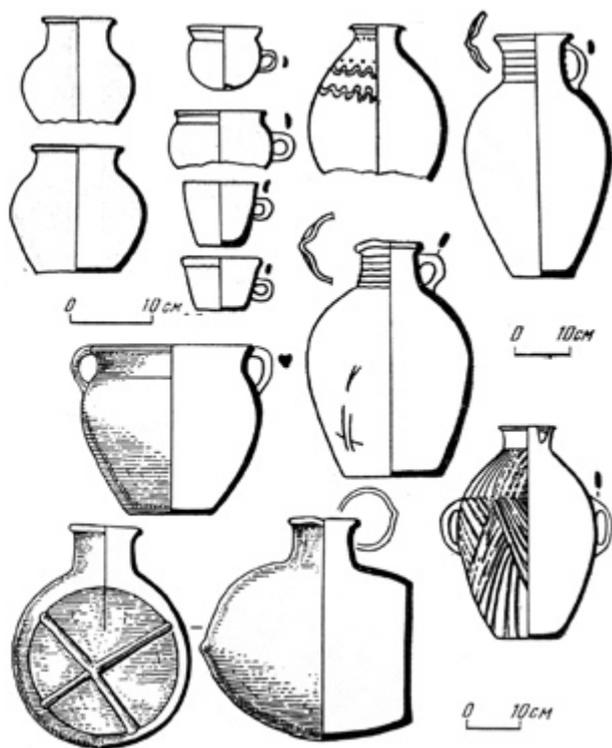
В ней была организована мастерская, где изготавливали костяные и роговые накладки сложных луков, наконечники стрел и другие предметы. Множество роговых и костяных лошил, скребков, проколок, рукояток ножей и шил, псалии, великолепно отполированные наконечники стрел разной формы (пулевидные, трехгранные черешковые, ромбического сечения черешковые, ланцетовидные), пряжки и подвески, кольца и тончайшие цепочки-бусы подтверждают высокое мастерство джетыасарских косторезов.

Постоянными находками в культурных слоях джетыасарских городищ являются костяные проколки, каменные оселки, лошила, терочки, зернотерки.

Немало фрагментов плохо сохранившихся железных ножей с прямым лезвием и плавно изогнутой спинкой. Единичны находки крупных железных рыболовных крючков.

Одежда и украшения. Об одежде «джетыасарцев» можно судить по найденным в могильных ямах и подземных склепах остаткам полотняных и шелковых тканей от платьев, кафтанов и головного убора. Женский шелковый кафтан золотистого цвета из склепа 1 могильника Джеты-асар 2 имел геометрический узор зеленого цвета и был украшен нашивками в виде ромбов и треугольников из позолоченной кожи и рядами нашивных серебряных полугарных бляшек.

В склепе 1 могильника Джеты-асар 12 женский кафтан желтовато-коричневатого цвета был орнаментирован кожными и полотняными аппликациями красного цвета и обшит по вороту и бортам (до пояса) рядами металлических полугарных бляшек, а на рукавах вертикальными рядами синих стеклянных бисерных бусин сирийского производства (не менее трех рядов по 10 штук). Серебряные и бронзовые бляшки часто украшали нагрудную сторону одежды, сохранившуюся и в других погребальных сооружениях, а иногда обрамляли и рукава. Зафиксирован геометрический орнамент в виде концентрических кругов из металлических бляшек разного диаметра, нашитых на плотную полотняную ткань. В нескольких случаях можно предполагать, что под кафтаном было длинное женское платье красного цвета. В одном из склепов

могильника Джеты-асар 12 сохранились фрагменты головного убора из темно-красной ткани с обшивкой из серебряных и бронзовых бляшек и, возможно, кожаной аппликацией по нижнему краю. По бокам к этому убору были привешены на нитках с синими стеклянными бисеринками круглые плоские металлические подвески в виде тонких литых пластинок — по 12 с каждой стороны. Остатки кожаных поясов и сапог (в одном случае с разноцветной аппликацией), бронзовых сапожных пряжек и бляшек-заклепок свидетельствуют об обычае «джетыасарцев» носить высокие кожаные сапоги.

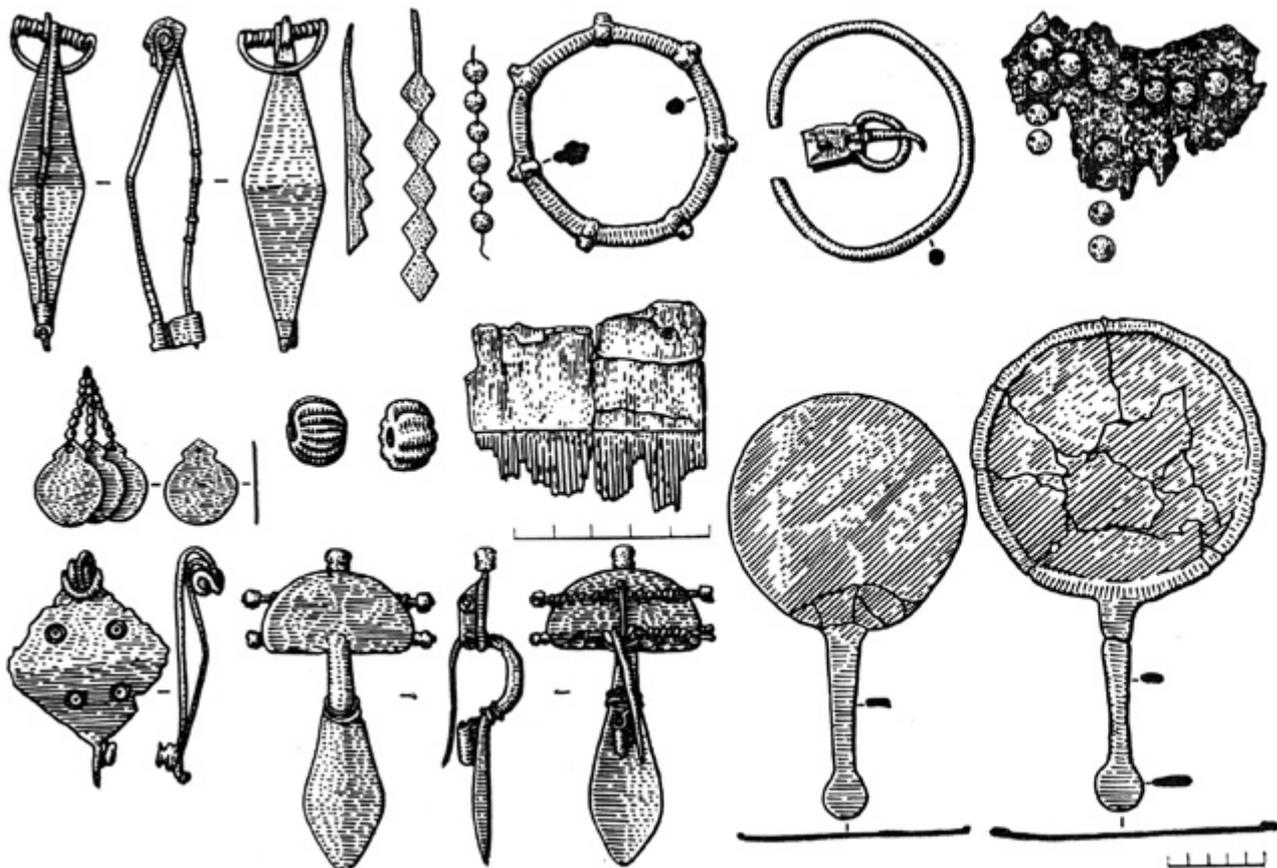
К украшениям джетыасарской культуры относятся бусы, серьги, браслеты, кольца, подвески, бляшки. Довольно часты в погребениях и культурных слоях городищ находки янтарных бус. Округлоресчатые бусы бирюзового цвета из египетского фаянса, коралловые цилиндрические, пастовые и стеклянные округлые, стеклянные глазчатые (синие с белым), халцедоновые круглые известны с IV—III вв. до н.э. и в первые века н.э.

Находки перстней (бронзовых и каменных, в том числе сердоликовых) на джетыасарских памятниках единичны. Бронзовые, каменные и хорошо отполированные костяные кольца встречаются гораздо чаще. Браслеты представлены фрагментами костяных, железных и бронзовых.

Основную массу бронзовых серег джетыасарского комплекса можно отнести к двум типам: в виде кольца с чуть заходящими друг за друга концами; в виде колечка с утолщенной средней частью.

К концу первого периода относится захоронение, где найдены крупные серьги из низкопробного золота с бронзовой дужкой и стеклянными вставками. Серьги имели вид лунницы с симметрично напаянными семью зернеными шариками. С обеих сторон лунницы прикреплено по три гнезда для вставок, а с лицевой стороны между гнездами на ребристой нижней поверхности — группы зерни.

Очевидно, к этому же периоду можно отнести серебряные и бронзовые наконечники ремней, основную массу круглых и овальных

4.46. Джетыасарская культура. Украшения, предметы туалета, реконструкции поясов

в плане бронзовых и железных пряжек с подвижным язычком.

К концу первого периода относится пластинчатая фибула с двойной пружиной, аналогичная распространенным в пшеворской культуре Польши в IV в. н. э.

Бронзовые зеркала найдены и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Обычно это плоские диски, часто с небольшим утолщением по краю и черешковой ручкой, отлитой вместе с диском. В одном из подземных склепов встречено крупное зеркало, орнаментированное вдавлениями на черешке и по краю диска.

К культовым предметам, вероятно, принадлежат бронзовые подвески-амулеты в виде птиц и животных.

Найдены глиняные и алебастровые идолички в виде примитивных изображений человека, часть из которых была раскрашена.

К первому периоду относится каменная парфянская гемма. Найдены халцедоновые геммы (с прорезным орнаментом и сценой охоты хищника на зебу, «жрецом», «волком»,

растительными изображениями) сасанидского происхождения.

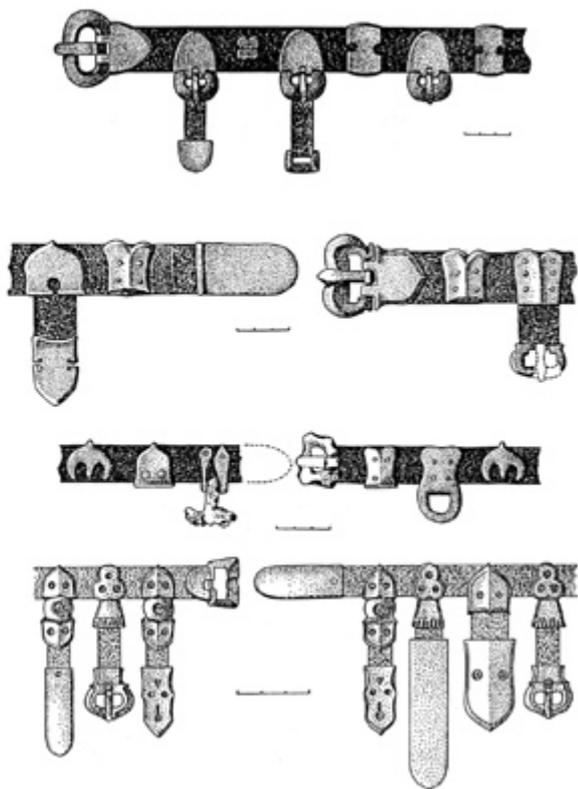
Находки каменных и стеклянных бус египетского, сирийского, индийского производства, шелковых тканей, позднепарфянских и сасанидских гемм свидетельствуют о широких торговых связях джетыасарского населения.

Хозяйство, социальная организация. Хозяйство обитателей городищ носило комплексный характер — скотоводство и земледелие сопровождалось рыболовством и охотой. Скотоводство, игравшее преимущественную роль в хозяйстве, характеризовалось сочетанием разных видов скота при общем преобладании в стаде крупного рогатого скота. Интересна находка в одном из жилых помещений костей верблюдов и домашних свиней.

Важное значение имело и земледелие. Следы ирригационных сооружений, зафиксированные на всей территории Кувандарьинского бассейна, обилие зернотерок во всех культурных слоях, многочисленные находки зерен проса и ячменя подтверждают значимость земледелия. Преобладали лиманно-озерные формы орошения с использованием нерегулярных речных паводков, обводненных стариц, небольших систем, не требовавших значительных трудовых затрат. В окрестностях некоторых городищ сохранились остатки водосборных бассейнов, постройкой которых жители пытались остановить и замедлить процесс исчезновения воды, вызванный заилением и отмиранием речных протоков.

Множество находок костей и чешуи рыб, рыболовных крючков, а также обилие костей диких животных в раскопанных помещениях свидетельствуют и о значительной доле рыболовства и охоты в комплексном натуральном хозяйстве «джетыасарцев».

В первый период джетыасарская культура была связана с культурами среднесырдарьинских районов (каунчинской и прежде всего отрарско-каратауской). С двумя последними джетыасарскую культуру объединяет немало общих черт в типах расселения, близком внешнем облике городищ, характерном наборе посуды с близкой технологией ее изготовления. Эти общие черты в определенной степени могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной мере обусловленного спецификой физико-географических условий. Длительные и теснейшие культурные связи населения джетыасарской и отрарско-каратауской культур свидетельствуют об этнополитических контактах.

ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ ДРЕВНОСТЕЙ ХУННУ (СЮННУ)

Глава IV.

Вопросы об археологических памятниках хунну ставились различными авторами при рассмотрении особенностей известных материалов кочевнических культур, в частности подбойно-катакомбных комплексов населения Средней Сырдарьи, Ферганы и Северной Киргизии. Их гуннская принадлежность определялась то на основании особых черт наиболее ярких комплексов первых веков нашей эры, то за этнический показатель брались отдельные черты погребального обряда (подбойно-катакомбные погребения), то набор вещевого материала (вооружение, ювелирные изделия, котлы) и черты погребального обряда (наличие огня, костей коня) в комплексах конца IV—V вв. (А.Н. Бернштам).

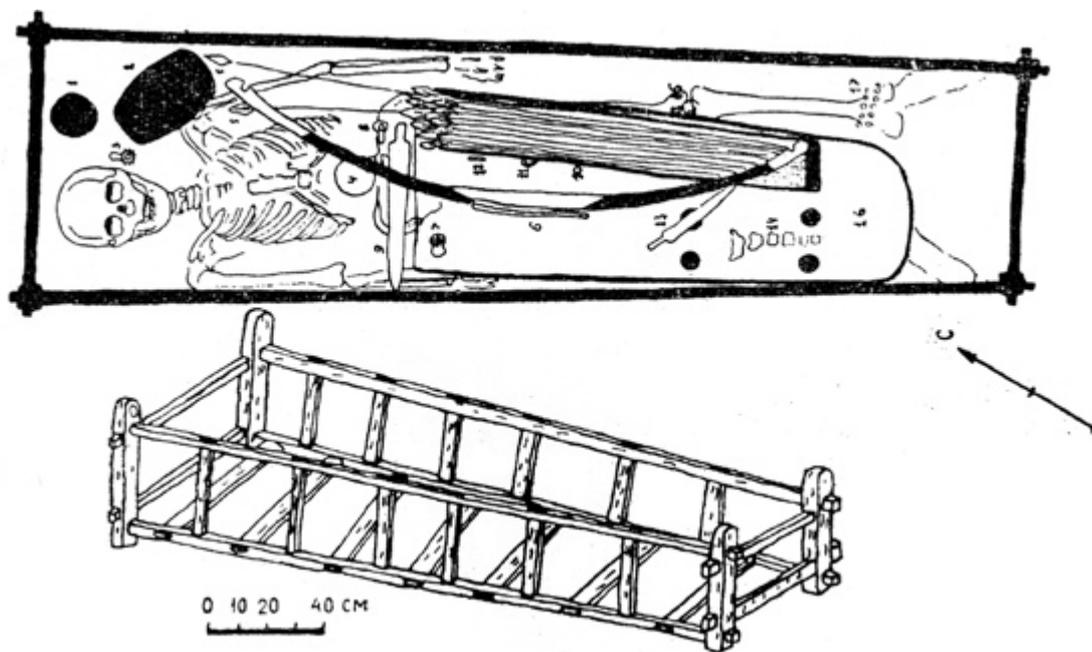
Шаткость атрибуции памятников хунну уже отмечалась в специальных исследованиях. Так, С.С. Сорокиным довольно убедительно доказано местное происхождение основной части подбойно-катакомбных погребений Ферганы и Таласской долины.

Введение в научный оборот материалов джетыасарской культуры и урало-казахстанских гунно-сарматских комплексов позволяет по-новому построить археологический образ этнокультурных процессов, связанных с миграцией центральноазиатского населения в степи Западной Азии. О них пишут археологи

С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов. Китайские хроники второй половины I в. до н.э. Сун-шу говорят о том, что Шаньюй Чжи-Чжи создает союз с кангюями против усуней, приводит свои племена к восточным границам владений Кангюй.

В это время в джетыасарских некрополях, наряду с сырцовыми склепами, появляются кочевнические курганы с узкими прямоугольными ямами и подбоями, с северной ориентировкой, появляются котлы, керамическая посуда хуннского облика и китайские зеркала раннеханьского времени.

Видна схожесть погребальных комплексов, совершенных под грунтовыми курганами в ямах с заплечиками и нишами в подбойных ямах, которые исследованы в могильниках Томпакасар, Алтынасар с хуннскими и хунно-сарматскими погребальными комплексами Кокэльских курганов Ильмовой Пади и, особенно, из могильника у деревни Даодуньцзы в Северном Китае. Ярким элементом схожести и этнокультурной маркировки является присутствие костей животных в нишах, а также черепов коров в погребениях, которое было выделено как важнейший показатель хуннской культуры. Двухкомпонентность керамического комплекса Джеты-асар представлена наличием двух групп сосудов. Первую группу образуют сосуды кочевничес-

4.47. Поселение Актобе. План погребения и реконструкция гроба (по Л.М. Левиной)

кого облика открытого, «напольного» обжига, грубой лепки, изготовленные из неравномерно перемешанного теста, покрытые серым налетом. Эти сосуды плоскодонные, имеют удлиненные пропорции, плавно профилированные формы, раструбообразную шейку. Сюда относятся горшки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, имеющие лунообразные или пупырчатые налеты. Посуда второй группы, изготовленная на гончарном круге и обожженная горновым способом, представлена разнообразными формами горшков, хумов, фляг, кувшинов. По мнению Л.М. Левиной, эти типы либо продолжают традицию ранее сложившегося местного керамического комплекса, либо обязаны своим появлением влиянию сопредельных этнокультурных центров из среднесырдарьинского, ферганского и притяньшанского ареалов. К этому же числу, безусловно, относятся керамические котлы хуннского типа.

Вероятно, со II в. н. э. хунны начинают активно осваивать урало-аральскую область, которая являлась традиционной территорией сезонных миграций.

Таким образом, с этого времени, как полагают исследователи, хунну появляются у лесостепной кромки Южного Урала.

На западе хунну граничили и взаимодействовали с сармато-аланскими племенами II—IV вв., что иллюстрируется материалами крайне западных некрополей Лебедевского могильника. Можно предположить, что во II—IV вв. на восточной границе степной Европы происходило сложение государства хунну и разгром сарматов и аланов.

Согласно гипотезе С.Г. Боталова и С.Ю. Гущалова, гунно-сарматский культурный комплекс хунну складывается на территории севера китайских провинций (Шанси, Шэнси, Ганьсу, Хэбэй), Ордоса, части Внутренней Монголии и юго-западной Маньчжурии. Основные его черты: положение скелетов вытянуто на спине, головой на север; погребения в прямоугольных ямах с наличием ниш, подбоев, уступов; жертвенники в виде голов домашних животных. Этот комплекс включал в себя следующие черты: наличие округлых каменных насыпей; узких прямоугольных ям; гроба; северной ориентировки, для рядовых погребений и сооружения сложных многосекционных, прямоугольных с дромосом (на юг) склепов; наличие глубоких ям, на дне которых внутри сруба помещается гроб с покойником, уложенным головой на север, — для аристократических усыпальниц. Окончательная унифика-

ция хуннского культурного комплекса произошла на территории Монголии, Забайкалья (памятники кокзальской и шурмакской культур) во II—I вв. до н. э. Этот комплекс трансформируется в пределах Южного и Западного Казахстана. Он просуществовал в пределах урало-казахстанских степей со II по IV вв. н. э.

Археологические памятники хунну на территории Казахстана немногочисленны. Хунну не оставили крупных могильников или курганов, которые можно было бы с уверенностью отождествить с ними. Другая причина отсутствия памятников заключается в характере погребального обряда. Хунну не возводили курганов, а отмечали погребения оградкой из камней.

В Южной Сибири, где известны могильники хунну, богатые захоронения совершались в срубках, поставленных в предварительно вырытый котлован. В котловане располагаются колоды с усопшими и инвентарем. Тело укладывали во внутренний ящик, который затем помещали во внешний гроб. Умершего сопровождали дорогие предметы быта, оружие, одежда, а также наложницы и рабы. В качестве сопровождающей загробной пищи клали мясо крупного рогатого скота.

Предметы, отождествляемые с хунну, на территории Казахстана редки и случайны. С хунну связывают особые высокой конструкции седла, чешуйчатый орнамент, имитирующий перья, бронзовые котлы. Но наиболее яркие изделия хунну — лук особой конструкции и украшения. Во многих погребениях эпохи «великого переселения народов» находят украшения, инкрустированные цветными вставками из камней. В погребениях хунну золотом и инкрустацией украшены оружие, головные уборы, пояса, обувь, седла и сбруя. Создается впечатление особой пышности и богатства. На самом деле массивные вещи из золота редки и невелики. Обычно это серебряные и бронзовые предметы, обтянутые золотой фольгой или позолоченные. Сравнительно недороги красные и зеленые камни инкрустации.

Классический лук хуннского типа имеет семь костяных накладок: две пары концевых, обычно неравной длины, и три срединные, из которых две широкие помещались по бокам деревянной основы лука, а третья, узкая, со слегка расширенными концами, — посередине между ними с внутренней стороны. Плечевые части лука дополнительно укреплялись костяными пластинками. Из-за разницы концевых накладок хуннский лук был асимметричен.

Женские погребения отличают особого рода диадемы, а также поясные пряжки, бусы как элемент украшения головного убора. От кожаной обуви сохранились пряжки и наконечники ремней.

С хунну исследователи казахстанских древностей связывают два памятника. Это захоронение на городище Актобе, раскопанное Л.М. Левиной. Погребение оказалось целиком в слое песчано-глинистого намыва. Удалось выяснить конструкцию деревянного гроба. В слое намывов, плотно закрытых кирпичным завалом, на месте сгнившего дерева сохранились пустоты с легкой древесной трухой, имевшей форму частей гроба. В пустотах и намыве были видны даже пазы гроба, что дало возможность полностью его реконструировать.

Гроб стоял вдоль западной стены помещения, опираясь в его северную стену.

Он имел длину 2,1 м, ширину в изголовье 60 см, в ногах 42 см. Его конструкция решетчатая. Четыре столбика квадратной в сечении формы (5×5 см) расположены по углам и соединяют верхнюю и нижнюю рамы, скрепленные между собой шестью вертикально поставленными плоскими дощечками.

Дно гроба образовали семь аналогичных плоских дощечек шириной 5-6 см, вставленных в пазы продольных брусков нижней рамы и располагавшихся между пазами для вертикальных

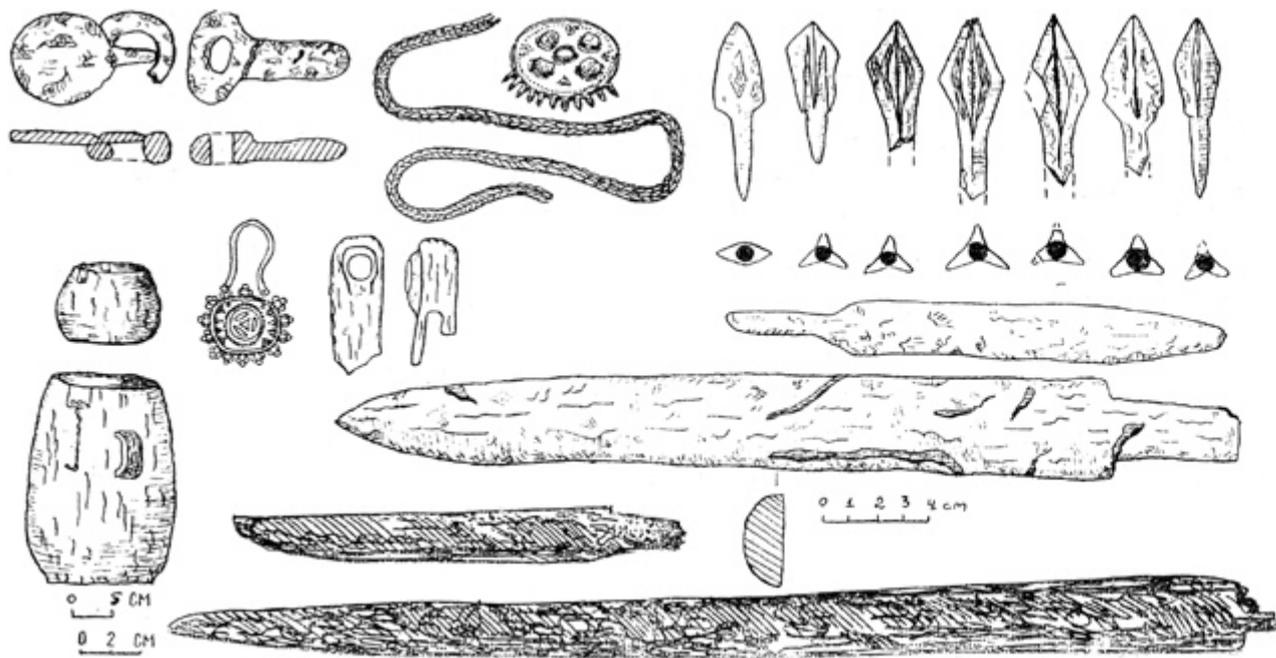
стоек. Верхняя часть угловых столбиков, судя по найденному от одного из них в изголовье деревянному фрагменту, была украшена резьбой в виде кругов. В центре находилось бронзовое украшение — плоская бляшка диаметром 1,5 см со штырьком на обратной стороне для закрепления в дереве. Крышку гроба найти не удалось, вероятно, она была разрушена завалом; сохранилась лишь ее крайняя восточная продольная плаха.

По отпечаткам на грунте удалось проследить, что боковые стенки гроба были обмотаны четырьмя, очевидно, кожаными полосами шириной до 7 см. Никакой подстилки на дне не обнаружено. В гроб был положен покойник и инвентарь. Головой погребенный был ориентирован на северо-запад, положение его было вытянутое, на спине. Справа у головы стояло два деревянных сосуда.

У черепа лежала крупная подвеска — лунница из сплава серебра с золотом, богато украшенная зернью и стеклянными вставками.

Всю нижнюю половину туловища покойника закрывал большой берестяной (судя по остаткам и отпечаткам) футляр для колчана и лука. Длина его не менее 1 м, ширина у устья 38 см, округлого дна 28 см.

Внутри футляра лежали деревянный лук длиной 1,2 м с костяными обкладками, железный однолезвийный нож, крестец от барана и колчан со стрелами.

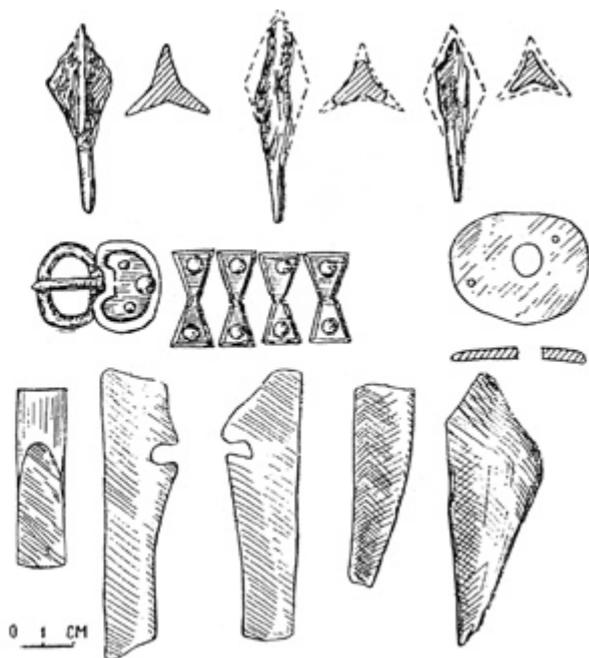
4.48. Кзыл-Кайнартобе. Погребальный инвентарь хунну

Колчан (длина 77 см, ширина 11 см), судя по отпечаткам, берестяной, дно деревянное, толщиной 2,4 см. Следов от крышки не обнаружено. Стрелы с камышевыми древками длиной 70-75 см и железными наконечниками, плохой сохранности (более 20 штук), торчавшими из колчана. Наконечники трехперые, длиной от 5,5 до 7 см. Две стрелы с древками были вытянуты из колчана, их наконечники находились у плеча покойника. Один из них двухперый, плоский, края лопастей слегка подрезаны вверх, боевая часть к острию закруглена. Другой наконечник трехперый, с опущенными небольшими жальцами.

Ниже пояса поперек тазовых костей скелета лежал железный кинжал. Он плохой сохранности, двулезвийный, длина с рукоятью 35 см; рукоять без навершья и перекрестия, переход к клину под прямым углом. На нем есть следы от деревянных ножен. Выше и ниже кинжала обнаружены две железные пряжки. Одна из них с подвижным язычком и круглым щитком, другая без сохранившегося язычка с подпрямоугольной вытянутой площадкой.

Ниже ребер поверх скелета лежала глиняная необожженная «лепешка» серого цвета диаметром 8—9 см и толщиной до 2 см.

У коленного сустава на левой ноге покойного найдены два маленьких железных крючка, возможно, скреплявшие край берестяного футляра, находившегося рядом.

Ноги вокруг лодыжек в два ряда были опоясаны медными круглыми бляшками.

В Средней Азии к описываемому комплексу близки погребения в деревянных гробах из Кенкольского могильника.

Сопоставляя датировку отдельных предметов из погребения, Л.М.Левина датировала его концом IV — рубежом IV-V вв. н. э.

Еще одна находка, связываемая с хунну, — это погребение на поселении Кзыл-Кайнартобе в Таласской долине.

В Центральной части Кзыл-Кайнартобе в толще кладки сооружения имеется два параллельных помещения типа сводчатых коридоров.

В шурфе, заложенном в северной части западного помещения на глубине 3 м от поверхности, обнаружено захоронение, условно названное «Захоронением воина».

Захоронение было как бы подвинуто под свод, что придало могильной яме вид катакомбы. Скелет лежал по продольной оси камеры вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки располагались вдоль туловища.

На уровне плеча обнаружена округлой формы костяная пластинка размером 4,6×3,5 см. Она, видимо, служила накладкой на рукоять меча или кинжала.

Шею украшала золотая цепочка, сплетенная из тонких золотых нитей; длина ее 35 см.

На талии покойника находился пояс. Он состоял из бронзовой пряжки с подвижным железным язычком и бронзовой фигурной пластинки-скобы. Внешняя сторона кожаной части пояса украшена тонкими бронзовыми пластинками в виде бантиков.

Ниже пояса лежал железный однолезвийный кинжал. На обеих сторонах лезвия обнаружены отпечатки дерева от ножен.

С левой стороны, несколько ниже пояса, найдены 8 железных наконечников стрел, целые и части их. Все они трехперые, черешковые.

Ниже пояса параллельно правой ноге лежал железный меч. Длина его без рукояти 74 см. Рукоять сохранилась в длину всего на 2 см.

На уровне бедер находились костяные пластинки — обкладки деревянной части лука. Две из них концевые, а остатки от трех — центральные.

На этом же уровне с правой стороны скелета найден предмет из золотой фольги, похожий на переднюю часть фигурки лошади.

Около головы и шеи обнаружено золотое височное кольцо, украшенное зернью и ставками стекла розовато-вишневого цвета.

САВРОМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Глава IV.

Они расположены в Западном Казахстане, исследовались М.Г. Мошковой, Г.А. Кушаевым, М.К. Кадырбаевым, Ж.К. Курманкуловым, а в настоящее время изучаются А.А. Бейсембаевым, С.Ю. Гуцаловым, Ж.А. Смаиловым.

К памятникам I-го периода отнесены следующие курганы и погребения в них: в могильниках Кос-Оба — курган № 16 захоронения в погребениях — II, IV, V; Мамай-1 — курган № 6 — погребение; Донголек — курган № 6, погребение II и III, в кургане № 8 — погребение III и IV; Сакрыл I, у озера Рыбное, в курганах № 13, погребение I; Сакрыл II, курган № 2, погребение I и Сакрыл III, курган № 7 — погребение I; Бубенцы I — курган № 9, погребение III; Шайтан-Оба, курган № 1 — погребение I, II и, наконец, Калмак-Чабан, курган № 2 — погребение III.

На левобережье р. Урал к середине I тысячелетия до н. э. отнесены курганы и захоронения в них: Чалкар III, курган 5, погребение I; могильник Чалкар V, курган 4; могильник Барбастау III, курган 16 — погребение I и II; Алебастрово I.

Могильные ямы прямоугольные, больших размеров.

Лишь в одном погребении I могильная яма оказалась овальной (Алебастрово I, курган 18 с западной ориентировкой скелета); одно оказалось в большой овальной яме с высоким и широким подбоем под южной стеной ямы.

В погребениях встречены сосуды — горшки с округлым дном, иногда со сливом и плоским дном. Встречаются бронзовые котлы на коническом поддоне или жертвенные столики. Характерными являются коллективность захоронения, наличие костей лошади, предметов импортного производства. Ярким признаком памятников этого круга являются находки предметов прикладного искусства, выполненные в «зверином стиле».

Курган № 4 в могильнике Чалкар III имел диаметр насыпи 24 м и высоту 0,8 м. Могильная яма была ориентирована с востока на запад и имела длину 3,6 м, а ширину с юга на север 2,35 м, на краях её остатки дерева, перекрывавшие её с юга на север. На глубине 35 м было обнаружено парное захоронение: восточный скелет был ориентирован головой на северо-восток. Он лежал в вытянутом положении, кости рук вдоль туловища, кости ног вытянуты прямо. Западный скелет лежал головой на юго-запад. Восточный скелет, по-

видимому, женский, а западный — мужской. Слева от западного скелета, между костями руки и грудной клетки обнаружен железный нож с притуплённой спинкой. Длина сохранившейся части ножа 10 см. На поясе скелета найдена железная, круглой формы, а справа аналогичная бронзовая пряжка. Под правой бедренной костью скелета лежал точильный камень длиной 15,5 см. На тазе и в 20 см от него находился набор из 19 трехгранных и трехлопастных втульчатых бронзовых наконечников стрел.

При расчистке площади, где лежали захоронения, обнаружен массивный бронзовый крючок колчана, а рядом керамическое плоское напрясло.

Начиная с 2002г. сотрудниками Западно-Казахстанской археологической экспедиции Центра археологии и истории были проведены исследования на территории Уральского левобережья.

Основными объектами изучения экспедиции стали курганные некрополи Кырык-Оба II и Лебедевка II.

Лебедевский могильник расположен на крайнем востоке Западно-Казахстанской области.

На обширном плато Есен-Амантау, растянувшись на несколько километров до с. Лебедевка на севере, кочевниками были воздвигнуты сотни курганов. Лебедевские курганы привлекли внимание археологов в конце 60-х гг. XX века, когда в ходе раскопок краеведа Г.И. Багрикова были вскрыты богатые погребения кочевой знати, относящиеся к началу I тыс. н. э.

На возвышенной части плато располагались самые крупные курганы высотой до 2,5 м, диаметром более 25 м.

Курганы первой группы имеют размеры около 20 м в диаметре и до 0,6 м в высоту. В них были устроены погребения в прямоугольных ямах длиной около 2,5 м и шириной — 1,5 м. В качестве заупокойной пищи в могилы укладывалось мясо овцы (передняя нога с грудинкой). Покойники лежали на войлоке или тростнике. Судя по сопровождающему инвентарю (железный кинжал-акинак, кожаный колчан и в нем стрелы с бронзовыми, иногда железными или костяными наконечниками), большинство рядовых кочевников были воинами.

Курганы 2-й группы имеют размеры: диаметр от 25 до 40 м, высота — 1,5-2,5 м.

Удалось реконструировать ритуал захоронения и конструкцию погребальных сооружений.

Каждое из них представляло собой сложную архитектурную конструкцию, основой которой являлся вал, окружающий прямоугольную или квадратную площадку размерами от 8×16 до 15×15 м. Вал был сложен из глиняных блоков. Внутренняя часть площадки, оконтуренная валом, имела ровную поверхность и была выложена корой хвойного дерева и берестой. В восточной стороне вала наблюдается разрыв-вход.

В одном из курганов (№ 9) в южном углу площадки на настиле у края могильной ямы было совершено захоронение взнузданного коня. Лошадь была положена с подогнутыми в коленных суставах ногами. Фрагменты черепа еще одного коня были обнаружены среди деревянного перекрытия могилы. В могиле было похоронено не менее пяти детей. Подростков сопровождали ритуальные гальки и остатки богатого инвентаря. Найдена золотая височная серьга, с прикрепленной к ней проволочной петлей с «косичковидной» цепочкой и с ребристыми ромбическими подвесками. Кроме того, в одном из погребений кургана № 8 найдена серебряная трубочка от нагайки. Все это говорит о высоком социальном статусе людей, погребенных в курганах.

При раскопках кургана, *могильника Лебедевка III* во всей центральной части кургана наблюдались слои прокаленной почвы, под ними — угольные прослойки. Угольный слой является остатком сгоревшей деревянной конструкции, располагавшейся по центру и имевшей диаметр около 30 м.

В центре кургана на уровне древней дневной поверхности была обнаружена могильная яма прямоугольной формы размерами 6,4×7,6 м, ориентированная длинной осью с запада на восток. В верхних слоях заполнения ямы найден обломок каменного алтарика. На глубине были зафиксированы остатки двух погребений.

Погребение 1 находилось в центральной части могилы. Западнее костей правой руки были обнаружены бронзовые наконечники стрел, справа от локтя лежали железный умбон и бронзовая накладка. К востоку от данного скелета, у стенки ямы обнаружено костяное изделие в виде морды волка с двумя железными шпеньками внутри него.

Погребение 2 представляло собой скопление костей скелета взрослого человека, распо-

лагавшееся в западной части могилы. Вокруг костей находились бронзовые наконечники стрел. Большая их часть была сосредоточена к юго-востоку от останков. В 40 см к югу от них был найден небольшой железный нож.

Самым крупным в группе и одновременно лучше всех сохранившимся оказался курган № 6.

Курган имел размеры: диаметр — 30 м, высота — 2,25 м и занимал в цепочке центральное место. Погребальное сооружение реконструируется как земляной склеп, состоявший из двух помещений — внешнего, стены которого возводились по краю погребальной площадки, и внутреннего, построенного у среза могильной ямы. Причем во втором случае стены из кирпича-сырца возводили прямо на деревянном помосте. Размеры склепа, по форме близкого к квадрату, — 22×24 м. Внутренняя часть склепа имела размеры 17×17 м и была полностью перекрыта слоем хвойной и березовой коры, накрытым сверху тростником и берестой. В центре настила, под корой, были расчищены березовые бревна, которые закрывали могильную яму, располагавшуюся в центре кургана. Склеп окружал вал прямоугольной формы, ориентированный длинной осью с севера на юг. Судя по развалам стен, которые хорошо прослеживались в плане и на профилях, вал являлся основанием, на которое сверху укладывались массивные глиняные блоки, чередующиеся с тонкими слоями желтой глины. Ширина вала колебалась в пределах от 1 до 4 м.

Могила размерами 4,2×4,6 м и глубиной 3,8 м на уровне дна имела прямоугольную форму, пол погребальной камеры был застелен, видимо, войлоком. В центре ямы прослежен плохо сохранившийся скелет, предположительно женщины, лежавший на спине головой на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища. Сверху скелет был накрыт тростниковой циновкой.

В погребении находился богатый инвентарь. За черепом найдены остатки богатого головного убора — скопление нашивных золотых бляшек, имевшее конусовидную форму. Среди них попадались пластинки в виде головы оленя с двумя петлями на оборотной стороне, а также бусины различного цвета и формы. У покойницы было множество украшений: на шее находилось ожерелье из стеклянных бусин и золотых бляшек круглой формы; на груди — ожерелье из 9 золотых бусин грушевидной формы; у висков — две золотые подвески, состоящие из проволочной петли, «косичковидной» цепочки длиной около 20 см с кольцом на конце, к кото-

рому прикреплены две цепочки длиной 13 см с припаянными 24 шариками. В конце цепочки находится полусферическая бляшка диаметром 1,8 см с нанесенным на ней геометрическим рисунком. Снизу к сфере крепятся 5 ромбовидных подвесок длиной 2,2 см, на концах которых припаяно по три зернышка. Подол платья и обувь, вероятно, были расшиты бусинами.

Слева от черепа лежало бронзовое зеркало с рукоятью, прикрепленной к плоскому диску при помощи трех бронзовых заклепок. На конце рукояти изображены кабан и грифон, у места ее припая к диску — голова грифона. Справа от черепа находился стеклянный сосудик темно-синего цвета. Тулово его украшено орнаментом в виде семи чередующихся белых и коричневых волнистых линий. Еще один стеклянный сосудик лежал слева от костей таза. Рядом с ним была рассыпана краска темного цвета с блестящими вкраплениями перламутра. Здесь же находились раковины, одна из которых была заполнена краской красного цвета, рядом с ними — овальная галька светло-коричневого цвета. В ногах стоял керамический ритуальный сосудик биконической формы.

Справа от скелета, напротив грудных позвонков, лежал каменный оселок. Рядом с оселком найдено глиняное пряслице биконической формы.

Вторым объектом раскопок стала *курганная группа Кырык-Оба II*.

Всего в группе Кырык-Оба II насчитывается двадцать шесть курганов, вытянутых цепочкой с запада на восток на 5 км.

Курган № 16 имел диаметр 29 м, высоту — 1,2 м. В результате раскопок удалось проследить сложную архитектурную конструкцию. По периметру на погребенной почве был насыпан глиняный кольцевой вал диаметром 38 м, шириной до 4 м и высотой 0,5 м. В южной части он имел разрыв-проход к могильной яме, прямоугольной формы с закругленными углами: длиной — 7,4 м, шириной — 5,3 м. Длинными стенками могила была ориентирована с севера на юг. Ход в могилу (дромос) начинался у южной подошвы кургана. Он имел длину около 14 м, ширину — до 1 м при глубине 1,5 — 1,8 м.

Над могилой был возведен склеп квадратной формы размерами 11×11 м. Стены выкладывались в 4 кирпича. Их руины сохранились на высоту до 0,9 м. Ширина стен составляла 1 м. В результате сожжения большая часть склепа рухнула в могильную яму. Часть кирпичной кладки, не успев обгореть, обрушилась на вне-

шнюю сторону к периферии кургана на глиняный вал. Пространство внутри склепа было покрыто тростником.

Неподалеку от входа в могилу был привязан к столбовой коновязи и затем, вероятно, убит верховой конь, здесь обнаружено массивное бронзовое подпружное кольцо, а напротив скелета лошади, на дне дромоса, лежал бронзовый псалий с окончанием в виде головки грифона. Лошадь была положена подогнутыми ногами, головой на север.

Возможно, на западной стенке погребального сооружения была подвешена конская уздечка, от которой сохранились металлические предметы: бронзовый двудырчатый псалий с окончанием в виде лошади, а также фрагмент железных уди.

Могила была ограблена в древности. На дне ее встречались разрозненные фрагменты костей скелета и инвентарь: железный нож, лепной сосуд, остатки деревянных ритуальных сосудов с золотыми и серебряными оковками.

Все погребения, описание которых приведено выше, относятся к концу VI — середине V вв. до н.э. В плане датировки исследованных памятников показательно вооружение. Некоторые из наконечников стрел датируются VII—VI вв. до н.э. Однако в колчанах преобладают трехлопастные бронзовые наконечники, типичные для V в. до н.э. Железные мечи с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестиями, плоскодонные лепные горшки появляются в приуральских степях в конце VI в. до н.э. и получают широкое распространение в V в. до н.э. Характерны для указанного времени и предметы конской упряжи, украшенные в зверином стиле. Остальной вещевой материал, встреченный в могильниках Кырык-Оба II и Лебедевка II (стеклянные бусы, золотые подвески и нашивные бляшки), не противоречит вышеназванной дате.

Наиболее яркие и выразительные археологические комплексы Западного Казахстана, связываемые с савроматами, локализуются в бассейне среднего течения р. Илек. Подавляющее большинство курганов на Илеке относится к периоду расцвета этой культуры к концу VI—V вв. до н.э.

В *кургане 1 могильника Сынтас* на древнем горизонте под шатровой конструкцией из бревен лежали головами на запад и на юг три скелета. Инвентарь, когда-то сопровождавший умерших, состоит из оружия (бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы и колчанные

крючки), предметов конской узда (железные удила и псалии, бронзовые пряжки, пронизи), предметов быта (глиняные сосуды, железные ножи). В Сынтасе выделяются костяные ложечки, искусно украшенные фигурами лежащего волка с повернутой назад головой и головкой сайги; фигурами козлов и головами хищников.

В Нагорненском могильнике выделяется серия так называемых дромосных могил, содержащих коллективные захоронения. Под округлыми деревянными сооружениями площадью до 200 — 250 кв. м находились, иногда оконтуренные ровиками, подквадратные площадки. Двенадцати захороненным в кургане №2 покойникам, из которых 11 — воины, а один — девочка-подросток, соответствует 12 черепов и шкур коней, помещенных на бревнах перекрытия специальной культовой постройки.

Локальными особенностями памятников Илекской группы являются: высокий процент деревянных конструкций, иногда подвергнутых преднамеренному сожжению; разнообразие типов погребальных сооружений (прямоугольные, круглые и овальные ямы, дромосные

гробницы, погребения на горизонте, большое количество коллективных захоронений (в том числе — многоярусных), высокий процент погребенных с южной ориентировкой головы.

Среди предметов быта наиболее массовой категорией инвентаря являются лепные плоскостонные сосуды. Обычны небольшие или, напротив, заметно удлиненные узколезвийные железные ножи. Оружие представлено железными мечами и кинжалами, имеющими брусковидное и бабочковидное, иногда почковидное перекрестие. С V в. до н.э. уже стали распространяться мечи с дуговидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием. Особенно многочисленны и типологически разнообразны колчаные комплексы, состоящие из бронзовых двухлопастных и трехлопастных втульчатых наконечников стрел, среди которых нередко встречаются и черешковые наконечники. Остатки защитного снаряжения очень редки. Конская узда представлена железными удилами с прямым или «S»-видными псалиями, бронзовыми пряжками и разнообразными по форме и назначению бляшками. В декоре многих вещей часто применялся звериный стиль.

Рис. 4.49. Керамика савроматов

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Глава IV.

Прохоровская культура IV—II вв. до н. э. С IV века до н.э. в регионе Южного Приуралья и степях Прикаспия обитали племена сарматов, о которых писали античные авторы.

В археологии Южного Приуралья памятники второго этапа выделяются на основании специфических — погребальных сооружений, находок — сосудов, предметов вооружения и другим вещам. Обычно их датируют IV—II вв. до н.э., а называют раннесарматской культурой или (Н.С. Рыков, И.В. Сеницын, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова) прохоровской культурой. Иногда этот хронологический период называют «переходным» от раннего железа к собственно сарматской культуре.

Памятники, относящиеся к IV—II вв. до н. э., были изучены М.Г. Мошковой, ею предложена и их периодизация.

Для сарматских памятников Степного Приуралья, начиная с IV в. до н. э. и до II в. до н. э., южная ориентировка ямы и скелетов в ней является основным признаком.

В раннем прохоровском этапе основным типом могильной ямы становится большая прямоугольная яма, ориентированная с севера на юг. Погребенные ориентированы головой на юг. Встречаются и коллективные захоронения. Особенность их — мужской и женский скелеты

лежат рядом, а в ногах — скелет ребенка.

Инвентарь прохоровских памятников сравнительно однороден: керамика ручной лепки; сосуды круглодонные, иногда с едва уплощенным дном, размеры небольшие; форма сосудов шаровидная, с низкой зауженной горловиной, орнамент — явление редкое, иногда это спускающиеся по тулову сверху вниз параллельные линии. Часто встречаются курильницы с круглым или уплощенным дном и широким устьем. Во II в. до н.э. появляются лощеные сосуды.

Наиболее типичными прохоровскими являются курганы: Чалкар III, курган 6, к. 13; Барбастау V, к. 23; Факел, к. 1, погр. 2.

Чалкар III, курган 6. Диаметр насыпи — 23 м, высота — 1,1 м, на древнем горизонте обнаружены два могильных пятна прямоугольной и овальной формы. Первое (центральное) длиной 2 м, шириной 1,4 м; второе (западное) длиной 1,8 м, шириной 1,5 м, ориентированное с севера на юг. При полной расчистке ям первая приобрела форму неправильного овала длиной 3,8 м. Вторая яма сохранила овальную форму, размеры изменились до 3,5 м, а ширина 3 м. Глубина первой ямы 2,3 м, а второй 2,1 м. В 1-й яме погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, кости рук вдоль туловища, головой на юг, скелет положен на камышовую

Рис. 4.50. Изделия, выполненные в «зверином стиле» савроматов и ранних сарматов. VI—II вв. до н. э.

подстилку. Погребальный инвентарь представлен лежащим у кисти правой руки железным кинжалом длиной 40 см. Рукоять имела серповидное навершие и бабочковидное перекрестие. Акинак находится в деревянных ножнах. У кисти правой руки три каменные бусины кубической формы с волнистым орнаментом и бронзовое круглое штампованное украшение. У кисти левой руки лежал кожаный колчан с набором бронзовых втульчатых, 3-лопастных наконечников стрел и железный нож. На костях грудной клетки лежала железная пряжка, а в ногах кости овцы и два ножа с точильным камнем.

В яме № 2 обнаружено захоронение двух женщин, положенных на спине, вытянуто, головами на юг. Возле западного скелета на костях правой и левой руке обнаружены браслеты из каменных бус квадратной, круглой форм с волнистым орнаментом. Слева от скелета лежал кожаный колчан с бронзовыми 3-гранными и 3-лопастными с стрелами и с остатками древков. У стены ямы найдены бронзовые украшения в виде спирали с кусочками кожи внутри. На костях правого бедра лежало разбитое бронзовое зеркало, а на левом бедре глиняный туалетный сосуд. На шейных позвонках найдено ожерелье из лазуритовых, сердоликовых каменных и пастовых бусин, у места ушных раковин черепа — пара бронзовых, покрытых

золотой фольгой сережек в виде двойной спирали. За черепом стоял керамический сосуд с высокой горловиной, с шарообразным туловом. У восточного скелета на левой руке был браслет из каменных бус и колчан с 3-лопастными и 3-гранными втульчатыми наконечниками стрел. На шейных позвонках ожерелье из бус, у черепа пара золотых сережек с основой из бронзовой проволоки. Рядом с черепом стоял керамический сосуд.

У южной стены ямы найдены отпечатки плетеной сумочки, в ней лежали часть бронзового зеркала с ручкой, туалетная костяная палочка, кусочек мела, охра.

Сусловская культура (I в. до н.э.—I в. н.э.).

Погребения среднесарматского времени датируются: I в. до н.э. и I в. н. э. Он является самым слабо изученным. Материалы из курганов этого периода свидетельствуют о дальнейшем развитии культуры этих племен. Господствующим типом могильных ям являются прямоугольно-удлиненные формы. Сохраняется в это время ориентировка могильных ям и захоронений в них на юг, существуют могилы с отклонениями на юго-восток и юго-запад.

Основным типом погребальных сооружений являются узкие, прямоугольные, с овальными закругленными углами могильные ямы, иногда с подбоем в западной стене.

Рис. 4.51. Котлы, металлическая посуда, орудия труда среднесарматской культуры. II в. до н. э.—II в. н. э.

Ориентировка как узких, так и подбойных могил — южная, юго-западная и юго-восточная. На этом этапе истории железного века Степного Приуралья развитие древних племен, их контакты с другими племенами получают новый импульс, о чем свидетельствует появившийся в I в. до н.э. — I в. н.э. новый тип погребальных сооружений — диагональные захоронения, неизвестные в более ранний период. Квадратные могильные ямы небольших размеров 1,8×2 м; стороны ориентированы по сторонам света, а захоронения в них обязательно совершались по диагонали квадрата. Группы клади на берестяную, камышовую подстилку. Иногда на дне могильной ямы сооружалось подобие гробовища путем обкладки нижней части их лубом или одним венцом дерева (Барбастау I, курган 2; Барбастау III, курганы 4, 5). Квадратная яма иногда имела перекрытие из дерева, или оно покоилось на какой-то деревянной конструкции. Могильная яма имела в большинстве случаев ориентировку по сторонам света, а покойник ориентирован головой на юго-запад или юго-восток. Встречаются ямы с диагональными захоронениями. Когда яма углами ориентировалась по сторонам света, тогда покойник лежал головой на юг, иногда с подогнутыми ногами. Инвентарь захоронения многочисленный, разнообразный: обязательно вооружение, сосуды шаровидных форм, орнаментированные зигзагами-линиями

на плечиках, дно сосудов слегка уплощенное.

На данном этапе новый тип погребального сооружения — катакомба.

Обратимся к конкретным памятникам, датируемым I в. до н.э. — I в. н.э.

Барбастау I, курган 2. Насыпь диаметром 16 м; высотой 0,55 м. В насыпи, на глубине 0,3 м, обнаружено впускное детское захоронение, ориентированное головой на юго-запад. В ногах скелета лежали кости овцы, а у черепа раздавленный сосуд сарматского типа с грушевидным туловом невысокой горловиной и отогнутым венчиком. В центре располагалась могильная яма квадратной формы размерами 1,4×1,4 м, ориентированная сторонами по сторонам света. Яма была перекрыта деревянными досками. Южная, западная и восточная стенки ямы по основанию обложены деревянными досками высотой 0,18 м, а северная стенка корой. На глубине 1,2 м на тростниковой подстилке лежал скелет женщины по диагонали ямы головой на юго-запад, на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища. В северо-восточном углу ямы стоял глиняный сосуд баночной формы. На костях запястья правой руки обнаружены бусины из стекловидной массы линзовидной формы. У фаланг кисти правой руки лежал раздавленный толстостенный сосуд с плоским дном. Рядом лежали истлевшие обломки деревянного столика,

Рис. 4.52. Котлы, металлическая посуда, орудия труда позднесарматской культуры. II—IV вв. н.э.

длиной 18 см, с бортиком по краям. Столик имел невысокие ножки — 1,5 см, диаметром до 3 см. У фаланг кисти левой руки лежало алебастровое напрясло высотой 3,5 см. В северо-западном углу ямы — кости овцы и обломок железного ножа с деревянной рукоятью. Длина лезвия ножа 5,5 см. Рядом найдена костяная ложечка длиной 14 см.

В северо-западном углу лежали части колесницы — деревянное колесо со ступицей, спицами и ободом.

Важнейшим отличием этого периода является усиление связей племен Западного Казахстана с Северным Причерноморьем. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бронзовых фибул и керамики, миниатюрных амфор, алебастровых сосудов, предметов туалета.

Шиловская культура (II—VI вв. н. э.). Период II—IV вв. — связан с «Великим переселением народов». Казахстан и степное Приуралье оказались в сфере влияния культуры хунну (гуннов), которые при движении с востока на запад принесли в культуру и этническую историю много нового. Здесь под влиянием местных племен сарматов и аланов сформировались совершенно новые, как свидетельствуют археологические материалы, обряды. С этим периодом связано распространение монголоидных черт в физическом типе древних племен.

Меняется обряд погребения. Если на протяжении столетий в обряде господствовала южная ориентировка с колебаниями на запад и восток, то в начале нашей эры, во II—IV вв., она становится северной или северо-западной.

Господствующим типом ям становятся: узкие подбойные ямы; узкие грунтовые ямы; широкие ямы.

Очень частыми в этот период являются находки скелетов с деформированными черепами (могильник Мамай, курганы № 2, 4, 5, 7, 8; Барбастау III, курганы III, 14 и др.). Инвентарь поздних сарматских погребений отличен от сарматских. Особенность проявляется в керамике, которая имеет черное лощение, а кувшиновидные сосуды — Г-образную вертикальную ручку, соединяющую венчик и верхнюю часть шаровидного тулова.

В погребениях поздних сармат встречаются импортные сосуды из северного Причерноморья — это красноглиняные кувшины со сливом и миниатюрные амфоры.

Встречаются сосуды восточного производства, характерные для джетыясарской культуры. Обычными в погребениях поздних сармат становятся находки фибул из северного Причерноморья с квадратной, ромбовидной и овальной формой щитка.

Характер указанного и другого инвентаря свидетельствует, что поздние сарматы были

активными посредниками в торговле между западом и востоком. Обратимся к конкретным погребениям.

Мамай I, курган № 12 располагается в центре могильного поля, диаметр его 4 м, высота 0,2 м.

Могильная яма длиной 2,2 м, шириной до 1 м, глубиной 0,8 м ориентирована с юго-запада на северо-восток. В яме, на глубине 0,7 м, под западной стеной подбойная ниша, длина ее 2,2 м, глубина в западной стене 0,8 м, высота 0,8 м. В нише обнаружен скелет мужчины, на спине, головой на северо-восток, кости рук вдоль туловища, кости ног вдоль ямы.

В северном конце ямы стоял глиняный сосуд в форме кувшина-крынки, со слегка вытянутым биконическим туловом, с высокой прямой горловиной. На верхней части тулова и средней части горловины петлевидная ручка с зооморфным изображением — небольшие подтреугольные выступы на ручке имитируют уши волка или собаки. Справа от скелета лежал железный меч длиной 60 см, ширина клинка до 4 см. Лезвие обоюдоострое, в разрезе линзовидное, на верхнем конце его сохранилась ручка в виде утонченного черешка, длиной 7 см, перекрестия нет.

ХОЗЯЙСТВО, БЫТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Переход к кочевому и полукочевому скотоводству. С началом первого тысячелетия до н.э. связана эпоха освоения древним населением обширных степных, горно-степных и полупустынных пространств, сложения у племен европейских и азиатских степей новой формы хозяйственной деятельности — экстенсивного скотоводства в его различных формах.

Уже в начале I тыс. до н.э. в степях, полупустынях и горных районах Казахстана полукочевое и кочевое скотоводство становится одной из основных форм хозяйства. Такие изменения обуславливались рядом причин, главными среди них были естественно-географические и социально-экономические факторы, теснейшим образом связанные между собой.

В конце II-го и начале I-го тыс. до н.э. в Казахстане, как и в других степных районах, менялся климат, он становился все более засушливым. Уменьшались площади естественных водоемов, что, в свою очередь, ограничивало в некоторых районах и резко сократило распространение земледелия в поймах больших и малых рек.

Переход к кочевому скотоводству означал экономический прогресс в жизни племен степей и пустынь. Хозяйственному освоению обширных пространств способствовал рост коневодства, получивший особенно широкий размах в начале первого тысячелетия до н.э. Использование степняками верховой лошади, появление конницы разрушали культурно-хозяйственную замкнутость отдельных районов, обеспечивали широкие экономические и культурные связи с соседями и отдельными племенами, народами и государствами.

Данные археологии позволяют говорить

о существовании в то время трех основных видов скотоводства: кочевого, полукочевого и оседлого.

Первый вид хозяйства базировался на круглогодичном кочевании населения в сухих степях, пустынях и полупустынях Западного и Центрального Казахстана.

Второй, полукочевой вид, хозяйства предполагал наличие постоянных зимних жилищ, куда скотоводы ежегодно возвращались на зимовку. Такой вид хозяйственной деятельности получил распространение в зонах чередования степной, лесной и лесостепной зоны, в горных районах Семиречья и Восточного Казахстана. В Жетысу второй основной базой экономики было земледелие, развивавшееся в оседлых поселениях.

Третий вид скотоводства — оседлое скотоводство — более всего был распространен в районах Южного Казахстана и Жетысу по берегам рек Сырдарья, Чу, Или, Таласа, Арыси, на склонах хребта Каратау, в местах, богатых естественными водоемами и обширными сенокосными угодьями. Природные условия и близость земледельческих центров Согда, Шаша и Ферганы обусловили преобладание в хозяйстве ирригационного и богарного земледелия, постоянную оседлость населения, раннее появление крупных земледельческих поселений, особенно в конце I тыс. до н.э.

Основным направлением скотоводства у кочевников было овцеводство и коневодство. Свидетельством этого являются находки в большинстве исследованных курганов костей овцы. Овцы разводились не только как мясные животные, от них также получали шерсть, необходимую для изготовления кошм, плетения

веревки и для сучения ниток. Как свидетельствуют куски кошм и обрывки веревок, обнаруженные в курганах, кочевники умели изготавливать разные кошмы: грубую, толстую, черную и белую кошму, по-видимому, для покрытия жилищ и для подстилки на пол, и тонкий мягкий белый войлок, напоминающий фетр для пошива одежды и головных уборов. Изучение костей животных из курганных захоронений показывает, что разводились овцы, близкие к современным казахской курдючной и адаевской породам. Преобладали в стаде грубошерстные овцы, но разводились и тонкорунные.

В жизни кочевника-скотовода и воина большую роль играл конь. Лошади были двух типов. Основную массу составляли табунные малорослые лошади, обладавшие высокой способностью к тебеневке и зимней пастбе. В погребениях воинов и знатных лиц встречается и верховой высокорослый тип лошади. Лучшие строевые кони требовали особого ухода, ценились чрезвычайно высоко и были доступны, по-видимому, только знати. Они являлись личной собственностью воина и убивались на могиле своего владельца, куда клались также принадлежавшие ему личные вещи.

Разводили крупный рогатый скот. Транспортным животным стал двугорбый верблюд.

Помимо скотоводства и земледелия — ведущих форм хозяйства — в качестве подсобного промысла продолжали существовать охота и рыболовство. Наскальные рисунки указывают на распространение у горно-степных племен верховой облавной охоты, применялась и загонная охота с помощью собак. Охотились на козлов, архаров, кабанов, оленей, лосей, дроф.

В Прииртышье и дельте Сырдарьи было распространено рыболовство. Найдено много рыболовных принадлежностей на поселениях чиркратской, джетысарской культуры.

Ремесла. Сырье, нужное для изготовления орудий труда, одежды, вооружения, жилищ, разнообразной утвари, древние скотоводы большей частью было местным. Ремесленники концентрировались в кочевых ставках, поселениях и городах. Кроме внутриобщинного обмена существовал и получил широкое распространение межродовой, межплеменной и межгосударственный обмен. Развивалась международная торговля по Великому Шелковому пути. Распространялись нередко на большие расстояния горнорудное сырье, драгоценности, украшения, шелк, кони.

Предполагалось, что древнее население территории Казахстана, Средней Азии и Сибири познакомилось с железом значительно позже, чем его западные соседи — скифо-сарматские племена. Геродот, например, описывая племена массагетов, прямо указывал, что «железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии». Однако, как показали исследования, уже в начале I тыс. до н.э. древние племена Казахстана были знакомы с такими легкоплавкими рудами, как красный и бурый железняк. О том же говорит и, теперь уже ставшая значительной, коллекция железных изделий VII—VI вв. до н.э. из курганов Центрального Казахстана и Семиречья (железные кинжалы, ножи, уздечные украшения), находки крицы и шлаков на ранне-несакских стоянках Восточного Приаралья.

Значительными были горные выработки на медь и олово. Высококачественная продукция мышьяковистых и оловянистых бронз из мощных центров цветной металлургии Саяка и Жезказгана, Калбы и Нарыма обусловлена тем, что бронзовые изделия долгое время с успехом конкурировали с железными.

Техника горного дела и первичной обработки рудного сырья практически ничем не отличалась от таковой андроновской эпохи. Значительных успехов достигли племена саков, усуней, кангюев, сарматов в бронзолитейном деле и технике обработки других материалов.

Изготавливались самые разнообразные изделия производственного и хозяйственно-бытового назначения. В качестве литейных форм использовались глина, металл, реже камень. Наряду с простейшими литейными формами, состоявшими из двух или трех разъемных створок для изготовления наконечников стрел, кинжалов, сакским металлургам были известны и такие способы отливки металлических изделий, как отливка так называемым методом «утраченной модели». Сущность его заключалась в том, что изготавливалась восковая или сальная модель, которую затем обмазывали глиной. После подсыхания глины вся форма нагревалась, и место растопившегося оригинала занимал вливаемый металл. Таким способом отливались крупные изделия: массивные медные котлы, большие столики-жертвенники, крупные колокольчики. В литейных формах в качестве упоров, разделяющих их на массивные створки, применялись специально сделанные цилиндрики, так называемые жеребейки. Для

отливки пустотелых скульптур животных применялись фигурные сердечники и литейные приставки. По выходе из формы большинство предметов подвергалось дополнительной обработке: заточке, шлифовке, сверлению. Существенным достижением древних литейщиков было освоение техники полуды, ибо луженые изделия меньше подвергались окислению.

Новые формы хозяйства, сравнительно более высокий уровень развития культуры, усложнение быта требовали все большего разнообразия орудий, оружия и предметов быта и культа. Однако сохранялись и наиболее совершенные формы бронзовых изделий эпохи бронзы, такие, как вислообушные топоры, желобчатые и копьевидные долота, серпы.

Особое внимание древние литейщики обращали на производство предметов конского снаряжения, вооружения и бытовой утвари. В раннесакское время конская узда отличалась громоздкостью и сложностью конструкции. Она состояла из бронзовых удил, концы которых оформлялись в виде миниатюрного стремени. Стремечковидные удила соединялись с ремнями оголовья при помощи так называемых псалий — стержневидных костыльков из бронзы, рога, кости с тремя отверстиями или петлями. Начиная с V в. до н. э., конская узда стала отличаться большей практичностью: концы удил делались кольчатými, псалий двудырчатыми и в целом конструкция узды заметно упрощена. Известно также много других принадлежностей конского убора: литые подпружные пряжки, бляхи, всевозможные пронизки для перекрестия ремней.

У саков вооружение состояло из луков со стрелами, кинжала колюще-рубящего действия, названного персами акинаком, длинных мечей, дротиков, копий и боевых топоров разной конструкции (клевцы, чеканы). Доспех воина состоял из бронзового шлема, небольшого щита и боевого пояса с прикрепленным к нему колчаном со стрелами.

Наконечники стрел были разными: более древние — бронзовые наконечники со втулкой и черешком. Первые — лавролиственной формы, ромбической или в виде неправильного ромба. Черешковые наконечники стрел имели боевую головку в виде трех радиально расходящихся лопастей. С V в. до н. э. на территорию Казахстана проникла, по-видимому, от скифов, форма втульчатых стрел с трехгранным сечением ударной головки. Наконечники становятся стандартными, более удобными для мас-

сового изготовления и постепенно вытесняют ранние типы. Появляются наконечники стрел, сделанные из железа, они повторяют форму бронзовых трехлопастных черешковых наконечников. В III—II вв. до н. э. наконечники из железа распространяются повсеместно.

Боевые кинжалы VII—VI вв. до н. э. отливались из бронзы. Отличительной чертой первых акинаков были навершия в форме грибовидной шляпки или массивного бруска и эфесы, отлитые в виде опущенных вниз шипов либо массивных овальных планок различной конфигурации. Навершия более поздних кинжалов, начиная с конца VI в. до н. э., имеют формы ломаных брусков концами вниз или вверх. Нередко навершия оформляются изображениями головок грифонов — фантастических хищных птиц или имеют форму кольца. Эфесы таких кинжалов по форме напоминают крылья бабочки или сделаны в виде простой планки. В царских захоронениях (Иссык) мечи и кинжалы инкрустированы золотом. Уже с конца VI в. встречаются кинжалы, сделанные из железа либо из железа и бронзы. Примером таких биметаллических кинжалов может служить акинак из могильника Айдабуль в Северном Казахстане. С VI—III вв. до н. э. железо становится единственным металлом при изготовлении боевых кинжалов.

Обычно колчаны и акинаки часто находят вместе с боевыми поясами. Сакские пояса отличались массивностью, обычно были наборными и украшались крупными золотыми или бронзовыми бляхами.

Самые частые находки бытовой утвари — ножи. Все они имеют прямой клинок небольших размеров и ручку, конец которой завершается кольцевым навершием или отверстием, пробитым в теле самой ручки. В производстве ножей уже в конце VI в. до н. э. железо почти полностью вытесняет бронзу. Изготавливались железные ножи простейшим способом: холодной ковкой, доступной и распространенной уже VII—VI вв. до н. э. Железные ножи со спинкой — наиболее частая находка в погребениях усуней и кангюев.

С VII—VI вв. до н. э. широко распространены бронзовые зеркала с массивным круглым диском и высокими бортиками по краям. Они прикреплялись к женским поясам при помощи петли, расположенной с тыльной стороны зеркала. В V — IV вв. до н. э. на смену им пришел тип зеркал с плоским диском меньших размеров и простой ручкой по краю диска. Сущест-

венно, что сакские зеркала отличны от андроновских прототипов тем, что их поверхность покрывалась полудой, расплавленным оловом, что придавало им блеск.

Наряду с обработкой металлов в сакское время существовали и другие виды ремесла: изготовление бытовой посуды, камнерезное и косторезное дело, выделка кож, прядение и ткачество.

Подвижный быт племен вызвал к жизни новые формы посуды, потребовал новых материалов — металла, кожи и дерева. В Центральном Казахстане, где кочевой быт был преобладающим, производство керамической посуды сводилось к минимуму, употреблялась кожаная, деревянная и металлическая посуда. В других районах, таких, как Семиречье, Прииртышье и лесостепные районы Западного Казахстана, керамическая посуда изготавливалась в значительном количестве. В Семиречье более всего были распространены сосуды приземистые, шаровидной формы, удобные при перевозках. Среди них наиболее часто встречаются низкие округлые чаши, массивные кружки с ручкой, кубковидные сосуды. Круглодонная посуда использовалась и у скотоводов Западного и Северного Казахстана, была сделана от руки из отдельных наращиваемых друг на друга глиняных полосок. В курганных захоронениях усуней Семиречья посуда более разнообразна по формам и типам. В поселениях при раскопках найдены большие сосуды для зерна и котлы.

Население горных районов Восточного Казахстана предпочитало глиняную посуду иных форм. Здесь часты кувшины с воронкообразной и прямой горловиной и приземистые горшки. В VI—IV вв. до н.э. поверхность таких кувшинов нередко покрывалась росписью минеральных красок темных тонов. В поселениях и погребениях саков Приаралья и кангюев встречена самая разнообразная керамика: это хумы — большие сосуды для хранения зерна, кухонные горшки, водоносные и столовые кувшины, кружки, миски. Обнаружены печи для обжига керамики.

Высокого совершенства достигла резьба по камню, техника одно- и двустороннего сверления и шлифовки абразивных материалов. Своего рода атрибутом скотовода и воина был точильный камень, подвешенный к поясу рядом с кинжалом и ножом. Для удобства ношения на поясе в верхней его части высверливалось специальное отверстие. Основным материалом для точильных камней служил песчаник. Этот

камень применялся при изготовлении каменных блюд-жертвенников. Для этой цели мастер с большим знанием дела выбирал наиболее красивые сорта песчаника с различными прожилками и разводами, ножки жертвенников часто украшались головами хищников, в частности волков.

Древние косторезы использовали в качестве материала сырье, которое давали сам тип хозяйства и охота. В обработку шли прежде всего трубчатые кости лошадей, баранов, маралов, грифельные косточки лошадей и рога маралов и диких козлов. Из кости и рога готовили наконечники стрел, псалии, наременные накладки, пронизи, проколки, пряжки и застежки, головные шпильки.

Прекрасно сохранившиеся гробницы из тяньшанской ели могильника Бесшатыр на р. Или, деревянные конструкции в кургане Береля и Чиликтинских курганах позволяют судить о некоторых деталях обработки и изготовления деревянных сооружений. Строительный лес для возведения бесшатырских гробниц заготавливался в 200-250 км на противоположном берегу р. Или в отрогах Заилийского Алатау. На месте вырубki снимали сучья и ветви и делали проушины на бревнах. Заготовленные бревна на специальных деревянных волокушах тащили до берега реки, связывали плоты, переплавляли на другой берег и доставляли к месту застройки. При подъеме массивных бревен на высоту 3 с лишним метра использовалась система рычагов и блоков. Сохранившиеся на бревнах следы обработки указывают на то, что в составе плотничьих инструментов были тяжелые бронзовые топоры-кельты, разнообразные тесла, долота, тесаки, ножи. Развито было столярное дело. Из дерева изготавливались сосуды для молока, деревянные чашки, блюда, ступки и другие виды домашней утвари, из бересты вырезались сложные зооморфные и растительные узоры, украшавшие седла, деревянные колоды-саркофаги, колчаны со стрелами, всевозможные футляры.

Высокоразвитое искусство художественной резьбы по дереву достигло племен Алтая. Основа многих украшений, выполненных в зверином стиле, изготавливалась из дерева, а затем обтягивалась золотой фольгой.

В Береле найден гроб-колода из цельного бревна лиственницы и прослежена техника обработки дерева при изготовлении сруба.

Строительство жилых сооружений из сырового кирпича, возведение стен, купольных и

коробовых перекрытий, перекрытий с использованием дерева получили развитие в южных регионах у саков Приаралья, населения Кангюя. Из сырцового кирпича сооружались полуподземные и подземные склепы у представителей оттарско-каратауской и джетыясарской культур. Кирпич использовался в качестве возведения стен, башен и других фортификационных сооружений городищ.

Общественный строй. Начало I тыс. до н. э. характеризуется интенсивным процессом разложения родоплеменных отношений и складыванием новых социальных форм.

В схематическом плане структуру общественного устройства можно представить следующим образом: группа малых родственных семей (патронимия) — кочевая община — племя — союз племен — государство.

Так, Бешатырский могильник представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры, но и как показатель имущественного неравенства. Большое число так называемых «царских» курганов в Жетысу свидетельствует о том, что здесь среди саков в VII — IV вв. до н. э. четко определилось имущественное неравенство.

Огромные «царские» курганы не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой элиты. Небольшое количество больших курганов в соотношении с тысячами средних и малых насыпей бесспорно свидетельствует о разделении общества на слои.

Семиреченские саки уже в V—III вв. до н. э. стояли на высокой ступени общественного развития. У них уже было государство.

Не случайно в IX—V вв. до н. э. в Казахстане появляются огромные каменные и земляные насыпи курганов типа Бешатыра, Исыка, Джетытобе, Чиликты и Уйгурак, а в ареале земледельческо-скотоводческих саков — сложные по архитектурному решению сырцовые мавзолеи Тагискена, некрополь Чирик-Рабат в Приаралье. Их раскопки доказали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу общества. Размеры курганных насыпей устанавливались в соответствии с принадлежностью к тому или иному социальному рангу. Правомерность аналогичной интерпретационной оценки сакских курганов подтверждается находками при раскопке в одних из них (царских) больших материальных ценностей в погребальных камерах, богатством одеяния и оружия, как это имело место в Исыкском кургане.

Исыкский погребальный инвентарь — показатель богатства и власти лица, принадлежащего к высшему рангу общества. Неизвестно сакское самоназвание титулатуры должностных лиц, но захороненных в Бешатырских и Исыкских курганах можно называть царями.

В сакском обществе на одном полюсе находились царь и царица, «первые» и «знатные» люди, всадники — конные воины, на противоположном — простой народ — пастухи и земледельцы.

Стратификация — расслоение на группы по имущественной значимости — у саков была аналогичной тому, что имело место у скифов европейских. У последних, согласно античным письменным источникам, имелись огромные курганы на специальных царских некрополях-кладбищах. Такая же ситуация была характерна и для савроматских и сарматских обществ в Западном Казахстане, где находились такие курганы, как Кырк-Оба, Тунгуш.

Умерших царей облачали в золотое одеяние, помещали в просторные погребальные камеры, а над ними сооружали архитектурный памятник — огромный курган. Обряд погребения других членов общества упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В ритуалах возвеличивания личности царя имела и политическая подоплека — ритуалы погребального обряда использовались как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать незыблемость династии царей. Сверкающая одежда возвеличивала личность царя, возводила его в ранг солнцеподобного бога. Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора подтверждает этот вывод. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора исыкского воина заложена сложная символика, воплощены каноны религиозного мировоззрения саков.

Значение исыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности — серебряной чаши с надписью. Факт существования письменности в обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства типа государственного образования. Процессы возникновения государства и письма были взаимосвязаны. Усуни, кангюи, хунну имели уже достаточно развитую государственность с

характерными признаками социальной дифференциации, властью царей, бюрократическим аппаратом, дипломатической практикой.

Культура и искусство. Культура и искусство племен Казахстана в период ранних кочевников достигли высокой степени развития. Металлургия железа, кочевое и полукочевое скотоводство привели к коренным изменениям форм материальной и духовной культуры. Единый в своей основе экономический базис евразийских племен, экономические и культурные связи вызвали к жизни во многом сходный облик культуры племен и народов, населявших территорию Южной Сибири, Алтая, Казахстана, Поволжья, Северного Причерноморья — саков, сарматов, скифов, усуней, кангюев, хунну.

Наука располагает немногими данными о бытовом укладе и жилище кочевников. В эпоху поздней бронзы была создана юрта — тип сборно-разборного жилища, отвечающего подвижному образу жизни. Характеризуя легендарных агриппеев, Геродот пишет: «Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без крыши». Последующая эволюция кочевого жилища привела к конструктивным усовершенствованиям юрты, но принцип ее постройки уже был известен в эпоху бронзы.

Наряду с переносными жилищами скотоводческих племен, как сообщают Геродот и Гиппократ, существовали войлочные жилища на четырех- и шестиколесных телегах, получившие наибольшее распространение у кочевников и полукочевников. В южных, восточных и северных районах территории Казахстана известны стационарные жилища на юге из саманного кирпича, на севере и востоке — из бревен. Появляются поселения и города у саков Сырдарьи и Приаралья, саков Семиречья с развитой фортификацией, домостроением. В эпоху усуней и кангюев формируется городская культура.

Есть данные об одежде, головном уборе и обуви саков. Так, Геродот об одной из групп саков сообщает: саки носили остроконечные шапки из плотного войлока, кафтаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры-сагари. Наглядное представление об одежде саков дают изображения на рельефах ападаны Ксеркса в Персеполе и на гробнице Дария в Пасаргадах. На них саки изображены в высоких остроконечных шапках; в облегающих кафтанах

до колен, опоясанные ремнем; в узких штанах и бескаблучной обуви; к ремню справа подвешен кинжал, слева лук.

Археологические находки подтверждают и дополняют эти представления. На изображениях на золотых и платиновых пластинах из Амударьинского клада жителей Средней Азии VI-V вв. до н.э. одежда и обувь близки к иранским рельефам, но у головного убора заостренный верх опущен вниз. На бронзовой статуэтке сака из Тараза изображен короткий кафтан со стоячим воротом, на голове боевой шлем с гребнем; на золотых бляшках из Семиречья всадник изображен в плаще-накидке.

Находка в кургане Иссык представляет редкую возможность реконструировать погребальную одежду, головной убор, обувь и расположение предметов украшения у сака царского рода.

В сакских курганах Горного Алтая благодаря мерзлоте сохранился набор одежды: белые полотняные рубахи, украшенные по основным швам шерстяной красной тесьмой, кафтаны из белого фетра и собольего меха, войлочные капюшоны, мужские и женские войлочные чулки, женские кафтаны с узкими декоративными рукавами и мягкие полусапожки с короткими раструбом сшитыми голенищами, детские и женские нагрудники, шитые из собольего меха.

Раскопки в урочище Джеты-асар дали возможность на основе остатков тканей, по поясам, украшениям и нашивкам восстановить костюм кангюйских мужчин и женщин.

Верования и культы. Судя по материалам погребений, бытовали культы мертвых и предков. Истоки этих культов основывались на вере в бессмертие умерших родичей, вере в существование потустороннего мира, где мертвые продолжают жить по обычаям, привычкам и правилам своей общины. Отсюда захоронение вместе с покойником имущества, соразмерного с его авторитетом и местом в обществе, сложный ритуал захоронения, характерный для каждого племени или группы племен, совершаемый на родовом или племенном кладбище. У скотоводов это, главным образом, районы зимовок. Сюда, как правило, доставлялись все умершие, независимо от времени года и территориальной отдаленности места смерти.

Погребальный обряд сакских и усуньских племен значительно отличается от обрядов предшествующего времени. Если для эпохи бронзы типичны каменные ограды и захороне-

ния в каменных ящиках, то у саков всех районов обитания господствующей формой становятся курганные могильники и захоронения в грунтовых могилах, имеющих в большинстве овальную конфигурацию. Появляются и новые конструкции погребальных камер в виде подбоев и катакомб.

Существовали и некоторые различия в деталях погребальных обрядов, имевшие локальный или временный характер. Например, савроматы Южного Зауралья и Западного Казахстана хоронили своих соплеменников в узких или широких прямоугольных грунтовых ямах, покрытых сверху деревянным настилом. У некоторых племен той же территории были распространены погребальные камеры квадратной и круглой формы, встречались ямы с уступами или заплечиками вдоль длинных стен.

У саков Приаралья своеобразны могилы с канавкой по периметру дна, погребения на земляной лежанке, могилы со столбовыми ямами, расположенными по углам дна или по кругу. В Семиречье и на Алтае богатые погребения совершались в больших деревянных срубках, построенных либо на древней поверхности, либо опущенных в грунтовые ямы. Для рядовых погребений этих районов характерен обычай коллективных захоронений или последовательных подхоронений в неглубоких грунтовых ямах. В Центральном Казахстане устойчивым типом погребальных сооружений были грунтовые ямы овальной формы с покрытием из каменных плит, здесь же бытовал особый тип надмогильных сооружений в виде курганов с каменными грядами. Различия в обряде погребения племен говорят о том, что у них не существовало строго единой системы религиозных представлений. У кангюев были распространены подкурганые захоронения в катакомбах, в могилах с подбоями, в наземных и полуподземных склепах, в могилах, выдолбленных в искусственных глинобитных платформах.

У племен Казахстана был распространен культ, связанный с почитанием огня, коня, солнца и других светил. Античные и древнеиранские источники прямо указывают на то, что главным почитаемым божеством у некоторых сакских племен было солнце, с которым тесно был связан образ небесного огня. В сакских погребениях Центрального Казахстана и других районов многократно установлен обычай жертвоприношения коней солнечному божеству, известны и разные варианты: захоронение трупа коня и его чучел, захоронение конских шкур с головой

и конечностями, погребение конской узды или отдельных ее деталей. Культ огня и солнца был распространен у усуней. У саков и усуней имелись своеобразные храмы под открытым небом в виде площадок, где горел огонь, где совершались жертвоприношения в честь праздников, связанных с цикличностью времени — наступлением Нового года, началом пахоты и окотом скота, наступлением сбора урожая и забоя скота.

Устраивались в храмах религиозные церемонии с коллективными трапезами. В церемониях использовались бронзовые и железные котлы, столы для подачи мяса, жидкостей. Здесь же возжигались в специальных светильниках священные огни. С помощью бронзовых сосудов с длинными ручками производился обряд очищения дымом сосны, арчи, травы адраспан.

Культ огня как священной всеочищающей стихии ведет свое происхождение от культа солнца. Он был распространен у большинства скотоводческих племен Евразии. С верой в очистительную силу огня, отгоняющего злых духов, связаны обряды сожжения деревянных надмогильных сооружений в Западном Казахстане. У савроматов и сарматов Илека и Урала, как и саков Приаралья, в погребениях часто находят красную краску — символ огня и солнца. С культами солнца, огня и домашнего очага связаны многочисленные находки бронзовых (Семиречье) и каменных (Приаралье, Центральный Казахстан, Южное Зауралье) алтарей-жертвенников.

В верованиях отчетливо прослеживается двойственное отношение к покойнику: с одной стороны, почитание его и поклонение, с другой — боязнь возвращения души умершего к живым соплеменникам. Культ огня в последнем случае, вероятно, нес своего рода оградительные функции. Именно с этой целью вокруг курганов при совершении обряда погребения разжигались десятки костров, как это было, например, в могильниках Кара-Оба в Центральном Казахстане и Бесшатыр в Семиречье.

Продолжали существовать такие древнейшие религиозные представления, как анимизм, тотемизм и магия. Анимизмом, верой в существование души у вещей, ученые объясняют часто встречаемые в погребениях савроматов факты умышленной порчи некоторых изделий. Поломкой оружия, зеркал и других личных предметов покойника, их современники способствовали освобождению души вещей, шедших вслед за душой умершего в страну мертвых.

Пережитки тотемизма и магии сохранились во всевозможных амулетах, талисманах и оберегах. Представления о происхождении рода или племени от какого-либо мифического животного-предка нашли отражение в металлических фигурах животных, как реальных, так и фантастических грифонах. Ими украшали оружие, чтобы оно помогало в битвах, конскую узду, которая делала неуязвимым боевое животное. О тотемах-животных, выступающих в образах хорошо знакомых сакам диких зверей, слагались мифы, прославляющие их быстроту, ловкость и, нередко, сверхъестественную силу.

Изобразительное искусство. Среди наиболее ярких проявлений культурного творчества племен сакского времени особое место занимает прикладное искусство. Главным его компонентом было искусство так называемого звериного стиля, оформившееся в VIII—VI вв. до н. э. и распространившееся среди племен Сибири, Казахстана, Средней Азии и юга Европы.

По месту первых находок, сначала в Скифии, а затем и в Сибири, это изобразительное творчество получило условное название скифо-сибирского стиля. Определяющей его темой стали изображения зверей, животных и мифических зооморфных чудовищ. Искусство звериного стиля, мифологическое по форме, носило декоративный характер. Большинство изобразительных приемов использовалось для украшения котлов и жертвенников, мечей и кинжалов, колчанов и боевых топоров, конской узды и зеркал, наверхий знамен и одежды.

Творчество древних художников находилось в тесном взаимодействии с реальными образами окружающего их животного мира. Оттуда сакские мастера заимствовали хорошо знакомые образы архара и тау-теке, тигра и кабана, марала и верблюда, степного орла и сайги, волка и зайца, лошади и лося. В наибольшем количестве сохранились изделия из бронзы и золота, в меньшем — изделия из дерева, войлока, ковры, известные по раскопкам курганов с мерзлотой на Алтае, кости, рога. Известны также изображения зверей, вырезанные из дерева, кожи, войлока.

Искусство звериного стиля условно можно разбить на три этапа: архаический, периоды расцвета и упадка. Для периода VIII—VII вв. до н. э. типичны одиночные или частичные изображения зверей, переданные в статичных позах. Более всего распространены скульптур-

ные фигуры горного козла, архара, рельефные изображения кабанов, лежащего с поднятой головой или стоящего хищника, олени с подогнутыми ногами или стоящими на кончиках копыт. Интересны две литые бронзовые фигуры козлов на двухколычатых подставках: козлы изображены несколько схематично, в позах как бы изготовившихся к прыжку, головы опущены, а большие рельефные рога касаются спины.

На двух бронзовых скульптурах из Семиречья реалистически показаны головы козлов с детальной проработкой рогов; скульптуры помещены на длинных конусовидных втулках. Еще одним образцом раннего бронзолитейного искусства является пустотелая фигурка архара из Северного Казахстана с поднятой головой и круто закрученными в спираль рогами, венчающая боевое оружие-чекан (Боровое), среди находок из Чиликтинского кургана (Восточный Казахстан) выделяются искусно выполненные золотые изделия в виде лежащего оленя с закинутыми на спину массивными рогами, парных фигурок оленей в геральдической позе, разные фигурки кабанов. Излюбленным приемом того времени было украшение бронзовых ножей головками или целыми фигурками хищников, а уздечных блях — конскими головами.

Искусство раннего этапа характерно отсутствием действия, в лучшем случае оно ограничено поворотом головы, как, например, на золотых фигурках орлов из Чиликты. Распространенным сюжетом является свернувшееся в кольцо животное, переданное как бы в утробной позе. Наиболее ранние образцы этого мотива известны из восточных районов евразийских степей.

В VI—IV вв. до н. э. в степях Евразии происходило стилистическое переоформление искусства звериного стиля. На смену статичным образам одиночных животных приходили сюжеты, полные динамики. Скульптурных изображений стало меньше, предпочтение отдавалось рельефным изображениям зверей в движении, композициям со сценами борьбы зверей, нападения хищников. Стремительность движения передается приемом «перекручивания» фигур, когда части туловища зверя оказываются развернутыми в противоположные стороны. Тот же эффект экспрессии образа выражается и другими техническими приемами: системой кривых линий, подчеркиванием частей тела животных специальными значками в виде спиралей, завитков, кружков, треугольников, скобок.

Уникальна по мастерству исполнения вереница зверей в лежачем положении на тонких

золотых пластинок сакского кинжала из кургана Иссык. Золотые пластинки украшают в виде прожилков обе стороны клинка акинака, на одной пластинке тонким рельефом оттиснуты двенадцать, на второй девять изображений. Среди них фигурки змей, лисицы, волка, архара, сайгака, тау-теке, зайца; все они переданы в лежачих, с подогнутыми ногами, позах, характерных для искусства раннего периода.

В III—II вв. до н. э. искусство звериного стиля постепенно приходит в упадок. Звериный стиль все больше превращается в орнамент. На смену ему приходит искусство так называемого полихромного стиля с техникой инкрустации цветным камнем, зернью. Образы животного мира превращаются в схему, растворяясь в пышном полихромном орнаменте. Это искусство не появилось откуда-то извне в готовом виде, оно родилось в недрах сакского искусства. Отдельные приемы орнаментальной полихромии вызревали уже в VII—VI вв. до н. э. Например, техника вставки цветных камней, зерни (напаивание золотых шариков на основу), перегородчатой эмали (залитка отдельных ячеек специальным составом) известна по изделиям из Чиликты, Жалаулы и другим памятникам. В V—IV вв. до н. э. известны десятки находок полихромного стиля на всей территории Казахстана, Средней Азии и Сибири. Возможно, именно в этих трех регионах формировались истоки мощного очага полихромного искусства, вытеснившего к концу I-го тысячелетия до н. э. сакское искусство звериного стиля.

В исторической литературе существуют две основные точки зрения на происхождение звериного стиля. Сторонники первой гипотезы считают, что это искусство звериного стиля было воспринято из Передней Азии, время его возникновения в Евразии связывают с вторжением скифских племен в 70-х годах VII в. до н. э. в Малую Азию. Этническое родство и культурная близость с мидянами способствовали быстрому распространению в скифо-сакской среде некоторых образцов древневосточного искусства, переработанных в дальнейшем скифами и саками соответственно своим вкусам и потребностям. В дальнейшем, примерно с V века до н. э., пути развития европейского и азиатского искусства существенно расходятся, что, по мнению ученых, было вызвано усилившимся влиянием на причерноморских скифов античной Греции, в то время как сакская культура и искусство продолжали испытывать прямое воздействие ахеменидского искусства Передней Азии.

Сторонники второй точки зрения не отрицают влияния переднеазиатской культуры на формирование искусства звериного стиля. Особенно сильным признается это воздействие в ахеменидское время, начиная с конца VI века до н. э., — именно в этот период появляются в сакском искусстве нехарактерные для саков образы льва, фантастического львиного грифона, геральдические композиции, в которых центральной фигурой является священное дерево либо фигура божества, растительные орнаменты в виде цветков или бутонов лотоса в целом. Однако происхождение искусства звериного стиля эти исследователи связывают с местной средой, относя его зарождение к эпохе поздней бронзы.

Не все еще ясно и в вопросах, связанных с определением содержания искусства звериного стиля. Вероятно, это искусство имело культовый характер. Образы животных отображали тотемных предков. В то же время искусство звериного стиля было по содержанию мифологическим. В многочисленных сюжетах борьбы зверей оно отражало напряженную родовую и межплеменную борьбу, доблесть подвига и жестокость завоевания.

Важным видом прикладного искусства саков был орнамент, развивавшийся параллельно с искусством звериного стиля, во взаимосвязи с ним.

Можно выделить несколько мотивов орнамента: геометрический, растительный, зооморфный, символический. Геометрический орнамент, сохранившийся на некоторых сакских изделиях из металла, войлока и в керамике, известен еще в искусстве андроновских племен. На сакских же изделиях он представлен фигурами в виде треугольников, круга, ромба, квадрата, елочным, меандровым и циркульным орнаментом.

Ювелирное искусство древних усуней наиболее ярко характеризуют золотые изделия, обнаруженные в Каргалинском ущелье неподалеку от Алматы. Среди находок два перстня со скульптурками двугорбых верблюдов, десять фигурок горных козлов, серьга с изображением мыши, грызущей человека, многочисленные бляшки. Все изделия выполнены из золота и инкрустированы бирюзой.

Особый интерес представляет каргалинская диадема.

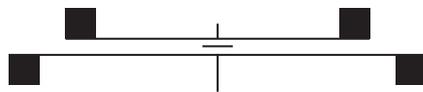
Для искусства кочевников Арало-Каспия характерна монументальная каменная скульптура. Подавляющее большинство из более чем ста изваяний, обнаруженных на святилищах Устюрта и Мангыстау, высечено из известняка и

воспроизводит фигуру мужчины-воина: правая рука опущена, левая согнута в локте и прижата к животу. При этом размеры фигур варьируют от 0,9 м до 3,8 м.

Особая ценность указанных памятников заключается в точном воспроизведении антропологического типа (европеоидный с чертами монголоидности) и одеяния. Костюм знатного воина состоял из верхней одежды типа кафтана, широкого, часто орнаментированного, пояса, штанов и мягких кожаных сапог. Голову воина защищала шапка или шлем из плотной кожи либо войлока. Набор оружия включал железный меч с прямым перекрестием и прямым либо антенновидным навершием, кинжал того же типа и лук в футляре-горите; там же находился запас стрел. Горит всегда подвешивался к поясу слева, меч в ножнах спереди, а кинжал (в ножнах) прикреплялся ремешками к правому бедру воина. Почти на всех изваяниях изображена одно- либо многовитковая спиральная гривна — шейный обруч, у скифов, саков, сарматов и

других народов служивший знаком высокого социального ранга и власти. Подобные гривны, изготовленные из драгоценных металлов, — неперемнная принадлежность инвентаря богатых кочевнических захоронений эпохи раннего железа. Помимо гривны знатные воины, судя по изображениям, носили спиральные браслеты (на правом запястье), а в ухе кольцевидную серьгу. Подобные предметы из золота также встречаются в погребениях сарматов и саков более северных районов.

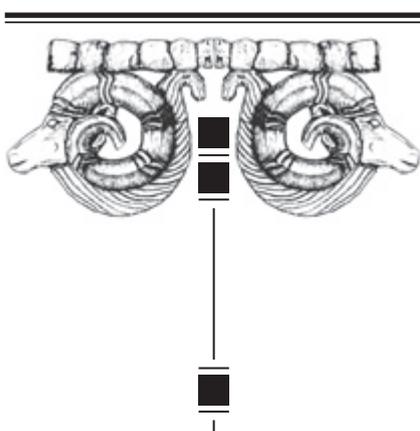
Искусство кангюйских племен известно благодаря находкам изделий из керамики — это сосуды с ручками в виде фигурок барана, сайги, хищников; подставки для ритуальных очагов в виде фигур барана, рогов быка. Известны фигурки мужчин из серебра, идольчики из домашних святилищ. Следует отметить, что древнее искусство тесно связано с религиозными представлениями племен и расшифровывать его можно лишь опираясь на религиозные представления древних.

глава V

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН
ЭПОХИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Глава V.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Эпоха великого переселения народов (II—V вв.) в значительной мере изменила состав населения на территории Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. В V в. многочисленные тюркоязычные племена расселились от Северной Монголии до Восточной Европы, а на юге границы их кочевий достигали верховьев Амударьи.

В 552 г. предводитель тюрков Бумын выступил против аваров (жуань-жуаней) и нанес им сокрушительный удар. На развалинах их государства тюрки создали Тюркский каганат.

На пути к политическому господству тюрки встретились с эфталитами, владения которых простирались от Каспийского моря до Северной Индии и Восточного Туркестана. Тюрки заключили с Персией союз против эфталитов, и в 564 г. персидский шах Хосров Ануширван отнял у последних важную стратегическую область — Тохаристан. Основные силы эфталитов были разбиты тюрками в 587 г. под Бухарой.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами торгового Шелкового пути, соединявшего Запад и Восток Евразии.

Западнотюркский и Тюркешские каганаты. Междоусобные войны в Тюркском каганате, начавшиеся при правлении Истеми-кагана и его сына Тюрксанфа, социальные противоречия ослабили каганат. И в 603 г. из Тюркского каганата выделился Западнотюркский каганат, занявший территорию от оазисов Восточного Туркестана до Амударьи, Поволжья, вплоть до северокавказских степей.

Ядром нового каганата стали «десять племен» (он ок будун), занимавшие древние усуньские земли от гор Каратау до Джунгарии. Столицей нового государства стал город Суяб.

Первым лицом в каганате был каган — верховный правитель, военачальник и владетель всей земли и народа.

Высшие титулы в каганате — *ягбу*, *шад* и *эльтебер* — носили только те, кто принадлежал к каганскому роду. Судебные функции выполняли *бююруки* и *тарханы*. Основное население каганата состояло из свободных мелких общинников-скотоводов (*карабудун*). Племена делились на аристократические и вассальные.

Военно-политические силы Западнотюркского каганата оказались недостаточными для удержания народов и племен в повиновении. В каганате происходили непрерывные междоусобицы, частая смена правителей, сопровождавшаяся неизбежным нарастанием центробежных сил.

Каганат был обречен. В 704 г. в Семиречье пришли к власти тюргеши, родоначальником которых был Уч-элик-каган (699—706 гг.).

Но междоусобицы и войны с арабами подорвали основу Тюргешского государства, и оно пало в 756 г. под натиском тюркоязычных племен карлуков.

Карлукское государство (766—940 гг.).

Первые сведения о карлуках, известных под названием *булак*, относятся к V в. Это были кочевые племена, занимавшие территорию между Алтаем и восточным побережьем оз. Балхаш. В середине VII в. в состав карлукского объединения входили три крупных племени — *булак*, *чигиль* и *ташлык*. Вожди карлукских племен носили титул *эльтебер*.

В 742 г. объединенные силы трех племен — карлуков, уйгуров и басмылов выступили против восточных тюрков. Тюрки были разбиты, и на месте их каганата возникло новое государство — Уйгурский каганат (744—840 гг.).

В 746 г. карлуки потерпели поражение от Уйгурского каганата и переселились в Семиречье. В середине VIII в. развернулась борьба между карлуками и огузами, которая завершилась победой карлуков; они образовали Карлукский каганат. Столицей его стали города Суяб и Тараз. Продолжая расширять границы, в 766—775 гг. карлуки захватили Кашгарию, а в конце VIII в. распространили свое влияние на Фергану.

Верховный вождь карлуков принял титул *джабгу*, а с 840 г. — титул *кагана*.

Арабские и персидские источники говорят о том, что карлукское объединение в IX—X вв. состояло из многочисленных родоплеменных групп. Так, арабский географ ал-Марвази (XII в.)

Рис. 5.1. Тюркский антропологический тип.

отмечает в составе карлукской конфедерации девять племен. Наиболее крупными кочевыми и полукочевыми племенами карлуков Жетысу и Южного Казахстана были *тухси*, *чигили*, *азкиши*, *тюргеши*, *халаджи*, *чафуки*, *барсханы*. Население, подвластное карлукам, не было этнически однородным: оно включало согдийцев, говорящих на персидском языке (фарси), переселенцев из стран Ближнего Востока и Центральной Азии.

В VIII—X вв. карлукские племена занимали обширную территорию Казахстана: от Джунгарского Алатау до среднего течения Сырдарьи.

Карлукский джабгу Бильге Кюль Кадырхан, правитель Испиджаба, открыто заявил о своих правах на верховную власть, приняв титул кагана. В конце IX в. правители государства саманидов разгромили карлуков и захватили их столицу Тараз. Карлукский каган перенес ставку в Кашгар.

Карлукский каганат раздирали междоусобицы, борьба за власть различных племен за пастбища. В 940 г. государство карлуков пало.

Арабские завоевания. Ко времени начала арабских завоеваний большая часть территории Средней Азии и Казахстана находилась под властью Западно-тюркского каганата. Многими среднеазиатскими владениями управляли династии тюркского или смешанного

происхождения. Расширялись хозяйственные контакты, росли экономические связи. Эти факторы сыграли важную роль в организации совместного отпора арабским завоевателям.

В 705 г. арабы от тактики набегов перешли к захвату областей к востоку от Амударьи — Мавераннахра. Наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим, захватив Балх в 706 г., двинулся на Пайкент (близ Бухары). Тюрگеши пришли на помощь согдийцам. Объединенные силы тюрков и согдийцев нанесли серьезное поражение арабским войскам. Лишь обманным путем Кутейбе, наместнику Хорасана, удалось столкнуть союзников между собой и вырваться из окружения.

В 712 г. Кутейба взял Самарканд.

В 712—713 гг. против арабов выступили объединенные силы тюрков, согдийцев, шашцев и ферганцев. В ответ Кутейба собрал большое войско и направил отряды в Фергану и Шаш. Большая часть поселений Шаша была сожжена.

В 714 г. Кутейба захватил Шаш (Чач) и совершил поход в Испиджаб.

В 723 г. карлуки Ферганы вместе с тюрками и шашцами нанесли крупное поражение арабам, преследуя их от Ходжента до Самарканда. Борьба шла с переменным успехом.

Тюргеши в период своего возвышения стали грозной силой, оспаривавшей у арабов

господство над Мавераннахром. Народные восстания при военной поддержке тюргешей привели к почти полному изгнанию арабов из Мавераннахра. Каган тюргешей действовал против арабов смело и решительно, за что получил у арабов прозвище «Абу Музахим» (Бодливый). В 737 г. он предпринял поход против арабов и дошел до Тохаристана, где объединился с карлукским джабгу. После возвращения в Семиречье каган был убит, и в стране тюргешей начались междоусобицы.

В 748 г. китайцы временно захватили и разрушили Суяб, а на следующий год был казнен владетель Шаша. Сын казненного обратился за помощью к арабам. В 751 г. у города Атлаха, около Тараза, развернулось грандиозное сражение между аббасидским военачальником Зиядом ибн Салихом и китайским полководцем Гао Сянь-чжи. Битва продолжалась пять дней. В решительный момент в тылу китайцев восстали карлуки и перешли на сторону арабов. Китайское войско было наголову разбито, а арабы подчинили себе Тараз.

В 766 г. после захвата власти в Семиречье борьбу против арабов возглавил карлукский джабгу.

В 806 г. в Согде вспыхнул мятеж во главе с Рафи ибн Лейсом, в котором приняли участие «владетель Шаша с его тюрками», карлуки,

Рис. 5.2. Население Средней Азии и Казахстана в IX—XI вв.: 1 — тюркский тяжеловооруженный воин; 2—3 — знатные

токуз-гузы и тибетцы. Подавив мятеж, в 810 г. арабы организовали поход на карлукский город Кулан.

В 812 г. арабский полководец Фадл ибн Сахл вступил в область Отрара, убил там начальника пограничной крепости и взял в плен сыновей карлукского джабгу и его жён, вынудив самого джабгу укрыться в стране кимаков. Но и после этого обстановка не разрядилась. Арабские историки отмечают, что Фараб, Испиджаб и Шаш — это наиболее беспокойные для арабов владения.

В начале IX в. бывшее политическое единство арабского халифата стало рушиться. Непрекращавшаяся борьба народов Мавераннахра против арабов создала благоприятные условия для захвата власти здесь местной феодальной аристократией. Так оно и произошло. С 20-х гг. IX в. в Хорасане и Мавераннахре стали править местные династии Тахиридов и Саманидов, а на Жетысу и на Средней Сырдарье — карлуки.

Государство Караханидов (942—1210 гг.).

В образовании государства Караханидов главную роль сыграли племена карлукской конфедерации. Родоначальником династии Караханидов был Сатук Богра-хан, который в 942 г. объявил себя верховным каганом.

тюрки; 4 — кимаки; 5 — карлуки (по М.В. Горелику)

В конце X в. Караханиды завоевали владения Саманидов в Средней Азии со столицей Бухарой. На севере граница между Караханидским государством и пределами Кыпчакского ханства проходила севернее города Тараза. На северо-востоке владения Караханидов простирались до озер Балхаш и Алаколь, на востоке они граничили с уйгурскими владениями.

В XI — XII вв. владения Караханидов раскинулись от Мавераннахра на западе до Жетысу и Кашгара на востоке.

Государство Караханидов делилось на многочисленные уделы. Границы уделов были неизменны, а удельные правители обладали настолько большими правами, что могли даже чеканить монеты со своим именем. Одним из крупных уделов, а скорее почти независимым государством, стало государство Карлукских джабгу в северо-восточном Жетысу, в Придзунгарье. Центром его был город Каялык.

В конце 30-х гг. XI в. государство Караханидов распалось на две части. Западное ханство включало весь Мавераннахр вплоть до Ходжента. Столицей его была Бухара. В состав Восточного ханства входили Тараз, Испиджаб, Шаш, Фергана, Семиречье и Кашгар. Столицей его был Баласагун.

Караханидские ханы стремились к централизации власти, но эти попытки были безуспешны, так как правители часто сменяли друг друга в борьбе за власть. Государство караханидов пало под ударами каракытаев.

Государства каракытаев (1128—1213 гг.) и найманов (1213—1219). Образование государства каракытаев тесно связано с киданями — центральноазиатскими племенами, которые упоминаются в письменных источниках с IV в. н.э. как монголоязычные племена, которые обитали к северу от Китая, на территории Маньчжурии и Уссурийского края. В 924 г. вся обширная территория от Алтая до Тихого океана перешла под власть Киданьского государства (империи Ляо). Местопребыванием правящей династии киданей был Северный Китай.

В 1125 г. империя Ляо пала. Кидани (40 тыс. кибиток) с полководцем Елюй Даши бежали на р. Эмьль и построили там город. В Жетысу киданей стали называть каракытаями.

В 1128 г. баласагунский правитель из династии Караханидов призвал каракытаев в союзники против притеснявших его канглов и карлуков. Елюй Даши, заняв Баласагун, свергнул караханидского правителя и основал собс-

твенное государство в Семиречье. Затем он совершил ряд завоевательных походов и раздвинул границы своей державы от Енисея на востоке до Таласа на западе. Затем карахытай присоединили Восточный Туркестан. В 1137 г. они разбили Махмуд-хана — правителя Мавераннахра, а в 1141 г. — сельджуко-караханидские войска. Таким образом, карахытай заняли Бухару и весь центральный Мавераннахр. Так, Семиречье, Южный Казахстан, Мавераннахр и Восточный Туркестан вошли в состав Карахытайского государства. Глава Карахытайского государства носил титул *гурхана*. Центром его владений был Баласагун. Завоеватели не уничтожили династию Караханидов, но принудили Караханидов быть их вассалами.

Однако часть Жетысу (Илийская долина) к северу от р. Или по-прежнему принадлежала карлукским ханам, в среде которых постоянно присутствовал представитель карахытайского правителя.

В 1208 г. в Семиречье бежали вытесненные из Монголии найманы во главе с Кучлук-ханом. Воспользовавшись выгодной ситуацией, Кучлук-хан и его союзники в 1211 г. пленили правителя карахытаев. Карахытайское государство прекратило свое существование. Власть в Семиречье перешла к найманскому предводителю Кучлук-хану.

Огузское государство. В середине VIII в. в результате борьбы с карлуками за тюркешское наследие значительная часть огузов, обитавших в Семиречье, покинула его и ушла в предгорья Каратау и долину реки Чу. В начале IX в. огузы в союзе с карлуками и кимаками разгромили кангаро-печенежское объединение и захватили низовья р. Сырдарья и степи Приаралья. В конце IX в. в союзе с хазарами они нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Урала и Волги.

Длительная борьба с печенегами способствовала политической консолидации в IX—X вв. огузского союза племен. В его состав вошли жители долины Сырдарья и арало-каспийских степей, с древних времен населявшие эти земли. Формирование огузской этнической общности было сложным и длительным. Ядро ее сложилось в Семиречье, а в процессе движения огузов на запад в него вошло кочевое и полуседлое население территории Южного и Западного Казахстана.

В конце IX — начале XI вв. огузские племена занимали обширную территорию от среднего течения Сырдарья до низовьев Волги. Кочевья огузов были разбросаны по рекам Ирғиз, Урал, Эмба, Уил, в предгорьях Сырдарьинского Каратау. Наиболее компактно они

Рис. 5.3. Население Средней Азии и Казахстана в IX—XI вв.: 1 — киданьский конник; 2—3 — кидани; 4—5 — кыпчаки

жили в среднем и нижнем течениях Сырдарьи, в Приаралье, Восточном Прикаспии. Границы огузских становищ достигали Южного Урала и Нижнего Поволжья, граничили с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном, где население было оседло-земледельческим.

В X в. степи, тянувшиеся на запад до Хазарии, а также степи Северного Прикаспия, Центрального Казахстана, Юго-Восточные Каракумы и Приаральские Кызылкумы назывались Огузской степью.

В X в. столицей огузского государства стал город Джанкент на Сырдарье, лежавший на стыке важных караванных путей, ведущих в Среднюю и Центральную Азию, Восточную Европу. Главой огузского государства был верховный правитель, носивший титул *джабгу*.

Государство огузов играло важную роль в политической и военной истории Евразии. В 965 г. в союзе с Киевской Русью они разгромили Хазарский каганат, а через 20 лет нанесли крупное поражение Волжской Булгарии. Все это способствовало росту политической мощи огузской державы.

Кимаки и кыпчаки. В VIII в. начинается формирование и усиление кимакского государства. Ранний этап истории кимаков связан

(по М.В. Горелику)

с Северо-Западной Монголией. К середине VII в. они откочевали в районы, расположенные севернее Алтайских гор, и в Прииртышье.

Во второй половине VIII — начале IX вв. кимакские племена двигаются на северо-запад — к Южному Уралу, на юго-запад — в Семиречье, бассейн Сырдарьи и Южный Казахстан.

Складывается кимакская федерация в составе семи племен: *эймур*, *имак*, *кыпчак*, *татар*, *байандур*, *ланиказ* и *аджлар*. Глава кимакских племен стал носить титул *байгу* (ябгу). Самым крупным и сильным племенем, находившимся под влиянием кимакского каганата, были кыпчаки. В период с VIII до начала XI вв. кимаки расселились на обширной территории — от Алтая и Иртыша на востоке до южноуральских гор и Итиля (Волги) на западе.

В конце IX — начале X вв. в предгорьях Южного Урала и к югу от него расселялись родственные кимакам куманские племена. Основная область их кочевий находилась в Мугоджарских горах, там же была их столица. К югу от них находились огузы и кимаки, на западе — печенеги, на северо-западе — болгары, на северо-востоке — кыпчаки.

После падения Кимакского каганата в начале XI в. военно-политическая гегемония на территории Казахстана перешла в руки кыпчакских ханов. Племенная знать кыпчаков вытеснила огузских джабгу из Центрального Казахстана, нижнего и среднего течения Сырдарьи, Приаральских и Прикаспийских степей.

В начале второй четверти XI в. появилось название Дешт-и Кыпчак (Степь кыпчаков) вместо бытовавшего до этого в письменных источниках Мафазат аль-гузз (Степь огузов). В середине XI в. кыпчаки стали продвигаться на запад от р. Итиль (Волги), вступая в контакты с народами Руси, Византии, Венгрии. Историко-географическая область Дешт-и-Кыпчак занимала территорию от р. Иртыш до р. Днестр. Ее условно можно разделить границей по Волге на два крупных этнотерриториальных объединения: Западнокыпчакское и Восточнокыпчакское.

Кыпчакская территория вобрала в себя кыпчакские, а также кимакские, куманские, древнебашкирские и огузские племена. В нее вошли и многочисленные племена канглов, занимавших в XII в. пределы Приаральских степей, а также карлуки и чигили.

Расселение кыпчакских племен к середине XI в. происходило на обширной территории от Алтая и р. Иртыш на востоке до р. Итиль (Волги) и Южного Урала на западе, от оз. Балхаш

на юге до лесостепной полосы Юго-Западной Сибири на севере.

Во второй половине XI в. кыпчаки расселились на Мангышлаке и Устюрте, где совместно с ними кочевали группы огузских племен.

Кыпчакские ханы расширили на юге пределы своего государства, достигнув окрестностей г. Тараза, где возвели укрепление Канджек Сенгир. Озеро Балхаш служило естественной границей между кыпчаками и караханидами. На востоке, на Алтае и в верховьях р. Иртыш, кыпчакские земли граничили с владениями канглов, найманов и керейтов. Северные границы Кыпчакского ханства проходили по лесостепной зоне, отделяющей нынешнюю казахскую степь от Сибири. На западе соседями кыпчаков были народы Поволжья и Приуралья: болгары и башкиры.

На территории Казахстана кочевья кыпчаков находились по рекам Ишим, Тобол, Нура, Илек и Сарысу. С зимовок на Мангышлаке и Устюрте группировки кыпчаков на лето уходили в долины рек Эмбы, Сагыз, Уила, Кобды, Жаика (Урала).

В начале XIII в. в состав государства Хорезмшаха Мухаммада (1200—1220 гг.) вошла кыпчакская область Сыгнака, однако, несмотря на потерю Сыгнакского владения, кыпчакские ханы продолжали вести упорную борьбу с Хорезмом. Хорезмшах Мухаммад совершал военные походы на север против Дешт-и Кыпчака. В 1216 г. во время одного из таких походов против Кадыр-хана он дошел до р. Ирғиз, где в Торгайских степях столкнулся с войском Чингис-хана, преследовавшего меркитов, бежавших в страну кыпчаков. Это было первое появление монголов на территории Казахстана. Наступила эпоха монгольских завоеваний.

Монгольское нашествие и образование Монгольской империи. Монгольские племена к середине XII в. продвинулись с берегов Орхона и Керулена на запад, оттеснив с территории Монгольского Алтая и верховьев Иртыша найманов и кыпчаков. Монголы занимали территорию от Байкала, верховьев Енисея и Иртыша на севере до пустыни Гоби на юге.

Бесконечные распри и войны между монгольскими и тюркскими племенами — монголами, керейтами, найманами, татарами, хунгиратами (кунгратами) и многими другими — завершились в начале XIII в. образованием Монгольского государства во главе с Чингисханом.

В течении 20 лет в жестокой борьбе Темучин шел к единоличной власти почти над всеми монгольскими племенами. В 1205 г. на хурале (съезде) монгольской знати Темучин был провозглашен верховным правителем — Чингисханом.

В исторических источниках завоеватели назывались по-разному: «монголы», «татаро-монголы», «татары», «монголо-татары». Этноним «татары» относился только к части восточно-монгольских племен. Все население Монголии в Китае называлось «тата́рами», и из китайских источников оно перешло в арабские, персидские, русские и западно-европейские источники. Сам же Чингисхан и его окружение называли себя «монголами», а свое государство — «монгольским». Слово сочетание «татаро-монголы», или «монголо-татары», появилось позднее.

Рис. 5.4. Знатные монголы периода Великой империи. (по М.В. Горелику)

После вторжения в Китай и его завоевания (1211—1215 гг.) в монгольской армии появилась китайская военная техника — стенобитные, камнеметные и огнеметные орудия.

К 1218 — 1219 гг. монголы подчинили многие народы соседних стран. Были захвачены земли енисейских кыргызов и бурят, добровольно принял монгольское подданство владетель Уйгурского Турфанского княжества. После разгрома войск Цзиньской империи монголы заняли Северный Китай.

Следующей задачей Чингисхана было завоевание Запада — Средней Азии и Ирана, Ближнего Востока и Закавказья, Восточной Европы.

Жетысу было занято монголами без сопротивления. В итоге восьмилетнего владычества найманского предводителя Кучлука, его войн

Рис. 5.5. Знатные монголы — чагатаиды.
(по М.В. Горелику)

с хорезмшахом Мухаммадом и карлукскими владетелями население Семиречья было вконец разорено. Вызывали возмущение и гонения Кучлука на мусульман, поэтому монголы, проявившие веротерпимость, были встречены как избавители. Кучлук бежал в Среднюю Азию, был настигнут монголами в Бадахшане и убит.

Еще раньше в 1210—1211 гг. под власть Чингисхана перешел владетель карлуков Арсланхан. В 1217 г. правитель уйгуров Бузар также стал вассалом монгольского хана. В 1218 г. без боя сдался монголам город Баласагун.

Захват Восточного Туркестана и Семиречья открыл монголам путь в Среднюю Азию через Южный Казахстан.

Направившись с основными силами в сторону Бухары, Чингисхан оставил несколько туменов во главе со своими сыновьями Чагатаем и Угэдэем для осады Отрара, который пал после шестимесячной обороны. Несколько отрядов монголов были отправлены вверх и вниз по Сырдарье с приказом занять расположенные там города или уничтожить их в случае сопротивления, были захвачены Сыгнак, Асанас, Дженд, Янгикент.

В результате нашествия монголов в 1219—1224 гг. территория Казахстана вошла в состав империи Чингисхана.

Казахстан в составе монгольской империи.

Территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: большая (степная) часть — в состав Улуса Джучи, куда были включены также северная часть Жетысу, Южный и Юго-Восточный Казахстан. Основная территория Семиречья вошла в Улус Чагатая, а северо-восточная его часть — в Улус Угэдэя.

Чингизиды стремились превратить свои улусы в независимые владения. После смерти Чингисхана (в 1227 г.) эта тенденция стала нарастать, и империя распалась на несколько независимых государств.

В Чагатайском улусе, главным образом на территории Жетысу, шли бесконечные войны претендентов за власть между потомками Чагатая и Угэдэя. В междоусобную борьбу втягивались группировки кочевых феодалов, поддерживавших тех или иных Чингизидов.

Междоусобицы при преемниках Хайду в первой половине XIV в. завершили процесс экономической разрухи в Семиречье. Махмуд ибн Вали писал о борьбе сыновей Хайду и правнука Чагатая — Дува-хана: «В то время,

когда наши отцы враждовали с вашими и вели борьбу, много людей погибло, области были опустошены, владения (икта) превратились в мираж, а земля на пашнях иссохла... города и строения были разрушены, а люди покинули их и превратились в бродяг».

Но этот процесс начался еще раньше, и само монгольское нашествие, которое хотя и не сопровождалось физическим разрушением городов, несло заряд негативных для городской культуры последствий.

Огромная армия, следовавшая через Семиречье, не могла не оказать губительного влияния на хозяйство этой области уже во время нашествия, сопровождающегося беспорядочными грабежами. Значительный упадок городов и земледелия, превращение культурных земель в пастбища произошли уже в ближайшие десятилетия после установления монгольского господства в этом крае.

Преемником Джучи, умершего в том же, 1227 г., стал его сын Бату. Он предпринял завоевательные походы на территорию Западного Дешт-и Кыпчака, в земли волжских булгар и далее — на запад. Были разгромлены крупнейшие русские княжества, опустошены Польша, Венгрия, Чехия и другие страны. В итоге семилетнего похода (1236—1242 гг.) под властью Батыя оказались земли к западу от Волги до низовьев Дуная, включая Крым, Северный Кавказ, западно-кыпчакские (половецкие) степи. Батый основал в низовьях Волги новое монгольское государство — Золотую Орду. В него вошли территории Улуса Джучи: Восточный Дешт-и Кыпчак, часть территории Хорезма и Западной Сибири, а также вновь завоеванные земли на западе.

Основанное Батыем государство называлось в восточных источниках Улусом Джучи, а также по именам ханов-джучидов (Улус Бату, Улус Берке) и Золотая Орда. Столицей был город Сарай-Бату (вблизи Астрахани), позднее — город Сарай-Берке.

Золотая Орда была многоэтническим государством. Она включала в себя множество племен и народностей, различавшихся между собой по уровню общественно-экономического развития и обладавших своеобразной культурой и обычаями. Основную массу кочевников составляли тюркские племена, главным образом кыпчаки, канглы, карлуки и многие другие. В оседлых областях жили булгары, мордва, русские, греки, черкесы, хорезмийцы. Монголы составляли в Орде меньшинство, а в

конце XIII и в XIV вв. монголы фактически тюркизовались.

Покоренное население облагалось тяжелыми податями и повинностями: поземельный налог, откупы, почтовая повинность, содержание гарнизонов и проезжих воинских отрядов (до двадцати видов), воинская повинность (население обязано было поставлять ратников для монгольского войска).

Но следует отметить, что монгольское завоевание сыграло и положительную роль. Монгольские власти стимулировали развитие торговли, международных связей, ввели повсеместную систему почтовой и ямской службы. Были установлены торговые и культурные связи между прежде далекими народами. По территории улусов двигались торговые караваны, дипломатические миссии, путешественники отправлялись в дальние края и привозили в Европу сведения о далеких странах и народах ранее неведомой Азии. В результате трех больших походов войск Тимура (в 1389, 1391 и 1395 гг.) Золотая Орда была разгромлена. Во время походов на Золотую Орду войска Тимура грабили население Казахстана, Кавказа, Южной Руси. Были разрушены все крупные города Золотой Орды, в Западном Казахстане, Поволжье и Крыму.

Государство Ак Орда. На территории Восточного Дешт-и Кыпчака в XIII — начале XV вв. сформировалось государство Ак Орда (Белая Орда).

По свидетельству Рашид ад-Дина (XIV в.), восточную часть Улуса Джучи получил один из старших сыновей Джучи — Орда Еджен — вместе со своими тремя братьями еще при отце. Преемники Орды были фактически самостоятельными правителями, «независимыми государями своего Улуса», лишь номинально признававшими себя вассалами потомков Бату хана.

В Улус сына Орда Еджена первоначально входили земли северо-восточной части Семиречья, Прииртышья, степи до горных массивов Улутау и Кентау. В междуречье Яика, Иргиза, Тобола и Сарысу, в приаральских степях и низовьях Сырдарьи находился Улус еще одного сына Джучи Шайбана.

Политический центр Ак Орды переместился на юг Казахстана, и столицей ее стал город Сыгнак.

В связи с этими событиями, очевидно, связано изменение названия государства: ряд современных исследователей называют это

государственное образование на территории Казахстана Кок Ордой (Синей Ордой). Видимо, первоначально владения Орда Еджена назывались Кок Ордой, а Шайбана — Ак Ордой (возможно, Ак Ордой назывались и все владения Бату хана, включая и Улус Шайбана). После вхождения Улуса Шайбана в состав владений потомков Орды название «Ак Орда» перешло на все государство. В исторических источниках оно известно с XV в.

Ак Орда возникла и сформировалась как самостоятельное государство в послемонгольский период. Постепенно возрождалось хозяйство, усиливались позиции местной тюркской знати. Ак Орда была населена тюркоязычными племенами. Некоторые из них издавна обитали в степях Казахстана, а некоторые переместились сюда во время нашествия Чингисхана из восточных районов.

Политическую историю Ак Орды можно разделить на три этапа. Вначале Ак Орда вела длительную борьбу за освобождение территорий Восточного Дешт-и Кыпчака из-под власти Золотой Орды. Затем акордынские ханы вмешивались в дела Золотой Орды. А на заключительном этапе велась борьба против правителя Мавераннахра эмира Тимура и Тимуридов.

Окончательно порвать с зависимостью от Золотой Орды удалось к середине XIV в. ханам Ерзену и Мубарак-ходже (1320—1344 гг.). Значительно укрепилась Ак Орда при хане Урус-е, правившем в 60—70 гг. XIV в. На него пала основная тяжесть защиты Ак Орды от агрессии Тимура.

Политика Тимура в отношении Ак Орды тормозила этническое объединение и государственное развитие.

В результате захватнических войн Тимура и внутренних усобиц в конце XIV — начале XV вв. Ак Орда значительно ослабла. На некоторое время в 1423—1428 гг. власть своей династии в Ак Орде восстановил внук Урус-хана — Барак. Вскоре он погиб, и правление на территории большей части Ак Орды перешло к Шайбаниду Абулхаиру.

Государственное объединение Ак Орда, фактически самостоятельное в политическом отношении, экономически независимое, с собственной внешнеполитической ориентацией, со своей династией правителей, сыграло важную роль в политической консолидации этнических групп, племен и народов, населявших Казахстан на рубеже XIV—XV вв.

Государство Могулистан. Могулистан образовался на территории Юго-Восточного Казахстана в середине XIV в. Он включил территорию северо-востока Средней Азии, Жетысу и Восточный Туркестан.

В Могулистане феодальная знать во главе с представителем крупного племени дуглатов эмиром Пуладчи в 1347—1348 гг. поставила ханом нового государства Чагатаида Тоглук-Тимура, которому удалось стать основателем династии правителей Могулистана.

Историко-географический термин «Могулистан» (Моголистан) образован от этнонима «могул» («могол»). Так произносился в Средней Азии и Казахстане, а также писался в тюркоязычных и персоязычных исторических сочинениях этноним «монгол».

Границы государства Могулистан изменялись на протяжении его существования. Они тянулись «на 7—8 месяцев пути» от Ташкентского и Туркестанского вилайетов на западе до озера Баркуль и города Хами на востоке; от Балхаша, Тарбагатая и Черного Иртыша на севере до Ферганы и земледельческих оазисов Кашгарии на юге.

В составе населения Могулистана было множество тюркских и тюркизированных монгольских племен (дуглаты, канглы, керейты (керей), уйсун и других), составивших тюркоязычную этнополитическую общность с названием «могулы» («моголы»).

Политическая история Могулистана заполнена феодальными войнами, усобицами, отражением нападений со стороны соседних государств. Чаше всего приходилось обороняться от вторжений Тимура.

В результате изнурительной борьбы с агрессией Тимура Могулистан распался на уделы. Восточные рубежи Могулистана чаще стали подвергаться нападениям ойратов — западной части монголов (в среднеазиатских источниках они назывались калмаками). Многократно сражался с ними Вайс-хан (1418—1428 гг.). Он вынужден был перенести свою ставку из Турфана в местность Илибалык в Жетысу.

После Вайс-хана все более обнаруживались признаки упадка Могулистана. В междоусобной борьбе верх одержала группировка знати, поддерживавшая сына Вайс-хана Есен-бугу (1433—1462 гг.).

В результате постоянных войн за владения ханы раздробили государство. Могулистан прекратил существование.

Ханство Абулхаира. В 20-х гг. XV в. на степных просторах Казахстана образовалось Ханство Шайбанида Абулхаир-хана. Обособление его произошло в результате распада Ак-Орды.

Абулхаиру, который был избран ханом в 1428 г., удалось создать и удерживать власть в течение сорока лет на обширной территории степных районов Казахстана. Территория Ханства Абулхаира простиралась от Яика (Урала) на западе до Балхаша на востоке, от низовий Сырдарьи и Аральского моря на юге до среднего течения Тобола и Иртыша на севере.

Этнический состав населения ханства был таким же сложным, как и состав населения *Ак-Орды*. В него входили, в основном, те же тюркские племена. Источники называют в их числе такие этнические группы, как *кипчаки*, *найманы*, *мангыты*, *карлуки*, *конграты*, *канглы*, *уйсуни*, *уйгуры* и др. Это были потомки населения раннесредневекового Дешт-и Кыпчака и Юго-Восточного Казахстана.

В конце XIV — первой половине XV вв. они были известны также под общим этнополитическим именем *узбеки*, а Ханство Абулхаира имело и другие названия — Государство кочевых узбеков, *Узбекское ханство*.

В конце 50-х — начале 60-х гг. в западную часть Могулистана от Абулхаира откочевала часть племен во главе с султанами Джаныбеком и Гиреем, против которых он предпринял поход в 1468 г. В пути Абулхаир-хан умер.

Ханство Абулхаира распалось. Причины послужили особенности этого государства: отсутствие прочных связей между отдельными частями государства, а также постоянные династийные распри и усобицы за раздел территории, недовольство рядовых кочевников гнетом, которое вызвало откочевки людей на другие территории. Причины распада были те же, что в Ак Орде и в Могулистане.

Ногайская Орда. Ногайская Орда возникла в ходе распада Золотой Орды и была одним из крупных государственных объединений. В XIV — XVI вв. она занимала часть территории Западного Казахстана. Первоначально это объединение племен между Уралом и Волгой называлось Мангытским юртом, по названию одного из наиболее крупных племен — мангытов.

Границы Ногайской Орды, как и других кочевых государств, менялись в зависимости от внешнеполитической обстановки. Ко второй

половине XV в. ногаи вышли за пределы левобережья Урала и стали продвигаться к востоку и югу, занимая кочевья в Ханстве Абулхаира.

Этнический состав Ногайской Орды до периода завершения консолидации тюркских народностей был близок к составу племен Ак Орды и Ханства Абулхаира. В Ногайскую Орду входили тюркские и тюркизированные монгольские племена и племенные объединения: *мангыты*, *кыпчаки*, *канглы*, *конграты*, *найманы*, *уйсуни*, *карлуки*, *алиши*, *тама*. Ногайская Орда возникла как этнополитическое объединение. Входившие в нее племена составили основу ногайской народности, сформировавшиеся к концу XV в.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств к России, а также в результате междоусобиц среди ногайского правящего рода Ногайская Орда распалась на несколько самостоятельных орд.

Казахское ханство. Казахские ханы собирали воедино земли, подготовленные к общей государственности и объединению долгим этнополитическим и хозяйственно-культурным развитием.

Формирование в XIV—XV вв. единого экономического региона на базе естественной интеграции областей со смешанной экономикой кочевой, скотоводческой и оседло-земледельческой, городской, с торгово-ремесленным направлением хозяйства подготовило условия к объединению всех земель региона в одной политической структуре. Укрепление экономических, культурных, общественно-политических связей кочевого и оседлого регионов также способствовало этническому объединению казахских родов и племен, фактическому завершению длительного процесса сложения народа.

Эти обстоятельства явились объективными причинами и условиями формирования собственно казахской государственности.

Действия первых казахских ханов, направленные на создание и упрочение единого государства, были поддержаны верхушкой казахских родов и племен. Значительная часть ее сплотилась вокруг Гирея и Джаныбека еще в 40—50-х гг. в южных районах Казахстана — в предгорьях Каратау, в низовьях Сырдарьи, северной части Туркестана. В руках Джаныбека и Гирея находились городские центры и крепости в предгорьях Каратау и на Сырдарье (Сузак, Сыгнак, Сауран). Поддерживавшие Джаныбека и Гирея кочевые роды и племена не имели возможности совершать традиционные перекочев-

ки в степные районы Казахстана. Эти районы были заняты кочевыми подданными Абулхаира, которые, в свою очередь, были лишены возможности вести торговый обмен, кочевать на привычные места зимовок в районы Нижней и Средней Сырдарьи. Враждебные отношения между племенами улусов Шайбана и Орды еще более усугубились после занятия Абулхаиром в 1446 г. Сузака, Сыгнака, Аркука, Узгенда, Ак-Кургана. Подданные Джаныбека и Гирея сосредоточились в низовьях Сырдарьи, в восточной части предгорий Каратау. От этой политической разобщенности страдали подданные и шайбанидов, и казахских правителей, поскольку были нарушены традиционные экономические и культурные связи, этнополитическое взаимодействие.

Еще в 20-х гг. XV в. ойраты стали нападать на Семиречье в поисках пастбищ, добычи, выхо-

Рис. 5.6. Казахи XV—XVI вв. (по М.В. Горелику)

да на торговые центры. В 50-х гг. они появились на территории Туркестана. В 1457 г. Абулхаирхан потерпел от них жестокое поражение.

Незатухавшие усобицы и войны тяжело отражались на положении народных масс. Возмущение народных масс вылилось в характерную для средневекового общества форму сопротивления — откочевку из-под власти своего правителя. Начиная с конца 50-х гг. XV в. в течение десяти лет произошла одна из таких откочевок — массовое перемещение части населения из Восточного Дешт-и Кыпчака, оазисов Туркестана и предгорий Каратау в западную часть Семиречья, на территорию Могулистана. Джаныбек и Гирей возглавили роды и племена, уходившие за пределы Ханства Абулхаира.

Казахское ханство в первое время занимало территорию Западного Семиречья, долины Чу и Таласа. Оно объединяло как местные, так и переместившиеся из Центрального и Южного Казахстана казахские роды и племена.

Мухаммад Хайдар дуглат относит время образования Казахского ханства к 1465—1466 гг., называет и другую дату — 1470 г.

В конце XV в. Казахское ханство укрепилось экономически и расширилось территориально, включив значительную часть этнической территории казахов.

К началу XVI в. Казахское ханство занимало территорию Сары-Арки и часть Могулистана.

Наибольшего могущества Казахское ханство достигло в первой четверти XVI в., особенно в годы правления (1512—1521) сына Джаныбека — хана Касыма (род. ок. 1455 г.).

Число подданных хана Касыма определялось современниками в миллион человек. При нем о Казахском государстве узнали в западных странах.

В 20-х гг. XVI в. после смерти Касыма междоусобицы Джучидов на время ослабили Казахское ханство. Против казахов сложился союз узбекских и могульских правителей. Были потеряны присырдарьинские города. Туркестанский вилайет оказался в подчинении шайбанида Убайдаллах-султана. Казахский хан Тахир (1523—1533) потерпел неудачу в борьбе с Ногайской Ордой, безуспешно пытался отвоевать сырдарьинские города. Распри заставили Тахира бежать в Семиречье, где он вступил в союз с кыргызами против могульского хана Султана Сайды.

До конца XVI в. присырдарьинские города Сыгнак, Отрар, Туркестан (так стал называться с XVI в. город Ясы) и другие входили в состав государства шайбанидов Мавераннахр.

Основными направлениями политической активности казахских ханов второй трети XVI в. были: юго-восток, где в союзе с кыргызами они воевали против могулов и ойратов, а также запад и север, где у казахов были сложные взаимоотношения с ногайцами, башкирами, татарами.

Хакк-Назархан пытался восстановить право казахов на земли, составлявшие огромную территорию Казахского ханства при его отце Касыме.

В 1586 г. Таваккул (Тевеккел, сын Шигая) захватил ряд городов в Туркестане, пытался взять Ташкент. В период с 1586 по 1594 гг. ему пришлось утверждать свое право на ханствование в длительной борьбе с другими казахскими султанами, сыновьями Хакк-Назара.

При новом казахском хане Есиме (1598—1628), сыне Шигая, в состав Казахского ханства вошел Туркестан с его городами, а также Ташкент и на некоторое время Фергана.

Так окончилась длительная борьба казахских ханов за оседло-земледельческие районы Южного Казахстана и города на Средней Сырдарье.

В XVII в. внутривластная жизнь в Казахстане не отличалась стабильностью. Казахское ханство все более распадалось на части, усиливались феодальные распри. Различные группы кочевой знати соперничали между собой. Постепенно в каждом из трех жузов появились самостоятельные ханы. Осложнилось внешнее положение Казахского ханства.

С образованием в 1635 г. Джунгарского ханства возросла опасность захвата джунгарами казахских земель в Прииртышье и Семиречье. Теснимые Цинской империей, они в поисках пастбищ и выхода к торгово-ремесленным центрам юга Казахстана и Средней Азии претендовали на казахские земли.

В конце XVII в. джунгарская армия вторглась в Семиречье и Южный Казахстан. Были разгромлены несколько казахских улусов, захвачено девять городов, среди них — Сайрам, Манкент, Карасаман и другие. Жители Сайрама оказали достойное сопротивление — был убит джунгарский наместник. Это вызвало повторное вторжение джунгар в Южный Казахстан. Сайрам был взят и разрушен; часть его жителей была уведена в Джунгарию и Восточный Туркестан.

Укрепление Казахского ханства в период правления хана Тауке (1680—1718), союз казахов с кыргызами и каракалпаками ослабили на некоторый период натиск джунгар на казахские земли. Во время джунгарского нападения в 1680 г. на Южный Казахстан только город Туркестан не был разграблен, так как в нем находился с войсками хан Тауке.

Джунгарские погромы были одной из причин угасания жизни городов на юге Казахстана. Набеги джунгар перерезали важные торговые пути, наносили большой ущерб хозяйству мирного населения.

Хану Тауке удалось несколько нормализовать политическую ситуацию в распадавшемся ханстве. Он предпринял ряд мер для поднятия авторитета ханской власти, преодоления сепаратизма знати, консолидации народа. Он искал пути союза и мирных отношений с соседними государствами. При нем был составлен свод норм обычного права «Жеты-Жаргы», определивший основные принципы правопорядка и государственного устройства.

Но относительное спокойствие продолжалось недолго. Набеги джунгар на казахские земли происходили и в начале XVIII в., а 1723 год, вошедший в историю как год «Великого бедствия», разметал часть казахов далеко за пределы их этнической территории.

Однако казахи выстояли в борьбе с калмыками и усилиями народных масс, руководимых ханами и батырами, отстаивали свои земли и независимость, но войны продолжались.

Казахские племена и роды Среднего жуза подвергались все большему давлению, экономическому и политическому, со стороны русских властей, утвердившихся в Южной Сибири, на территории Прииртышья, на землях Алтая. Массовые потери скота и пастбищ привели к значительному обострению хозяйственного кризиса в Старшем и Среднем жузах. Сокращение подвластной территории и числа подданных ослабляли позиции ханов, усиливались вражда и раздоры. В трудной экономической и политической обстановке встал вопрос о принятии российского подданства.

Дальнейшие этапы политической, экономической и этнокультурной истории казахов связаны с включением казахских земель в состав Российской империи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ

Памятники Жетысу. На территории казахстанской части Семиречья раскопаны единичные курганы средневековых кочевников, а культура этого времени известна в основном по случайным находкам.

Интересны находки электровых сосудов монгольского времени, нефритовых блях от пояса, датированных IX–X вв., бронзовых блях и накладок, украшавших пояс.

Одно из погребений с конем тюркского времени, датированное VI–VII вв., было раскопано на окраине поселка Алатау в 20 км восточнее Алматы.

Могильная яма находилась на глубине 1,2–1,4 м; имела длину 2,3 м, ширину 1,3 м. В южной части ее расчищен скелет лошади с подогнутыми ногами; черепом, ориентированным на северо-запад.

В северной части ямы лежал скелет человека. Захороненный был положен на спину, в вытянутом положении, головой на юго-восток. При расчистке могилы собраны костяные накладки от лука. Найдена бронзовая пряжка с подвижным язычком, на щитке которой изображено лицо человека. Накладки пояса представлены ажурными бляхами. Найдены также деревянные пуговицы, обтянутые серебряной фольгой, и железное стремя с петлей.

Еще один курган, датированный VIII в., был раскопан в урочище Кзыл-Кайнар в 40 км восточнее г. Тараза (Джамбула).

Курган, диаметром 7 м, имел высоту 0,3 м. Под каменной насыпью находилась могильная яма длиной 2,1 м и шириной 1,2 м. На глубине 1,3 м на ступеньке расчищен скелет лошади. Под ребрами найдено железное стремя.

Судя по расположению костей человека, он был положен в вытянутом положении на спину головой на северо-восток. Вместе с ним в могилу был помещен лук, от которого сохранились костяные накладки, обнаружены остатки берестяного колчана, трехлопастные железные наконечники стрел. В области пояса найдены бронзовые рамковидные и сердцевидные бляхи и костяная подвеска, заканчивающаяся головой рыси.

Автор связывает погребение с племенами карлуков, обитавших в Жетысу в это время.

К поздним захоронениям отнесены оградки и курган в урочищах Кадырбай вблизи Талдыкоргана и Каракудук в 160 км западнее Алматы.

Погребенные в оградках могильника Каракудук были погребены в грунтовых ямах в вытянутом положении головой на северо-запад; в оградках могильника Кадырбай — в подбоях, заложенных сырцовым кирпичом, в вытянутом положении головой на северо-запад. В похоронном обряде этих захоронений прослеживается влияние ислама (ориентация погребенных, отсутствие погребенного инвентаря). Датируются погребения XIII–XVI вв.

Достаточно хорошо изучены погребальные памятники средневековых кочевников Тянь-Шаня, на территории Кыргызстана (курганы, оградки, каменные изваяния). Они исследовались археологом К.Ш. Табалдиевым. Безусловно, аналогичные памятники будут найдены и изучены и на территории казахстанской части Жетысу, в горных районах Придзунгарского, Заилийского, Таласского Алатау, а также в степных районах. Ведутся исследования комплексных памятников-святилищ Мерке и Жайсан.

Курганы и поминальные памятники кочевников Тянь-Шаня, согласно классификации, относятся к двум хронологическим периодам.

Для раннего периода (VI–X вв.) характерными признаками являются курганы, одиночные и расположенные группами. Курганы, находящиеся в составе могильников, сформированных в разные хронологические эпохи, и образуют единовременные группы. Характерным признаком могильников является наличие на их территории поминальных оградок квадратной и прямоугольной формы, образованных из врытых в землю каменных плит. С западной или восточной стороны их расположены каменные изваяния или стелы. Таким образом, курганы и поминальные сооружения составляли единый поминальный комплекс. Курганные насыпи сооружены из земли, камня; смешанные из земли и камня; земляные, но покрытые каменным панцирем. Насыпи крупные, овальные в плане, редко квадратные. Диаметр курганов от 3 до 6,5 м, прямоугольные курганы имеют размер до 4 м (3,7×3,7) или 8×5,6–5,5 м. Иногда в насыпи курганов обнаруживаются следы тризны — зола, керамика, кости домашних животных.

Захоронения совершали в могильных ямах, подбоях, катакомбах. Имелись каменные перегородки между захоронениями человека и коня.

Захоронения совершали по способу трупоположения. Тело человека укладывалось на

спину, в вытянутом положении, руки — вдоль туловища.

Главным отличительным признаком захоронений VI—X вв. являются захоронение коня, ориентация головы коня и человека, которая может быть противоположной или односторонней. Труп коня укладывали на ступеньку выше либо на одном уровне, иногда труп человека на ступеньку выше.

Встречены погребения человека без коня. Ориентировка погребенных различная. Есть погребения только коня.

Кони были захоронены в полном снаряжении, взнузданные и оседланные; с удилами, стременами. В могилу иногда помещался баран с деталями конской узда. В могилу вместе с покойником помещались керамика, ножи, зеркала, наборные пояса, оружие — наконечники стрел, луки с накладками из кости, колчаны, сабли. Особый интерес представляют пряжки, наконечники, бляхи от наборных поясов. Они были гладкими или украшались изображениями животных, рыб, растительных мотивов. Наборные пояса имели ярко выраженную военную и социальную символику.

Среди предметов украшений в погребениях найдены бронзовые серьги, перстни, кольца. Серьги имели вид кольца с шаровидными бусинками на стерженьке. В погребениях обнаруживается керамика, деревянная посуда. В женских погребениях найдены бронзовые зеркала.

Интересен вопрос, где изготовлялись в таком большом количестве изделия из металла — в кочевых ставках либо в ремесленных мастерских городов. Находки огромного числа украшений поясной гарнитуры из бронзы, серебра, реже золота на городищах Чуйской долины свидетельствуют в пользу городских центров производства.

Следует также считать бесспорным, что погребения Тянь-Шаня и Жетысу принадлежат древним тюркам-тюркешам, карлукам, чигиям, ягма, енисейским киргизам и связаны с передвижениями древнетюркских племен из Саяно-Алтая, Сибири, Монголии.

Для этапа развития кочевой тюркской культуры XI—XIV вв. характерны значительные изменения, с одной стороны, и сохранение традиционности, связанное с предшествующими временами, — с другой.

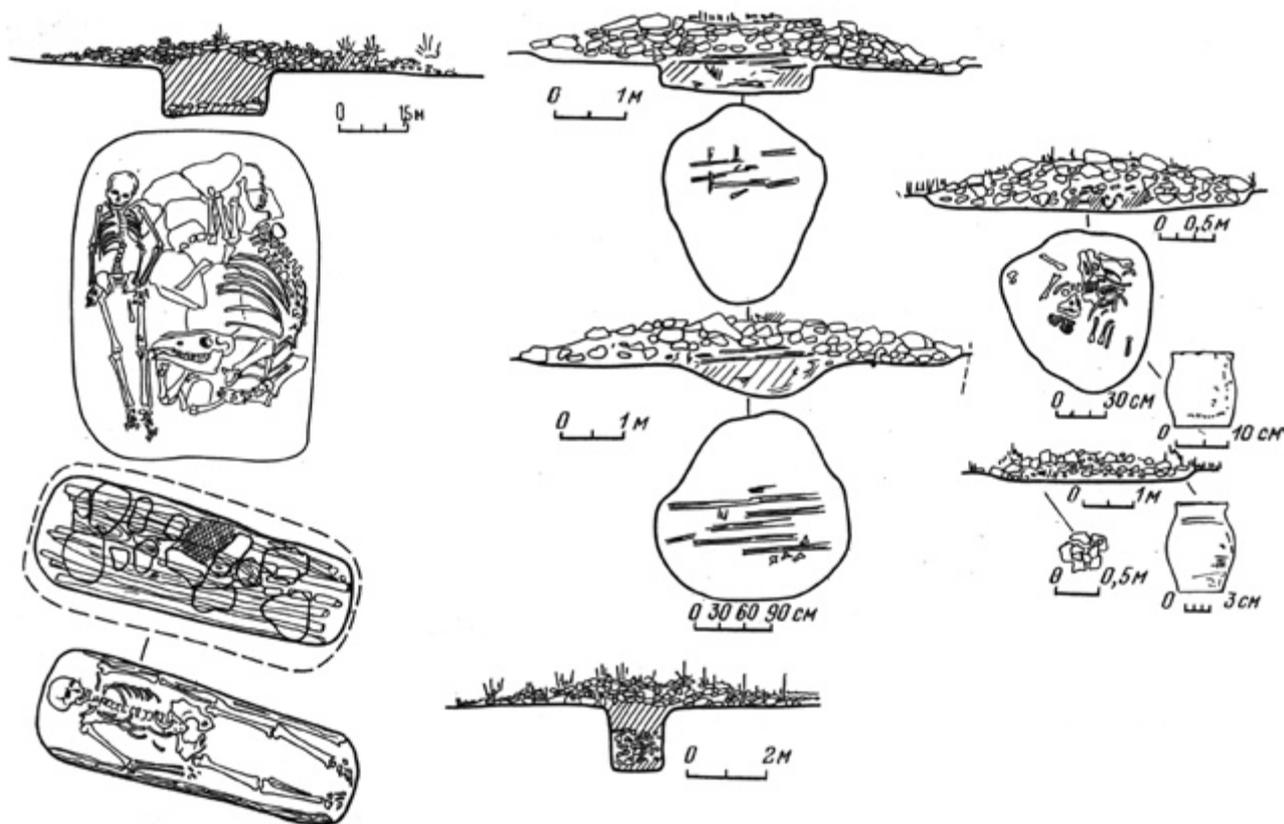

Рис. 5.7. Погребальный обряд тюрков Тяньшаня. VI—X вв. (по К.Ш. Табалдиеву)

Для могильников выбирались высокие места, на возвышенностях, у подножия горных хребтов. Могильники состоят из небольшого числа курганов — до 25, встречаются одиночные курганы, насыпи курганов из камня, реже земляные. Формы насыпей круглые, овальные, прямоугольные. Обычно под овальными курганами расположены погребения, совершенные по мусульманскому обряду.

Диаметр курганов до 4,5 м, высота 0,20 м. В насыпях обнаруживаются следы тризны в виде скопления золы и костей.

Под курганами устраивались могильные ямы с заплечиками, на которые опиралось перекрытие из дерева или каменная плита. Встречены ямы без заплечиков и каменные ящики. Погребения ориентированы головой на север и северо-запад. Покойники укладывались на дно могилы в вытянутом положении, на спине. Рядом находятся кости барана, обычно берцовая кость задней ноги барана. Встречаются также лопатки животных, тазовые кости и позвонки.

Наличие костей барана сближает погребения Жетысу с захоронениями в Забайкалье, Монголии. Возможно, эта традиция связана с влиянием монгольской культуры. В мусульманских захоронениях кости домашних животных не встречаются. В могилу вместе с умершим помещались предметы конского убранства, вооружения, украшения, предметы быта.

Из предметов конского убранства встречаются остатки седел, удила, стремяна, костяные и железные подпружные пряжки, украшения узды, бронзовые декоративные бляшки.

Стремяна сделаны из железа, они имеют округлую, арочную и овальную форму.

Седла были мужские, женские, детские. Удила имеют однокольчатые окончания и кольчатые псалии.

Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел: плоскими и линзовидными. Все наконечники стрел сделаны из железа, но встречаются и костяные.

Луки имели костяные накладки.

Найдены остатки колчанов с берестяной основой, обтянутой кожей. Длина колчана достигает 72 см, ширина горловины 12 см.

Древки стрел имели длину до 55–56 см.

Среди украшений — серьги нескольких типов: округлые с несомкнутыми кольцами, серьги в виде вопросительного знака, в виде восьмерки.

Встречены бронзовые зеркала с изображением рыб, зеркала с арабскими благопожелательными надписями.

В числе бытовых предметов встречены бронзовые чаши с горизонтальными ручками, украшенные резным растительным орнаментом — «монгольского типа». Найдены также остатки деревянных чаш. Встречены остатки кожаных сумочек для кресала и огнива. Обнаружены также ножницы, ножи.

Остатки одежды представлены высокими головными уборами, называвшиеся «бока», основой которых является футляр из бересты. Такие головные уборы характерны для монгольского времени.

Ряд археологов связывают захоронения этого времени с кыпчаками.

В этот же период распространяются мусульманские безинвентарные захоронения в ямах с подбоями, с ориентацией захоронений головой на север и лицом на юго-запад. Появляются также захоронения в мавзолеях-гумбезах. Над погребениями знатных и уважаемых людей возводились мавзолеи из жженого кирпича, украшенные декором из разных плит с растительным и эпиграфическим орнаментом.

Кимаки и кыпчаки в археологическом аспекте.

Кимаки. Имя этого народа легло в основу названия государства, хорошо знакомого мусульманским авторам (государство кимаков, страна кимаков). Существует предположение, что в основе объединения находилось тюркоязычное племя *яньмо*, одно из крупных тюркских племен, входившее в состав Западнотюркского каганата, которое и отождествляется с кимаками. В соответствии с этой реконструкцией, кимаки, считают большинство ученых, — тюркоязычный народ. Другие исследователи сближают имя кимаков с племенем *кумоси китайских источников*, пришедшим с востока. Кимаки, считают они, были монголоязычные. Сведения о кимаках, содержащиеся в письменных источниках, рассмотрены в работе востоковеда Б.Е. Кумекова. Из среды кимаков вышел народ кыпчаков (называемых в Европе команам, а у русских половцами), который первоначально был лишь одним из племен кимаков.

Кыпчаки участвовали в формировании многих тюркоязычных народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, татар, башкир, алтайцев и некоторых народностей Северного Кавказа. Кыпчакские этнические элементы вошли в состав османских турок, египтян, венгров. История кыпчаков, ранние этапы становления их культуры связаны с Казахста-

ном. Первое появление кимаков (йемеков) в Казахстане на Иртыше может быть отнесено к середине VII в., хотя о дальнейшем их существовании здесь, до середины IX в., пока ничего неизвестно.

В IX в. происходит сложение кимакской федерации, в ее входили и кыпчаки, о которых из источников известно, что кыпчаки «более дикие, чем кимаки. Их царь назначается кимаками». Приведенные материалы позволяют отнести второй этап в истории кимако-кыпчакского объединения (сложение федерации) к середине — второй половине IX в.

Третий этап связан с расселением кимако-кыпчакских племен, освоением ими больших регионов Евразии, что привело к образованию определенной культурной общности в рамках созданного ими объединения, это X—XII вв.

Археологические памятники кимаков на Иртыше. Кимакская принадлежность памятников конца I тыс. н. э. на территории Восточного Казахстана (Верхнее Прииртышье) ни у кого из исследователей, занимавшихся этим вопросом (С.С. Черников, Ф.Х. Арсланова, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова и др.), сомнения не вызывала. В 1973 г. Д.Г. Савиновым было предложено

идентифицировать с кимаками (в широком этнокультурном значении термина) памятники сrostкинской культуры Северного Алтая и прилегающих районов юго-западной Сибири.

Близость восточно-казахстанских и североалтайских материалов подтвердилась раскопками аналогичных памятников на Западном Алтае, соединивших в единый ареал зону распространения культурных традиций, центр сложения которых находился, по всей вероятности, на Иртыше.

Наиболее крупные археологические исследования на Иртыше были произведены С.С. Черниковым (могильники Пчела, Кызыл-Ту, Славянка, Юпитер), Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой (могильники Трофимовка, Подstepное, Совхоз 499 и др.), Ф.Х. Арслановой (могильники Зевакинский, Орловский, Бобровский и др.). В последние годы самые значительные раскопки средневековых погребений в Прииртышье были произведены в зоне затопления Шульбинской ГЭС С.М. Ахинжановым, Ю.И. Трифоновым. Материалы раскопок могильников Джартаc, Измайловка, Акчий II, Карашат полностью опубликованы. Всего здесь исследовано более 100 погребений конца I тыс. н. э., датировка которых определяется в пре-

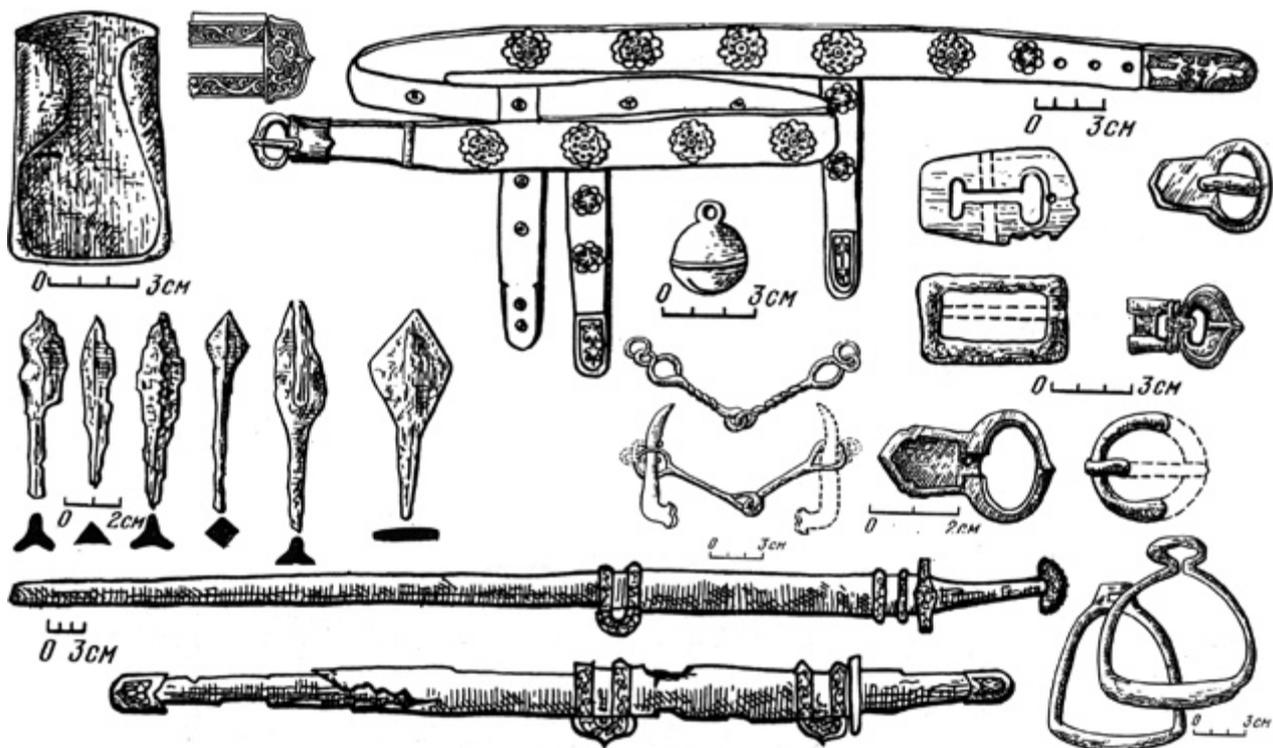

Рис. 5.8. Древности кимаков и карлуков IX—X вв.

делах IX—X вв., реже IX—XI вв. Имеющиеся материалы говорят о значительной концентрации памятников в районе Верхнего Прииртышья, бывшего, очевидно, центром государства кимаков.

Ранний этап формирования археологической культуры кимаков (середина VII — середина IX вв.), известен еще мало. Из погребений VII—VIII вв. можно выделить впускное захоронение с конем в Чиликты (С.С. Черникова) и разрушенное погребение в с. Подstepное (Ф.Х. Арсланова). В подstepном найден пояс с гладкими бляхами-оправами, а в Чиликтах — трехперые наконечники стрел, срединные накладки лука, пряжка, удила и предмет для развязывания узлов.

Сопровождение погребенных конями сближает погребения кимаков с погребениями алтайских тюрков VI—VIII вв.

К VIII—IX вв. относится курган I Орловского могильника, в котором найдено погребение подростка в колоде; с восточной ориентировкой и богатым инвентарем. Выше колоды находились разрозненные кости мужского скелета, а рядом, на приступке с южной стороны, — кости трех лошадей и скелет собаки. По обряду погребения (основное захоронение

в колоде, сопровождающее захоронение трех коней с конюшим в южной части могилы) Орловский курган напоминает богатые погребения Курайского могильника в Горном Алтае. Однако в целом количество погребений этого времени на территории Прииртышья остается немногочисленным.

Ко второму (середина — вторая половина IX в.) и третьему (X — начало XI вв.) этапам относится подавляющее большинство погребений прииртышских кимаков. Учитывая их широкое распространение в бассейне Иртыша, очевидно, уже на современном этапе изучения целесообразно выделять здесь, по крайней мере, два локальных варианта археологической культуры кимаков — верхнеиртышский и павлодарский. В перспективе можно говорить и о выделении омского варианта, смыкающегося с новосибирским вариантом сротскинской культуры.

Верхнеиртышский вариант. Памятники середины IX — начала XI вв. на территории Восточного Казахстана отражают культуру кимако-кыпчакских племен в центральном районе созданного ими объединения. Погребения отличаются разнообразием форм погребального обряда и богатством инвентаря. Так, в курга-

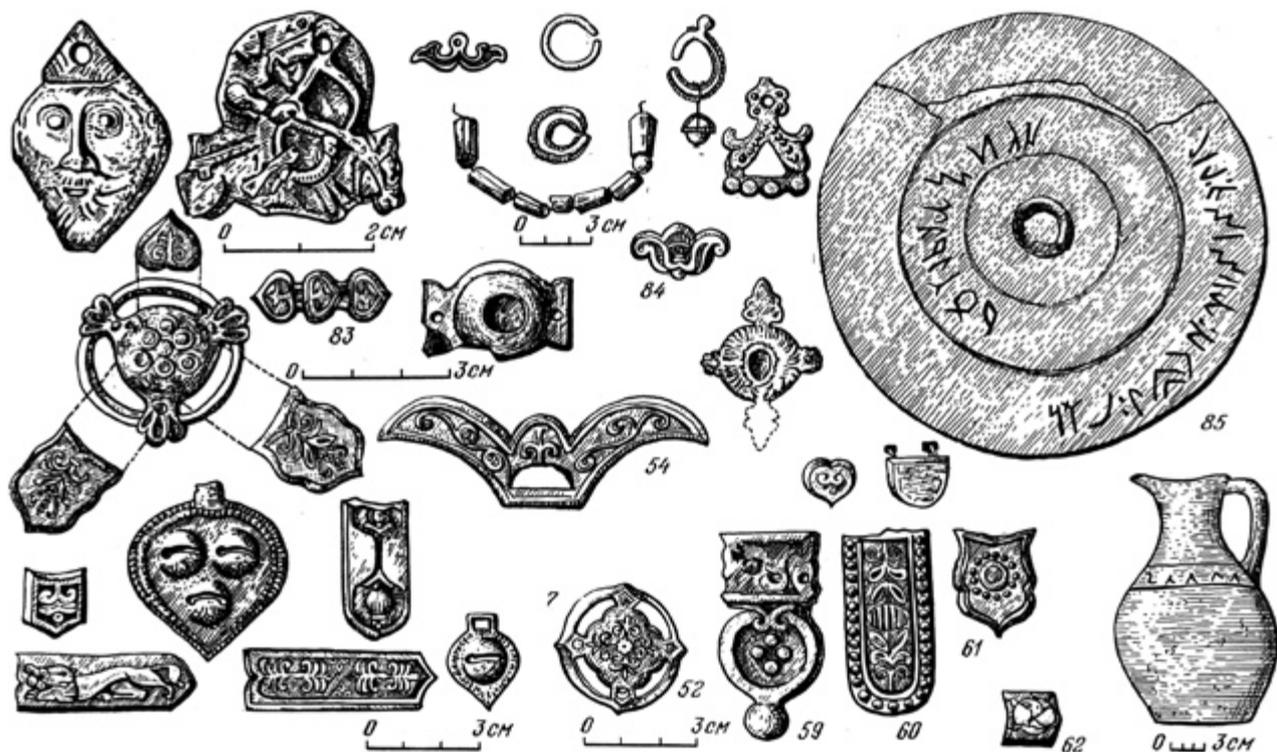

Рис. 5.9. Древности кимаков и карлуков IX—X вв.

нах, раскопанных С.С. Черниковым, представлены: захоронения одиночные, с конем, шкурой коня или предметами конской упряжи; кенотавы; захоронения в деревянных гробах, в подбоях, с конем или предметами конской упряжи. Для Зевакинского могильника, раскопанного Ф.Х. Арслановой, характерны одиночные захоронения и с конем на приступке, реже с собакой; иногда под одной курганный насыпью располагается несколько погребений. Наиболее показательна сложная картина погребальной обрядности по материалам курганов, раскопанных в зоне затопления Шульбинской ГЭС. В качестве отличительных признаков здесь выделяются: четырехугольные ограды из плоскоположенных плит, иногда с вертикально установленными стелами; овальной формы грунтовые ямы, ямы с приступкой или подбоями; погребения одиночные, парные, коллективные; погребения с сопроводительным захоронением коня на приступке, шкуры коня или предметов конского убранства в ногах погребенных; внутримогильные сооружения в виде деревянных рам, колод, каменных ящиков. Особую группу памятников составляют так называемые «длинные курганы», включающие от 2–3 до 8 и более пристроенных друг к другу оград с взрослыми и детскими захоронениями. Преимуществен-

ная ориентировка всех погребенных — восточная и северо-восточная.

Таким образом, погребальный обряд восточно-казахстанских кимаков отличается значительным разнообразием и соответствует сложному процессу образования кимако-кыпчакской общности. Вместе с тем, независимо от особенностей погребального обряда, в погребениях Восточного Казахстана найден взаимосвязанный комплекс предметов, в целом характеризующий верхнеиртышский вариант археологической культуры кимаков. Это палаш с прямым перекрестием; удила с 8-образным окончанием звеньев и большими внешними кольцами; S-овидные псалии, железные с «сапожком» и костяные с окончанием в виде «рыбьего хвоста». Наконечники стрел трехперые, плоские и ланцетовидные; срединные накладки луков и костяные обкладки колчанов с циркульным орнаментом; стремяна петельчатые и с невысокой невыделенной пластиной; бронзовые и костяные пряжки с острым носиком; многочисленные детали поясных и уздечных наборов; длинные наконечники ремней, бляшки с петлей; наконечники в виде рыб; серьги с круглой подвеской-шариком, украшения в ажурном стиле и др. Многие детали поясных и уздечных наборов позолочены и украшены

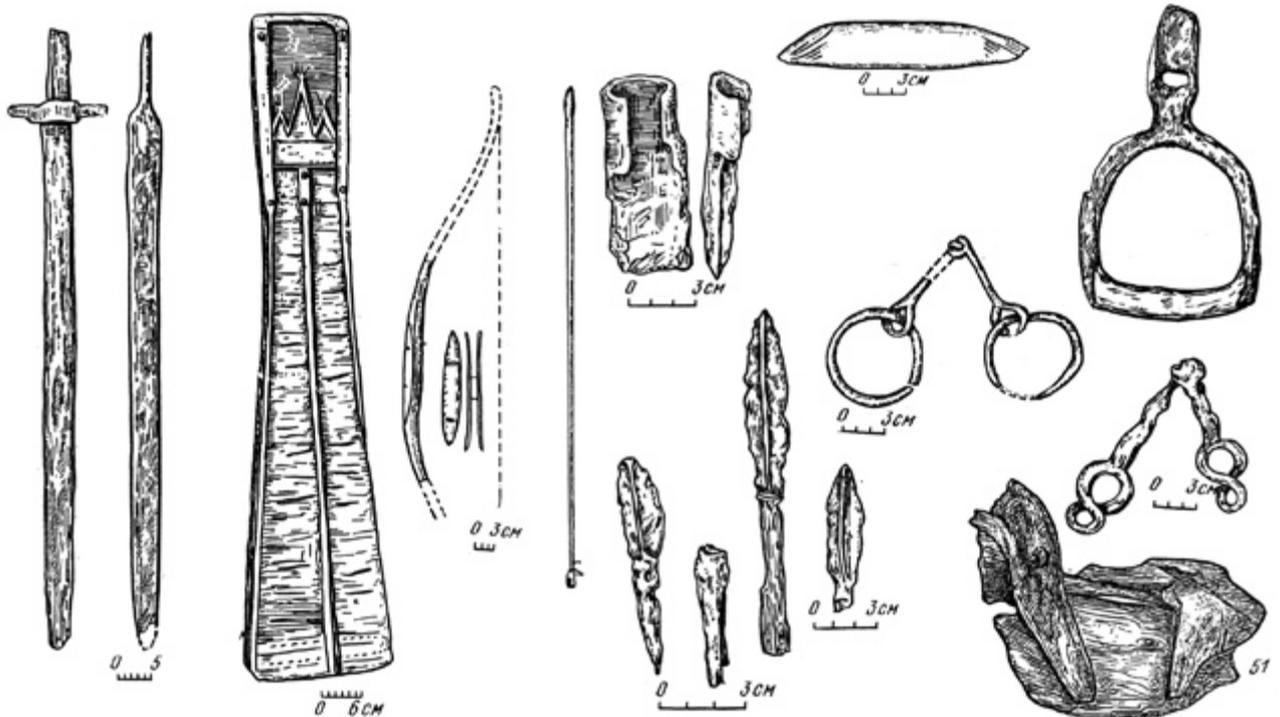

Рис. 5.10. Вооружение, конское снаряжение кочевников Казахстана и Средней Азии. VIII–IX вв.

богатым растительным, реже геометрическим, орнаментом. Встреченные изображения фантастических животных (грифонов, крылатых львов) из драгоценных металлов свидетельствуют о культурных связях с оседлыми центрами Казахстана и Средней Азии.

Сложность этнической «стратиграфии» археологических памятников кимаков на Верхнем Иртыше объясняется появлением здесь в относительно короткий срок и дальнейшим совместным проживанием разных групп населения, со своими традициями погребальной обрядности и складывающейся общей культурой в рамках нового кимакского объединения.

Павлодарский вариант. Наиболее крупным памятником VII — IX вв. на территории Павлодарского Прииртышья является Бобровский могильник, исследованный Ф.Х. Арслановой. Для него характерны одиночные погребения, трупосожжения в сочетании с сопроводительным захоронением коней, могильные ямы с подбоем, деревянные рамы, широкое использование бересты при сооружении внутримогильных конструкций. В других могильниках Павлодарского Прииртышья встречаются захоронения черепов и конечностей коня, погребения в овальных могильных ямах с перекрытием из

березовых бревен, захоронения в «деревянных ящиках», расположение нескольких могил под одной курганной насыпью, керамика и кости животных в насыпях курганов. В Павлодарском Прииртышье нет квадратных оград из горизонтально уложенных плит с вертикально стоящими стенами, «длинных курганов» и погребений в каменных ящиках.

Набор предметов сопроводительного инвентаря близок верхнеиртышскому. Здесь, однако, не найдены палаши. Среди украшений встречаются ажурные бронзовые подвески. Следует отметить случаи находки керамики. Так, в курганах Бобровского могильника было найдено 44 сосуда. Некоторые материалы (орнаментальные ромбические узоры на керамике и ланцетовидные наконечники стрел) из бобровских погребений сопоставимы с теми, которые Л.Р. Кызласов отметил на территории Тувы. Такое сочетание различных по происхождению культурных элементов в пределах одних и тех же комплексов показывает, что на территории Павлодарского Прииртышья процессы этнической и культурной ассимиляции проходили в сложной обстановке взаимодействия населения смежных областей — Восточного Казахстана, Саяно-Алтая и Западной Сибири.

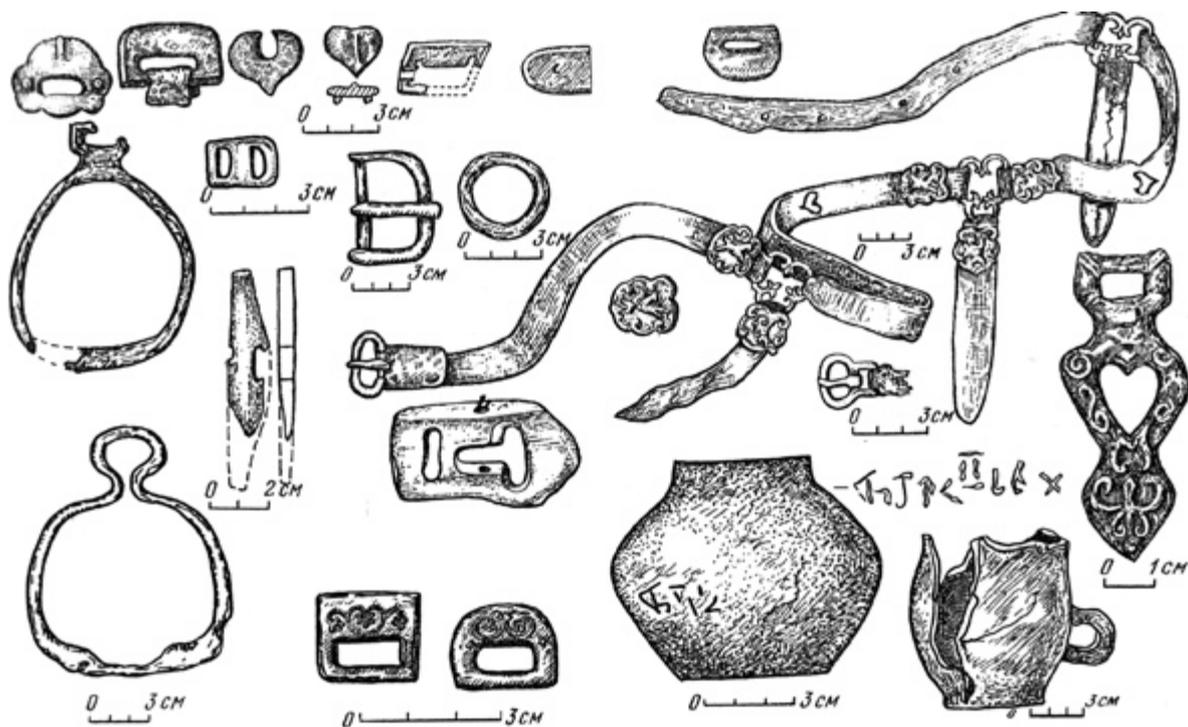

Рис. 5.11. Конское снаряжение, пояс, поясные бляшки, посуда кочевников Казахстана и Средней Азии. VIII—IX вв.

Следы кимаков прослеживаются вплоть до Приуралья. Особенно показателен в этом отношении комплекс курганов у оз. Синеглазово, многие вещи из которых аналогичны кимакским. По мнению опубликовавшего эти материалы С.Г. Павлова, «комплексы Синеглазовского типа, вероятно, отражают динамику проникновения кимако-кыпчакских кочевников в среду населения Южного Приуралья и Прикамья».

Отдельные находки и погребения такого же облика встречаются в Джетысу, что соответствует сведениям письменных источников о продвижении сюда кимаков во второй половине VIII — начале IX вв. Наибольший интерес среди них вызывает богатый комплекс предметов сопроводительного инвентаря из разрушенного погребения в г.Текели в предгорьях Джунгарского Алатау. Захоронения с конем и близкими формами предметов сопроводительного инвентаря открыты на могильниках Кызыл-Кайнар и Айна-Булак. Некоторые материалы из этих погребений исследователи относят к карлукам. На Верхнем Иртыше и в Жетысу были распространены своеобразные каменные изваяния в виде антропоморфных стел с сосудом в двух руках.

В других районах распространения культуры кимаков, в том числе на территории сроткинской культуры — на Северном Алтае и на юге Западной Сибири, подобные изваяния неизвестны.

Из выделенных вариантов сроткинской культуры (северо-алтайский, кемеровский, новосибирский, западно-алтайский) наибольшую близость к культуре прииртышских кимаков обнаруживает западно-алтайский вариант.

Археологические памятники кыпчаков. Памятники кыпчаков как до вхождения их в кимако-кыпчакское объединение, так и в период нахождения в составе государства кимаков, остаются не выявленными. Вместе с тем совершенно очевидно, что среди многочисленных погребений Восточного Казахстана, Северного и Западного Алтая и прилегающих районов Западной Сибири, относящихся к этому времени, есть и кыпчакские захоронения; однако отсутствие дифференцирующих признаков не дает возможности говорить о выделении кыпчакского культурного комплекса.

Один из путей выделения археологических памятников кыпчаков в Центральной Азии и Южной Сибири — поиск аналогий в материалах восточноевропейских кочевников, которые

соотносятся с кыпчаками-половцами. Однако сходство с памятниками восточно-европейских кочевников, которые в свою очередь требуют специального обоснования их этнодифференцирующих признаков, носит весьма общий характер, хотя отдельные сроткинские (кыпчакские ?) элементы в них присутствуют. То же самое касается хорошо исследованных памятников кыпчаков на Южном Урале, которые по обряду погребения (конструкции наземных и могильных сооружений, подбои, сопроводительное захоронение коня или «шкуры» коня) достаточно близки сроткинским, но предметный комплекс из них имеет общекочевнический характер, получивший в начале II тыс. н. э. чрезвычайно широкое распространение. В качестве этнически показательных вещей могут быть названы только серьги в виде «знака вопроса», получившие наименование кыпчакских, и орнаментированные костяные накладки колчанов, аналогичные найденным в Казахстане, где в это время господствовали кыпчаки. По обряду погребения наиболее вероятно принадлежность к кыпчакам захоронений с черепом и костями конечностей лошадей.

Необходимо отметить, что кыпчаки в период вхождения их в состав кимако-кыпчакского этносоциального объединения, судя по данным письменных источников, не представляли собой единого этноса, а состояли из девяти племен. Поэтому вполне вероятно предположить существование в их среде разных культурных традиций, а следовательно, и различных форм погребальной обрядности и форм предметов материального комплекса. Не исключено и чересполосное проживание кыпчаков среди иноэтнических групп населения, в том числе и кимаков, что еще больше усложняет проблему выделения археологической культуры кыпчаков.

Могильники и одиночные погребения кыпчаков обнаружены и обследованы в Семиречье и Центральном Казахстане.

Одно из таких погребений раскопано неподалеку от г. Джамбула. Под насыпью, диаметр которой 9 м и высота 0,4 м, находилась могильная яма длиной 2,5 м, шириной 1,15 м. Яма длинной стороной ориентирована с северо-запада на юго-восток. Покойник лежал на спине головой на северо-запад в деревянном гробу, истлевшие остатки которого найдены в заполнении ямы. Рядом с черепом найдены серебряные подвески, у плечевых костей стоял серебряный сосуд. Тут же обнаружены остатки ткани, бронзовая и золотая пластинки. На бронзовой пластинке

изображен цветок. Видимо, кусок ткани и пластинки являются остатками головного убора. От пояса сохранились две массивные бляхи в виде восьмилепестковых розеток, в центре которых изображены фантастические животные. К поясу относится найденная здесь же железная пряжка.

Справа от погребенного лежал колчан, сделанный из бересты и украшенный с лицевой стороны костяными накладками. В колчане находились стрелы с черешковыми наконечниками плоской и удлинненно-ромбической формы. С левой стороны скелета лежала железная сабля с прямоугольным перекрестием. От деревянных ножен остались куски тлена и серебряная пластина с гравированным изображением лани. У левой ноги обнаружен железный однолезвийный нож с костяной рукояткой. На костях ног сохранились остатки кожаных бескаблучных сапог, голенища которых были расшиты бронзовыми нитями.

В ногах погребенного лежали узда и седельный набор — это железные стремена с широкой подножкой, прямоугольные пряжки от подпружных ремней и кольчатые удила. В могиле найдены кости коровы — остатки ритуальной пищи, а в насыпи глиняный горшочек. Две монеты, обнаруженные в погребении и отчеканенные в конце XIII—XIV вв., твердо

датируют погребение, которое, по мнению исследователей, принадлежит воину-кипчаку, занимавшему высокое положение в обществе.

В Центральном Казахстане обнаружены два погребения XIV века. Одно из них раскопано в долине реки Нуры, в 46 км западнее г. Караганды в Жартасском могильнике. Курган имел диаметр 12 м и высоту насыпи 1 м. Могильная яма, прямоугольного очертания, ориентирована длинной стороной с запада на восток. Размеры ее 2х1,5 м. Покойник был положен на спину с вытянутыми руками и ногами на глубине 1,8 м. Сверху могила перекрыта березовой корой. Под березовым тленом обнаружены остатки узорчатой шелковой ткани золотисто-желтого цвета с орнаментом из ромбов.

В области таза и на длинных костях останков человека сохранились куски меховых (овчинных) штанов и кожаных сапог, от которых остались небольшие фрагменты истлевшей кожи. Справа, у самого бока, лежал железный однолезвийный нож с прямым клинком. На конце рукоятки имелось пуговицевидное навершие. У левого бока — длинный берестяной колчан, верхняя часть которого находилась у локтя левой руки, нижняя — на уровне колена левой ноги. Длина колчана 60 см, ширина 12–15 см. Бортик его окантован шнурком желтого цвета. Колчан

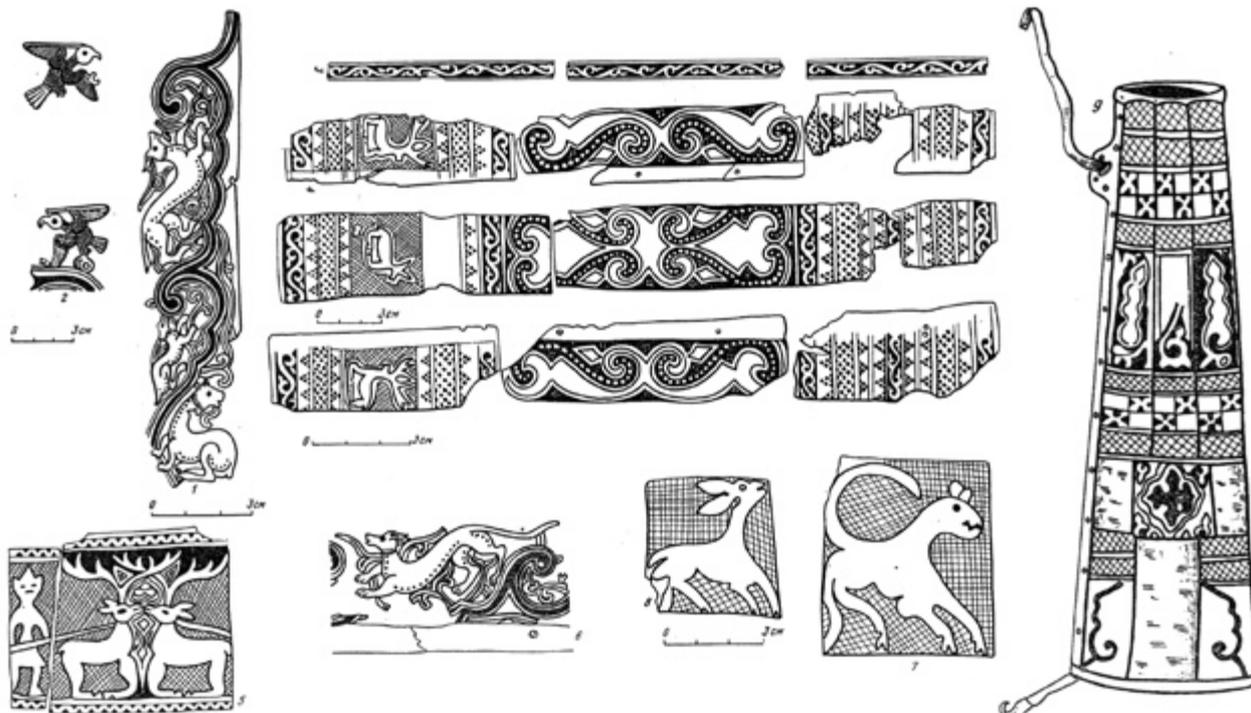

Рис. 5.12. Колчаны кочевников. XIII—XIV вв.

заполнен стрелами. На колчане лежал лук. От него остались куски дерева. Сохранились здесь остатки кожаного ремня с наременными железными бляхами, украшенными орнаментом.

В ногах погребенного были положены узда и седельный набор. От них осталась бесформенная масса железа и дерева. Железные стремена имеют овальную форму с широкой подножкой и петелькой для ремня, удила — двусоставные с подвижным язычком. В могиле была найдена серебряная чаша и прямоугольный мешочек с тремя серебряными монетами, которые были отчеканены в первой половине XIV века.

Еще один курган с аналогичным обрядом погребения раскопан в могильнике Тасмола 4 в 50 км северо-западнее г. Экибастуза. Диаметр кургана 14 м, высота 1,2 м. В центре под насыпью находилась грунтовая яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной стороной с севера на юг. Размеры ее 2,4×1,1 м, глубина 1,6 м. Погребение сверху перекрыто деревянным сооружением типа «ящика» без дна.

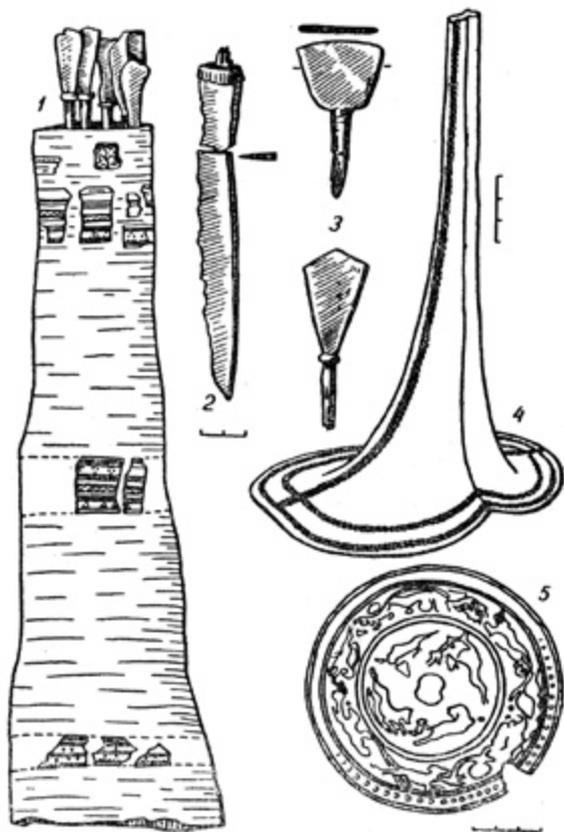

Рис. 5.13. Изделия кыпчаков XIII—XIV вв.: 1 — колчан со стрелами; 2 — нож; 3 — наконечники стрел; 4 — женский головной убор; 5 — металлическое зеркало.

Покойник в могиле был ориентирован головой на север. На черепе с левой стороны лежала серебряная серьга в виде вопросительного знака. У кисти левой руки обнаружен железный нож и железное кресало. У восточной стены ямы лежал берестяной колчан, из которого торчали шесть наконечников железных стрел. Длина колчана 68 см, ширина внизу 19 см, вверху — 11 см. Лицевая сторона колчана украшена тремя полосами костяных окрашенных в красный цвет накладок с геометрическим орнаментом. Наконечники стрел плоские, черешковые; пять из них ромбовидные в сечении, шестой — подпрямоугольный. Рядом с колчаном найдены два звена железных удил с подвижными внешними кольцами. Между костями ног скелета лежали железные стремена с широкой подножкой и отверстием для ремня.

В погребении были найдены две монеты, одна из которых была положена в рот покойнику, другая лежала у кисти левой руки. Датируется погребение первой половиной XIV в.

Опираясь на имеющиеся материалы, можно представить, как выглядел знатный кыпчакский воин.

Одежда его состояла из овчинных штанов, заправленных в кожаные сапоги, расшитые узором из цветных ниток, и шелковой рубашки. Сверху надевался халат из шелковой ткани ярких золотистых или красноватых тонов, с широким кожаным поясом, с железной пряжкой, украшенный железными бляхами и привесками. На поясе висели железная сабля, кинжал (нож). Слева на боку витязь носил прикрепленный к поясу большой берестяной колчан, обтянутый кожей и украшенный инкрустацией из разноцветных кусочков бересты. Бортик и швы колчана украшал кант в виде цветного шнура. Колчан был заполнен стрелами длиной 0,7—0,8 м с наконечниками разных типов: ромбовидными, треугольными, конусовидными, плосколопастными. К ремню прикреплялась сумочка, на пряжке которой типичный кыпчакский орнамент — завитки бараньих рогов.

По остаткам конской сбруи, положенной в могилу, можно представить, как смотрелся взнузданный кыпчакский конь. Седло, сделанное из деревянных частей, скрепленных железными скобами, сверху было обтянуто кожей.

Железные стремена — с широкой нижней частью, плоской прорезной подложкой и с петлей наверху для ремня.

Святыище Мерке. Важное значение для изучения культуры тюрок играет изучение святиищ — мест, где сохранились курганы, каменные изваяния, каменные выкладки вокруг них. Это были места поклонений и проведения культовых обрядов и церемоний. Особенный интерес представляют святиища, расположенные в труднодоступных местах — высокогорьях, где памятники сохранились непоотревоженными и где изваяния стоят как и сотни лет назад на своих первоначальных местах.

Изучение так называемых «кыпчакских святиищ», датированных XI—XIII вв., дает возможность проследить культурно-исторические связи кыпчаков азиатской части и половцев европейской части Евразии.

Одним из таких святиищ является Мерке, расположенное в высокогорном районе, в зоне альпийских лугов верховий реки Мерке, на плато Аралтобе, Бельсаз, Сандык, Сулусай, Карасай, Кашкасу.

Основное скопление памятников расположено на плато Сандык. О большом количестве изваяний отсюда было известно еще в конце XIX в., но в научный оборот их ввела Э.А. Новородова, обследовавшая эти места вместе с краеведом А.Н. Печерским в 80-е годы прошлого столетия. Изучением комплекса

Мерке на протяжении многих лет занимается А.М. Досымбаева. В начале XXI в. было открыто святиище тюрок — Жайсан в степной части Жетысу.

Одним из наиболее ярких памятников Мерке являются два кургана у входа на плато Сандык и найденная здесь каменная стела, первоначально стоявшая на кургане. На одной стороне ее высечено изображение женщины в высоком головном уборе. Она держит двумя руками сосуд.

Голова выделена выемкой, отделяющей ее от туловища. Брови, глаза, щеки, подбородок, груди, руки и сосуд выпуклые. Длинный прямой нос и брови переданы выпуклой линией Т-образной формы, овальными выступами переданы глаза и рот с углублениями внутри. В результате лицо передает изящные черты, а неправильные круги на щеках прекрасно имитируют румянец. Женщина показана обнаженной, кисти рук не проработаны, а руки не согнуты в локтях. Сосуд имеет пиалообразную форму, но дна его не видно.

В верховьях реки Жаланаш найдены три изваяния, расположенные на двух курганах, связанных территориально: они насыпаны на одном и том же холме. Это жертвенник с каменными скульптурами № 2, 3 и 4. Каменные изваяния № 2 и № 3 лежат в центре кургана

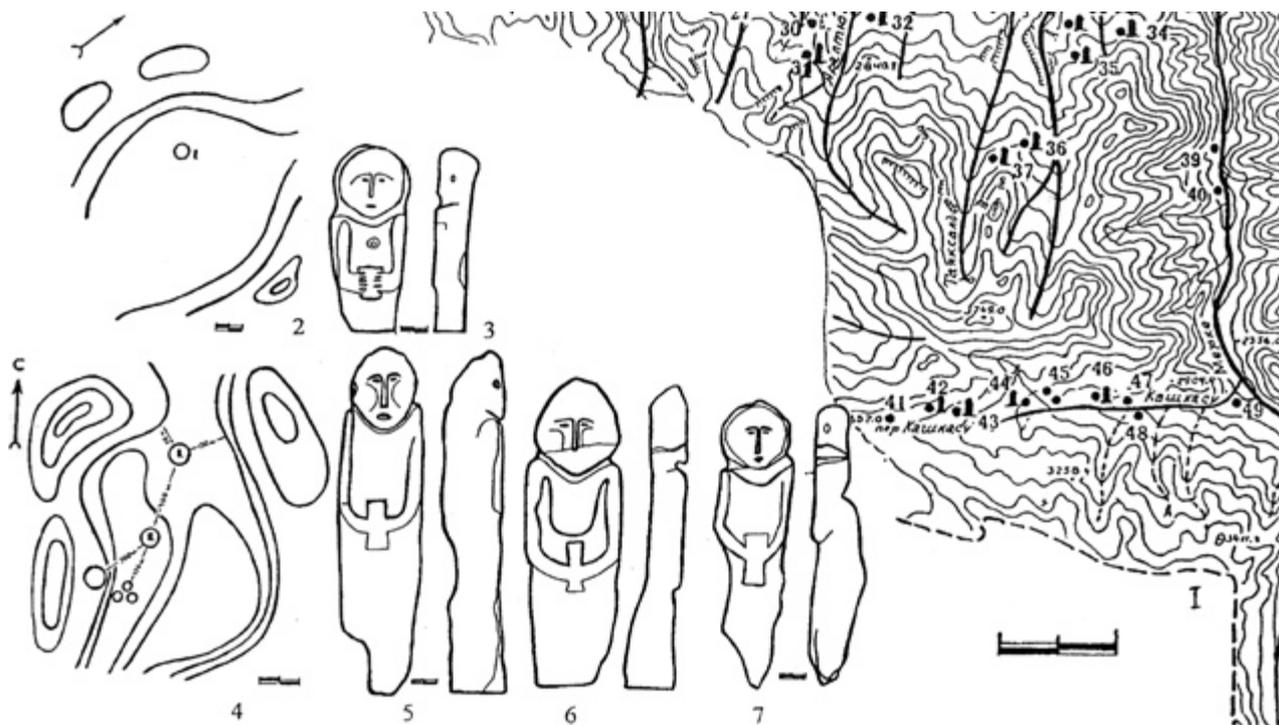

Рис. 5.14. Древнее святиище тюрок — Мерке. (по А.М. Досымбаевой)

в яме, оставленной грабителями. Они потревожены и сдвинуты с первоначальных мест, в результате чего стела в настоящее время стоит вертикально, но вниз головой.

Изваяние № 2 вытесано из красного гранита (размеры его: 0,74×0,29×0,19 м). Голова отбита. Руки показаны параллельно туловищу, согнуты в локтях. Не проработаны ни кисти рук, ни пальцы. Сосуд в обеих руках имеет битреугольную форму, подобно кубку (диаметр венчика равен диаметру доньшка — 9 см).

Изваяние № 3 вытесано из такого же красного гранита, как и предыдущее (№ 2). В настоящее время они лежат рядом. Размеры этого изваяния: 0,62×0,25×0,18 м. Обломана нижняя часть, однако создается впечатление, что сосуд не был показан, хотя руки расположены параллельно туловищу и слегка согнуты в локтях. Проработана лишь одна (лицевая) сторона скульптуры. Единственная деталь, показанная с боковых сторон, раковина уха без серьги. Голова отделена от туловища небольшим углублением. Характерно переданы нос и брови в виде единой Т-образной фигуры, глаза — в виде миндальных выпуклин, выпуклый овал рта.

Изваяние № 4 относится к той же группе

жертвенника, что второе и третье изваяния. Оно вытесано из мелкозернистого красного гранита (0,68×0,28×0,16 м). В верховьях реки Жаланаш насыпан курган диаметром 8,5 м. Изваяние установлено в центре и обращено лицом на северо-восток. Проработана лишь одна сторона камня: на ровном блоке едва заметным углублением выделена линия шеи, отделяющая голову (ширина лица и туловища одинаковая). Лицо передано схематично: Т-образная линия бровей и носа едва выступает так же, как и полукружия глаз и прямоугольник рта. Острый подбородок не имеет следов бороды. Вообще никаких признаков пола не отмечено, как не показана и одежда; не видно ни рук, ни сосуда, ни украшений.

С юго-востока на северо-запад в следующих друг за другом саях: Коралас-сазы, Тогансай, Жаланаштын жартасы, Сулы-сай, Карасай, Шольсай, Сандык и занимающих в целом площадь около 3 кв. км расположены десятки каменных изваяний. Все конструкции и изваяния типологически близки. Выявлены 64 каменных изваяния. Статистический анализ и данные типологии ритуальных памятников позволили установить, что в составе святилища находится 38 комплексов со статуями.

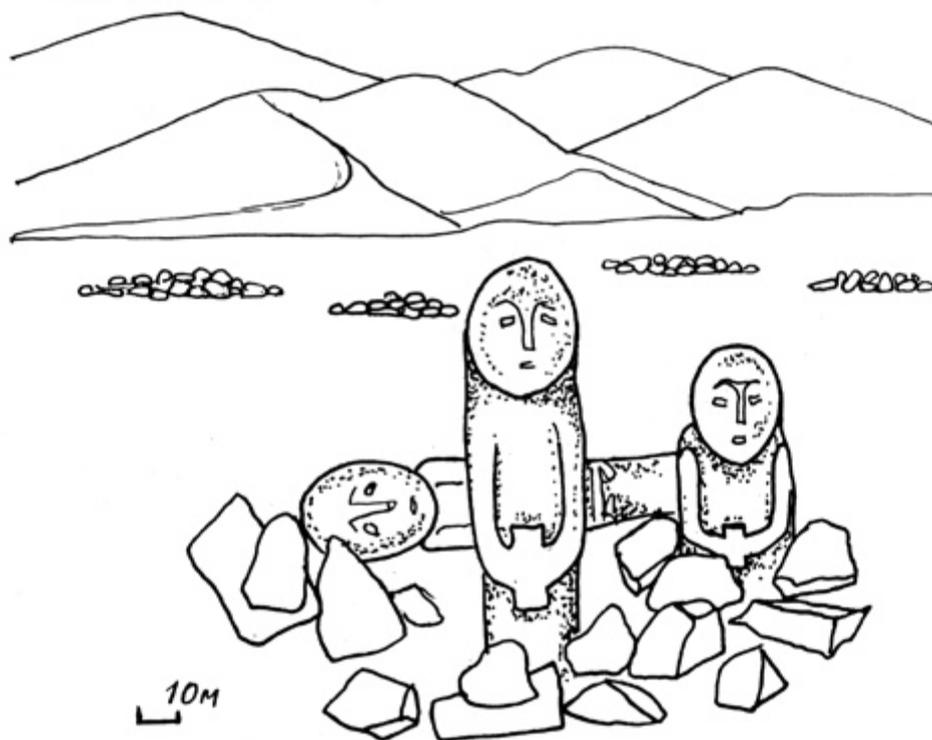

Рис. 5.15. Каменные изваяния Мерке. (по Э.А. Новгороовой)

Основная часть ритуальных конструкций представляет собой каменные насыпи, размером в диаметре от 4–5 м до 16 м, высотой от 0,5 до 1,3 м. К некоторым курганам с восточной стороны примыкают подпрямоугольные в плане пристройки, также сооруженные из камня. В могильнике Бельсаз 2, изученном раскопками, насыпь была окружена рвом.

Типы памятников с каменными изваяниями подразделяются по внешнему виду конструкции, количеству статуй, установленных на них, и по местоположению скульптуры на конструкции. Четыре изваяния находились на кургане Сулусай 7. По три изваяния зафиксировано на пяти памятниках, одиннадцать курганов содержали по два изваяния и на 28 конструкциях — по одному изваянию. В конструкциях с парными и более статуями, как правило, одно из изваяний мужское, а одно или же два-три изображают женщин. Зафиксированы также один памятник с двумя мужскими изваяниями и три конструкции, на которых установлены по два женских изваяния. Одиночные мужские статуи, расположенные в центре курганов, отмечены на десяти памятниках и по одному изваянию выявлено на 14 курганах.

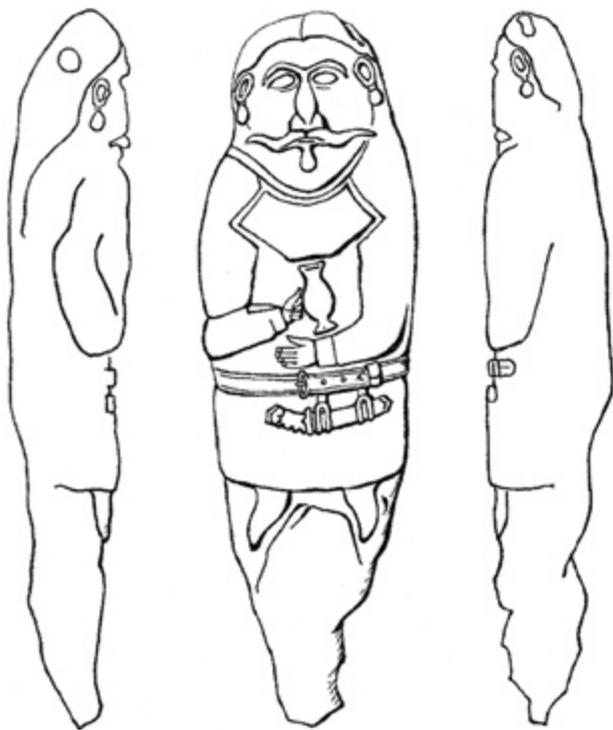

Рис. 5.16. Святилище Жайсан. Каменные изваяния VI–VIII вв. (по А.М. Досымбаевой)

На памятниках Кашкасу 1, Муизды кора 2 (курганы 1 и 2), на курганах диаметром от 6 до 10 м, высотой от 0,5–1,2 м, женские изваяния установлены в подпрямоугольных пристройках, размером 1,5×1,8 м и 2,3×2,7 м, примыкающих к насыпям курганов с восточной стороны. Изваяния обращены лицом на восток.

Могильник Шайсандык 1 является другим типом памятника. Женское изваяние установлено в центре кургана диаметром 7 м, высотой 0,6 м. Статуя обращена лицом на восток. На курганах Шольсай 3 и Сандык 2 статуи женщин стоят рядом с курганом с восточной стороны, но в центре курганов заметны углубления, похожие на следы грабительских воронок.

Деталью, общей для монументальной скульптуры, является сосуд, который показан в полусогнутых, на уровне живота, руках.

Стеловидные статуи (изваяния, на которых изображена только верхняя часть торса) установлены на одном кургане со скульптурами.

Выделены несколько типов статуй: изваяния, на которых показаны головные уборы, мужские и женские.

Мужской головной убор, округлый по форме, показан на двух скульптурах. У шести изваяний подчеркнуто выделены усы, и на одной мужской статуе показана клиновидная по форме борода.

Ритуальный комплекс Аралтобе 1 представлен цепочкой прямоугольных оград. В центре каждой из оград находилась ямка, диаметром 0,2–0,3 м, глубиной до 0,2 м, с золисто-углистым заполнением. В северо-западной части к оградкам пристроена подкурганная конструкция, в центре которой, в яме, были обнаружены кости животного и три фигурные металлические бляшки от конской упряжи. С северо-западной внешней стороны по центру всех стен были установлены антропоморфные стелы. Типологически описываемая конструкция идентична с описанными в литературе древнетюркскими ритуальными оградами, которые изучены на всей территории древнетюркской культуры.

Аралтобинский ритуальный комплекс тюрков типологически схож с древнетюркскими ритуальными конструкциями с территории Кыргызстана, вместе с тем отличается наличием специального захоронения жертвенного животного в яме, примыкающей к оградкам с северо-западной стороны. В яме найдены предметы конской упряжи: одна фигурная и две круглые металлические бляшки. Предметы упряжи ана-

логичны таковым из погребений кочевников степного ареала древнетюркской эпохи.

Несколько древнетюркских оград открыты и изучены в составе *могильника Коржайлыу 7*. Раскопками изучены три ограды и курган. В кургане выявлено захоронение по обряду труположения, на спине, головой ориентированное на запад. В изголовье погребенного находился лепной, круглодонный сосуд, поверх которого лежали крестцовые кости барана с ножом, воткнутым вертикально в остатки ритуальной пищи.

Размеры сторон ограды 1 немногим более 2-х метров. Конусовидная пристройка примыкает к основной конструкции с юго-восточной стороны. Стенки ограды сооружены из каменных плит, поставленных вертикально. По периметру с внешней стороны и вся внутренняя площадь ограды заполнены мелкой окатанной речной галькой. В пристройке в вертикальном положении было установлено мужское каменное изваяние, плотно заложено камнями. Изваяние имеет оружие и сосуд, типа пиалы, в левой руке. Тщательно проработаны черты лица, показаны отвороты одежды.

Такая деталь, как сабля с изогнутым клинком, изображенная в левой руке изваяния, позволяет внести коррективы в хронологию памятника и отнести время его сооружения к периоду IX—XII вв.

Могильник Бельсаз 1 состоит из трех курганов, представляющих собой каменные насыпи, диаметром 5 м, 5 м и 8,7 м, высотой от 0,4 м до 1,3 м. На кургане диаметром 8,7 м, в центре была установлена мужская каменная скульптура, изготовленная из гранита. После зачистки насыпи было установлено, что курганная конструкция в действительности представляла собой подпрямоугольное в плане сооружение с размерами сторон 7,5×7,4 м. Скульптура изготовлена в технике барельефа. Голова изваяния, туловище, руки, поддерживающие на уровне живота плоскодонный, кубковидной формы сосуд, отчетливо проработаны. Также тщательно проработаны черты лица изваяния и выделен удлиненный прямой нос. Скульптура является типичной для памятников святилища и по иконографии аналогична другим изваяниям, расположенным на высокогорных плато верхний р. Мерке.

Рядом с описанным выше курганом раскопками изучен курган диаметром 5 м. Под насыпью выявлено детское захоронение, со-

вершенное по обряду трупосожжения. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Могильник Бельсаз 2 состоит из курганов, представляющих собой каменные насыпи диаметром от 3 м до 20 м, высотой от 3,0 м до 1,5 м. Раскопками изучены два кургана. В кургане диаметром 6 м было исследовано захоронение в катакомбе. Насыпь второго кургана, диаметром 11 м, по периметру основания окружена рвом. В прямоугольной пристройке размером 2 м×1,5 м, расположенной в центре кургана и ориентированной сторонами на юго-восток — северо-запад, находилось захоронение двух каменных скульптур — мужской и женской. В яму изваяния были положены: женское лицо на северо-запад, мужское — на юго-восток.

Скульптуры выполнены из гранита, в технике барельефа. Оба изваяния с сосудами в полусогнутых на уровне пояса руках. Женское изваяние более тщательно, до деталей, проработано: показан островерхий головной убор, отчетливо переданы черты лица, нагрудные украшения.

Культовые памятники Муизды Кофа 2 курган 1 и курган 2 являются сооружениями курганного типа, но с прямоугольными пристройками, сооруженными с восточной стороны насыпи. На обоих памятниках в пристройках выявлены женские изваяния, обращенные лицами на восток. Обе статуи выполнены из гранита, в технике барельефа. Груды показаны в форме округлых выпуклостей. В руках обоих изваяний на уровне живота показаны сосуды. Статуя из кургана 1 держит в руке плоскодонный сосуд в форме кубка. Пальцы рук этой статуи отчетливо проработаны. Изваяние из кургана 2 отличается от первого: здесь сосуд имеет форму кубка с ножкой, на голове просматривается головной убор типа шапочки.

Наибольшее сходство меркенские курганы с установленными на насыпи каменными изваяниями (основное количество памятников святилища Мерке в том числе) имеют с половецкими святилищами из южнорусских степей.

Описанные типы памятников, изученные по культовым комплексам святилища Мерке, в литературе известны как половецкие «скрытые святилища». Наряду с последними, в восточно-европейских степях открыты и изучены курганы с захороненными в них изваяниями.

Аналогичные памятники изучены и в Центральном Казахстане. Они датированы исследователями XII в.

Археологические памятники средневековых кочевников Западного Казахстана. Погребальные памятники Западного Казахстана изучались Г.А. Кушаевым, В.А. Кригером, Железчиковым, А.А. Бисембаевым.

Археологические исследования курганов и погребений средневековых кочевников в Западном Казахстане установили, что памятники VIII—XI вв. немногочисленны. Крупных могильников нет.

Курганные насыпи земляные, очень редко сооружались с применением камня. Основная часть насыпей от 8 до 15 м. Преобладающими формами могильной ямы были ямы с уступами и подбоями.

Важной чертой погребального обряда является наличие костей лошади. Части скелета в виде разложенных в анатомическом порядке костей ног и черепа обнаружены в половине всех раскопанных погребений. Кости лошади выявлены на уступах могил рядом со скелетом человека в яме, на перекрытии ямы.

Наличие костей животных в насыпи кургана или на дне ямы можно считать следами тризны или остатками заупокойной пищи.

Остатки деревянных конструкций перекрытий зафиксированы в виде гробовищ, закладов из деревянных плах с камнями, закрывавших вход в подбой.

Погребальные комплексы этого времени объединяются в три основных типа: погребения с конем, погребения без коня и кенотафы-поминальники.

Предметы вооружения встречаются в мужских погребениях, тогда как в женских найдены предметы туалета: гребни, зеркала, отдельные виды украшений.

Обнаружены элитные погребения воинов с полным комплектом вооружения — наконечниками стрел, защитными пластинчатыми доспехами (Шалкар III, Карасу I). Мужские захоронения без костей лошади содержат наборные пояса и уздечные наборы. К этой группе памятников относятся случайные находки комплекта бронзовых литых предметов: серег и различных подвесок.

В значительной мере обрядовые действия в погребальной практике этого времени связаны с культом коня. На рубеже VIII—IX вв. распространяется обычай помещения «чучела коня» на перекрытии могильной ямы либо на крышке гробовищ. Распространение этого типа погребений приходится на вторую половину IX в.

Одновременно наблюдается измененная форма этого обряда, заключающаяся в погребении одного или двух копыт лошади.

Исчезают кенотафы.

Памятники XII—XIV вв. Размеры насыпи курганов варьируют в пределах от 4 до 18 м. Простая земляная насыпь встречается у большинства памятников. Земляная насыпь, сооруженная с применением камней, и сырцовая оградка на уровне древнего горизонта под насыпью встречаются реже.

Преобладающей является могильная яма прямоугольной формы. В ряде случаев стенки ее незначительно сужаются или расширяются ко дну. Встречены могильные ямы, имеющие уступ или уступы вдоль стен и подбойные могилы.

Ориентировка погребенных была различной, доминирующей является южная, затем западная, северо-восточная, северо-западная, восточная, северная, юго-западная.

Перекрытия встречаются как в простых по форме ямах, так и в могилах с заплечиками. Зафиксированы остатки дощатых гробов. Есть случаи помещения покойного в выдолбленную из ствола дерева колоду.

Памятники делятся на три группы: погребения в простых ямах без костей лошади; погребения в ямах с уступами, подбоями; с костями коня или без них и погребения в сырцовых оградках и выкладками из кирпича.

В погребениях встречены следующие вещи: принадлежности конской сбруи (стремена, удила, остатки седел); вооружение (наконечники стрел, сабли, колчаны и их украшения, кинжалы, копья, доспехи); украшения (серьги, перстни, бусы, зеркала, «бокка»); бытовые предметы (кресала, ножи, ножницы, шилья, гребни, сосуды); пряжки, косметические щипчики, остатки кожаных сумок, бронзовые бубенчики.

Богатством инвентаря отмечаются погребения знати. Так, в *Лебедевском могильнике* раскопан курган средневекового периода. В могильной яме на глубине 2 м расчищен скелет погребенного, обращенный головою на запад. На дне могильной ямы находились доски, на которых лежал усопший. По всему периметру могильной ямы выбраны пазы, в которые вставлены доски перекрытия.

На скелете сохранились пластинки доспехов, нашитых на рубашку. Рукава и края рубашки тоже были обшиты узкими продолговатыми пластинками. Справа, на уровне головы, стоял железный шлем. К нижней

кромке шлема прикреплено железное кольцо, к которому подвешивались узкие, продолговатые пластинки в два ряда по всей окружности. Между шлемом и головой воина было найдено золотое кольцо.

У фаланги кисти правой руки лежал колчан. Внутри колчана помещались железные подтреугольной формы черешковые стрелы. Недалеко от панциря лежали две серебряные позолоченные миндалевидной формы сферические пластинки, на одной из которых изображены головы двух рогатых козлов и голова тигра с разинутой пастью, удерживающей зубами солнечный диск. Две другие округлые бляхи имели узор в виде веревочки.

Между костей ног воина, на уровне коленных суставов, стоял небольшой серебряный сосуд колоколообразной формы. У задней стенки ямы, недалеко от ступней ног, лежали железные удила и пряжка от конской уздечки. Ступни ног воина были покрыты, по-видимому, щитом.

Около костей левой руки лежала длинная, несколько изогнутая железная сабля (длина 95 см, ширина лезвия 4 см) и клинок. У костей ног — кольчатые удила и пряжка.

В кургане 3, диаметр которого 16 м, высота 1,1 м, в могильной яме был захоронен мужчина. По сравнению с описанным захоронением воина-аристократа здесь не было помоста, могила отличалась скромностью положенного

в могилу инвентаря. Это различные по форме стремена; одно с петлей, отделенное от дужки перехватом. Из одежды сохранились остатки кожаного пояса, квадратной формы пряжка с подвижным язычком, серебряные квадратные накладки и два колечка, служивших украшением поясного набора.

В первой трети XIII в. произошли коренные изменения, связанные с монгольским завоеванием.

В это время резко увеличивается число погребений с северной ориентировкой. В составе инвентаря появляются головные уборы — «бокка» и вырезанные из листа металла фигурки человечков.

Золотоординский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную, упрощении формы могильных ям.

В погребальной обрядности отчетливо проступают результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, расположенного около городских центров, начинает хоронить своих покойников, соблюдая мусульманские каноны, сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы обернутыми в саван, лицом к Кыбле, без сопровождающего инвентаря.

Знатные люди, представители аристократии, строят для покойников мавзолеи с купольными либо шатровыми перекрытиями, помещениями для захороненного и поминальных молитв.

ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

Главным занятием части древних тюрок, тюркешей, огузов, карлуков и кимаков, кыпчаков, казахов было кочевое скотоводство. Скотоводы регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевков, выработавшиеся веками, пролегали через известные броды рек, удобные перевалы гор, пастбища с обильным кормом и хорошими водопоями. Предполагалось знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Какая-то часть огузов зимовала в низовьях Сырдарьи, а летовала в прикаспийских степях. Ал-Бируни сообщает о передвижениях огузов поздней

осенью к границам Хорезма и упоминает о других их группах, кочевавших близ оз. Манкур, в стране кимаков в предгорьях Улутау.

У огузов были повозки с установленными на них кибитками, типичные для кочевников, перемещавшиеся по степным просторам на большие расстояния.

Средневековые авторы отмечают, что тюркешей, кимаки, огузы и карлуки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало — для освещения». Баранина, доставлявшаяся из страны огузов в Хорасан и Мавераннахр, считалась тогда лучшей. Ибн ал-Факих пишет, что тюркские бараны «очень крупные и у них большие хвосты, волочащиеся по земле». Вероятно, разводились также стада каракульской породы овец. Так, ибн

Хаукаль сообщает, что в Туркестане имеются овцы, от которых получают красивые смушки. Особо ценились шкурки ягнят черного, красного и темно-красного цветов.

В кочевом хозяйстве важное место занимало коневодство. Благодаря выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан и Гардизи сообщают о громадных табунах лошадей, разводившихся огузами и кимаками в X в. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали молоко и мясо. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготавливали напиток — кумыс.

Разводились две породы лошадей — невысокие, с массивной головой, толстой и короткой шеей, и рослые верховые кони, с небольшой головой и тонкими ногами. Тамим ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами», по всей вероятности, имел в виду скаковых лошадей.

Кочевые огузы, карлуки и в меньшей мере кимаки занимались и верблюдоводством. Огузы, судя по источникам, разводили крупных двугорбых верблюдов. Ибн Фадлан, путешествовавший на таких верблюдах, именуется их тюркскими.

В некоторых источниках упоминается о разведении карлуками, огузами и кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот, в основном, содержали полуседлые группы. Быки использовались кочевниками также для упряжек.

Мясо и молоко употребляли в пищу, шерсть использовали для изготовления войлока, шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на продажу в соседние земледельческие области.

Одним из источников существования у тюркшей, огузов, кимаков и карлуков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь». Интересное описание способов охоты тюрков имеется у Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Наряду с индивидуальной охотой организовывались и облавные; они, кроме хозяйственных целей, имели и военное значение, являясь своеобразными военными учениями.

Среди кимаков, огузов и карлуков имелись охотники на пушных зверей — лисиц, куниц, бобров. Кимаки охотились также на соболей, горностаев и крупных хищных зверей: тигров, барсов.

Отдельные группы огузов, кимаков и карлуков, главным образом, малоимущие, занимались рыбной ловлей на Сырдарье, Иртыше и других реках. В «Диван лугат ат-турк» и арабо-кыпчакских глоссариях приведена кимако-кыпчакская терминология рыболовных орудий труда: *аргак* — крючок, *аг* — сеть, *ужан* (улук) — маленькая лодка, *кеми* (*караб*) — большая лодка. Сведения письменных источников подтверждаются археологическими материалами из Прииртышья. В могильниках VIII—IX вв. найдены бронзовые изображения рыб.

Среди тюркшей, карлуков, огузов и кимаков имелись компактные группы полуседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые... Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут». В IX-X вв. часть обедневших скотоводов переходила к земледелию и, соответственно, усиливались экономические связи кочевников с населением оседлоземледельческой полосы, особенно в результате расширения торгового обмена.

Область, где проживали карлуки, по сведениям автора «Худуд ал-алам», была наиболее заселенной и самой богатой среди территорий, принадлежавших тюркам, в ней было много городов и оседлых селений.

Источники свидетельствуют о значительных группах оседлых земледельцев и горожан среди огузов. «Города огузов — многочисленны, — отмечает ал-Идриси, — они тянутся друг за другом на север и восток». Абу Дулаф свидетельствует, что в огузском городе-ставке имелись постройки из камня, дерева и камыша; Масуди констатирует, что огузы Приаралья разделялись на кочевых и оседлых. В низовьях Сырдарьи огузам принадлежали города Янгикент, Джэнд, Джувара. Согласно «Худуд ал-алам», Бируни и Махмуд Кашгари, огузы имели оседлые поселения также на среднем течении Сырдарьи: Карнак, Сюткент, Фараб, Сыгнак и Сауран, их основными жителями были ятуки (жатаки). По определению Махмуда Кашгари, «вид огузов, который живет в их городах, не

перезжает в другие места и не воюет, называется ятук, то есть заброшенные, ленивцы».

Археологические изыскания в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи установили остатки многочисленных раннесредневековых поселений со своеобразной концентрической планировкой и расположенных рядом орошающихся каналами земельных угодий.

Оседлые поселения у кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков с войском, рассказывает, что около его ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминается Имакия (по другим источникам Кимакия) — летняя резиденция хакана и селение Жубин.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержат сочинения ал-Ид-

риси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, он говорит о 16 городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. Упоминаются в источниках замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой. В Центральном Казахстане обнаружены городища, стены которых сложены из кирпича-сырца, дерна. Здесь же открыто много древних остатков поселений, оросительных каналов.

Полуоседлые и оседлые группы тюргешей, карлуков, огузов и кимаков, занимались земледелием, сеяли, главным образом, просо. Абу Дулаф свидетельствует, что карлуки и кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень; говорит о выращивании ими такой трудоемкой сельскохозяйственной культуры, как рис, что возможно лишь на поливных землях.

О традиционном возделывании этих культур позволяют судить термины, употреблявшиеся огузскими и кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в толковых словарях. Все они тюркского происхождения: *экин* — посев, *бугдай* — пшеница, *тару* (тарыг) — просо, *арпа* — ячмень, *тутарган* — рис, *мерджамак* — чечевица.

Земледельческое хозяйство тюргешей, карлуков, огузов и кимаков было натуральным и обеспечивало нужды собственного потребления. Сведений о продаже или обмене ими своей сельскохозяйственной продукции нет. Напротив, в источниках сообщается о ввозе зерна и хлеба в центры оседлых и полуоседлых групп, например, в резиденцию огузских джабгу, город Янгикент.

Таким образом, у кимаков, огузов и карлуков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

Города карлуков, огузов и кимаков сложились и росли как политические и экономические центры на основе синтеза хозяйственно-культурных традиций.

Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у тюргешей огузов, кимаков

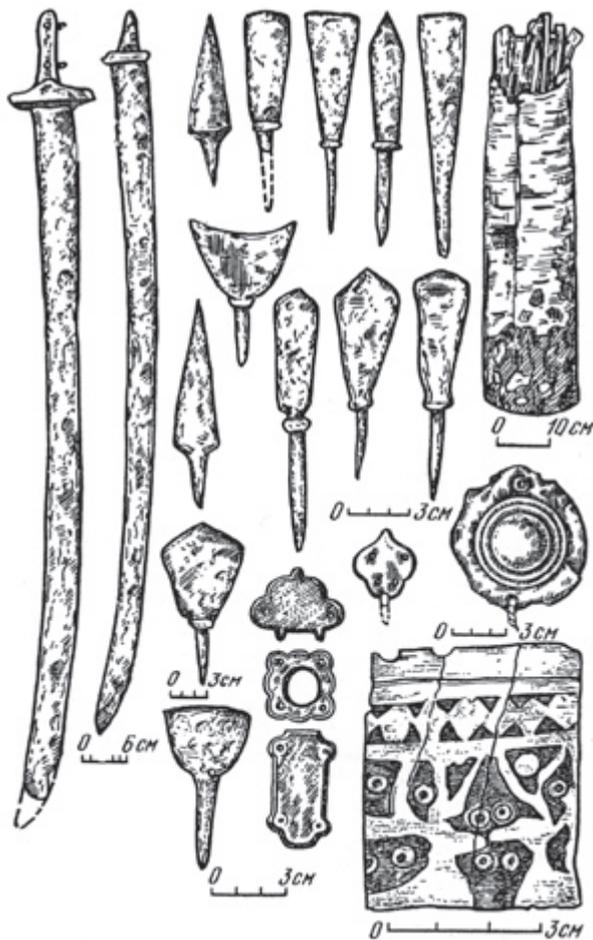

Рис. 5.17. Вооружение кочевников Казахстана и Средней Азии в XIII—XIV вв.

и карлуков были обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление одежды различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него же делали одежду. Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки — самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда». Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Рядовые общинники обычно сами изготавливали для себя различные предметы вооружения, хозяйственного и бытового назначения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрок делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другу: они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копыя».

В быту широко применялись деревянные изделия — седла, посуда, лодки, части юрты.

В принадлежавших тюркешам, карлукам, огузам и кимакам поселениях было налажено гончарное производство. Кроме того, на территории их обитания добывалось железо, серебро, золото, медь и драгоценные камни. «Из железа тамошние мастера, — писал ал-Идриси об огузах и кимаках, — делают изделия необычайной красоты». Из золота и серебра изготавливали предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, царь кимаков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описал технологию плавки золота у кимаков: «По обычаю (кимаки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупички золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота».

Существование ремесленного производства у тюркешей карлуков, огузов и кимаков подтверждается археологическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика.

Основным занятием населения Казахстана в XIII — XV вв. оставалось, как и в предшествующие века, кочевое скотоводство. Кочевники разводили овец, лошадей, верблюдов, в отдельных районах — и крупный рогатый скот. Население занималось и земледелием (богарным и поливным), а также рыболовством и охотой. Лошадь являлась основным средством передвижения во время перекочевок и военных

походов. Овцеводство было распространено повсеместно. Кроме основного продукта питания — мяса, оно давало кожи, шкуры и шерсть, применявшуюся для изготовления одежды, постельных принадлежностей, ковров, войлочных изделий. Домашние ремесла по обработке животноводческого сырья удовлетворяли потребности кочевников в предметах одежды и быта. Мастера изготавливали более сложные предметы — конскую сбрую, металлические украшения, военное снаряжение (мечи, копыя, луки, стрелы), арбы, детали юрты.

Соотношение типов скотоводства — кочевого, полукочевого и оседлого — менялось в зависимости от экологических условий, политических событий, миграций племен и народов. В связи с этим изменялись маршруты кочевков, сложившиеся в соответствии с естественно-географическими условиями и историческими традициями. В силу традиций кочевые роды и

Рис. 5.18. Оружие, конское снаряжение, украшения, посуда кочевников Казахстана и Средней Азии в IX—XIV вв.

племена Ак Орды и Ханства Абулхаира переходили на зиму из кочевий в отдельных районах Восточного Дешт-и Кыпчака в долины Сырдарьи и ее притоков, в предгорья Каратау и Приаралья. Традиционные маршруты кочевий ногайских скотоводов (от зимних стоянок в устье Волги и на северо-восточном побережье Каспийского моря до летних — вверх по Волге, Уралу, Эмбе) в соответствии с политической обстановкой сдвигались в сторону Приаралья и низовий Сырдарьи на востоке, вдоль побережья Каспийского моря на юге к Кумской низменности на западе. В Семиречье маршруты кочевий были более короткими. Источники называют наиболее известные из пастбищных угодий: жайлау Улуг Жулдуз и Кишик Жулдуз в бассейне р. Или, пастбища равнины Абиш между Чарыном и Чиликом.

В XIV—XV вв. произошли изменения в хозяйстве населения Юго-Восточного Казахстана. Длительное господство монгольских ханов и феодалов к концу XIV в. уничтожило оседло-земледельческую и городскую культуру в Семиречье. Кочевое скотоводство превратилось в главную отрасль хозяйства местного населения. Следы земледельческой жизни еще сохранились в XIV—XV вв. в Западном Семиречье, в долинах Чу и Таласа. В то же время письменные источники сообщают о строительстве в XV в. новых поселений, караван-сараев, крепостей. Борьба за оседло-земледельческие районы и города вызывала междоусобные войны.

Жизненные интересы населения кочевых районов Семиречья, необходимость сбыта продуктов скотоводства и приобретения предметов городского ремесленного производства и земледельческой продукции ориентировали его на экономические связи с населением земледельческих областей Южного Казахстана и Средней Азии.

Торговый взаимообмен скотоводов степных районов Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии положительно воздействовал на рост городского и земледельческого хозяйства на юге и скотоводческого — в степи.

Выгодное положение региона Южного Казахстана на стыке оседло-земледельческого мира с кочевой степью, на перекрестке магистральных торговых путей сделали его центром хозяйственно-культурных, экономических контактов соседствующих народов. Они способствовали заимствованию кочевниками и земле-

дельцами друг у друга элементов материальной культуры, быта, хозяйственных навыков, социальных норм, форм государственной организации, военного искусства, вели к культурному обмену. Через города шло распространение среди степной аристократии мусульманской культуры, письменности, книжного образования.

В XV—XVII вв. у части казахов сохранялось кочевое и полукочевое скотоводство. В основном разводили овец, лошадей, верблюдов, а крупный рогатый скот, главным образом, в местах оседлого хозяйства.

В Казахском ханстве, как и в прежних государствах на территории Казахстана, существовали маршруты и годичные циклы кочевания со сменой сезонных пастбищ (коктеу, жайлау, куздеу, кыстау). При этом каждый род, который состоял из десятков, а нередко и сотен аулов, традиционно кочевал в пределах определенной географической зоны. Выбор мест кочевий зависел не только от традиций и хозяйственных нужд, но и от политических условий в ханстве.

Сохранялись и постоянно совершенствовались отработанные веками навыки ведения животноводческого хозяйства. Жилище казахов — юрта, а также хозяйственный инвентарь были хорошо приспособлены для кочевания и обработки животноводческой продукции. Кочевое скотоводческое хозяйство во многом обеспечивало жизнь казахской семьи, давая продукты питания, материалы для одежды и обуви, устройства и убранства юрты, транспортные средства для перекочевков. Кочевники-скотоводы ханства занимались домашними промыслами, главным образом переработкой животноводческого сырья. Изготавливали войлок, ковры, одежду, обувь, кожаную посуду, сбрую. Хотя хозяйство казахов оставалось в основном натуральным, но оно давало и излишек продукции для обмена на товары и продукты, произведенные городскими жителями и земледельцами. На рынках городов Туркестана кочевники-скотоводы пригоняли скот, доставляли кожи, шерсть, изделия из них, а также холодное оружие. В обмен скотоводы получали разнообразные товары: хлеб, хлопчатобумажные и шелковые ткани, изделия гончарного и металлического производства, готовые изделия из тканей и кожи (халаты, головные уборы, обувь, детали конского убранства), а также разную домашнюю утварь, оружие, украшения из дорогих металлов, зеркала и многое другое.

В Казахском ханстве были развиты также оседлое и полuosедлое земледелие и городская культура.

Постоянная связь кочевого хозяйства населения степных районов и районов оседлого земледелия и городского хозяйства была неотъемлемой чертой экономической жизни казахского общества.

Оседание казахов-кочевников интенсивнее происходило в зоне присырдарьинских оазисов и юго-западной части Семиречья (по сравнению с другими районами государства). В городах часто жили ханы со своим двором и войском.

В XV—XVIII вв. развивалась и самобытная культура казахского народа. В ней органически были восприняты культурные ценности предшествующих племен и народов, живших на территории Казахстана. Архитектурные комплексы Сыгнака и Саурана, Ясы и Отрара, мавзолей Джаныбека и Касыма в Сарайчике, Казангапа в районе Улутау, мазары на Мангышлаке, в низовьях Сырдарьи и в предгорьях Каратау отличались своеобразием, строгостью и выразительностью архитектурных форм.

Изделия домашних промыслов и прикладного искусства: тонко орнаментированные предметы конского снаряжения, юрты, искусно выделанные предметы убранства и домашнего обихода (ковры, кошмы, вышивки, циновки, посуда), нарядная женская одежда и украшения — все это свидетельствует о высоком уровне своеобразной материальной культуры народа.

Для Казахстана всегда было характерно взаимодействие скотоводов и земледельцев, степи и города.

Эти взаимодействия были многообразны: политические, экономические, культурные, этнические.

«Непроходимой границы» между земледельцами и скотоводами не было и в массе последних всегда имелись потенциальные группы населения, которые при определенных условиях и стечении обстоятельств переходили на оседлый образ жизни. Были и обратные процессы, но в целом при всех локальных и хронологических изменениях тенденция к расширению зоны оседлости, земледелия и урбанизации всегда имела место.

Археологическое изучение городской культуры позволило выявить новый материал, систематизировать его и рассмотреть целый ряд вопросов, в том числе и аспект развития городской культуры во взаимодействии с кочевой культурой.

В эпоху древнетюркских государств при Караханидах, а затем в эпоху Ак Орды, Могулистана, Казахского ханства происходит разграничение территории кочевания, стабилизируются маршруты кочевий, закрепляются постоянные зимовки и летовки, развивается земледелие, происходит переход к оседлости отдельных родовых подразделений. Складывается государственный бюрократический аппарат, формируется общий язык и письменность, развиваются торговые и дипломатические связи. В этих условиях происходит формирование городов как административных ставок, так и центров ремесла, торговли, культуры.

Культурологический аспект взаимодействия характеризуется такими явлениями, как заимствование, подражание, интеграция. Так, к примеру, оседлое население заимствовало у кочевого типа вооружения, украшений, посуду из драгоценных металлов. Однако оседлое население не шло по пути слепого копирования, а привносило в эти изделия свои специфические элементы.

Но «передав» престижные предметы, связанные с воинской аристократической средой средневекового общества, кочевники могли полностью удовлетворить свои запросы в этих изделиях только при наличии развитого городского ремесла. Таким образом, спрос кочевников, скотоводов стимулировал развитие городского ремесла, а древнетюркские каганы и казахские ханы были заинтересованы в строительстве городов. В то же время переходящее к оседлой жизни скотоводческое население перенимало у оседлого населения традиции строительного дела, а тюркская знать приглашала для возведения дворцовых комплексов и их украшения строителей из числа оседлого населения.

Касаясь взаимодействий в сфере материальной культуры, невозможно обойти вопрос об этнических процессах. Взаимодействия в этническом плане характеризовались двумя видами миграций: перемещением больших групп населения — «великое переселение народов», согдийская колонизация и тюркские завоевания, монгольское нашествие и микромиграциями, когда переселялись небольшие группы населения — проповедники, торговцы.

Эти переселения сопровождались интенсивными этногенетическими процессами, которые одновременно носили объединительный характер.

Монуменральная скульптура древних тюрков. От Великой Китайской стены до Причерноморских степей, в горах Монголии, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Киргизии, Казахстана можно увидеть каменные антропоморфные изваяния тюркских народов. Установленные в степи, в горных котловинах, эти древние статуи служили ориентирами на путях древних кочевий. Формирование древнетюркских этносов протекало на Саяно-Алтае, в Восточном Туркестане и Семиречье. Каменные изваяния появились, возможно, в результате знакомства тюрков с каменной скульптурой скифо-сибирского круга.

Тюркские антропоморфные изваяния занимают территорию, входящую в Первый и Второй Тюркские и Уйгурский каганаты в период с VI по IX вв. н. э., включающую Горный Алтай, Туву, Тарбагатай, Семиречье, верховья Иртыша, бассейн Верхней Селенги и Орхона. Отсюда происходит большая часть памятников (около 1000). Небольшое количество подобных скульптур найдено на сопредельных территориях. Изваяния распространяются в меридиональ-

ном направлении с востока на запад, не менее чем на 2500 км. Распад Первого Тюркского каганата обусловил определенные отличия в развитии монументального искусства в его разных частях. На востоке возник крупный центр на реке Орхон, где был воздвигнут памятник в честь Кюльтегина. Ставка кагана поддерживала близкие отношения с Танским Китаем, о чем свидетельствуют исторические документы. Танское влияние отразилось на иконографии древнетюркского искусства. Достаточно взглянуть на скульптуру Кюльтегина, чтобы отметить несвойственные для ранних тюрков буддийские черты в облике правителя. Намечаются отличия в иконографии фигур. В Семиречье встречаются изваяния с птицей в руке вместо чаши или кубка, женские фигуры. Такие стилистические признаки, как манерное изображение пальцев руки, держащей чашу, изогнутая линия бровей, увеличенно большие миндалевидные глаза, характерны в большей степени для Семиречинских изваяний и могли появиться под влиянием согдийского искусства.

Все изваяния можно разделить на две большие группы, которые очень четко различаются по способу оформления, по форме и размерам камней, по наличию определенных атрибутов: 1 группа — это камни с изображением лица или головы, 2 группа — изваяния, передающие фигуру человека.

Изваяния первой группы с изображением лица или головы человека наиболее многочисленны, распространены по всему ареалу расселения тюрков. Эти изваяния являются традиционными, обычными для поминальных памятников, необходимым атрибутом культового места. Они могли создаваться на всем протяжении древнетюркского времени, более дробная их датировка пока невозможна. Такие стелы обычно устанавливались около прямоугольных поминальных оградок из плоских плит с восточной стороны, лицом на восток, и от них отходит ряд камней — балбалов, который тянется от десятков до нескольких сотен метров на восток. Лицевые изваяния представляют собой плоские плиты песчаника, высотой до 1 м, почти необработанные (прошлифовывается только лицевая часть стелы, углы сглаживаются).

В первой группе изваяний можно выделить два типа: плоские или необработанные каменные блоки с изображением лица, слегка обработанные камни с головой, вытесанной в виде

Рис. 5.19. Изваяния с птицей в руке

объемной скульптуры. На камнях первого типа изображаются только нос, глаза и рот, довольно часто усы, закрученные концами вверх или прямые. Бороды обычно нет. Уши почти никогда не воспроизводятся. Изредка дается весь контур лица, обычно же подчеркивается только нижняя линия (подбородок, щеки), полукруглых или слегка приостренных очертаний. Если же голова воспроизводится полностью, то имеет или плавный округлый абрис верха (бритая?), или небольшой подпрямоугольный выступ на макушке, передающий головной убор. На нескольких изваяниях из Семиречья на голове показан трехрогий головной убор, подобный изображенному на голове богини на Кудэргинском валуне (Горный Алтай). Все изображения делаются гравировкой или низким рельефом. У изваяний второго типа иногда оформляется верхний край одежды в виде подтреугольного или фигурного выреза. Могут быть выделены плечи, на голове рельефные уши, на лице усы. Голова или округлых очертаний — «бритая», или с небольшим выступом — головным убором. Второй тип первой группы изваяний сближается со второй группой — скульптурными фигурами.

Изваяния второй группы, воспроизводящие скульптурную фигуру человека, могут считаться произведениями искусства. Необходимым атрибутом их является сосуд (кроме нескольких фигур с птицей в руке, вместо сосуда). Они делятся на три типа: с сосудом в одной руке с птицей, с сосудом в обеих руках. Большинство изваяний воспроизводят поясную фигуру человека. Но некоторые показывают сидящую фигуру с поджатыми вперед коленями или с ногами, скрещенными «по-турецки». Такие сидящие фигуры представлены во всех типах и встречаются в Монголии, Туве, Казахстане, Семиречье. По мнению Д.Г. Савинова и С.Г. Кляшторного, все древнетюркские изваяния воспроизводят сидящие человеческие фигуры — немного ниже пояса скульптур завершается, и остается необработанная часть камня, погружаемая в землю. На поверхности земли изваяние фиксировалось в позе восседающего, хотя изображение подогнутых ног чаще всего опускалось. Таким образом создавалась фигура умершего с кубком или птицей в руках, который как бы участвовал в погребальной трапезе, восседая в кругу еще живых соратников.

Для оформления изваяний второй группы использовалась техника круглой скульптуры для выделения головы и плеч, низкий и высокий

рельеф, который достигался удалением «фона» вокруг той или иной выступающей детали, техника контурной выбивки или резного рисунка. Изготавливались скульптуры из песчаника или гранита. На талии у многих скульптур показан пояс. Под поясом изображались украшения и оружие. Типы скульптурных изваяний отличаются не только по способу изображения сосуда, но и по многим стилистическим признакам. По деталям поясов, видам оружия, форме сосудов проведена датировка этих памятников.

Изваяния первого типа воспроизводили мужчин, держащих сосуд в согнутой правой или левой руке на уровне груди. Пол изображаемого обычно определяется наличием усов и бороды. Но этих признаков может и не быть. Другая рука лежит на поясе и в большинстве случаев держит оружие, чем подчеркивается воинское достоинство изображаемых. Все изваяния имеют общую высоту от 1,2 до 1,7 м, но над землей они возвышались на 0,7–1,5 м. Делались из уплощенных удлиненных каменных блоков. У скульптуры оформлялись голова и плечи, изредка подчеркивалась талия.

У некоторых изваяний показана прическа. Спереди волнистые волосы разделены прямым

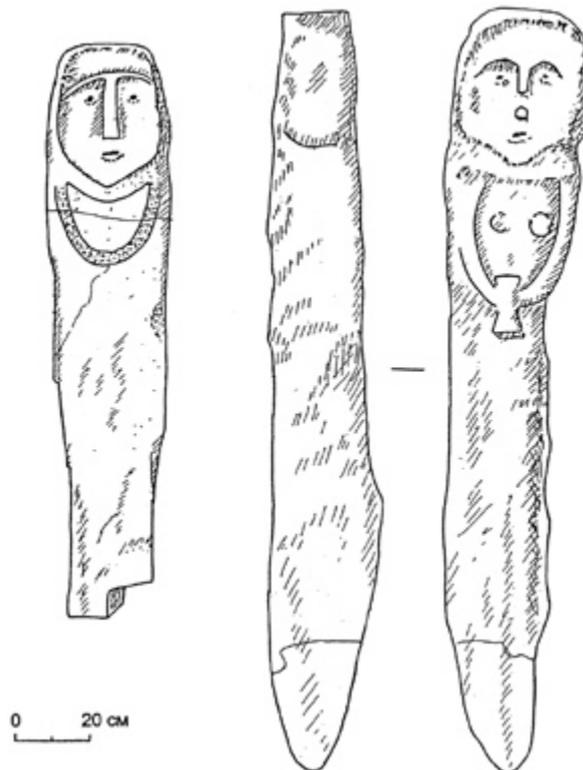

Рис. 5.19. Изваяния кыпчаков (по А.Н. Ермоленко)

пробором, а сзади заплетены в тугие косы. На скульптурах из Семиречья на спине показано пять или семь кос. Сначала они прямые, заканчиваются волнистыми линиями. На этих же изваяниях очень четко проработаны детали одежды. Это мужчины с усами и, в нескольких случаях, с бородой. Все они держат в правой руке кубок на поддоне. Левая рука лежит на рукояти изогнутой сабли. У некоторых показаны две сабли друг под другом. Тщательно проработан кафтан с широким треугольным воротом и большими отворотами. Интересно, что аналогичные изображения тюрков известны на фресках городища Афрасиаба в Самарканде. У них также волосы зачесаны в пять или семь кос, туго перевитых, а ниспадающие кончики распущены завитками, такие же кафтаны с отогнутыми подтреугольными воротниками, две сабли на боку, наборные пояса. Можно предположить, что на этих фресках изображены именно семиречинские тюрки, которые были в окружении у самаркандского царя.

На многих изваяниях первого типа из Тувы и Алтая на макушке головы подпрямоугольным выступом передаются головные уборы в виде небольшой круглой шапки с уступом на макушке и отворотами на полях (на некоторых изваяниях эти детали проработаны тщательнее. На скульптурах из Семиречья, Алтая и Центрального Казахстана показывается и высокий прямоугольный головной убор.

Детали лица передаются невысоким рельефом, прямой нос, расширяющийся на конце, моделируется одним валиком вместе с бровями. Чаще всего брови и нос образуют Т-образную фигуру. Брови дугообразные. Но иногда изображаются изогнутые брови (особенно в Семиречье).

В ушах изображались серьги, особенно часто у изваяний с Семиречья.

Детали одежды показываются по-разному: обычно только верхний край костюма — либо округлый, либо в виде подтреугольного мыса. Видимо, так передавались различные способы ношения одежды. В первом случае — ворот костюма глухо застегивался у шеи, а во втором — верхняя распашная одежда расстегивалась на груди так, что полы выворачивались и образовывались лацканы. В ряде случаев подчеркнуты узкие рукава без манжетов. На халатах спереди показывались кайма, украшающая борт, и застежки. Во всех деталях такой кафтан оформлен на скульптурах из Семиречья. Такая же одежда у тюрков на фресках Афрасиаба.

Изображаемые на изваяниях первого типа сосуды можно подразделить на несколько типов.

На изваяниях могли изображаться не только металлические сосуды, распространенные у тюрков в VII—VIII вв., но и глиняные с отогнутым венчиком, наклепными валиками и поддоном.

С особенной тщательностью на тюркских скульптурах воспроизводится пояс с подвесными украшениями, который был очень важной деталью костюма кочевника. Пояс у кочевых народов является обязательной принадлежностью в обрядах посвящения в разряд воинов, признаком социального положения. Воины с молодых лет получают право носить его. При этом по числу блях и подвесок на поясе определяется общественная значимость владельца.

Важную роль при определении социального статуса владельца пояса играл металл. Так золотые пояса были отличительным знаком аристократии.

Оружие (сабли, палаши, мечи, кинжалы, ножи) помещено с левой стороны статуи, наискосок по отношению к поясу. На семиречинских изваяниях, которые находят аналогии на афрасиабских фресках, изображено по две сабли друг под другом, одна из которых немного короче.

Для изваяний второго типа характерно изображение в правой руке, вместо сосуда, сидящей птицы. Левая рука при этом также лежит на поясе. Они встречаются только в Жетысу. Это изображения мужчин, хотя усы показаны не у всех изваяний. В одном случае на изваянии Алтын-Эмеля воспроизведены подогнутые «по-турецки» ноги. Изображение птицы имело какое-то особое символическое значение. Птица могла изображать душу умершего.

Третий тип изваяний представляет собой статуарные памятники, изображающие мужчину, в редких случаях женщину, с сосудом в двух руках. Многие из них сделаны из гранита. Это говорит о том, что те, кто создавал эти памятники, обладали очень высоким мастерством обработки камня, так как гранит довольно труден в обработке по сравнению с песчаником.

В Семиречье у некоторых статуй изображен халат с широкими рукавами и накидкой (мантией) без рукавов, наброшенной на плечи, прямые, свисающие вертикально борта которой закрывают боковые стороны изваяния.

На изваяниях третьего типа изображены сосуды с поддоном. В Жетысу преобладают в значительной степени изображения кубков

Рис. 5.20. Изображения тюрок в настенной живописи городов Средней Азии и в скульптуре Казахстана и Сибири.

на ножке. Почти все исследователи считают, что на изваяниях воспроизводятся сосуды из металла — золота или серебра, которые распространены с VIII по IX вв. Металлические кубки на ножке ведут свое происхождение из Ирана и Согда, где обнаружены в комплексах, датированных VI—VII вв., а также встречаются в настенной живописи раннего средневековья.

С особенной тщательностью на памятниках последнего типа оформлялись пояса с подвесными украшениями. Пояса с округлыми пряжками с язычком с прямыми поясными обоями и лунновидными бляхами могут датироваться VII—VIII вв. Надежным хронологическим показателем являются лировидные подвески, которые известны в археологических памятниках с VIII—IX вв. У половины изваяний на поясе есть оружие — сабли с прямым перекрестием, булавы, ножи, — которое соотносится с предметами VIII—IX вв., преобладают сабли и изогнутые кинжалы — IX—X вв. Таким образом, скульптуры третьего типа возводились в основном в период Второго каганата, а в Туве их распространение может быть связано с уйгурами. Однако в это же время существуют и изваяния других типов, а на некоторых фигурах с сосудом в двух руках есть реалии VII—VIII вв.

По-видимому, стилистические различия в оформлении тюркской скульптуры были продиктованы не столько временными изменениями, сколько семантической нагрузкой памятников. Во-первых, у них было различное предназначение в культово-поминальных обрядах.

Изваяния первого и второго типов, так же как и первой группы, устанавливались, в основном, около поминальных оградок с цепочками балбалов. Изваяния с сосудом в двух руках находились в специальных культовых сооружениях, наподобие комплекса Кюльтегина в Монголии. Такие комплексы известны в Монголии (Унгетский, Кюльтегина) и Туве (Сарыг-Булун) в период Второго Тюркского каганата и представляют собой специальную площадку, в центре которой устанавливался каменный ящик — культовое место для жертвоприношений. Надо отметить, что и в рядовых поминальных оградках в центре находятся следы очага и сгоревших костей животных. Рядом устанавливалась каркасная постройка из столбов, воздвигнутая над равным изваянием. Вокруг могил находились другие изваяния, каменные черепахи или бараны с углублениями на спине, в которые вставлялись стелы с руни-

ческими надписями — эпитафиями, а также ряды камней-балбалов. В Туве до сих пор сохранился целый цикл культовых представлений, связанных с каменными изваяниями, которые могли изображать не только конкретных умерших воинов, но и вообще божественных первопредков, а может быть, и самих верховных божеств Тенгри или Умай.

В этом отношении интересны женские изваяния из Жетысу. На некоторых из них изображен трехрогий головной убор. Женская фигура в таком головном уборе выгравирована на Кудэргинском валуне из Алтая, который датируется VI—VII вв. Женщина сидит в центре (ноги у нее скрещены «по-турецки») в пышном одеянии, а около нее стоят коленопреклоненные мужские фигуры в шлемах и кони. Исследователи интерпретируют центральную женскую фигуру, как изображение богини Умай.

Можно уверенно сказать, что все описанные жертвенники объединяются по ряду признаков в самостоятельную локальную группу. Все стелы этого региона, стоящие неподалеку от восточного края или в центре жертвенников, представленных в виде каменной выкладки круглой или квадратной формы. Большая часть каменных изваяний обращена лицом на восток.

Особенно интересны с точки зрения датировки памятников изображения сосудов стаканообразной формы, мало характерной для других районов Казахстана и Центральной Азии; в пределах Казахстана подобные сосуды датируются IX—XI вв., а половецкие «бабы» с такими сосудами относятся к X—XI вв.

Дважды на изваяниях показаны кувшинообразные крынки. Подобные горшки известны и на изваяниях более ранних (в Семиречье и в Туве), и наиболее поздних — половецких.

О близости каменных изваяний Казахстана половецким свидетельствуют гривны, показанные несколько раз. Они не были типичным элементом древнетюркских изваяний мужчин. Скорее всего, гривны можно рассматривать и как свидетельство этнического родства создателей скульптур, и как доказательство более поздней даты статуй.

Нужно также упомянуть о высоких головных уборах, иногда показанных на казахстанских скульптурах. Подобные головные уборы совершенно отсутствуют в Монголии, это исключительное отличие казахстанских изваяний, скорее всего, женских. Кстати, эти головные уборы напоминают казахские женские

шапки — кимешек, существовавшие вплоть до конца XIX века. О наличии связей между сходными формами сосудов и головных уборов как свидетельств этногенетической и культурной близости племен кыпчаков Казахстана и южно-русских кыпчаков — половцев уже говорилось неоднократно.

Итак, аналогии в манере держать сосуд в двух руках, формы сосудов, изображение груди, отсутствие пояса с оружием — все это позволяет сравнивать жертвенники Мерке с изваяниями IX—XI вв. из Семиречья и Прииртышья, а также с некоторыми половецкими «бабами» южно-русских степей. Последние датируются XII—XIII веками и связаны с продвижением кыпчаков из Казахстана в степи Восточной Европы.

Можно допустить, что между племенами древних тюрков на Орхоне, Тувы, Казахстана и Киргизии (VI—VIII вв.), с одной стороны, и половецкими и другими тюркоязычными племенами Восточной Европы — с другой, лежит целая историческая эпоха. И естественно, что, трансформируясь во времени и пространстве, обряды и культы древних тюрков претерпели серьезные изменения, но в общих чертах главная идея не была утрачена ни в обряде, ни в сути жертвоприношений и установки идолов в честь предков.

Веками сохраняли тюркские племена традиции сооружения каменных идолов в память о предках, в честь культа солнца и в связи с ним культа востока, а также культа предков. Следы этих культов обнаружены в Синьцзяне, Монголии, Казахстане и на юге России. Обряд поминания предка был первоначально связан с каменной оградкой или выкладкой. Именно такие оградки или выкладки обнаружены и в Казахстане. В Жетысу в Мерке зафиксированы сотни квадратных и округлых оград. Каменное изваяние стоит иногда с восточной стороны оградки, иногда — в центре ее. Вероятнее всего, каменных идолов ставили только знатым и именитым предкам, а для совершения поминок рядового члена рода достаточно было и каменной оградки или кургана.

Когда и где появился культ женщин и связанный с ним обычай вытесывать женские изваяния? Канон изображения женщин в высоких головных уборах, без поясов и оружия, но с сосудом в двух руках приходит вместе с кипчаками. Культ матери-прародительницы, культ матери-земли, богини Умай, чье имя упоминается неоднократно в древнетюркских тек-

стах, был одним из древнейших в Центральной Азии.

Именно глубокая древность ритуала, связь женского образа с мифологией древних тюрков и объясняют столь долгую живучесть отдельных ее элементов. Так, известно, что веками сохраняются древние традиции на территории тюрков. Известны оградки, где в день поминок устраивают жертвоприношения казахи начала XIX века. Казахи Средней Орды (а в нее входили и племена кыпчаков) до XIX в. оплакивали умершего «перед куклой или болваном, который, будучи одет в платье покойного, служит плачущим вместо его изображения. На могиле они сооружали пирамиды из камня и глины, высокие ограды, где оставляли жертвоприношения.

Новые материалы показывают, что в кыпчакских жертвенниках Казахстана женские изваяния преобладали и что за редким исключением все они высечены с сосудом в двух руках; следовательно, можно считать, что эта традиция принесена в южно-русские степи отсюда.

На примере святилища Мерке можно также утверждать, что оградки и каменные выкладки, похожие на курганы, существовали в Казахстане вплоть до XI века, а также, что на этом памятнике каменные изваяния столбообразной формы со схематически переданными лицами существовали рядом и, очевидно, одновременно с более тонко проработанными скульптурами, у которых показаны гривны, груди, головные уборы и сосуды. Возможно также, различие между этими двумя типами не хронологическое, а объясняется социальными причинами.

Все вышесказанное позволяет считать жертвенники Казахстана промежуточным звеном между центральноазиатскими древнетюркскими каменными бабами мужского рода и половецкими женскими изваяниями южно-русских степей. Кипчакские скульптуры Сандыкского плато в Жетысу замыкают в единую цепь памятники всех тюркоязычных народов Евразии, свидетельствуя о самобытной культуре кочевников широкого региона.

Каменные изваяния отражали представления тюрков о сакральности и божественности сущности человека и его изображения.

В именных изваяниях древних тюрков нашли отражения верования, связанные с культом предков, различными обрядами переходного цикла, которые неотъемлемой частью вошли в духовную культуру многих народов.

Наскальные изображения древних тюрок. Этот пласт петроглифов изучался З.С. Самашевым. Один из наиболее распространенных сюжетов в петроглифах эпохи раннего и развитого средневековья — всадник на коне со знаменем, поединки всадников с копьями, поединки конных и пеших рыцарей, сцены кочевков. Этот образ встречается на огромном пространстве от Дальнего Востока до Придунайских степей.

Основным элементом, позволяющим выделить древнетюркский пласт наскальных изображений пояса степей, является знамя. В древнетюркских письменных источниках неоднократно упоминается *туг* — прямоугольное полотнище, прикрепленное к шесту.

Названия *туг*, *ту*, *байрак* сохранились в лексике всех современных тюркоязычных народов.

Знамя изображалось в виде прямоугольника на верхнем конце шеста, иногда с двумя, тремя и более кистями на широком конце. Такие знамена имеются среди петроглифов Семиречья эпохи средневековья.

Флаги по размерам меньше, чем знамена, по форме прямоугольные, с косицами (иногда в виде треугольных вырезов), реже треугольные. Они также характерны для семиреченских петроглифов.

Помимо знамен и флагов в петроглифах встречаются *бунчуки* — пучок конского волоса, прикрепленный к древку копья. Основным критерием определения бунчука является прикрепление его к древку копья.

К категории «бунчук» можно отнести не только изображения пучков конских волос, но и закрепленные на копьях продолговатые «флажки» с треугольными вырезами на концах. Копье в руке всадника на верблюде встречено в петроглифах из Восточного Казахстана; в Юго-Западном Прибалхашье в сцене боя конного и пешего копейщиков.

Священными символами воинских подразделений или знаками полководческого ранга были *штандарты*. К их числу можно отнести две подвешенные к шесту рамчатые фигуры с кистями по периметру, обнаруженные в Семиречье. Серия изображений штандартов обнаружена в районе р. Коксу в Семиречье, еще два в виде трезубца, подвешенного к шестам, — в Восточном Казахстане.

В петроглифах представлены основные виды как наступательного, так и защитного оружия, а также воинское снаряжение.

Две батальные сцены из Юго-Западного Прибалхашья и Джунгарского Алатау иллюстрируют способы применения копья в ближнем бою. В обоих случаях конные копейщики сра-

Рис. 5.21. Наскальные изображения древнетюркских всадников.

Рис. 5.22. Наскальные рисунки казахов. Гора Айфакты (по А.Г. Медоёву)

жаются с пешими воинами. Треугольный наконечник показан лишь в одном случае — в сцене святилища Баян-Журек в Семиречье. Кроме того, у одного знаменосца из Тамгалы древко флага увенчано наконечником треугольной формы.

В средневековых петроглифах Казахстана достоверное изображение сабли известно только в Тамгалы, где зафиксирована фигура конного воина.

Наскальные изображения лука эпохи средневековья трудно отличить от скифо-сакских.

Тюркскими можно считать пеших и конных лучников, изображенных на камне в окрестностях с. Никитинка. У пеших лучников более четко показаны сложные «М»-образные луки с загнутыми концами. Здесь запечатлена батальная сцена: изображены две группы пеших лучников в сопровождении конных воинов со штандартами. В левой части камня среди фигур всадников на верблюде и лошадях, а также козлов изображена аналогичная фигура пешего лучника. В верхней части камня воспроизведены два всадника, у которых луки выглядят несколько иначе, чем у пеших лучников, но по трактовке они чрезвычайно близки изображениям луков в руках конных знаменосцев в Тамгалы в Семиречье.

Прямоугольные предметы, примыкающие к поясам четырех пеших лучников, изображенных на камне из окрестностей с. Никитинка, по-видимому, следует рассматривать как колчаны.

Изображения шлемов представлены, в основном, в Тамгалы, Ой-Джайяу, Теректы и Сарыбулак. Шлемы всадников в петроглифах Семиречья и Таласского Алатау сфероконические, в ряде случаев увенчаны плюмажем. Как плюмаж можно, видимо, трактовать навершия в виде развилки на шлемах пеших воинов из долины Теректы Юго-Западного Прибалхашья. Шлемы некоторых конных воинов из долины р. Теректы и ур. Тамгалы имеют по бокам «рога».

Изображения конных воинов из Верхнего Прииртышья и Семиречья не содержат какой-либо информации об одежде. Однако сцена поединка из Теректы, упомянутая выше, изображает спешившихся воинов в длинных «кафтанах». На функцию этих кафтанов как защитных доспехов указывает наличие шлемов, копий и прямых мечей или палашей на поясе воинов — это полный гарнитур тяжеловооруженного воина.

В ряде случаев под седлами всадников показаны прямоугольные, овальные потники,

чепраки. Особое значение у кочевников придавалось нагрудным и подхвостным ремням, необходимым при езде в горах и по пересеченной местности. Они украшались орнаментированными бляхами.

Отдельные детали уздечного комплекта — подшейные кисти, поводья — изображены в средневековых петроглифах Семиречья, Верхнего Прииртышья.

Элементами украшения коня являлись фигурная стрижка гривы в виде трех и более зубцов, стрижка и завязывание особым способом хвоста. На территории Казахстана наскальный рисунок коня с зубчатой стрижкой известен кроме Тамгалы и Прибалхашья в верховьях Иртыша. Редким изображением древнетюркской эпохи является летящий сокол — оно существует в петроглифах Тамгалы.

Интересные данные получены о казахских наскальных рисунках. В 1989—2003 годах З.С. Самашев и Ж.М. Жетибаев проводили исследования памятников искусства казахов северо-восточного Прикаспия — наскальных и настенных граффити и росписей XVIII — начала XX вв. и взаимосвязанных с ними зоо антропоморфных изваяний — кошкартасов и кулпытасов, являющихся неотъемлемыми элементами погребально-поминальных и мемориальных сооружений. Много казахских рисунков на каменных поверхностях собрал и опубликовал А.Г. Медоев.

Наскальные изображения казахов Устюрта и Манкыстау зафиксированы в горах Акмая, Айракты и в пещерах мыса Жыгылган на северо-восточном побережье Каспийского моря. Ведущий образ наскального искусства — всадник с воинскими атрибутами и реалиями: конь, выгравированный с особой тщательностью; снаряжение боевого коня — седло с высокими луками (чаще с изогнутой передней лукой, в основе которой зооморфный мотив), чепраком; переметные сумки, уздечка с поводьями, чумбуром и треугольной формы амулетом с бахромой, нагрудные и подхвостные ремни; оружие ближнего и дистанционного боя и воинское снаряжение — сабля в ножнах и с портупейными ремнями, кинжал, боевой топор с разными формами бойка, копье, иногда с ромбическими наконечниками на двух концах древка, петлями и бунчуками из конских волос, палица, шесть, лук, стрелы, фитильное ружье на сошках — с XVI—XVII вв., колчан, пороховница, нагайка, пика. Редко воины показаны в островерхих головных уборах и в сфероконических шлемах

Рис. 5.23. Наскальные рисунки и рунические надписи Кочкорской долины (по К.Ш. Табалдиеву и О.А. Солтобаеву)

с плюмажем. Конники изображены как участники поединков, сцен массовых сражений и охоты на горных козлов, архаров.

Гравюры на стенах сагана-тамов (безкупольных мавзолеев), купольных мазаров — самые многочисленные и разнообразные как по видовому составу, так и по сюжетам. Детали воинской атрибутики проработаны тщательно, однако сами люди изображены безликими и крайне условно: туловища заменены простыми линиями, прямоугольниками, изредка — фигурами, похожими на стилизованные антропоморфные изваяния казахов, а ноги — гипертрофированными изображениями сапог на высоких каблуках, с расширяющимися кверху голенищами.

Изображения различных животных (лошадей, верблюдов, козлов, архаров, птиц, хищников) объединены в композиции, воссоздающие сцены охоты, перекочевков, шествия кочевых караванов, нападения волков на стадо, отражающие повседневную жизнь кочевника-скотовода. Рисунки предметов вооружения и быта

(инструменты, самовары, пращи, туфли-кебис, сумки, камши, курук, сапоги, лунки для игры в тогуз кумалак (народная спортивная игра), посуды занимают участки внешних и внутренних стен, кровли, карнизов, барабанов и куполов мавзолеев не создавая какие-либо сюжетные линии.

На стене одного мазара некрополя Карагашты Аулие изображена телега-двуколка с одноконной запряжкой, оглоблями, решетчатым кузовом, на котором среди поклажи показаны схематичные фигуры пяти пассажиров. Упряжь: уздечка, хомут, шлея и вожжи. Экипаж двуколки сопровождает конный копейщик, опоясанный наборным поясом, в головном уборе и с камшой.

Рисунки на малых формах надгробных памятников (саганатами)-(ящички) саркофаги, уштасы-пирамидки из блоков, обелиски-изваяния) представлены образом вооруженного воина, на кошкартасах (скульптурных изображениях барана) представлены всадники, лучники, зооморфные фигуры, тамги и предметы

Рис. 5.24. Наскальные рисунки казахов. Гора Айфакты (по А.Г. Медоеву)

Рис. 5.25. Казахский всадник. Мангышлак (по А.Г. Медоеву)

вооружения. Последние являются ведущими мотивами изображений на кулпытасах и выполнены с высочайшим мастерством, отличаются скрупулезностью в передаче мельчайших элементов декора.

Ведущий образ народного искусства казахов, как и у древних тюрок, — конный воин.

Особое место в гравюрах уделено коню батыра: он чаще показан подчеркнуто поджарым, тонконогим, с изящно изогнутой лебединой шеей, маленькой головой с острыми ушами, со свисающей или коротко стриженной гривой (в редких случаях — развевающейся в виде языков пламени), фигурно завязанным хвостом, в полном соответствии с каноническими принципами характеристики этого животного (*тулпар*, *арғымак*, *казанат*) в поэтике героического эпоса. Прототипами являлись высокопородные степные кони, среди которых особо ценились адайские скакуны и карабайры (выведенные путем скрещивания местных особей со среднеазиатскими улучшенными породами).

Батыр изображен в сценах баталии и охоты, а также в различных других ситуациях. Вооружен разнообразными видами оружия как ближнего, так и дистанционного боя, иногда показан в сфероконическом шлеме (с плюмажем и без него) или в островерхих головных уборах.

Адайские пики, судя по манкыстауским и устыртским изображениям, иногда имели два наконечника: один длинный и узкий, другой — короткий и плоский. На древке имелись две петли. К древку копья иногда ниже наконечника насаживалась металлическая полоса в виде продолговатого ножа с острым лезвием.

Сабли изображены в богато украшенных ножнах, подвешенных портупейными ремнями к боевым поясам.

Среди казахских рисунков имеются кузнечные и музыкальные инструменты.

Особую категорию рисунков составляют морские суда, которые плавали на Каспийском море в XVIII—XIX вв. Изображения кораблей нанесены преимущественно на стены крупных купольных мавзолеев и саганатамов и свидетельствуют о действиях известных адаевских батыров-предводителей против морских пиратов, разбойничавших в прибрежных казахских кочевьях.

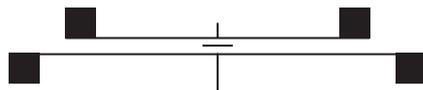
Крупные мавзолеи и саганатамы (располагавшиеся, как правило, на возвышенных местах и на путях перекочевков и транзитных караванов), на которых выгравированы многочисленные рисунки, иллюстрирующие подвиги и различные деяния (сцены сражения, охоты, перекочевков, шествия караванов), также богатство (табуны лошадей и стада овец), личное оружие, конское снаряжение, предметы быта и др., призваны подчеркнуть высокий прижизненный статус покойного (воина, представителя кочевой знати, предводителя рода).

На стенах подземных мечетей Казахстана преобладают изображения раскрытой ладони. Эти знаки сопровождаются мистическими формулами-стихами, кораническими изречениями, оставленными, вероятно, представителями древних братств.

Символ раскрытой ладони — пандже — получил особое распространение среди шиитов и стал их эмблемой, как крест у христиан. Металлические пятерни с инициалами Мохаммеда и Али на длинных пиках были священными хоругвями Мохаммеда в первых войнах. Существует версия, что пятерня знаменует отрубленные руки Аббаса, дяди Хосейна, который был знаменосцем и погиб за дело Хосейна. Существует и другое религиозное объяснение данного сюжета: ладонь считают рукой Али, иногда добавляя, что пять пальцев — это символ шиитской (также и исмаилитской) «пятерки»: Мохаммеда, Али, Фатимы, Хасана и Хусейна.

Изображение ладони трактуется также как особый талисман, приносящий счастье и оберегающий от дурного глаза.

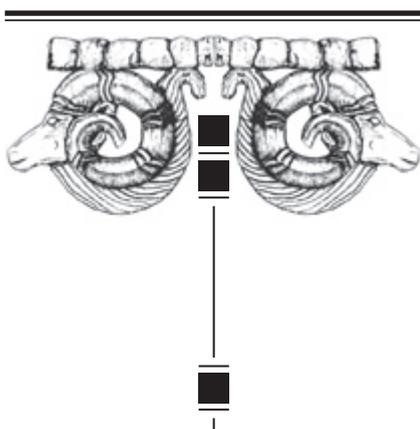
Образ воина в монументальном искусстве казахов, по мнению З.С. Самашева, следует рассматривать как результат многовековых культурогенетических процессов в степной Евразии, особенно, во второй половине и конце II тыс. до н. э., когда на авансцену истории выдвигаются представители военных каст. Яркой иллюстрацией тому могут служить сарматские святилища Устырта, состоящие из комплекса курганов и статуй воинов с изображениями набора оружия, тамгообразных знаков; средневековые антропоморфные изваяния (древнетюркские, кипчакские, половецкие), гравюры и росписи, запечатлевшие вооруженных всадников, известные на пространстве Евразийских степей.

глава VI

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА КАЗАХСТАНА
по письменным и археологическим источникам

Глава VI.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ НА ТЕРРИТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

Во II в. до н. э. — V в. н. э. Шелковый путь, если следовать с Востока, начинался в Чаньани — древней столице Китая — и шел к переправе через Хуанхэ в районе Ланчжоу, далее вдоль северных отрогов Нань-Шаня к западной окраине Великой китайской стены и «Заставе Яшмовых ворот», где единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или; средняя от Чаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель — к южному берегу Иссык-Куля; южная через Дунхуан, Хотан, Яркенд — в Бактрию, Индию и Средиземноморье, а также из Кашгара в Фергану и далее через Самарканд, Бухару, Мерв в Хамадан и Сирию, Египет.

В VI—VII вв. наиболее оживленным становится путь, проходивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан, хотя прежний путь (через Фергану) был короче и удобнее. Перемещение пути можно объяснить тем, что в Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через Среднюю Азию, и, кроме того, тем, что дорога через Фергану в VII в. стала опасной из-за междоусобиц. Важно и то, что тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров. Так, постепенно этот путь стал главным: здесь проходила основная масса посольских и торговых караванов в VII—XV вв.

Направления Шелкового пути не были чем-то застывшим: в течение столетий попеременно наибольшую значимость приобретали то одни, то другие его участки и ответвления; некоторые вообще отмирали, а города и торговые станции на них приходили в упадок. Так, в VI—VIII вв. основной была трасса Сирия — Иран — Средняя Азия — Южный Казахстан — Таласская долина — Чуйская

долина — Иссык-Кульская котловина — Восточный Туркестан. Ответвление этого пути, точнее, еще один маршрут выходил на выше-названную трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи, в Мангышлак, в Приаралье и в Южный Казахстан. Он шел в обход Сасанидского Ирана и возник тогда, когда в противовес Ирану был заключен торгово-дипломатический союз между Западнотюркским

каганатом и Византией. В IX—XII вв. этот маршрут использовался с меньшей интенсивностью, но в XIII—XIV вв. он вновь оживился в связи с возникновением в Евразии второй после Тюркского каганата евразийской Монгольской империи.

А вот как выглядели казахстанский участок Шелкового пути», если по нему двигаться с запада на восток, и города на нем.

Города Южного Казахстана, междуречья Таласа и Чу

Из Шаша (Ташкент) дорога шла через перевал на Турбат, далее в Испиджаб.

Испиджаб-Сайрам — крупнейший город Южного Казахстана — был столицей засырдарьинской оседло-земледельческой области. Город известен в письменных источниках уже в начале VII в. В маршрутке Сюань Цяня он упомянут под названием «Город на Белой реке». В сообщении Махмуда Кашгарского, относящемся к XI в., говорится: «Сайрам — название «Белого города» (Ал-Мединат — ал Байда)», который назывался Испиджаб».

Географ X в. Ибн Хаукаль писал: «Испиджаб — город (равный) приблизительно трети Бинкета. Он состоит из медины, цитадели и рабада, цитадель разрушена, а медина и рабад населена, вокруг медины стены и вокруг рабада также стена окружностью около фарсаха. В рабаде его сады и воды. Постройки его из глины. Он (лежит) на равнине, между ним и ближайшими горами к нему около трех фарсахов. У медины четверо ворот, в том числе ворота Нуджакета, ворота Фархана, ворота Савакрасы и ворота Бухары. Рынки его и в медине и в рабаде, дом правления, тюрьма и соборная мечеть в медине. Это обильный людьми и обширный город, во всем Хорасане в Мавераннахре нет города, с которого бы не взимался харадж кроме Испиджаба». Испиджаб был известен не только как крупнейший административный центр, но и как пункт транзитной торговли. В городе было много торговых построек рабатов и караван-сараев. Они принадлежали купцам из Нахшеба, Бухары, Самарканда. Всего насчитывалось 1700 рабадов. Из Испиджаба в другие места поставлялись белые ткани, оружие, мечи, медь и железо. Город был известен на всем Востоке как центр работоторговли, из него вывозились невольники, захваченные во время войн и набегов.

К округу Испиджаб принадлежали города и селения, среди которых Фараб и Шавгар, Сауран и Шагилджан, Дженд и Джанкент в долине Сырдарьи; Баладж на северных склонах Каратау, Тараз, Сус, Джикиль, Атлах и Джамукат в Таласской долине; Кулан, Мерке, Невакет, Баласагун в Чуйской долине и многие другие.

Испиджаб с его округой и близкими городами был одним из наиболее густо населенных районов, в самом городе и пригороде в XI—XII вв. проживало, по подсчетам археологов, до 40 тысяч человек. Рост происходил за счет тюркского населения. Об этом свидетельствуют и сведения средневековых авторов. Так, Махмуд Кашгарский пишет о том, что согдийцы, переселившиеся сюда в VI—VIII вв., в XI в. были ассимилированы тюрками: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, так же как жители Тараза и жители Белого города (Ал-Мадина ал-Байда).

Подъем Испиджаба продолжался до середины XII в., пока не началась полоса междоусобиц, в которые были втянуты местное тюркское население, каракытай, найманы и Хорезм. Борьба хорезмшахов и каракытаев, а затем хорезмшахов и найманов привела к тому, что хорезмшах Мухаммед приказал опустошить районы Семиречья и Южного Казахстана, чтобы тамошние города не достались его противникам. Вот как описывает эти события современник событий, автор географического словаря «Муджам ал-булдан» Якут ал-Хамави. Он пишет про Испиджаб, Тараз, Сауран, Усбаникет и Фараб, что «пали на эти местности удары судьбы и превратности рока сначала с хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша... Он завладел Мавераннахром и уничтожил царство ханидов, а их было несколько, и каждый охранял свой край. Когда не осталось из них никого, он не смог охранять эти города из-за обширности их области, разрушил своими

КАЛА САЙРАМА

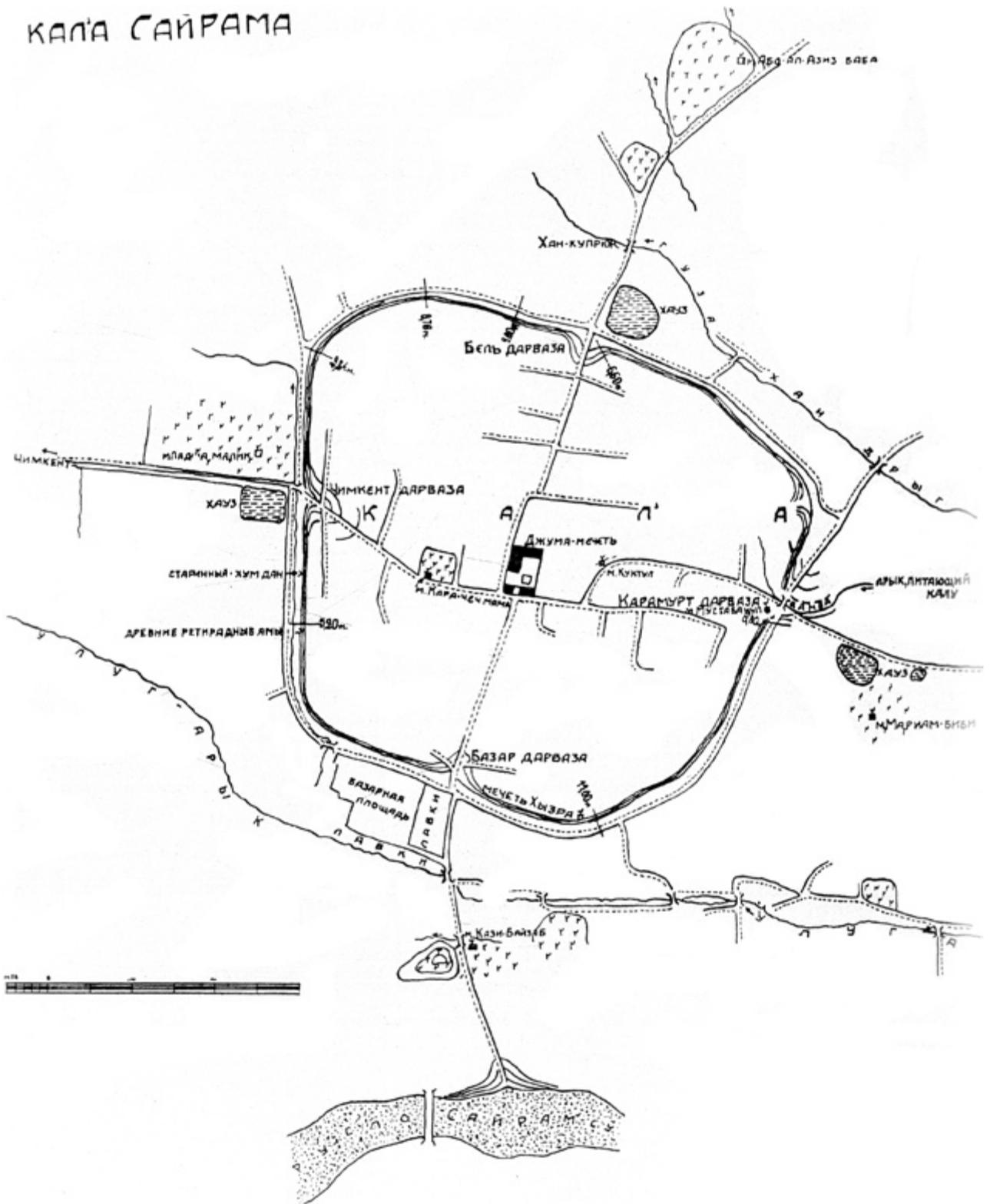

Рис. 6.1. Исторический центр села Сайрам (по М.Е. Массону)

руками большинство пограничных крепостей и отдал их на разграбление своим войскам. Жители их выселились оттуда и покинули их с шеями, повернутыми и склоняющимися к ним. И остались эти сады опустевшими полностью, заставляя плакать глаза и скорбеть сердца из-за разрушенных замков и пустых жилищ и домов. Заблудился проводник этих каналов, и они стали течь, блуждая во все стороны без выбора. Потом в 616 г. (1218—1220 гг.) последовали несчастья, подобно которым не происходило с тех пор, как стоят небо и земля. Это приход татар... Они погубили тех, кто оставался там, присоединив их к тем, которых они погубили помимо их. И не осталось от тех прекрасных садов и славных замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов».

Можно предположить, что, несмотря на разрушения города в канун монгольского нашествия, Сайрам продолжал жить и оказывать сопротивление врагам. Сохранились упоминания в письменных источниках о том, что при осаде монголами крепости «Сайлан (Сайрам) были применены катапульты». Однако разрушения, видимо, не были столь сильными, как при штурме других городов, поскольку проезжавший в 1221 году через Сайрам даосский монах Чань Чунь нашел город в хорошем состоянии и провел здесь вместе со своими учениками несколько дней. На обратном пути, возвращаясь на родину, в 1223 г. Чань Чунь вновь проезжает через Сайрам и называет его «большим городом».

Сайрам и в позднем средневековье оставался узлом путей из Индии, Ирана, Арабского Востока, Средней Азии на север в Центральный Казахстан в Ак-Орду и на восток в Могулистан, на запад через Хорезм на Урал, Волгу и Европу в Золотую Орду, Русь и Византию. Город был для своего времени хорошо укреплен. Ров вокруг Сайрама упоминается в сочинении Хафиз-и Таныша при описании событий конца XVI в. Город, когда им овладели казахи, стал опорной крепостью Казахского ханства. В 1681 г. и 1683 г. к Сайраму подходили джунгары, а в 1684 г. город был ими разграблен и разрушен.

Городище Сайрам, остатки которого под названием «Кала» сохранились в центре села Сайрам, представляет собой бугор подпрямоугольной формы высотой 6,5-11 м и размерами: с севера на юг 500 м и с востока на запад 550 м. По периметру его идет вал — остатки прежней крепостной стены, вокруг которого местами сохранился ров в виде заболоченного оврага. Остатки стен с округлыми зубцами кое-

где сохранялись еще в конце XIX и начале XX столетия. Цитадель находилась в восточном углу. До недавнего прошлого Кала выполняла роль крепости и сохраняла планировку, характерную для средневекового восточного города. Городище имело четверо расположенных друг против друга ворот, соединенных сквозными магистральными улочками.

Топография городища сформировалась в период позднего средневековья, но тем не менее, видимо, сохранила основу более раннего времени.

То, что древний и средневековый Сайрам находится под современной застройкой усложняет задачу его археологического изучения, а наличие позднесредневековых слоев и современная застройка делают практически невозможным широкое изучение городища по уровню слоев первой половины I тыс. н. э. и слоев раннего и развитого средневековья, VI-XII вв.

Однако сборы случайных находок как на самом городище, так и в пределах его округа выявили материалы, которые относятся к первым векам н. э., а также ко времени Караханидов, когда город был одним из центров обширного региона.

Широкие археологические исследования на самом городище Сайрам еще предстоят, так же как и изучение округа города, окруженной двумя рядами «длинных стен», которые в свое время зафиксировал и описал М.Е. Массон. Он идентифицировал вторую стену Испиджаба со стеной, построенной в IX в. по приказу Саманида Нуха для защиты посевов и виноградников от набегов кочевников. Это вполне вероятно, поскольку занимаемая пригородная территория имеет диаметр около 18 км.

Среди наиболее крупных памятников, расположенных здесь, являются городища *Улутобе* и *Мартобе*, а также многочисленные могильники, расположенные на надпойменных террасах. Всего же в оазисе, в долинах Сайрамсу и Бадама, находится несколько десятков поселений и городищ, входящих в Испиджабский оазис.

Начаты раскопки городища Мартобе, расположенного в 5 км восточнее центра Сайрама.

Городище сильно разрушено, сейчас сохранилась часть центрального холма размерами 20×30 м в основании и высотой до 10 м и примыкающей «площадки» в виде плоского бугра размерами 60×25 м и высотой 4 м.

Стратиграфия городища хорошо «читается» в срезе центрального холма. Прослеживаются два слоя, содержащие остатки стен из сырцово-

го кирпича, осевшие своды и заполнения культурных отложений. Находки, в первую очередь керамики, относящейся к Отрарско-каратаусской культуре, позволяют датировать Мартобе первой половиной I тыс. н. э. и в целом судить о начале урбанизации оазиса, относящемся концу I тыс. до н. э. — к началу I тыс. н. э.

Случайные находки из Сайрама — каменная колонна с куфической надписью, тюркешские, караханидские и позднесредневековые монеты, высокохудожественная поливная керамика и стекло X—XII вв., бронзовая ступка — свидетельствуют о богатой материальной культуре столичного города, каковым и был Испиджаб-Сайрам. Название средневекового города Манкет сохранилось до сих пор в имени населенного пункта Манкент. Рядом с ним находится городище Булак-Ковал на, которое датируется VI-XII вв. и, видимо, соответствует Манкету.

Покинув Испиджаб, караваны двигались дальше на восток, в Тараз. Дорога шла через Шараб, Будухкет, Тамтадж, Абардадж.

Название города Шараб — это скорее всего искаженное при переписке рукописей назва-

ние *Шаваб*, что по-тюркски значит Карасу, по-русски — Черные воды (Черноводск). Расстояние между Испиджабом и Шавабом составляло 4 фарсаха, или 24-28 км. Шавабу соответствуют городища вблизи современного села Карабулак — черный источник. Одно из них датируется VIII—XIII вв., второе — XIII—XVI вв.

Город *Будухкет* находился в 9 фарсахах восточнее Испиджаба на трассе Великого Шелкового пути. Город в XI в. имел монетный двор, который выпускал монеты с указанием Будухкета. Город, а он был одним из крупных в Южном Казахстане, помещается на месте городища Тортколь Балыкчи.

Города *Тамтадж* и *Абардадж* (*Бардадж*) располагались соответственно в 5 и 9 фарсахах от Будухкета. «В Абардаджер, — пишет автор X в. Кудама, — холм, вокруг которого тысяча источников, воды, которые собираются в одну реку, которая течет на восток и называется поэтому Баркуаб, перевод его «обратнотекущая вода», потому что течение ее снизу вверх. Об Абардаджа до станции 6 фарсахов по Баркуабу, на обеих берегах этой реки заросли

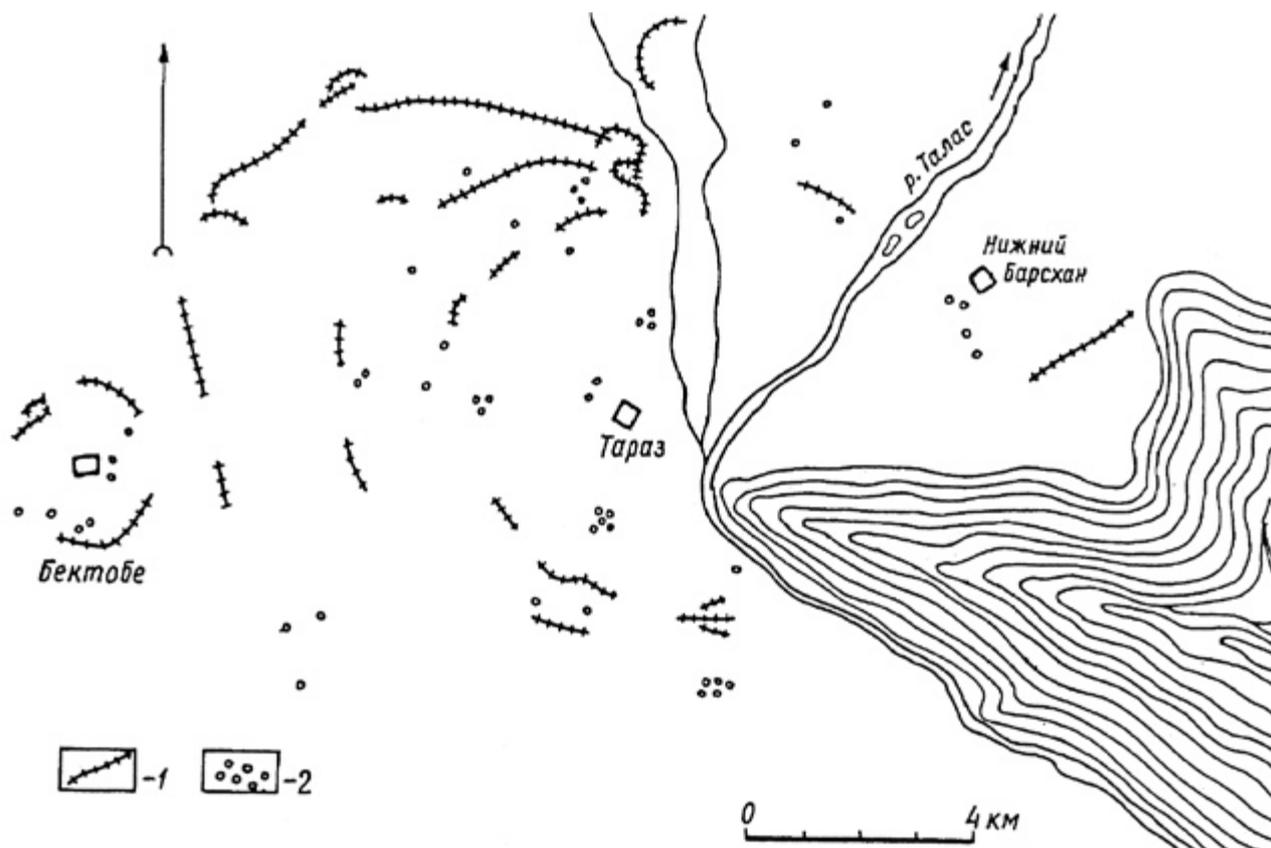

Рис. 6.2. Средневековый Тараз с округой: 1 — вали (по В.П. Лаврентьеву) и дешифровке аэрофото; 2 — остатки средневековых построек

тамариска и болота, там охотятся на черных фазанов». Месторасположение Тамтаджа, видимо, находилось в районе с. Ванновка, где есть городище VIII—XII вв., Абарджаджа — в районе с. Высокое, а Баркуаба — вблизи села Бауржан Момыш улы (бывшее Бурное), на реке Терсе. Терсе по-казахски означает реку, текущую обратно.

Вблизи Испиджаба находились города Хурлуг и Джумишлагу.

Хурлуг исследователи помещали на месте современного городища Шымкент в центре современного города, а Джумишлагу отождествляют с городищем Тортколь на р. Кумиш недалеко от ее впадения в р. Арысь.

Первыми крупными городами, которые встречали купцы на Шелковом пути в Таласской долине, были Шавгар и Джувикат, проехав их, они попадали в Тараз, один из древнейших городов Казахстана, известный в письменных источниках уже в VI в. Именно здесь тюркский каган Дизабул в 568 г. принимал дипломатическое посольство византийского императора Юстиниана II во главе с Земархом, прибывшее

для заключения военного союза против Ирана и решения вопросов о торговле шелком.

Источники IX—XI вв. называют Тараз «городом купцов», но он был также столичным центром тюргешей, а затем карлуков, карахидов джагатаидов, городом, который чеканил монет в VIII—XIV вв.

О Таразе в 629 году пишет Сюань Цзянь: «Пройдя 140-150 ли на запад от Цяньцюань, мы прибыли в город Доласы. Город в окружности 8-9 ли. В нем смешанно живут купцы из разных стран и хусцы (согдийцы). Земля и климат такие же, как в Суйе. Примерно в 10 ли на юге от него есть небольшой одиночный город с населением около 300 дворов. Это люди из Срединного царства. Некогда они и были взяты в плен туцзюэ, но впоследствии объединились в землячество и осели в этом городе, живя в его центральных усадьбах. Когда же одежда изнасилась, они стали одеваться как туцзюэ, но их язык, обычаи и законы такие же, как в Китае».

В VII в. Тараз превращается в крупный город, игравший важную роль на трассе Ве-

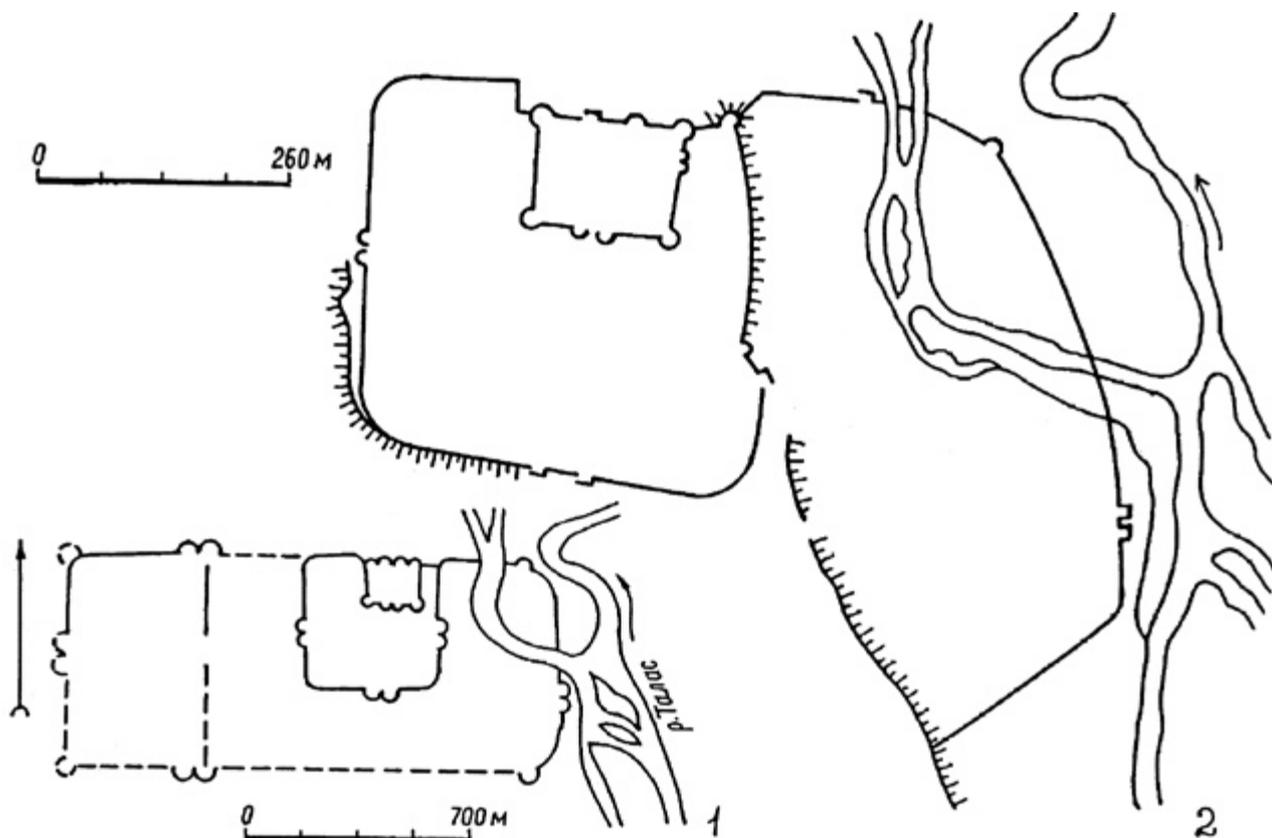

Рис. 6.3. План г. Тараз VI—XVI вв. (1) (по Г.Н. Сегиговой) и крепость Аулие-Ата 1864 г. (2) (по А.И. Макшееву и В.А. Каллаурову)

ликого Шелкового пути. С этого времени он становится широко известным и сведения о нем содержат маршрутники, древние хроники и географические сочинения.

В 751 г. Тараз и часть юго-западного Семиречья были завоеваны арабами, но уже в 766 г. город входит в состав владений карлуков.

В 893 г., как пишут источники, владетель государства Саманидов Исмаил ибн Ахмад пошел войной на Тараз и перенес много трудностей. В конце концов эмир Тараза сдался и с многочисленными диканями принял ислам. При этом Исмаил ибн Ахмад «взял столицу царя их и пленил его (царя), жену его — хатун и около 10000 (человек). Он убил многих из них и забрал так (много) верховых животных, что нельзя было сосчитать. Каждому мусульманскому всаднику при разделе досталось из добычи 1000 диргемов».

В X—XII вв. происходит дальнейший рост Тараза. Его местоположение на торговом пути — в центре богатой земледельческой долины, рядом с серебряными рудниками в горах Таласского Алатау — способствовало экономическому и культурному подъему города.

Макдиси, географ X в., пишет: «Тараз — большой укрепленный город, со множеством садов, густо заселенный, у него ров, четверо ворот и населенный рабад. У ворот медины большая река, за ней часть города, через нее есть переход. Соборная мечеть среди рынков».

В конце X—XI в., после завоевания Семиречья, Южного Казахстана и Средней Азии династией караханидов, Тараз становится столицей одного из уделов нового государства.

В начале XIII в., в смутную для Семиречья и Средней Азии пору, накануне монгольского нашествия, когда разворачивается борьба за господство в Центральной Азии между каракиятами, найманами, хорезмшахом Мухаммадом, Тараз переходил из рук в руки. В 1212 г. город, наряду с другими центрами юго-западного Семиречья и Южного Казахстана, был разрушен по приказу хорезмшаха Мухаммада, дабы он не попал в руки монголов.

Вторая половина XIII—начала XIV в. была нестабильной в политическом отношении. В Семиречье, в том числе в Таласской долине, шла постоянная борьба и соперничество чингизидов, сопровождавшаяся разрушением городов и селений. К середине XIV в. многие центры оседлой и городской культуры здесь были разрушены, жизнь в них угасла. Упоминания о городах Таласской долины — Таласе,

Янги-Таласе, Янги-Балыке, Кенжеке — имеются у автора середины XIV в. ал-Омари.

В настоящее время остатки древнего Тараза полностью застроены, и лишь по сведениям конца 30-х гг. XX в. можно представить, как выглядели его руины (городища).

Северная стена шахристана прослеживалась на расстоянии 370 м, западная — на 160 м. На юге остатки городища были видны на протяжении 200 м. К северной стене шахристана примыкала цитадель. Это был прямоугольный в плане бугор с длиной сторон — северной — 175 м, западной — 117 м, восточной — 115 м, южной — 125 м. Остатки рабада располагались к западу и востоку от шахристана, однако их размеры не определены. К центральному развалинам примыкала территория, окруженная длинными стенами. На ней когда-то находилось большое количество отдельных бугров — остатков усадеб и замков VII—XII вв. Так, на одной из схем, составленной в конце XIX в., на территории города Аулие-Ата было нанесено 48 бугров.

Раскопки на городище Тараз были начаты в 1938 г. профессором А.Н.Бернштамом, который руководил Семиреченской археологической экспедицией. В 60-е годы здесь работали археологи Е.И. Агеева, Т.Н. Сенигова, М.С. Мерщев.

Стратиграфические шурфы, заложенные на шахристане и цитадели, позволили установить основные этапы жизни города.

Слой первых веков н. э. обнаружен в раскопках на цитадели и в юго-западной части шахристана. Толщина его 0,5 м. Он состоял из зольных прослоек, обломков сырцовых кирпичей. Керамика, собранная в слое, представлена обломками хумов.

Слой IV—VI вв. имел толщину 1,5 см. В нем обнаружены остатки помещений из прямоугольного сырцового кирпича размерами 50×29,5×9,5 см. Стены здания сохранились на высоту до 1 м, толщина их 1-1,5 м. В слое собран комплекс своеобразной керамики. Это тонкостенные чаши, покрытые снаружи белым или розовым ангобом, кувшины с носиком, хумы, жаровни.

Интерес представляют слои VI—VIII вв., они обнаружены во всех стратиграфических раскопах. В шурфе на цитадели к этому слою относятся два вскрытых помещения и коридор. Они выстроены из сырцового кирпича. Керамика из слоя отличается разнообразием видов, своеобразием декора. Здесь встречены грушевидные кувшины и красноощенные кружки,

близкие по форме металлическим сосудам, крышки с резным орнаментом. В слое найдена форма для отливки головы глиняной фигурки, сосуд с сирийской надписью.

Слой VIII—X вв. свидетельствует об интенсивной жизни города в этот промежуток времени. Слой хорошо датируется находками тюркешских монет VII—VIII вв. Остатки помещений с полами из жженого кирпича $22 \times 22 \times 5$ см, булыжные вымостки свидетельствуют об изменениях в строительной технике.

Керамика представлена двумя группами: неполивной и поливной. В неполивной преобладают краснолощенные кружки и кувшины с резным орнаментом, крышки с резьбой. Поливная посуда покрыта прозрачной, белой, зеленой и коричневой глазурями. Орнамент состоит из стилизованных растительных мотивов, эпиграфического орнамента, подражающего буквам арабского алфавита.

Слой XI—XII вв. датируется караханидскими монетами. В нем найдены изделия из металла: обломки железных ножей, кусочки бронзовых изделий, бусы из стекла и цветных камней, стеклянные сосуды. Наиболее массовыми находками являются поливная посуда, чаши, блюда, светильники. Полива прозрачная и белая. Роспись выполнена коричневыми, зелеными и красными красками, иногда в сочетании с гравировкой. Орнамент растительный, геометрический, редко зооморфный. Неполивная керамика представлена узкогорлыми кувшинами, кружками, чашами, хумами.

Раскопки в различных частях городища вскрыли строительные комплексы и постройки разных периодов жизни Тараза. В шахристане, у восточного угла, в раскопе площадью 200 кв. м была раскопана баня.

Характер планировки и строительной техники таразской бани, устройство отопительной системы, орнаментика и цвет росписей стен, найденные при раскопках керамика и монеты свидетельствуют о существовании бани в XI—XII вв., в период расцвета города.

Ко времени постройки бани относятся и остатки сооружений по городскому благоустройству, обнаруженные при раскопках. Это, прежде всего, водопровод. Он был открыт на отрезке в 12,8 м. Удалось восстановить технику его строительства. Трубы укладывались на «подушку» из камней, галечника и глины. Сверху трубы перекрыты плоскими камнями и булыжной вымосткой. Звенья труб сделаны на гончарном круге. Длина их — 0,25–0,8 м, диаметр — 0,21–

0,22 м. Один конец у трубы сделан раструбом, в нем вставлен узкий конец другой трубы. Нивелировка водопровода показала, что он имеет уклон внутрь городища.

Вода из Таласа, видимо, при помощи плотины подавалась в водонапорный бассейн, находившийся на отметке более высокой, чем горизонт городского водопровода. Поэтому из водохранилища вода самотеком шла по гончарным трубам во все части города. Водопровод перестал функционировать в XIII в.

Западнее Тараза был раскопан *Каравансарай*. Сейчас это городище расположено на окраине современного города. Памятник представляет собой четырехугольный в плане, ориентированный углами по сторонам света участок, размерами 80×80 м, окруженный оплывшим валом высотой 1,5–2 м и шириной в основании 6 м. Юго-западная стена его уничтожена полностью. Раскопами на территории городища выявлена часть застройки, для которой характерен принцип пристраивания помещений к оборонительной стене изнутри секциями. Вот описание одной из них.

Первое помещение — подквадратное в плане, размером $4 \times 3,4$ м. Его северо-восточная стена одновременно является оборонительной. В помещении к юго-восточной стене посередине пристроена очажная тумба. Сам очаг подковообразной формы, диаметр его 0,25 м. В юго-восточной стене, справа от очага, имелись две ниши, выведенные от уровня пола.

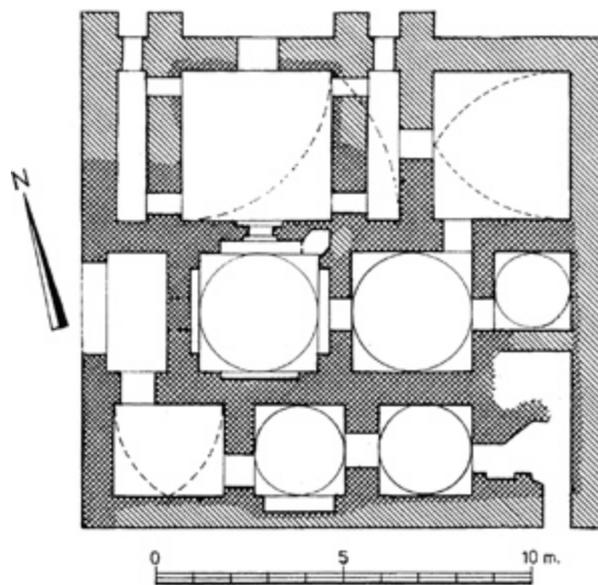

Рис. 6.4. Баня. X—XI вв. Реконструкция плана и геометрический анализ помещений. Тараз.

Второе помещение — коридор размером 4×0,9 м. Проходом в северном углу, имеющем ширину 0,5 м, он соединён с помещением I. В юго-восточном углу он имеет выход шириной 0,63 м. В напольном слое помещения найдены фрагменты керамики, костей животных. Интересна привозная чаша из кашина, покрытая голубой поливой и геометрической росписью.

Такова же планировка и других пристроенных к оборонительной стене помещений.

Керамический материал позволяет определить время бытования Караван-сарая XI—XIII вв.

Одним из древнейших городов Таласской долины — город *Джамукат* (*Хамукат*), который, как свидетельствуют источники, был основан бухарцами в VI в.

Джамукат отождествляется с городищем Костобе, расположенном на правом берегу р. Талас, напротив с. Каракемир, в 15 км севернее Тараза. Оно занимает участок на первой надпойменной террасе. Городище представляет собой прямоугольную возвышенность размерами 420×450 м, обнесенную по периметру двумя рядами стен с башнями и рвами между ними и за внешней стеной. Внешний ряд стен сохранился на высоту до 3 м и в виде всхолмлений башен над ней до 3,5 м.

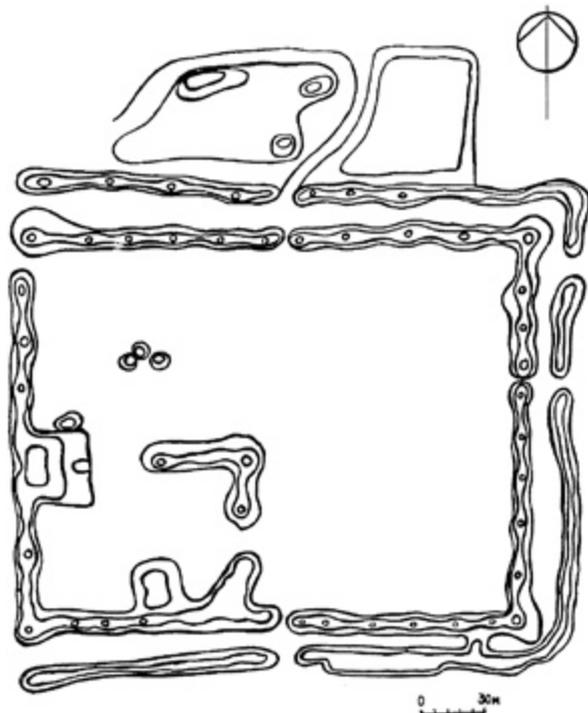

Рис. 6.5. Городище Костобе — Джамукат

Изучение топографии городища выявило, что, судя по одинаковой мощности культурного слоя, характеру подъемного материала с отдельных участков, оно возникло в пределах шахристана одновременно и сразу же было обнесено крепостными стенами, возведенными, как показал разрез, на северном обводе из пахсовых блоков размерами 1,5×1×0,5 м.

Раскопки, проведенные на цитадели городища, выявили остатки дворцового комплекса с парадными залами, святилищами, хозяйственными постройками. Дворец датируется VI—IX вв.

В культовых помещениях обнаружены овальные суфы с остатками кострищ. Стены этих помещений были украшены резьбой по штукатурке. Элементы орнамента — растительные, геометрические, эпиграфические — придавали интерьеру красочный вид.

Раскопки городского некрополя выявили захоронения в наусах, специальных помещениях из сырцового кирпича, где находились коллективные, видимо, семейные захоронения. Здесь же обнаружены погребения в могильных ямах, захоронения кучек костей и захоронения в керамических сосудах — хумах.

В погребениях собраны украшения — бронзовые и серебряные перстни, серьги, бляшки с парными изображениями петухов у «древа жизни». Интересна ручка бронзового изделия, возможно, зеркала, выполненная в виде коленопреклоненной женской фигурки со скрещенными на груди руками.

Керамика представлена кувшинами, кружками.

Показательны находки предметов культа — серебряного нательного креста и предмета в виде фигурки бодисатвы. Некрополь Костобе датируется VII—IX вв. Поздние захоронения на нем, выполненные по мусульманскому обряду, относятся к X в.

Одним из крупных городов долины был *Атлах*. Географ X в. ал-Макдиси характеризовал его так: «Атлах — большой город, приближается по площади к главному городу, вокруг него стена. Большая часть его — сады, а в рустаке преобладают виноградники. Соборная мечеть в медине, а рынки в рабаде». Махмуд Кашгарский отмечал, что «Атлах — название города поблизости Тараза». Город приобрел широкую известность в истории как место, вблизи которого произошла битва (Таласская битва) между китайскими войсками и соединенными силами арабов и карлуков. Последние разгромили ки-

тайскую армию, часть пленных китайцев была отправлена в Самарканд, где они изготавливали бумагу, различное оружие и инструменты, другие остались жить в Таразе и вблизи него.

Атлах отождествляется с городищем Джуван-тобе, расположенным в 12 км южнее Тараза. Материалы археологических исследований последних лет это подтвердили. Особенно значительным аргументом стало прочтение слова Атлах на фрагменте каменного изделия, найденного на городище Джувантобе.

Город *Джикиль* (*Чигиль*) охарактеризован как «маленький город на расстоянии человеческого голоса от Тараза. Вокруг него стена, и он имеет цитадель. Соборная мечеть на рынке». *Джикиль* скорее всего соответствует городище *Жалпактобе*, находящееся в 5 км от городища Тараз, на территории современного города.

Оно представляет собой подпрямоугольный в плане холм размерами в основании 90-95 м и высотой 3-4 м. В восточной части находилась цитадель, сохранившаяся в виде всхолмления высотой до 4,5 м и диаметром 30 м. Вокруг холма до сих пор заметны следы рва глубиной до 0,5 м и шириной до 10 м. Центральный вход в городище находился на середине южной стены. В настоящее время он имеет вид ложбины и фланкирован с двух сторон двумя округлой формы башнями.

Раскопки на городище выявили характер застройки по уровню VI—IX вв. Она была сплошной, все дома плотно пристроены один к другому. В жилых помещениях на полах имелись очаги открытого типа и суфы вдоль стен.

Керамика представлена кружками, украшенными растительным резным орнаментом, котлами с дугообразными и сегментовидными ручками, глиняными и алебастровыми круглыми столиками-дастарханами, светильниками. Тюркешские монеты датируют комплекс построек на *Жалпактобе* VIII—IX вв. Верхний строительный горизонт городища, судя по наличию обломков поливной керамики, относится к X—XII вв.

Раскопки позволили выяснить характер фортификации города. Стены сохранились на высоту до 4 м. В основании их ширина составляла 5 м, кверху они сужались. В основании стен положены пахсовые блоки размерами 80×80×60 см, на них укладывался сырцовый кирпич размерами 35×25×10 см. На углах стен располагались круглые башни. Северная стена имела берму — выступ шириной 4 м.

Неподалеку от Тараза находились города *Дех Нуджикес* и *Адахкет*. Местонахождение *Адахкета* и *Дех Нуджикеса* удается определить благодаря сведениям Ибн Хордадбеха и Кудамы. Описывая дорогу к кимакам, они упоминают о двух селениях в местности *Кевакет* (*Кевакиб*) в 7 фарсах от Тараза. Еще более конкретно указание ал-Факиха, автора IX в., который указывает расстояние от Тараза до *Кевакиба* в 7 фарсах, отмечая, что путь к кимакам шел налево от Тараза, то есть на север.

Наиболее удобный путь от Тараза на север проходил по берегам *Таласа* и *Ассы*, именно здесь следует искать местность *Кевакиб* с двумя городами.

Адахкет и *Дех Нуджикес* могут быть локализованы в 30 км северо-восточнее Тараза в долине *Асса*. Изучение аэрофотоснимков в сочетании с визуальными исследованиями позволило открыть вокруг городищ *Каракемир 1* и *Каракемир 2* длинную стену, окружавшую сельскохозяйственную округу вокруг них. Весь этот своеобразный оазис может быть отождествлен с местностью *Кевакиб*, а города — соответственно с двумя названными памятниками.

К югу от Тараза находились города *Шельджи*, *Сус*, *Куль* и *Текабет*.

Из них наиболее известен *Шельджи*. Между *Таразом* и *Шельджи* было 4 фарсаха пути. Исследователи единодушно локализируют *Шельджи* на месте городища *Садыр-Курган*, расположенного в 30 км южнее Тараза.

О *Сусе* известно, что он был «большим городом, а *Куль* меньше его», «*Текабет* — большой город, половина его неверные». Можно довольно уверенно отождествить вышеописанные города с городищами *Актобе Орловское* (*Куль*), *Актобе Таласское* (*Текабет*) и *Чалдовар* (*Сус*).

«*Кенджак-Сенгир* — город вблизи Тараза» — впервые назван Махмудом Кашгарским. В XIII в. город продолжал существовать под названием *Кенджак*. Источники сообщают: «Янги — это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один — Янги, другой — Янги-Балык, третий — Кенджак, последний — Тараз». У автора первой половины XV в. Арабшаха назван город *Янги-Талас*, расположенный в четырех днях пути от *Испиджаба*.

В описаниях путешественника Гильома Рубрика в 1253 г. есть упоминание о городе *Кинчате*, в котором можно узнать название *Кенджак*. После перехода через *Каратау* Гильом Рубрук записал: «... на седьмой день к югу от нас стали

видны очень высокие горы, и мы выехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли... Мы въехали в сарацинский город по имени Кинчат... И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну... эта река не впадала в какое-либо море, а поглощалась землею, образуя там много болот... На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам. Я спросил о городе Талас, в котором были немцы — рабы Бури».

Судя по описаниям Рубрука, Кинчат находился в нижнем течении Таласа. Здесь известно два городища со слоями XIII—XIV вв.: одно — *Шарвашлык*, другое — *Оххум*. Вероятно, Кинчату соответствует городище Шарвашлык, а селением, которого Рубрук достиг на следующий день, было городище Оххум.

В литературе высказано предположение о том, что названия *Янги-Талас* и *Янги-Балык* относятся к одному и тому же городу, который соответствует городищу Садыр-Курган. Однако если следовать тому, что Талас соответствует Таразу, а Кенджак — Шарвашлыку, то Янги-Балык и Янги (или Янги-Талас) следует сопоставить с городищами, где бы имелись слои XIII—XV вв. Такими памятниками являются Садыр-Курган и Актобе Таласское. Причем последнее соответствует городу, который был новым политическим центром долины, судя по сохранившемуся рядом замечательному памятнику XIV в. «Гумбезу Манаса».

Это переключается и со сведениями Ибн-Арабшаха о том, что при Тимуре наиб назначался именно в Янги-Талас. Таким образом, Янги-Талас, видимо, должен соответствовать

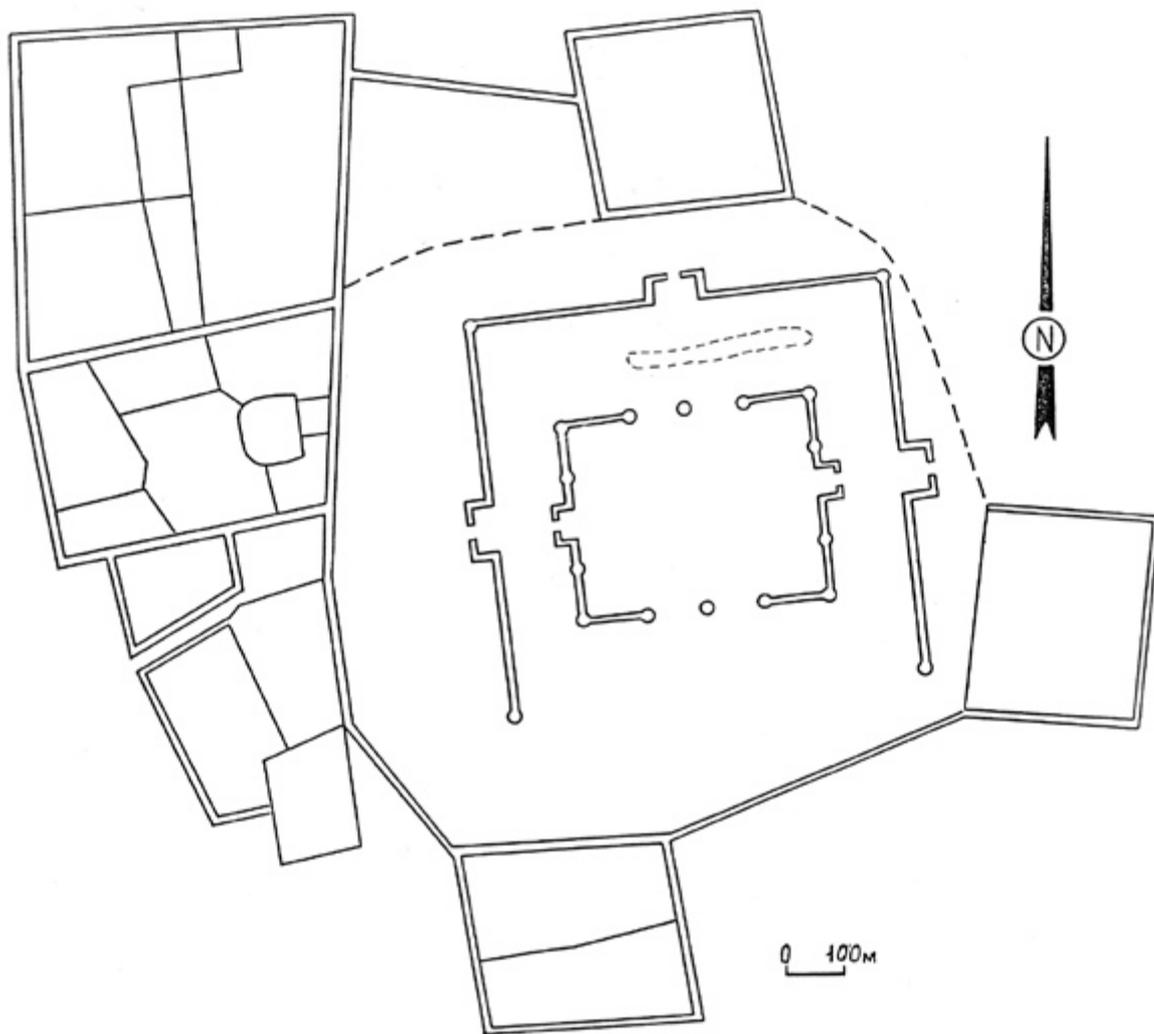

Рис. 6.6. Городище Оххум. VI—XII вв. Таласская долина

городищу *Актобе Таласскому*, а *Янги-Балык — Садыр-Кургану*.

Северо-западнее Тараза находились города *Хутухчин* и *Берукет*. Берукет известен с X в. В маршрутке середины XIII в. армянского царя Гетума указано, что, выехав из Тараза, он проехал *Хутухчин*, *Пергант* и отправился в *Сугулхан*.

Хутучин и *Берукет* (*Пергант*), видимо, находились на месте городищ *Майтобе* и *Тамды*, расположенных на древнем караванном пути из Тараза к городам на северных склонах Каратау. Он пролегал у озера *Бийли-Куль* и шел в сторону современного *Байкадама*, где находился *Сугулхан*, отождествляемый с городищем *Саудакеит*.

Следующим городом после Тараза на трассе Шелкового пути на восток средневековые авторы называют *Нижний Барсхан*. Согласно

маршрутникам *Ибн-Хордадбега* и *Кудамы*, *Нижний Барсхан* находился в трех фарсах от Тараза. О нем сказано: «*Барсхан — город на расстоянии двух человеческих голосов от Тараза на восток, вокруг него стена, которая уже разрушилась. Соборная мечеть среди рынков*».

Нижний Барсхан отождествляется с городищем *Торткультобе*, расположенным у железнодорожной станции *Талас*, на расстоянии около 10 км от развалин Тараза. В его топографии различаются цитадель и шахристан.

Городище имеет вид двухъярусного прямоугольного в плане бугра, ориентированного углами по сторонам света. Размеры бугра в основании 140×140 м, высота 4-5 м. Северо-западный угол занят цитаделью, имеющей вид бугра размерами 30×30 м, высотой 10 м. Шахристан

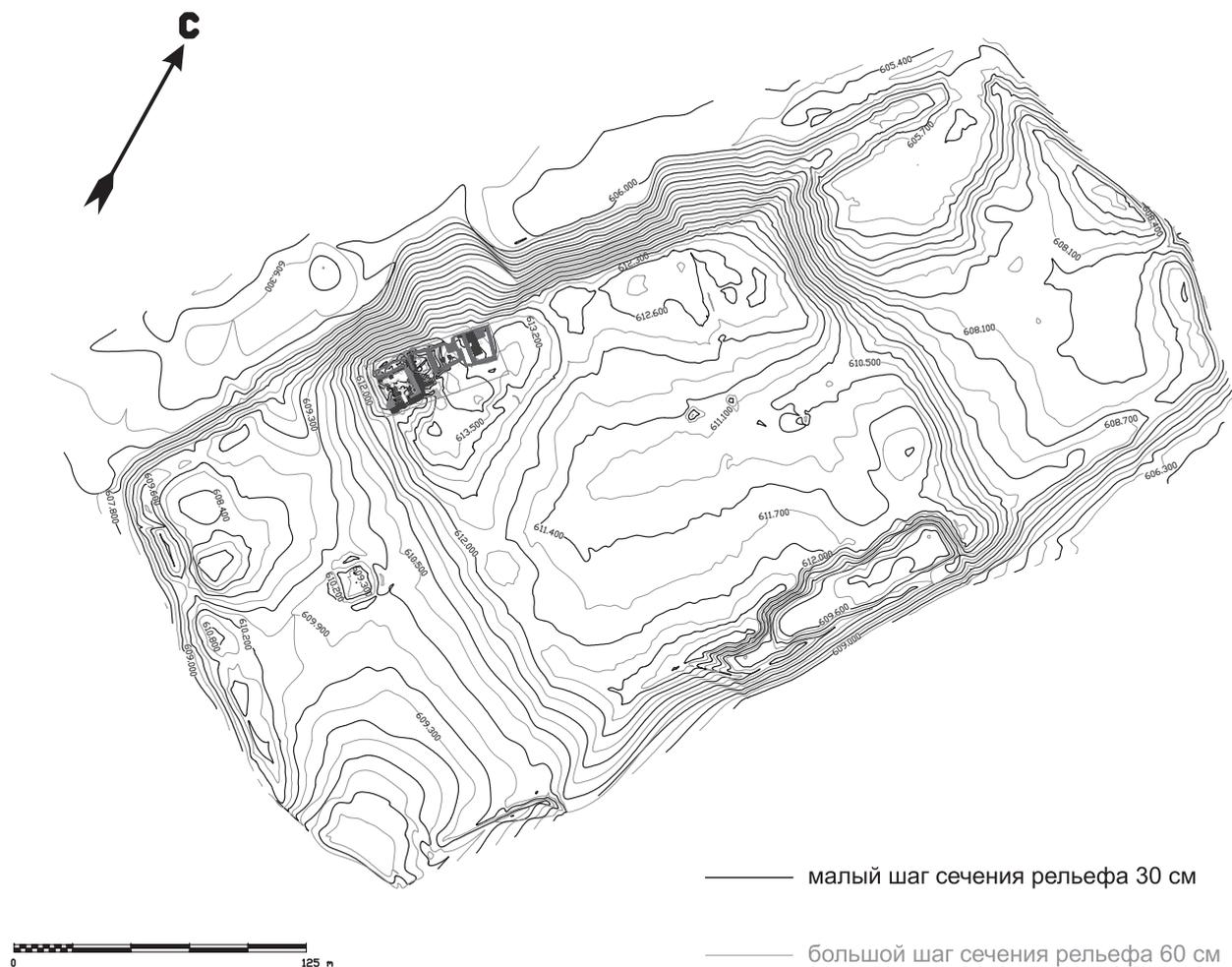

Рис. 6.7. Нижний Барсхан

окружен со всех сторон оплывшим валом со всхолмлениями на месте башен по углам и периметру. Въезды на территорию шахристана, а их два, прослеживаются с восточной и западной сторон. Они фланкированы башнями.

Расшифровка аэрофотоснимков с крупномасштабных карт позволила выявить вокруг центральных развалин остатки длинной стены, окружающей территорию, отступающую от центральных развалин на расстояние 1,5-2 км, — это была сельскохозяйственная округа.

Раскопки на цитадели городища выявили группу помещений, прямоугольных и квадратных в плане. На полях расчищены напольные очаги и рядом каменные вымостки. В одном из помещений была площадка размерами 2,5×3,7 м из кыра (алебастра). Рядом с площадкой находился вкопанный в землю хум, высотой 1 м и диаметром тулова 70 см. Сооружение, как удалось установить, является остатками винодельни.

Таким образом, анализ сведений письменных источников вкупе с данными археологических исследований позволяют воссоздать карту размещения средневековых городов

Таласской долины, находящихся либо на основной трассе Великого Шелкового пути, либо на ответвлениях, отходивших от него. Все они входили в сферу политического, экономического и культурного влияния Тараза.

Из Тараза и Нижнего Барсхана путь на восток вел «по пустынной местности», территории, которая принадлежала карлукам, к городу Кулану и городам Чуйской долины. На этом отрезке трассы надо было проехать через Касрибас, Куль-Шуб и Джуль-Шуб. Касрибас соответствует развалинам *Ахыр-Таса*, Куль-Шуб — городищу *Орнек*, а Джульшуб — городищу *Кум-Арык*.

Город Кулан (у китайцев Цзюй Лань) был известен как «городок на границах страны тюрок со стороны Мавераннахра» и, судя по маршрутникам, находился на расстоянии 17 фарсахов на восток от Тараза. Он соответствует городищу *Луговое*, расположенному на восточной окраине села Кулан.

От Кулана к востоку на расстоянии 4 фарсахов находились города *Мерке* и *Аснара*, которые сохранили свои названия до сих пор. Им соответствуют городища *Мерке* и *Аснара*.

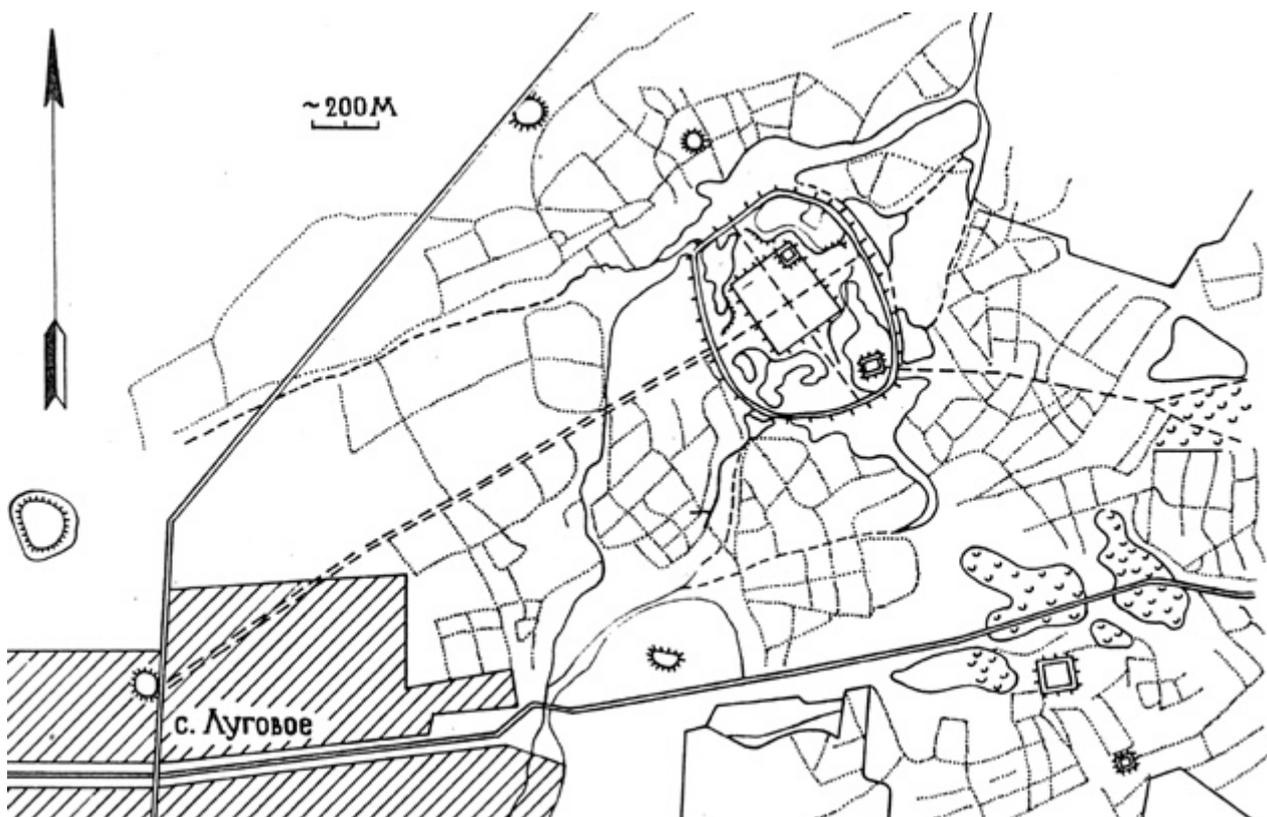

Рис. 6.8. Городище Луговое — Кулан. VI—XII вв. Чуйская долина

Далее караваны следовали в Нузкет, Харраджуван, Джуль и попадали в «селение тюркского кагана», а оттуда в Кирмирау и Навакет (у китайцев Син Чэн). Навакет известен как резиденция тюркских каганов и как город согдийцев. Ему, согласно исследованиям, соответствует городище *Красная Речка*, расположенное между современными селами Красная Речка и Новоивановка в Республике Кыргызстан.

Из Навакета через *Пенджикент* (*Бунджикет*) дорога приводила в крупнейший город Семиречья — *Суяб*, который был столицей западных тюрок, тюркешей, карлуков. Об этом городе пишут китайские и арабские путешественники вплоть до X в., но затем источники перестают его упоминать. В X в. роль столицы переходит к городу *Баласагуну* (раннее название — предположительно *Беклиг* или *Семекна*), известному как столица караханидов, затем каракитаев. Последние его и разрушили в начале XIII в. Город вскоре вновь отстроили, но не надолго: уже в XIV в. он лежал в развалинах. Лишь полуразрушенные дворцы, мечети, минареты и обширные кладбища с эпитафиями свидетельствовали о его прежней жизни.

Археологам удалось определить местоположение Суяба и Басагуна: они находились неподалеку от современного г. Токмака и соответствуют двум известным средневековым городищам — *Акбешиму* и *Бурана*, — расположенным на расстоянии 5 км друг от друга.

Шелковый путь из Суяба продолжался по северному, либо по южному берегам Иссык-Куля. На южном отрезке караваны достигали города *Верхний Барсхан*, а на южном они шли через небольшие караван-сарай. Обе эти дороги соединялись у перевала *Бедель*, через который, либо *Ташрабат*, шел путь в *Кашгар* и *Аксу*.

Из Иссык-Кульской котловины через перевал *Санташ* и долину р. *Каркары* дорога, спускаясь в Илийскую долину, приводила в *Алмалык*. Затем по северной оконечности пустыни *Такла-Макан*, через оазисы *Хами* и *Турфан* она шла к *Дунхуану* и далее — в *Китай*.

В X—XII вв. одно из ответвлений Шелкового пути пересекало Илийскую долину с юго-запада на северо-восток. Начинаясь в Навакете, шло на *Бунджикет* и, через перевал *Кастек* спускалось на северные склоны *Заилийского Алатау*.

Рис. 6.9. Городище Ак-Бешиш — Суяб

Города Илийской долины и Придзунгарья

Глава VI.

На перевал Кастек шла еще одна дорога — из Баласагуна. На этом пути приметным ориентиром были священные горы Урун-Ардж, образующие водораздел между бассейнами рек Чу и Или. Об этих горах сообщают еще в VII—VIII вв. китайские дорожники, называя их «горами Цзе Дань». Топоним Урун-Ардж сохранился до сих пор в названии современного села Узун-Агач.

В предгорьях Заилийского Алатау Шелковый путь проходил через города, находившиеся на месте современных Кастека, Каскелена, и достигал городов Алматы и Талхира.

В Илийскую долину шел еще один путь — из Кулана, Аспары он выходил к городам среднего и нижнего течения р. Чу. Через брод Ташуткуль дорога шла на северные склоны Чу-илийских гор и спускалась в долину Или, где располагались города Алматы, Тальхир, Ики-огуз (Эквиус), Каялык (Кайлак), Илан-балык.

Официальная история Алматы начинается с 1854 года, когда на р. Малой Алматинке была заложена русская крепость и начал формироваться город, получивший вскоре название Верный. Однако еще в сочинении государственного деятеля первой половины XVI в., писателя и поэта Захириддина Мухаммеда Бабурата есть такие сведения: «Фергана — область в пятом климате, находится на границе возделанных земель; на востоке от нее — Кашгар, на западе — Самарканд, на юге — горы Бадахшанской границы, на севере, хотя раньше были города, подобные Алмалыку, Алмату и Янги, название которого пишут в книге Таразкент, но они разрушены монголами, и там совсем не осталось населенных мест». Здесь назван средневековый город, расположенный на месте будущей Алматы и носивший имя Алмату.

О селении Алмату сообщает современник Бабурата Мухаммед Хайдар Дулати — автор сочинения «Тарих-и Рашиди» — в связи с военными действиями монголов и битвой вблизи этого селения.

Небезынтересно привести еще более раннее упоминание об области Алмалык в рассказе о легендарном Огуз-хане, который приводит историк Рашид-ад Дин (1274—1318). В событиях, которые происходили, скорее всего в X—XII вв., он пишет о том, что Огуз-хан в одном из своих походов достиг Алатага и области Алмалык, где в местности Ак-Кайя поселил группу воинов-ветеранов. Видимо, название Алмалык можно

привязать географически к предгорьям Заилийского Алатау и району Алматы. Наиболее интересные данные получены из нумизматических источников.

В 1979 г. в Алма-Ате на территории Пограничного училища были найдены две серебряные монеты. Остатки надписей на обеих монетах оказались неразборчивыми. Внимание привлекло изображение никогда ранее не встречавшейся тамги — знака правителей. На основании этой находки востоковедом и нумизматом В.Н. Настичем было высказано предположение о местном, семиреченском, происхождении этих монет и о возможном существовании монетного двора в XIII в. на территории современной Алматы. В 1990 г. еще две монеты с теми же тамгами, но отличающиеся от вышеописанных по оформлению (в частности, тамги на них помещены не рядом, а на разных сторонах), стали известны В.Н. Настичу. Одна из монет, как две предыдущие, имела сильно искаженные и стертые надписи, зато в круговой надписи второго экземпляра ясно различается название монетного двора и слово единиц в дате: «чеканен этот дирхем в области (балад) Ал.м. ту в году пять...». В статье, написанной позднее, В.Н. Настич доказывает, что слово с именем города читается как Алматы, а чекан монеты он относит к 1272—1273 гг. и видит в нем наименование города, располагавшегося на месте современной Алматы и уже тогда носившего имя, звучащее и сегодня по-казахски как Алматы.

Чеканка всех рассмотренных монет относится к массовому выпуску городов Мавераннахра и Туркестана периода реформы известного деятеля XIII в. Масудбека, начатой в 670/1271—1272 гг. Поставить окончательную точку в локализации и определении города Алматы смогли археологи.

Район «большой Алматы», как показали исследования, осваивался человеком с далеких времен. Уже в эпоху поздней бронзы в X—IX вв. до н. э. здесь находились оседлые поселения, жители которых занимались земледелием и скотоводством, жили в полуземлянках, составлявших небольшие поселения скотоводов и земледельцев. Одно из них, условно названное Теренкора, исследовалось археологами на северной окраине города, на мысу небольшого ручья. Интересна собранная там керамика, часть которой украшена росписью красной краской.

Еще одно поселение эпохи бронзы, Булакты, найдено и раскапывается на западных склонах горы Коктюбе. Удалось вскрыть часть землянки с плотным обмазанным глиной полом и собрать материал, в основном, керамику, которая датируется X—VIII вв. до н. э.

В эпоху саков район Алматы стал местом обитания сакских и позднее усуньских племен. От этого времени оставались многочисленные курганные 5 могильники, среди которых выделялись огромные курганы знати — «сакских царей». Совсем недавно такие курганы поднимались среди одноэтажных домиков старой Алматы, но сейчас почти все они сnivelированы и застроены многоэтажными постройками города. Сохранился лишь Бурундайский могильник в северо-западной части города.

Следующий важный этап жизни на территории Алматы связан с эпохой средних веков, когда здесь возникают и формируются поселения и города. Это конец VIII—XIII вв. — время развития городской культуры, расцвета ее в орбите международных торговых связей по Шелковому пути. Его ответвление через Илийскую долину, как выше отмечалось, стало активно функционировать в X в. К этому времени на территории «большой Алматы» находилось несколько поселений и городов. Все они сейчас уничтожены современной застройкой, но сведения о них сохранились в научных отчетах и публикациях.

Одно из них — городище *Алматы I*, существовавшее в X—XII вв., находилось на территории колхоза «Горный Гигант». *Весновское городище* — располагалось на территории Ботанического сада. Здесь при строительных работах был найден клад керамики.

О городище, расположенном напротив Большого Алматинского ущелья, а это район современного микрорайона «Орбита», писал востоковед В.В. Бартольд в 1894 г. Он обследовал его вместе с тогдашним городским архитектором В.П. Гурдэ. На поверхности городища еще сохранялись остатки построек из жженого кирпича, который жители Верного разбирали для своих построек.

Однако наибольший интерес представляло городище, расположенное на месте, где находилось бывшее Пограничное училище. Здесь при строительных работах найдены глиняная посуда, изделия из бронзы и железа, в 1980 году обнаружили остатки средневековой кузнечной мастерской, а в ней набор топоров, кричное железо — заготовки для кузнецов, а также тигли и остатки кузнечного горна. Мастерская дати-

руется X—XI вв. Именно с этим же городищем связаны находки вышеописанных монет XIII в. с указанием места выпуска — город Алматы.

Размеры городища, определенные по выходам культурного слоя, наличие в нем построек из жженого кирпича, находки керамики, остатков развитого кузнечного ремесла, наличие монетного двора — безусловное свидетельство, что именно здесь в X—XIII вв. находился город, который был главным, столичным в округе Алматы (территория большой Алматы). Видимо, уже X—XII вв. он назывался Алматы, как позднее зафиксировано в надписях на найденных монетах. Известно еще одно городище, *Теренкора*, на северной окраине Алматы.

Следовательно, опираясь на данные письменных источников, находки монет и археологический материал, можно заключить, что современный город Алматы сформировался в X—XI вв. и таким образом история его насчитывает не менее тысячи лет. Это был город со всеми присущими ему признаками крупного политического, экономического и культурного центра средневекового Казахстана, город, где было развито ремесло, торговля, в том числе и международная, где работал монетный двор.

Еще один крупный город Жетысу — *Талхир* — находился на южной окраине современного города *Талгара*, на берегу реки Талгар.

Топоним *Талгар*, безусловно, очень древний, в нем хорошо различается вторая его часть «гар», восходящая к индоевропейским языкам и означающая «гора».

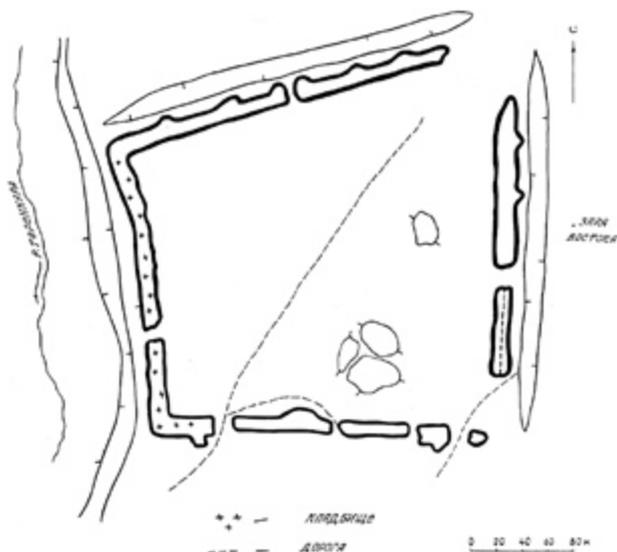

Рис. 6.10. Городище Теренкора на северной окраине Алматы

Интересные сведения о Тальхире содержит географическое сочинение последней трети X в. «Худудал ал-Алам» («Границы мира»), написанное по-персидски. По мнению В.В.Бартольда, «неизвестный автор имел гораздо более основательные познания по географии Средней Азии, особенно восточной ее части, чем его арабские современники». На одной из страниц этого сочинения названы два селения — Тон и Тальхиза (Тальхир), расположенные на границе между владениями джикилей и карлуков, вбли-

зи озера Иссык-Куль. Жители этих селений заслужили характеристику «воинственных и мужественных».

По мнению А.Х.Маргулана и других исследователей, *Тальхиз* — это искаженное при переписке название *Тальхир*.

Тальхир, безусловно, отождествляется с городищем Талгар.

Центральная часть его представляет собой несколько возвышенный над местностью под-четырёхугольный в плане участок.

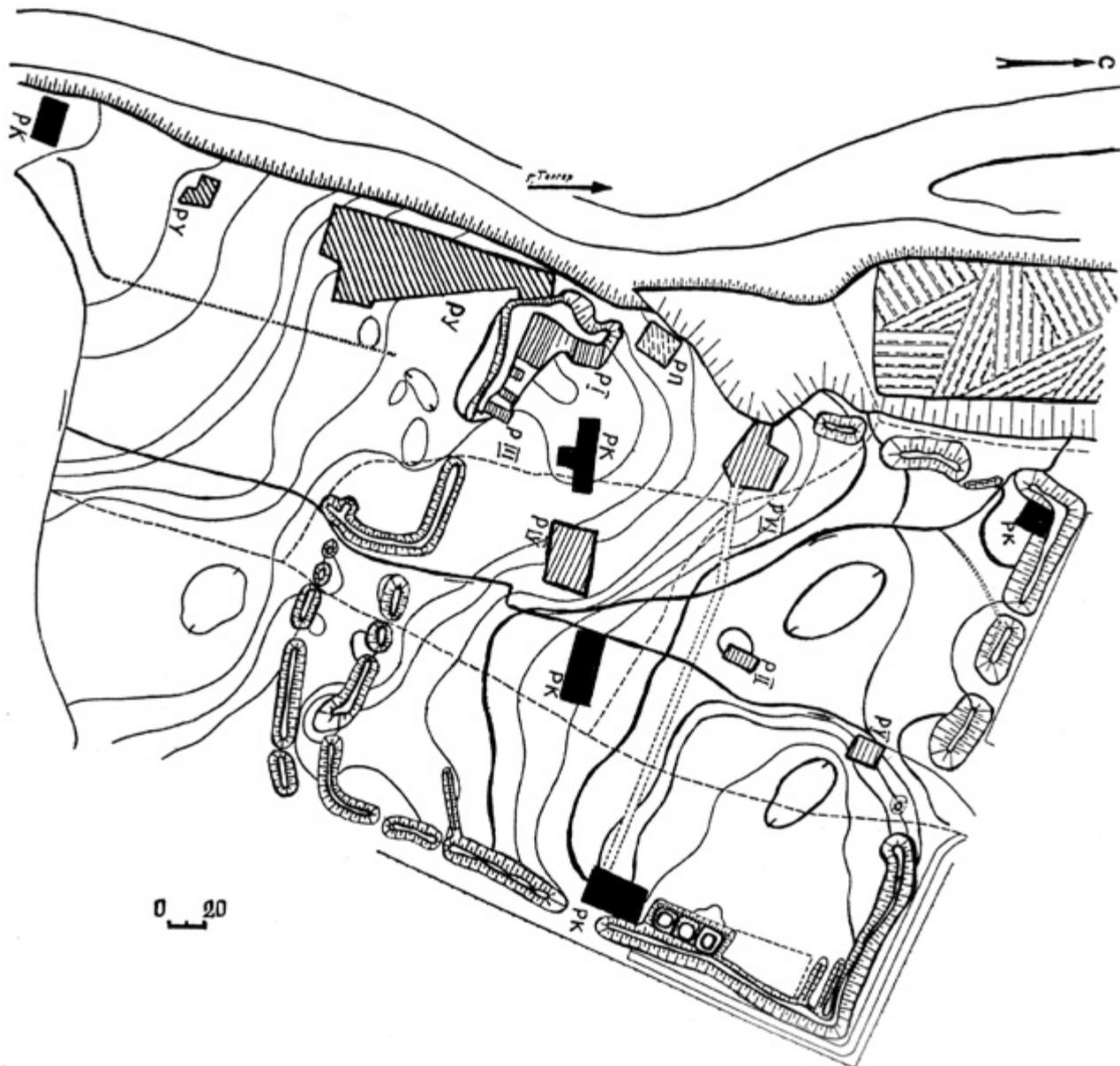

Рис. 6.11. Городище Талгар — Тальхир. РЛ, РІ — раскопы

Размеры его сторон: северо-восточной — 300 м, северо-западной — 280 м, юго-восточной и юго-западной — 302 м, что составляет площадь, равную 9 га.

Со всех сторон городище было окружено стеной, которая сейчас превратилась в оплывший вал. Глубокий ров опоясывал городище со всех сторон.

Углы городища укреплены выступающими башнями, башни были и на стенах.

Въезды находились напротив друг друга в серединах стен. Улицы, соединяющие их, делят городище на четыре части. За пределами центральной части застройка была сплошной и однотипной. Судя по сохранившимся на поверхности остаткам каменных стен, выступающих над землей, это были прямоугольные сооружения площадью от 200 до 500 кв. м. Наибольшее их число находится южнее и западнее центральной части городища.

Памятник давно привлекает внимание исследователей. В числе их были такие известные археологи, как А.Н. Бернштам и А.Х. Маргулан, которые и определили, что летописный Тальхир и городище Талгар одно и то же.

Много лет на городище ведутся раскопки. Итогом этих работ стала выявленная планировка.

Выяснены квартальная застройка Тальхира, характер городского жилища и оборонительных сооружений города, благоустройства и водоснабжение. По находкам остатков ремесленных мастерских и изделий из керамики, железа, бронзы, стекла стало возможным определить уровень развития таких ремесел, как гончарное, кузнечное, стекольное, медницкое, ювелирное.

Были выяснены международные связи Тальхира с Ираном, Китаем, Средней Азией, Индией и Японией в X—XIII вв.

Установлено, что уже в эпоху бронзы в районе Талгара жили люди.

Они занимались земледелием и придомным скотоводством, плавил медь и изготавливали орудия и оружие из бронзы.

В VIII—III вв. до н. э. здесь обитали сакские племена, которые в I в. до н. э. создали на землях Жетысу свое государство. Позднее, в III в. до н. э., его сменило государство древних усуней, просуществовавшее до V в. н. э.

Выяснено, что саки и усунь занимались скотоводством, придомным, отгонным и кочевым, а также земледелием — выращивали несколько сортов пшеницы, проса, ячменя, умели орошать свои посевы при помощи каналов.

Тальхир сформировался на месте одного из таких поселений в конце VIII в. н. э., а в X—XIII вв. достиг расцвета.

Город был разбит перпендикулярными улицами на сетку кварталов. Каждый квартал насчитывал от 12 до 14 домов-усадеб, объединенных внутриквартальными улочками.

Средневековый Талгар обладал высоким уровнем благоустройства. Археологи выяснили, что его главные улицы были вымощены булыжником, вода в город подавалась по водопроводу из глиняных труб, сточные воды выводились в водопоглощающие колодцы.

В городе жили ремесленники, которые изготавливали глиняную и медную посуду, украшения из бронзы, золота и серебра; железные изделия — топоры, ножи, запоры для дверей, котлы, наконечники пахотных орудий, плотницкий инструментарий. Высокого совершенства достигло косторезное ремесло, причем в качестве материала мастера из Тальхира использовали рога и кости диких животных — оленей, архаров, сайги, а также домашних — овцы, лошади, коровы.

Важную роль в жизни горожан играла торговля. Жители окрестных сел и кочевники везли сюда на продажу зерно, фрукты, овощи, скот, шерсть, а сами покупали изделия городских ремесленников.

Процветала международная торговля по Великому Шелковому пути. Талхир занимал на нем узловое положение.

При раскопках домов горожан найдены бронзовые зеркала и фарфоровая посуда из Китая; бронзовые кувшины и блюда из Ирана; изделия из слоновой кости, привезенные из Индии; поливная глиняная посуда из Самарканда. Из Японии в Талгар попало фаянсовое блюдо. На нем изображены люди в богатых золоченых одеждах на фоне морского пейзажа.

Монеты, чеканенные в городах Средней Азии и найденные на Талгарском городище, ярко иллюстрируют широту торговых связей в те далекие времена. Видимо, судя по находкам заготовок, в Тальхире был и свой монетный двор.

Наряду с торговлей и ремеслом, жители занимались сельским хозяйством. В домах многих горожан имелись большие кладовые для зерна, предназначенного на продажу. В скотных дворах держали лошадей, верблюдов, баранов и коз. Охотились на джейранов, архаров, волков, лис, барсуков, зайцев. Кости и поделки из костей этих животных — частые находки при раскопках.

Многие жители перешли к городской жизни недавно, они еще помнили скотоводческие традиции, и поэтому во дворах многих домов были обнаружены основания юрт.

Основную массу населения Талгара составляли тюрки — джикили, карлуки, ягма. В городе также жили купцы из Средней Азии, Ирана и Китая. Всего, по расчетам исследователей, в городе в период его наивысшего расцвета в XI—начале XIII вв. проживало 5-6 тысяч жителей. Многие из них были грамотными, о чем говорят надписи, сделанные по-арабски на глиняной посуде. Это были имена ремесленников или владельцев глиняной посуды. Арабское письмо пришло вместе с исламом в X в. Оно, однако, сосуществовало с древнетюркским руническим письмом. Это доказывается находкой каменного пряслица от веретена с рунической надписью.

Умели жители Талгара играть в шахматы; костяные и глиняные фигуры этой древней игры, найденные при раскопках, свидетельствуют о том, что ее любители жили в Тальхире уже в XI—XII вв.

Раскопки средневекового Талгара показывают, что это был крупный город на Шелковом пути, центр ремесла, торговли, сельского хозяйства и культурной жизни. Работы на городище продолжаются, и каждый год приносит новые открытия.

Так, исследуя находки из железа с помощью макро- и микроструктурного анализов, ученые выявили наличие в городе различных сортов железа, чугуна и стали, в том числе и тигельной (лидебуритной), более известной как булатная сталь. Средневековые мастера из Тальхира были выдающимися специалистами, а Талгар — одним из центров железоделательного производства на Востоке, где изготавливали знаменитый булат. Кузнечное производство в городе отличалось высоким уровнем развития. Археологами собрана богатая коллекция изделий из железа: это оружие — кинжалы, ножи, наконечники стрел, панцирные пластинки от доспехов, обломки боевых шлемов; орудия труда — садовые ножи, топоры, наконечники пахотных орудий; бытовые вещи — замки, оковки сундуков, цепи, светильники и многое-многое другое.

В Тальхире Шелковый путь разветвлялся на южный и северный.

«Южный путь» вел через современные города и поселения Иссык, Турген, Чилик к переправе через Или в районе Борохудзира, а затем по правому берегу Или — через Хоргос в Алмалык. На этом отрезке археологи нашли

развалины небольших городков, от которых сохранились городища в *Иссыке, Тургене и Чилике*. В районе села Коктала, видимо, располагался *Илибалык*, развалины которого сохранились вблизи села.

«Северная дорога» из Алматы или Тальхира шла вдоль р. Талгар до переправы на р. Или, затем после переправы через Или — на северо-восток к Алаколю и Джунгарским воротам.

Сведения об этом отрезке Великого Шелкового пути сохранились в дневнике Гильома Рубрука. В 1253 году он был отправлен французским королем Людовиком IX с дипломатической миссией в столицу монгольского хана Мункэ Каракорум. Он проделал долгий путь, пересек Причерноморские степи, переправился через Дон и Волгу, побывал в золотоордынском городе Сарай Бату, через казахстанские степи дошел до Таласа, а затем через Чуйскую и Илийскую долину, через Тарбагатай и Алтай добрался до Кара-Корума. В книге есть страницы, где подробно и обстоятельно Гильом Рубрук описывает все, что он видел в Илийской долине и Приджунгарье. Осенью 1253 года он достигает предгорий Заилийского Алатау, а после этого, через несколько дней, Рубрук пишет, что «мы въехали в горы, на которых живут каракитай, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне». Это была Или, а переправа через нее находилась в районе современного г. Капчагая. Она пользовалась популярностью с древнейших времен, и не случайно именно в этом наиболее удобном месте находятся изображения Будды на скалах, которых благодарили купцы и путешественники в случае удачной переправы.

Переправившись через Или, пишет Рубрук, «мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии».

На следующий день, переправившись через те горы, которые составляют отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности».

В цитированном отрывке из дневника Рубрука назван город Эквиус. О местонахождении его в научной литературе говорилось достаточно много. Ряд исследователей склон-

ны были отождествлять Эквиус с развалинами городища *Чингильды*, что в 30 км восточнее р. Или. Есть и другое мнение; Эквиус — это искаженное название города *Ики-Огуза*, о котором в XI в. писал Махмуд Кашгарский в своем сочинении «Диван лугат ат-тюрк», и город с таким названием следует искать в месте слияния рек Большая и Малая Биже, или в районе современного с. Капал.

Окончательный ответ на этот вопрос смогли дать археологические исследования. Из всех средневековых городищ надо было выбрать то, которое бы более соответствовало описаниям Гильома Рубрука. Если исходить из этого принципа, то отождествление Эквиуса с городищем Чингильды следует исключить, и вот почему: Чингильды представляет собой небольшой караван-сарай. Размеры его 75×75 м, Гильом Рубрук же пишет о большом городе. Не случайно в нем находилась колония персидских купцов, в руках которых была сосредоточена транзитная торговля. На трассе караванного пути в долине Коксу, на ее левом берегу было найдено и обследовано городище *Дунгене* на территории с. Балпык.

Городище занимает обширную территорию: достаточно сказать, что его северо-восточная сторона имеет длину 675 м, а юго-восточная — 565 м.

В свое время здесь проводила раскопки Семиреченская археологическая экспедиция А.Н. Бернштама. В шурфе удалось выявить три разновременных слоя, соответствующих трем последовательно сменявшим друг друга этапам жизни этого города.

В IX—начале X вв. здесь возникло поселение, жители которого занимались сельским хозяйством и различными домашними ремеслами. В X—XI вв. оно превратилось в город.

В XI в. Махмуд Кашгарский указал имя этого города — «Ики-Огуз» — на своей карте. В XIII в. этот город посетил Гильом Рубрук и назвал его Эквиус.

Из Ики-Огуза Гильом Рубрук направился далее на северо-восток, в сторону р. Лепсы. Сюда он мог попасть двумя путями: первый проходил по степной равнине, второй через современные села Капал и Арасан пролегал у самого подножья гор, где много горных ручьев, обильно орошавших поля земледельцев, строивших здесь селения.

На своем пути Гильом Рубрук, по всей вероятности, видел развалины двух городков, находившихся вблизи современных Капала

и Арасана. Затем, перевалив через горы, он спустился в долину р. Аксу и направился к реке Лепсы. «И эта равнина, — записал он в своем дневнике, — вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море (имеется в виду оз. Балхаш). На вышеупомянутой равнине находилось много городков, но в большей своей части они были разрушены татарами, желавшими иметь там пастбища. Мы нашли там большой город *Кайлак*, в котором был базар, и его посещали купцы». Найти развалины Кайлака удалось, так же как и остатки многих городков, разрушенных еще до путешествия францисканского монаха. Город упоминается в письменных источниках и раньше. Он был столицей государства карлукских джабгу и назывался *Каялык*. Рубрук, как и в случае с Ики-Огузом, искажил название города. Известно, что Арслан-хан, правитель Каялыка в конце XII—начале XIII в., «добровольно» подчинился Чингизхану и вместе со своим войском участвовал в походах монголов на запад, начатый в 1219 г.

Рубрук прожил в Кайлаке 12 дней и за это время смог осмотреть базары города и другие достопримечательности. Особенно усердно он искал христианские церкви и с этой целью посетил два храма, но сходство его с 23 церквями христиан он не обнаружил.

Он дал довольно подробное описание кумирен, а их в городе было несколько. «Они ставились с востока на запад и в северной стороне устраивали комнату, выступающую наподобие клироса, а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса, там они помещают сундук, длинный и широкий, как стол, и за этим сундуком к югу ставят они главный идол, который я видел в Каракоруме, такой же величины, как рисуют Святого Христофора.

На этом сундуке, который напоминает собой стол, они ставят светильники и жертвы... Точно так же у идолопоклонников, как у нас есть большие колокола...».

Приведенная выше характеристика храма, безусловно, свидетельствует о его буддийском характере. Особенно точно описан так называемый «ширэ» — буддийский жертвенный стол. Подтверждает это мнение и описание несостоявшегося при Рубруке праздника: «Войдя тогда в упомянутую кумирню, я нашел там жрецов идольских. Именно первого числа они отворяют свои храмы, и жрецы облачаются, возносят

фимиами. Поднимают светильники и возносят жертвы народа, состоящие из хлеба и плодов». Действительно 1-го и 15-го числа каждого лунного месяца буддийские священнослужители совершают службы в течение целого дня, сжигают благовония, приносят в жертву печень, фрукты и воду, зажигают лампы.

Наиболее значимым памятником в Придунгарье является городище *Антоновка* — крупнейшее не только в этом районе, но и во всем северо-восточном Семиречье. Оно находится на восточной окраине современного села Антоновка, которое сейчас переименовано в *Койлык*. Часть его площади уже застроена современными домами, занята под сады и огороды. Однако территория средневекового поселения очень хорошо определяется по четырехугольнику стен.

С гор, подступающих к селу с юга, хорошо видна панорама городища. Желтый квадрат стен отчетливо выделяется на фоне зелени садов. В середине северо-восточной стены находится один из въездов.

В восточной части городища множество всхолмлений, в расположении которых прослеживается определенная система. Это усадьбы города. Поверхность городища буквально «усыпана» обломками глиняной посуды, железными шлаками, жженым кирпичом. Много фрагментов сосудов, покрытых яркой блестящей поливой.

Все это побудило археологов провести на городище стратиграфические раскопки, которые позволили установить начало жизни города. Он возник в VIII в. К этому времени относится характерный комплекс находок.

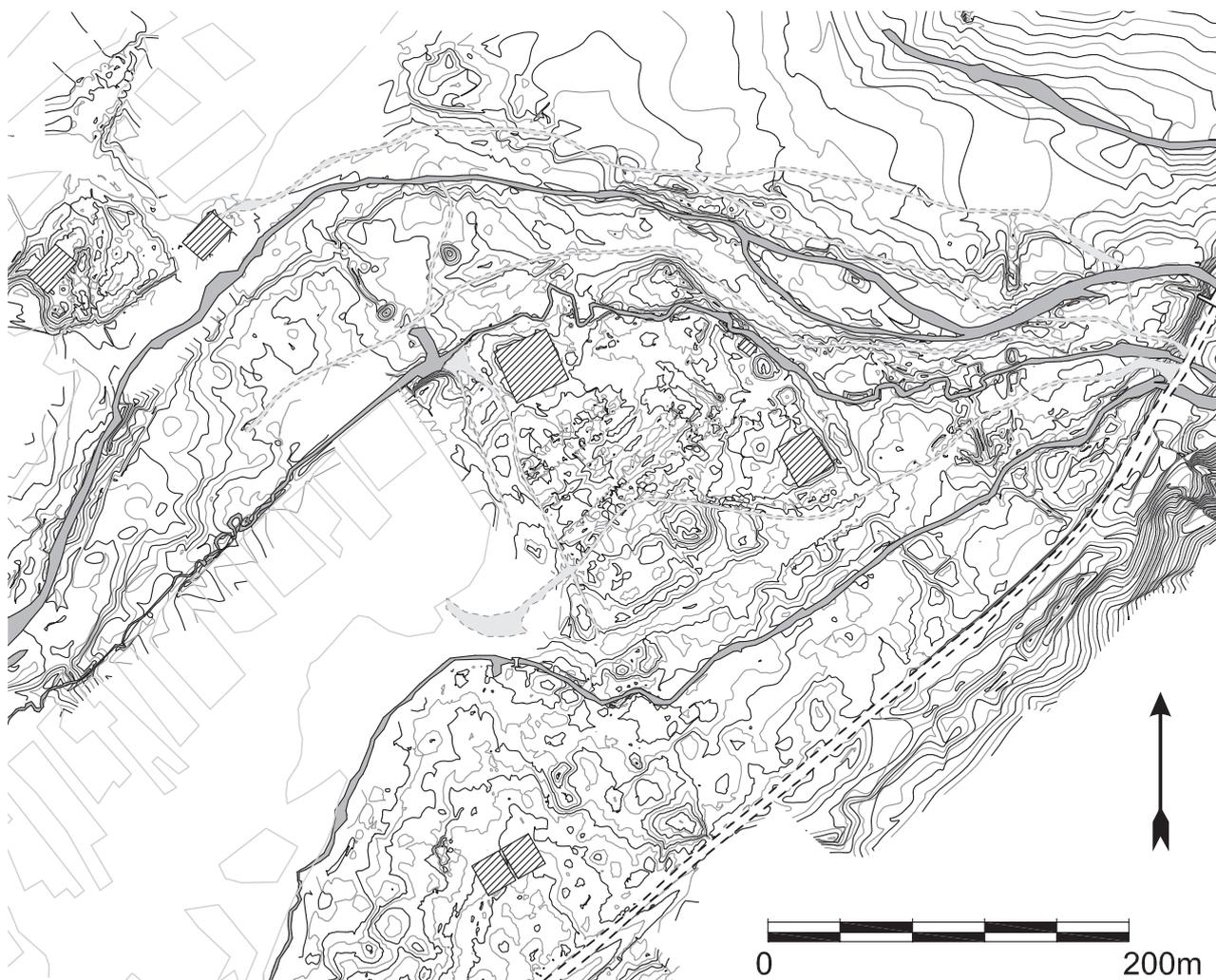

Рис. 6.12. Городище Антоновка — город Каялык

Своеобразные поясные подвески с сердцевинной прорезью и «S»-образные псали для удил изготавливались в VIII—X вв.

Этим же временем датируются глиняные красноангобированные кувшины, украшенные оттисками штампов в виде «решетки в круге» и «колеса со спицами», кувшины, на ручках которых есть наклепные шарики, чаши.

Объектом раскопок на городище Антоновское стал «Буддийский храм». До начала раскопок это был оплывший холм, высотой до трех метров, с подквадратным основанием, ориентированным углами по сторонам света. Была вскрыта постройка из сырцового и жженого кирпича, прямоугольная в плане, размерами 16×18,5 м. В планировочном отношении она состоит из квадратного зала и обходных коридоров.

В существовании храма прослежены два строительных горизонта; при этом планировочная композиция не менялась.

Выделяются наружный вход в коридор; внутренний вход в центральное помещение; центральное — алтарное помещение (зал); четырехсторонний обходной коридор, имеющий тупик в юго-восточной части, разделяющий северо-восточную сторону обходного коридора; угловые башни.

Центральное помещение имеет подквадратный план со сторонами: юго-западная и северо-восточная — 7,5 м; северо-западная — 7,4; юго-восточная — 7,3 м.

На глубине 4,12 м от уровня дневной поверхности были зафиксированы многочисленные остатки обгоревшей при пожаре и обрушенной вниз кровли. Наибольшее скопление деревянных конструкций кровли находилось в центральной части зала.

Четыре обгоревшие деревянные колонны (диаметром от 0,12 до 0,2 м и сохранившейся высотой 0,5 м) находились в вертикальном состоянии. Это остатки деревянных колонн, на которые опирались балки перекрытия зала.

Обходной коридор можно разделить на четыре участка: юго-восточный коридор; юго-западный (имеющий выходы); северо-западный коридор и северо-восточный (отделенный тупиком-стеной от северо-восточного коридора).

На глубине 3-х м от уровня дневной поверхности, примыкая к внутренней стене, вдоль нее, от южного угла внутренней стены, горизонтально положена деревянная балка длиной 5,7 м, диаметром 0,2 м. Она являлась опорой и связывающим креплением четырех деревян-

ных стоек. Расстояние между стойками — от двух до одного метра.

Аналогично устроено перекрытие и в других отрезках коридора.

При раскопках был собран комплекс керамики — это обломки хумов и кувшинов, обломки поливных чаш, характерных для XII—XIII вв.

Изделия из железа представлены серией штырей и гвоздей различных размеров, запорными прикладами на двери и железным кинжалом.

Аналогии постройке, прежде всего его планировочной схеме, прослеживаются в планиграфии буддийских храмов Чуйской долины. Это первый и второй храмы Ак-Бешима и храм Краснореченского городища. Планировка их одинакова — центральный зал, окруженный обходным коридором.

Однако эти храмы относятся к VIII—IX вв., тогда как Антоновский датируется концом XI — первой половиной XIII вв. и имеет аналогии в архитектуре столицы тангутов — Хара-Хото. В частности, в конструкциях стен буддийского храма Хара-Хото, так же как и в Каялыкском, использовался прием комбинированной кладки сырцового кирпича, плашмя и на ребро с наклоном.

На городище вскрыты также «богатые усадьбы» горожан XIII в., отапливаемые системой дымоходов-канов, баня.

В северной части городища раскопаны мавзолеи XI—XII вв., стены которых были облицованы резным кирпичом. Элементы резьбы — геометрические фигуры, растительный орнамент в виде тюльпанов и орнамент в виде стилизованных букв арабских надписей арабским письмом.

Интересным объектом раскопок стала соборная мечеть размерами 34×28 м, по внутреннему обводу стены которой были сложены из сырцового кирпича. В юго-западной стене ее находился михраб — сложенная из жженого кирпича ниша, обращенная в сторону Мекки. Именно ориентируясь на михраб, совершались молитвы.

Кровля мечети была плоской, но с понижениями наружу и опиралась на деревянные колонны, которые стояли на базах из каменных плит либо каменных вымосток из булыжников. Всего оснований колонн — 54. Стены мечети обмазаны и частично побелены. Зимой мечеть отапливалась жаропроводящими каналами. При раскопках собраны керамика XII—XIII вв., бронзовые обкладки футляра или обложки Корана.

Из Каялыка Гильом Рубрук выехал в день святого Андрея, который приходится по христианскому календарю на 30 ноября. «И там поблизости, — пишет он, — в трех лье, нашли поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко: «Радуйся, Царица», так как давно не видели церкви». Развалины поселения обнаружены археологами — это городище *Лепсы*.

Отправившись отсюда через три дня, пишет Гильом Рубрук, «мы добрались до столицы этой области, в начале вышеназванного моря, которое показалось нам столь бурным, как океан. Мой товарищ приблизился к его берегу и помочил в нем льняную ткань, чтобы отведать вкус воды; она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое мо-

ре, и через эту долину от первого моря до второго протекала река: в этой долине почти беспрерывно дует столь сильный ветер, что люди проезжают в великом опасении, как бы ветер не унес их в море». Итак, мы переправились через долину, направляясь на север к большим горам, покрытых глубокими снегами, которые тогда лежали на земле...». Гильом Рубрук пишет о «столице области», которая находилась на берегу озера. По мнению исследователей, она отождествляется с городищем *Коктума*.

Алаколь — это озеро, в котором не трудно узнать «море бурное как океан», а на берегу его обнаружено городище Коктума, которое, видимо, и соответствует «столице области».

Затем Гильом Рубрук направился на северо-запад и, пройдя между озерами Алаколь и Кошкарколь, двинулся к Тарбагатау, перевалив который, он продолжил путь к Кара-Коруму.

СЫРДАРЬИНСКИЕ ГОРОДА

Обратимся вновь к одной из отправных точек на казахстанском участке Шелкового пути — к городу Испиджабу. Из этого города шла караванная дорога на *Арсубаникет* в *Отрар-Фараб*, *Ясы-Туркестан* и далее, вниз по Сырдарье — в Приаралье к городам на реке Урал (Жайк), на Волгу в Европу.

На караванной дороге, тянувшейся вдоль Сырдарьи, наиболее крупными городами были *Отрар (Фараб)* и *Шавгар*. Название Отрартобе сохранилось до сих пор — так именуют крупное городище, находящееся неподалеку от впадения Арыси в Сырдарью. Рядом с Отраром находился город *Кедер*, бывший в X в. главным в Отрарском оазисе.

Отрар являлся центром оазиса в среднем течении Сырдарьи. С запада к нему вплотную подступает пустыня Кызылкуп, с востока степь, которая замыкается горными грядами Каратау.

Отрарский оазис, или округ Отрар-Фараб, занимал в Южном Казахстане узловое положение. Не случайно Отрар упоминается почти во всех географических и исторических сочинениях средневековых авторов. Он и в числе городов Семиречья и в реестре городов Испиджаба. Может даже возникнуть подозрение о существовании нескольких Отраров. Но Отрар был один, а его «вездесущность» объясняется тем, что город стоял на стыке различных географических ландшафтов и являлся местом пересечения караванных путей. Отрар при впадении Арыси

в Сырдарью — центр большого сельскохозяйственного района. Отрар вблизи предгорий Каратау — одна из опорных крепостей кочевников. От Отрара по Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее в Восточный Туркестан; по Сырдарье вверх издревле проторенный путь вел в Шаш, Согд и далее к Мерву и Нишапуру; вниз дорога направлялась в Приаралье и на Урал; на запад через Кызылкумы шел путь в Хорезм и далее в Поволжье, Причерноморье и на Кавказ. «Трудно, — как заметил известный советский археолог А.Н. Бернштам, — найти в Средней Азии более выгодное и более опасное положение».

Сейчас на месте города остались руины городища Отрартобе. В оазисе сохранились развалины городов и селений, замков и сторожевых башен. Высохшие поля пересекаются магистральными каналами. Каждый холм, который образовался на месте древних поселений, имеет свое название: *Алтын-тобе*, *Джалпак-тобе*, *Куйрук-тобе*, *Куюк-Мардан*, *Пчакчи-тобе*. Когда-то они имели другие имена, но эти имена забыты и лишь названия двух городов, известных в письменных источниках, можно сопоставить с современными развалинами. На месте городища Куйруктобе, как установили исследователи, находился город *Кедер*, городищу *Оксуз* соответствует город *Весиджж*, а городищу *Бузук* — город *Чилик*.

Изучение топографии Отрара показало, что облик городища характерен для большинства

средневековых памятников Казахстана и Средней Азии. «Центральные развалины» представляют собой пятиугольный в плане холм-тобе высотой 18 м, площадь его — 20 га. Стороны равны: южная — 380 м, юго-западная — 145 м, западная — 400 м, северо-восточная — 380 м, восточная — 350 м. По периметру холм окружен стеной, которая и сейчас сохранила на некоторых участках крутизну в 750-800. На ней имелись башни, они выглядят как выступающие за линию стены оплывшие бугры округлой формы. За стеной виден ров в виде лощины с покатыми краями, глубиной 2-3 м и шириной 10-15 м. В город вели три въезда. Два расположены напротив друг друга в южно- и северо-восточных стенах, третий — в середине западной стены. Центральная улица соединяет южный, видимо, центральный, въезд с северным и делит городище на две неравные части. Улица имеет вид

ложбины шириной 5-8 м. От нее отходят многочисленные переулки и тупики.

К центральным развалинам примыкает территория укрепленного рабада. Площадь его 150 га. Стены вокруг рабада сохранились на отдельных участках. Рабад занят остатками построек, которые группируются в бугры различной конфигурации.

Возникновение населенного пункта на месте Отрара относится к первым векам н. э., то есть задолго до начала IX в., когда впервые в письменных источниках упоминается название Отрар-Фараб. Однако есть данные, которые позволяют определить и более раннее название города.

В решении этого вопроса важную роль играют анэпиграфные монеты, собранные на Отраре и городищах оазиса. На лицевой стороне монет первого типа имеется родовая тамга

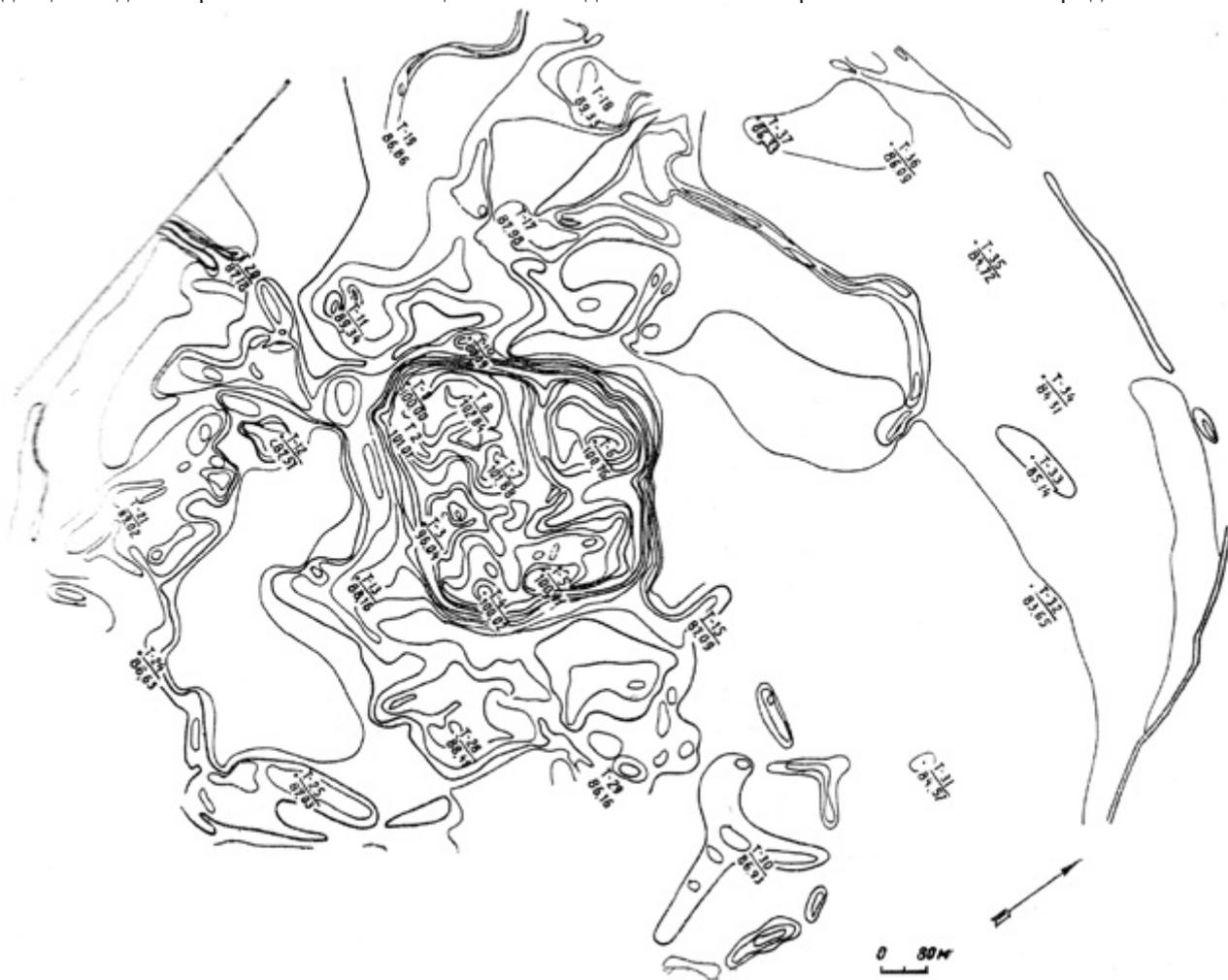

Рис. 6.13. Городище Отрар-тобе

тюркшей в виде лука, а на обороте изображение льва. У монет второго типа на лицевой стороне изображен знак светильника X. Сравнение их с монетами средневековья из Семиречья, Шаша и Согда свидетельствует, что это был совершенно новый тип монет, которые скорее всего являлись чеканом местного правителя. Есть предположение, что монеты чеканились правителями тюркского владения Кангу Тарбана, располагавшегося в это время на Сырдарье, с центром в Отраре. Столицей его был город *Тарбан*, *Тарбанд*, который, видимо, являлся предтечей Отрара-Фараба.

Об облике парадной архитектуры ранне-средневековых городов оазиса можно судить по материалам исследований цитадели городища Куйруктобе, отождествленного с городом Кедером. На цитадели были открыты остатки дворцового комплекса, состоящего из жилых и хозяйственных помещений, окруженных обходной галлереей и защищенных стеной с сегментовидными выступающими наружу башнями. Стены построек были сложены техникой комбинированной кладки из пахсовых блоков и длинномерного сырцового кирпича. Постройки были подняты на высокий до 10 м

Рис. 6.14. Городище Куйрук-тобе — Кедер

стилобат. Стены парадного зала, который имел размеры 10,5×15 м, были украшены росписями и фризом из резных деревянных досок, часть из которых обгорела во время и в обугленном виде была найдена при раскопках. На досках были изображены сюжеты из жизни владельцев округа, а также боги.

У отдельных изобразительных деталей резьбы найдены ближайšie аналогии в резьбе по дереву из Пенджикента, Шахристана, а сюжеты в росписях — из Пенджикента, Варахши, Балалыктобе. В раннесредневековом монументальном искусстве отразились процессы культурного взаимодействия народов Средней Азии и Казахстана.

В IX—X вв. источники называют Отрар в числе городов Испиджаба. В источниках Фараб-Отрар по-прежнему характеризуется как центр округа, который занимал пространство около дня пути в длину и ширину. В это время в городе чеканились монеты.

Период IX—XII вв. был временем подъема городской жизни на юге Казахстана. Возникают новые города, растут старые. Расширение площади городов идет за счет рабадов, торгово-ремесленных предместий. Отрар в это время занимает территорию в 200 га. Как выявили раскопки, территория города-оазиса в XI—XII вв. была тесно застроена домами, группировавшимися в кварталы. В городе функционировала канализация, санитарно-гигиенические узлы являлись обязательной принадлежностью каждого дома.

В IX—X вв. происходит исламизация Южного Казахстана, ускоренная походами в Фараб и Шавгар саманидов в середине IX в., когда они расширили свое влияние на юг Казахстана и Таласскую долину. Новая религия распространилась в первую очередь в городской среде. Рядом с городами складываются мусульманские кладбища, появляются мавзолеи, формируются культовые ансамбли. В городах строятся мечети. Одна из наиболее ранних мечетей, относящаяся к так называемому «столпному» типу, раскопана на городище Куйруктобе. Время ее функционирования относится к X—началу XII вв.

Расцвет Отрара был прерван монгольским нашествием. Незадолго до него Отрар вошел в состав государства Хорезмшахов. В 1218 году Чингизхан отправил ко двору хорезмшаха Мухаммеда торговый караван, который по прибытии в Отрар был разграблен, по приказу Мухаммеда, наместником города, известным кипчакским полководцем, Инальчиком Кайр-

ханом (языческое имя Яган-Тугды). Чингизхан потребовал наказания виновных и выдачи Кайрхана, однако хорезмшах приказал казнить монгольского посла.

Осенью 1219 года монголы подошли к стенам Отрара. Еще до появления монголов в Ургенче хорезмшах Мухаммед собрал военный совет, где один из военачальников предлагал дать генеральное сражение монгольскому войску. Но Мухаммед избрал другой путь, он рассредоточил войска по гарнизонам городов, предоставив полководцам биться поодиночке. Вот как описывается в источниках оборона Отрара: «Прежде всего они (монголы) пришли к городу Отрару. Они разбили свои палатки вокруг города. Султан дал Кайрхану 50 тысяч человек из пограничных войск и послал Карача Ходжиба к нему на помощь еще с 10 тысячами. Цитадель, внешние укрепления и городская стена были хорошо укреплены, и собрано большое количество оружия для войска. Кайрхан с его отрядом сделал все приготовления к битве внутри города, расположил пехоту и кавалерию на воротах, а сам поднялся на стену; когда он посмотрел вперед, он прикусил кончик пальца от удивления перед открывшимся внезапно видом: насколько он мог охватить взглядом равнину, вся она стала бурлящим морем бесчисленных толп и великолепных войск, тогда как воздух был полон криков и шума (создаваемого) ржанием закованных в броню лошадей и ревом покрытых кольчугами муллов. Армия расположилась кругами вокруг крепости. И когда войска собрались, Чингизхан отправил каждого из полководцев в определенном направлении. Старшего сына (Джучи) он послал в Джэнд и Барчылыгкент с несколькими туманами храбрых и деятельных воинов; некоторое число своих военачальников послал в Ходжент и Фенакет. Он сам отправился в Бухару, оставив Угедея и Чагатая во главе войска, которому была поручена осада Отрара. Отрар был взят после шестимесячной осады.

Цитадель и стены его были сравнены с землей, и монголы удалились, а тех из простолюдинов и ремесленников, которые избежали меча, они увели с собой для того, чтобы применить в качестве хашара или воспользоваться их искусством в ремесле».

Однако Отрар смог возродиться, вновь стать важным политическим и экономическим центром на Сырдарье. К середине XIII столетия Отрар превращается в крупный торговый центр на пути с Запада на Восток. Через него

проходил путь из Ургенча на Алмалык и далее. Отрар известен как центр чеканки монет, которые имели широкое хождение в Средней Азии и на юге Казахстана. В XIII—XIV вв. в городе ведется строительство крупных общественных сооружений: медресе, ханака и мечети.

Во второй половине XIV века Южный Казахстан был включен в державу Тимура. Эпоха Тимура знаменовалась стабилизацией обстановки в бывших монгольских владениях. При нем был построен грандиозный мавзолей Ахмеда Ясави в Туркестане. В Отраре с именем Тимура связывается постройка мавзолея над могилой учителя Ахмеда Ясави Арслана-баба. При Тимуре же в городе была построена соборная мечеть.

Представление о городской застройке, характере городского квартала, общественных сооружений и о формировании новых типов жилища дают широкие раскопки Отрара.

В середине XV в. степной хан Абулхайр смог подчинить себе многочисленные племена Дашт-и Кыпчака и возглавить новое феодальное владение — Узбекское ханство. Однако власть его была непрочной. Абулхайру противостояли потомки Джучи, казахские ханы Джанибек и Гирей. Период XVI—XVII вв. представляет собой борьбу за политическое господство в казахских степях и на Сырдарье. После смерти одного из наиболее ярких представителей узбекской верхушки Мухаммеда Шейбани в 1510 г. власть в сырдарьинских городах и Сары-Арке переходит к казахским ханам. При Касым хане казахское ханство укрепляется, расширяются его границы. С середины XVII в. на земли Казахстана начинают претендовать джунгары. Они совершают ряд грабительских походов, разрушают Сайрам, Туркестан и другие городские центры. Вместе с тем не прекращаются феодальные смуты и распри. Все это привело к постепенному упадку экономики страны, к деградации и гибели некогда цветущих сырдарьинских городов. Материалы раскопок Отрара дают яркое представление о жизни города в XVI—XVIII вв., о периодах подъемов и спадов городской культуры.

Удалось выделить два основных строительных горизонта, соответствующих двум поздним периодам жизни. Нижний датируется XVI—первой половиной XVII вв. и верхний — второй половиной XVII—XVIII вв. Городская планировка, направление улиц, границы кварталов, их застройка на протяжении трех столетий почти не менялись. Перестройка коснулась лишь планировки отдельных домовладений.

Анализ архитектуры позволил получить полное представление о жилище позднесредневекового Отрара.

Основным застроенным элементом города, как и прежде, является квартал.

Отрар был узлом многих караванных путей. Отсюда одна дорога шла в *Шавгар*, а другая — на переправу через Сырдарью и к городу *Весиджу*. Последний известен как родина выдающегося ученого Востока Абу Насра аль-Фараби. В XIII—XIV вв. этот город, видимо, назывался *Зернук*. Из него шел путь вверх по Сырдарье, через огузский город *Сюткент* в Шаш, а вниз по течению Сырдарьи в *Дженд* — город, который в XII в. стал центром Кыпчакского государства, как и расположенный юго-западнее *Сыгнак*. Из *Зернука* же через Кызылкумы была проложена трасса в Хорезм, в Ургенч, а оттуда в Поволжье, на Кавказ. Этот отрезок Шелкового пути был особенно оживленным в XIII в., когда в низовьях Волги сформировался золотоордынский город Сарай. Этот путь в XIII—XIV вв. проходил через Сарайчик, Сарай-Бату и Каффу в Европу.

Туркестан известен в источниках с XII в. под названием *Ясы* как столица округа Шавгар, а позднее, с XVI в., — под современным названием. В XVI—XVII вв. Ясы-Туркестан был политическим, экономическим и культурным центром Казахского ханства, а до того — административным центром владетелей из династий кангаров, караханидов, хорезмшахов, чагатаидов, тимуридов, шейбинилов.

Особую известность город приобрел в XII в. как место проповеднической деятельности Ахмеда Ясави. После его смерти на кладбище города Ясы сложился религиозно-культурный идеологический центр, ставший местом притяжения паломников. От этого времени сохранились лишь фрагменты облицовки стен раннего мавзолея XII в., сооруженного над могилой тюркского суфия.

Городище средневекового г. Ясы — Туркестан — расположено на юго-восточной окраине одноименного города.

Существование города Ясы под этим именем в начале XIII в. подтверждается находками серебряных монет, выпущенных от имени хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша на монетном дворе Ясы. Эти монеты чеканились здесь в 1210, 1216—1218 гг., во время подчинения сырдарьинских городов хорезмшаху. Упоминание города под именем *Асон* встречается в маршруtnике армянского царя Гетума I, проехавшего через юг Казахстана в середине

XIII в., по пути в ставку великого монгольского хана Менгу. Позднее, на страницах сочинений XVI в., город Туркестан выступает то как «крепость Ясы», то как «крепость Туркестан», тогда как во всех более ранних письменных источниках название Туркестан прилагалось лишь к области (вилайету), расположенной по среднему течению р. Сырдарьи и граничившей с одной стороны с вилайетом Отрар, с другой стороны с вилайетом Сауран.

Первенство города Ясы-Туркестан среди городов области Туркестан отмечено уже в «Записках бухарского гостя» Фазаллаха ибн Рузбихана Исфохани, который писал в начале XVI в.: «В город *Иаси* привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он является местом развязывания грузов купцов и мест отправления толп путешественников по странам».

Специфика исторического развития города Ясы-Туркестан обусловила и сложность планировки городища, в которой до недавнего времени четко выделялась часть, прилегающая с северо-востока к зданию мавзолея и ограниченная хорошо сохранившимися еще к началу XX в. крепостными стенами. Эта часть имела форму неправильного пятиугольника площадью примерно 2,6 га, в западном углу которого расположено здание архитектурного комплекса мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Это собственно цитадель городища Туркестан, и она наиболее изучена в археологическом отношении. К западу и юго-западу от цитадели расположена территория самого города в виде неправильного четырехугольника площадью примерно 23,5 га. В микрорельефе этой части городища до сих пор хорошо прослеживаются кварталы жилой постройки, разделенные уличной сетью. В западной части шахристана был расположен обширный водоем, питавшийся из речки, впадавшей с севера в крепостной ров. С северной и западной стороны эту территорию ограничивают, и до сих пор хорошо прослеживаемые, остатки стены с башнями на углах.

Археологические исследования, проводившиеся на городище *Культобе*, расположенном в 300 м к юго-востоку от комплекса Ходжи Ахмеда Ясави, включенного в план позднесредневекового города, вскрыли здесь свиту культурных слоев, как удалось установить, начала I тыс. н. э. — XIV в. н. э. В нижних слоях стратиграфического раскопа на *Культобе* получены материалы, относящиеся к так называемым «каучиноидным» культурам сырдарьинского региона. Их существование относится к концу

I тыс. н. э. — VI-VIII вв. н. э. Это керамика, которая дает возможность определить по-новому, чем раньше, до раскопок хронологию городища Туркестан. Начало формирования города относится к концу I в. до н.э. — I в. н. э.

Участок территории, где ныне находится комплекс Ходжа Ахмеда Ясави, был, видимо, кладбищем поселения Ясы, что объясняет многочисленные погребения, которые были разрушены при строительстве комплекса мавзолея в конце XIV в.

Трасса Шелкового пути через Туркестан шла на северо-запад вдоль Сырдарьи, и на ней

располагались города *Сауран*, *Сыгнак*, *Дженд* и *Янгикент*.

Первые упоминания о Саурани относятся еще к X в. Известный арабский географ ал-Макдиси характеризовал его так: «Сауран (Савран, Сабран) — большой город, окруженный 7 стенами одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть находится во внутреннем городе. Он пограничная крепость против гузов и кипчаков».

Впоследствии о городе упоминают как о крупном культурном и торгово-ремесленном центре на юге Казахстана.

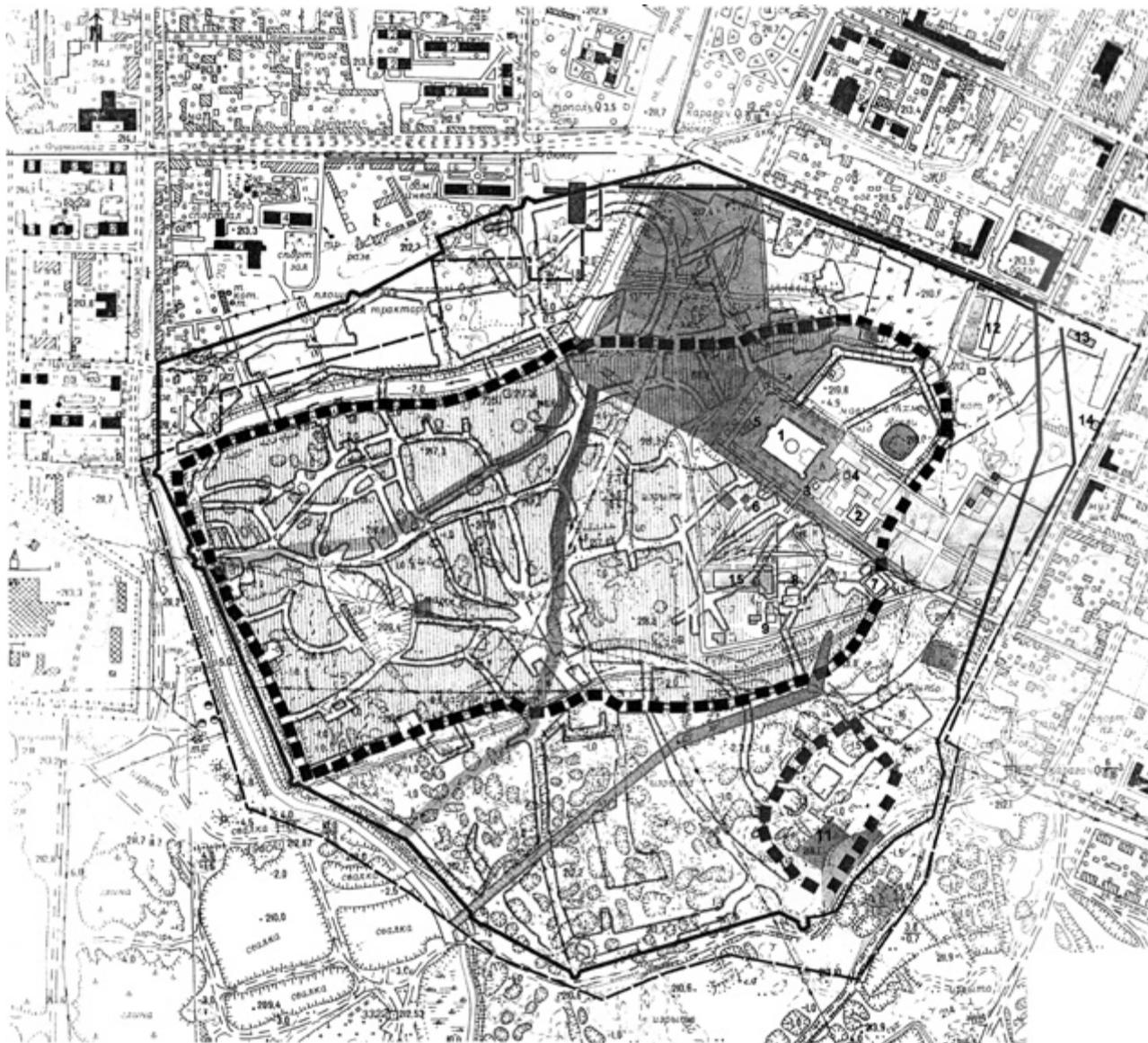

Рис. 6.15. Территория государственного историко-культурного заповедника-музея Туркестан

В середине XIII в. Сауран под названием *Савран* назван в маршрутнике армянского царя Гетума в одном ряду вместе с *Сыгнаком* (*Сгнахом*), *Карачуком* (*Харчуком*) и *Асоном* (*Яссы*).

В первой половине XIV в. Сауран был столичным центром государства Ак Орды. В городе был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды Сасы-Бука. Его сын Эрзен строил в Сауране и других городах медресе, ханаки, мечети. Роль столичного центра Сауран сохранял и в последующее время. Сауран XV в. описан историком Рузбиханом, который называет его «необыкновенно приятным городом. Построен он в открытой, ровной степи. Он чрезвычайно

веселый, светлый, с мягким бодрящим воздухом, который придает разуму радости и силу... по всей округе растут и виднеются разного рода красивые деревья. Самый город окружен высокой стеной, ...а вокруг него ров».

Ценные сведения о городе содержатся в мемуарах поэта и писателя Васифи, жившего здесь в 1514—1515 г. Он сообщает об одной из наиболее примечательных городских построек — медресе с двумя качающимися минаретами: «На плечах его айвана поставлены два высоких минарета, необычайной высоты и крайнего благородства. У «гульдаста» тех минаретов прикреплены цепи, а под куполами каждого

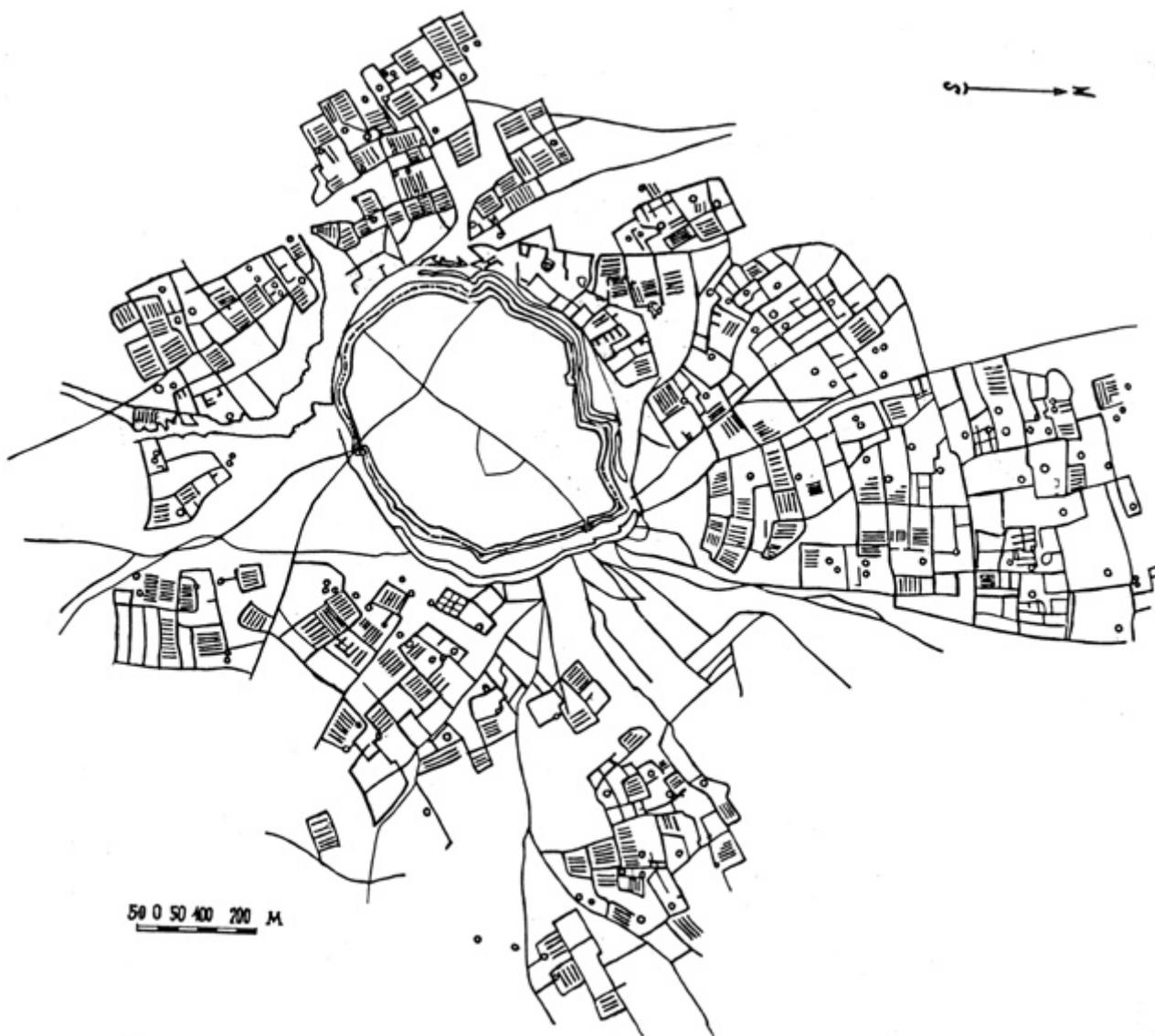

Рис. 6.16. Городище Сауран

минарета пристроено бревно так, что кто-либо с силой приводит бревно в движение, цепь колеблется, и тому, кто находится на противоположном минарете, представляется, что минарет рухнет, а это одно из чудес мира».

Васифи описывает и необычайное для этих лет кяризное водоснабжение. Кяризы — подземные галереи, через которые выводятся наружу подземные воды. «Подобных им, — замечает Васифи, — не видели люди, объехавшие весь мир на суше и на море. На строительстве их работали 200 индийских рабов. Исток кяризов был на расстоянии фарсаха от Саурана; над ним была построена крепость, внутри крепос-

Рис. 6.17. Топоъемка участка сауранского кяриза

ти прорыт колодец глубиной 200 гязов, причем 50 гязов было от поверхности земли до воды, 150 гязов составлял столб воды в колодце; воду поднимали посредством чигирия. Чигирь приводился в движение быком. У истоков кяризов находилось водохранилище. На участке земли, орошаемой водой одного из кяризов, был устроен чарбаг — поместье с садами, виноградниками и хозяйственными постройками».

Сауран был для своего времени сильной крепостью, о городских укреплениях считают своим долгом упомянуть современники. Они сообщают, что, благодаря оборонительным сооружениям, обеспеченности водой и продовольствием, оружием, город мог выдержать осаду в течение нескольких месяцев. В системе укреплений Саурана источники называют крепостные стены с башнями, входами и выходами, крепостной вал, ров. «Крепость Сауран является такой сильной и мощной крепостью, что рука вращения судьбы никогда не достигала подножия ее вала».

При осаде города в 1598 г. были доставлены осадные камнеметные машины. С их помощью в городе разрушались жилища и срубы колодцев. Под стены крепости были сделаны подкопы, из рва выпущена вода, но крепость оборонялась еще долго. Жизнь в Сауране продолжалась вплоть до конца XVIII в., но в это время город превратился в «мелкое местечко около Туркестана».

Если местонахождение Саурана XIII—XVIII вв. не вызывает сомнения и ему соответствует городище Сауран, датируемое XIII—XVIII вв., то локализация домонгольского города точно не устанавливалась. Обследования района городища Сауран позволили убедительно ответить на вопрос о местонахождении домонгольского Саурана. Рядом с развалинами Саурана, в 3-х км восточнее, находится городище *Каратобе*. Датируется оно первыми веками — XII в. н. э. Топография городища характеризуется наличием признаков присущих городам развитого средневековья, в ней различаются цитадель, шахристан и рабад. Но наиболее веским аргументом в пользу тождества Каратобе-Сауран являются остатки нескольких рядов стен вокруг рабада. Внешнее кольцо их отстоит от центральных развалин на расстоянии 1-1,5 км, затем внутри идут еще, по крайней мере, два кольца стен. Выше уже отмечалось, что письменные источники, подчеркивая особенность Саурана, сообщают о его укреплениях, в частности, о семи рядах стен. Видимо, именно остатки этих стен прослеживаются в топографии городища Каратобе.

Таким образом, сейчас можно утверждать, что Сауран первых веков н. э. — XII вв. располагался на месте городища Каратобе, а Сауран XIII—XVIII вв. был перенесен на новое место, и ему соответствует одноименный памятник.

Дешифровка аэрофотоснимков Саурана XIII—XVIII вв., вкуче с анализом топопланов и визуальными исследованиями, дает возможность охарактеризовать развалины следующим образом.

Магистральная улица, которая начинается от северо-восточных ворот, делит территорию городища на две почти равные части по линии северо-восток — юго-запад. Не доходя 150 м до юго-западного отрезка стены, она упирается в перпендикулярную улицу, идущую в направлении с северо-запада на юго-восток. Один из отрезков выходит на юго-восточные ворота. Кроме двух магистральных улиц в топографии

городища прослеживается множество улочек и тупичков, составляющих сложную разветвленную уличную сеть города. На расстоянии 210 м от северо-восточного въезда слева магистральная улица упирается в площадь, вокруг которой группируются мечети и медресе, о последнем писал Васиби. Ведутся их раскопки.

Вокруг центральных развалин в радиусе 1400-1600 м находятся остатки отдельных усадеб, образующих застройку различной плотности. Каждая усадьба состоит из дома и участка, окруженного стеной. Участки заняты бахчевыми культурами, садами, виноградниками и посевами зерновых культур. Четко выделяются остатки полей с бахчевыми культурами.

Площади усадеб различны. Наиболее крупные из них имеют размеры 150×110 м; 180×90 м и занимают площадь от 1,5 до 1,8 га. Средняя усадьба имеет площадь да 1 га, мелкие — менее

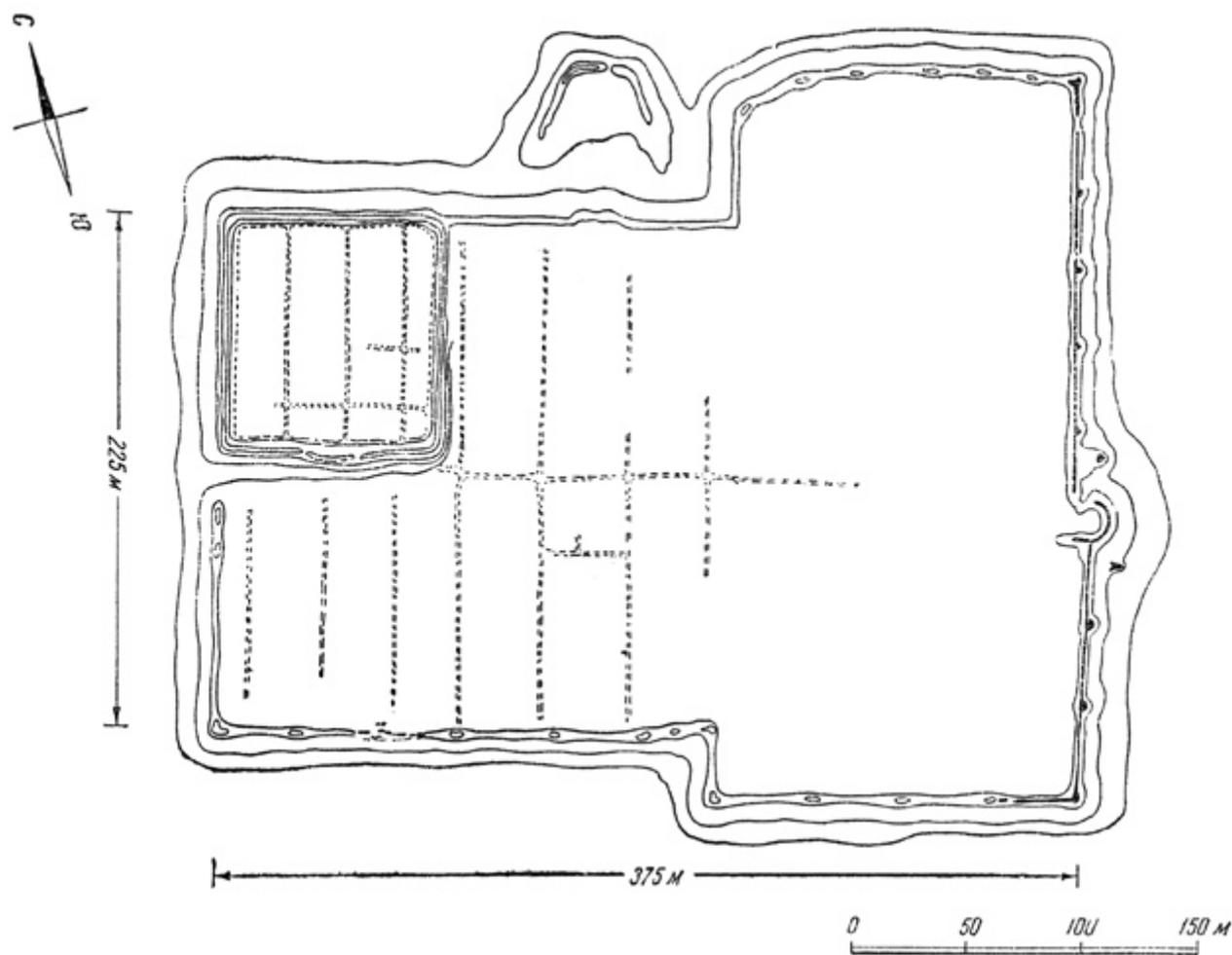

Рис. 6.18. Городище Жанкент (Янгикент). План

0,5 га. Преобладают средние усадьбы. Всего, по предварительным подсчетам, в сельскохозяйственном округе Саурана около 350 усадеб.

Подъемный материал — керамика, монеты — позволяет определить время существования усадеб в окрестностях Саурана XIII—XIV и XV—XVIII вв.

Как уже отмечалось, водоснабжение города, орошение пригородных садов осуществлялись при помощи кяризов. Остатки кяризов вначале были замечены при визуальном осмотре городища с самолета, затем отмечены на аэрофотоснимках. На снимках кяризы выглядели цепочками кружков (вентиляционных колодцев), концы которых находились на северной окраине пригорода Саурана, занятого усадебной застройкой, и в районе городища Мыртобе. Диаметры колодцев равны 5 м, расстояние между ними — 12-15 м.

Городище Сауран с его высокими, до сих пор частично уцелевшими стенами, развалинами жилых кварталов и общественных построек, с его уникальными кяризами, остатками пригородной застройки и древними полями представляет один из наиболее ценных археологических и архитектурных памятников Казахстана.

Следующий крупный город на Сырдарье — *Сыгнак*.

В XIII в. Сыгнак упоминается один раз — в списке городов, которые посетил армянский царь Гетум. Во второй половине XIV в. город становится столицей государства Ак Орды. Здесь был монетный двор и велось интенсивное строительство.

В XVI—XVIII вв. Сыгнак был крупным городом на Сырдарье. На его базарах ежедневно

продавали товаров, груженных на 500 верблюдов; в окрестностях возделывали поля, орошаемые выведенными из Сырдарьи каналами Ордакент, Кзылтал, Бузгул-Узьяк, Тюмень и другими. «Гавань Дашт-и Кипчака» — так называли Сыгнак в то время. Историк XVI в. Рузбихан писал: «Этот город в древности был очень цветущим, был окружен большими постройками и обработанными полями, богат разнообразными продуктами и являлся торговым пунктом для казахского народа».

Развалины Сыгнака находятся неподалеку от железнодорожной станции Тюмень-Арык. Археологи начали здесь работы в 2003 г. и уже вскрыли мечеть и мавзолей.

Из Сыгнака дорога приводила в *Джанкент* (Янгикент), который был столицей огузов, а из него в Хорезм, в Ургенч, на Мангышлак и далее на р. Урал в город *Сарайчик*, а оттуда в *Сарай-Берке* на Волге и далее в Крым к портовым городам, а оттуда в Византию.

Одна из дорог из Туркестана проходила через перевал Турлан, выходила на северные склоны Каратау и следовала параллельно той, что шла вдоль Сырдарьи. Она стала особенно оживленной в XIII—XIV вв. Именно по ней в Монголию шли армянский царь Гетум, монах Плано Карпини, Гильом Рубрук. На ней же стояли города *Сузак*, *Уросоган*, *Кумкент*, *Сугулкент*.

Все они располагались на северных склонах Каратау. *Сузаку* соответствует городище *Сузак*, на окраине одноименного села; *Кументу* — городище *Кумкент*, *Сугулкенту* — городище *Саудакаент* на территории современного села *Чулак-Курган*, а *Уросогану* — городище *Карасаун* западнее с. *Чулак-Курган*.

Города Центрального, Восточного и Западного Казахстана

От основной трассы Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Семиречье, отходили ответвления на север и восток, которые вели в районы Центрального и Восточного Казахстана — в Дашт-и Кипчак, позднее Сары-Арку, к берегам Иртыша, Сибирь, на Алтай и в Монголию. Археологические исследования показывают, что степные районы Казахстана были населены не только номадами. Повсюду в удобных для земледелия местах — в долинах рек Сарысу, Кенгира, Джезды, в предгорьях Улугтау, на берегах Иртыша — в период средневековья возникли

и развились оазисы земледельческой и городской жизни. Еще раньше, в эпоху бронзы, в Сары-Арке разрабатывались месторождения меди, олова, свинца, серебра, а в более позднее время здесь же выросли поселки рудопромышленников, плавильщиков металла, медников и серебряных дел мастеров. Богатые сырьевыми ресурсами — скотом, шерстью, кожами, металлом — районы Центрального Казахстана вовлекались в систему торговых связей, в том числе и международных, и были включены в систему Шелкового пути многими караванными дорогами.

Эти дороги шли через перевалы гор Каратау, из Шавгара и Яссы через перевал Турлан; из Саурана и Сыгнака, из Янгикента выходили в степи Центрального Казахстана. Здесь открыты поселения в виде четырехугольных в плане городищ с оплывшими стенами: *Болган-Ана*, *Жаман-Курган*, *Ногербек-Дарасы*, *Домгаул*, *Милы-Кудук*, *Ормамбет*. Вокруг них находились обширные некрополи с сохранившимися архитектурными памятниками — мавзолеями Джучихана и Алаша. Видимо, именно здесь следует

локализовать упоминаемые в средневековых источниках города *Жубин*, *Конгликет*, летовки *Ортаг* и *Кейтаг*, рудные разработки *Гарбиана* и *Бакирлытага*.

Установлено, что дорога из Джанкента (Янгикента) шла на северо-восток к берегам речки Белеуты и приводила в район Коунрада и Карсакпая. В Центральный Казахстан вел так называемый Сарысуйский путь: из Отрара через Шавгар и Турланский перевал на Аксумбе, в низовья Сарысу и вверх по реке до Улу-

Рис. 6.19. Городище Джан-кала — Джэнд. Аэрофото. 1 — стена и ров; 2 — цитадель; 3 — канал; 4 — сады

тау (горы Кендирик), а оттуда — по Ишиму и Иртышу в Сибирь. Другой путь шел через Сузак в низовья Чу и далее — через пустыню Бетпақдала в район Джебказгана. Еще одна дорога — «Ханжол» — шла из Тараза вниз по Таласу через пески Муюнкумы и Бетпақдалу к берегам р. Атасу. Из Тараза, через города *Адахкес* и *Дех-Нуджикес*, согласно сведениям Тамима Ибн-Бахра и ал-Идриси, вел торговый путь к кимакам на Иртыш в резиденцию хакана кимаков и в страну кыргызов, расположившуюся на Енисее.

Одним из хорошо изученных городищ Центрального Казахстана является Бузок (Бузук), расположенный на окраине Астаны. Город, как свидетельствуют раскопки, возник в XI—XII вв. и существовал до XIV в. На городище обнаружены землянки с суфами вдоль помещений, исследованы крепостные сооружения, некрополь XIII—XIV вв., где вскрыт ряд погребений. Среди погребения воинов обнаружено женское захоронение с оружием и богатым набором украшений.

Илийская долина соединялась с Центральным Казахстаном дорогой, шедшей вдоль северных склонов Чу-Илийских гор, затем по Чу, в ее низовья и к берегам Сарысу. Еще один путь отходил от североилийской трассы и вел в Прибалхашье, а затем вдоль протоки р. Или Ортасу, где находятся городища *Актам*, *Агашаяк*, *Карамерген* — к берегу Балхаша, а дальше по полуострову — *Узун-Арал*, который почти соединяет южный и северный берега озера, оставляя пролив шириной чуть больше 8 км. Можно предположить, что караваны переходили пролив зимой по льду в устье р. Токрау и затем по ее берегам шли к предгорьям Улутау.

От североилийского пути, который шел к Джунгарским воротам, отходили направления к Иртышу — в земли государства кимаков. В Тарбагатае и на берегах Иртыша располагались кимацкие города *Банджар*, *Ханауш*, *Астур*, *Сисан* и «столица хакана» — город, окруженный укрепленной стеной с «железными воротами». Города кимаков были связаны торговыми дорогами, с городами кыргызов на Енисее, уйгуров в Монголии и оазисами Восточного Туркестана.

Дороги, которые шли на Запад в Европу, в Крым и на Кавказ, проходили по южному и северному Приаралью и приводили к городам на р. Жаик-Урал.

Сарайчик — один из самых западных городов Казахстана. Вот что о нем пишет путе-

шественник XIV в. Ибн Батута: «Сарайджук, джук значит маленький. Они, таким образом, хотели выразить, что это Сарай Малый. Город этот расположен на берегу полноводной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок, такой же, как в Багдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось...».

Это и другие сообщения письменных источников о городе характеризуют его как важнейший центр на трассе Великого Шелкового пути, бывший своеобразными воротами в Азию.

Развалины Сарайчика находятся в 50 км от города Атырау, вверх по Уралу. До сих пор современный поселок, который стоит на развалинах древнего города, называется Сарайчик. На его территории, на берегу р. Урал, расположено городище Сарайчик. В течение нескольких лет здесь работают археологи.

Возник же город, если следовать письменным источникам, по повелению основателя Золотой Орды хана Бату (Батыея), правившего в 1227—1254 гг. Именно в этом городе, согласно историческим преданиям, принял ислам монгольский хан Берке (1257—1266), после чего ислам стал государственной религией Золотой Орды.

Однако есть мнение, что Сарайчик был гораздо старше и что он существовал еще в эпоху домонгольских завоеваний, в X—XII вв., но на этот вопрос могут дать ответ лишь раскопки.

Возвышение Сарайчика как города начинается в рамках укрепления Золотой Орды, следствием чего был рост городской жизни, территориальное расширение старых городов и возникновение новых. Города становятся центрами ремесла и торговли, в них сооружаются великолепные архитектурные ансамбли, строятся мечети, мавзолеи, бани, караван-сарай.

В крупных городских центрах чеканится монета. Не был исключением и Сарайчик, монетный двор которого выпускал различные по своей стоимости медные монеты. На одной стороне их оттиснуто «чекан города Сарайджука», а на другой — изображение цветка и хищного животного, возможно, льва. При раскопках Сарайчика найдено много привозных монет, которые чеканились в городах, прежде всего, Золотой Орды, а также Хорезма, Самарканда, Ирана.

Важную роль в развитии города сыграл и тот факт, что Сарайчик был идеологическим центром, местом распространения ислама.

Здесь находился пантеон (кладбище) мусульманских проповедников, многих золотоордынских ханов и знатных людей. Именно здесь был похоронен хан Тохты, правивший в Золотой Орде с 1290 по 1312 гг. и которого знаменитый путешественник Марко Поло назвал «царем Запада». Впоследствии здесь был захоронен казахский хан Касым.

Раскопки Сарайчика вскрыли жилые кварталы, дома, построенные из сырцового кирпича. В домах насчитывалось от двух до трех комнат, отапливаемых при помощи дымоходных каналов (канов), проложенных под полом.

Удалось частично раскопать и часть одного из богатых зданий Сарайчика, стоявшего на искусственном возвышении. Оно имело портал (входную часть), башни по углам окружающих его стен.

Ремесленники, населявшие город, производили для продажи посуду, украшенную геометрическими и растительными изображениями птиц и рыб; ювелирные поделки из золота, серебра: перстни, серьги со вставками из цветных и драгоценных камней; костяные изделия — гребни, пуговицы, застежки и многое-многое другое, без чего немислима повседневная жизнь.

Сарайчик переживал периоды то подъема, то упадка, а в XVI в. подвергся разбойному нападению донских казаков и перестал быть городом, оставаясь небольшим населенным пунктом на р. Урал.

По описанию русского исследователя XVIII в. П. Рычкова, «Сарайчик — призрак величественного города на р. Яик, не доезжая до Гурьева за 50 верст, где ныне форпост, называемый Сарайчик. Там еще поныне в земле находятся многие палатки (здания). Здесь же много гробниц знатных людей».

И еще один город на р. Урал, остатки которого были обнаружены археологами вблизи Уральска. Туда попадали по дороге, которая шла через Приаралье, огибая Аральское море с севера в направлении современных городов г. Актюбинска и Уральска. Городище находится на правой высокой надпойменной террасе реки Урал у подножия Свистун-горы. Оно условно названо археологами *Жайык*.

Площадь городища предварительно определяется в 7-9 га, оно не имеет искусственных оборонительных сооружений в виде валов, стен, рвов. Границами ему служили естественные овраги и берег речной протоки.

Раскопки двух холмов на поверхности

городища показали, что под ними скрываются руины жилых комплексов — усадеб. Постройки возведены из сырцового кирпича прямоугольной и квадратной формы. Жилые помещения отапливались канами: обогревательной системой с жаропроводящими каналами, проложенными под лежанками-суфами, топкой для которой обычно являются печи-тандыры. Дополнительно к ним имеются печки прямоугольной формы, сложенные из жженого кирпича. Помещения имеют обычно возвышения вдоль стен — суфы, хозяйственные ямы хранилища, мусорные ямы, санитарно-гигиенические устройства — ташнау. Сопоставление планов домов, строительных приемов показывает, что в домостроении сказывается сильное влияние Хорезма и средневековых городов присырдарьинских оазисов. Планы исследованных на городище Жайык жилищ в целом совпадают с планами жилищ XIII—XIV вв. Ургенча, Отрара, Туркестана. Разница наблюдается в расположении лишь некоторых деталей интерьера и системы отопления.

О том, что на месте городища в XIII—XIV вв. находился развитый город, свидетельствуют обнаруженные здесь руины восточной бани.

При раскопках на городище найдены монеты первой половины XIV в. Находки монет, характер керамики дают основания датировать время существования города концом XIII—XIV в. Топографические признаки и раскопанные объекты говорят о том, что на этом месте стоял крупный город золотоордынской эпохи, что обосновывается и природно-географическими условиями. В районе Меловых гор, что расположены в трех километрах к северо-востоку от городища, на реке Урал находились два переката Нижнемеловой и Верхнемеловой, которые служили местом переправы через реку вброд. На столь важном в стратегическом отношении месте, на водном рубеже, где проходило одно из ответвлений Великого Шелкового пути, и располагался город.

Рядом с городищем Жаик в 1,5 км восточнее на плоской вершине Свистун-горы, доминирующей над окружающей местностью, археологи обнаружили городской некрополь. На нем некогда возвышались мавзолеи, возведенные на месте захоронения знатных людей.

Два из них были раскопаны. Архитектура и планировка мавзолеев близко напоминают

среднеазиатские. Это двухкамерные купольные сооружения с входом, оформленным в виде портала с аркой входа, сложенные из жженого кирпича и украшенные глазурованными плитками. Глазурь голубая и синяя. На некоторых плитках имеются надписи и росписи, в том числе и золотом. Есть плитки, украшенные рельефным орнаментом. Полы в одном из мавзолеев были выложены жжеными шестиугольными плитками. К сожалению, мавзолеи пострадали от рук грабителей, которые в поисках сокровищ разрушили мавзолеи и осквернили находящиеся в них захоронения.

Название города, возможно, запечатлено на известной карте капитана Антония Джен-

кинсона, составленной в 1562 г. На ней выше Сарайчика, но более мелким значком отмечен на правом берегу реки Жайык город под названием *Шакафни* (*Shakafni*). Вероятно, на английской транскрипции произошло искажение названия, что характерно для большинства подписей на карте. Возможно, местное название города Шаган (Чаган), которое сохранилось до сих пор в имени протоки р. Урал.

Сейчас трудно определенно ответить на вопрос, что явилось причиной гибели города. Скорее всего, ее можно связать с походом Тимура в Поволжье в 1391 г., во время которого были разрушены все крупные золотоордынские города.

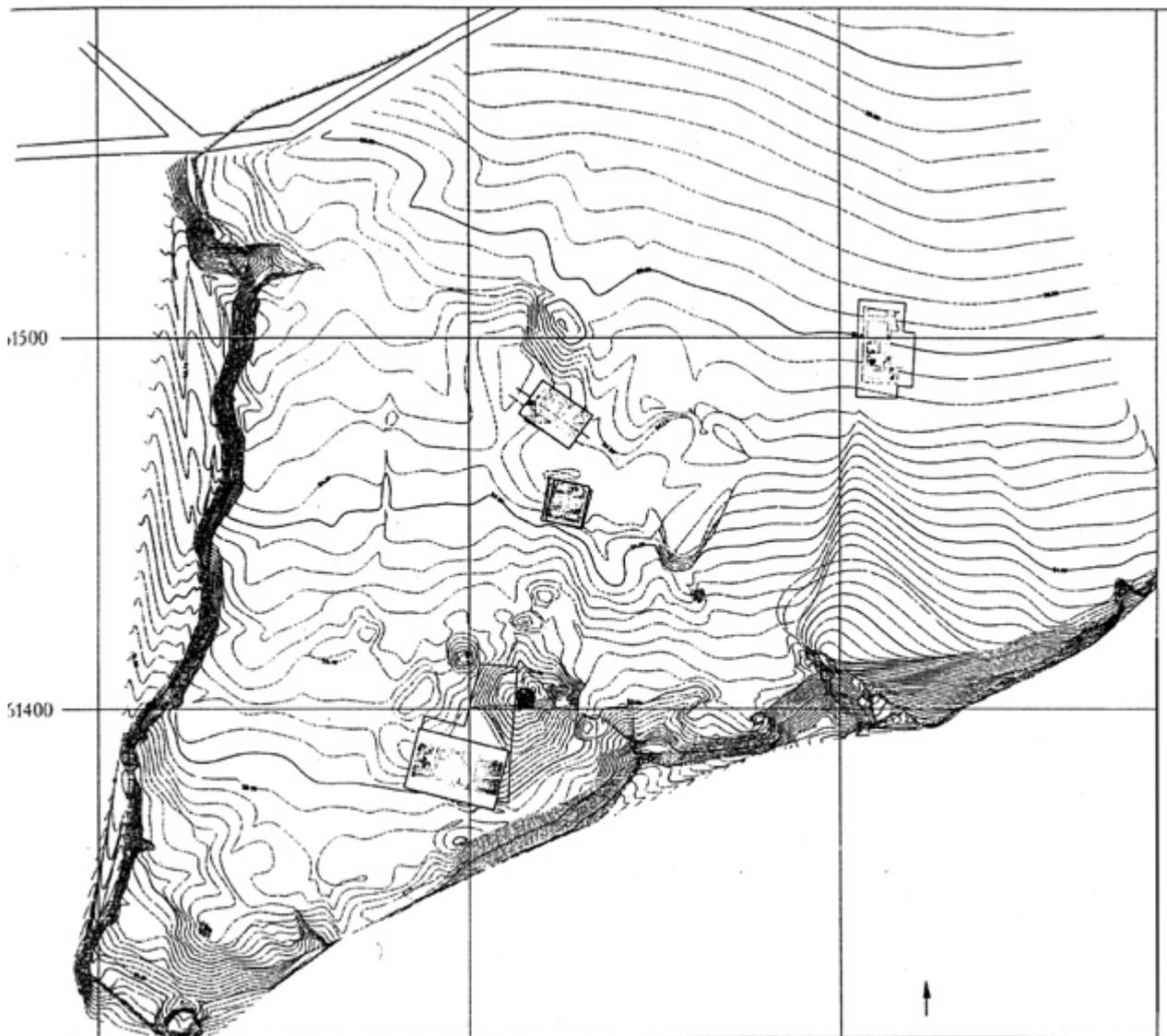

Рис. 6.20 Жайык — Шаган (Чаган). План городища и некрополя

ДИНАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА В VI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX вв.

Глава VI.

На территории Казахстана издревле существовали крупные историко-культурные районы с оседлой и городской жизнью. Одним из них был Южный Казахстан и Семиречье. Южный Казахстан, или, как его называют географы, Присырдарьинская географическая провинция, ограничивается на севере степями Центрального Казахстана, на юге — Таласским Алатау, на востоке — Джувалинским плоскогорьем, на западе — песками Кызылкумов. Особое место в Южном Казахстане занимает долина Сырдарьи. Древнее название Сырдарьи, переданное греками в форме Яксарт, сохранилось до VII в. Затем она стала именоваться Сейхун, Кангар, Гюль-Зарриун, Илчу-Огуз и лишь в XVI в. получает свое первоначальное название Сыр.

В Жетысу-Семиречье выделяются два историко-культурных района: юго-западное Семиречье, включавшее в себя долины рек Чу и Талас; северовосточное, где основной водной артерией была река Или. Северной границей первого района является пустыня Муюнкум, южной — горы Таласского и Киргизского Алатау, на востоке граница проходила по Чу-Илийским горам, на западе — по Джувалинскому плато. Долина Таласа окружена с трех сторон горными хребтами — Таласским, Киргизским и Каратау. Выделяются горная и равнинная части Таласской долины. В Чуйской долине наиболее удобна для земледелия левобережная часть, которую прорезают многочисленные реки, стекающие с Киргизского хребта.

Северо-восточное Семиречье окаймлено с юга и юго-востока Заилийским и Джунгарским Алатау, с севера — берегом Балхаша, на востоке — Алакулем, на западе — Чу-Илийскими горами. Здесь наиболее плодородные и удобные для земледелия земли расположены в предгорной зоне, орошаемой многочисленными горными реками и ручьями, а также в долинах Или, Каратала, Лепсы.

Районы, благоприятные для развития земледелия и оседлой жизни, имелись и в других регионах Казахстана: в долине Иртыша, в предгорьях Тарбагатай, Улутау, в Центральном и Западном Казахстане.

В период раннего средневековья, в VII—первой половине IX вв., выделяются два района развития городской культуры — Южный Казахстан и юго-западное Семиречье. В Южном Казахстане, согласно письменным источникам, насчитывалось шесть городов — это «город на

Белой реке» Испиджаб, Шараб, Будухкет, Усбаникет, Отрар и Шавгар. Однако по археологическим данным их было около 30.

Источники называют 21 город в юго-западном Семиречье, среди которых наиболее крупными были Тараз, Джамукат, Аглах, Кулан, Мерке, Аспара, Суяб, Навакет.

К городам археологи относят памятники, которые имели культурные слои VII—IX вв. и признаки городов: особенности топографии, размеры, археологические находки, географическое положение. Четкий геометрический план указывает на возможность централизованного начала в строительстве, что присуще городам. Наличие в раскопках монет, импортных изделий, ремесленной продукции также присуще городам. Как правило, города располагались в удобных и в торговом и в стратегическом отношении местах или в центрах микрорайонов, областей. Более того, по перечисленным признакам удается провести классификацию городищ и выделить столичные крупные города, средние и небольшие. Так, в Южном Казахстане столичными были Испиджаб (городище Сайрам), Отрар (городище Отрартобе), в юго-западном Семиречье — Тараз (городище на территории г. Джамбула), Навакет (городище Красная Речка), Суяб (городище Акбешим).

На юге Казахстана, где формировался один из центров городской культуры, традиции оседлости и земледелия восходят к эпохе саков и кангюев, оставивших чирик-рабатскую, каунчинскую, отрарско-каратаускую и джетыасарскую археологические культуры. Для них характерны земледельческо-скотоводческое хозяйство, монументальная архитектура, укрепленные поселения, ограниченность денежного обращения. Ранние поселения этих культур лежат в основе городищ Отрартобе, Оксуса, Бузука, Мардан-Куика, Куйруктобе, Туркестана, Каратобе, Сыгнака, Джанкента, Джезда и других средневековых памятников Южного Казахстана. Традиции этих культур в домостроительстве, керамическом производстве, духовной жизни сохраняются и в период раннего средневековья.

Естественно, наряду с традициями в городской культуре наблюдаются инновации — новые элементы. В итоге формируются города и городская культура Южного Казахстана.

Несколько иной путь в своем формировании прошли города в юго-западном Семиречье. Здесь не было столь развитых, как на юге Ка-

захстана оседлых и сельскохозяйственных традиций. Это была периферия сырдарьинских культур.

В развитии городов и городской культуры здесь важную роль играла транзитная торговля по Шелковому пути. Само размещение городов показывает их привязку к трассам торговых путей. Однако, будучи одним из важных факторов развития городов, торговля отнюдь не исчерпывала другие функции городов, которые являлись также центрами административной власти, ремесла и духовной культуры.

Первое описание городов Семиречья принадлежит буддийскому паломнику Сюань Цзяню, проехавшему здесь в 680 г.: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера, прибыли в город на реке Суй-е (Суйяап, Суяб). Этот город в окружности 6-7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и хускы.... Прямо на западе Суй-е находится несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все они подчиняются тудзюю.

Страна от города Суй-е до Гэшуанна (Кушания) называется Сули, ее население также носит это имя ... Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду, — поровну».

Опираясь на сведения письменных источников, В.В. Бартольд пришел к выводу, что сельскохозяйственная культура на территории Семиречья появилась в результате согдийской колонизации. А.Н. Бернштам памятники оседлой культуры Семиречья относил к согдийцам, а памятники кочевой культуры — к тюркам. С.Г. Кляшторный пишет о федерации согдийских городов в Семиречье, подчеркивая их политическую и экономическую самостоятельность.

Наряду с миграционной существует противоположная, автохтонная, модель происхождения городской культуры Семиречья. Согласно Г.И. Агеевой, регион Семиречья «был не объектом колонизации Согда, а самостоятельным, с особой экономикой и культурой регионом, сыгравшим значительную роль в исторических и экономических судьбах народов Средней Азии». По мнению Т.Н. Сениговой, население Тараза и городов его округа формировалось из тюркско-карлукских племен.

Видимо, проблему формирования городской культуры в юго-западном Семиречье невозможно решить только с позиций этногенетических, для этого необходим и культурологический анализ материалов.

Как известно, согдийский культурный комплекс связан с раннесредневековым городом,

городской культурой и урбанизацией. В нем находят воплощение и функции города как центра ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими наборами, надписями на керамике, монетами, погребальными сооружениями и обрядом захоронения.

Распространение согдийского культурного комплекса в юго-западном Семиречье происходило отчасти путем непосредственного переселения сюда согдийцев, ими были основаны города Хамукат, Навакет, Бунджикат. С другой стороны, его можно объяснить как отражение процесса культурной интеграции.

Одновременно с согдийским культурным комплексом в Семиречье, на юге Казахстана и в Мавераннахре распространяется тюркский культурный комплекс, представленный в археологических материалах такими массовыми находками, как металлическая посуда и вооружение, предметы с руническими надписями. В результате в VI—первой половине IX вв. в Семиречье и Средней Азии складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюркско-согдийским. Одно из проявлений его сложения — единообразие городской культуры Согда, Мавераннахра и юго-западного Семиречья.

По справедливому замечанию В.М. Массона, слова Сюань Цзяня о том, что страна Сули (Согд) протягивается от Чу до Байсунских гор, служат не отражением политико-географических или этнических границ, а указанием на культурно-историческую общность, где согдийские и тюркские эталоны сыграли определяющую роль.

Интенсивный культурный синтез проходил на фоне этно-генетических процессов.

Таким образом, в период раннего средневековья в юго-западном Семиречье сложилась своеобразная синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда и тюркский культурный комплекс. Наиболее яркое проявление эта интеграция нашла в культуре города.

Топография и типология городов. На юге Казахстана городища состоят из трех частей — цитадели, шахристана и рабада, окруженного стеной либо нет. В большинстве своем они округлые в плане. В предгорной полосе и в низовьях Сырдарьи преобладают прямоугольные.

В юго-западном Семиречье для городищ характерно наличие центральных развалин

(собственно городище). Выделяются холмы цитаделей, расположенные в углу, реже — в центре развалин, и остатки шахристанов в виде прямоугольного, пятиугольного, трапециевидного, многогранного в плане бугра. Въездов от одного до четырех. Рабды сливаются с сельской округой, и границу между двумя частями застройки провести практически невозможно.

К центральным развалинам примыкает территория сельской округи, окруженная «длинной стеной» протяженностью от трех до нескольких десятков километров.

Структура городов. Цитадели являются обязательным элементом города. Это наиболее укрепленная часть города. Например, цитадель Куйруктобе представляла собой постройку замкового типа, подтянутую на паховую платформу высотой 10 м. В центре находился зал площадью 157,5 кв. м. Вокруг парадного зала и группировавшихся вокруг него помещений с трех сторон — северо-восточной, северо-западной и юго-западной — проходил обводной коридор, из которого имелся выход в шахристан. Из него же можно было попасть в парадный зал. Западный участок галереи при помощи длинного коридора тоже соединялся с залом. В этом

коридоре, перекрытом коробовым сводом, находилась лестница, ведущая на крышу дворца.

Наличие парадного зала, находки резного дерева подчеркивают репрезентативный характер постройки, бывшей местом пребывания правителя города.

На городище Баба-Ата в цитадели в VI–VIII вв. зафиксирована двухэтажная постройка площадью 240 кв. м. В первом, цокольном, этаже ее располагался парадный зал, перекрытый куполом. Второй этаж был занят помещениями с коробовыми перекрытиями. Фасад выходил на западную сторону, откуда внутрь вел коридорообразный вход. Он же соединял парадный зал с лестницей, ведущей на второй этаж.

В цитадели городища Актобе I в VI–первой половине VIII в. находился двухэтажный замок, возведенный на трехметровой платформе из слоев битой глины.

Аналогичным образом были организованы цитадели городов юго-западного Семиречья. Раскопки Краснореченского городища выявили наличие в ней укрепленной постройки замкового типа с обводными коридорами вокруг. Она была поставлена на стилобат, который вместе с естественным возвышением мыса достигал в высоту не менее 16 метров.

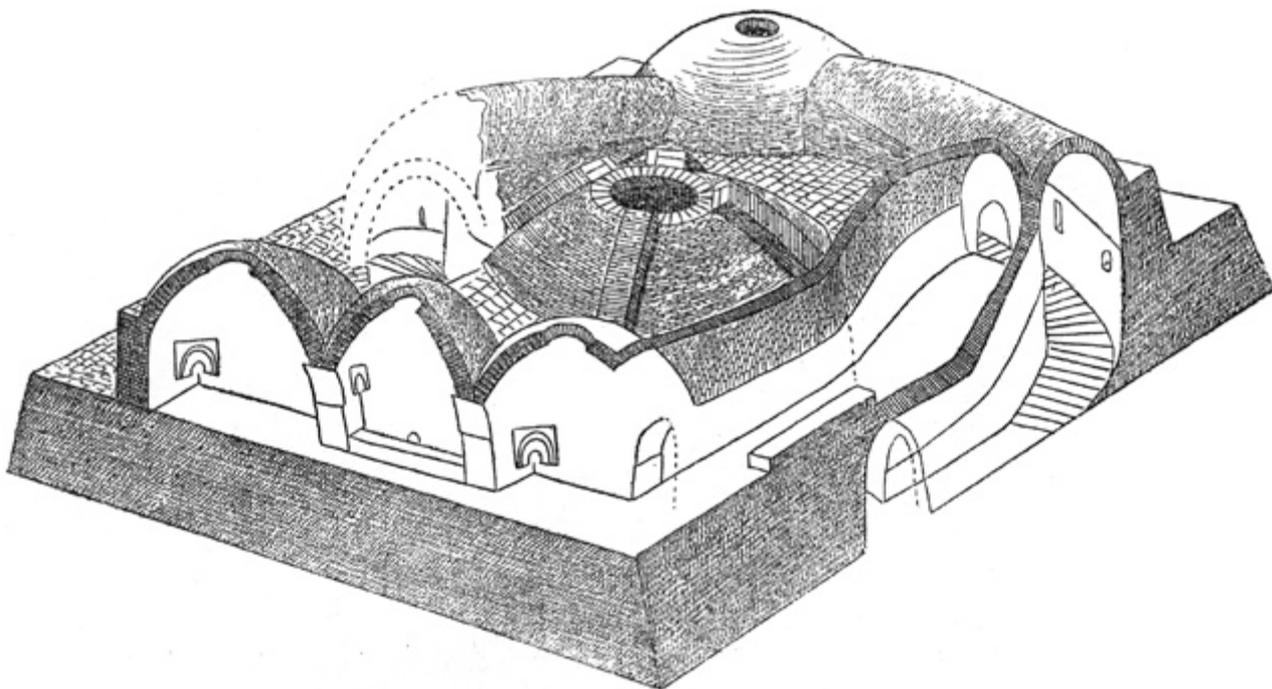

Рис. 6.21. Аксонометрический разрез здания нижнего горизонта. Баба-Ата

Укрепленный дворцовый комплекс с парадными и культовыми залами, хозяйственными помещениями изучен на городище Костобе.

Городской квартал и его формирование.

Раскопки казахстанских городов позволили выделить отдельные кварталы, определить их границы и дать определение квартала как массива городской застройки, состоящие из нескольких домовладений, объединенных внутриквартальной улочкой или же отрезком магистральной улицы. Фасад квартала глухой, границы его с соседними кварталами проходят по задним стенам всех домов и боковым стенам крайних домов.

Кварталы VI—первой половины VII вв. выявлены при раскопках городища Кок-Мардан. Дома в каждом из таких кварталов объединены тупиком, отходящим от магистральной улицы и упирающимся в крепостную стену. Длина тупиков 15,12 и 10 м, площади кварталов 370, 350 и 300 кв. м. Например, в квартале «А» пять домовладений и одно культовое здание; кварталах «Б» и «В» — по четыре домовладения.

Пока мало данных для того, чтобы судить об общественном положении жителей отдельных кварталов, можно лишь констатировать, что для всех раскопанных кварталов характерна социальная уравновешенность.

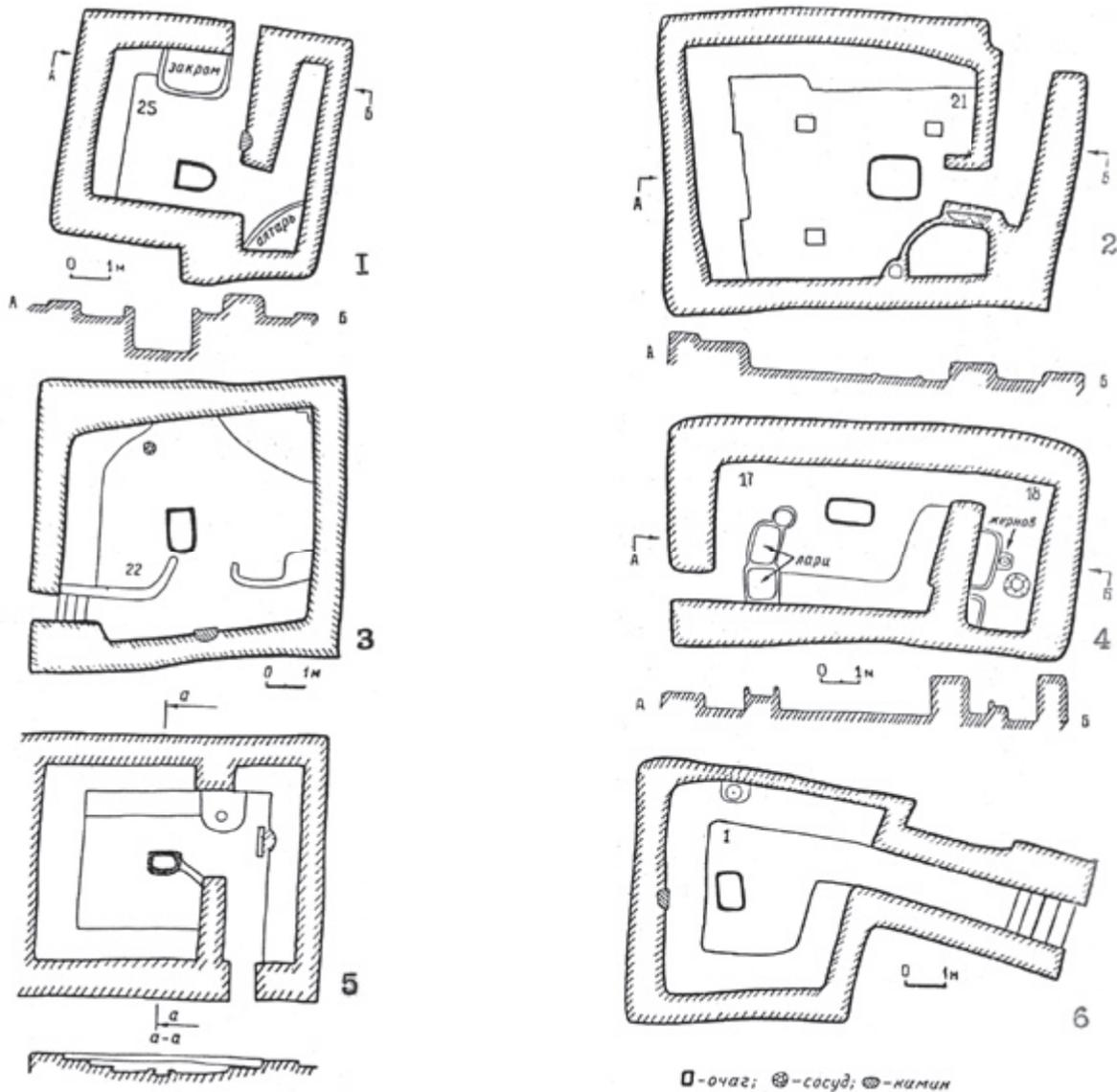

Рис. 6.22. Типы домов VI – VIII вв. Кок-Мардан

Рис. 6.23. Реконструкция сакральной части буддийского храма. Городище Красная речка (Территория Республики Кыргызстан)

Святылища, храмы. В городах Южного Казахстана и юго-западного Семиречья находились храмы и святылища, принадлежавшие различным религиозным общинам. На Кок-Мардане было раскопано святылище, представляющее собой квадратную в плане однокомнатную постройку размером 4×4 м. Напротив входа в центре стены на высоте 0,5 м от пола находилась прямоугольная ниша, обрамленная налепом в виде рогов барана. Под ней располагался подиум с толстым слоем золы. Прямых аналогий святылищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал в постройке на Гяур-кале в Хорезме, датированный кушанским временем и посвященный культу огня.

Храмом огня была монументальная постройка в цитадели Баба-Аты.

Все более вырисовывается роль христианства и буддизма в городах юго-западного

Семиречья. Два буддийских храма были раскопаны на городище Ак-Бешим, два на городище — Красная Речка (территория Республики Кыргызстан). Первый состоял из целлы (святылища), обходного коридора и зала, открытого на юго-восток. На стенах отмечены следы росписей. Второй буддийский храм на городище Ак-Бешим по топографии близок первому. Второй Краснореченский храм, как показали раскопки, был сооружен на платформе, в качестве которой использовалась более ранняя постройка. Храм существовал в VII—VIII вв., причем с перестройками. Целла представляет квадратную в плане постройку размером 6×6 м. Стены святылища, толщиной 2,6 м, сложены из длинномерного сырцового кирпича. Перекрытие купольное. Вход находился с востока. Перед входом была устроена площадка-айван. Целлу с юга, запада и севера

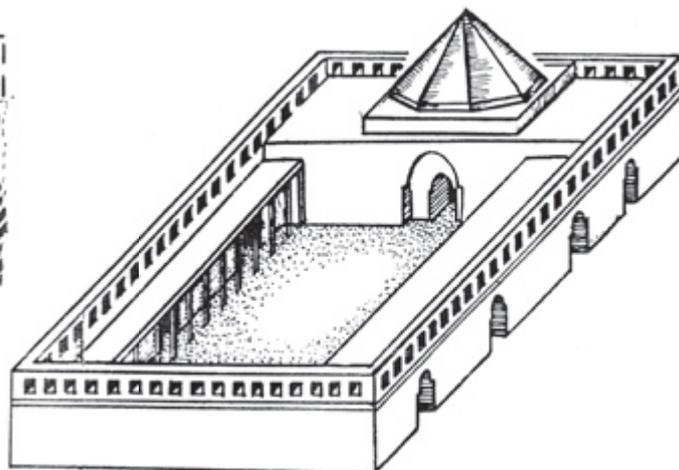

Рис. 6.24. Реконструкция христианского храма. Аксонометрия и план. Городище Ак-Бешим

оказывали галереи. Позднее были пристроены пилоны-контрфорсы, перед входом сооружена лестница. Стены дважды покрывали штукатуркой, обмазывали ганчем и расписывали. Роспись выполнена красным, синим, черным, зеленым цветом. Фрагменты скульптуры, найденные в тамбуре и перед входом в святилище, относятся ко времени после перестройки. Они представлены кистью руки, частью бедра, стопой, фрагментами лица и головы, множеством остатков лепных украшений одежды, головного убора.

Еще при начальных раскопках храма в западной обходной галерее была обнаружена гигантская фигура Будды в нирване, лежащая головой на север. Скульптура сохранилась частично — голова и верхняя часть туловища были разрушены в древности. Сохранившаяся длина скульптуры 8 м. Скульптура и постамент, на котором она лежала, были окрашены в красный цвет. Датируется храм находками тюркешских монет VIII—IX вв.

На городище Ак-Бешим была обнаружена христианская церковь VII—VIII вв. Большую часть постройки составлял двор, сама церковь находилась в восточной части и представляла собой постройку размером 5,3×4,2 м.

Оборонительные сооружения раннесредневековых городов региона изучены пока недостаточно, однако уже сейчас можно заключить, что это были действенные сооружения. В состав городских укреплений включались цитадели и оборонительные стены с башнями.

В раннее средневековье стены городов представляли монолитные глинобитные сооружения без внутренней стрелковой галереи и бойниц, которую заменила площадка наверху стены, закрытая зубчатым парапетом. Разрез в крепостной стене цитадели Куйруктобе свидетельствует о том, что поставленная на платформу стена была сложена из пахсовых блоков и имела ширину в основании 2,7 м. По углам ее были устроены сегментовидные башни с небольшими помещениями внутри.

В Таласской долине стенами — до 15-20 м — был окружен Тараз. Они возводились из пахсовых блоков, чередующихся со слоями гальки.

Разрезы длинных стен вокруг городищ свидетельствуют, что они сооружены ленточной техникой с использованием сырцового кирпича, слоев гальки и гравия. Параметры стен различны — ширина от 2 до 5 м и сохранившаяся высота — до 5 м.

Городское жилье и вопросы демографии.

Впервые благодаря широким раскопкам получено представление о раннесредневековом городском жилье Южного Казахстана.

Для VI—первой половины VIII вв. характерны два типа домов. Первый — однокомнатный наземный дом, прямоугольный в плане. Как вариант встречается дом с закругленными углами. Например, один из домов этого типа площадью 43 кв. м имеет коленообразный коридор длиной до поворота в дом 4 м и тамбуровидный вход. Вдоль западной и северной стен устроены суфы с выступами по центру. Напротив входа, в центре помещения, устроен напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками размером 1×1,5 м.

Слева от входа, в тамбуре, в стене толщиной 0,3 м рядом находились два камина (стенных очага). Юго-восточный угол отделен глиняным бортиком, образуя хозяйственный отсек, своего рода кухонную площадку. В полу помещения расчищены три прямоугольные ямки — базы подпорных столбов. В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое отверстие. Дым, кроме того, выходил через дверь, именно поэтому очаг и каминны приближены к выходу.

В домах имелись тумбовидные поставы для зернотерок. Хумы, горшки для хранения запасов продуктов располагались в углах на суфах. В качестве хранилищ использовались также бочкообразные сосуды из необожженной глины и корытообразные емкости, слепленные из полос сырой глины.

Варьируют площади отдельных домовладений. Наиболее крупные дома имеют площадь от 35 до 45 кв. м, небольшие — от 15 до

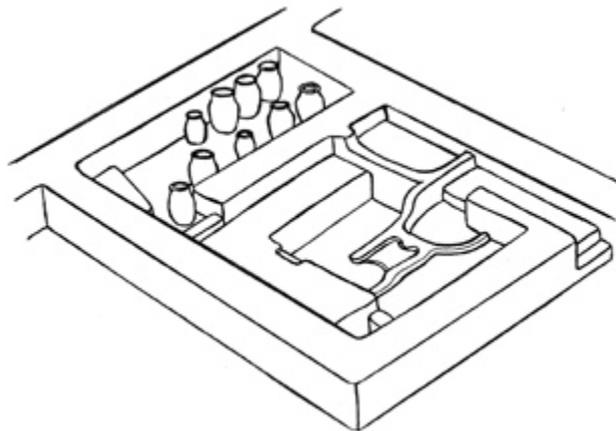

Рис. 6.25. Городское жилище VII—VIII вв.

20 кв. м. В больших домах кровля опиралась на четыре столба, в средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких крыша удерживалась только на стенах.

Ко второму типу относятся двухкомнатные дома. Второе помещение в них выделено путем возведения капитальной стены в первоначальной общей хозяйственно-жилой ячейке дома.

Раннесредневековое городское жилище юго-западного Семиречья изучено слабо. Представление о нем может дать загородное жилище VII—VIII вв., известное по раскопкам Красной Речки, Лугового и других памятников. В основе планировки такого типа жилища лежит принцип расположения длинных узких помещений в ряд и объединения их узким коридором, через который сообщаются отдельные комнаты, — «гребенчатая планировка». Квадратные помещения перекрывались куполом.

Жилые помещения замков отапливались очагами открытого типа. Встречены также стеновые очаги на краю суфы.

Трудности исследования динамики численности древнего и средневекового населения

Средней Азии и Казахстана вызваны отсутствием количественных данных. Письменные источники содержат скудные сведения о количестве населения, а если таковые есть, они крайне противоречивы. Более конкретная информация основана на археологических данных.

Методика выяснения демографической ситуации еще далека от совершенства, но демографические выкладки приближаются к реальности по мере увеличения площади раскопок памятника, выявления его квартальной застройки и характера жилища.

Как удалось установить, общее количество жителей на Кок-Мардане насчитывало 1625-1950 человек без учета населения, проживающего за пределами центрального бугра. Плотность населения составляла 560-650 человек на гектар. Для сравнения можно отметить, что в раннесредневековом Пенджикенте она была 230 человек. Объяснить такое положение можно лишь особым укладом жизни в городе — переселением горожан в летнее время за город, в сады, на летовки. Эта специфика была характерна для городов Южного Казахстана до недавнего прошлого. Археологические наблюдения за характером жилища и демогра-

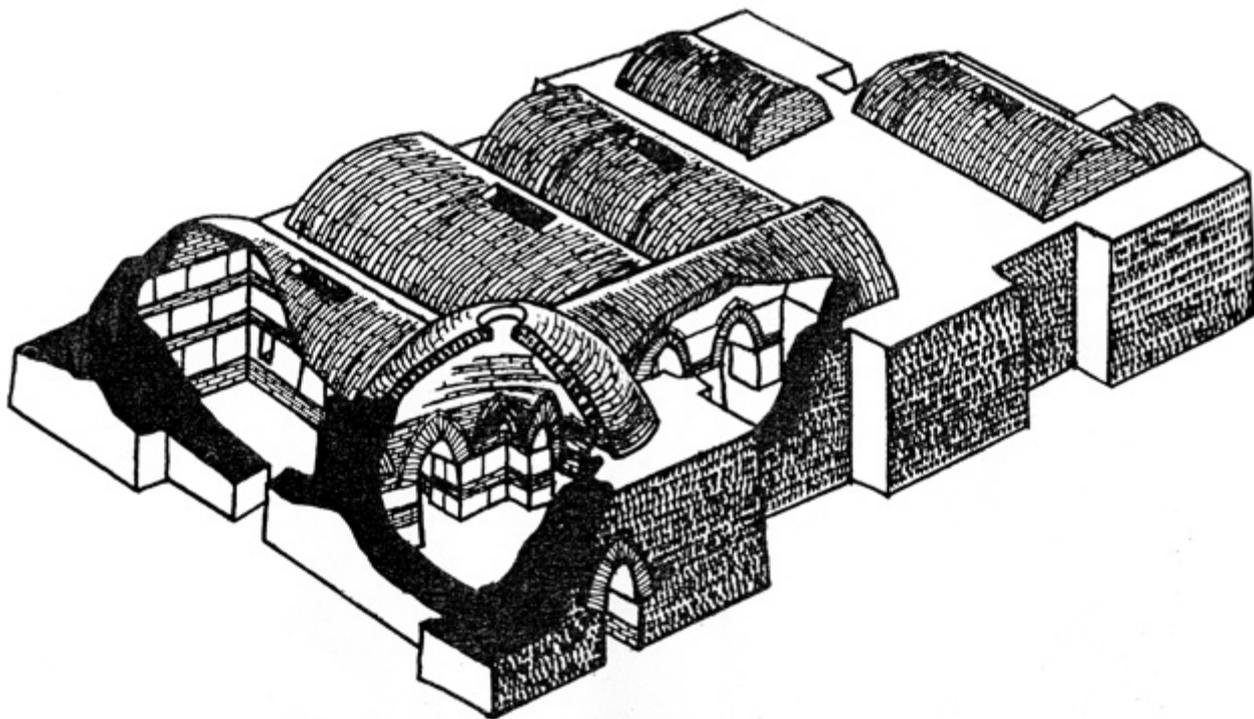

Рис. 6.26. Замок Луговое А. Реконструкция (по К.М. Байпакову)

фические выкладки для раннесредневекового города Южного Казахстана, в частности высокая плотность на гектар застройки, свидетельствуют о распространении отмеченного уклада жизни у населения Южного Казахстана, по крайней мере с VI—VII в.

Функции городов. Развитие городов как торгово-ремесленных центров было связано с процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и значительным расширением ремесленного производства, главным образом обслуживающего господствующий класс.

В распоряжении исследователей пока мало данных о развитии ремесла в раннесредневековом городе. Оно известно, главным образом, по готовой продукции, дошедшей до нас, — керамике, изделиям из металла, кости и камня. Хуже обстоит дело с представлением о таких ремеслах, как ткачество, производство изделий из кожи, шерсти, войлока. О продуктах этих ремесел в городах Южного Казахстана и Семиречья есть упоминание в письменных источниках, но они относятся к несколько более позднему времени.

Производство керамики было одним из ведущих направлений ремесел. При раскопках Кок-Мардана, в слоях Куйруктобе, Мардан-Куика и Отрара VII—VIII вв. собраны чоты, ножи, серпы, обнаружены железные крицы, свидетельствующие о выплавке железа на месте. Меднолитейное производство известно по находкам бронзовых блях и пряжек от наборных поясов в верхних слоях городища Джеты-Асар. Об искусстве ювелиров можно судить по ажурным бронзовым бляхам с позолотой из Ак-Бешима, на которых изображены мужчина и женщина в коронах и парадных одеждах, с фигурками верблюдов на поднятых ладонях, по серьгам, браслетам. Найдены поделки из кости — накладки на лук, просверленные амулеты из косточек животных, рога маралов со спилами. Ремесленники по камню делали жернова, терочки.

Торговля служила одним из важнейших факторов развития города. Город не только производил, но и торговал, причем вторая его функция в глазах его современников была едва ли не важнейшей. В городе сходились три основных направления товарообмена: между странами, между ремеслом и сельским хозяйством (город и его округа), между городом и кочевой степью.

Лучше для этого времени известна международная караванная торговля. Великий Шелковый путь проходил по югу Казахстана через Семиречье. Известно описание его участка, пролежавшего через город Суяб, Тараз и Испиджаб. В Испиджабе от него отходила ветвь на северо-запад — в Фараб, Шавгар и дальше в низовья Сырдарьи.

Торговля приносила тюркской аристократии значительную выгоду, позволяя, в частности, реализовать захваченную добычу. Не случайно уже в 568 году Истеми-каган направил два посольства в Иран для налаживания торговли. Посольства успеха не имели. Тогда каган направил посольства в Византию, и между двумя государствами был заключен торгово-политический союз.

Из Китая вывозили шелк, лаковые изделия, бумагу, зеркала. В Китай из стран Запада поступала краска для бровей, вавилонские ковры, драгоценные камни, кораллы и жемчуга, стекло, ткани.

Большую роль в торговле и культурном воздействии Запада на Китай играли согдийцы. Они производили и продавали такие товары, как серебряные изделия, цветное стекло, лекарственные и красящие вещества, ковры. В числе центров производства серебряных сосудов были и города Семиречья.

Часть предметов роскоши из Византии, Согда, Китая и других стран оседала в ставках тюркской знати, в домах богатых горожан. Среди археологических находок следует выделить серебряные кувшины с византийскими клеймами из Семиречья, золотые византийские монеты и подражание им, китайские зеркала.

Обменная торговля с кочевниками осуществлялась на ярмарках, которые происходили в больших и пограничных городах — Испиджабе, Отраре, Дех-Нуджикесе. О наличии денежной торговли говорят многочисленные находки монет VII—VIII вв. на Отраре, Куйруктобе, Таразе, Красной Речке, Ак-Бешиме. Если местные монеты свидетельствуют о внутриобластной торговле, то монеты ишхидов Согда VII в., древнетюркские монеты Чача конца VII—начала VIII вв., тюркских правителей Ферганы, китайской династии Тан и бухарские типа «гитрифи» подтверждают роль городов в системе международной торговли. Крупным торговым центром юго-западного Семиречья был Тараз, о котором источники говорят как о «городе купцов», Чуйской долины Суяб, где «смешанно живут торговцы

из разных стран», а половину жителей города составляют купцы. О развитии денежной торговли в городах Чуйской долины свидетельствуют монеты тюркешей и тухусов.

Перебивавшаяся на лето за город часть населения занималась сельским хозяйством. Поэтому не трудно понять сообщение автора начала VII в. о жителях Чуйской долины. «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (торгует), — поровну». В источнике середины VIII в. Таласская долина характеризуется так: « С третьего до девятого месяца не бывает дождей, а для полива полей пользуются снеговой водой. Здесь произрастают ячмень, пшеница, рис, горох и бобы. Жители пьют виноградные и конопляные вина, айран». При раскопках Кок-Мардана, раннесредневековых слоев Отрара, Куйрука, Тараза обнаружены косточки урюка, винограда, арбузные и дынные семечки.

Особое широкое распространение получило виноградарство. Остатки винодельни VII—VIII вв., совмещенной с производством уваренного до густоты виноградного сока, были раскопаны в Луговом Б. Винодельни обнаружены и на городище Тортколь в Таласской долине на Актобе Степнинском в Чуйской. Эти данные дают представление о занятиях подсобным хозяйством, главным образом садоводством, виноградарством огородничеством, бахчеводством.

Городская культура: составные компоненты и проблема культурного синтеза. При объяснении синкретического характера раннесредневековой культуры Южного Казахстана и Семиречья необходимо учитывать традиции культур каунчийской, отрарско-каратауской, джетыасарской, усуньской. Топография большинства южноказахстанских городищ характеризуется округлыми в плане очертаниями, что свидетельствует об их связи с топографией более ранних поселений сырдарьинских культур. Об этом же свидетельствует и датировка многих городищ, уходящая в первую половину первого тысячелетия нашей эры.

Зороастрийские боги изображены на резных досках, украшавших стены парадного зала — святилища на городище Куйруктобе.

Синкретический характер раннесредневековой культуры исследуемого региона нашел яркое отражение в религиозных верованиях городского населения. В среде его получили

распространение языческие культы, наряду с которыми существовали буддизм, манихейство, христианство. В Южном Казахстане следы распространения культа огня зафиксированы на Баба-Ате, где в центральном зале дворца обнаружен толстый слой стерильной золы. К элементам зороастризма можно отнести изображения барана и бараньих рогов на керамике сырдарьинского региона, продолжающей традиции керамики с зооморфными ручками более раннего времени. Последняя у кангюйских племен была связана с распространением зороастризма, в котором образ барана мог быть инкарнацией божества фарна.

Более широкое, чем считалось раньше, распространение получил буддизм. Буддийские миссионеры проникли в Семиречье с притоком сюда согдийских переселенцев. В первой половине VIII в. некоторые правители западных тюрков становятся буддистами или покровительствуют этой религии.

Манихейство также оказало сильное влияние на согдийцев и тюрков. Хакан западных тюрков в VIII в. считался покровителем всех манихеев Востока. Манихейская «Священная книга двух основ», первой половины VIII в., для того, чтобы «пробудить (веру) в стране десяти стрел», писалась в Аргу-Таласе (Тараз). В книге перечисляются города Семиречья, где имелись манихейские общины, — Йаканкент, Ордукент, Чигильбалык.

Христианство было принесено в семиреченские города сирийцами-несторианами. Они массами двинулись на восток — в Среднюю Азию, Монголию и Китай после того, как в 431 г. на третьем вселенском соборе несторианство было осуждено как ересь. Через сирийцев христианство получило распространение в среде тюрков и согдийцев.

Согласно источникам, на рубеже VII—IX вв. была образована особая карлукская митрополия. В Таразе и Мерке действовали христианские храмы. В Семиречье изготавливали серебряные блюда с сюжетами из раннехристианской иконографии. В Шаврабе найден каменный сосуд с христианскими символами.

Таким образом, на юге Казахстана и в юго-западном Семиречье в раннем средневековье сложилась городская синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда, тюркский культурный комплекс и традиции земледельческо-скотоводческих культур каунчиноидного облика.

ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—НАЧАЛЕ XIII вв.

Рост количества, типология и топография городищ. Письменные источники дают наглядное представление о количестве городов в Южном Казахстане. Если в предшествующий период их было шесть, то теперь 33. В предгорной полосе появились новые города — Джумишлагу и Манкет; на средней Арыси сформировался округ Кенджде с центром с Усбаникете; в округе Фараб кроме Отрара возникли новая столица Кедер, города Весидж и Бурух. В Шавгаре появляются Ясы и Шагильджан, Карнак, Шур (Сури). Впервые источники называют крупный город Сауран, а в низовьях Сырдарьи — Сыгнак, Янгикент, Дженд, Асанас, Баркент. На северных склонах Каратау находились Баладж и Берукет, на средней Сырдарье — Сюткент.

Наиболее интенсивно процесс формирования городищ происходил в низовьях Сырдарьи и на северных склонах Каратау. Происходит территориальный рост городов. Так, Отрар увеличился по площади до 170 га, тогда как раньше, судя по шурфам, давшим материал VI—XII в., площадь рабада не превышала 5-7 га. Конечно, эти цифры не могут считаться бесспорными до широких раскопок, но несомненно, что в отмеченных пределах рабады складывались именно в IX—XII вв., что установлено для Актобе II, Баба-Аты, Куйруктобе, Мардан-Куика, Испиджаба, Бузук правобережного.

Сопоставление площадей городищ позволяет выделить три группы памятников. В первую входят городища, общая площадь которых составляет более 30 га. Городища первой группы являются остатками центров областей, отдельных владений или просто крупными городами. Городища второй группы имеют площадь от 15 до 30 га. Их можно интерпретировать как города средней величины. Городища третьей группы наиболее многочисленны, это остатки городков.

В юго-западном Семиречье число новых городов также увеличилось. Как свидетельствуют письменные источники, их стало 26 вместо 21. Причем прибавление произошло в Таласской долине, где оформились города Джикиль, Балу, Шельджи, Такабкет, Куль, Кенджак. В Чуйской долине столицей стал Баласагун.

Площади центральных развалин городищ не изменились. Более плотной становится

застройка внутри длинных стен, где формируются улицы с правильной планировкой усадеб, обращенных жилыми массивами друг к другу, и дворами внутрь. Такая планировка прослеживается на городищах Актобе Степнинское, Толекское и Сретенское, мало затронутых современными строительными работами.

Типология городищ, характерная для раннего средневековья, сохраняется. В группу средних городов попадают Текабкет и Сус (городища Актобе Таласское и Чалдавар), а также Кенджак, Сенгир и Шельджи, несмотря на то, что последний в источниках фигурирует как столица одноименной области. По всей вероятности, Шельджи являлся прежде всего административным центром, тогда как другие его функции — ремесленная, торговая — не получили развития.

Баласагун, который становится столицей в Чуйской долине, формируется в X—XII вв. на базе ханской ставки. Наряду со «старыми» городищами, возводятся около семи десятков торткулей, интерпретированных как ставки, крепости и земледельческие поселения. В любом случае появление столь большого числа городищ свидетельствует о развитии оседлости и городской жизни в этом районе.

В IX—начале XIII вв. сформировался новый район городской культуры в северо-восточном Семиречье. Если в IX—X вв. на всей территории этого региона было всего 10 городищ, то теперь их число возросло до 70. Источники X в. сообщают о двух городах — Тальхизе (Тальхире) и Лабане, расположенных в левобережной части Илийской долины. Согласно средневековым авторам, в XI—начале XII вв. здесь было уже 4 города.

Все городища северо-восточного Семиречья относятся к типу так называемых «торткулей», или «бесцитадельных». Они представляют собой прямоугольные, трапециевидные или округлые в плане участки, слегка возвышающиеся над общей поверхностью и окруженные со всех сторон валом с башнями по углам и периметру. Один, два или четыре въезда, расположенные в середине стен, ведут внутрь. Размеры торткулей различны, длина стены у них варьирует от 25 м до 1 км.

Сопоставление площадей торткулей северо-восточного Семиречья позволило выделить пять групп городищ.

В первую вошли городища площадью более 30 га. Памятники эти многослойные, толщина культурных напластований достигает 2-3 м и более. При раскопках обнаружена разнообразная керамика, стекло, монеты, импортные вещи, ремесленные мастерские и производственные шлаки, свидетельствующие о развитии здесь ремесел и торговли. Это остатки крупных городов и столичных центров: Антоновское, Дунгене, Чилик, Тальхир, Алматы.

Вторую группу составляют городища площадью от 10 до 30 га — Сумбе, Сага-Биен, Бакалы II. Отмечено наличие ремесел, найдены импортные изделия.

Для городищ третьей группы отмечено наличие предвратных укреплений, большое количество башен и тонкий культурный слой. Это можно интерпретировать как убежища или города-ставки. Сюда отнесены Алматы, Капал, Актан, Арасан.

Городища четвертой группы имеют площадь менее 10 га. Для них характерно расположение жилья у стен изнутри, наличие внутреннего двора. Эту группу илийских городищ можно считать сельскими поселениями бывших кочевников и полукочевников. Некоторые из них находившиеся на караванных путях у перевалов, на развалинах дорог были караван-сараями, как, например, торткуль Биже и торткуль Айна-Булак, Коктал I, II.

К сельским поселениям относятся Жаксылык, структура которого известна благодаря широкомасштабным раскопкам Баяулы, Теректы.

Есть еще один тип памятников (пятый) — неукрепленные поселения без стен. Их территории маркируются выходами культурного слоя — это поселения Талгар II и Кайназар.

Еще один крупный регион городской культуры формируется в Центральном Казахстане, в Сары-Арке в предгорьях Улугау, на реках Сарысу, Кенгире, Нуре, Джезды, Ишиме, Селеты. Исследовали эти городища А.Х.Маргулан, Е.Ж.Смаилов. По своей планировке городища представляют собой «тортколи» (четырёхугольники) разных размеров, которые подразделяются на крупные, средние и небольшие. Это городища Хан-Ордасы, Тогузбай-Куль, Каратон, Баскамыр, Аяккамыр, Бузук.

Раскопки на них только начинаются, но уже сейчас можно говорить о времени возникновения здесь городской культуры в X—XII вв.

Также складываются районы городской культуры в Восточном Казахстане на Иртыше в X—XIV вв. и в Западном Казахстане на р. Урале в XI—XII вв.

Изменения в структуре города. В Южном Казахстане изменяется застройка цитаделей большинства городищ. Раскопки цитадели Куйруктобе показали, что спустя некоторое время после пожара, в результате которого в начале IX в. был разрушен дворцовый комплекс, здесь происходит полная перепланировка. В границах капитальных стен строительного комплекса VII—VIII вв. в конце IX—X вв. формируется квартал рядовой застройки. В XI — начале XIII в. на этом месте складывается квартал гончаров.

Рядовая застройка появляется на цитаделях Оксуса, Бузука правобережного в Отрарском оазисе. На ряде городищ цитадели как бы нивелируются, сливаются с общей застройкой и в топографии уже не выделяются.

Как свидетельствуют раскопки, город, как и прежде, состоит из отдельных жилых кварталов, сохраняющих ту же планировку, когда все дома обращены на общую внутриквартальную улочку.

Широкие раскопки на Куйруктобе не выявили поквартального сосредоточения ремесла. В ряде городов Средней Азии, по данным археологических работ и сведениям письменных источников, существовало деление кварталов по степени именитости и богатства жителей. По материалам казахстанских городов нельзя выделить кварталы только бедные или только богатые. Для всех них характерна социальная уравновешенность.

Новым элементом в структуре городской застройки рассматриваемого периода является мечеть. В письменных сочинениях X—XII вв. при характеристике городов обязательно упоминаются мечеть, ее расположение в городе. Из письменных источников известно, что в IX—X вв. под мечети приспособляли христианские церкви, так было в Таразе и Мерке. И лишь по мере роста числа мусульман появляются сообщения о постройке соборных мечетей. Автор X в. ал-Мақдиси пишет о постройке соборной мечети в Кедере.

Раскопки городища Куйруктобе, отождествляемого с Кедером, обнаружили остатки, видимо, именно ее. Мечеть находилась почти в центре городища на пересечении магистральных улиц. Отмечены два периода ее существования. От ранней, «нижней», постройки сохранились лишь остатки стен из квадратного жженого кирпича размерами 22×22×4-5 см. После того, как она была полностью разобрана, на ее месте выстроили новую. «Верхняя», поздняя, мечеть, хотя и была тоже затем полностью разобрана на кирпичи

для мусульманских захоронений XIII—XV вв., восстанавливается в своих основных контурах. Стены ее толщиной 1,5 м сложены комбинированной кладкой из жженого и сырцового кирпича. Размер мечети по внешнему обводу стен 36,5×20,5 м. Она вытянута по линии юго-запад — северо-восток. Лучше сохранилась северо-западная часть, где расчищены основания 16 баз колонн из жженого кирпича. Всего баз было 50 — пять в коротком ряду и десять в длинном. Шаг колонны колеблется от 3 до 3,2 м. Расстояние между крайними базами и стенами 1,5 м.

Куйрукская мечеть относится к типу столпных или колонных построек. Размер таких мечетей определялся числом стандартных квадратов потолка между колоннами, пролеты между которыми составляли от 3,5 до 4,6 м.

Мечеть столпного типа частично раскопана на городище Орнек, сопоставляемом с городом Куль-Шуб.

Важная роль в жизни города принадлежала базару и торговым постройкам. Внутригородские рынки арабские авторы называют «сук» и «асвак», персидские — «базар». Базары могли

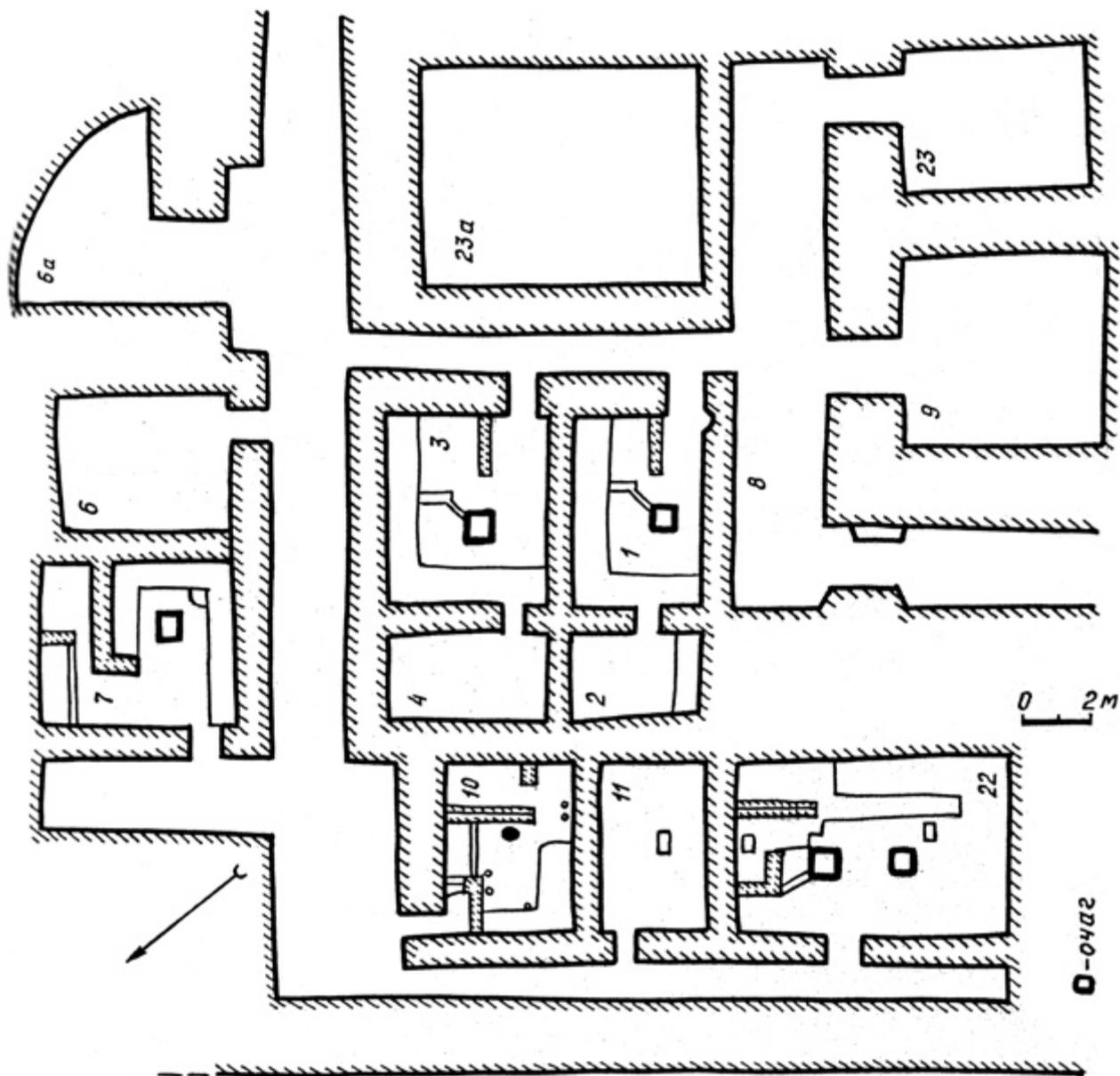

Рис. 6.27. План квартала Г на городище Куйруктобе

находиться в шахристане и на территории рабадов. В Испиджабе, согласно ал-Истахри, они располагались в шахристане, а по сведениям ибн-Хаукаля, в этом городе «рынки и в медине и в рабаде».

Наиболее подробно источники характеризуют лавки-дуканы. В южноказахстанском городе, как показали раскопки, они, в отличие от пенджикентских, не образуют базарчиков, а находятся в некотором отдалении друг от дру-

Глава VI.

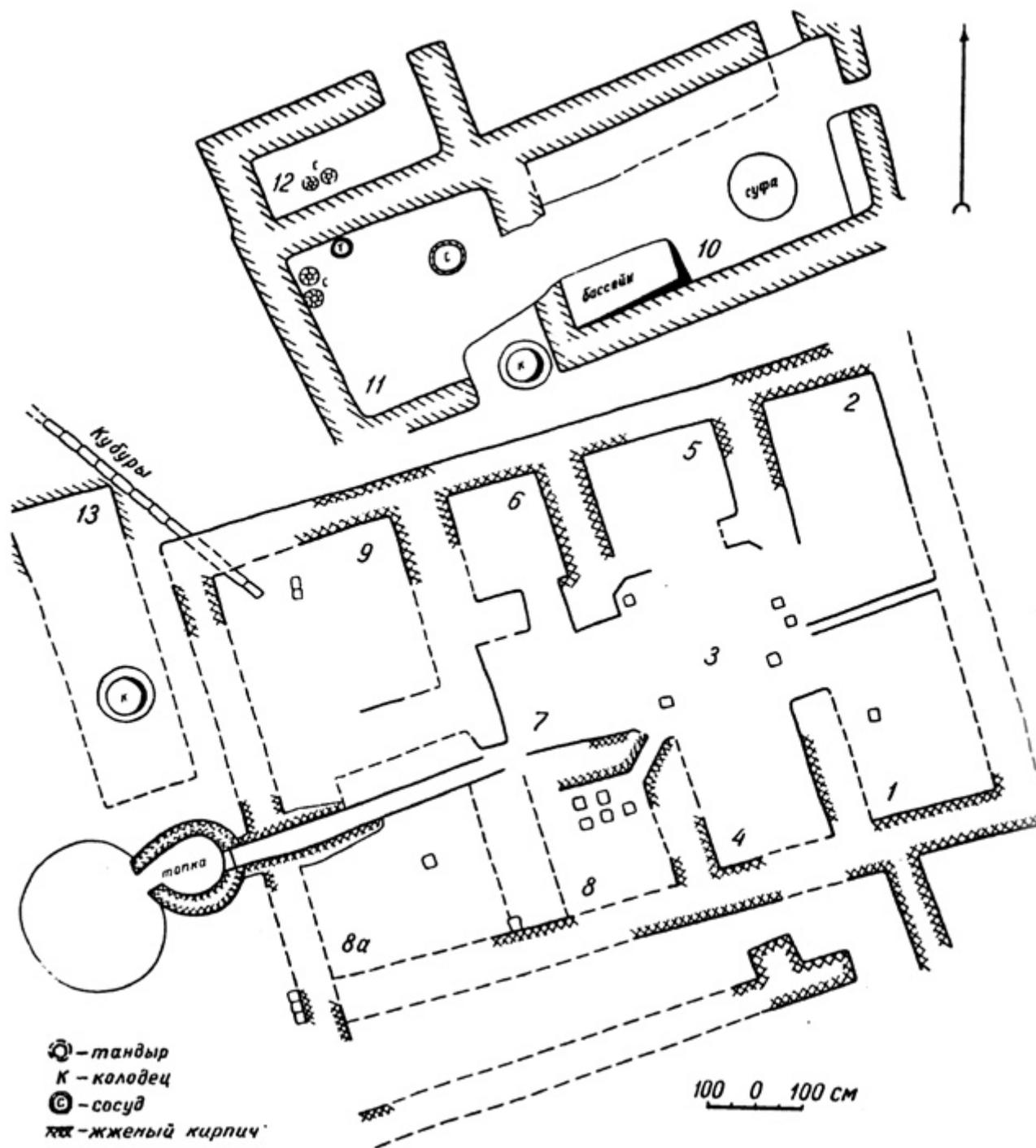

Рис. 6.28. Баня. XI—XII вв. Отфар

га. В городе Кедере, как сообщают источники, имелись винные лавки. При раскопках Куйруктобе обнаружены выходившие на улочку изолированные помещения с вкопанными в пол хумами. Кроме того, в мусорных ямах городища X—XII вв. содержится большое количество косточек винограда. Видимо, найдены именно винные лавки.

В X—XII вв. в городах Южного Казахстана появились бани. Несколько раньше их стали строить в Средней Азии. В больших городах насчитывалось по несколько десятков бань. В ряду общественных построек баня занимала видное место. В рабаде Отрара раскопаны две бани X—XII вв. Несмотря на плохую сохранность, удалось выяснить, что в основе планировки бани на территории северного рабада лежит фигура креста: центральное помещение соединено с четырьмя другими комнатами, расположенными по пересекающимся осям. Кроме центрального зала с лоджиями были помещения для мытья, раздевалка, комната отдыха и, видимо, молельня. В восточной части располагались топка и помещения с цистернами для воды, здесь же расчищено устье колодца. Сточная вода при помощи кубуров, выводилась за пределы помещений в поглощающую яму. Отапливалась баня при помощи жаропроводящих каналов.

Разрезы крепостной стены на шахристане Отрара выявили, что она возведена в VI—VIII вв. и существовала до IX—X вв. Сложенная из пахсовых блоков, она достигала в ширину 10 м, в высоту сохранилась на 4,5 м.

Вскрытый участок стены Отрара на южном обводе датируется IX—X вв., а надстройка ее же из сырцового кирпича — XI—XII вв.

Разрез стены рабада Отрара выявил, что она была возведена на насыпной платформе высотой 1 м. Основание стены, шириной 6,2 м, сложено из трех рядов сырцового кирпича. По краю кирпичной кладки установлены пахсовые блоки (по два с каждого края), пространство между которыми заполнено строительным мусором и землей.

Стена шахристана Баба-Аты в X в. была одета в «рубашку» из двух рядов кирпича. Расстояние между массивом прежнего вала и «рубашкой» плотно забито строительным мусором. По краю вала установлен парапет из кирпичей. Башни Баба-Аты сооружались на восьмигранном монолите из сырцового кирпича. Одна из башен раскопана полностью. Высота ее — 5,1 м, верхний диаметр — 3,4 м, нижний — 4,6 м. Внутри зафиксировано помещение треугольной формы с закругленными углами и плоским перекрытием. На верху башни, как и на стене, имелся парапет.

В целом в период с IX по начало XIII вв. произошли заметные изменения в структуре южноказахстанского города, выразившиеся прежде всего в формировании рабадов, в увеличении площади кварталов. У многих городов меняется характер застройки цитадели: теперь они заняты кварталами горожан. Новыми элементами общей застройки являются мечети и общественные бани.

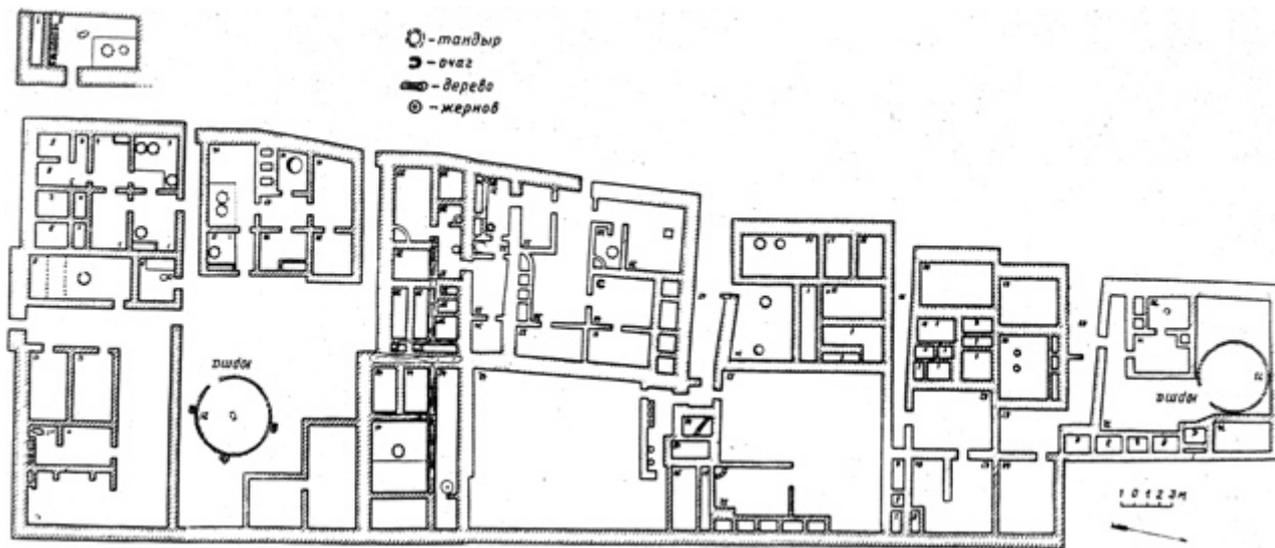

Рис. 6.29. Городской квартал. XI—XII вв. Талгар

В структуре городищ юго-западного Семиречья также наблюдаются изменения. На цитадели Красной Речки, где в VII—VIII вв. находился дворцовый комплекс, появляются рядовые городские постройки. О характере квартальной застройки городов этого региона судить до широких раскопок преждевременно, но она, судя по топографии памятников, имела место. Лучше изучены общественные постройки. Как и на юге Казахстана, в X в. отмечено появление бань, в Таразе они находились на территории цитадели.

Раскопки городища Талгар установили, что и в городах северо-восточного Семиречья основой застройки также был квартал. По уровню строительного горизонта XI—начала XIII вв. удалось выявить квартал, состоящий из домовладений, объединенных участком магистральной улицы, изолированных от остальной застройки глухими стенами боковых фасадов крайних домов. Дома, а всего их на участке площадью 3600-4000 кв. м (часть участка разрушена рекой) насчитывалось 12-14, имеют выходы на внутренние улочки.

При сравнении квартала Талгара с синхронными по времени кварталами Куйруктобе заметна большая площадь первого. Так, в Куйруктобе средняя площадь квартала обычно 1000 кв. м, в Талгаре же она почти в 4 раза больше, хотя количество домовладений одинаково.

Это происходит за счет того, что в Талгаре дома имеют большие дворы для скота и установки в них юрт на лето.

Глинобитная городская стена Талгара сооружена ленточной техникой и имеет ширину

в основании 7 м и сохранившуюся высоту до 4 м. В основание стены заложены каменные валуны.

Такая же конструкция использовалась для стены городища Сумбе.

Первоначально на материке сооружались две параллельные каменные стены высотой 3 м. В кладке использовались крупные скатанные булыжники, скрепленные глиняным раствором. Пространство между ними забивали глиной, а дальше стену наращивали слоями толщиной до 20 см. Глину брали по обе стороны стены, но в основании — снаружи, что давало возможность одновременно сооружать ров.

Развитие жилища и вопросы демографии.

Жилище второй половины X—XI вв. известно по раскопкам городища Куйруктобе. Двухкомнатные состоят из жилого помещения и кладовой. В дом попадали через тамбур. В комнате вдоль стен идет «П»-образная суфа шириной 1-1,5 м и высотой 0,3-0,4 м. В центре на полу находился очаг в виде антропоморфной площадки с бортиком. Напротив входа располагалась отделенная бортиком хозяйственная площадка, где стояли мельничный постав и вкопанные в пол сосуды. На краю суфы устроена тумба высотой 0,6 м с вмазанным в нее тандыром. Рядом с тандыром в стене находились хозяйственные ниши. Перекрытие дома было, скорее всего, плоским и поддерживалось четырьмя столбами, от которых сохранились гнезда в полу. Интерьер других домов аналогичен, имеются различия лишь в деталях.

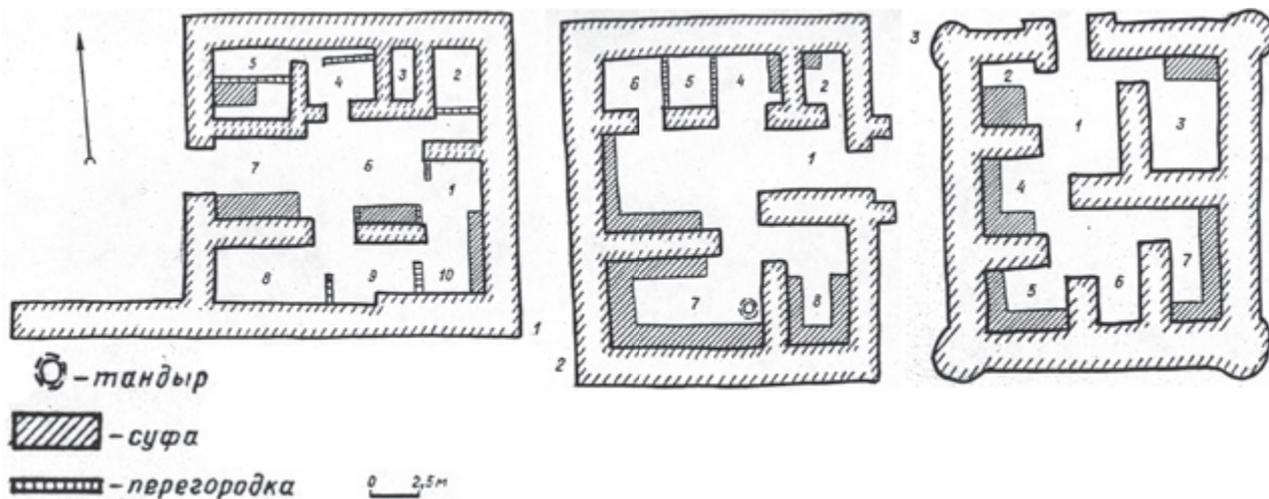

Рис. 6.30. Типы домов IX— начало XIII вв. Городище Красная Речка

Еще большие изменения прослеживаются в жилищах XII—начала XIII вв., раскопанных на Куйрук-тобе. Появляются дома из трех помещений, расположенных по длинной оси (анфиладная планировка), а также дома с расположением помещений на пересекающихся осях (крестообразная планировка). Кроме того, встречаются жилища, где помещения поставлены в один ряд, длинной осью перпендикулярно магистральной улочке. Дома этих типов как бы теряют четкую организацию, размывается функциональное назначение отдельных помещений.

Претерпевает изменения интерьер помещений. Теперь суфа может занимать половину и даже большую часть площади, при этом уровень пола сохраняется лишь в проходах или перед входами. Открытые очаги, как правило, уже не имеют четких прямоугольных форм. Теперь это очаговые ямки самых различных форм: овальные, круглые, подковообразные.

Появление новых типов жилищ может свидетельствовать о процессах массового оседания тюркского населения в городах. Это предположение подтверждают письменные источники того времени. Так, в грамотах-наказах хорезмшаха Текеза наместникам сырдарьинских городов предписывается не делать различий между «бедным и богатым, малым и великим, таджиком и тюрком».

В юго-западном Семиречье в IX—начале XIII вв. также появляются новые типа жилищ. Одни из них представляют центрические в плане дома, для которых характерен центральный зал или двор, откуда входы вели в жилые и хозяйственные помещения. Такая планировка характерна и для богатых и для рядовых жителей. Отличия сводились лишь к размерам постройки и характеру интерьера.

Часть домов за пределами центральных развалин служила, вероятно, летними усадьбами зажиточных горожан. Их называли «касры», что следует трактовать как «павильон, небольшой дворец».

Наряду с богатыми загородными постройками, на территории, окруженной длинными стенами, существовал еще один тип строений. Это двух- и трехкомнатные дома, которые являлись основными компонентами сельской округи. Видимо, большинство таких домов, главным образом расположенных на периферии, принадлежало сельскому населению. Другие могли служить летними жилищами рядового городского населения.

О жилище северо-восточного Семиречья можно судить по остаткам домов на Талгарском городище. В основе их лежит однокамерная постройка, совмещающая функции жилья и кладовой. Интерес представляет сочетание жилья с обширным двором для содержания скота. Это характерно для населения, в хозяйстве которого сохраняется скотоводческий уклад. О сочетании скотоводческих и кочевнических традиций в хозяйстве населения Талгара говорят стационарные юрты, установленные во дворах некоторых усадеб. Об оседании, начавшегося среди кочевого населения, свидетельствует не только юрта во дворе, но и сам двор, занимающий половину всей усадьбы и занятый сооружением для скота. В то же время многокамерные стационарные жилища, построенные из камня, пахсы, сырцового кирпича и дерева, указывают на то, что оседлый образ жизни занимал прочное место у обитателей городов, занятых ремеслами, торговлей и земледелием.

Характер квартальной застройки и жилища позволяют оценить демографическую ситуацию в рассматриваемый период. По подсчетам, в Испиджабе, крупнейшем городском центре региона, жило около 40 000 человек. Усбаникент, центр округа Кенджде, насчитывал около 7 000 человек. Столичные центры и наиболее крупные города имели население от 4 000 до 10 000 человек, а Отрар — 16 000. В средних городах проживало от 1 500 до 3 000 тысяч человек и в городках — до 1 500 жителей. Всего же в городах Южного Казахстана насчитывалось 150 000-160 000 человек.

Общая численность городского населения Чуйской и Таласской долин составляла около 100 000 человек. В городах Илийской долины проживало в период XI—начала XIII вв. 35 000 человек.

Ремесла, торговля, сельское хозяйство.

Рост числа городов, их территориальное расширение, увеличение количества городского населения сказались на дальнейшем развитии ремесла и торговли.

Развивается *гончарное ремесло*, давшее самую массовую продукцию — керамику. В городской застройке выделяются кварталы керамистов, они же разрозненно проживали и в других кварталах. Продукция мастеров этого времени отличается стандартизацией производимых на продажу форм и типов посуды, их орнаментацией. Индивидуальностью отличается изготов-

ление изделий культового назначения: очагов-алтарей, ритуальных дастарханов, котлов для приготовления ритуальной еды и крышек к ним. Можно говорить о сохранении традиций в изготовлении изделий такого назначения, которые восходят к культовым художественным бронзам саков и усуней.

В большом количестве выпускается глазурованная керамика: блюда, чаши, пиалы, кувшинчики, банкообразные сосуды, светильники.

Поливы — прозрачная, положенная на белый ангоб, зеленая, коричневая росписи — выполнялись черной, коричневой, зеленой, желтой красками.

Орнамент носит геометрический, растительный, эпиграфический и зооморфный характер.

В XI—XV вв. своеобразной «маркой поливной керамики» становится вихревая розетка на дне чаш, блюдец.

Высокого уровня развития достигает *стеклоделие*. Подавляющая часть стеклянной посуды

изготовлена методом свободного выдувания, а малая — путем отливки в форме. Последняя имеет на стенках и на донце орнамент в виде пчелиных сот, concentрических линий, розеток. Посуда, которая выдувалась, орнаментирована наварными манжетами, стеклянными нитями и полосками, реже инкрустирована разноцветными стеклянными напайками.

Массовые находки стекла свидетельствуют о том, что стеклянное производство в средневековых городах достигло высокого уровня и обслуживало самые различные слои населения. Кроме посуды стеклоделы умели изготавливать оконное стекло в виде небольших дисков.

Широко распространенным городским ремеслом было *кузнечное дело*, связанное с изготовлением железных изделий. Городские кузнецы обычно селились в отдельных кварталах. Железную руду обрабатывали на местах добычи. Здесь же плавил металл. В кузницы железо попадало в виде криц, заготовок и железного лома. В ка-

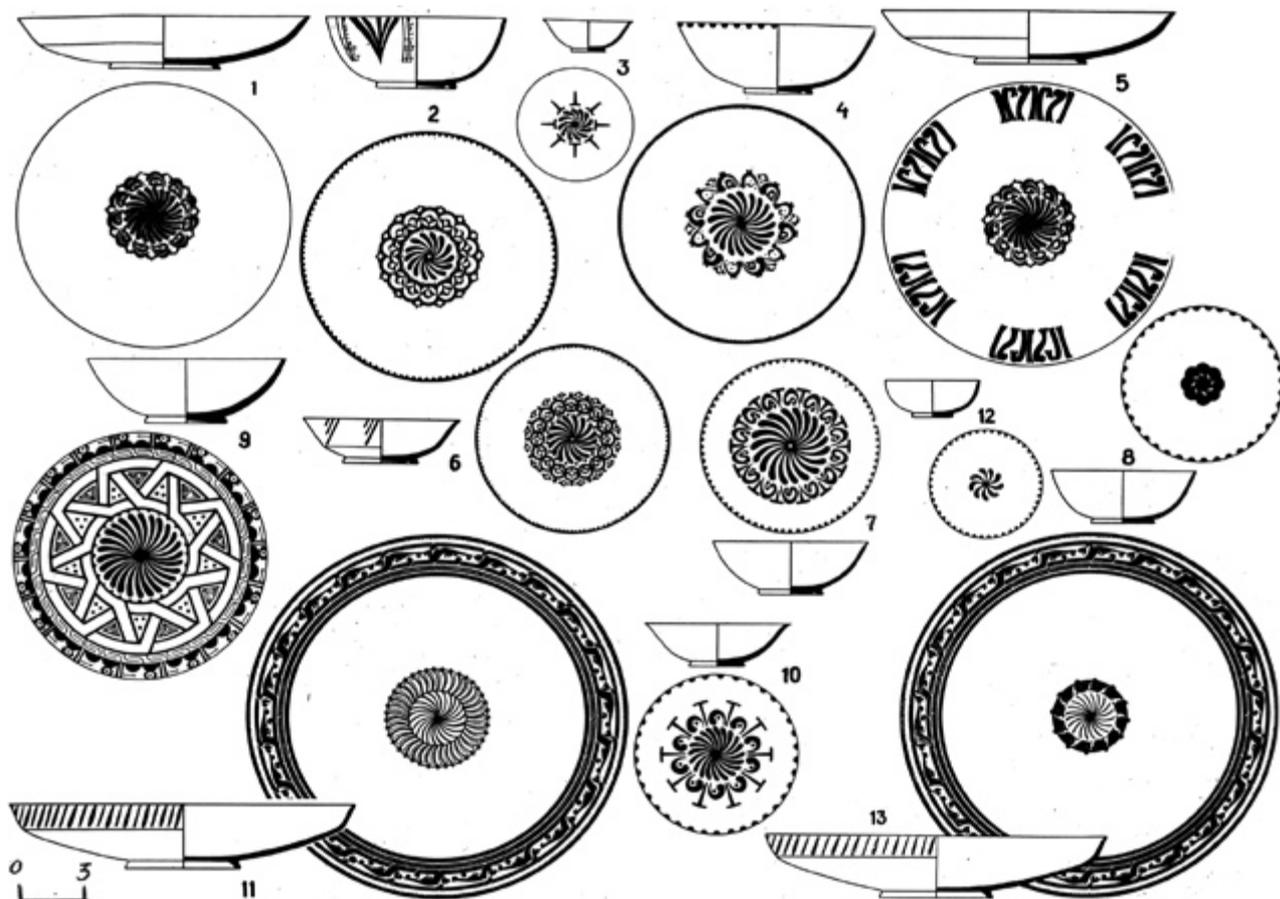

Рис. 6.31. Поливная керамика XI—XII вв. Южный Казахстан

честве поделочного материала использовался лом железных и чугунных изделий.

Устройство мастерских из-за плохой сохранности представить трудно. Горн для плавки железа в алматинской кузнице, сложенный из сырцового кирпича, имел форму цилиндра с диаметром в основании около 2 м. Рядом с горном находились четыре водоносных кувшина, где держали воду или раствор для закалки изделий.

Производство изделий из меди было распространено повсеместно, тем более, что разработки на полиметалл и медь находились неподалеку от городских центров в Каратау, Киргизском, Заилийском и Таласском Алатау.

Как полагают исследователи, это занятие было вторым по важности и численности занятых им мастеров. Медники изготавливали посуду, подсвечники, чираги, украшения. Зачастую они же работали с драгоценными металлами, будучи одновременно ювелирами. Изделия из металла IX—XII вв. представлены серией металлических, главным образом бронзовых, светильников и подставок для них. Художественные изделия представлены кувшинами.

По мнению исследователей, Семиречье в IX—начала XIII вв. являлось одним из центров *производства серебряных изделий*. Среди них серебряные блюда, ведерки с характерными восьмилепестковыми розетками на дне и орнаментом из близкопригнанных и заходящих друг на друга маленьких лепестков, медальоны, окаймленные кольцами из выпуклых кружков, кувшины и кружки.

Из бронзы, серебра и золота делали браслеты, подвески, серьги, бляшки. Среди ювелирных изделий выделяются витые серебряные браслеты со сканью, найденные в чимкентском кладе и относящиеся к X—XI вв. Интересная коллекция украшений, относящихся к началу XIII в., собрана на Отраре. Это бронзовый браслет с восьмигранными головками на концах, налобная тесьма с нашивными бронзовыми шариками, образующими довольно сложный узор, бусы из полосчатого стекла и голубой пасты. Наиболее многочисленны бусы, сделанные из стекла и цветного камня — сердолика, агата, хрусталя, лазурита, гагата, яшмы, кораллов, перламутра.

Наряду с перечисленными были развиты ремесла по переработке продуктов скотоводства — кожевенное, шерстобитное, связанное с

производством кошмы, войлока. Однако продукция их не сохранилась.

Косторезное ремесло документируется находками заготовок рогов диких и домашних животных, их спилов со снятым роговым слоем. Найдены костяные накладки на лук, костяные булавки, шахматные фигурки.

Обработка камня в основном сводилась к производству жерновов, поэтому они — одна из наиболее распространенных находок на средневековых городищах.

Торговля. В IX — начале XIII вв. по-прежнему активно функционирует Шелковый путь с Запада на Восток. Его казахстанский участок начинался в Газгирде и шел на Испиджаб, в Тараз, затем в Кулан, далее в Навакет, Баласагун и далее через перевалы Бедель и Аксу в Восточный Туркестан; из Тараза через перевалы Бешташ и Кугарт — в Ферганскую долину, а через города Адахкес и Дех-Нуджикес — к кимакам. Отсюда же торговые пути тянулись на Енисей к хакасам, куда каждые три года отправлялся караван с шелком.

Из Испиджаба караваны через Усбаникет, Кедер и Сыгнак шли в Янгикент. Из Усбаникета, Кедера и Сыгнака пролегали пути к городам на северных склонах Каратау — Баладжу и Сузаку, оттуда через Бетпақдалу в Дашт-и Кыпчак. От Джанкента начинался известный маршрут к кимакам, который вел на Сарысу к предгорьям Улутау по берегам Ишима в долину Иртыша.

В X в. прокладываются караванные пути через Илийскую долину. Из Чуйской долины сюда попадали через перевалы Курдай, Кастек, Санташ. В Тальхизе караванный путь разветвлялся. Южно-илийский шел через городища Исык, Чилик на Кегень — и далее в Восточный Туркестан. Другой отрезок из Чилика вел к городищу Сумбе и далее в Алмалык. Северо-илийский путь шел на городище Жаксылык, к ущелью Тамгалы-тас, на переправу через Или. После городов Ики-Огуз и Каялык дорога проходила по берегу Алакуля, достигала Алмалыка, а через Тарбагатай приводила в долину Иртыша к кимакам. Северный и южный пути соединялись дорогой, которая из Чилика шла на Борохудзир, где имелась переправа через Или, и далее через долину Коктала, Усека и Хоргоса на Алмалык.

Наиболее крупными центрами торговли являлись Испиджаб, Кедер, Отрар и Янгикент

на юге Казахстана; Тараз и Баласагун на юго-западе; Талгар и Каялык в северо-восточном Семиречье. В Испиджабе действовали крытые рынки и рынок полотна. Среди других торговых заведений города названы тимы, караван-сарай со специальными помещениями, где шла торговля тканями-карабас. Рабаты, о которых сообщает ал-Макдиси, служили караван-сараями. Некоторые из них были населены нахшебцами и самаркандцами. В то же время купцы из Испиджаба добирались с товарами до Багдада, где жили в рабаде Харба ибн Абдаллаха ал-Балхи вместе с купцами из Мерва, Балха, Бухары и Хорезма. Про Отрарский оазис в источниках X в. сказано, что «Фараб — богатый округ, главный город его называется Кедер... это место стечения купцов».

В низовьях Сырдарьи крупным торговым центром становится Джанкент, где существовала колония хорезмских купцов.

Крупным центром транзитной торговли оставался Тараз, о котором источники сообщают как «о месте торговли мусульман с тюрками» и «городе купцов». Купцы Тараза имели свою колонию в Исфагане. Из Семиречья через Тараз вывозили серебро, которое добывали в верховьях Таласа. Центрами производства серебра являлись города Шелбджи, Текабкет и Куль. В Илийской долине крупными торговыми центрами выступали Талгар и Каялык.

Ярким показателем международных торговых связей илийских городов может служить клад вещей из Талгарского городища. Он состоял из китайских фарфоровых чаш и других медных блюд, одно из которых украшено гравированными изображениями сфинксов и «звериного гона». Датируется блюдо XII—началом XIII в. и сделано, видимо, в Иране.

В Талгаре и Каялыке найдены китайская керамика, сирийское стекло, бронзовые изделия из Ирана и Средней Азии. В IX—начале XIII вв. получает широкое развитие торговля между городом и его округой. Не случайно при характеристике городов средневековые авторы прежде всего описывают рынки, сообщают о ценах на особенные для данной местности товары. В город из округи поступала продукция сельского хозяйства, главным образом зерно, фрукты, мясо. Земледельческое население получало поделки городских ремесленников — керамику, стекло, ювелирные изделия, украшения.

Большое значение в жизни города имела торговля со степью — своеобразной сельской округой городов. Торговля приносила обоюд-

ную выгоду. Один из сельджукских документов гласит: «Товары и предметы их (кочевников), дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей. Знать и простой народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах».

Торговля, носившая характер ярмарок, велась наиболее интенсивно в пограничных с кочевым миром городах — Сауране, Джанкенте-Янгикенте, Дех-Нуджикесе. Через Дех-Нуджикес скот и продукты животноводства поступали в Испиджаб. Сауран был центром торговли с огузами. Торговые операции огузы осуществляли также в городах Баладж и Берукет.

Через Джанкент огузы торговали с Хорезмом. Последний же выступал в роли торгового посредника между казахстанской степью, Поволжьем, Хазарией и славянским миром. Население оазисов и городов получало лошадей, скот, шерсть, сырые кожи, кошмы, войлоки, молочные продукты, невольников. Отдельные города специализировались на вывозе товаров, получаемых непосредственно от кочевников либо вырабатываемых из привозного сырья. Ал-Макдиси сообщает, что «из Шаша (вывозятся) высокосортные шагреньевые седла, колчаны для стрел и палатки. Кожи привозятся от тюрков и дубятся... Из Ферганы и Испиджаба — рабы из тюрков, вместе с белыми тканями, оружием, мечами и железом. Из Тараза — козьи шкуры. Из Шельджи — серебро. Из Туркестана, так же как и из Хутталя, в эти места попадают лошади и муллы». Особенно ценились тюркские лошади, овцы. Кимаки разводили коней на продажу. Истахри сообщает, что, «бараны в Хорасан поступают от халаджей, а мясо привозится в Мавераннахр от огузов и карлуков... в количестве больше чем нужно им».

Среди важных статей экспорта кочевников следует называть мускус и меха. Степные племена поставляли в города невольников, металл, одним из центров производства которого был Центральный Казахстан. Ал-Идриси сообщает о добыче железа, серебра, золота кимаками.

Для IX—XII вв. характерен рост товарно-денежных отношений, которые вытесняли товарный обмен. В крупных городах Казахстана функционировали монетные дворы. Чекан Испиджаба с некоторыми перерывами продолжался до первой половины XI в. Продолжал чеканить монету Отрар. В найденном в 1967 г. Самаркандском кладе были обнаружены саманидские монеты Бараба (Фараба), такие же

монеты были найдены при раскопках на городищах Отрар и Куйруктобе. Монетный двор в Отраре продолжал функционировать при караханидах и хорезмшахах. Выявлен хорезмшахский чекан Ясы.

Чеканили монеты город Будухкет в Южном Казахстане и, видимо, Тальхир в Жетысу.

Рост городского населения потребовал повышения товарности сельского хозяйства, более интенсивного использования земли, поскольку в ряде оазисов Южного Казахстана, а также в пределах длинных стен городов юго-западного Семиречья площади поливных земель были ограничены. Развивается и совершенствуется система искусственного орошения. В Отрарском оазисе в X — начале XIII вв. оросительные системы дополняются новыми элементами: возводятся два головных сооружения, появляются головной и промежуточный сбросы, от главного распределительного канала отводятся длинные и узкие распределители ветвистой конфигурации. Распространение ветвистых систем орошения позволило значительно расширить посевные площади, повысить отдачу земель.

В X—XII вв. получает развитие ирригация в низовьях р. Или. Как и раньше, горожане выращивали на своих участках садовые и бахчевые культуры, виноград, занимались придомным скотоводством. Остатки виноделен найдены в нижнем Барсхане, на Краснореченском городище, на Актобе Степнинском.

В домах горожане устраивали закрома, где хранили запасы зерна, сухих фруктов, отводили помещения для лошадей, коров, овец, коз.

Трансформация городской культуры: традиции и инновации. После разгрома востания Муканны произошло окончательное утверждение ислама в Мавераннахре. В пору наместничества Мамуна Средняя Азия стала для него опорой государства. Среднеазиатская служилая знать играла все большую роль при дворе халифов. Происходит интенсивное сближение Средней Азии и Ближнего Востока. Все это не могло не способствовать формированию черт общей культуры для многих народов, вошедших в халифат.

Южный Казахстан и Семиречье не остались в стороне от этих процессов. И хотя ни средняя Сырдарья, ни Семиречье не вошли в состав халифата, исламизация происходила достаточно интенсивно, как и вовлечение в сферу политических, экономических и культурных

отношений Арабского халифата, а затем Саманидского и Караханидского государств.

В это время меняется положение города. Из резиденции феодала, каким он был в VI—VIII вв., город превращается в административный центр, резиденцию властей, представляющих государство. К началу IX в. сложился новый тип города, который без принципиальных изменений существовал на протяжении всего средневековья.

Важную роль в развитии городской культуры стала играть новая религия — ислам. Источники, повествующие о событиях конца VIII—середины IX вв., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана. В 840 г. Нух ибн Асад подчинил Испиджаб. Его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар. Завоевания сопровождалось распространением ислама.

Карлуки, захватившие в 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, испытали наиболее сильное влияние мусульманской культуры. Существует мнение, что они приняли ислам еще при халифе Махди. Однако это относилось, видимо, лишь к какой-то их части, так как в 893 г. Исмаил ибн Ахмад взял Тараз и «обратил главную церковь этого города в мечеть». В начале X в. ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук, а его сын Богра-хан Харун б. Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией.

В первую очередь мусульманство распространялось в городах. Ибн Хордадбек сообщает об отрядах мусульман в главном городе Фараба — Кедере; ибн Хаукаль упоминает тюрок-мусульман, кочевавших между Фарабом, Кендже и Шашем. Перечисляя города Южного Казахстана и Семиречья конца X в., ал-Макдиси уже называет мечети в качестве одной из обязательных построек городов. Начиная с X в. распространяется мусульманский погребальный обряд.

Наряду с исламом в среде городского населения бытует языческие культы. Исследователи отмечают, что «ислам отнюдь не исчерпывал его духовно-религиозные представления». Об этом свидетельствуют и археологические материалы. Культ барана, например, прослеживается в сырдарьинском регионе с древних времен. Этот образ был связан с зороастрийским фарном. У разных народов до недавнего времени фарн выступал в роли высшей благодати, богатства, счастья, здоровья, защиты от дурных сил и процветания домашнего очага.

По-прежнему в городской среде был распространен культ огня, отмеченный еще в раннем средневековье. Особенно традиции древних религиозных верований были сильны в Семиречье, где, несмотря на распространение ислама, сохранялись зороастризм, христианство несторианского толка, буддизм. Среди населения были распространены шаманство и другие

древние тюркские культы. В X в. в Семиречье усилились позиции манихейства.

При сохранении древних традиций, наложивших отпечаток на формирование культуры мусульманского города, городская культура исследуемого региона IX—начала XIII вв. составляла одно из звеньев в единой цепи городской мусульманской культуры Центральной Азии.

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В XIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV вв.

Количество городов. В XIII—первой половине XIV вв. число городов в Южном Казахстане сокращается до 22, а во второй половине XIV—первой половине XV вв. — до 16. В XIII в. опустели города в предгорной части Таласского Алатау, остался только Сайрам. В среднем течении Арыси жизнь продолжалась на городище Караспан, отождествляемом с Кендже, в Отрарском оазисе — в городах Отрар, Кедере, Чилике и Весидже.

Лучше обстояло дело в районе среднего течения Сырдарьи. Здесь происходит рост нового центра оазиса — Ясы. Продолжает жить и Карачук, который переносится на новое место, а также Карнак, Шага, Икан. Город Сауран меняет свое место. На левом берегу Сырдарьи запустело городище Артык-Ата, зато рядом с ним появляется новое — Бозук, на границе с Шашем продолжает существовать Сюткент. Несмотря на погромы, возобновляется жизнь на городищах Сыгнак, Джанкент, Дженд и Ашнас, существуют Узгент и Барчкент, приобретает известность город Аккурган.

В благополучном положении находятся города на северных склонах Каратау, известны в источниках Паркент (Берукет), Сугулкент, Кумкент, Уросоган, Сузак.

Сокращается не только количество городов, но и территория, занимаемая ими в предшествующий период. Невозможно установить площадь большинства городищ в XIII—первой половине XV вв., поскольку слои этого времени перекрыты более поздними напластованиями, но для городищ, которые доживают только до указанного времени, такие данные есть. Так, площадь Куйруктобе уменьшается с 30 до 8 га, Бузука-Чилика — с 17,7 до 12,7 га, Кумкента — со 113 до 23,5 га, Баба-Аты — с 20 до 12,6 га. Вдвое меньше становится Карачук, сокращается площадь Сюткента.

Однако имеются факты, свидетельствующие о подъеме городов Отрар, Кендже, Сайрам, Сыгнак. Согласно археологическим данным,

Отрар уже к концу XIII в. восстанавливается в тех же территориальных пределах, в которых он существовал в домонгольское время. В прежних границах существует Сыгнак, новый Сауран занимает площадь 44 га. Таким образом, несмотря на общий упадок городской жизни, группа городов не только восстанавливается, но и превращается в это время в крупные политические (Сыгнак, Сауран) и торгово-экономические центры (Отрар, Кендже).

В юго-западном Семиречье, как свидетельствуют источники и археологические материалы, сложилось тяжелое для городской культуры положение. В XIII в. здесь осталось 10 городов из 27 известных накануне нашествия, в XIV в. — 7, а в начале XV в. — 5. Число городищ соответственно сократилось с 40 до 14, затем до 10 и до 4.

На фоне спада городской жизни наблюдается лишь оживление Тараза и Янги — Таласа. Работает монетный двор в Таразе, активно выпускает монету Янги.

Для городов северо-восточного Семиречья первая половина XIII в. была относительно благополучной. Письменные источники середины XIII в. упоминают четыре города и одно селение. По сведениям Гильома Рубрука известны Эквиус, Каялык, «несторианское селение», «столица области». В маршрутке Гайтона назван город Иланбалык.

Монетную продукцию в 1271 — 1272 гг. выпускал город Алматы.

Восемь городищ имеют слои XIII в., и лишь на трех продолжается жизнь в начале XIV в.

Однако, основываясь в первую очередь на археологических материалах, можно констатировать, что в начале XIV в. городская культура в северо-восточном Семиречье деградирует и гибнет.

В XIII—XIV вв. наблюдается своеобразный расцвет городской жизни в Центральном и Западном Казахстане. Города-ставки степных владений становятся центрами ремесла и тор-

говли, в том числе и международной. В Сары-Арке расширяются городища вблизи мавзолеев Алашахана и Джучихана, в Западном Казахстане в XIV в. переживают расцвет Сарайчик и Шакафни (городище Жайык).

Оба эти города были центрами международной торговли, центрами экономики, политики и идеологии. Но в конце XIV—начале XV вв. городская культура в Сары-Арке и Западном Казахстане переживает упадок.

Причиной ее стагнации и гибели стали междоусобицы и разрушительные походы сюда войск Тимура.

Городская застройка, формирование новых типов жилища. Представление о городской застройке, характере городского квартала, общественных сооружениях и, наконец, о фор-

мировании новых типов жилища дают главным образом материалы раскопок Отрара.

Одним из ярких событий стало открытие Каялыка, Жайыка и соборной мечети конца XIV—начала XV вв. в Отраре, в юго-восточной его части.

Постройка мечети, размерами 60×22 м, длинной осью вытянута по линии восток-запад. Вход в центре северного фасада оформлен в виде выступающего за линию стены портала с прямоугольными в плане пилонами размерами 2,7×1,35 м. Пролет между опорами портала около 5,3-6 м. Западный пилон сохранился на высоту до 1,7 м, восточный почти полностью разобран на кирпичи. На углах портала были поставлены цилиндрические по основанию минареты диаметром 2 м. Внутри минаретов имелись винтовые лестницы, на которые попадали

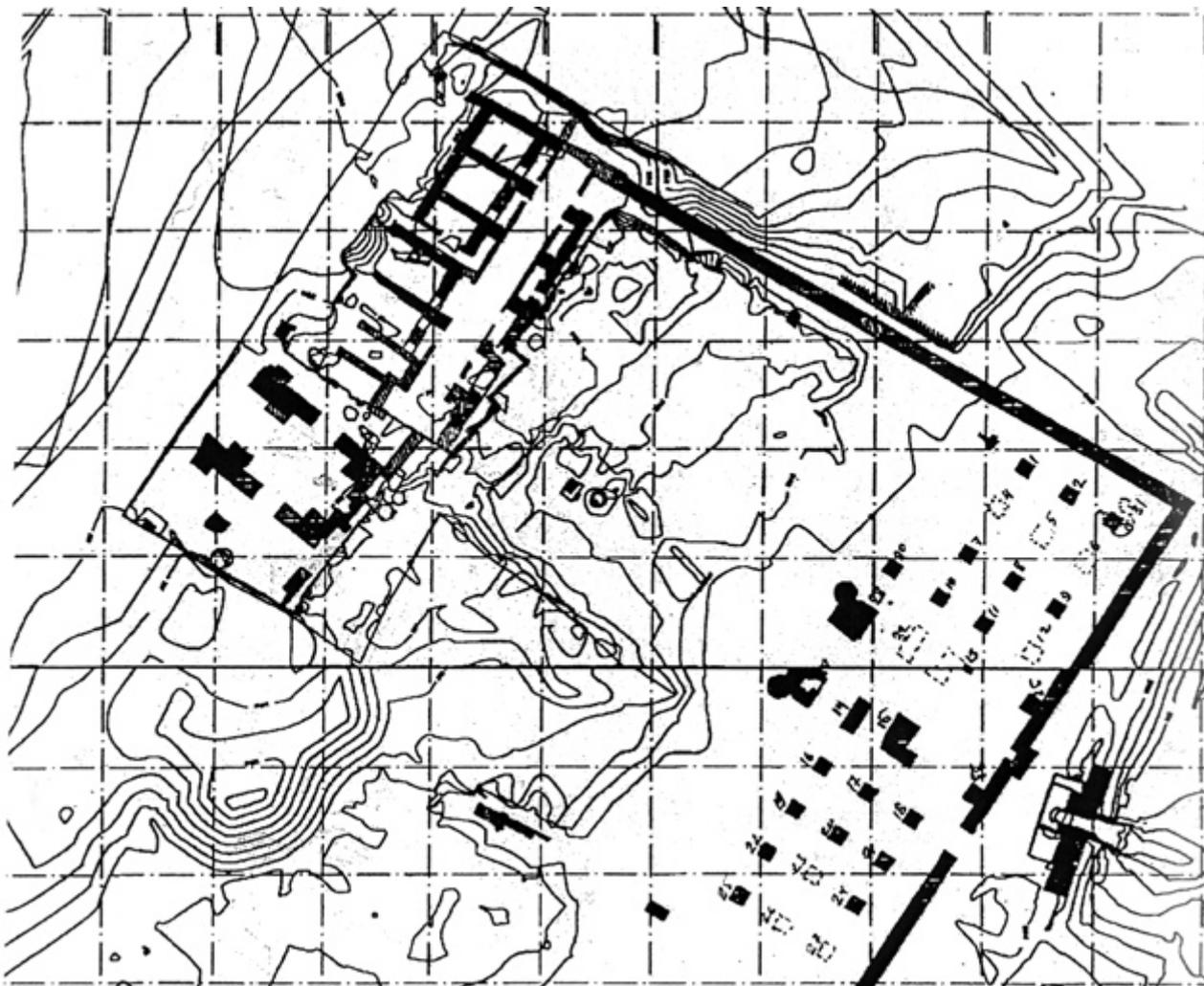

Рис. 6.32. Мечеть Отрара

с внутренней стороны портала через входной проем шириной 1 м. Сохранились первые четыре ступеньки лестницы на западной стороне портала.

Фронтальная композиция здания включает четыре сквозные галереи, образованные тридцатью столбами квадратного сечения (1,35 на 1,35 м), поставленными в три ряда. Проем между опорами перекрытия равнялся 3,7 м. Рассматриваемое сооружение является соборной мечетью города Отрара, подобно соборным городским мечетям Биби-ханым в Самарканде и мечети Калян в Бухаре. Об этом говорят такие особенности планировки, как прямоугольный двор, окруженный стенами галерей; по продольной оси в глубине двора купольное здание с михрабом; портал, фланкированный круглыми минаретами.

На оси входа находились два зала. Опоры перекрытий практически разобраны. Сохранился столб прямоугольного сечения размером 3,3 на 1,65 м на западной стороне первого от входа зала, сохранились два передних столба I главного зала с михрабной нишей. Можно полагать, что столбы имели сложное сечение. Задние опоры выглядят как квадратные пилоны по обеим сторонам михраба.

В михрабной стене здания имеется дверной проем с высоким порогом, который открывался в сторону улицы и жилой застройки у крепостной стены города с южной стороны.

Стены мечети толщиной 1,35 м, углы главного фасада оформлены в виде пилястр.

Несущие конструкции — стены, столбы, пилоны портала — сложены из жженого кирпича хорошего качества, квадратной формы со стороной 25-28×25 — 28×50 см, целого или половин. Кирпичи уложены строго регулярно вперевязку, на ганчевом растворе. Кое-где на стенах сохранился тонкий первоначальный слой ганчевой штукатурки.

Интересным был архитектурный декор мечети, в котором, судя по находкам в жилых помещениях перекрывающего слоя, важную роль играли керамические облицовки: цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток с орнаментальными и зооморфными сюжетами в росписях. Основная масса глазурованной облицовки найдена в помещениях на месте зала и стены с михрабной нишей. Найдены фрагменты керамических решеток на окнах — панджара.

Отрарская соборная мечеть относится к постройкам столбно-купольного типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии. Столбовые конструкции сближают отрарскую мечеть с куйруктобинской, хотя последняя построена значительно раньше и являет собой ранний этап в развитии типологии столбовых мечетей.

Двор мечети, расположенный между фасадной стеной мечети и постройкой в северной части комплекса по внутреннему абрису стен, из которой хорошо сохранилась юго-восточная, имеет размеры 40×22 м, тогда как общие размеры мечети с дворцом и северной постройкой составляют 72×22 м.

В северной части комплекса вскрыта постройка, состоящая из 7 помещений, примыкающая к северо-восточной стене, проходом, идущим в направлении восток и запад, шириной 3 м от стены, разделенным на участки, каждый из которых расположен напротив помещений. Поскольку этот участок недокопан и над ним находится свита более поздних наслоений мощностью 3 м, сказать о планировке его всего пока невозможно.

Было высказано первоначальное предположение, что постройка у северо-восточной стены — часть дворца цитадели, но скорее всего это постройки, входившие в комплекс мечети.

Пока с большой долей уверенности можно считать, что проход между рядами помещений у северной стены был перекрыт куполами — это был пассаж, из которого попадали в помещения, пристроенные к северо-восточной стене, и помещения напротив, которые пока не вскрыты.

Пол во дворе мечети, судя по сохранившимся участкам и наличию крошек от ганчевого раствора, был выложен квадратным обожженным кирпичом размерами 25×28×25×28×5 см, как и стены построек.

Возникает вопрос о причинах разрушения мечети буквально сразу же в период после смерти Тимура.

Как известно, культовые постройки являлись святынями и включение мечети в жилую постройку представляет явление неординарное.

Видимо, причиной стало незавершение строительства мечети — она так и осталась стройкой и в ней никогда не проводились молебны. Поэтому горожане Отрара незавершенное здание включили в массив городских кварталов.

Соборная мечеть XII—XIII вв. исследована в городе Каялыке.

В числе традиционных компонентов застройки казахстанских городов XIII—первой половины XV вв., как и в предыдущее время, были бани. Одна из них, датируемая последней четвертью XIII—началом XV вв., раскопана на Отраре. Она построена в 200 м западнее южного въезда, на берегу водохранилища, на месте бани XI—XII вв. Ориентирована баня углами по сторонам света, но она немного сдвинута к западу, и вход в нее вел с юго-восточной, а не северо-западной, как ранее, стороны.

Баня представляет собой прямоугольную постройку с четко читаемой в плане фигуры креста. Удалось проследить два строительных периода. Первоначально размер бани по внешнему обводу стен составлял 13,5×16,5 м. Центральный зал в это время имел площадь 22 кв. м, все остальные помещения, кроме помещения с цистернами для воды, имели площадь по 7,2 кв. м.

Баня насчитывала 10 помещений, включая раздевалку (люнги-хана), центральный зал с двумя беньюарами, служившими паровой и массажной, помещения для мытья — «иссык-хана» (горячие) и «саук-хана» (холодные). Водоснабжение осуществлялось при помощи труб, идущих через подземную галерею от водохранилища. Водопровод подходил к помещению с цистернами для холодной и горячей воды. Здесь нахо-

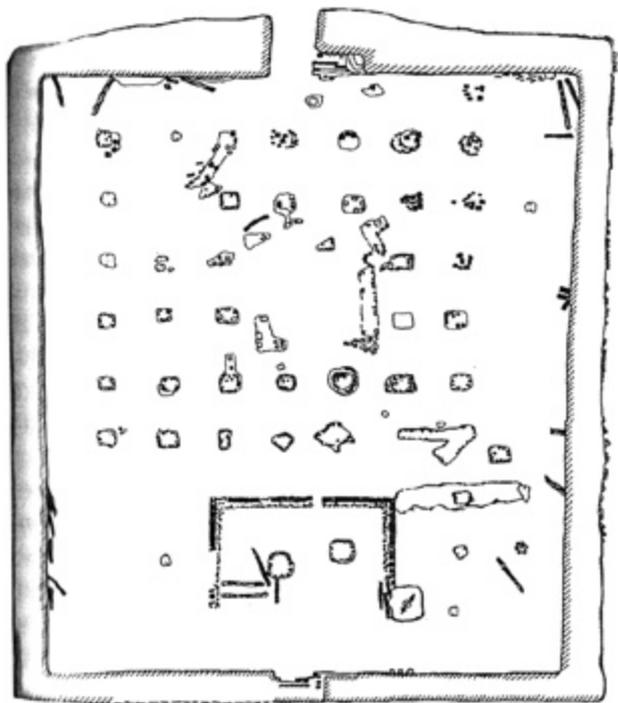

Рис. 6.33. План мечети. XIII в. Каялык

дились четыре резервуара, соединенные вместе, они имели вид длинной цистерны, разделенной на отсеки. Понять их назначение помогает сообщение Ибн Сины о нескольких употребляемых при купании растворах. Некоторые из них получали путем кипячения растений, серы, золы, другие он называет железными, солеными, кварцевыми и купоросными.

Отрарская баня отапливалась топкой, от которой отходил жаропровод. Затем системой столбиков и направляющих стенок жар разделялся на несколько потоков, обогревавших полы всех помещений.

Бани были обнаружены и раскопаны в Каялыке и городище Жайык, в Сарайчике.

Во второй половине XIII—первой половине XIV вв. появляются новые типы жилища. Один из них представлен двух- или трехкамерными домами с двориком, расположенным на одной оси. Жилища второго типа состоят из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Дом имеет подквадратную форму, а кладовые находятся слева и справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром, придавая постройке в целом крестообразный вид. Дома третьего типа включают две и более секций. Каждая секция состоит из двух или трех помещений, одно из которых обязательно жилое.

В интерьере жилищ наблюдаются существенные изменения. На смену идущей вдоль стен узкой суфы «Г»- или «П»-образной формы приходит суфа, занимающая большую часть помещения. Небольшая площадка перед тандыром, обычно вымощенная кирпичом, определяет уровень пола. Наличие в центре помещения остатков вмазанной в край суфы плахи, бревна, кирпичной вымостки или каменной плиты свидетельствует о том, что кровля опиралась на одну стоящую в центре помещения деревянную колонну. Четырехстолпное перекрытие, распространенное в предшествующее время, исчезает.

Тандыр берет на себя функции универсального очага: он служит средством отопления и приготовления пищи.

В них появляется дымоход — «кан», расположенный в суфе до стены, где он соединялся с вертикальным колодцем, по которому дым выходил наружу.

Таким образом, в XIII—первой половине XV вв. формируются новые типы жилища, из которых два — с анфиладной и крестовидной планировками — имеют прототип в предшествующем времени.

Жилище в городах Центрального и Западного Казахстана характеризуется наличием жилищ из сырцового кирпича и землянок. Трех- и четырехкомнатные дома Сарайчика и Жайыка отапливались печами, проходившими под суфами по периметру помещений, и тандырами, имелись санитарно-гигиенические устройства — ташнау. Землянки же, расположенные на городищах, были одно- и многокомнатные. В жилых помещениях устраивались суфы стен. Отопление осуществлялось при помощи дымоходных каналов-канов.

По свидетельству источников, монголы, захватив очередной город, в первую очередь разрушали его укрепления. Так, полностью были разрушены стены и цитадель Отрара, Сыгнака и Ашнаса. Монголы препятствовали возрождению городов как крепостей. Марко Поло писал, что при монголах «городам не позволено было иметь стены и ворота, дабы они не могли препятствовать вступлению войск. Так взнуданные народы остаются спокойны и не возмущаются». И лишь постепенно города вновь стали окружаться стенами.

Новая городская стена в Отраре была выстроена лишь в конце XIII — начале XIV вв. Ширина ее в основании — 4,8 м, сохранившаяся высота снаружи — 2 м, изнутри — 3,2 м. Общая высота стены колеблется от 2 до 3,5 м. Внешний фасад стены, расчищенный на протяжении почти 400 м, представлял собой извилистую линию, то поднимающуюся к гребню городища, то опускающуюся вниз. На юго-западном и юго-восточном углах имелись башни в виде полукруглых монолитных выступов. Максимальная высота стены от основания до бруствера — 6 м. Фундаментом для нее служила стена XI—XII вв. и надстилающий слой мусора и золы. Время возведения новой стены вокруг Отрара, видимо, совпадает с периодом усиления борьбы за сырдарьинские города между джучидами и джагатаидами — это конец XIII в. Закрепившись в городах джагатаиды, безусловно, заботились об их обороне. Думается, постройка стен Отрара, а также других городов, связана именно с утверждением здесь джагатаидов. Это время совпадает также с экономическим подъемом города.

Функции городов. Наиболее характерной фигурой для этой эпохи считается мелкий ремесленник — владелец средств продукции и сам непосредственный производитель продукции. Раскопки Отрара позволили выявить и исследовать места концентрации гончарного

ремесла как в центральной части города, так и в предместье. Отрарские мастерские дают представление в первую очередь об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя-гончара, работающего в своей мастерской при доме. В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение. Это видно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере помещений жженого кирпича.

Одним из сложных является вопрос о существовании в городе цеховых организаций ремесленников. Первые упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV—XV вв. Однако, по мнению А.Ю.Якубовского, ремесленники городов Средней Азии объединились в цеха уже в X в.

Материалы раскопок мастерских Отрара дают основание предположить наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Анализ керамики из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженных; расписанной, но необожженной; керамики из обжиговых камер), позволяет говорить о специализации мастеров.

Большое количество кирпичеобжигательных печей и мастерских свидетельствует о размахе строительных работ.

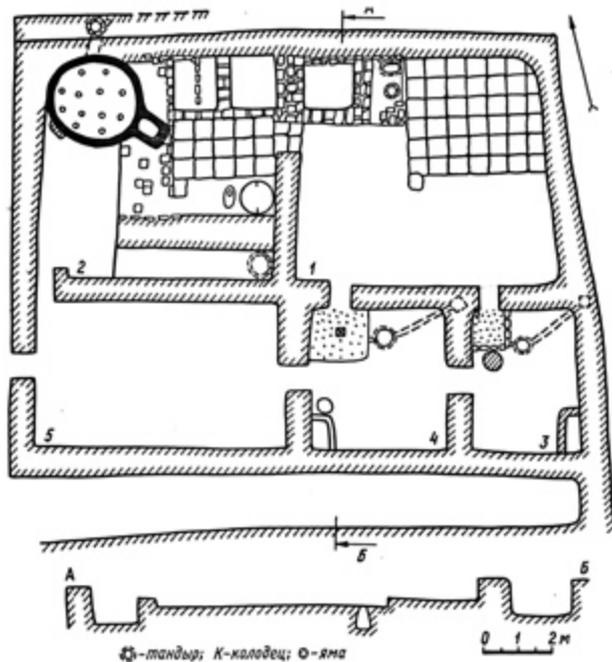

Рис. 6.34. План гончарной мастерской. XIII—XIV вв. Отрар

В монгольское и послемонгольское время происходит значительное расширение производства бронзовых зеркал. Появляются новые центры производства зеркал, в том числе и в Средней Азии. Одним из них, видимо, стал Отрар.

При раскопках Отрара собраны коллекции медных и бронзовых поделок — крючков, заклепок, обломков различных предметов. Найдены куски бронзовых чаш.

О технологии производства, ассортименте и характере серебряных украшений описываемого времени повествует отрарский клад серебряных вещей, датированный 60-ми годами XIII в. Часть ювелирных украшений из клада изготовлена ремесленниками южноказахстанских городов, в том числе спиралевидные браслеты, прототипы которых найдены в Южном Казахстане, Семиречье и северных районах Средней Азии еще в XI в. Заготовкой для них служил серебряный прут, техническим приемом изготовления — скань. Гладкие браслеты обернуты серебряной же рубашкой, но из более высококачественного металла.

Серьги в форме знака вопроса исследователи определяют как кыпчакские. Из цветного камня изготавливали бусы, подвески, вставки для перстней.

По-прежнему в городах производили посуду из стекла — зеленого различных оттенков, синего, голубого, красного, желтого и темно-коричневого. Ассортимент изделий достаточно широк — крышки, чаши, бокалы, рюмки, графины. Преобладают грибовидные крышечки. Часть изделий украшена рельефным, образующимся при выдувании воздуха узором в виде вдавлений, кругов, ромбов. Благодаря наварным нитям, спиралам, манжетам из стекла этого же или другого цвета некоторые предметы выглядят очень нарядными. Из стекла также делали браслеты, украшенные глазками, браслеты из разноцветных стеклянных нитей, бусы, бисер.

Оконное стекло в виде дисков обнаружено при раскопках «дома богатого горожанина» в Каялыке.

В городах было развито косторезное ремесло, традиционное для казахстанских городов. Среди находок — ручки ножей, украшенные циркульным орнаментом, пуговицы и застежки. Из длинных берцовых костей лошадей и коров делали лошила для обработки шерсти, из лучевых костей баранов и коз — шилья и проколки. В качестве сырья использовали также рога домашних и диких животных — сайги, джейранов, оленей.

Из камня изготавливали жернова, различные отбойники, песты, терочники, точильные бруски. К сожалению, сохранилось мало того, что свидетельствовало бы о ткачестве, ковроделии и других городских ремеслах, но они, бесспорно, существовали. Находки, например, коробочек хлопка в домах горожан, напрямсел могут быть истолкованы в пользу развития ткачества.

Торговля и караванные пути. Монгольское нашествие отрицательно сказалось на торговле города и округи, города и степи. Однако международные и дипломатические пути продолжали функционировать. По-прежнему действовал караванный путь, соединявший Китай, Монголию и Восточный Туркестан со Средней Азией, Средним и Ближним Востоком через Семиречье. Важное значение приобретает дипломатический и караванный путь, соединявший Европу с Азией. Он пролегал через южнорусские степи, Поволжье, Урал, Хорезм и через Семиречье вел в Алмалык и Монголию. Этим путем проехали Плано Карпини и Гильом Рубрук. Частично путь Плано Карпини повторила миссия Андре де Лонжюмо.

Со смертью хана Мунке разразились междоусобные войны. Становится опасным путь через Среднюю Азию и Семиречье. Лишь в 20-30-е гг. XIV в. обстановка в монгольских владениях вновь стала благоприятствовать международной торговле. Купцы и миссионеры по-прежнему путешествуют по дороге из Каффы и Судака в Тану, Старый или Новый Сарай, в Ургенч, Отрар, Алмалык и Ханбалык. По расчету Балдучи Пеголотти (1340 г.), этот путь длился 290 дней. В результате международной торговли на Запад поступали шелк, предметы роскоши.

По свидетельству Пеголотти, в Средней Азии и Китае закупают также шелковую и золотую парчу, хлопчатобумажные ткани, бумагу, шерсть, рис, сухие фрукты и керамику, фаянс, фарфор. Из Европы на Восток везли полотняные ткани. Тот же Пеголотти советует купцам брать с собой полотняные ткани, продавать их в Ургенче и запасаться сомами — слитками серебра, имевшими хождение в татарских странах.

Названные товары частично оседали в городах Южного Казахстана и Семиречья. Например, в серебряном кладе из Отрара представлены монеты из Алмалыка, Эмиля, Пулада, Дженда, Крыма, Сиваса, чеканные в 40-60-х гг.

XIII в., слитки серебра, обломки изделий с позолотой, ювелирные поделки, детали наборного пояса. Часть изделий местного производства, другие происходят из Средней Азии, Восточного Туркестана, Поволжья, Малой Азии.

Наряду с международной торговлей, налаживается торговля местная, внутриобластная. В товарно-денежные отношения втягиваются степные племена. Находки монет вкладах и погребениях кочевников достаточно многочисленны.

Историю денежного обращения на территории Казахстана в монгольский период нельзя рассматривать отдельно от денежного хозяйства Средней Азии этого же периода. Развитие денежного хозяйства империи джагатаидов можно разделить на три этапа. Первый этап включает четверть столетия от времени завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. Второй этап отмечен регулярным чеканом низкопробной золотой монеты, имевшей хождение по всему Джагатаидскому государству, независимо от места выпуска. Для более узкого обращения выпускали медные посеребренные дирхемы. Работали монетные дворы Бухары, Самарканда, Ходжента и Отрара. На этом этапе оживилась и мелкая торговля. Так, выпускаемые в Отраре начиная с 649 г. х. (1251—1252 гг.) по 662 г. х. (1263—1264 гг.) почти ежегодно медные посеребренные дирхемы обслуживали торговлю не только самого города, но и районов Южного Казахстана, Ташкента, Ферганы.

Третий этап ведет отсчет с денежной реформы Масудбека в 670 г. х. (1271—1272 гг.). Основное содержание этой реформы сводилось к регулярному чекану настоящих серебряных монет во многих городах и областях Средней Азии и юга Казахстана, Семиречья. Сейчас известно более 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в., и среди них дворы Отрара, Тараза, Кендже, Дженда, Алматы. По нумизматическим данным, в наиболее благополучном положении находились юг Казахстана и Таласская долина.

В 1321 г. Кебек-хан ввел в оборот серебряные монеты — «кебаки». По-прежнему обильную продукцию выпускали Отрар, Тараз, Кендже. Во второй половине XIV в. чеканились монеты в Сыгнаке, Сарайчике.

Очередной подъем экономической и культурной жизни в южноказахстанских городах, связанный с вхождением их в состав империи Тимура, подтверждают многочисленные на-

ходки медных монет конца XIV — середины XV вв., чеканенных в Самарканде, Бухаре. К этому времени относится медный отрарский чекан Улугбека. Показателем роста внешнеторговых связей Южного Казахстана служит клад серебряных монет, чеканенных в Астрабаде, Герате, Йезде, Кашане, Куме, Ширазе, найденный на Отраре.

Земледелие. Монгольское нашествие отрицательно сказалось на развитии сельского хозяйства, но постепенно происходит его подъем на юге Казахстана. К середине XIII—XV вв. относится восстановление оросительных систем в Сыгнаке, на левобережье Сырдарьи, вблизи Отрара. На магистральных каналах, выведенных из Арыси, в конце XIII—XIV вв. складывается земледельческий оазис в четырехугольнике городищ Отрар-Куйруктобе-Алтынтобе и Куюк-Мардан.

Обживаются пригородные зоны у городищ Туркестан, Сауран, Аркук, Аккурган, Сузак.

Иное положение складывается в Жетысу. Земледельческая культура в Илийской долине деградирует уже к середине XIII в., о чем свидетельствуют археологические материалы и письменные источники. Разрушение селений, вытаптывание табунами и отарами посевов, уничтожение садов, политика превращения культурных земель в пастбища обусловили трансформирование Илийской долины к концу XIII в. в район кочевого скотоводства.

Аналогичная ситуация наблюдается в юго-западном Семиречье. Междоусобицы, борьба за власть, разрушение селений и городов привели к тому, что к концу XIII—первой половине XIV вв. и здесь исчезает земледельческая культура, в том числе в Таласской долине. Пожалуй, наиболее яркое описание гибели здесь оседлой культуры принадлежит географу первой половины XIV в. Ал-Омари: «Издали виделось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Окончательный удар по уцелевшим очагам земледельческой культуры Семиречья нанесли походы Тимура.

Однако при Тимуре в Таласской и Чуйской долинах строится ряд опорных крепостей — Аспара, городище Садыр-Курган, доживший до середины XIV в.

Городская культура. Несмотря на опустошение, произведенное монголами, традиционные линии развития городской культуры Южного Казахстана и Семиречья не были прерваны. Инновации, появившиеся в культуре XIII—XV вв., не означали разрыва в развитии культуры предшествующего периода. Такое явление было характерно и для других завоеванных монголами территорий с развитыми городами. На юге Казахстана это прослеживается повсеместно — и в архитектуре, и в жилищном строительстве, и в керамике. Архитектуру XIV—XV вв. исследователи называют одним из наиболее ярких явлений мирового зодчества. Ведущие мастера ее являлись носителями и передатчиками опыта поколений, но никогда не замыкались в рамках лишь этого опыта, обогащая его находками.

В конце XIV—начале XV вв. строится мавзолеем Ахмеда Ясави. Из архитектурных построек XV в. известен уже разрушивший-

ся мавзолеем Кок-Кесене в Сыгнаке. К концу XIV—началу XV вв. относится и перестройка мавзолея Арслан-Бабы вблизи Отрара, постройка соборной мечети в Отраре.

Строительство мечетей, медресе, мавзолеев свидетельствует о дальнейшем распространении мусульманства в среде горожан. К концу XIII—XIV вв. относится формирование мусульманского кладбища в заброшенной центральной части городища Куйрук-тобе у стен разрушенной к тому времени мечети.

Наиболее популярен в среде горожан был суфизм, являвший собой пример приспособления к мусульманской догматике и некоторых обрядов к местным языческим верованиям.

Сохраняются многие традиционные элементы в домостроительстве, в характере планировки и интерьере жилищ. Прослеживается преемственность в производстве керамики, в технологии, формах, орнаментике.

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

Количество городов, топография и типология позднесредневековых городищ. Этот период лучше предшествующих освещен в письменных источниках. Последние содержат довольно обстоятельные сведения о сырдарьинских городах Ясы-Туркестане, Отраре, Сыгнаке, Саурани, Сузаке, Сайраме, Куджане, Аркуке, Аккоргане, Узгенте. К этому времени число городов сократилось до 20, а городищ, датируемых второй половиной XV—началом XVIII вв., — до 23.

Ко второй половине XV в. в письменных источниках уже не встречаются названия северокарауских городов Уросоган, Сугулкент, Кумкент. В низовьях Сырдарьи прекращают существование городище Кыз-кала, на Бугуни — городище Бузуктобе (Чилик), на средней Сырдарье и Куйруктобе и Оксус. В Отраре с середины XV в. пустеет пригород. К XVI в. территория его охватывала чуть больше гектара, и вся городская жизнь сконцентрировалась на центральном бугре.

Сокращение городской территории отмечено для Сайрама, Сыгнака, Узгента, Сузака. Пустеют их рабады, и городская жизнь перемещается в пределы центральной, наиболее укрепленной части. Это зафиксировано не только археологическими материалами. Так, П.П. Иванов на основании опроса старожилов Сайрама пишет о скупенности населения центральной

части города — на территории бывших цитадели и шахристана, где легче было защищаться, отсидеться во время набегов.

Большую роль в политической и экономической жизни региона в XV—XVII вв. стали играть города левого берега Сырдарьи — Аркук, Куджан, Аккурган, Узгент. На северных склонах Каратау лидерство переходит к Сузаку, в Южном Казахстане до ранга столицы быстро возвышается Ясы-Туркестан. Бурный рост последнего начинается после того, как по приказу Тимура здесь возвели мавзолеем над гробницей Ахмеда Ясави и город превратился в идеологический центр Средней Азии и Казахстана. Он становится также центром тимуридских, шайбанидских наместников края, а затем столичной казахских ханов. Столичное положение города подчеркивается активной работой туркестанского монетного двора начиная с 60-х гг. XVI в.

В топографии позднесредневековых городов различаются «хисар» — центральная часть города, обнесенная стеной, и пригородные районы. Хисар, по определению Г.А. Пуганченковой, — «густонаселенная укрепленная часть города, в которой концентрировались правительственные здания, казармы, соборная мечеть, главные рынки и ремесленные мастерские, жилые дома основных городских слоев». Иногда в хисаре дополнительными укреплениями выделялась цитадель-кала. Такие укрепления характерны для

топографии Ясы-Туркестан, Сыгнака, Караспана, Сюткента, Аккурмана. Территория со следами застройки за хисаром была пригородом, сельской зоной, жизнь в которой, как свидетельствуют поздние этнографические материалы, резко отличалась от жизни хисара, собственно города.

Позднесредневековые города Южного Казахстана наследовали планировку домонгольских городищ, имевших в большинстве округлые очертания. Городища, которые имели традиционно подпрямоугольную форму в плане, сохраняли ее и в позднее время, как, например, Сайрам.

Авторы письменных источников редко употребляют по отношению к казахстанским городам термин «шахр» — от персидского «город», который соответствовал административному центру вилайета, крупному населенному пункту, обнесенному стеной. Такой термин употреблялся по отношению к Сайраму и Ясы-Туркестану. Чаще для Ясы, Сайрама, Отрара, Саурана, Сыгнака, Сузака применяли термин *кала*. Так же иногда называли и более мелкие населенные пункты Аркук и Куджан. По отношению ко всем родам применялся термин *балада* — городок, местечко, *наузи* — местность, земледельческое поселение.

Несмотря на разное определение одних и тех же населенных пунктов, все авторы восточных сочинений подчеркивают их торговую значимость, наличие ремесел, мечетей и медресе, оборонительных сооружений, а для Туркестана — столичное положение.

Крупные города являлись традиционными центрами историко-культурных районов: Сайрам — для предгорной зоны Таласского Алатау, Отрар — для низовьев Арыси, Сауран — для средней Сырдарьи, Сыгнак — для нижней Сырдарьи, Сузак — для северных склонов Каратау. Другие были по своему статусу городками. Археологические исследования на городищах свидетельствуют о развитии здесь ремесел, в первую очередь гончарного, железоплавильного, кузнечного, ювелирного. В то же время и города, и городки, по свидетельству письменных источников, имели сильно аграризованный характер. Между тем считать их сельскими поселениями будет неправильно, поскольку им присущи ремесло и торговля. Они являлись своеобразными центрами культурно-экономических контактов с кочевниками.

Структура городов: городской квартал, общественные сооружения, фортификация. Уличная сеть, составляющая скелет города, была достаточно сложной. В Отраре, например,

кроме центральной магистрали, соединявшей южный и северный въезды, зафиксировано еще 6 сквозных улиц, идущих в меридиональном направлении.

Основным застроечным компонентом позднесредневекового города, как и раньше, оставался квартал.

Кварталы Отрара имели вид подпрямоугольных, трапециевидных и многоугольных в плане жилых массивов, пристроенных друг к другу и составляющих вместе плотную застройку. Дома, как правило, открывались на участок магистральной либо на внутриквартальную улочку. Со стороны магистральных улиц кварталы ограничивались глухими стенами, а сообщение происходило через улочки, которые в случае нужды, видимо, закрывались воротами. Квартал состоял из 6-20 домов и охватывал площадь не более 1500 кв. м.

Аналогичная застройка кварталами характерна и для структуры городищ северных склонов Каратау: Рана и Культобе, датированных XVI—XVII вв., городищ Саурана, Котана, Бузука, Кавган-Аты, Кир-Узгена.

Квартал являлся не только территориальной ячейкой города, но и административной единицей, которой управляли городские власти через старшин кварталов.

Социальная картина в кварталах, воссозданная на основе археологических материалов, по-прежнему однородна. Нет кварталов «богатых» и «бедных». В каждом квартале отмечены два-три больших многокомнатных дома, один-два маленьких одно-, двух- и трехкомнатных, остальные приблизительно одинаковы по площади.

Однозначно ответить на вопрос о существовании специализированных кварталов пока невозможно. В Отраре лишь один может быть определен как «квартал гончаров». Все другие разнородны по профессиональному составу жителей. В них встречаются дома гончаров, кузнецов, специалистов по обработке камня, возможно, ткачей (найжены остатки ткацких станков).

Судя по письменным источникам, в позднесредневековых южноказахстанских городищах имелись культовые постройки — мечети, мавзолеи, медресе, ханаки. Сохранилась красочная характеристика медресе XVI в. в Сауране. Теперь же существование их подтверждено и данными археологии, в частности, была открыта мечеть конца XVI—XVII вв. в Отраре, мечети и медресе XVI—XVII вв. в Сауране.

Соборная мечеть XVI—XVII вв. в Отраре находилась в северо-западном углу участка, занимаемого мечетью конца XIV—начала XV вв. Вскрыта центральная часть соборной мечети из жженого кирпича. Сохранились остатки портала мечети и помещение с михрабом, тогда как боковые помещения — крылья, формирующие все пространство мечети, — были или разрушены, это касается юго-восточного крыла, или пока не вскрыты, как в случае с северо-западным крылом.

Вход в мечеть устроен с северо-западной стороны. Сохранились остатки портала в виде конструкций сложной формы — уступчатых стен длиной 6,5 м и шириной 3,09 м. Ширина входа — 5,78 м. Напротив входа находился михраб в виде ниши шириной 1,36 м. Помещение с михрабом имеет в плане вид прямоугольника с уступчатой юго-западной частью, оформляющей михраб и пространство перед ним. Площадь зала — 49,3 кв. м. Из него в оба крыла мечети вели проходы шириной 1,4 м. По внешнему обводу размеры зала с михрабом и порталной частью равны — 9,9 м с юго-западной, и 13,85 м с северо-восточной сторон. Остатки конструкций из жженого кирпича сохранились на высоту от 1,5 до 1 м. Кирпич имеет размеры 25-28×25-28×5 см.

Медресе Саурана, известное своими «качающимися минаретами», входило в состав архитектурного ансамбля, сформировавшегося вокруг центральной площади города. Начаты его раскопки. На Сауране, на центральной площади раскопана соборная мечеть, а восточнее города раскапывается загородняя праздничная мечеть — *намазгох*.

В числе общественных построек города, как и раньше, были бани. Одна из них, построенная в XVI—XVII вв. и дожившая до середины XIX в., сохранилась в Туркестане. Это сложенное из жженого кирпича многокупольная постройка площадью 400 кв. м. Высота ее от уровня современной поверхности 5 м, на 3 м баня заглублена в землю. В числе восьми ее помещений — зал для раздевания, предбанные коридоры, центральный моечный зал с суфой для массажа и двумя моечными, два санитарных помещения. Обогрев осуществлялся при помощи подземных каналов, соединенных с топкой.

По своему устройству баня ничем не отличалась от отрарских более раннего времени.

Фортификация. В период ожесточенной борьбы между степными правителями за обладание сырдарьинскими городами, в ходе которой страдали в первую очередь сами города,

каждый из них должен был иметь мощную систему укреплений. Не случайно стены городов, их высота и неприступность, глубина рвов столь красочно описываются поэднесредневековыми историками. Характеризуя городские укрепления Саурана последней четверти XVI в., один из авторов в их числе называет крепостные стены с башнями «входами и выходами», крепостной вал (*бафе*), ров (*хандах*). «Берега крепостного рва, — пишет он, — снаружи были так глубоки, что походили на реку... От этого рва до вершины крепости около пятидесяти гязов...»

Остатки крепостных сооружений Саурана до сих пор впечатляют. Стены города возведены из пахсовых блоков, чередующихся с кладкой из сырцовых кирпичей. Сохранившаяся высота их достигает 6 м.

Удалось установить периоды ремонта стены, выявив следы пристроек, утолщений. Одна из ранних стен сохранила зубцы парапета — они прямоугольные с овальным завершением.

Городское жилище XVI—XVII вв. продолжает линию развития предшествующего времени.

Но по сравнению с жилищем второй половины XIV—первой половины XV вв. следует отметить появление некоторых новых элементов во внутреннем оформлении помещений. Тандыр переносится из дальнего угла ближе к входу. Площадка *ташнау* как бы «стягивает» второе помещение, дворик либо айван, либо жилое помещение и кладовую. Ташнау не обязательно принадлежность только жилых помещений, есть они в кладовых и во дворах. Суфа, занимающая большую площадь жилого центрального помещения, приподнята над полом на 30-40 см. В нее вмазан тандыр с устьем, выходящим на край суфы. Дымоход начинается с круглого отверстия в стенке тандыра, он проложен в суфе по самому короткому отрезку до стены или угла и соединяется с вертикальным колодцем в стене дома.

На углу суфы обычно напротив тандыра устанавливалась прямоугольная тумба размером 0,5-1×0,5×1 м, назначение ее определено — это площадка для жаровых углей. В общем интерьере помещения тандыр и площадка ташнау перед ним формируют хозяйственную зону. Здесь на бортах суфы, рядом с тандыром, обычно ставили глиняную посуду. На борту или на площадке ташнау лежали жернова от мельничного постава. Встречаются и прежде изготавливаемые специальные круглые тумбы

для стационарного постава. В углах жилого помещения устраивали закрома, куда вкапывали сосуды типа хумчи, кувшины. В стенах помещения располагались ниши для хранения утвари. Суфы застилались сплетенными из камыша или чия циновками, поверх которых расстилали кошму, ватные одеяла. Отпечатки и тлен циновок, а также куски кошмы и ватных одеял обнаружены при раскопках.

Кладовые с закромами-отсеками предназначались для хранения запасов зерна, различных жидких и сыпучих продуктов.

Кроме дворикув у домов имелся айван, открытый в сторону внутриквартальной улочки.

Он, видимо, использовался в качестве загона для скота. Скот, кроме того, как удалось установить, содержали в специальных помещениях домов или в загонах между домами.

Жилища возводились из сырцового кирпича прямоугольного формата. Жженный кирпич квадратный, со стороной 24-26 см при толщине 4-6 см, использовался для вымостки полов, укрепления бортов суфы, устья печей. Встречаются также глинобитные стены и перегородки. В строительном деле использовались каркасные конструкции.

Фундаменты стен отсутствуют. В ряде случаев удается проследить прокладку из камыша

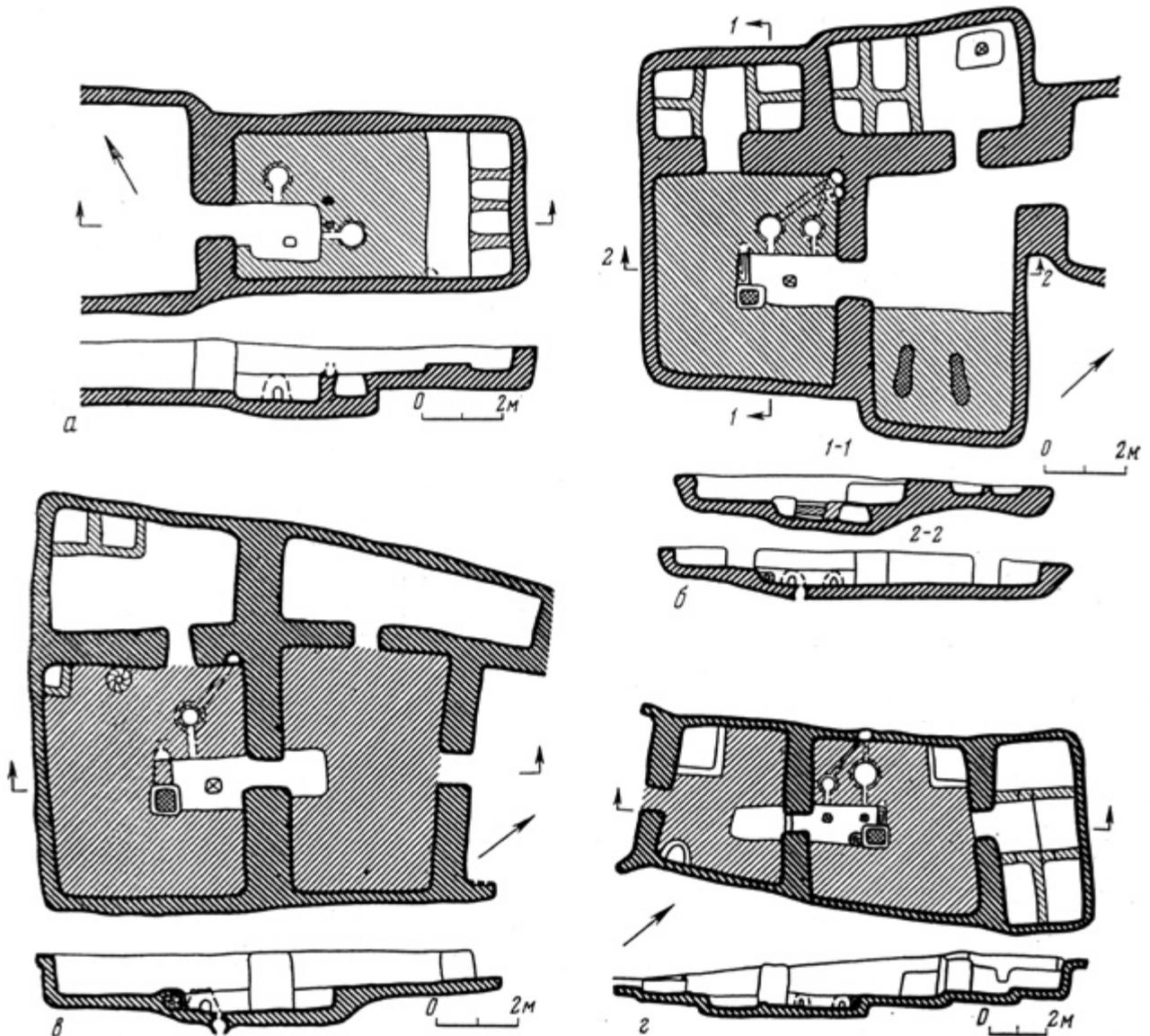

Рис. 6.35. Планы домов XVI—XVII вв.

для изоляции от почвенных солей. Большие помещения, подквадратные в плане, перекрывались так: на центральную прогонную балку клали жерди, опиравшиеся на край стен. Сверху на них укладывался слой камыша, затем обмазанный толстым слоем глины. Прогонная балка опиралась на столб, базой которого служили бревно, плаха, каменная плита либо жернов.

Небольшие пролеты прямоугольных в плане помещений перекрывали кровлей, жерди которой опирались только на стены.

Анализ позднесредневекового жилища показывает его связь с жилищем предшествующего времени. Так, центральное помещение, как и прежде, объединяло в себе функции и жилые, и хозяйственные. В нем четко выделяются различные зоны — жилая, занимающая всю поверхность суфы, и хозяйственная, расположенная в пределах площадки ташнау, участок суфы рядом с тандырами и в углах комнаты.

Наряду с сохранением традиционных черт в планировке и облике позднесредневекового жилища, появляются новые черты.

В домах увеличивается число помещений до 5-6, назначение которых, кроме кладовых, не всегда удается определить. Появляется новый тип полузакрытых двориков.

Заслуживает внимания факт сходства позднесредневекового жилища с жилищем казахов XIX—XX вв.

Изучение быта казахов показало, что на зимовках (кыстау) существовали и однокамерные жилища, разделенные стенами-перегородками на 2-3 комнаты: жилая половина, кухонная и кладовая.

Перегородки высотой до 1,5 м, как правило, не доходили до потолка помещения. Особенность их состоит в том, что они обогревали помещения, так как приставленная к торцу стены глинобитная *печь-казандык* была снабжена дымоходами, которые шли внутри перегородок и выводили дым наружу.

Планировка вытянутых домов типа *коржин-уй* на казахских зимовках близка планировке позднесредневековых жилищ Отрара так называемой *линейной*, или *анфиладной*.

В углах зимних жилищ казахов устраивали зернохранилища и закрома, хозяйственные ямы. В стенах имелись ниши *ойык* для посуды, мелкого инвентаря и светильников.

Позднесредневековое жилище, как удалось относительно недавно установить, почти без изменений сохранялось вплоть до современности в городах и селах Южного Казахстана — как раз в том регионе, где существовала средневековая городская культура. Достаточно характерен список населенных пунктов, где были зафиксированы такие жилища, как Туркестан, Карнак, Икан, Сузак, Чимкент, Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт.

Для исчисления населения Отрара во второй половине XV—начале XVIII вв. был избран тот же метод, который применялся для подсчетов городского населения в более раннее время. Цепочка цифровых построений выглядит так: определение числа домовладений в квартале и численности жителей квартала; определение количества кварталов в городе и числа жителей всего города.

Площадь жилого квартала составляет 1200-1800 кв. м (средняя — 1500 кв. м). Тер-

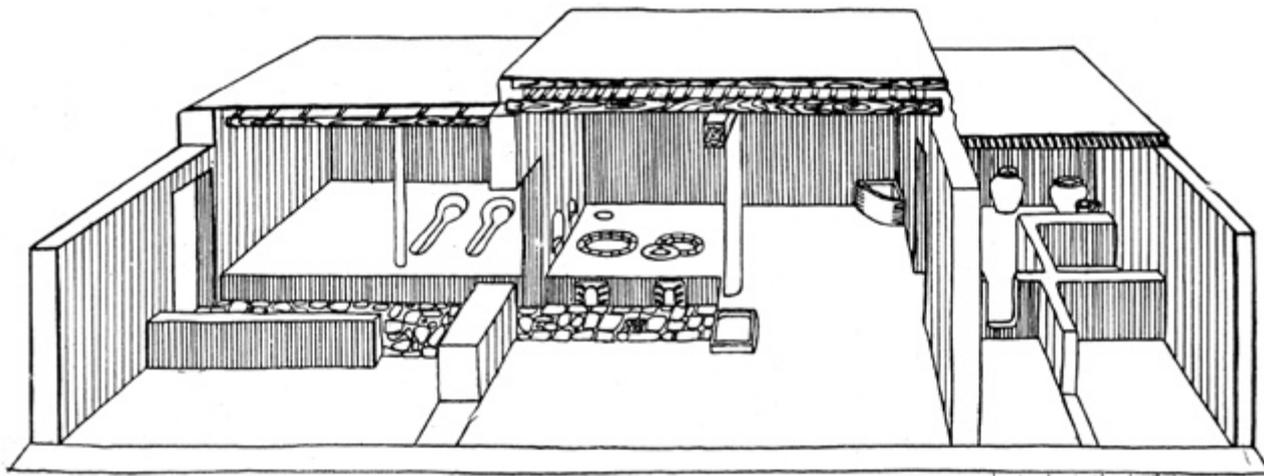

Рис. 6.36. Графическая реконструкция жилого дома, XVIII в. Отрар-тобе

ритория города XVI—XVII вв. равна 20 га, или 200000 кв. м. Четвертая часть ее, согласно общепринятому коэффициенту, была занята зданиями общественного пользования, площадями, магистральными улицами. Тогда на оставшейся застроенной площади 150000 кв. м размещались 100 жилых кварталов.

В каждом квартале насчитывалось от 6 до 12 домовладений, принадлежавших индивидуальной семье, состав которой, по общепринятому мнению, равен 5-7 членам.

В квартале проживало в среднем от 45 до 63 человек, а всего в городе насчитывалось 4500-6300 или в среднем 5500 жителей.

Такое же количество жителей имели Сыгнак (20 га) и Сузак (22 га).

В Туркестане, площадь которого 35 гектаров, насчитывалось 170 кварталов, в них проживало 9180 человек. Сауран был вдвое больше по площади Отрара, в нем должно было быть 11000 человек. Сайрам, имевший площадь 28 гектаров, насчитывал 7560 жителей, а всего в крупных городах обитало чуть больше 44000 человек.

В Карасамане (6 га), Икане (6,7 га), Карнаке (4,5 га), Карачуке (5 га), Сюткенте (6 га), Аркуке

(7 га), Котане (7 га), Узгенте (7,5 га), Аккургане (8 га) проживало от 1500 до 2000 жителей, при числе кварталов от 20 до 40.

В Йаганкенте, Сури, Йункенте, Куджане, Каракуруне и неотожествленных городищах типа Ран, имевших площадь от 1 до 2 га, проживало от 800 до 1000 человек.

Таким образом, число городского населения в период XVI—первых трех четвертей XVII вв. в Казахстане не превышало 70000 человек.

Если признать цифру населения Казахского ханства при Касыме (начало XVI в.) в 1 миллион близкой к реальности, тогда процент оседлого населения в Казахстане в период позднего средневековья составит 7-10%. Небезынтересно сопоставить полученные данные по численности в конце XVI—70-х гг. XVIII вв. с цифрами переписей и сведений о народонаселении всего региона и отдельных городов и селений в XVIII—начале XX вв.

Во второй половине XVIII в. число городского и оседлого населения составляло 8000 человек, для середины XIX в. — 11430, и лишь в конце XIX—начале XX вв. оно возросло до 52600 жителей (без учета переселенцев). От-

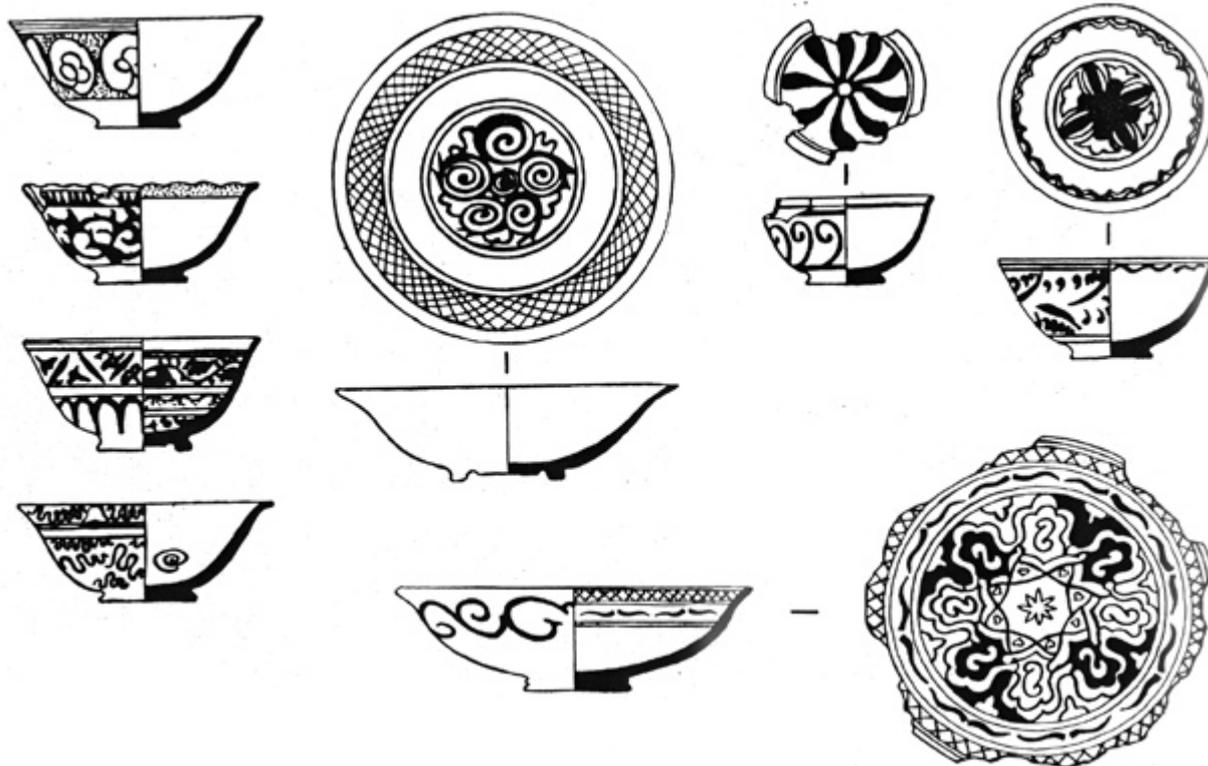

Рис. 6.37. Поливная керамика конца XVI — XVII вв.

меченое сокращение оседлого городского населения в XVIII в., несомненно, подтверждает общий упадок жизни в Южном Казахстане в этот период.

Функции городов. В крупных керамических мастерских производились изделия определенного вида: водоносные кувшины, двуручные горшки и хумы. Специализированный характер носили и небольшие мастерские с печками во двориках. Они производили мелкую и поливную посуду: чаши типа пиалы и кесе, тарелки.

Усиление тенденции к специализации городских мастерских по мере приближения к новому времени подтверждается и этнографическими наблюдениями за характером гончарного производства в Средней Азии. Гончарное ремесло в позднесредневековом южноказахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона. И если в предшествующее время внутренняя организация гончарного ремесла во многом гипотетична, а его специализация только намечается, то применительно ко второй половине XV—началу XVIII вв. можно оперировать понятиями *сото-*

варищество, цеховая организация. Наблюдается специализация мастеров по изготовлению тех или иных видов керамической продукции.

Ремесла. *Металлургия и кузнечное ремесло*, как и прежде, имели в городе широкое распространение, о чем говорят многочисленные находки криц и остатков железоплавильных печей. Пахотные орудия, изготовленные кузнецами, представлены массивными орудиями треугольной формы, сваренными из двух полос железа. Наряду с коваными пахотными орудиями обнаружены и литые.

Ремесленники производили литые чугунных котлов. Из чугуна делали втулки для колес, имевших форму обоймы, с выступами по периметру для крепления втулки и деревянных частей колеса.

Из железа изготавливали серпы, топорычоты, а также другие изделия, необходимые в быту, — штыри, кольца, цепи, крючья, гвозди.

Этнографические наблюдения свидетельствуют о специализации в производстве железа и изделий из него. Так, литые чугуна и изготовление наконечников пахотных орудий, втулок или колес, котлов и светильников находились в

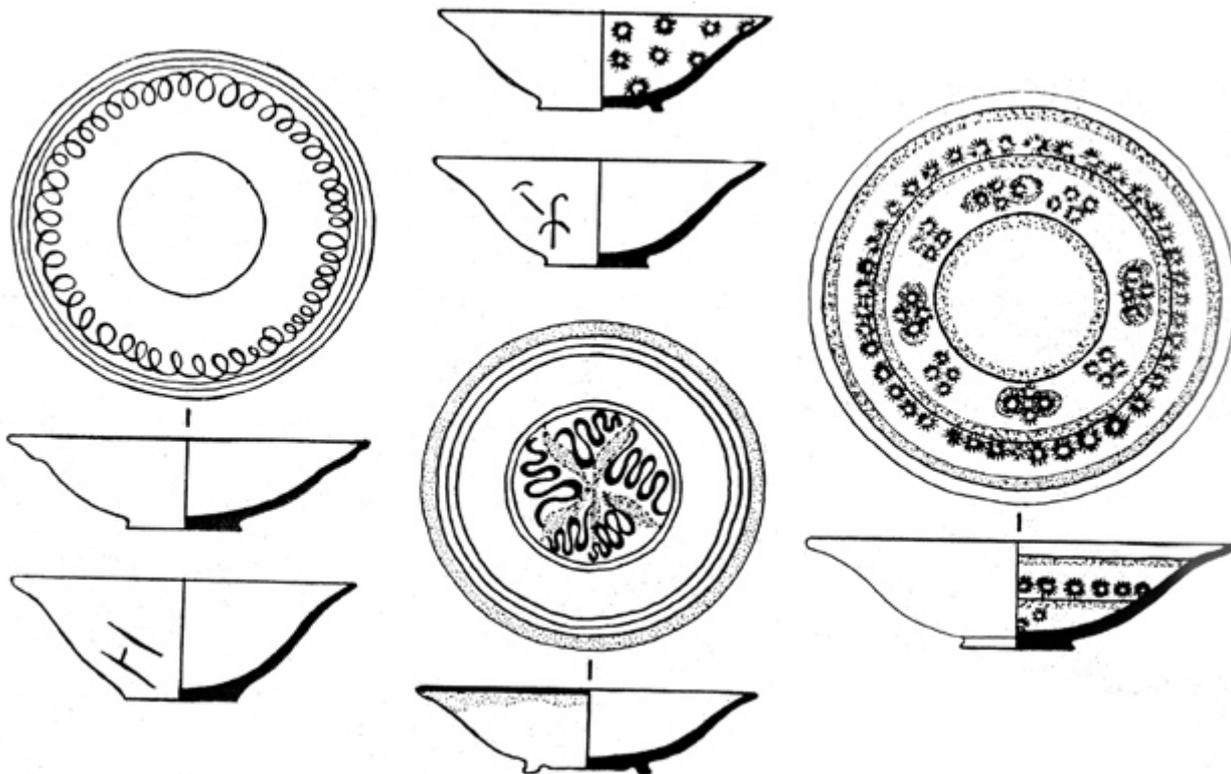

Рис. 6.38. Поливная керамика конца XVII — XVIII вв.

руках чугушников (*чуянгар*) и котельщиков (*дег-рез*). Это был один из наиболее развитых видов ремесла. И в редком городе не было квартала с названием, указывающим на занятие жителей этим ремеслом. Обычно мастерские размещали при жилье, и в центре их устанавливали печи для обжига форм и горны для плавки чугуна.

Небольшая специализация наблюдалась в кузнечном ремесле.

Медницкое дело, как и раньше, играло большую роль в ремесленном производстве города. Об уровне его развития можно судить по фрагментам бронзовой посуды, литым ручкам от кувшинов. Многочисленную группу литых бронзовых изделий составляли различного размера бубенцы и колокольчики. При раскопках Отрара найдены формочки для отливки бубенцов и других изделий.

Браслеты в большинстве своем найдены в обломках, но есть и целые экземпляры, украшенные растительным орнаментом и точечной чеканкой. Концы браслетов иногда оформлялись в виде головок змей.

Ювелиры широко использовали в производстве цветной камень: сердолик, огненный опал, яшму, нефрит, агат, гагат, серпентинит, горный хрусталь. Их вставляли в перстни, а также использовали как поделочный материал для самих перстней. Выделяется группа ромбовидных подвесок из серпентинита, яшмы, нефрита и лазурита. Из цветного камня изготавливали также застежки, бляшки и другие вещи.

Ювелирное ремесло, как свидетельствуют обнаруженные при раскопках изделия, характеризовалось высоким уровнем развития. Мастера знали различные технические приемы: ковку, литье, чеканку, штамповку, гравировку, накладную скань, позолоту, насечку серебром. Им были знакомы способ изготовления серебряной и бронзовой проволоки, гранение и шлифовка, сверление цветного камня.

Традиции высокоразвитого ювелирного ремесла сохранялись и развивались в Казахстане в XIX—начале XX вв. Зергеры-ювелиры выделились из массы других ремесленников. Их продукция успешно конкурировала с привозными изделиями, отличаясь самобытностью форм и узоров.

Бронзолитейщики изготавливали пряжки и бляхи для поясов, пуговицы и бронзовые кольца, пользовавшиеся большим спросом у ко-

чевников. Наряду с литьем они практиковали другие приемы обработки металла — ковку, чеканку, слесарный метод. Видимо, существовала специализация по технике изготовления и по ассортименту изделий из бронзы.

Из *стекла* изготавливали посуду и украшения (бусы, подвески). Посуда представлена кружками, чашами, бакалами, графинами. Встречен бисер из зеленого, желтого, красного и розового стекла.

Обработка кости являлась традиционным ремеслом в казахстанском городе. В качестве поделочного материала использовали рог и трубчатые кости диких и домашних животных. Из длинных берцовых костей лошадей, коров делали ложила для обработки шерсти, приспособления для детской люльки (*сувак*). Для обработки шерсти использовали также ложила, выполненные из крупных астрагалов коровы и лошади. Из лучевых костей в большом количестве изготавливали проколки, шилья.

Об *обработке камня* свидетельствуют ручные жернова из песчаника и гранита, составляющие одну из наиболее частых находок. Из камня изготавливали песты самого различного назначения. Крупные использовали для дробления руды, поэтому они обычно встречаются рядом с ямами для выплавки железа.

Терочки — каменные ядрища различного диаметра из песчаника, кварцита, — судя по обилию, повсеместно служили в хозяйстве и быту, например, для растирания компонентов поливы, дробления песка. Многочисленны находки точильных камней различной формы и размеров.

К сожалению, очень мало сохранилось изделий таких широко распространенных ремесел, как *ткачество, ковроделие, производство изделий из кожи*. О том, что в городах имелись ткачи, производившие ткань, свидетельствуют находки напярслин, отпечатки тканей.

Торговля. Новым явлением в транзитной торговле стало налаживание торговых отношений Средней Азии и России через казахстанские города и степи. Русское государство получало из Средней Азии бумажные ткани, хлопок, шелк-сырец, драгоценные камни, точное оружие и вывозило в Казахстан и Среднюю Азию сукна, атлас, зеркала, меха, серебро.

Торговые караваны шли через казахстанские города Сузак, Карачук, Туркестан. Рузбихан называет Сыгнак торговой гаванью Дашт- и Кыпчака. В эту страну, сообщает он, «со стороны Дашта, из Хаджи Тархана доставляется множество благ, жирных овец и другие ценные товары, как-то: шубы из меха, киша и тина, т.е. из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия... Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дашта торговые сделки и обмен.

В город Йасы привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам». Данные восточных источников подтверждаются археологическими находками. На городищах Отрар, Туркестан, Сауран найдены китайский селадон и фарфор XVI—XVII вв.

Наряду с международной существуют традиционная торговля сырдарьинских городов с кочевым миром и местная торговля. Из степи везли скот, кожи, шерсть, готовые изделия. В сочинении Сейфи, написанном в 1582 г., есть интересные сообщения о торговле казахов. Он пишет: «У них много баранов, лошадей и верблюдов... Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас, их привозят в Бухару и продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы». Из сырдарьинских городов в степь шли хлеб, продукты городских ремесел, ткани.

Торгово-экономические связи имели для той и другой стороны важное значение, не случайно, стремясь ослабить могущество казахов, Шейбани пытался запретить казахам торговать в городах.

Города снабжали окрестное земледельческое и кочевое население необходимыми товарами через базары, представлявшие собой крытые ряды улиц. Дуكان-лавка обычно принадлежала мастеру-ремесленнику и часто служила и мастерской, и местом торговли. Наличие дуканов в Туркестане подтверждается письменными документами, имеющими отношение к вакфам мавзолея Ахмеда Ясави.

О размерах международной торговли и торговли между городом и округой, между отдаленными сырдарьинскими городами можно

судить по нумизматическому материалу, полученному главным образом в ходе раскопок Отрара, Туркестана, Саурана, Караспана. Из Отрара происходят многочисленные медные монеты, которые можно условно разделить на две группы. К первой относится чекан Ясы (Туркестан) и Ташкента. Вторая включает в себя монеты среднеазиатских городов (Бухара, Самарканд). Продукцией туркестанского монетного двора являются, возможно, мелкие медные монетки. Часто на них вместо надписей выбиты различные знаки, аналогичные тамгам на керамической посуде. В городе Ясы выпускалась серебряная монета от имени Искандархана, отца Абдаллаха II (1560—1583).

Абсолютное преобладание медного чекана среди находок, датируемых XVI в., заставляет думать, что в этот период медь играла определяющую роль на городском рынке. Причем это характерно и для всей Средней Азии того времени.

Вопрос об обращении медной монеты в XVII—XVIII вв. является малоизученным в казахстанской нумизматике. Подавляющая часть позднесредневековой меди не имеет четких признаков. Самую многочисленную группу составляют анэпиграфные монеты. На одной их стороне изображен зверь, на другой — птица, у некоторых монет с изображением зверя вторая сторона гладкая.

Основанием для датировки медных кладов служат содержащиеся в одном из них 30 медных русских копеек с именем царя Алексея Михайловича, чеканенные в 1655—1663 гг.

Безымянный чекан городов не преследовал каких-либо политических или фискальных целей и предназначался только для обеспечения рыночной торговли, игравшей важную роль в жизни городов.

Время с конца XVII в. связано с угасанием жизни Отрара, Саурана, Сыгнака, Аккурмана, Узгента, что отражают и нумизматические находки с этих городищ.

Земледелие. В жизни средневековых горожан подсобное занятие земледелием играло важную роль. Горожане имели за городом участки обрабатываемой земли, куда переселялись летом. Об этом в первую очередь свидетельствуют письменные источники. Характеризуя отдельные сырдарьинские города, они называют каналы, которые снабжали население водой и служили для орошения пашен. По данным письменных источников, Туркестан являлся

центром обширного и богатого земледельческого округа. В окрестностях Саурана в XVI в. действовала, как пишет Васифи, кыргызная система орошения, остатки которой были обнаружены археологами. В Сыгнаке, сообщает Рузбихан, «поля орошаются выведенными из Сейхуна арыками». В грамотах из Сыгнака названы арыки Кызылтал, Чихил-Тургай, Ордакент, Калта-Джалгийя, Джулак, Минг-Булак, Арсланды, а также источники Токтамыш, Хараш, Хсарчук. Археологические исследования в районе позднесредневековых городов левого берега Сырдарьи Куджана, Аркука, Узгента, Аккурмана свидетельствуют о том, что орошение здесь базировалось на магистральных самотечных системах, начинающихся в основном в русле Сырдарьи. Города на левобережье также были крупными производителями сельскохозяйственной продукции и прежде всего зерна. В предгорных районах широко практиковались посевы под богару. Вблизи Сайрама находились массивы орошаемых земель. Вода на них поступала из Аксу, Сайрамсу, Бугуни. Отрар и Отрарский оазис XV—XVIII вв. снабжались водой из системы Тимур-арыка, голова которого находилась на Арыси в 10 км выше современного села Шаульдер.

Все эти данные свидетельствуют о большой роли в жизни городов Сырдарьи земледелия, а исследователи городской жизни, опирающиеся на сведения восточных источников, прямо указывают на полуаграрный характер городов, особенно подчеркивая тот факт, что городское население облагалось поземельным налогом — *хараджем*, и то, что источники, упоминая о феодальной эксплуатации, называют некоторые связанные с земледельческими занятиями налоги, распространяющиеся и на горожан. Это *мардикар* — налог для работ по устройству и поддержанию в порядке оросительной сети и *тагар* — продовольственный налог для войск в виде хлеба и фуража для верховых и вьючных животных.

Таким образом, письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о возросшей аграризации городов, одной из функций которых становится не только посредничество в продаже кочевникам зерна и хлопчатобумажных тканей, но и производство этой продукции. Такое положение становится понятным, если учесть резкое сокращение не только городской, но и оседлоземледельческой продукции, тогда как емкость кочевнического рынка не уменьшилась.

Пути развития городской культуры. Важной чертой городской культуры этого времени является ее традиционность. В городах сохраняется планировка, которая сложилась раньше. При жесткой сетке магистральных улиц не меняется система и внутриквартальных улочек и тупичков. Сами кварталы сохраняют свои очертания и границы.

Заметны изменения в интерьере домов. Есть жилища, где используется в большом количестве жженный кирпич (для выстилки полов во двориках, айванах), применяются специальные керамические плитки для украшения устьев тандыров, продолжающих традиции украшения передних стенок тандыров XIII—XIV вв. Видимо, это отзвук культа огня и домашнего очага, распространенного в раннем средневековье и сохранившегося в эпоху ислама в виде антропоморфных очагов и богато украшенных сандалов. Напомним, что такая деталь отопления, как канал тандыра, сближает эту систему отопления с печами казахов. Кроме того, можно найти и другие точки соприкосновения. Это типы суфы в помещениях, земляные очаги, использование в строительстве дернового кирпича.

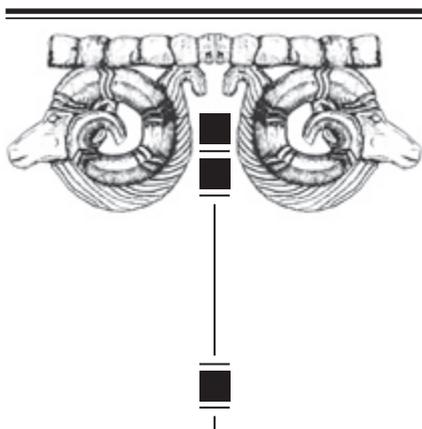
Среди общественных сооружений, украшающих города, традиционной является мечеть, функционируют бани.

Некоторые изменения наблюдаются в производстве глазурованной керамики. Бесцветной, голубой, синей и зеленой поливами покрывались чаши, тарелки, блюда, тагора, двуручные горшковидные сосуды, миниатюрные сосуды. Спектр росписи состоит из черного, голубого, синего, зеленого, коричневого и красного цветов. Роспись растительного и геометрического характера использована в простых и сложных сочетаниях. Распространены реалистические изображения таких растений, как лилия, тюльпан, роза, виноградные листья, встречаются геометрические, реже эпиграфические мотивы.

Прослеживается близость украшений из серебра и бронзы с традиционными украшениями казахов. Это касается пластинчатых браслетов, серег, перстней.

Таким образом, особенностью культуры второй половины XV — начале XVIII вв. является ее традиционность. Представляется особенно важным развитие этой традиции в культуре собственно казахов. Многие из того, что было создано в средневековом городе, становится органической частью культуры казахов, а города Сайрам, Туркестан, Шымкент, Сузак продолжают свое развитие в суверенном Казахстане.

Заключение

Казахстанская археология развивается в системе общемировых научных тенденций как в изучении традиционных научных направлений, так и новых, выдвигаемых требованиями современной науки.

Одним из важных направлений ее является выяснение вопросов происхождения человека и его развития (антропогенез). В культурологическом плане — это изучение культуры эпохи камня (палеолита).

Больших успехов добились исследователи, особенно английской, американской и российской школ палеолитоведения, в изучении взаимодействия природной среды и самих обществ, взятых в их динамическом взаимодействии. Все эти разработки создают надежный фундамент для познания древнейшего прошлого человечества.

Сегодня мировая наука проявляет повышенный интерес к изучению останков людей, обнаруженных в мерзлоте (случайные находки, захоронения), относящихся к разным эпохам. В последнее десятилетие опубликовано несколько крупных исследований по данной проблематике. К их числу относятся изданная в Великобритании монография, посвященная изучению «*мороженных*» объектов, обнаруженных почти на всех континентах Земли, а также трехтомный труд австрийских ученых, в котором собраны материалы всестороннего изучения знаменитого «Айсмена» (человека, найденного в горах Швейцарии).

Изучение археологических реалий, полученных при раскопках «мороженных курганов» Алтая, публикация полевых наблюдений, материалов об особенностях захоронений и погребального обряда, анализ артефактов проведены российскими учеными Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным, казахстанским исследователем З.С. Самашевым.

Исследования захоронений в мерзлоте открыли новое и перспективное направление на стыке археологии и генетики.

Прорыв в области генетики дал возможность открыть новое и очень перспективное направление в археологии — *исследование молекулярной генетики* социальных групп и родов. В настоящее время получают развитие две линии: генетическая история племен и генетические связи на индивидуальном уровне. Эта сфера науки открывает мощный пласт доселе сокрытых знаний, связанных с изучением древнего общества.

Возможность интерпретации полученных молекулярно-генетических данных будет значительно расширяться в дальнейшем по мере накопления информации по современным популяциям.

Актуальным направлением в археологической науке продолжает оставаться комплексное изучение древних обществ. Оно именуется как *социальная археология*. Археологическое изучение урбанистических центров и небольших поселений, общественных зданий и отдельных «частных» домовладений, агроирригационных систем и караванных дорог, ювелирных изделий и производственного инвентаря мастерских древних ремесленников дает основу для моделирования социальной и политической структуры общества. Появляются новые и развиваются уже давно появившиеся методы моделирования.

Одним из фундаментальных направлений в рамках социальной археологии стала *этноархеология*. Это объясняется тем, что теперь сами археологи занимаются полевым изучением того, что ранее было достоянием этнографов. Соответственно по-иному расставляются акценты и решаются научные проблемы.

Археология окружающей среды — на сегодняшний день очень быстро развивающаяся дисциплина. В рамках этой дисциплины можно выделить множество всевозможных направлений, применяющих различные методы исследования. Наиболее известные из них: изучение древних береговых линий, древнего ландшафта, растительной среды, микро- и макрофаунистического комплекса. Широкий круг специалистов работает над решением задач, поставленных археологией, это карпологи и почвоведы, геоморфологи и палинологи.

Перспективным и новым направлением в археологической науке на сегодняшний день стал, например, процесс сбора данных, анализа и воссоздания древнего ландшафта. Именно древний ландшафт и является сценой разворачивания многочисленных процессов, в суть

которых и стремится проникнуть археология. Современные аэро- и космоснимки дают информацию о современном ландшафте, а поэтому предпочтительнее использовать старые архивные планы, карты, фотографии вместо современных мало полезных текстур (аэро- и космоснимков), для того, чтобы определить антропогенное воздействие на древнюю среду и проанализировать процесс ее изменения. Каждая деталь может установить искомую взаимосвязь в модели, создаваемой специалистом в Геоинформационной интернациональной системе и стать фундаментальной частью в направлении будущего исследования.

Тщательное изучение остеологического материала, собираемого в ходе археологических раскопок могильников и поселений, открыло возможность изучения фауны, а также диеты древних обитателей. Для этого проводится серия анализов на предмет наличия в костях минералов и микроэлементов.

Важное направление в археологии — *изучение древних технологий*. В этой сфере господствующими стали экспериментальная археология и серия разнообразных естественнонаучных методов. Широко применяются металлография и серия химических анализов в области изучения палеометалла.

Торговые пути, их комплексное изучение, документация, выделение основных трасс и многочисленных ответвлений — еще одно, бурно развивающееся направление в археологии. Оно настолько широко, что отдельные исследователи зачастую пытаются использовать весь багаж накопленных знаний для достижения максимально высоких результатов.

Столь же важным и широким направлением в последнее время стало изучение искусства и религии — *познавательная археология*, которая пытается проникнуть в мышление и мироощущение древних через изучение материальных остатков.

Археология и общественность — направление в науке, вмещающее в себя понятие о работе над уже собранной и изданной сухой научной документацией и аналитикой, проделанной для презентации исследованного памятника широкой публике. Эта сфера вмещает в себя такие сложные аспекты, как научная консервация, реставрация и музеефикация.

В последнее время археологическая наука, впитывая новейшие достижения технического прогресса, открыла новые перспективы для изучения прошлого. Магнито- и электрораз-

ведка, спутниковые съемки и геоинформационные системы, различные методы датировок, ставшие более надежными и точными, вошли в археологическую науку.

Всякое археологическое исследование сейчас, как правило, начинается с тщательного изучения аэрофото и топографических карт. Развитие цифровой аппаратуры позволяет теперь по-новому взглянуть на аэрофотографию путем манипулирования резкостью и контрастом изображения. Кроме того, соединение большого количества изображений в одно при помощи различных компьютерных программ ускоряет и облегчает рутинную часть исследований. Использование ГИС и аэрофото позволило ученым достичь небывалых высот в аналитической сфере.

Получение, обработка и анализ топографических данных приобретают в последнее время особенное значение, в основном, благодаря широкому внедрению электронных тахеометров и специфического программного обеспечения. В археологических кругах большой популярностью пользуется микротопография, когда выбранный для исследования объект документируется с высокой детализацией. Отцифрованная топографическая информация, перенесенная в интерактивную среду, предстает теперь в виде трехмерных моделей, позволяя не только усилить визуализацию, но и решить ряд вопросов касательно изучения древних и современных ландшафтных ситуаций.

Некоторое время назад фотографии Земли, сделанные из космоса, были мало применимы в археологии в связи с их большим масштабом и отсутствием деталей. Но после открытия для широкого обозрения данных со спутников, фиксирующих земную поверхность путем записи интенсивности отражения света, а также инфракрасного излучения и переноса электронных данных в фотоизображение, космоснимки стали сверхпопулярны в археологической среде. Теперь космосъемка является одной из основополагающих в проектах, нацеленных на изучение агроирригационных систем, древних ландшафтов, городов.

Все более «модным» в науке становятся так называемые безраскопчные методы документации археологических объектов. Конечно, ни космо-, ни аэроснимки, ни топография не могут показать отдельные детали, например, построек, находящихся под землей. Для получения этих скрытых в земной толще дан-

ных без использования радикальных методов исследования (раскопок и проб) или же для того, чтобы уточнить расположение элементов объекта для более аккуратного и в то же время быстрого проведения исследований, в мировой науке широко и успешно применяется целый спектр дистанционного сбора данных. К таким методам относятся сейсмо- и акустические исследования, в процессе использования которых фиксируются звуковые волны и на основе полученных данных делаются выводы о расположении погребенных структур; принцип электрического сопротивления, — чем влажнее грунт, тем выше проводимость и наоборот, — стал основополагающим в использовании нового метода дистанционного исследования.

Магниторазведка — самый популярный способ, наиболее успешно используемый в поисках и локализации построек, созданных из обожженной глины. Именно эти структуры имеют магнитное поле, которое можно зафиксировать при помощи магнитометров. Использование металлодетекторов не только в ходе поиска металлических объектов, но и других структур, находящихся под землей, принесло успех в ходе проведения ряда научных археологических проектов. Термография, детальное картографирование растительного покрова, геохимические анализы грунта — естественнонаучные методики — приняты археологией как вспомогательные средства научного исследования.

Компьютер как инструмент, не только ускоряющий всевозможные процессы в различных отраслях науки и техники, но и открывающий абсолютно новые неизвестные доселе горизонты научных знаний, «ворвался» во все проводимые научные исследования и зачастую изменил их направление. В мировой археологии теперь широко применяется термин, ставший очень модным в последнее десятилетие, — *виртуальная археология*.

Методы создания виртуальной реальности в археологии — реконструкция, трехмерная графика, иммерсивное отображение — позволяют собрать информацию, которую сложно увидеть, сделать ее доступной, визуальной, диалоговой (интерактивной), а также открывают новые — пути презентации исследования. Моделирование в области виртуальной археологии дает возможность использовать все современные знания, начать размышление об объекте в интерактивной пользовательской презентации.

Для сбора и обработки необходимой информации на помощь археологии пришло много всевозможных компьютерных программ и технического оборудования. Наиболее популярными компьютерными программами являются AutoCAD с многочисленными его приложениями, а также геоинформационные системы. Что же касается технического оборудования, то бесспорные лидеры здесь электронные тахеометры разных моделей и модификаций, упомянутые выше, цифровые камеры, а также очень широко распространенные и применяемые приемники системы глобального позиционирования (GPS).

Больших результатов археологическая наука добилась в области хронологии и новейших естественнонаучных методов для определения относительной и абсолютной датировки. Упомянем некоторые из них: радиоуглеродный, калий-аргоновый, изотоп урана, хлор-36, термолюминесцентный метод, архео- и палеомагнетизм, метод определения степени окисления углерода, датировка по пыльце растений, по фаунистическим останкам, дендрохронология. Новые обширные данные, получаемые в ходе использования всевозможных методов датировки, позволяют корректировать устоявшиеся ранее теории, выстраивать новые хронологические цепочки, находить место фактам в исторической канве. Бурное развитие и широкое использование многочисленных методов датировки наглядно представляет эту область как актуальную и приоритетную.

Несмотря на то, что научно-технический прогресс способствовал созданию всевозможных компьютерных программ и оборудования, адаптированного для применения в сфере археологии, эта область остается слабой и воспринимается отечественными специалистами зачастую как «ноу-хау», хотя на западе археологическая наука достигает наибольших успехов именно благодаря широкому и повсеместному использованию этих средств.

В отечественной науке применение, например, электронных тахеометров (лазерных теодолитов), без которых с трудом представляется процесс сбора качественной документации, — явление новое, но с каждым полевым сезоном все более набирающее обороты.

Несомненно, крупным шагом вперед стало использование приемников системы глобального позиционирования, позволяющих географически фиксировать памятник с точностью до 5-15 метров. Эти аппараты есть теперь фактически у каждого археолога.

В западных университетах и негосударственных организациях, занимающихся археологической практикой, существуют отделы по исследованию компьютерного обеспечения, дающего возможность точнее, глубже и презентабельнее снять и обработать данные. Эти группы специалистов исследуют не памятники как таковые, а цифровые системы с целью выяснения возможностей последних на предмет изучения памятников. Деятельность же отечественных специалистов в области применения компьютеров в науке по большей степени сконцентрирована на отцифровке текстовых документов и фотоизображений.

В последнее время наметилась необходимость создания научных групп технической направленности, своего рода авангарда, теоретически осваивающего, а затем на практике применяющего новейшие компьютерные программы в казахстанских археологических исследованиях.

Археологи обращаются к областям точных наук и приглашают к сотрудничеству узких специалистов — геологов, химиков, почвоведов, палинологов, геоморфологов. Комплексные данные открывают новые перспективы исследований. К сожалению, методы, имеющиеся на вооружении этих ученых, требуют модернизации, а зачастую и вовсе замены на альтернативные новейшие разработки.

На вооружении ученых-археологов должны находиться новейшие компьютерные разработки, технические средства, возможность работы с широкими данными спутниковых исследований земли, методами точных наук, помогающих установить абсолютный возраст, дать данные по расположению сокрытых в земле структур, проанализировать составы растворов древних кладок и так далее.

Заполнение этого пробела уже началось, но для успешного продолжения этого процесса необходимо создание технических отделов, условий для командировок для повышения квалификации, финансирование проектов по свободному доступу в Интернет, проведение спецкурсов, мастер-классов, тренингов, семинаров, лекций.

В развитии новых направлений в археологии, освоении методик мирового уровня, внедрении новых технологий в документирование археологического материала будут заложены успехи и достижения археологии Казахстана в ближайшее время.

Библиография

Глава I

Агеева Е. И., Заднепровская Т. Н. Библиография по археологии и древней истории Сырдарьи и Семиречья // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1960. Т.7. — С.271-307.

Акишев К. А. Археологические исследования в Казахстане // Историческая наука Советского Казахстана. — Алма-Ата, 1990. — С.231-246.

Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана: Обзор. — Алма-Ата, 1989.

Археологические исследования в Южном Казахстане (1970-1980-е гг.): Обзор. — Алма-Ата, 1984.

Байпаков К. М. Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана: Обзор. — Алма-Ата, 1990.

Байпаков К. М. Археологические исследования в Казахстане (1991-1995). Российская археология. №1. — М., 1996. — С. 232-248.

Байпаков К. М. Историография древнего и средневекового Казахстана (из истории изучения археологических памятников в Казахстане). Проблемы археологии и их разработки. История исследований культуры Казахстана. — Алматы, 1997. — С.19-46.

Байпаков К. М., Петенева Г. Г. Институту археологии 10 лет // Известия Министерства образования и Национальной Академии наук РК. Серия общественная. № 1. 2001. — С. 3-31.

Байпаков К. М., Воякин Д. А. Тенденции и перспективы развития археологии Казахстана. // Известия Национальной Академии наук РК. Серия общественная. № 1, 2005. — С. 3-28.

Бурнашева Р. З. Отрар. Отрарский оазис и Южный Казахстан: Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов. VII—XVII вв.: Обзор. — Алма-Ата, 1989.

Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. — Екатеринбург, 1992.

Савельева Т. В. Обзор литературы по археологии Казахстана (1963—1972 гг.). В глубь веков. — Алма-Ата, 1974.

Савельева Т. В., Костина Д. Отрар. Отрарский оазис и Южный Казахстан; Проблемные исследования Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1971—1985 гг.: Обзор. — Алма-Ата, 1987.

Таймагамбетов Ж. К. История изучения палеолита Казахстана // Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана (археология). — Алма-Ата: Издательство «Наука» КазССР, 1989. — С. 22-40

Глава II

Алексеев В. П. От животных к человеку. — М., 1969.

Аллысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Баженов В. Г., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. — Алма-Ата, 1962.

Гохман И. И. Палеолитическая стоянка Пещера на Бухтарме. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 67. — С. 54-58.

- Дебец Г. Ф.* Начальные этапы становления человека (древнейшие и древние люди). У истоков человечества. М., 1964.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К.* Ашельские комплексы Мугоджарских гор. — Новосибирск, 2001.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. и др.* Раннепалеолитические комплексы в травертинах Южного Казахстана. — Новосибирск, 2000.
- Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. — Петропавловск, 1993.
- Калиева С.С.* Поселение Кожай 1. — Алматы, 1998.
- Калиева С.С., Логвин В. Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. — Кустанай, 1997.
- Клапчук М. Н.* Галечные орудия местонахождения Музбель в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата, 1970. — С. 217-226.
- Клапчук М. Н.* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата, 1969. — С. 217-226.
- Любин П.* Нижний палеолит. Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Медоев А. Г.* Ареалы палеолитических культур Сары-Арки // По следам древних культур. — Алма-Ата, 1970. — С. 200-217.
- Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. и др.* Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из верхнего Прииртышья. — Алматы, 2000.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитическая стоянка им. Ч. Ч.Валиханова. — Алма-Ата, 1990.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолит Казахстана (основные проблемы): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада. — Новосибирск, 1993.
- Таймагамбетов Ж. К., Норхина Т.И.* Археологические комплексы пещеры Караунгур. — Туркестан, 1998.

Глава III

- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987.
- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н.* Петроглифы в горах Кульжабасы. — Алматы, 2004.
- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Потанов С. А., Горячев А. А.* Петроглифы в горах Ешкиольмес. — Алматы, 2005.
- Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 2002.
- Ермолаева А. С.* Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987. — С.64-94.
- Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей: Культурная и социально-экономическая обусловленность. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989. — С. 179-189.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Мавзолеи северного Тегискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. — М., 2001.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. — Алма-Ата, 1992.
- Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. — Алма-Ата, 1977.

- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1986.
- Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата, 1959. Т. 7. — С.86-161.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата. 1966.
- Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979.
- Новоженков В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. — Алматы, 1994.
- Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата, 1958. Т.5. — С. 216-294.
- Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. — Алма-Ата, 1992.
- Софоклин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане // МИА СССР. — М.-Л., 1962. Т.120.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — М.- Л., 1966.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. — М., 1992.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА СССР. — М.- Л., 1960. Т.88.

Глава IV

- Акишев К. А. Курган «Иссык». — М., 1978.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата, 1984.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987.
- Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. — Алма-Ата, 1989.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. — М., 1973.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи. — М., 1992.
- Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек. Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 84-93.
- Кушаев Г. А. Этюды древней истории степного Приуралья. — Уральск, 1993.
- Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. — М., 1971.
- Левина Л. М. Этнокультурная история восточного Приаралья. — М., 1996.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. — Алма-Ата, 1968.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966.
- Полосмак Н. В. Всадники Укока. — Новосибирск, 2001.
- Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. — М., 2000.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. — Алматы, 2000.
- Сдыков М. Н., Гуцалов С. Ю., Бисембаев А. А. Сокровища скифов Западного Казахстана. — Уральск, 2003.

- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // *Археология СССР*. — М., 1992.
- Тасмагамбетов И.* Кентавры Великой степи. — Алматы, 2003.
- Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962.
- Черников С. С.* Загадка золотого кургана. — М., 1965.

Глава V

- Арсланова Ф. Х.* Новое в археологии Казахстана. // Памятники Павлодарского Прииртышья. — Алма-Ата, 1969. — С. 98-111.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1989. *Байбосынов К.* Каменные изваяния Жамбылской области. Алматы, 1996.
- Бернштам А. И.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. // *МИА СССР*. — М.-Л., 1952. Т.26.
- Бисембаев А. А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). — Уральск, 2003.
- Досымбаева А. М.* Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. — Жамбыл, 2002.
- Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. — Новосибирск, 2004.
- Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIX вв.). — М., 1988.
- Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XII в. из могильника Тосмола // По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата, 1970. — С. 42-53.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. — М., 1964.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. С.-Пб., 2000.
- Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нура // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата, 1969. Т.7. — С. 248-261.
- Новгородова Э. А.* Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал г. Мерке) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. Всесоюзная ассоциация востоковедов. Археологические источники. — М., 1989. — С.136-176.
- Новгородова Э. А., Печерский А.* Раннесредневековые скульптуры кыпчаков // Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып.10. — М., 1986. — С.22-40.
- Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. — С.-Пб, 1994. — С. 133-147.
- Самашев З., Жетибаев Ж.* Казак петроглифтері. — Алматы, 2005.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // *Археология СССР*. — М., 1981.
- Табалдиев К.* Курганы из средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
- Цинман М. З.* Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. — Алма-Ата, 1992.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. — М., 1966.

Глава VI

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата Т. 5.1958. — С.3-215.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII—XV вв. — Алма-Ата, 1987.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.

Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата, 1962. Т.14.

Байпаков К.М., Нуржанов А. Великий Шелковый путь и средневековый Казахстан. — Алма-Ата, 1992 (На каз.яз.).

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. — Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. Древние города Казахстана. — Алматы, 2005. (На каз., русс. яз.).

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Жетысу. — Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. — Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. — Алматы, 2001.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Городище Жайык. — Алматы, 2005.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. — М.-Л., 1963.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА СССР. — М.-Л., 1952. Т.26.

Горячева В.Д. Город золотого верблюда. — Фрунзе, 1988.

Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. — Алма-Ата, 1985.

Жолдасбайулы С. Жетісу тарихы (XVI—XVIII ғғ). — Алматы, 1996.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. — Алма-Ата, 1970.

Красная Речка и Бурана. — Фрунзе, 1989.

Кожаяев М. Отрардағы керамика өндірісі. Керамическое производство Отрара. — Түркістан, 1996.

Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. — Алма-Ата, 1972.

Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия // Археология. — М., 1999.

Смагулов Е.С., Григорьев Ф. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. — Алматы, 1998.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайшык, Saraichik, Сарайчик. — Алматы, 2001.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962.

Содержание

От авторов	3
Введение	4
Глава I. История археологического изучения казахстана.....	13
Глава II. Каменный век.....	41
Климат в эпоху каменного века	41
Нижний палеолит	46
Поздний палеолит.	58
Мезолит, неолит, энеолит.	66
Энеолит	77
Глава III. Памятники казахстана в эпоху бронзы.....	81
Андроновская культура: вопросы происхождения и периодизации.	81
Памятники Восточного Казахстана	84
Памятники Северного и Центрального Казахстана	89
Археологические памятники Жетысу-Семиречья	102
Памятники эпохи бронзы Южного Казахстана	108
Памятники Западного Казахстана	115
Поселения бронзового века Устьурта	116
Хозяйство, культура, общество	117
Глава IV. Памятники раннего железного века: саков, усуней, кангюй, хунны, савроматов и сарматов.....	129
Скифо-сакская проблема.	129
Саки.....	131
Политическая история усунь.....	133
Государство Кангюй.....	135
Государство Хунну	137
Савроматы, сарматы	139
Археологические памятники Восточного Казахстана.	141
Тасмолинская культура саков Центрального Казахстана.	147
Сакские курганы Жетысу.	150
Археологические памятники Усуней	156
Памятники саков Приаралья.	168
Памятники Отрарско-каратауской культуры.	180
Памятники Каунчинской культуры.	192
Памятники джетыасарской культуры.....	195
Вопросы атрибуции древностей хунну.	204

Савроматские памятники.	208
Сарматские памятники	212
Хозяйство, быт и общественный строй ранних кочевников	216
Глава V. Памятники кочевых племен эпохи средних веков.....	226
Средневековые государства.....	226
Археологические памятники кочевников.	239
Хозяйство средневековых кочевников.....	254
Идеология и искусство.....	260
Глава VI. Средневековые города казахстана по письменным и археологическим источникам	270
Великий Шелковый путь Казахстана.	270
Города Южного Казахстана, междуречья Таласа и Чу.....	271
Города Илийской долины и Приджунгарья	284
Сырдарьинские города.....	292
Города Центрального, Восточного и Западного Казахстана.	301
Динамика средневековой урбанизации Казахстана в V – первой половине IX вв.	305
Города и поселения во второй половине IX – начале XIII в.....	314
Городская культура Казахстана в XIII – первой половине XV	326
Городская культура Казахстана во второй половине XV – начале XVII вв. 333	
Заключение.....	343
Библиография.....	347

Учебное издание

*Байпаков Карл Молдахметович
Таймагамбетов Жакен Кожжахметович*

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

Учебное пособие для студентов
высших учебных заведений

Редактор *В.Н. Сейткулова*
Дизайн и компьютерная верстка *Я.И. Кожевников*

ИБ № 3498

Подписанов в печать 30.06.06. Формат 84×108М/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Baskerville Cyrillic». Печать офсетная.
Объем 22,5 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № ____
Издательство «Қазақ университеті» Казахского национального университета
им. аль-Фараби. 050038, г.Алматы, пр. аль-Фараби, 71, КазНУ.
Отпечатано в типографии ____